

НАУЧНОЕ
НАСЛЕДСТВО

ИВАН
МИХАЙЛОВИЧ
МАЙСКИЙ

ДНЕВНИК
ДИПЛОМАТА

J. Maisky

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АРХИВ

ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик В. С. Мясников (председатель),
кандидат исторических наук Н. В. Бойко (ученый секретарь),
академик Г. М. Бонгард-Левин,
член-корреспондент РАН В. И. Васильев,
доктор исторических наук В. Д. Есаков,
кандидат технических наук Э. П. Карпеев,
член-корреспондент РАН В. П. Козлов,
доктор исторических наук Б. В. Левшин,
академик И. М. Макаров,
доктор экономических наук В. М. Орел,
академик Н. А. Платэ,
доктор технических наук А. В. Постников,
академик Ю. В. Прохоров,
член-корреспондент РАН Л. П. Рысин,
доктор исторических наук Г. И. Смагина,
академик Б. С. Соколов,
доктор исторических наук И. В. Тункина,
академик РАО С. О. Шмидт

МОСКВА НАУКА
2009

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 33

ИВАН
МИХАЙЛОВИЧ
МАЙСКИЙ

ДНЕВНИК ДИПЛОМАТА

Лондон
1934 – 1943

В двух книгах

Книга 2

В двух частях

Часть 2

22 июня 1941 – 1943 год

Ответственный редактор
академик А. О. ЧУБАРЬЯН

Составители:

кандидат исторических наук Ю. А. НИКИФОРОВ,
доктор исторических наук Л. В. ПОЗДЕЕВА,
доктор исторических наук О. А. РЖЕШЕВСКИЙ

МОСКВА НАУКА
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
М14

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-01-16078д*

Редакционная коллегия тома:
В.С. МЯСНИКОВ, А.А. ЧУРИЛИН

Рецензенты:
доктор исторических наук Б.В. ЛЕВШИН,
доктор исторических наук Г.С. ОСТАПЕНКО

Майский Иван Михайлович

Дневник дипломата. Лондон. 1934 – 1943 : в 2 кн. / Иван Михайлович Майский ; сост. Ю.А. Никифоров, Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский ; отв. ред. А.О. Чубарьян. – М. : Наука, 2006 – . – (Научное наследство ; Т. 33 : в 2 кн.). – ISBN 5-02-034011-1.

Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941 – 1943 год. – 2009. – 398 с. : ил. – ISBN 978-5-02-036985-6.

Во второй части книги 2 Дневника И.М. Майского рассмотрена его деятельность на посту советского посла в Великобритании до конца июля 1943 г., отражено начало его работы в качестве заместителя министра иностранных дел СССР. Представлен новый материал о военном сотрудничестве двух стран, взаимодействии и разногласиях союзников, особенно по вопросу о втором фронте. Интересные данные содержатся о внутривнутриполитическом положении Великобритании, об истории консервативной и лейбористской партий, настроениях различных групп общества; приведены беседы с крупными деятелями британской культуры.

Для историков и читателей, интересующихся событиями нашего прошлого.

Темплан 2009-І-229

ISBN 5-02-034011-1
ISBN 978-5-02-036985-6 (кн. 2, ч. 2)

- © Никифоров Ю.А., Поздеева Л.В., Ржешевский О.А., составление, 2009
- © Никифоров Ю.А., Поздеева Л.В., Ржешевский О.А., примечания и комментарии, 2009
- © Никифоров Ю.А., Поздеева Л.В., краткие сведения о часто упоминаемых лицах, 2009
- © Матвеева А.М., Никифоров Ю.А., указатель имен, 2009
- © Министерство иностранных дел Российской Федерации, архивные материалы, 2009
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Научное наследство» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 1980 (год возобновления), 2009
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2009

ДНЕВНИК*

1941 год

(22 июня – 30 ноября)

22 июня

Война!

В 8 час[ов] утра меня разбудил телефонный звонок из посольства. Спеша и волнуясь, Новиков* сообщил, что Гитлер объявил войну СССР и что в 4 часа утра германские войска пересекли нашу границу.

Я разбудил Агнию^{2*}. О сне, конечно, не могло быть и речи. Мы быстро оделись и спустились вниз, чтобы послушать 9-час[овое] английское радио. За несколько минут до этого Новиков опять позвонил мне: Иден^{3*} желает меня видеть в 11.30 утра.

Мы наскоро позавтракали, прослушали 9-час[овую] передачу, которая ничего не прибавила к тому, что мы уже знали, и поехали в Лондон. В посольстве нашли массу людей, шум, кутерьму и всеобщее возбуждение. Оно походило на встревоженный улей.

Когда я собирался садиться в машину, чтобы ехать к Идену, мне сообщили, что в 11.30 будет выступать по радио т[ов]. Молотов¹. Я попросил Идена отложить наше свидание на полчаса, чтобы я мог предварительно прослушать [выступление] наркома. Иден охотно согласился. Сидя у аппарата, с карандашом в руках, я слушал, что говорил т. Молотов, и кое-какие пункты записывал.

В 12 час[ов] я был в ФО. Меня ввели в кабинет Идена. Момент был несомненно большой, серьезный, исторический. Закрывши глаза, можно подумать, что все в такой момент должно быть каким-то необычным, торжественным, величественным. На самом деле было иначе. Иден, как всегда, поднялся с кресла и с приветливым лицом сделал несколько шагов мне навстречу. Он был в простом сереньком костюме, с простым мягким галстуком, и левая рука его была наскоро перевязана какой-то белой тряпочкой. Видимо, он чем-то порезал себе ладонь. Тряпочка держалась плохо, все время соскальзывала, и Иден в ходе беседы то и дело ее поправлял. Вид Идена, его костюм, его галстук и особенно эта белая тряпочка как-то сразу сняли весь налет «историчности» с нашей встречи. Та небольшая доза торжественности, которая была у меня в душе, когда я переступал порог кабинета Идена, сразу испарилась при виде белой тряпочки. Стало как-то просто, обычно, прозаично. И это ощущение еще больше усилилось, когда

* Пояснения о принципах работы над текстом автора см.: Дневник... М., 2009. Кн. 1, ч. 1. Раздел «От составителей».

* Новиков К.В. – советник посольства СССР в Великобритании.

^{2*} Майская Агния Александровна — супруга И.М. Майского.

^{3*} Иден Антони – министр иностранных дел Великобритании в 1940–1945 гг.

Иден начал свою беседу с того, что стал меня самым обыкновенным образом расспрашивать о событиях на фронте и о содержании речи т. Молотова. В этом «обыкновенном» тоне была выдержана вся сегодняшняя встреча с Иденом. На память мне невольно пришло заседание парламента 3 сентября 1939 г., в котором Чемберлен^{4*} сообщил палате о начале войны. Тогда это заседание мне тоже показалось каким-то слишком простым, обычным, ординарным, лишенным надлежащей «исторической торжественности». Видимо, в жизни все бывает гораздо проще, чем это описывают романисты и историки.

Не останавливаюсь на содержании моей беседы с Иденом² (она в приложении^{5*}).

Вечером в 9 час[ов] я с затаенным дыханием слушал по радио выступление Черчилля. Сильное выступление! Прекрасное выступление! Конечно, премьеру пришлось кое-где заняться «перестраховкой» по части коммунизма – как для Америки, так и для собственных консерваторов. Но это уже детали. В основном речь Черчилля – боевая, решительная речь: никаких компромиссов и соглашений! Война до конца! Это как раз то, что сейчас больше всего нужно.

Одновременно пришел ответ из Москвы на вчерашний вопрос Криппса^{6*}: совпра готово сотрудничать с Англией и не возражает против приезда британских миссий в СССР³.

Я позвонил Идену и просил передать Черчиллю мое полное удовлетворение его выступлением. Одновременно я условился о свидании с Иденом на след[ующее] утро.

Итак, война! Неужели Гитлер ищет самоубийства?

Мы не хотели войны, очень не хотели войны. Мы делали все возможное для того, чтобы ее избежать. Но раз германский фашизм навязал нам войну, пощады быть не может. Будем драться твердо, решительно, упорно до конца, как подобает большевикам. Сначала с германским фашизмом, а там дальше видно будет.

27 июня

Пятый день войны. Окидывая общим взглядом английскую ситуацию, можно констатировать след[ующее]:

1. Первый тур политического обеспечения войны, поскольку речь идет о Великобритании и ее империи, выигран. Расчет Гитлера был совершенно ясен: ударить на восток, воскресить свою славу «спасителя европейской цивилизации от большевистского варварства», внести раскол в общественное мнение «демократий» и добиться либо выгодного мира с ними, либо, по меньшей мере, фактического выхода их из войны до тех пор, пока он не расправится с «большевиками». Этот расчет Гитлера пока полностью провалился. Ни Англия, ни Америка не попались на гитлеровскую удочку. О причинах британской воинственности мне уже приходилось говорить. Атака Гитлера против СССР не только не ослабила, но, наоборот, усилила действие этих причин, поскольку в результате ее «единый фронт» в стране (а, стало быть, и социальная почва под буржуазией) укрепился и открылись реальные возможности победы над Германией. США в данном случае пошли за Англией.

^{4*} Чемберлен Невил – премьер-министр Великобритании в 1937–1940 гг.

^{5*} В дневнике отсутствует.

^{6*} Криппс Ричард Стаффорд – посол Великобритании в СССР в 1940–1942 гг.

2. На этом фоне чрезвычайно крупную и положительную роль сыграл Черчилль. Его басня об «оптимистической лягушке»⁴ неожиданно оправдалась, и он, не колеблясь и не ожидая ни минуты, бросил на чашу весов все свое влияние и красноречие. Радиоречь премьера вечером 22 июня была не только замечательна по форме и внутренней силе – она с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР⁵. Иден мне рассказывал, что моя беседа с ним утром 22[-го] не осталась без эффекта* на выступление Черчилля: он передал последнему мои пожелания, и в результате Черчилль внес некоторые изменения в подготовленный текст речи (кстати, при выработке текста «советы» подавали Иден, Бивербрук^{2*} и Вайнант^{3*})⁶. Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубиной немедленно, не дав ни кому опомниться. Это сразу [за]дало тон – и здесь, и в Америке. Вайнант мне прямо признавался, что без речи Черчилля Вашингтон не занял бы так быстро и так определенно той позиции, которая была сформулирована Самнер Уэллсом^{4*} вечером 23[-го]⁷. Не иначе и здесь, в Англии. По свидетельству многих, замешкайся Черчилль с[о] своим выступлением, протяни 2–3 дня – и антисоветские элементы в стране сумели бы внести немало смуты и разложения в общественное мнение. Но премьер действовал с молниеносной быстротой – и спас положение. За кулисами премьеру сильно помогали Иден и Бивербрук, а также Вайнант. Что делали в этот критический момент лейбористские министры? Они «безмолвствовали», а некоторые даже просто саботировали.

3. Итак, первый тур выигран. Англия с нами. Надежды Гитлера на сепаратный мир с «демократиями» пока провалились. Все это хорошо. Но есть и темные пункты. Во-первых, в чем выразится помощь Англии? И будет ли она действительно серьезной? На этот счет у меня нет уверенности. В частности мне не совсем ясно, бомбят ли англичане сейчас западную Германию до максимума своих возможностей. Во-вторых, в общественном мнении пока явно чувствуется bewilderment^{5*}. Психологически это понятно. Только недавно «Россия» считалась скрытым союзником Германии, чуть ли не врагом, – и вдруг на протяжении 24 час[ов] она стала другом! Переход был слишком крут, и британская mentality^{6*} еще не успела приспособиться к новому положению. Это, между прочим, было очень заметно на заседании парламента 24[-го], где Иден выступил с речью о нападении Германии на СССР. Речь в общем была не плоха, но реакция на нее была холоднее, чем можно было ожидать. Равным образом, когда 25[-го] на большом завтраке (до 400 чел[овек]) в честь премьера Н[овой] Зеландии Фрэзера^{7*} председатель лорд Натан^{8*} поднял тост в честь «успеха России», а я ответил ему несколькими словами благодарности, – реакция аудитории была более прохладной, чем то вызывалось бы обстоятельствами. Надеюсь, что в дальнейшем психология англичан стабилизируется и нынешнее bewilderment пройдет.

* Так в тексте.

^{2*} Бивербрук Уильям – министр снабжения Великобритании.

^{3*} Вайнант Джон – посол США в Великобритании.

^{4*} Далее – Уэллес Самнер – заместитель государственного секретаря США.

^{5*} Недоумение, замешательство (англ.).

^{6*} Умонастроение, склад ума (англ.).

^{7*} Фрэзер (Fraser) Питер – премьер-министр Новой Зеландии в апреле 1940–1949 г.

^{8*} Натан Гарри Луис (1889–1963), барон – лейборист.

4. В-третьих, наконец, во всех кругах наблюдается большой скептицизм в отношении эффективности Красной Армии. В военном министерстве считают, что наше сопротивление продлится не больше 4–6 недель. В кулуарах парламента у всех на устах один и тот же вопрос: сможет ли Красная Армия противостоять Рейхсверу? В «Ньюс кроникл» от 25[-го] в передовице можно найти такие слова: «Если случится чудо, и сопротивление Красной Армии протянется до осени, то...» и т.д.; «если, наоборот, Красная Армия крахнет через несколько недель (а с такой возможностью приходится серьезно считаться), то...» и т.д. Во всех разговорах, которые я имел в течение этих 5 дней с людьми самых различных званий, состояний и политических симпатий (включая рабочие депутации), все время прощупывается одна и та же нота: «А устоит ли Красная Армия?» Здесь несомненно сказываются последствия многолетней антисоветской пропаганды плюс гипноз военного могущества Германии, так ярко демонстрированного на протяжении этой войны. Ход событий на фронте окажет решающую роль на британские настроения в этой области.

29 июня

Закончилась первая неделя войны. В общем я доволен ее результатами.

Правда, мы потеряли часть территории Литвы и Западной Белоруссии (если верить немцам, Ковно, Гродно, Вильно, Брест-Литовск), но это не так важно. Территория, занятая немцами, не имеет естественных рубежей и, надо думать, особо серьезных укреплений, ибо мы получили ее меньше двух лет назад. Но зато немцам нигде не удалось прорвать фронта, а главное, с полной очевидностью обнаружилось, что Красная Армия в состоянии меряться силой с Рейхсвером⁸. Я не сомневался в этом и раньше, но минувшая неделя явилась хорошей проверкой моего априорного мнения.

Первая неделя даже превзошла мои ожидания. Я был вполне подготовлен к тому, что в течение первых дней у нас будут неудачи и частичные поражения. Подготовлен к этому я был по двум причинам. Во-первых, немцы, как атакующая сторона, должны были иметь на своей стороне преимущества сюрприза, выбора пунктов нападения и сосредоточения на этих пунктах превосходных* сил. Во-вторых, немцы, конечно, лучшие организаторы, чем мы. Немецкие планы всегда разработаны до мельчайших деталей и подготовка к выполнению планов обычно бывает 100-процентная. Только когда все это имеется налицо, дается сигнал к наступлению. Наши планы и наша подготовка по большей части далеко не столь совершенны. В нашей работе еще слишком много «ничего» и «авось». Кроме того, нам всегда требуется известное время на то, чтобы «раскачаться». Вот почему немцы как раз в первую-вторую неделю должны были иметь преимущество. Лишь позднее, если бы дела у нас пошли не так хорошо, мы нажали бы «плечом» и перешли бы к бешеной активности «в ударном порядке».

Действительность пока оказывается более благоприятной, чем я ожидал. Посмотрим, что принесет вторая неделя. Ибо не подлежит сомнению, что события минувшей недели явились лишь первой пробой сил, в которую немцы еще не ввели свои основные части.

* Так в тексте.

3/7* – Эффект речи Ст[алина] хорош⁹. В печати (особ[енно] «Ивн[инг] станд[ард]»), парламенте и пр. сильное впечатл[ение]. Отмеч[ены] три момента: 1) речь свид[етельствует] о непрекл[онной] решим[ости] идти до конца, 2) также [о] прочности сов[етского] режима, иначе Ст[алин] не решился бы так откров[енно] говорить о серьезн[ости] полож[ения]. 3) Заявление, что только теперь гл[авные] силы К[расной] А[рмии] начинают входить в игру, располагает к изв[естному] оптимизму.

6 июля (Бовингдон)*

Закончилась вторая неделя войны. На душе стало несколько спокойнее. Конечно, до смерти жаль, что наши лучшие силы, наше молодое поколение гибнут тысячами на полях битв, что море крови орошает нашу советскую землю. Но зато уже не только в нашем патриотически настроенном воображении, но и на практике, на деле доказано, что Красная Армия может померяться силами с Рейхсвером, что она может устоять пред сокрушающим напором германского механизированного Атиллы. Я был убежден в этом и раньше, но, часто наблюдая, как wishful thinking^{2*} искривляет перспективу у англичан, я иногда задавался вопросом: а нет ли и у меня известных элементов wishful thinking в отношении Красной Армии?

Теперь эти сомнения рассеяны. Правда, у нас есть большие потери людьми, танками, самолетами и территориями. За минувшую вторую неделю войны немцы переправились через Зап[адную] Двину и дошли до Острова, перешли Прут и вступили в Бессарабию, продвинулись к Березине и район Новоград-Волынска, но не это важно. Важно то, что нигде немцам не удалось серьезно прорвать наши линии и ликвидировать сопротивление Красной Армии. Наш фронт по-прежнему цел и крепок, хотя он постепенно отодвигается на восток, наша армия сильна и боеспособна, наши запасы танков и авиации не истощаются. Как и раньше, мы стоим твердой, непобедимой стеной, защищая нашу родину, пред атакой механизированного Атиллы¹⁰.

Наоборот, у немцев положение все больше осложняется. Потери их огромны (700 тыс. убитых и раненых за первые две недели войны), 6–7 механизированных дивизий разбито, не меньше 2000 самолетов уничтожено, линии их коммуникаций удлинняются и затрудняются, партизанская борьба и саботаж в оккупированных районах делают их жизнь все более несносной¹¹. Целый ряд симптомов свидетельствует о том, что первая волна германской атаки, начатая 22 июня, выдыхается, не дойдя не только до Москвы и Киева, но даже не везде донеся немцев до старых границ СССР (1939 г.).

Разумеется, было бы величайшей глупостью воображать, что острие германской атаки уже сломлено. Ничего подобного. Выдыхается первая волна, но за ней придет вторая, а за второй может прийти третья. Гитлер при этом пойдет на все, чтобы прорваться: пустит в ход газ, а может быть, и еще что-нибудь похуже. И было бы, конечно, непростительным легкомыслием заранее кричать, что мы немцев шапками закидаем. Враг силен, коварен и опасен. С нашей стороны потребуются еще величайшие жертвы и усилия прежде, чем мы разгромим гер-

* Запись сделана от руки.

* Бовингдон – селение недалеко от Лондона, где снимал дом бывший глава испанского правительства Х. Негрин. По его приглашению И.М. Майский с супругой проводили у него уик-энды.

² Выдавать желаемое за действительное (англ.).

манский фашизм. Не исключено, что мы потеряем еще значительные территории, города, промышленные районы.

Однако уже сейчас совершенно очевидно, что «коса нашла на камень». Впервые Гитлер столкнулся с армией, которая в вооружении, методах войны, тактических приемах может померяться с его собственной, а в числе и морали превышает его армию. Больше того, впервые Гитлер столкнулся со страной, которая монолитна внутри и которая имеет руководство, далеко превосходящее по твердости, мудрости и уверенности его собственное. Речь т. Сталина, которую я прослушал по радио в ранние утренние часы 3 июля, – документ величайшего исторического значения. Основной смысл ее может быть сформулирован просто: отечественная война до конца! До победы! Никаких колебаний! Никаких компромиссов! Ни фунта хлеба, ни литра бензина врагу!

Забавно звучат жалобы германского радио, что мы ведем войну не по «правилам»: немецкие танковые колонны прорываются через наши линии, а наши армии не признают себя окруженными и продолжают упорно сражаться с главными силами врага. Территория оккупирована германскими войсками, а мы не слагаем оружия, мы развертываем в ней партизанщину, мы организуем саботаж, мы уничтожаем при отступлении все, что может пригодиться неприятелю. Как это не «ортодоксально»! И как это неприятно для германского командования! Не то еще увидят. Это только цветочки.

Да, мы несомненно победим. Весь вопрос лишь в том, когда и какой ценой?

12/7

Переговоры с ЮС о пакте. Симович* и Нинчич^{2*} принимают наш текст, довольны, что мы не настаиваем на «Нац[иональном] Ю[го]С[лавском] Комитете»¹².

13 июля (Бовингдон)

Закончилась третья неделя войны. На душе стало еще спокойнее. Конечно, впереди много, очень много тяжелого: потери людьми и возможно территорией, страдания и лишения мирного населения, бомбардировки городов, пожары сел и деревень. Однако теперь еще яснее, чем неделю назад, что Красная Армия – достойный противник Рейхсвера, что она устояла при первом страшном ударе германских полчищ, что она имеет все основания устоять при дальнейших ударах и затем, в свое время, когда сила врага станет выдыхаться, перейти в наступление против него.

Вся минувшая неделя была топтанием на месте около одной и той же линии фронта (Остров, Полоцк, Лепель, Борисов, Бобруйск, Новоград-Волынский, Черновицы, Прут)¹³. Было совершенно очевидно, что энергия первой германской атаки выдохлась, и что на линии фронта начинает устанавливаться нечто вроде временного равновесия, конечно, временного. Ибо не подлежит сомнению, что за этой первой уже выдохнувшейся атакой последует вторая и, вероятно, еще более жестокая.

Однако в ней будет уже отсутствовать элемент неожиданности, который сыграл значительную роль в первые дни войны (между прочим, несколько сот[ен] самолетов были уничтожены немцами на аэродромах), а с другой стороны,

* Симович Душан – премьер-министр эмигрантского правительства Югославии.

^{2*} Нинчич Момчило – министр иностранных дел югославского правительства в изгнании.

Красная Армия встретит вторую атаку уже «обстрелянной» и лучше организованной. Одним из проявлений этого последнего является создание позавчера трех «фронтов» – северо-западного (Финляндия, Прибалтика) под командой Ворошилова, западного (к северу от Припятских болот) под командой Тимошенко и юго-западного (к югу от Припятских болот плюс Бессарабия) под командой Буденного¹⁴. Главкомом же будет – «де-факто», если не «де-юре», – т[ов]. Сталин. Допускаю, что при этой второй атаке мы еще потеряем в территории, но не сомневаюсь, что разбить Красную Армию немцам не удастся.

Сегодня в 2 часа дня по радио в Лондоне и в Москве было сделано торжественное сообщение: вчера вечером в Москве между СССР и Англией был подписан договор о военном союзе. Обе стороны обязуются оказывать друг другу во время войны всемерную помощь и не заключать ни сепаратного перемирия, ни сепаратного мира¹⁵.

Очень хорошо!

Помню, около двух лет назад, при отъезде военной англо-французской делегации в Москву во время тогдашних переговоров о пакте взаимопомощи, я записывал в своем дневнике, что логика вещей, вопреки субъективным стремлениям сторон, толкает СССР и Англию на блок против Германии. Ибо такова международная ситуация. Я оговаривался, однако, что эта общность интересов обеих стран кончится и пути их могут разойтись, если и когда в порядок дня [в]станут проблемы окончательного размежевания между капитализмом и социализмом. После того, как в моем дневнике были написаны эти строки, произошло много событий, которые как будто бы полностью опровергали мою концепцию: пакт о ненападении с Германией, сближение с Берлином по экономической и политической линии, ссора с Англией во время советско-финской войны, холодно-враждебные отношения между Лондоном и Москвой в течение минувшего года... Не раз на протяжении этого периода я задавал себе вопрос: не ошибся ли я в своем прогнозе? Правильна ли моя концепция, записанная в дневнике в августе 1939 г.? Не следует ли мне внести в нее какие-либо коррективы?

Какой-то внутренний голос, однако, всегда твердил мне: нет, ты не ошибся! Твоя концепция правильна! И никаких коррективов* в свой дневник я не записывал. И вот теперь жизнь меня оправдала: СССР и Англия – союзники. Общими силами они ведут смертельную борьбу против Германии.

«Пути сошлись наши» могут сказать обе страны. Но ничто не вечно. «Пути» могут разойтись... При разных обстоятельствах. В особенности, если и когда в порядок дня в той или иной форме будет поставлена проблема капитализма и социализма.

Воображаю, как торжествует Криппс! Мечта его жизни (по крайней мере, с начала войны) осуществилась. Кроме того, на его улице успех. Это страшно укрепляет его позиции. Он вернется в Англию триумфатором к великому неудовольствию и смущению разных Ситриных, Бевиных^{2*}, Аттли^{3*}, которые в

* Так в тексте.

^{2*} Ситрин Уолтер М. – генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов, председатель Международной федерации профсоюзов; Бевин Эрнест – один из лидеров правого крыла лейбористской партии Великобритании, министр труда.

^{3*} Далее – Эттли Клемент – лидер лейбористской партии, лорд-хранитель печати.

прошлом году услали его в Москву, чтобы избавиться от беспокойного и опасного конкурента, и которые на протяжении минувшего года сделали так много, чтобы помешать Криппсу иметь хотя бы тень успеха в вопросе об улучшении советско-английских отношений. Лейбористская верхушка уже чувствует в воздухе опасность и заранее пытается парировать ее чисто английским путем: Transport House^{4*} предлагает Криппсу вернуться в лоно партии. Посмотрим, что делает Криппс...

Есть еще один человек, который сейчас торжествует – Иден. С 1935 г., со времени своей поездки в Москву, он был и остается сторонником максимального сближения с СССР. Он не колебался в этой своей установке ни разу, даже в самые плохие моменты советско-английских отношений. Теперь и его мечта осуществилась. Он тоже чувствует себя победителем. Звезда его сейчас стоит высоко на политическом небе. Позавчера, сообщая мне о предстоящем подписании союзного договора, Иден был страшно возбужден и взволнован. Мы говорили о переговорах с поляками, чехами, югославами, о воздействии на Иран, где скопилось слишком много немецких «экспертов» и «туристов», о положении в Сирии. Иден пошутил:

– У меня голова кругом идет от всех этих переговоров и соглашений... Боюсь перепутать и to make wrong treaty with wrong man^{5*}.

Потом, перейдя на более серьезный тон, Иден с явным волнением в голосе сказал:

– Надеюсь, что не позже, как через 48 часов, мы станем союзниками. Это то, к чему я стремился столько лет!

Мир бьется в жестоких противоречиях. Сегодня мы наблюдали яркую иллюстрацию к этому положению.

С момента вступления СССР в войну в Англии вспыхнула трагикомическая controversy^{6*}. С прошлого года ББС^{7*} ввела порядок: по воскресеньям перед 9 час[овыми] новостями по радио передавать национальные гимны всех союзников. После 22 июня естественно встал вопрос: исполнять по радио «Интернационал» или нет? Казалось бы, ясно: исполнять. Но позвольте: ведь «Интернационал» не только национальный гимн СССР, но и боевая песня международного пролетариата, в частности боевая песня Британской Компартии. У тысяч английских Блимпов^{8*} волосы при этом встают дыбом. И вот началась драка – в прессе, в парламенте, в общественной жизни. Страболги^{9*} поднял вопрос в палате лордов и получил от своего же товарища по партии лорда Снелла^{10*}, выступавшего от имени правительства, совершенно нелепый ответ. Сильвермен^{11*} поставил тот же вопрос в палате общин. Правительством и здесь был дан тот

^{4*} Транспорт-хаус – исполком Профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих; штаб-квартира лейбористской партии.

^{5*} Заключить не то соглашение и не с тем человеком (англ.).

^{6*} Дискуссия (англ.).

^{7*} Би-Би-Си.

^{8*} Обывателей.

^{9*} Страболги Джозеф – лейборист, лидер оппозиции в палате лордов (1938–1942).

^{10*} Снелл Генри (1865–1944) – лейборист, заместитель лидера оппозиции в палате лордов.

^{11*} Сильвермен Сэмюэл Сидней – лейборист, председатель Британской секции Всемирного еврейского конгресса.

же глупый ответ: СССР-де не является «союзником» в общепризнанном смысле слова. После этого в палате разыгрался маленький скандал.

10[-го] вечером к нам зашла леди Криппс. Рассказала о драке вокруг «Интернационала» и по поручению Батлера^{12*} «в совершенно частном порядке» спросила, является ли «Интернационал» нашим единственным национальным гимном или есть еще какой-либо другой? Я разъяснил, что «Интернационал» наш единственный гимн. 11 июля мне звонил Дафф Купер^{13*} и спрашивал, нельзя ли «Интернационал» заменить какой-либо иной советской или русской песней? Он, напр[имер], слышал, что после речи Молотова 22 июня оркестр исполнил «Марш Кутузова», – нельзя ли было бы «Интернационал» заменить «Маршем Кутузова»? Разумеется, я заявил категорический протест против такого намерения. 12[-го] я был у Дафф Купера для разговоров об организации «культурного сближения» между нашими странами. Во время беседы Дафф Купер опять спросил, нельзя ли «Интернационал» заменить чем-либо иным? Я еще раз категорически возразил против такого намерения. Из разговора с Дафф Купером выяснилось, что за кулисами всей этой драки стоит сам Черчилль. Он заявляет: для России готов сделать, что угодно, но не дам коммунистам наживать политический капитал на «Интернационале». Странный человек!.. Под конец Купер сказал, что найден такой выход из затруднения: в воскресенье 13[-го] в последний раз исполняются национальные гимны вообще, а после того они вообще отменяются. Вместо национальных гимнов каждое воскресенье будет исполняться национальная музыка всех союзников по очереди. Я пожал плечами и заметил, что характер программы ББС – внутреннее дело Англии, однако меня все-таки удивляет причина, которая вызвала предположенное изменение в этой программе.

Сегодня в 2 часа дня было объявлено о заключении военного союза^{14*} между СССР и Англией. Я с любопытством ждал, что нам преподнесет ББС в 8.45 вечера. И что же? Первым номером в программе национальных гимнов пошла... очень красивая, но мало известная советская песня. «Интернационала» не было. А после песни были переданы по порядку все прочие национальные гимны.

Я был возмущен, и вместе с тем мне было смешно. Я был возмущен тем, что, несмотря на мое двукратное предупреждение, Дафф Купер все-таки заменил «Интернационал» другим мотивом. Лучше бы ББС вообще ничего советского не выполняла^{15*}. Особенно odd^{16*} все это выглядело в день объявления о заключении союза между обеими странами. Смешно мне было потому, что страх пред исполнением «Интернационала» наглядно демонстрировал внутреннюю слабость Англии. Мы не побоялись бы исполнить «God Save the King»^{17*}, если бы оказались в аналогичном положении. СССР и Англия представляют две разные цивилизации, и этот маленький, но весьма характерный эпизод достаточно ясно показывает, что английская цивилизация не очень-то прочно стоит на ногах.

^{12*} Батлер Ричард Остин – парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании (1938–1941).

^{13*} Купер Альфред Дафф – министр информации.

^{14*} Правильно – соглашения, см. примеч. 15.

^{15*} Так в тексте.

^{16*} Странно (англ.).

^{17*} «Боже, храни короля!» (англ.).

Мы сидели за обеденным столом, когда ББС продемонстрировала трусость и глупость бритпра. Агния страшно взволновалась и стала возмущаться моим спокойствием и моим смехом (я стал издеваться над бритпра). Она даже воскликнула:

– Я вижу, что мы зря провели в Англии все эти девять лет!

Потом она не выдержала, вскочила из-за стола и убежала в слезах. Мне пришлось долго ее успокаивать. Реакция Агнии произвела сильное впечатление на всех сидевших за столом (Негрины^{18*}, Блюм^{19*}, Касарес^{20*}, чета Нозль Бекеров^{21*} и чета Шинов^{22*})... И, может быть, это будет иметь неплохие политические последствия.

20 июля

Вчера утром я получил «личное послание» Сталина Черчиллю¹⁶ с просьбой перевести его на английский язык и немедленно вручить по назначению. Была суббота. Утром я видел Идена по иранским делам и просил его устроить мне свидание с премьером. Иден в порядке «личного вопроса» поинтересовался, следует ли ему присутствовать при вручении «послания». Я ответил, что «послание» посвящено военно-стратегическим вопросам. Тогда Иден воскликнул:

– Если так, то дело обойдется и без меня.

Идену, видимо, почему-то не хотелось присутствовать при вручении «послания». Может быть, потому, что он уже расписал свои планы на «уик-энд» и ему было жаль их ломать.

Около часу дня Иден позвонил мне из ФО и сообщил, что Черчилль примет меня в 5 час. дня, но просит приехать в Chequers*, где он проводит «уик-энд»¹⁷. Закончив перевод «послания» и переписав его на машинке (из конспирации делал все сам), отправился за город. Погода капризничала: то шел дождь, то загоралось солнце. Тетерев, никогда до того не бывавший в Chequers, несколько запутался, сбился с дороги, и, когда мы наконец подъехали к загородной резиденции премьера, было уже почти 5.30. Выходило нескладно, но делать было нечего.

Молоденький секретарь встретил меня у дверей и повел к премьеру.

– Пьют чай, – по дороге бросил он.

Темные залы, старые картины, странные лестницы... Все, как полагается, в солидном, добротном английском доме, насчитывающем несколько веков от роду. Я, впрочем, не знаю, как стар Chequers. Может быть, он и сравнительно молод, – конечно, по-английски.

Наконец, секретарь широко распахнул дверь, и я очутился в большой светлой комнате в виде продолговатого прямоугольника. Здесь было шумно и оживленно. Миссис Черчилль сидела за столом и разливала чай. За столом и около стола было несколько молодых людей обоего пола. В стороне у окна сидел гене-

^{18*} Негрин Хуан – глава испанского правительства в эмиграции.

^{19*} Имеется в виду Изабелла Блюм (1892–1975).

^{20*} Касарес Кирога Сантьяго (1884–1950) – премьер-министр Испании (1936).

^{21*} Далее – Нозль-Бейкер Филипп Джон – лейборист, член палаты общин.

^{22*} Не установлено.

* Чекерс – с 1921 г. официальная загородная резиденция премьер-министров Великобритании (графство Бэкингемпшир).

рал Исмей^{2*}. Все это говорило, смеялось, перекидывалось замечаниями. В воздухе стояла трескотня. Сам Черчилль, одетый в какой-то странный серо-синий комбинезон с поясом (не то рабочая одежда каменщика, не то костюм для «шелтера»^{3*}), сидел в другом конце комнаты и с какой-то молодой, красивой девицей играл в «Halma»^{4*}. Он дружески пожал мне руку и в ответ на мои извинения по поводу опоздания добродушно прибавил:

– Ничего, ничего!.. Выпейте чашку чаю, а я пока доиграю партию.

Миссис Черчилль гостеприимно усадила меня рядом с собой, а рыжеволосая жена Рандольфа^{5*} стала угощать меня разными печениями. Выпил две чашки. Съел несколько бисквитов. Вспомнили Рандольфа. Жена его пожаловалась, что не ожидает скоро увидеть мужа. Рассказала с гордостью, что «бэби Винстон»^{6*} уже начинает ходить.

Наконец, премьер встал из-за игры и, кивнув головой собравшимся, повел меня вниз в какой-то большой и неудобный «drawing room»^{7*}. Мы сели на диван у камина, и я передал Черчиллю «личное послание» Сталина. Премьер стал его читать медленно, внимательно, все время справляясь с географической картой, которая нашлась здесь же поблизости. Было видно, что он доволен – доволен самым фактом получения «личного послания» – и не старается этого скрыть. Когда Черчилль дошел до того абзаца, где Сталин говорит, что положение наших армий сейчас было бы неизмеримо хуже, если бы им пришлось начинать сопротивление с[о] старых, а не с новых границ СССР, он остановился и воскликнул:

– Совершенно правильно! Я всегда понимал и оправдывал политику той «ограниченной экспансии», которую Сталин проводил в последние два года.

Когда премьер дочитал «послание» до конца, я спросил его, что он о нем думает. Черчилль ответил, что для этого он должен посоветоваться с своим штабом. Пока же он может сделать лишь некоторые предварительные замечания. Концепция северного фронта в Норвегии ему нравится. Это возможно. На это он готов пойти. Готов он в надлежащий момент перебросить туда и легкую дивизию, хотя она будет не норвежской (таковой дивизии вообще не существует), а смешанной. Да, план наступления на севере Норвегии с тем, чтобы оттуда постепенно спуститься на юг Скандинавии, очень привлекателен. Эта операция могла бы сильно укрепить позицию Швеции. И как бы в доказательство своих слов Черчилль подошел к телефону, вызвал к трубке начальника морского штаба адмирала [Д.] Паунда и начал его расспрашивать о подготовке предполагаемой в конце месяца морской операции адмирала Вайана^{8*} и воздушной операции авиаматки в районе Петсамо¹⁸. Ответы Паунда, видимо, не вполне удовлетворили премьера. Он торопил Паунда, он отдавал ему приказания резким, несколько раздраженным тоном.

Но зато по вопросу о втором фронте во Франции Черчилль сразу занял отрицательную позицию. Это невозможно. Это рискованно. Это кончится катастро-

^{2*} Исмей Гастингс Лайонел – начальник личного штаба У. Черчилля и заместитель секретаря кабинета по военным вопросам.

^{3*} От англ. shelter – укрытие.

^{4*} «Уголки» (англ.) – настольная игра в шашки.

^{5*} Рандольф – сын У. Черчилля.

^{6*} Внук У. Черчилля.

^{7*} Гостиная.

^{8*} Вайен (Vian) Филипп (1894–1968) – британский адмирал.

фой для Англии, не принося никакой пользы нам. Подробно все аргументы премьерера изложены в его ответе на «личное послание» Сталина. В подтверждение своего отношения Черчилль апеллировал к Исмее, который как раз зашел в комнату, где мы разговаривали. Исмей полностью поддержал премьерера. Мне стало ясно, что по данному вопросу Черчилля сейчас переубедить нельзя. У него уже сложился по нему вполне определенный взгляд. Должно быть, чтобы смягчить впечатление от своего отказа, премьерер заговорил о воздушном наступлении на Германию с запада.

– Мы будем бомбить Германию беспощадно, – с ударением восклицал он. – Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц! Мы будем все расширять свои налеты, все увеличивать силу своего удара. В конце концов мы забросаем Германию бомбами. Мы слошим мораль населения.

И затем внезапно Черчилль перешел к Ирану, повторив мне все то, что я утром того же дня слышал от Идена, но только в еще более заостренной и решительной форме.

– Нельзя позволить шаху устраивать «monkey tricks»^{9*}, – с горячностью заявил премьерер. – Персия должна быть с нами! Шах должен выбирать: или – или.

Черчилль прибавил, что в случае упорства шаха он считает необходимой военную оккупацию Персии англо-советскими силами. При этом он намекнул, что персидская операция, наряду с Норвегией, тоже может явиться своего рода «вторым фронтом».

Так как было очевидно, что о десантной операции по ту сторону канала сейчас не приходится думать, я перешел к вопросам снабжения и сделал на них особое ударение. В частности, я заострил внимание на отказе воздушного министерства поставить нам самолеты (мы просили 3 тыс. истребителей и 3 тыс. бомбардировщиков) и в этой связи спросил, не могла ли бы часть машин для скорости быть переброшена к нам по воздуху с Бл[ижнего] Востока? Черчилль уклонился от прямого ответа на мои вопросы. Он ограничился лишь обещанием познакомиться с этим предметом, но никак не ангажировался.

Я выразил нетерпение. Черчилль обнаружил беспокойство и стал настойчиво меня убеждать, что полон искреннего желания оказать СССР максимальную помощь, но не хочет вместе с тем создавать у нас опасных иллюзий.

– Возможности наши, – говорил премьерер, – сейчас ограничены. Воевать мы не умеем. У нас нет для этого ни традиций, ни надлежащего воспитания. Армия наша любительская. Но зато мы твердо решили покончить с Гитлером. И мы покончим!

Далее Черчилль стал доказывать, что победа возможна лишь при активном участии США в войне, и при этом заметил, что в вопросах снабжения СССР следует в первую очередь ставить ставку на Америку. Он обещал в случае надобности облегчить нам доступ к американскому рынку вооружений.

Потом разговор перешел на военные операции. Черчилль выражал восхищение Красной Армией. Он сознался, что ожидал гораздо худшего, особенно учитывая, что Германия является нападающей стороной.

– Я боялся, что к нынешнему моменту часть ваших армий будет разбита и немцы будут иметь 1–1½ мил. пленных. Ничего подобного не случилось. Если немцы даже имеют, как они утверждают, 300–400 тыс. ваших пленных – это

^{9*} Фокусы (англ.).

пустяки с учетом размаха и интенсивности операций. Это доказывает лишь, что Красная Армия дерется хорошо и что она цела. В этом все. Потеря территории имеет второстепенное значение.

Черчилль добавил, что в последние дни опасался, как бы под Смоленском не произошел «disaster»^{10*}, но и тут советское военное командование сумело избежать западни. Оно сдало экзамен на отлично. Вообще Черчилль всегда высоко оценивал военные возможности СССР. Опыт войны полностью подтверждает его априорный прогноз.

Я спросил Черчилля, что он думает о позиции Японии. Премьер ответил, что, по всем имеющимся у него данным, Токио подготавливает «прыжок» на юг, в сторону Индокитая. Черчилль не думает, чтобы Япония рискнула атаковать нас, если наша Д[альне]восточная Армия останется на месте.

Когда мы с Черчиллем уже кончали разговор, в комнату вошел Гопкинс^{11*}, проводивший в Chequers «уик-энд» в гостях у премьера. Мы поздоровались, но говорили мало. Я спросил Гопкинса о некоторых американских поставках, с которыми у нас вышли осложнения, – он обещал навести справки и уведомить меня о результатах. Странно, но на меня Гопкинс произвел впечатление чего-то очень похожего – по внешности, манерам, костюму – на земского статистика старых времен.

Распрошались с Черчиллем мы тепло и дружелюбно. Уезжая, я слышал, как секретарь премьера вызывал к нему начальников штабов на совещание сегодня же вечером. Черчилль обещал переслать Сталину срочный ответ через Криппса, а мне доставить копию ответа.

Сегодня часов в 11 вечера ко мне приехал адмирал Паунд и действительно передал копию ответа премьера. В нем я нашел все то, что вчера слышал из его уст. В общем мало утешительно. Второго фронта во Франции сейчас не будет. Всю тяжесть борьбы с германской военной машиной нам придется выносить на своих плечах. Но, по крайней мере, мне ясна теперь позиция премьера. Это важно. Не надо иллюзий! Wishful thinking хуже всего.

Содержание послания С[талину] Черчиллю*.

Благодарность за два предшествующих послания. Из них вытекло соглашение между совпра и бритпра. Сейчас, как правильно говорит Ч[ерчилль], СССР и Англия стали боевыми союзниками в войне против гитлер[овской] Германии, которую, несмотря на все трудности, они, вне всякого сомнения, разобьют.

«Может быть, не уместно» упомянуть о том, что положение совармий на фронте напряженное. Еще чувствуются последствия «неожиданного нарушения» Гитлером пакта о ненападении и внезапности атаки против СССР.

Легко представить себе, что положение германских войск было бы во много раз благоприятнее, если бы они начали свое наступление не с Кишинева, Львова, Бреста, Ковно и Выборга, а с Одессы, Каменец-Подольска, Ленинграда.

«Мне кажется», что военное положение СССР, а также Великобритании было бы значительно улучшено в случае установления фронта против Гитлера на западе (сев[ерная] Франция) и Севере (Арктика).

Фронт во Франции не только отвлек бы гитлеровские силы от востока, но и сделал бы невозможным вторжение немцев в Англию. Он был бы популярен в британской армии и в Южной Англии.

^{10*} Катастрофа (англ.).

^{11*} Далее – Гопкинс Гарри Л. – личный представитель президента США на переговорах в Москве 30–31 июля 1941 г.

* Записи предшествует помета И.М. Майского: «Этого не переписывать».

Каковы бы ни были трудности, такой фронт должен быть создан не только «в наших общих интересах», но и «в интересах самой Англии». Момент благоприятен, т.к. немцы еще не успели консолидировать свои позиции на востоке.

Еще легче создать фронт на севере. Здесь от Англии потребуются лишь морские и воздушные силы. Не нужен будет десант. Советские войска, авиация, флот примут участие в операциях. Было бы хорошо, если бы бритпра направило на север одну легкую дивизию или что-либо в этом роде из норвежских волонтеров для организации восстания против немцев.

18.7.41

Содержание ответного послания Черчилля С[талину]*

1. Благодарность за послание и комплименты по адресу совармий. Вполне понятны военные преимущества вынудить противника затрачивать свои силы «на отдаленных западных фронтах».

2. Все, что можно сделать для СССР, будет сделано. Но возможности Англии ограничены. С самого начала гитлеровской атаки против СССР бритпра обдумывало возможности нападения на Сев[ерную] Францию, Бельгию, Голландию. Но начальники штабов считают это сейчас невозможным. Немцы имеют во Франции 40 дивизий, весь северный берег Франции страшно укреплен, особенно участок от Дюнкерка до Булони, – единственный, где англичане могли бы хоть временно создать для себя воздушное превосходство. Кроме того, сейчас только 5 час[ов] темноты в сутки. В таких условиях попытки устроить крупную высадку неизбежно кончились бы кровопролитной неудачей, а мелкие десанты не имели бы значения для СССР.

3. «Вы должны помнить», что Англия более года воевала одна, что ее ресурсы на суше и на море, и в воздухе напряжены до крайности (дома и на Бл[ижнем] Востоке), и что ей приходится вести борьбу не на жизнь, а на смерть с попытками немцев установить воздушно-морскую блокаду Великобритании.

4. Поэтому, легче всего оказать помощь Советскому Союзу на севере. Бритпра подготавливает комбинированную операцию с помощью морских и воздушных сил в районе Шпицбергена и севера Норвегии для того, чтобы нанести удар по германским силам в Арктике. «Это максимум того, что мы можем сейчас сделать».

5. Нет никакой норвежской дивизии волонтеров, да и вообще немислимо высадить при круглосуточном дневном свете на занятой немцами территории какие-либо войска – русские или английские, – если не будет надлежащего воздушного прикрытия. Этому англичане научились в Намсосе и на Крите¹⁹.

6. Бритпра изучает возможности базировать известную часть своих воздушных сил на Мурманск, но здесь необходимо действовать «шаг за шагом», потребуются недели времени.

7. «Не стесняйтесь делать предложения, которые могут прийти вам в голову, а мы тоже будем серьезно изыскивать пути и средства для нанесения удара нашему общему врагу».

20.7.41²⁰.

29 июля

Итак, Гарри Гопкинс в Москве! Это получилась замечательная история.

25 июля я виделся с Гопкинсом в американском посольстве. Присутствовал [Дж.Г.] Вайнант. Молотов просил меня переговорить с Гопкинсом о предоставлении нам ряда военных материалов плюс истребители*, отправленных американцами для англичан на Бл[ижний] Восток. Мой разговор с «личным представителем» президента на эту тему был малоуспешен. Гопкинс ответил, что, во-первых, материалами, предоставленными англичанам, распоряжаются англичане и американцам тут вмешиваться неудобно и что, во-вторых, 700 истребителей типа «Томагавк», которые мы хотели бы получить из Каира, на самом деле вовсе не в Каире. 200 из этого числа уже передано нам англичанами (фактически часть их находится в Англии, а часть в атлантических портах США),

* Этой записи также предшествует помета И.М. Майского: «Этого не надо переписывать».

* Так в тексте.

150 – в Египте, остальные 350 еще плывут по морям из Америки на Бл[ижний] Восток. Гопкинс, правда, заверял меня в готовности Рузвельта оказать СССР всяческую поддержку в борьбе с Гитлером, но одновременно предупреждал, что мы не должны создавать себе иллюзий насчет быстроты и размеров американской помощи оружием. Военное производство в США только разворачивается и, напр[имер], продукция самолетов станет серьезной лишь в середине 1942 г. (за нынешний июль будет выпущено лишь 1600 машин всех типов) и дойдет до очень высокого уровня лишь в начале 1943 г. Поэтому Гопкинсу представляется, что надо установить две программы: 1) программу немедленной помощи СССР и 2) программу помощи на будущее, скажем, на ближайшие 2 года. Работать по обеим программам надо начинать теперь же.

Когда эта тема была исчерпана, Гопкинс вдруг задал мне вопрос: как можно было бы сблизить Рузвельта и Сталина?

Я не сразу понял Гопкинса. Тогда он стал объяснять, что сейчас Сталин для Рузвельта немногим больше, чем просто имя. Может быть, абстрактный глава совпра. В представлении Рузвельта о Сталине нет ничего конкретного, вещественного, персонального. Рузвельт не знает, что такое Сталин, как личность, как человек? Каковы его вкусы, взгляды, привычки, настроения? Можно ему доверять или нельзя?.. В свою очередь, и Сталин, вероятно, также не имеет ясного представления о личности и характере американского президента. Это очень плохо. США и СССР придется теперь сотрудничать в борьбе против Гитлера. Рузвельт – хозяин США, Сталин – хозяин СССР. Надо, чтобы оба хозяина хорошо знали и понимали друг друга. Только тогда сотрудничество пойдет дружно и гладко. Но как это сделать? Гопкинс откровенно сознался, что у него нет ясного ответа на данный вопрос.

Я согласился с Гопкинсом, что очень важно было бы «познакомить» ближе Сталина и Рузвельта, но как? Теоретически мыслимы три метода такого «знакомства»: 1) личное свидание, 2) обмен личными посланиями, 3) посылка личных представителей друг к другу. Первый метод сейчас явно невозможен – Гопкинс с этим полностью согласился. Стало быть, что же остается: личные послания? Посылка личных представителей?

Гопкинс подумал и сказал:

– В ваших соображениях есть много правильного, но все-таки сейчас я не в состоянии найти ясного ответа на этот вопрос. Надо подумать и поискать.

Видно было, что Гопкинса очень занимает вопрос о «знакомстве» Рузвельта и Сталина и что в голове его идет какая-то серьезная работа. Вайнант в течение моего разговора с Гопкинсом все больше молчал, но чувствовалось, что он тоже заинтересован вопросом, над которым ломает голову Гопкинс.

Затем мы расстались, и всякие другие дела, а особенно польские переговоры, быстро вытеснили из моей головы память о встрече с Гопкинсом.

27-го я был в Бовингдоне. Около 10 час[ов] вечера мне позвонили из посольства и сообщили, что Вайнант очень срочно и по важному делу хочет видеть меня. Я сразу же снялся с места и поехал в город. Когда я вошел в здание посольства, было десять минут двенадцатого. В кабинете у меня сидел Вайнант и разговаривал с Новиковым. Оказалось, что Вайнант приехал с паспортом Гопкинса и двух его спутников. Он просил немедленно поставить на паспорта визы, ибо через полчаса все трое отправлялись в СССР. В первый момент я ничего не мог понять. Вайнант, однако, нетерпеливо воскликнул:

– Я вам потом все объясню. А сейчас вы дайте мне только визы. Поезд уходит в Шотландию в 11.40, Гопкинс уже на вокзале, я должен до отхода поезда вернуть ему визированные паспорта.

Легко сказать: дайте визы! Но ведь все штампы и печати в консульстве, до консульства четверть часа езды и сейчас, в двенадцатом часу ночи, там, вероятно, никого нет. Как быть?

Перестроился быстро, по-большевистски. Не задерживать же, в самом деле, поезда Гопкинса в Москву из-за параграфов консульских циркуляров! Я взял паспорт Гопкинса и на свободном листе от руки написал: «Прошу пропустить г[на] Гарри Гопкинса без осмотра багажа. Посол СССР в Англии И.Майский. 27 июля 1941 г.». Потом позвал Лепехина^{2*} и приложил нашу посольскую печать. То же самое сделал и с двумя другими паспортами. Допускаю, что завконсульским отделом НКВД упадет в обморок, увидавши «мою визу». Такой визы, вероятно, еще не бывало в анналах нашей дипломатии. Но что за беда! Еще Петр Первый любил говорить: «По нужде и закону перемена бывает». А тут «нужда» была несомненная.

Вайнант забрал паспорта и уехал. К пол[у]ночи он вновь вернулся ко мне.

– Только, только поспел, – воскликнул он, входя в мой кабинет, – поезд уже трогался.

И затем Вайнант рассказал мне то, что произошло. Оказывается, после того разговора со мной, 25 июля, Гопкинс и Вайнант долго думали, как бы лучше наладить отношения между США и СССР, в частности между Рузвельтом и Сталиным и, в конце концов пришли к выводу, что в настоящих условиях целесообразнее всего была бы поездка Гопкинса в Москву. Запросили Рузвельта. Сегодня днем пришел ответ: президент согласен. А сегодня вечером Гопкинс уже тронулся в путь.

Я позвал Агнию и познакомил ее с Вайнантом. Втроем мы просидели до половины второго ночи, много говорили, пили за победу над Гитлером. Вайнант был прост, естествен, человечен, – полная противоположность Кеннеди^{3*}. Он хорошо относится к СССР и искренно желает нам помочь.

И вот теперь Гопкинс в Москве! Очень рад. От этого получится польза. Гопкинс производит очень приятное впечатление – прост, демократичен, полон энергии, по внешности и манерам напоминает земского статистика старых времен. Он прибыл в СССР в качестве личного представителя Рузвельта к Сталину. Т[ов] Сталин, конечно, сумеет его надлежащим образом принять.

30 июля

Наконец-то мы сегодня подписали советско-польский договор!²¹ Даже не верится, что это так.

В 4.15 дня я вместе с [К.В.] Новиковым, Коржем*, Зинченко^{2*} и Зоновым^{3*} приехали в ФО. Лил дождь, по небу бежали серые скучные облака. Зашли в приемную. Я стал объяснять нашей молодежи, что как раз в этой комнате в свое

^{2*} Лепехин Александр Федорович – атташе посольства СССР в Великобритании.

^{3*} Кеннеди Джозеф Патрик — посол США в Великобритании.

* Корж М.В. – первый секретарь посольства СССР в Лондоне.

^{2*} Зинченко К.Е. – секретарь посольства СССР в Великобритании.

^{3*} Зонов В.М. – 2-й секретарь посольства СССР в Великобритании.

время происходили заседания по испанскому «невмешательству». Не успел я кончить, как появился Сикорский^{4*} в своей генеральской форме и в сопровождении председателя польского сейма, а также министров: Кота^{5*} (внутренних дел), Стронского^{6*} (пропаганды) и еще третьего, имя которого я забыл. Между нами и поляками произошло взаимное знакомство и рукопожатия. Затем пришел секретарь Идена и всех нас пригласил в кабинет министра иностранных дел.

Иден встретил нас в дверях. Он улыбался, и по всему было заметно, что он очень доволен. В кабинете стояли киноаппараты, по полу змеились толстые провода, бегали и сутились какие-то люди, которые в дальнейшем оказались кинооператорами и фотографами. Кроме того, здесь были Кадоган^{7*}, Ричард Лоу (только что сменивший Батлера на посту парламентского товарища министра иностранных дел) и, конечно, неизменный Стрэнг^{8*} с кучей бумажек и документов в руках.

Опять процедура представлений и рукопожатий. Когда это было кончено, Иден быстро взглянул на часы и скороговоркой бросил:

– Еще нет премьер-министра...

И затем, как бы извиняясь, он прибавил:

– Вы знаете, премьер-министр любит после «ланча» вздремнуть часок. Это его привычка. Он сейчас придет.

Потом Иден, полуобняв Сикорского, отвел его в сторону и о чем-то пошептался с польским премьером. Через мгновение он подошел ко мне и, также полуобняв, с легким замешательством полушепотом сказал:

– Извините за глупый вопрос. Во время подписания я буду за столом в середине... Вы не возражаете, если генерал будет справа от меня, а вы слева?.. Ведь он все-таки премьер...

Я весело рассмеялся и ответил:

– Пожалуйста! Не место красит человека...

Иден с облегчением вздохнул и радостно прибавил:

– Большое вам спасибо.

Черчилля еще не было. Собравшиеся как-то бестолково топтались по кабинету Идена. Стрэнг и Новиков сутились около стола, за которым должно было происходить подписание. Этот стол – длинный, покрытый сукном – стоял в стороне, справа от стола, за которым Иден обычно принимает своих посетителей, вдоль стены с бюстом Питта.

Сикорский заговорил со мной по-французски. Он очень рад, что мы подписываем этот договор. Он уже давно пришел к выводу, что Польша не может бесконечно балансировать между своими соседями с запада и востока. Она должна выбирать: либо с Германией против России, либо с Россией против Германии. Сам Сикорский всегда считал, что Польша должна идти с Россией против Германии. Такую линию он стал проводить еще в 1925 г., когда был военным министром. К сожалению, позднее в польской политике возобладали другие тенденции, и результаты их налицо. Сикорский испытывает чувство глубокого

^{4*} Сикорский Владислав – глава правительства Польши в изгнании (1939–1943).

^{5*} Кот (Kot) Станислав.

^{6*} Стронский Станислав – министр информации эмигрантского правительства Польши.

^{7*} Кадоган Александр Джордж Монтегю — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании (1938–1946).

^{8*} Стрэнг Уильям – помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании.

удовлетворения от того, что ему придется подписать договор, который, как он надеется, станет поворотным пунктом в истории Польши и отношений Польши с Россией.

Далее Сикорский заявил, что решил назначить командующим польской армией в СССР²² генерала Андерса^{9*}, находящегося сейчас у нас в плену, а послом в Москву своего министра внутренних дел Кота, радикального лидера крестьянской партии. Сикорский кстати подозвал Кота и заговорил о его будущей работе в СССР. Между прочим, генерал упомянул, что одной из задач Кота будет создать в Москве польский комитет для оказания помощи польским гражданам, подлежащим освобождению в результате амнистии, предусмотренной договором. С[о] своей стороны, Кот заметил, что предполагает сначала послать в Москву 2–3 человек из своих будущих сотрудников по посольству, а потом уже (примерно недели через 2) и самому тронуться в путь. Кот жаловался на слабость своего здоровья и в связи с этим высказывал опасения за будущее.

Вдруг точно порыв ветра прошел по комнате. Все замолчали и повернулись лицом к входу в кабинет: на пороге появился премьер-министр. Предупреждение Идена оказалось кстати. Черчилль действительно только что поднялся с постели. Это видно было по его помятому лицу, по красным, несколько слезящимся глазам, по всему сонному облику. В черном пиджаке с полосатыми штанами широкоплечий, коренастый, с упрямо опущенной вниз головой – точно настоящий английский бульдог – премьер с полуулыбкой оглядывал открывшуюся перед ним картину. Иден поспешил ему навстречу и ввел на середину кабинета. Сикорский представил Черчиллю свою «свиту», я – свою.

Потом перешли к делу. Было уже 4.30 дня. Стали рассаживаться за столом подписания. Иден в середине, слева от него Черчилль, еще дальше слева под прямым углом я, а справа от Идена Сикорский. Напрасно мудрил польский пан – судьба оказалась против него: хоть он и сидел справа от Идена, но зато я оказался рядом с Черчиллем. Я мысленно усмехнулся. Секретарь Сикорского подавал ему тексты для подписания, то же делал Новиков для меня.

Заработали кинооператоры, защелкали фотоаппараты. Пресса не была допущена, – почему, не знаю (все managements^{10*} были в руках ФО). Напрасно. С точки зрения союзнической пропаганды, было бы выгодно сделать около акта подписания возможно больше шума. Видимо, ФО до сих пор не научился искусству пропаганды.

Пока я и Сикорский подписывали (а подписывать надо было 6 раз – договор и два протокола в дубликатах), Черчилль, ухмыляясь, курил свою неизменную сигару. От времени до времени он перекидывался словом со мной. Он опять повторил:

– Я день и ночь думаю, как бы лучше помочь вам!

Это премьер мне говорил уже дважды: на приеме во дворце 16 июля и потом в Чекерсе 19[-го]. Еще:

– Дела на фронте хороши. Вы деретесь великолепно.

Еще:

– Каучук, который я вам обещал, уже грузится в Англии и на днях пойдет в Архангельск.

^{9*} Андерс Владислав – командующий польской армией в СССР (1941–1942).

^{10*} Организация, руководство (англ.).

Наконец:

– Гопкинс благополучно прибыл в Москву. Я очень рад, что он поехал. Надеюсь, что он будет иметь возможность побольше и почаще видеть Сталина. От этого получится только польза.

Наконец, процедура подписания закончена. Иден встает и, глядя на бумажку, произносит заранее заготовленное поздравление обеим сторонам. Кино и фотографы усиленно щелкают.

Я с облегчением думаю, что церемония *fini*^{11*}. Но нет! Что это?

Сикорский встает с[о] своего места и становится в позу оратора. Неужели он собирается произносить речь? Ведь было же условлено, что никаких речей не будет! Да, так и есть! Сикорский произносит политическую речь. Он говорит по-польски, а секретарь переводит по-английски. Приходится говорить и мне. Положившись на договоренность, я ничего заранее не приготовил. Выступаю экспромтом. К счастью, я условился заранее с Москвой об общей линии такого выступления, если оно окажется необходимым. Мой экспромт оказался, впрочем, ОК^{12*}. Лучше, чем я ожидал. За мной подымается Черчилль и тоже произносит несколько крепких слов. Крепких по адресу немцев. Как он ненавидит Гитлера! Не поздоровится «фюреру», если он проиграет войну.

Наконец, все кончено. Жмем друг другу руки и прощаемся. Кинооператоры непременно хотят заснять меня и Сикорского, пожимающих друг другу руки. Исполняем их требование. Черчилль, уходя, говорит мне:

– Я готов помочь вам, чем могу. Если у вас будут по этому поводу какие-либо соображения, приходите. Поговорим.

Я благодарю и обещаю воспользоваться его приглашением.

Иден останавливает меня и Сикорского: возможно, что он сейчас сделает в парламенте сообщение о договоре, – мы могли бы тогда присутствовать при этой сцене. Остаемся в кабинете Идена, а он начинает по телефону переговоры с парламентом. Он просит прервать порядок дня и дать ему 15–20 минут для выступления. Увы! Сегодня – «Scottish day»^{13*}, и скупые шотландцы ни за что не хотят оторвать четверть часа от отпущенного им времени. Тщетно Иден убеждает кого-то в телефонную трубку – ничего не выходит. С огорчением в лице Иден поворачивается ко мне и Сикорскому, объясняет положение и просит прийти завтра в 12 час[ов] дня, когда он будет делать палате сообщение о советско-польском договоре.

Прощаемся с Иденом. Уходя, я задерживаюсь на минутку и спрашиваю Идена, что будет завтра в парламенте. Он понимает меня и с улыбкой отвечает:

– Будьте покойны: я сдержу свое обещание.

Еду домой. Дождь продолжает лить, но погода слегка прояснилась. Едва вхожу в здание посольства, как навстречу выбегает Эйрис^{14*} и сообщает:

– Только что звонил секретарь Идена. Иден все-таки будет выступать сегодня. Если хотите его послушать, вы должны немедленно же ехать в парламент.

Ташу с собой Агнию, и оба мы мчимся в палату общин. Почти бегом несемся по коридорам. Бурей влетаем в свои ложи. Поздно! Иден уже закончил свое

^{11*} Закончилась (лат.).

^{12*} О'кей – хорошо (англ.).

^{13*} День Шотландии (англ.).

^{14*} Секретарь советского посла.

выступление. Идут вопросы и ответы. Улавливаю вопрос Мак-Ювена^{15*} и ответ Идена. О.К.! Иден сдержал свое обещание^{16*}. Все в порядке.

Советско-польский договор вошел в силу. Что-то он принесет – сейчас и в будущем? Поворотный это пункт или не поворотный?

Будущее покажет.

31 июля

Суммирую некоторые подробности польских переговоров после того заседания у Идена (11 июля)²³, на котором я сформулировал «четыре пункта» как базу советско-польского соглашения.

Конечно, поляки, несмотря на их видимое согласие со мной во время этого заседания, не удовлетворились моими предложениями, а стали их «улучшать». Беда с этими «улучшателями»! Они всегда запутывают и усложняют всякий вопрос.

«Улучшения» начались по четырем основным пунктам:

1. В моем первом пункте констатировалось, что советско-германские договора 1939 г. «относительно Польши» потеряли свою силу. Полякам этого оказалось мало. Под разными соусами они пытались протащить хотя бы косвенное признание с нашей стороны границ 1921 г. Разумеется, мы категорически возражали против такого намерения поляков и хотя, в конце концов, приняли формулировку «договора... касающиеся территориальных перемен в Польше», но никакого, даже самого туманного признания старых границ не приняли.

2. В моем четвертом пункте констатировалось, что СССР изъявляет согласие на создание на своей территории польской армии. Поляки и тут стали «улучшать». Они не хотели признать, что командир этой армии назначается польпра с согласия совпра. Они хотели также ограничить подчинение польармии верховному военному командованию СССР только тем временем, пока военные действия происходят на территории СССР. Выходило, что едва лишь Красная и Польская армии в процессе контрнаступления выходят за границы СССР (а Сикорский склонен был толковать границы СССР по рижскому договору 1921 г.), как польармия перестает подчиняться нашему командованию. Наконец, поляки требовали заключения особой конвенции относительно командования, организации и использовании польармии. Длинная драка по этому пункту привела к тому, что поляки, в конце концов, признали назначение командира по соглашению с совпра и сняли оговорку о подчинении польармии нашему командованию только на территории СССР. Мы, с своей стороны, приняли заключение военной конвенции для регулирования всех вопросов, связанных с существованием польармии.

3. Третьим пунктом, не содержащимся в моей схеме, но вызвавшим много споров, явился вопрос об освобождении польских заключенных (не только военнопленных, но и гражданских), находящихся в СССР. Тут мы, в конце концов, пошли полякам навстречу и обещали объявить амнистию после восстановления дипотношений.

4. Наконец, четвертым пунктом, вызвавшим споры, хотя и менее серьезного характера, было желание поляков (особенно Залесского^{*}, потерявшего свое име-

^{15*} Мак-Ювен – консерватор.

^{16*} См. запись от 31 июля.

^{*} Залесский Аугуст – министр иностранных дел эмигрантского правительства Польши до 27 июля 1941 г.

ние в той части Польши, которая отошла к нам) обеспечить рассмотрение в будущем материальных претензий – общественных и частных. В конечном счете мы на это согласились, но предложили фиксировать данный пункт в секретном протоколе, что и было сделано. Первоначально мы требовали включения в текст протокола слова «взаимные» претензии. Поляки бешено возражали. Тогда Иден предложил компромисс: «различные материальные претензии», и мы это приняли, ибо такая формула открывает возможность и нам предъявить полякам свои контрпретензии по старым и новым счетам.

Споры по «улучшениям» заняли три недели. Были драматические моменты. Так, когда поляки упорствовали в желании протащить косвенное признание границ 1921 г., я разозлился и (июля^{2*}) просил Идена передать Сикорскому, что если он не уступит, то я сообщу совпра о бесполезности продолжать переговоры и порекомендую ему вернуться к идее Польского Национального Комитета, от которой мы ввиду оппозиции поляков отказались. Эта угроза подействовала, и пункт 1 договора был принят в приемлемой для нас редакции. Точно так же, когда под конец переговоров Сикорский стал изощряться во все новых и новых поправках к пункту 4 (армия) и протоколам, Москва не выдержала и заявила: если поляки не примут уже согласованных ранее формулировок, то могут отправляться на все четыре стороны. Обойдемся и без поляков. Это тоже подействовало, и Сикорский сразу же снял свои поправки.

Несомненно очень крупную роль в переговорах играл Иден. Я склонен думать, что без него мы с поляками вообще не договорились бы или если и договорились бы, то гораздо позднее. Иден старался держать «средний курс», но иногда он срывался и проявлял слишком много внимания к желаниям и требованиям поляков. Сикорский ему очень нравится (как и всем вообще руководящим англичанам), и это отражалось на переговорах. В общем все-таки Идену можно сказать спасибо.

В последний момент перед подписанием разыгралась странная история. 25 июля я заявил Идену об отказе Москвы идти на дальнейшие уступки (пусть поляки «отправляются на все четыре стороны»). 26 июля Иден сообщил мне о готовности поляков принять согласованный перед тем текст. На 28[-е], понедельник, было назначено подписание договора. 27[-го] утром Новиков с[о] Стрэнгом и представителем поляков «графом Мнишек»^{3*} окончательно согласовали текст. И вдруг 27[-го] после обеда пришла телеграмма от Криппса, в которой он доносил, что накануне видел Сталина и Молотова и договорился с ними²⁴ о тексте польского договора, несколько отличающемся от того, который с таким трудом был выработан в Лондоне. Самое важное отличие состояло в том, что в Москве Криппсу обещали полную амнистию всем заключенным полякам в то время, как в Лондоне мы договорились лишь о том, что «все практические вопросы, касающиеся освобождения польских граждан, находящихся в заключении на территории СССР, после восстановления дипотношений будут рассмотрены в положительном смысле». Кроме того, по московскому тексту, протокол о заключенных должен был быть гласным, в то время как раньше Москва настаивала на секретности его, и я лишь с большим трудом добился от нее согласия на глухое упоминание о предстоящем пересмотре дел заключенных в коммюнике, которое

^{2*} Дата в тексте пропущена.

^{3*} Личность не установлена.

в связи с подписанием договора собиралось выпустить ФО. Равным образом во втором протоколе (о претензиях) было выброшено слово «взаимные», на чем ранее Москва упорно настаивала. Зато московский текст вновь восстанавливал ясное заявление, что главнокомандующий польской армии назначается по соглашению с совпра, в то время как в согласованном нами в Лондоне тексте это условие было выпущено^{4*} ввиду обещания Сикорского внести его в текст будущей военной конвенции.

Я был поставлен в тупик. ФО тоже находилось в недоумении. Кадоган спешно вызвал меня из Бовингдона (Иден был за городом) и поставил вопрос: имею ли я подтверждение сообщения Криппса из Москвы? Я не имел и спешно запросил Москву, точна ли передача Криппса? Когда, приехав в посольство, я составлял свою шифровку, из-за города позвонил Иден и просил не возражать против новой редакции, которая ему, Идену, кажется лучше, обещая в виде компенсации несколько модифицировать в благоприятную для нас сторону текст своей ноты Сикорскому. Я ответил, что возражать не думаю, и просто запрашиваю, как быть?

28[-го] около 3 час[ов] дня я получил ответ из Москвы, который поверг меня в большое недоумение. Да, сообщение Криппса точно, и новый согласованный текст я должен довести до сведения Идена. Тем не менее совпра мой «лондонский» текст нравится больше, чем «московский». Пораскинув мозгами, я все-таки решил подтвердить Идену аутентичность «московского текста». Главное соображение у меня при этом было такое: если уж мы пошли на амнистию поляков, то надо, по крайней мере, на этом заработать политически в Англии, Америке, Польше. Стало быть, надо употребить именно эффектное слово «амнистия» и надо сделать соответственный^{4*} протокол открытым. Около 3.30 дня я видел Идена и довел до его сведения о полученной мной телеграмме. Иден немедленно сообщил Сикорскому о новом «московском тексте». Оба ухватились за него обеими руками. Сикорский в разговоре с Иденом заявил, что он чрезвычайно тронут великодушием совпра и что теперь готов с ним сотрудничать на все 100%. Иден позвонил мне около 10 час[ов] вечера. Передал слова Сикорского и еще раз благодарил совпра и меня за наши добрые намерения и государственную мудрость. Около часу ночи пришла новая телеграмма из Москвы, в которой сообщалось, что Молотов видел Криппса 28[-го] и сказал, что совпра after all^{5*} предпочитает «лондонский текст»²⁵. Криппс не возражал и обещал немедленно телеграфировать об этом Идену. Из телеграммы вытекало, что Москве очень хотелось бы все-таки заключить договор на базе «лондонского текста». Я немедленно ответил, что теперь уже поздно, и более подробно разъяснил все, что случилось в течение дня 28 июля. При этом я подчеркнул, что считаю политически выгодным опубликование протокола об амнистии заключенным.

29[-го] я встретил Идена на завтраке «Foreign Press Association»^{6*}, где он выступал с речью. Я сообщил Идену о моей ночной телеграмме. Оказывается, Иден в тот день утром получил шифровку от Криппса с изложением его разговора с Молотовым.

– Он не возражал против сохранения лондонского текста! – с полупритворным раздражением воскликнул Иден, говоря о Криппсе. – Еще бы! Он не имеет

^{4*} Так в тексте.

^{5*} В итоге (англ.).

^{6*} Ассоциация иностранной прессы (англ.).

представления, с какими трудностями связаны эти переговоры. Я уже телеграфировал Криппсу: менять что-либо поздно.

Поздно ночью 29[-го] я получил разрешение Москвы подписать «московский текст». Так «московский текст» и стал текстом договора. Однако до сих пор для меня не совсем ясно, что произошло в Москве 25[-го] вечером и почему тт. Сталин и Молотов договорились с Криппсом о «московском тексте». В беседах с Иденом я вообще был поставлен в трудное положение. Как только я пытался отстаивать «лондонский текст», Иден немедленно прятался за авторитет т. Сталина. Что я мог отвечать?..

Странная история произошла также с речами при подписании договора. Сообщая мне вечером 28[-го] о своих переговорах с Сикорским, Иден между прочим сказал, что Сикорский решил при подписании произнести речь, и прибавил, что текст этой речи ФО мне завтра пришлет для ознакомления. Однако днем 29[-го] я получил за подписью Стрэнга письмо, в котором сообщалось, что после некоторого размышления Сикорский решил речи не произносить. Я, конечно, не возражал и, хотя еще ночью 28[-го] на всякий случай телеграфировал Москве тезисы того, что я предполагал сказать при подписании, теперь успокоился и не стал готовить текста моего выступления. Впрочем, я не был вполне уверен за то^{4*}, что фактически произойдет. Сомнения у меня возникли на завтраке иностранной прессы 29[-го], где под самый конец, совсем вне программы, генерал вдруг попросил слова и произнес речь, в которой предрекал заключение советско-польского договора. У меня создалось впечатление, что Сикорский «любит поговорить». Исходя из этих сомнений, утром 30[-го] я позвонил Стрэнгу и просил его еще раз проверить, будет Сикорский выступать при подписании или нет. Ответ пришел: нет, выступать не будет! На основании этого ответа я ничего заранее не заготовил. А в конце концов все-таки генерал не выдержал и заговорил! Экая болтушка! Впрочем, я не растерялся и экспромтом сказал несколько слов по моим тезисам (которые, кстати, были одобрены Москвой).

Еще одна деталь. Чтобы несколько компенсировать Сикорского за наш отказ хотя бы в косвенной форме признать границы 1921 г., Иден обещал ему при подписании ноту бритпра, в которой последнее заявляет о непризнании территориальных перемен в Польше, происшедших во время войны. Это, конечно, не означает признания границ 1921 г., и Иден совершенно определенно заявил Сикорскому в переговорах, что о признании старых границ со стороны бритпра не может быть и речи. Тем не менее я все время добивался, чтобы Иден прямо заявил о таком непризнании. Сначала я предлагал ему внести соответственную^{4*} фразу в его ноту, но Сикорский [в]стал на дыбы, и Иден капитулировал. Потом я предложил Идену внести такую фразу в текст его парламентского выступления по советско-польскому договору. Днем 29[-го] Иден прислал мне для ознакомления текст этого выступления, и я вернул ему его с проектом моей поправки. Однако утром 30[-го], в день подписания, Иден телефоновал мне, что не может принять моей поправки, так как текст его выступления уже утвержден кабинетом, и всякое изменение его означало бы необходимость вновь входить в кабинет плюс новые длинные разговоры с Сикорским. Иден на это не соглашался. Тогда я предложил Идену такой выход: пусть кто-либо из депутатов после речи Идена задаст ему вопрос, означает ли данный договор гарантию старых границ Польши, на что Иден совершенно ясно ответит «нет!» Это предложение Иден принял и даже обещал заранее позаботиться о вопросе. Действительно, консерватор Мак-Ювен задал

нужный мне вопрос, а Иден дал ему тот ответ, которого я добивался. Теперь ни при каких обстоятельствах в будущем поляки не смогут утверждать, что Англия хотя бы косвенно гарантировала границы 1921 г. Это полезно. При установлении послевоенного порядка в Европе одним из самых сложных и трудных вопросов будет вопрос о Польше, и лучше быть хорошо подкованным по этому вопросу.

3 августа

По-видимому, поездка Гопкинса в Москву удалась. Конечно, о результатах ее можно будет судить только позднее (как пойдут американские поставки?), но пока все-таки дело как будто бы обстоит не плохо.

С т. Сталиным Гопкинс видался два раза, 30 и 31 июля. Разговоры были длинные и обстоятельные. Гопкинс от имени Рузвельта заявил, что США окажут нам всяческую помощь без заключения специального соглашения. Т[ов.] Сталин поблагодарил Гопкинса за это сообщение и затем развил перед ним программу наших нужд (главным образом крупные пулеметы и мелкие зенитки). Т[ов.] Сталин просил также поскорее оформить заем в 500 мил. долларов, предоставляемый нам ампра. Тем самым был бы открыто продемонстрирован блок США, СССР и Англии. Гопкинс с этим согласился и обещал немедленно телеграфировать в соответственном духе Рузвельту. Т[ов.] Сталин также твердо заявил Гопкинсу о неизбежности нашей победы и о том, что Гитлер и вся его шайка должны быть лишены власти, ибо они лишены «джентльменства» и нарушают всякие договоры. Соблюдение же таких договоров особенно важно ввиду наличия различных государственных систем в различных странах²⁶.

На Гопкинса т. Сталин произвел очень сильное впечатление. Вайнант, который видел Гопкинса после его возвращения в Шотландии (Гопкинс, не заезжая в Лондон, уехал в Америку), передавал мне, что «special envoy»* Рузвельта уехал из Москвы с такими заключениями: у т[ов.] Сталина необыкновенно ясная голова и большой реализм. Он знает, чего хочет, и является настоящим хозяином положения. Фронт он знает, как свои пять пальцев. Уверенность в победе у него абсолютная. Сталин не требует невозможных вещей и отнюдь не упал духом, когда Гопкинс ему заявил, что сейчас США много СССР дать не могут. Наоборот, он стал спокойно обсуждать с Гопкинсом программу будущего и возможности снабжения СССР к весне 1942 г. Это создало у Гопкинса представление, что Красная Армия имеет свою собственную достаточно крепкую базу и что вообще СССР – солидный партнер, с которым США стоит иметь дело.

Вместе с[о] Штейнгардтом^{2*} Гопкинс был у Молотова (31 июля). Гопкинс поставил Молотову два вопроса:

1) чего желало бы совпра со стороны ампра в отношении Японии? Молотов ответил, что, если бы ампра дало ясно понять Японии свое отрицательное отношение к выступлению не только в южном, но также и в северном направлении, это могло бы оказаться полезным.

2) как советско-германская война отразится на отношении СССР к Китаю? Молотов ответил, что у совпра имеется понимание с Чанкайши^{3*}, однако в силу

* Специальный представитель (англ.).

^{2*} Штейнгардт Лоуренс Адольф – посол США в СССР.

^{3*} Далее – Чан Кайши – китайский государственный и военный деятель, председатель Исполнительного комитета Гоминьдана и главнокомандующий вооруженных сил Китая.

создавшегося положения совпра сейчас лишено возможности много помогать Китаю. Было бы хорошо, если бы САСШ могли усилить свою помощь Китаю.

Реакция Гопкинса на объяснения т. Молотова была не вполне определенная. Он только заметил, что САСШ не любят посылать Японии ноты неодобрения по поводу тех или иных ее поступков. От таких нот получается мало толку²⁷.

Общее впечатление Гопкинса от СССР таково, что все сверху до низу полны решимости уничтожить германский фашизм и что уверенность в победе полная.

5 августа

Сегодня нормализовали отношения между СССР и Норвегией.

10 мая совпра предложило норвежцам закрыть свою миссию в Москве²⁸. С начала войны совпра решило восстановить вновь нормальные отношения с норпра. Последнее тоже через Идена давало нам понять, что хотело бы урегулировать эти отношения. Через Кольбана* я начал переговоры. 24 июля я заехал к норвежскому мининделу Ли^{2*}, который когда-то бы коммунистом и в 1921–[19]22 гг. проживал в «Люксе», а теперь состоит членом норвежской лейбористской партии.

Первоначально я думал о заключении с норвежцами такого же договора, как с ЧС, и даже дал его проект Кольбану²⁹. Ли, однако, заявил, что норпра пока не хотело бы подобного пакта (ввиду сложности своих отношений с финнами и шведами), и предложил ограничиться простым обменом посланниками плюс тройным англо-советско-норвежским соглашением относительно Шпицбергена. Нормализацию отношений Ли предлагал облечь в форму обмена письмами о взаимном назначении посланников. При этом Ли заявил, что норпра было бы счастливо, если бы совпра назначило в качестве своего посланника при норпра Агнию. Я в изумлении поднял на него глаза и недоуменно спросил:

– Но почему именно мою жену?

Тогда Ли объяснил, что у норвежцев осталось самое лучшее воспоминание о работе Коллонтай^{3*} в Норвегии и в связи с этим создалось представление: русская женщина может хорошо подойти к роли посланника в Норвегии. Сверх того, Ли видит, что моя жена понимает душу норвежского народа: она очень любит Вигелянда^{4*}. Тут я вспомнил, как месяца три назад на обеде у адмирала [Э.] Эванса (женат на норвежке) Ли имел с Агнией, оказавшейся его соседкой по столу, большой разговор о норвежских литературе и искусстве. После этого разговора Ли в моем присутствии воскликнул:

– Вот бы вашей жене быть посланником в Норвегии!

Я принял это тогда за шутку. Теперь оказывалось, что дело гораздо серьезнее. Я постарался обратить наш разговор с Ли на данную тему в шутку. Однако он продолжал относиться к нему с подлинно скандинавской серьезностью. И вообще настоящий скандинав: высокий, несколько грузный, флегматичный, но не блондин, а шатен.

* Кольбан Эрик Андреас – посланник Норвегии в Лондоне.

2* Ли (Lie) Трюгве Хальвдан – министр иностранных дел Норвегии.

3* Коллонтай А.М. – полпред СССР в Норвегии в 1923–1926 и 1927–1930 гг.; в годы войны – посол СССР в Швеции.

4* Вигеланд (Vigeland) Густав – норвежский скульптор.

Между прочим, Ли мне признался: во время финской войны он был против нас, а сейчас он должен признать, что «государственные люди в Кремле» видели дальше, чем он. Что ж, лучше поздно, чем никогда!

Ли выражал горячую надежду, что в недалеком будущем советские войска вступят в северную Норвегию, и в связи с этим сообщил мне, что норвежцы имеют: 27 тыс. торговых моряков, тыс. в военном флоте, 1500 летчиков (часть обучается в Канаде, часть работает в Исландии) и до 1500 чел[овек] в армии (тренируются в Шотландии)³⁰.

Москва согласилась в предложениях Ли, и сегодня мы обменялись с ним письмами об обмене посланников³¹. Обмен происходил в моем кабинете в по-сольстве. После обмена мы выпили за дружбу советского и норвежского народов и за нашу общую победу.

7 августа

Недели три назад Спаак* через Изабел Блюм^{2*} в неофициальном порядке запросил меня, готово ли было бы совпра нормализовать отношения с Бельгией после того, как в начале мая по инициативе совпра в Москве (одновременно с норвежской) была ликвидирована бельгийская миссия³². Я навел необходимые справки и через Изабел Блюм ответил, что совпра готово обменяться посланниками с бельгийцами. По моей просьбе Блюм передала Спааку, что, если он официально обратится ко мне, я имею полномочия урегулировать вопрос о нормализации советско-бельгийских отношений.

После того прошло недели две. Спаак молчал, и я тоже молчал. Как передавала мне Блюм, Спаак все «размышлял» о наилучшей форме урегулирования вопроса (думаю, что одновременно он запрашивал благословения Ватикана на такой шаг). Спаак полагал (так мне говорила Блюм), что поскольку инициатива закрытия бельгийской миссии в Москве исходила от совпра, то теперь первый шаг также должно сделать совпра. Я, однако, не видел для этого никаких оснований и спокойно выжидал завершения «размышлений» Спаака. В конце концов бельгийский мининдел решил обратиться к Идену за посредничеством.

Сегодня в 11 час[ов] дня я и Спаак встретились в кабинете Идена. Договориться не стоило большого труда. Сначала я предложил, было, Спааку тот же обмен письмами, который за два дня перед тем состоялся между мной и Ли, однако Спааку, видимо, этого почему-то не хотелось. Я не настаивал. Вместо моего метода Спаак предложил более простой: просто выпустить небольшое коммюнике, в котором будет сказано, что сегодня, 7 августа, я и он встретились у Идена и договорились об обмене дипломатическими представителями. Я не возражал. Так и было сделано. Текст коммюнике был составлен тут же при нас³³.

Пока бельгийцы назначают к нам поверенного в делах (какого-то советника, находящегося сейчас в Калифорнии). Спаак говорил, что ему требуется известное время для подыскания подходящего посланника. Может быть. У меня, однако, осталось впечатление, что Спаак не будет особенно торопиться с назначением посланника (что-нибудь с Ватиканом не договорено?). Впрочем, это неважно. Можно считать, что с сегодняшнего дня отношения между СССР и Бельгией нормализованы.

* Спаак Поль-Анри – министр иностранных дел Бельгии.

^{2*} Блюм Изабелла – бельгийский общественный деятель.

10 августа (Бовингтон)

7 недель войны.

Конечно, будущее темно, но кое-что и очень важное ясно уже сейчас. Основное – это то, что Красная Армия устояла перед Рейхсвером. Гитлеровская военная машина не сумела смять, опрокинуть, размолоть Красную Армию, как она это до сих пор делала со всеми другими армиями, включая французскую. Она не сумела этого сделать в первые 2–3 недели войны, когда все преимущества были на ее стороне. Тем менее она имеет шансы на достижение такого результата сейчас. Раз так, гитлеровская Германия по существу бита, хотя реализация поражения займет еще немало времени и будет стоить нам немалых жертв – людьми, вооружением, территорией. Как-нибудь сократить эти жертвы, свести их к абсолютно неизбежному минимуму! Такова задача. Для успешного решения ее нужна полноценная помощь со стороны Англии и США. Есть ли она? Пока нет. Будет ли? Не знаю. Настроение у меня в этом отношении скорее скептическое.

Возьмем сначала США. В последнем номере «New Statesman»* от 8 августа прочитал корреспонденцию Брейльсфорда^{2*} из Вашингтона. О чем она говорит? О том, что США еще почти целиком живут в атмосфере мирного времени. Войной, военными усилиями там еще почти не пахнет, несмотря на Lease and Lend Bill^{3*} и все речи Рузвельта. Брейльсфорд передает, что за первые 6 мес[яцев] текущего года продажи автомобилей в США возросли на 35% по сравнению с первой половиной 1940 г., продажи рефрижераторов – на 42%, а продажи электрических печей – на 51%! Военное производство США в настоящий момент составляет не больше 15% всего их производства. Остальные 85% идут на мирное производство. И всякая попытка сократить мирное производство в интересах военного встречается в штыки – не только предпринимателями, но и широкой публикой. Особенно плохо обстоит дело с алюминием. Можно ли при таких условиях рассчитывать на полноценную помощь США в ближайшие месяцы, даже в течение ближайшего года?

Не лучше обстоит дело и в Англии. Конечно, на словах все, начиная с Черчилля, не перестают твердить, что готовы оказать нам самую энергичную помощь. А как эта помощь реализуется на практике?

Идея второго фронта на Западе, которую т. Сталин выдвинул перед Черчиллем, отвергается ввиду трудности ее осуществления. Идея совместного фронта на севере в принципе принимается, однако ее реализация проходит так медленно и в таких дозах, что наши моряки и военные приходят в отчаянье. Воздушное наступление на Германию с запада проводится, но, во-первых, оно не может иметь большого влияния на отвлечение сил с восточного фронта, а, во-вторых, оно тоже страдает от какого-то малокровия. Даже в области снабжения англичане стараются ограничиться крайним минимумом. Не хотят давать достаточных кредитов, не хотят давать наиболее нужного нам вооружения (зенитки мелкого калибра, истребители и пр.). С величайшим трудом я вырвал у них 200 американских «Томагавков»^{4*} – так они не могут этого забыть и демонстрируют данный факт как символ своего великодушия при каждом удобном и неудобном случае. Все говорят: у нас самих нет! В ряде случаев это лишь отговорка.

* «Нью стейтсмен энд нейшн».

^{2*} Далее – Брейльсфорд Генри Ноэль – британский журналист-международник.

^{3*} Билль о ленд-лизе (англ.). Был подтвержден Конгрессом США 11 марта 1941 г.

^{4*} Имеются в виду самолеты «Томагавк» (Tomahawk).

По существу дело состоит в том, что (а) англичане, следуя своей вековой традиции, хотят свалить на нас главную тяжесть войны, а сами остаться по возможности в стороне и (б) члены правительства, в том числе Черчилль, все еще остаются на позициях той «дефензивной стратегии», которую они проводили в течение минувшего года, которая до нашего вступления в войну была вполне естественна и разумна, но которая после 22 июня стала анахронизмом.

В результате в стране широко разливается настроение complacency^{5*}, которое отчасти захватывает даже рабочих. 2 августа по случаю Bank Holiday^{6*} на вокзалах были такие же громадные толпы уезжающих в Country^{7*} как в мирное время. Из Лондона ушло 300 лишних поездов с «холидейщиками». Нужно ли лучшее доказательство широкого распространения чувства самоуспокоенности?

Вот почему в ближайшее время я не жду особенно полноценной помощи нам и со стороны Англии, за исключением, может быть, Бл[ижнего] Востока. В главном и основном нам приходится рассчитывать на самих себя.

11 августа

Странные вещи узнал о бельгийском правительстве. У Спаака жена в Брюсселе, у Гюта (министр финансов) семья в Брюсселе. Не потому, что война ненароком разделила их, – о, нет! Жена Спаака и жена Гюта приезжали к ним, когда бельгийское правительство еще находилось на территории неоккупированной Франции, но не уехали с мужьями в Англию, а вернулись назад в Бельгию. Итак, у немцев есть заложники за Спаака и Гюта, т.е. за половину бельгийского правительства (всего их в правительстве 4 человека). Понятно, как это должно отражаться на поведении обоих министров и всего правительства. Мало того. Оба министра регулярно поддерживают почтовую связь с[о] своими женами через Ватиканскую диппочту. И обе жены регулярно пишут своим мужьям, убеждая их быть осторожными, умеренными и т.д. Судя по многим признакам, жена Спаака является связующим звеном между мужем и бельгийским королем Леопольдом. А может быть, косвенно и между мужем и немцами?..

В бельгийских правительственных и военных кругах в Англии наблюдаются весьма опасные настроения. Говорят о том, что сразу же по окончании войны правительство и армия вернутся в Брюссель и, пока суть да дело, пока народ успеет очухаться, установят военную диктатуру во главе с Леопольдом. Не знаю, удастся ли им такая авантюра, но только что указанные настроения являются хорошим напоминанием о том, как сложны будут проблемы, с которыми мы встретимся на другой день после ликвидации Гитлера.

16 августа

Были с Агнией у Ллойд Джорджа в Churt*. Вместе «ланчевали».

В имении Ллойд Джорджа уже пахнет осенью. Серое небо. Дождит. Первая желтизна появилась на деревьях. Ветер крутит ветви и срывает листья. В доме

^{5*} Успокоенность (англ.).

^{6*} Бэнк холидей – официальный выходной день помимо воскресенья, в том числе последний понедельник августа или первый понедельник сентября (первоначально в такие дни отдыхали только служащие банков).

^{7*} За город (на природу).

* Ллойд Джордж Дэвид – видный политический и государственный деятель Великобритании, член парламента. Чарт – загородное поместье Д. Ллойд-Джорджа (графство Суррей).

какая-то пустота. Некоторые комнаты закрыты и, видимо, стоят без употребления. Даже присутствие миссис Стивенсон, секретарши (а может быть, и больше, чем секретарши), которая заботится о старике и ведет его хозяйство, не вносит теплоты и уюта в это похолодавшее жилище. Или приближение конца отбрасывает вперед свою леденящую тень?..

Не знаю. Пока Ллойд Джордж выглядит еще хорошо, хотя заметно, что за минувший год, особенно после смерти жены, он сильно состарился и опустился. Впрочем, только относительно. Относительно того, чем он был еще 2–3 года назад, несмотря на свои тогдашние 75 лет.

Мы много говорили, – конечно, о войне, о правительстве, о перспективах. Ллойд Джордж в восхищении от нашего сопротивления. Он горд тем, что Красная Армия и вообще СССР полностью оправдали его прогнозы, которые он давно уже делал в разговорах с руководителями британской политики.

– В начале 1939 г. я говорил Чемберлену: заключите союз с СССР, и вы можете быть покойны. Войны не будет, а если война и будет, то СССР нанесет страшный удар Германии. Так нет! Этот идиот, этот фабрикант железных кроватей ни за что не хотел согласиться. Он пожимал плечами и презрительно усмехался: «Русская армия? Она развалится при первом ударе Гитлера...» И такие люди могли стоять во главе империи!

Ллойд Джордж сильно ругал Черчилля. Он возмущался тем, что бритпра по существу не оказывает СССР никакой помощи. Как? Сейчас разыгрывается величайшая битва нынешней войны, величайшая битва в истории, битва, от исхода которой зависит исход войны, – а что делает Англия? Ничего не делает. Нельзя же считать «делом» теперешние налеты на Германию. Говорят, будто бы нельзя создать второй фронт во Франции. Будто бы такая попытка должна кончиться неудачей. Я в этом не уверен, но допустим, что это так. Ничего не значит! Поход Самсонова^{2*} в прошлую войну тоже закончился Танненбергом, но все-таки сделал свое дело: Париж был спасен, и война, в конце концов, выиграна. Пусть Англия сейчас даже потеряет во Франции 100–150 тыс. человек – зато она сделает для восточного фронта то, что русские в прошлую войну сделали для западного фронта.

Старик возмущался также тем, что как раз в столь критический для войны момент премьер отправляется на свидание с Рузвельтом, на целых 2 недели уходит от руководства страной, а вдобавок еще забирает с собой [Дж.Г.] Дилла, [Д.] Паунда и других военно-морских главков. А результат? Беззубая декларация, от которой никому не тепло и не холодно. Были декларации в прошлую войну, а что из них получилось?

Ллойд Джордж расспрашивал меня о помощи нам со стороны бритпра и ампра в области снабжения. Я не мог сказать ему ничего утешительного. Старик опять пришел в состояние большого раздражения и ругал министров за их узколюбость и ограниченность. Сейчас все – судьба войны, судьба Европы, судьба Брит[анской] Империи решается на восточном фронте, а они торгуются из-за каждого самолета, из-за каждого мотора! Невероятно!

Я заметил, что, по моим впечатлениям, Иден лучше других членов правительства сознает важность событий на востоке. Ллойд Джордж с этим согласил-

^{2*} Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – генерал от кавалерии, в начале Первой мировой войны командовал 2-й армией, потерпевшей поражение в ходе Восточно-прусской операции 1914 г.

ся и, между прочим, рассказал, что недавно имел с Иденом разговор, из которого вынес определенное впечатление: Иден стоит за идею второго фронта. Но зато к Черчиллю старик относится с большой суровостью. Я спросил Ллойд Джорджа, почему он не войдет в правительство?

– Я вошел бы, – ответил старик, – в небольшой руководящий военный кабинет, в котором все дела обсуждаются и решаются коллективно. Но я никогда не соглашусь ставить свою подпись под решениями премьера, о которых он ни с кем не советовался и которые он просто навязывает кабинету. Я против такой диктатуры. А Черчилль как раз подобный диктатор. Он все делает сам, все решает сам. Другие члены правительства только штемпелюют.

По словам Ллойд Джорджа, за спиной Черчилля стоит профессор Линдеман^{3*}. Его он слушается, с его советами считается. Это настоящая «...»^{4*}. Министры же лишь пешки в руках премьера.

Речь зашла об эффекте нашего сопротивления Германии.

– Поверьте мне, – воскликнул Ллойд Джордж, – ваше сопротивление явилось для многих, слишком многих величайшим сюрпризом...

– И при том неприятным для некоторых, – со смехом добавил я.

– Да, да, – залился Ллойд Джордж, – для некоторых совсем неприятным... Не только среди консерваторов, но и среди лейбористов.

– Еще бы! – расхохотался я. – Я слышал, что сейчас самый несчастный человек в Англии – [У.] Ситрин.

– А что вы думаете? – воскликнул Ллойд Джордж, – великолепное сопротивление СССР – яркое доказательство жизненности вашей системы. Война, подобная нынешней, – суровый экзамен для всякого режима, для его политики, экономики, транспорта, для морали всего населения. Россия выдержала этот экзамен блестяще. Коммунизм от этого везде выиграет. Как же могут быть довольны люди из «...»^{4*}?

17 августа (Бовинглон)

Закончилось 8 недель войны. Мы можем быть довольны результатами. Правда, как раз в последние дни немцы продвинулись вперед в Ю[жной] Украине, и берлинское радио подняло страшный шум об «уничтожении» армии Буденного в 25 дивизий. Лозовский*, однако, был прав, когда заявил, что Буденного «уничтожил» Геббельс, а не Рейхсвер.

На самом деле на украинском фронте сейчас произошло то, что раньше не раз происходило и на других фронтах. Инициатива до сих пор еще остается в руках у немцев. Они атакуют. Они выбирают момент и пункт новой попытки «прорыва». И, конечно, выбирают наиболее слабый пункт в огромной линии фронта и наиболее неудобный для нас момент. Естественно, что в первые дни подобные атаки имеют успех. Потом мы подводим к опасному пункту подкрепления, переходим в контратаку, затыкаем дыру. «Прорыв» не реализуется.

^{3*} Линдемманн Фредерик, лорд Червелл, заведовал кафедрой физики в Оксфордском университете, входил в состав Комитета исследований в области воздушной обороны (Air Defence Research Committee).

^{4*} Пропуск в оригинале.

* Лозовский А. (Дридзо С.А.) – заместитель наркома иностранных дел, заместитель начальника Совинформбюро.

Решающая победа ускользает из рук немцев. Думаю, что и теперь мы потеряем на Украине известные территории, но сохраним крепкий фронт и боеспособную армию. Вот только чтобы не пришлось отдать какого-либо важного района!.. Будем надеяться.

В расчетах Гитлера на победу два элемента играли и играют основную роль:

- 1) Быстрота операций —
- 2) Решительность операций.

До сих пор мы с успехом парировали оба эти элемента. «Blitzkrieg»^{2*} явно провалилась. Вот уже 8 недель с начала войны, а победы на горизонте что-то не видно. Вместе с тем мы не давали окружить себя, уничтожить крупные соединения наших армий, вообще не принимали «решающего» боя, в котором шансы были бы на стороне немцев. Вместо этого мы с боями и контратаками постепенно отступали, нанося Гитлеру колоссальные потери. Еще 6–8 недель такой же тактики — при условии сохранения важных в промышленном и военном отношении районов, — и победа обеспечена за нами (хотя бы и не немедленно).

24/8 –* Меж[оюзническая] конф[еренция]

Еще не получен в М[оскве] полн[ый] текст ноты – пригл. Нет времени для обсужд[ения] порядка дня и пр. (конф[еренция] назн[ачена] 27[-го]). Не сможем принять участие. К декл[арации] Ч[ерчилля]–Р[узвельта] не можем просто присоед[иниться]: подгот[овлена] и опубл[икована] без учета н[ашего] мнен[ия] и н[ашей] информ[ации], хотя мы несем всю тяжесть войны. Не возраж[ая] пр[отив] принципов декл[арации], хотели бы более решит[ельных] треб[ований] пр[отив] гитлер[овской] Германии. У нас раздр[ажены] тем, что СССР хотят превр[атить] в беспл[атное] прил[ожение] др[угих] держав. Надо передать бритпра³⁴.

27/8 – Хьюгессен был у Иненю*. Разговор об англ[ийских] поставк[ах] Т[урции]. Иненю недоволен А[нглией] и САШ в этом отн[ошении]. – Ин[еню] сомнев[ается] в продолжении сопрот[ивления] Кр[асной] А[рмии] до зимы. Но прибавил «вы победите». Не понимает, зачем понадобилась а/с воен[ная] акция в Ир[ане]³⁵. Т[урция] удовлетв[орена] а/с заявлениями (10 и 25/8)³⁶.

Моск[овская] конф[еренция]³⁷

28/8*

Бив[ербрук] вернулся из Ам[ерики]. Крайне недоволен медлит[ельностью] САШ. На вопрос, когда он поедет в М[оскву] на конфер[енцию], отвеч[ал]: «This afternoon!»^{2*} Задерж[ивают] америк[анцы]. Лучшим предст[авителем] САШ

^{2*} Молниеносная война (нем.).

* Данная запись, по-видимому, представляет собой конспективное изложение телеграммы В.М. Молотова, см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 104.

* Хьюгессен Х. – посол Великобритании в Турции; Иненю Исмет – президент Турции.

* Автограф И.М. Майского.

^{2*} Сегодня после обеда (англ.).

был бы Гопкинс. Поедет ли? Здоровье. Сложн[ости] с Lease and Lend Bill^{3*}. Предвар[ительные] подсчеты ам[ериканских] возмож[остей]. Б[ивербрук] говорил об СССР с необ[ычным] энтуз[иазмом]: «Вы – велик[ий] народ! Вы – наст[оящий] народ! Где была бы сейчас А[нглия] без России? Вы заслуж[иваете] самой шир[окой] поддержки с н[ашей] стор[оны]. С[о] своей стороны готов сделать все, что могу». Каково прак[тическое] значение этих заяв[лений]? On verra^{4*}.

26 / 8 / 41*

[Разговор] с Ид[еном]³⁸.

И[ден] спросил о настр[оениях] в СССР.

Ответ[ил] от собств[енного] им[ени] (не от пра[вительства]).

Среди шир[оких] сов[етских] масс растет недоумение и разочар[ование] повед[ением] А[нглии]. 10 недель мы ведем тягч[айшую] борьбу пр[отив] самой мог[ущественной] воен[ной] машины в истории. Одни! Народ и армия храбро сраж[аются], но б[ольшие] потери: 700 т[ысяч] человек, 5¹/₅ т[ысяч] танк[ов], 4¹/₂ т[ысяч] самол[етов], 1¹/₅ т[ысяч] оруд[ий]; территор[ии], часть из них ценные и важн[ые].

А что делала это время А[нглия]? Н[аше] предл[ожение] – 2[-й] фр[онт] на Зап[аде] – в июле отвергн[уто]. Не хочу говор[ить] о причинах. Снабж[ение]? Казалось бы легче, если А[нглия] не воюет... Перебр[осить] на активн[ые] уч[астки] фронта... Спасибо за 200 ТН^{2*}, но что это по сравн[ению] с н[ашими] потерями?... Просили крупн[ых] бомб, мин[истерство] ав[иации] после долгих разгов[оров] соглас[илось] и дало... 6 бомб!.. Говорят: помогаем возд[ушным] наступл[ением] на Г[ерманию]. Кое-что есть. Спасибо. Однако... мало щипать беш[еного] зверя за хвост, надо бить его дубиной по голове! Англ[ийские] бомб[ардировки] не застав[или] немцев снять ни одной эскадр[ильи] с востока... Много восторгов, admiration^{3*} и пр. Приятно, но платонично. Часто думаю: «Поменьше бы восторгов, – побольше бы истребителей!» Неудивит[ельны] чувства разочар[ования] и недоум[ения] у сов[етского] человека. Как посол, кот[орый] и пр., считаю нужным предупр[едить] Ид[ена] об этих настр[оениях].

Сильное впечатл[ение] на Ид[ена]. Half-hearted^{4*} защита (сам стор[онник] 2[-го] фр[онта]): А[нглия] не готова к вторжен[ию], САШ медл[енно] раскач[иваются] с поставк[ами]. А[нглия] развор[ачивает] возд[ушное] наст[упление], коопер[ация] м[ежду] А[нглией] и СССР в Иране. Хор[ошие] проспекты на Б[лижнем] Вост[оке]. Предстоят опер[ации] в Ливии.

Я ответил: Ир[ан] и Лив[ия] – подсобн[ые] задачи. Осн[овная]: как разбить Г[ерманию]? Какова генер[альная] стратегия А[нглии]? В начале 7/40^{5*} Ч[ерчилль] мне сказал: «Моя ген[еральная] стр[атегия] – выжить [в] ближ[айшие] 3 мес[яца]»³⁹. Ид[ен] тогда же мне говорил, будучи военмин,

^{3*} Билль о ленд-лизе (англ.).

^{4*} Посмотрим (фр.).

* Автограф И.М. Майского.

^{2*} Имеются в виду 200 самолетов «Томагавк» (Tomahawk).

^{3*} Восхищение (англ.).

^{4*} Сдержанная (англ.).

^{5*} Имеется в виду – в начале июля 1940 г.

что А[нглия] д[олжна] б[ыть] превр[ащена] в неприст[упную] крепость, лавировать, накапливать силы и пр. Зимой 40/41 г. теория – накопл[ение] сил, генер[альное] наступл[ение] в 42–43 гг., домин[ирующая] роль возд[ушного] флота (превосх[одство] с пом[ощью] САШ). Мне было неясно, как А[нглия] может победить (не изб. пораж.)? Но пока А[нглия] воевала одна, друг[ого] выхода не было... Но сейчас? С 22/6 воен[ная] сит[уация] революционизир[овала]. У А[нглии] появился могущ[ественный] сухоп[утный] союзник на востоке. Как отразилась перемена на англ[ийской] ген[еральной] стр[атегии]? Отразилась ли вообще? Как думает А[нглия] теперь побед[ить] Г[ерманию]?.. Разъясните.

Путан[ые] и слабые ответы И[дена] (Ливия, Турция, пом[ощь] СССР в буд[ущем] авиацией в районе Ч[ерного] моря и пр.)^{6*}. Ид[ен] обещ[ал] поговорить с Ч[ерчиллем] по всему комплексу. Общее впечатл[ение]: у И[дена] нет генер[альной] стр[атегии]. Есть ли у Ч[ерчилля]? Сомневаюсь.

В закл[ючение] Ид[ен] стал благодар[ить] меня за мои слова. Ему оч[ень] важно знать действ[ительные] настр[оения] в СССР. Он хочет сбл[изнения.] «Поверьте, – и я, и премьер, – всемерно хотим помочь СССР, но в силу разн[ых] причин не всегда легко [это] сделать. Но желание есть. За политику прошл[ых] пр[авительств] мы не отвечаем».

Я сказал: «Если бритпра действит[ельно] хочет улучшить отн[ошения –] добр[ый] совет: не принимать ответств[енных] деклар[аций] (deus ex machine^{7*}) среди Атл[антического] ок[еана]. Дело не в содерж[ании] (это ОК^{8*}), а в способе рождения. Создалось впечатл[ение]: А[нглия] и САШ вообр[азили] себя господом богом, кот[орый] судит весь ост[альной] грешн[ый] мир, в т[ом] ч[исле] и СССР. На такой базе дружбы не построить».

И[ден] смущен. Ссылка на Рузв[ельта] – это его иници[иатива]. Черч[илль], отправляясь [в путь], даже не знал о деклар[ации].

30 августа

Моя инициатива попала в точку. Разговор с Иденом 26-го произвел впечатление в Москве. От Д.И.* пришел отклик, который начинался словами: «Ваша беседа с Иденом о стратегии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что вы так хорошо уловили эти настроения»⁴⁰. Дальше следовали соображения политического характера: цель Гитлера – бить своих противников поодиночке, сегодня русских, завтра – англичан. Бритпра своей пассивностью в настоящее время играет на руку Гитлеру. Правда, нам англичане аплодируют, а немцев ругают последними словами. Но по существу это несколько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Конечно, понимают. Чего же они в таком случае хотят? Видимо, нашего ослабления. Если это так, то нам надо быть с ними очень осторожными.

Д.И. сообщал кое-что и о положении на фронте. За последнее время ухудшилась ситуация на Украине и под Ленинградом. Причина: немцы перебросили с запада последние 30 дивизий. Сейчас вместе с 20 финскими и 22 румынскими

^{6*} Далее вычеркнуто – «мое впечатление».

^{7*} Deus ex machina (лат.). – букв. Бог из машины (неожиданное разрешение трудной ситуации, не вытекающее из естественного хода событий).

^{8*} О'кей – хорошо (англ.).

* За инициалами «Д.И.» здесь, по-видимому, имеется в виду Сталин.

дивизиями против нас стоит до 300 дивизий. Опасность на западе немцы считают блефом и потому спокойно снимают оттуда все сколько-нибудь приличные части. Откуда у немцев такая уверенность?.. Если англичане не расшевелятся в ближайшее время, наше положение станет угрожающим. Выиграют ли от этого англичане? Нет, думаю, проиграют.

Заканчивал Д.И. совсем угрюмо: если в ближайшие 3–4 недели не будет создан в Европе 2[-й] фронт, мы и наши союзники могут^{2*} проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом.

Получив такое сообщение, я долго ходил по своему кабинету и думал. Конечно, Д.И. лучше знать положение, но мне все-таки не верилось, что мы можем потерпеть поражение. С самого начала войны я был твердо убежден в нашей конечной победе. Для меня неясна была только цена, которую нам придется заплатить за эту победу. Я и сейчас остался верен своему основному настроению. Однако слова Д.И. свидетельствовали о том, что ситуация оказалась крайне напряженной. Надо было попытаться ее разредить или, по крайней мере, использовать для того, чтобы заставить англичан «расшевелиться». Я больше рассчитывал на последнее и потому сразу же ответил именно в таком духе.

Я говорил, что если положение столь серьезно, то следовало бы сделать еще одну попытку толкнуть бритпра на создание 2[-го] фронта во Франции или на Балканах. При этом я прибавлял: не хочу вызывать у вас необоснованных иллюзий. В такой момент, как сейчас, вы больше, чем когда-либо должны знать факты, как они есть. Поэтому предваряю, что по моим впечатлениям обстановка в правительственных кругах (не в массах) для создания 2[-го] фронта в данный момент мало благоприятна. Это подтверждается, между прочим, моей беседой с премьером на завтраке 29 августа. В основе таких настроений лежит сложный переплет мотивов: гипноз германской непобедимости на суше, рост complacency^{3*} в связи с силой нашего сопротивления (многие говорят: русские дерутся хорошо, мы можем выждать и спокойно реализовать свои планы для решающего наступления в 1942 или 1943 гг.), желание ослабить СССР (несомненно имеющееся у значительного крыла консерваторов), малая подготовленность англичан к крупным десантным операциям, боязнь нового Дюнкерка (что могло бы подорвать положение правительства внутри и ударить по его престижу в США). Таков анализ указанных настроений, но не их оправдание. Исходя из данной обстановки, мне кажется, что больше шансов мы имеем «расшевелить» англичан в области снабжения.

Тем не менее ввиду угрожающего положения СССР можно еще раз поставить пред бритпра вопрос о 2[-м] фронте. Черчилль и др. должны же, в конце концов, понимать, что, если СССР выйдет из игры, Брит[анская] империя кончена. И, если бы наша вторичная попытка по вопросу о 2[-м] фронте даже кончилась неудачей, – все равно: пред своим народом и пред историей мы имели бы оправдание, что сделали все возможное для того, чтобы открыть англичанам глаза на грозящую опасность, для того, чтобы предупредить наихудшее. Конечно, при этом надо учесть и обратную сторону: если англичане все-таки 2[-го] фронта не создадут, а мы откроем пред ними критичность нашего положе-

^{2*} Так в тексте.

^{3*} Успокоенность (англ.).

ния, – это может неблагоприятно отразиться на вопросах снабжения. Англичане могут решить: русским все равно не поможешь, так лучше придержать для себя наличные танки и самолеты. Все плюсы и минусы предлагаемого мной демарша надо взвесить, но, если все-таки демарш будет решен, то возможны две его формы: 1) личное послание Сталина Черчиллю, 2) мой развернутый разговор с Черчиллем по создавшемуся положению. На мой взгляд, первая форма лучше и эффективнее.

Религия

31/8 – Был в Фелтене (под Л[ондоном]) на молебствии-демонстр[ации] в честь Кр[асной] А[рмии]. В парке 10 тыс. чел[овек] – гл[авным] обр[азом] рабочие с семьями с соседн[его] ав[иационного] завода. Свящ[енник] пропел неск[олько] псалмов. Толпа подпевала. Кратк[ая] проповедь с призывом поддерж[ивать] Кр[асную] А[рмию] и СССР. Аплодисм[енты]. Все это заняло ок[оло] п[олу]ч[аса]. Затем предс[едатель] мест[ного] профсов[ета] открыл митинг. Речи о героизме СССР, народа, армии. Один оратор: только благодаря «*purge*»^{*} 1936–[19]38 гг. сейчас в СССР нет квислингов. Говорил я (символ: взрыв Днепрогэса). Аплодисм[енты] при имени Ст[алина] «Интерн[ационал]» и «*God save the king*»^{2*}. Два флага над платф[ормой]. Десятки профс[оюзных] знамен (в т[ом] ч[исле] сов[етских] желдор[ог], подарок раб[очей] дел[егации] из Фелт[ена] в прошлые годы). До богосл[ужения] я принимал местн[ых] Home Guard^{3*} (рабочие). Дети засыпали цветами. Прием теплый и друж[еский]. Типично для массов[ых] настр[оений]. Радио в 9 ч[асов] цитировало мою речь.

7/9 – [К.В.] Новик[ов] на богосл[ужении] в церкви св. Фил.* в ю[жной] ч[асти] Лондона. В память павших в бою красноарм[ейцев]. Молитва за Ст[алина], со-впра, посла в Л[ондоне] и его штата. Исполнен «Интерн[ационал]». Молитва за англ[ийского] кор[оля], Черч[илля], – «*God save the King*». Священник Робертс в проповеди доказ[ывал], что сов[етская] эк[ономическая] сист[ема] – христ[ианская] сист[ема]. Нов[иков] пожал руки 600 человек. Крики «Да здрав[ствует] СССР», «Рот фронт». Сбор в пользу сов[етского] и англ[ийского] Кр[асного] Кр[еста].

Моск[овская] конф[еренция]

2/9 – Разг[овор] с Бив[ербруком] и Вайн[антом] об ускорен[ии] созыва. Хотели бы – задержка за амер[иканцами]. Вайн[ант] послал уже 4 тел[еграммы] в США, но безуспешно. Спад настр[оений] в Ам[ерике] (глупо, но факт). Хар[риман]* собирается быть в Л[ондоне] в конце сент[ября]. Бив[ербрук] по-

* Чистка (англ.).

^{2*} «Боже, храни короля!» (англ.).

^{3*} Гражданская оборона (англ.).

* Имеется в виду церковь Успения Божией Матери (бывшая англиканская церковь Св. апостола Филиппа), где в 1921–1953 гг. совершались богослужения Лондонского прихода Русской православной церкви. Разрушена в связи со строительством автовокзала.

* Далее – Гарриман Аверелл – глава делегации США на Московской конференции 1941 г.

сле тел[ефонного] раз[говора] с Гарри[аном] не рассчит[ывается] на ускорение. Сожалеет. Его пресса ведет кампанию в пользу немедл[енной] помощи. Как ехать: крейсер или «Каталина»^{2*}?

4 сентября

Мое предложение принято. Сегодня утром я получил текст личного послания Сталина премьеру. Твердый, ясный, беспощадный язык. Никаких иллюзий, никакой розовой водицы. Факты, как они есть. Опасности, как они угрожают. Замечательный документ.

Около 4 час[ов] дня я был у [А.] Кадогана по иранским делам. Сообщил ему, что имею передать Черчиллю послание Сталина, и просил устроить мне свидание с премьером по-возможности сегодня же вечером или завтра утром. Кадоган сразу позвонил секретарю Черчилля – тот обещал срочно выяснить и дать ответ. Предварив, однако, что завтра премьера нельзя будет увидеть, так как он с утра уезжает из Лондона для выполнения одного важного «engagement of long standing»^{*}.

Я просил далее Кадогана, чтобы при моем свидании с премьером присутствовал также Иден.

– Мне очень жаль, – прибавил я, – что приходится нарушать отдых министра иностранных дел, но дело слишком серьезно, и, я думаю, он на меня не посетует...

Иден как раз за несколько дней перед тем уехал за город на неделю, чтобы использовать «holidays»^{2*}.

Кадоган рассчитывал, что получит от секретаря премьера ответ, пока мы разговариваем об иранских делах, но ответ что-то задержался. Я покончил с своими вопросами, а секретарь все не звонил. Я решил уехать домой и попросил Кадогана уведомить меня о часе и месте свидания с премьером по телефону. Действительно, едва я вернулся в посольство, как зазвенел телефон и Кадоган сообщил, что Черчилль примет меня сегодня же в 10 час[ов] вечера на 10, Downing Street^{3*} и что Иден будет присутствовать при разговоре.

За четверть часа до срока я выехал из дому. На небе была яркая луна. Фантастической формы облака бежали с запада на восток. Когда они покрывали лик луны, края их начинали светиться рыже-черными тонами, и тогда вся картина принимала какой-то мрачно-зловещий характер. Точно мир был накануне своей гибели. Я ехал по знакомым улицам города и думал:

– Еще несколько минут, и наступит большой, чреватый величайшими последствиями, может быть, решающий исторический момент. Окажусь ли я на высоте его? Хватит ли у меня сил, энергии, ловкости, гибкости, находчивости для того, чтобы сыграть свою роль с максимумом успеха для СССР и для всего человечества?..

В состоянии высокой настроенности, полный какого-то звящего внутреннего напряжения я вошел в^{4*} крыльцо знаменитого дома. И сразу проза жизни

^{2*} «Каталина» – самолет-амфибия, так называемая летающая лодка.

^{*} Давнее обещание (дело), давняя договоренность о встрече (англ.).

^{2*} Выходные (англ.).

^{3*} Даунинг-стрит, 10 – адрес резиденции премьер-министра Великобритании.

^{4*} Так в тексте.

потасила меня с облаков на землю. Привратник, самый обыкновенный английский привратник в ливрее, с низким поклоном принял от меня шляпу. Другой такой же привратник повел меня по плохо освещенному коридору, по которому быстро сновали какие-то молодые люди и девицы, – должно быть, секретари и машинистки премьера. Потом меня посадили у небольшого столика и пошли доложить «по начальству». Вся эта обычная рутина приемного обихода, столь хорошо знакомая мне по многолетнему опыту, подействовала на мою душу, как ушат холодной воды.

Затем меня ввели в кабинет премьера, или, точнее, в комнату заседаний правительства. Черчилль в вечернем смокинге с неизменной сигарой в зубах сидел в середине длинного стола под зеленым сукном с длинным рядом пустых стульев. Около премьера был Иден в легком темно-сером костюме. Черчилль исподлобья посмотрел на меня, пыхнул сигарой и по-бульдोजьи буркнул:

– Приносите хорошие новости?

– Боюсь, что нет, – ответил я, подавая премьеру пакет с посланием Сталина.

Он вынул послание и, надев очки, стал его внимательно читать. Каждый прочитанный лист Черчилль передавал Идену. Я сидел на стуле рядом с премьером, молчал и следил за выражением его лица. Когда Черчилль кончил, видно было, что послание Сталина произвело на него сильное впечатление.

Я заговорил:

– Итак, теперь, мистер Черчилль, вы и британское правительство знаете истинное положение вещей. Вот уже 11 недель, как мы одни выдерживаем страшный напор германской военной машины. На нашем фронте немцы сконцентрировали до 300 дивизий. Никто нам не помогает в этой борьбе. Ситуация создалась трудная и угрожающая. Еще не поздно ее выправить. Но для этого необходимо быстро и решительно сделать то, о чем пишет Сталин. Если потребных мер немедленно не будет принято, момент может быть упущен. На британском правительстве и лично на вас, мистер Черчилль, лежит сейчас величайшая ответственность пред вашей страной, пред всем миром. Либо – либо. Либо вы твердо и решительно окажете СССР ту помощь, в которой он нуждается, – тогда война будет выиграна, гитлеризм разгромлен, пред человечеством откроется возможность свободного и прогрессивного развития. Либо вы не окажете нам той помощи, которая нужна, – тогда СССР рискует поражением со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подумайте об этих последствиях! Если Гитлер выиграет свою «русскую кампанию», – не только фашистская Германия станет законодательницей мира, не только СССР тяжело пострадает, но и Брит[анская] империя будет обречена на гибель. Ибо кто в этом случае помешает Гитлеру пойти на Индию, на Египет? Кто помешает Германии и Японии встретиться где-либо в районах Сингапура?.. Я не люблю высоких слов и высокопарных выражений, но по совести должен сказать: наша сегодняшняя встреча, вот эта беседа между тремя людьми на 10, Downing Street, вечером 4 сентября 1941 г., имеет величайшее значение. Кто знает, как ее будут расценивать будущие поколения? Кто знает, не станет ли она поворотным пунктом в мировой истории – поворотным пунктом в ту или другую сторону? Все зависит от того, какую позицию сейчас займет британское правительство и, в частности, вы, мистер Черчилль.

Пока я говорил, премьер усиленно сосал свою сигару и слушал, лишь иногда жестами и выражением лица отмечая свою реакцию на мои слова, а Иден,

склонив голову, внимательно изучал послание Сталина и на полях делал какие-то отметки.

Потом Черчилль стал отвечать. Да, он прекрасно понимает, что в течение 11 недель мы ведем войну одни. Он прекрасно сознает всю трудность и всю опасность нашего положения. Он прекрасно представляет себе катастрофические последствия, которые имело бы наше поражение. Конечно, в этом случае Индия была бы временно потеряна для Англии... Временно, потому что даже и в этом случае оставшиеся части Брит[анской] империи все-таки продолжали бы борьбу хоть 10, хоть 20 лет и, в конце концов, одержали бы победу. Но что же делать?

– Я не сомневаюсь, – воскликнул Черчилль, – что Гитлер и сейчас хочет проводить свою старую политику, бить своих врагов поодиночке... Я готов был бы пожертвовать 50 тыс. английских жизней, если бы этой ценой я мог бы отвлечь с вашего фронта хоть 20 германских дивизий!

К сожалению, Англия сейчас не может, не в силах создать второго фронта во Франции. И тут Черчилль опять повторил все то, что он говорил мне в июле на ту же тему и что он затем изложил в своем ответе на июльское послание Сталина.

– Пролив, который мешает Германии перепрыгнуть в Англию, – добавил премьер, – мешает также и Англии перепрыгнуть в оккупированную Францию.

Второй фронт на Балканах Черчилль считает сейчас невозможным. Для этого у англичан не хватит ни войск, ни авиации, ни тоннажа.

– Подумайте, – воскликнул Черчилль, – весной 3–4 дивизии мы перебрасывали из Египта в Грецию целых 7 недель. И это при том условии, что Греция была не враждебная, а дружественная страна! Нет, нет! Ни во Франции, ни на Балканах мы не можем идти на верное поражение!

Я ответил:

– Иногда поражение бывает не менее важно, чем победа. Вспомните прошлую войну. Когда генерал [А.В.] Самсонов вступил в Восточную Пруссию, он тоже не был еще готов для такой операции. Он тоже рисковал поражением. Больше того, он действительно понес поражение и покончил жизнь самоубийством. Но это поражение спасло Париж. Это поражение спасло войну для союзников.

Мое замечание произвело сильное впечатление на Черчилля. Его «histoire sense»^{5*} (а он у него силен) был разбужен. Видно было, что мысленно он запнулся от моего напоминания. Однако быстро оправился и продолжал отстаивать свою прежнюю точку зрения. Как бы ища оправдания, он предложил мне встретиться завтра с начальниками штабов и в беседе с ними убедиться в невозможности создания второго фронта.

– Мы, англичане, плохие союзники на суше, – откровенно сознался Черчилль. – Да и разве может быть иначе? Мы сильны на море, мы не плохи в воздухе, но на суше... У нас нет ни традиций, ни опыта, ни вкуса. Наша армия пока еще слаба и недостаточно обучена. Ей нужны опыт и время. Вот через 4–5 лет она сможет стать серьезной силой!

Я невольно подумал:

– Неужели Черчилль всерьез думает о 5-летней войне?

^{5*} Чувство истории (англ.).

Было ясно, что о втором фронте на западе или на Балканах сейчас не приходится думать. Тогда я попытался с другой стороны подойти все к той же проблеме: как бы облегчить германское давление на нашем фронте?

– Если вы не считаете возможным, – сказал я, – путем создания второго фронта снять с наших плеч два-три десятка немецких дивизий, то, может быть, вы могли бы помочь нам хотя бы избавиться от давления двух десятков финских дивизий? Почему бы вам не использовать свое влияние и влияние американское для того, чтобы способствовать выходу Финляндии из войны? Насколько я знаю, в самой Финляндии по этому вопросу идет сейчас большая внутренняя борьба.

Моя мысль Черчиллю очень понравилась. Он даже как-то загорелся весь. Повернувшись к Идену, премьер с ударением воскликнул:

– Непременно, непременно сделайте, что можно! Используйте все средства, вплоть до объявления Финляндии войны. Апеллируйте к Вашингтону.

Иден обещал завтра же это сделать.

Видя, что продолжать полемику по вопросу о втором фронте бесполезно, я отступил на «вторую линию» и сделал особый упор на вопросах военного снабжения. Здесь премьер, как я и предполагал, оказался гораздо податливее. Он обещал рассмотреть просьбу Сталина по танкам и самолетам с максимальной симпатией и после того дать окончательный ответ.

– Только не ждите от нас слишком много! – предостерег Черчилль. – У нас самих не хватает оружия. Свыше миллиона английских солдат еще невооружены.

И Черчилль с искоркой в глазах, точно мальчишка, который хвастается, что ловко надул одноклассника, рассказал, как на свидании в Атлантике ему удалось выцарапать у Рузвельта 150 тыс. винтовок. 150 тыс.! Вот о каких цифрах пока приходится говорить. Что касается танков, то о 500 танках в месяц не может быть и речи. Все танковое производство Англии не достигает этой цифры!

– Я не хочу вводить вас в заблуждение, – подвел итог Черчилль. – Я буду откровенен. До зимы мы не сможем оказать вам никакой существенной помощи ни созданием второго фронта, ни слишком обильным снабжением. Все, что мы смогли бы вам сейчас послать по части танков, самолетов и пр., совершенные пустяки в сравнении с вашими потребностями. Мне горько это говорить, но истина прежде всего. В будущем иное дело. В 1942 г. ситуация изменится. В 1942 г. и мы, и американцы сможем давать вам много. А пока...

И Черчилль закончил с полуусмешкой в голосе:

– В течение ближайших 6–7 недель вам может помочь только Бог, в которого вы не верите. К тому же, если бы мы даже послали вам сейчас танки и самолеты, они все равно не попали бы к вам до зимы.

– Пусть так, – возразил я, – но если бы мы были твердо уверены в поступлении из Англии определенных количеств оружия, мы свободнее могли бы распорядиться своими резервами в настоящий момент.

– Это серьезное соображение, – реагировал Черчилль. – Я постараюсь сделать все, что только возможно, для исполнения просьбы Сталина об оружии.

Премьер предостерег меня, однако, от излишних надежд на США. Они вечно подводят. Вечно отстают от своих обещаний. Англичане до сих пор еще полностью не получили оружия, заказанного ими в Америке в начале войны на наличные. А по Lease and Lend пока не получено ничего. Серьезного потока вооружений из Америки можно ждать лишь во второй половине 1942 г.

Тут я перешел к другому вопросу, который уже давно лежал камнем у меня на сердце:

– СССР и Англия, – заметил я, – союзники, они ведут общую войну против общего врага. Казалось бы, это предполагает наличие общего стратегического плана войны (хотя бы в основных очертаниях). А есть ли у них такой план? Нет, его нет. Мы не знаем, как англичане собираются разгромить Гитлера, англичане не знают, как мы это себе представляем. Никаких военных переговоров между штабами нет. Нет даже намека на серьезную военную кооперацию. Это ненормально. Нельзя ли расширить рамки предстоящей московской конференции и обсудить на ней не только вопросы снабжения, но также и вопросы общей стратегии?

Черчилль в принципе согласился со мной, хотя и без особого энтузиазма. Он заявил, что готов совместно с нами разработать общий стратегический план.

Я поинтересовался, как премьер представляет себе дальнейший ход и исход войны?

Ответ Черчилля сводился к след[ующему]:

До 22 июня он был уверен в конечной победе Англии, но не мог бы сказать, как и когда это должно произойти. Просто он верил в стойкость британской нации, рассчитывал на постепенное действие блокады, на завоевание с помощью САШ превосходства в воздухе, на рост внутренних трудностей в Германии. Подсознательно полагался также на «счастье», [на] которое до сих пор везло Англии на протяжении всей ее истории (я вспомнил тут басню о двух лягушках, рассказанную Черчиллем Прюцу^{6*}).

– Сознаюсь, однако, – добавил Черчилль, – что пути, ведущие к победе, были мне в тот период неясны.

После 22 июня положение круто изменилось. Теперь пути, ведущие к победе, ясны, но перспективы тем не менее совсем не розовые. Война будет длинная, тяжелая, изнурительная.

Я прервал тут Черчилля и спросил:

– Все это так, но скажите, имеете ли вы план или хотя бы наметку плана войны, ну, хотя бы, на 1942 г.?

– Мои планы на 1942 г. очень скромны⁴¹, – ответил Черчилль. – Вот они: крепко держать метрополию, не допуская вторжения, держать долину Нила и Бл[ижний] Восток, отвоевать Ливию (и, если удастся, захватить Триполи), наладить снабжение СССР через Иран и др[угими] путями, привлечь на свою сторону Турцию, бомбить без усталости Германию и вести беспощадную войну с подлодками. В остальном – готовить армию, усиливать воздушный флот, развивать производство оружия, укреплять Бл[ижний] Восток. К концу т[екущего] года я рассчитываю иметь в этой части света 750 тыс. войск (сейчас около 600), к весне 1942 г. – около 1 мил.

В конечном счете у Черчилля выходило, что 1942 г. должен быть еще «подготовительным» годом. Никаких крупных десантных операций. Никаких попыток привести войну к решению. Решающим годом может быть 1943-[й], когда с помощью САШ Англия доведет число своих танков до 20 тыс. Однако и 1943 г. еще только гипотеза. Не исключено, что развязку придется отложить до 1944 г.

^{6*} Далее – Прюц Бьерн Пьер – посланник Швеции в Великобритании.

– Я вижу большую аналогию, – заявил премьер, – между нашим временем и эпохой Наполеона. Вспомните, война тогда продолжалась долго, и в течение многих лет мы имели только одни неудачи. А чем все-таки кончил Наполеон? Святой Еленой. Так же будет и с Гитлером. Только Святая Елена слишком хорошее место для него.

Последние слова Черчилль произнес с [о] страшной злобой, почти с бешенством. Чувствовалось, что в груди его клокочет невероятная ненависть к Гитлеру ... и к Германии.

Было без четверти двенадцать, когда я покинул премьера. Просидели почти два часа. Луна уже зашла, и улицы Лондона, погруженные в «блэк-аут»^{7*}, были полны зловещей тишиной. Я ехал, подводил итоги и думал:

– Каков-то будет результат^{42?}

[Далее в тексте дневника идут две страницы рукописного текста с пометкой: «Не перепечатывать. И.М.»]

1. Немножко самовлюбленный и [...]*
2. Не плохо дана позиция французов и англичан в отношении испанских событий.
3. Интересны переговоры с [Э.] Г[алифаксом] о формулах гарантий Румынии, Польше в случае агрессии со стороны немцев.
4. Сомнительна оценка позиции лейбористов в отношении войны Англии против гитлер[овской] Германии (см. 14.X.39).
5. Хорошо показана позиция англичан в отношении сов[етско]-финск[ого] конфликта 39–40 гг.
6. О миссии Самнера Уэллеса в Европу.
7. О волоките в назначении Криппса «special envoy»^{2*}

5 сентября

Сегодня в 11 час[ов] утра у Идена состоялось предложенное Черчиллем совещание с начальниками штабов. Председательствовал Иден. Присутствовали адмирал Паунд, генерал Дилл, воздушный маршал Портал* и еще 2–3 военных. С нашей стороны были я и Харламов^{2*} с Барановым^{3*} в качестве переводчика для адмирала. Заседали около 2 час[ов]. Обсуждали возможность или невозможность второго фронта во Франции с чисто стратегической точки зрения. Я был сильно разочарован – не тем, что начальники штабов находили такую операцию невозможной (к этому я был подготовлен всем предыдущим), а бедностью и избитостью их аргументов. Ровно ничего нового, ничего более убедительного по сравнению с тем, что я уже десятки раз слышал от других, начиная с премьера и кончая рядовыми журналистами. В основном, однако, чувствовалось, что на-

^{7*} Затемнение (светомаскировка) (англ.).

* Далее неразборчиво.

^{2*} Специальный посол (англ.).

* Портал Чарлз Фредерик – вице-маршал авиации, начальник штаба военно-воздушных сил Великобритании.

^{2*} Харламов Н.М. – заместитель главы советской военной миссии в Великобритании, контр-адмирал.

^{3*} Баранов Петр Иванович – секретарь советской военной миссии в Великобритании, военный инженер 2-го ранга, сотрудник Разведывательного управления Генштаба РККА.

чальники штабов просто загипнотизированы мощью германской военной машины и совершенно лишены духа инициативы и смелости. Лучше всех мне показался Дилл, хуже всех Паунд. Иден почти не высказывался, а только председательствовал. Разошлись перед самым «ланчем». Вердикт начальников штабов был: второй фронт невозможен ни во Франции, ни на Балканах. О Балканах в этом аспекте они даже не стали особенно много говорить как о вещи самой собой разумеющейся. Паунд сказал: нет тоннажа, флот не берется обеспечить операцию – и этого оказалось достаточным. Еще пугали: немцы оставили во Франции 26 дивизий и 1100 самолетов первой линии (в том числе 800 истребителей). Отсюда делался вывод: десант во Франции невозможен.

После окончания военного совещания я остался ненадолго с Иденом. Он сообщил мне, что Черчилль отменил предполагавшуюся на сегодня поездку за город и все утро работает над ответом т. Сталину. Вероятно, этот ответ будет готов к вечеру, и тогда я получу его копию.

Я задал Идену вопрос:

– Насколько я понимаю, бритпра как будто бы собирается оказать нам более широкую помощь снабжением. На какой базе это будет делаться? За наличные? В кредит?

Иден был захвачен несколько врасплох и ответил, что выяснит это у премьера. Тогда я прибавил:

– Раз уж вы будете говорить на эту тему с Черчиллем, то не поставите ли перед ним вопрос о том, чтобы снабжение нам отпускалось на базе *Lease and Lend*? Иными словами, нельзя ли между Англией и СССР установить в этой сфере такие же отношения, какие существуют сейчас между США и Англией? Мне казалось бы, что такой подход к вопросу был бы логичен и естествен.

Иден оживился и сказал, что он со мной согласен. Видно было, что моя идея ему понравилась. Он обещал затронуть мое предложение в разговоре с премьером.

В 6 час[ов] я должен был выступать с кратким словом на гражданской панихиде по Тагору^{4*}. Уезжая, я на всякий случай сказал в посольстве, чтобы в случае чего меня немедленно разыскали на митинге. Это оказалось кстати.

Панихида по Тагору происходила в *Carton Hall*(?)^{5*}. Присутствовало до тысячи человек. Были представлены все оттенки левых, литературных, художественных, политических кругов. Яркими пятнами выделялись лица индусов и индусок. Настроение было приподнятое, торжественное. Мое появление на платформе было встречено шумными аплодисментами. Позади меня сидел Негрин. Справа – Агния.

Закончив вступительное слово, председатель спросил меня. Когда я хочу говорить? Учитывая возможность всяких неожиданностей, я попросил себе первое слово. Это оказалось очень разумно. Едва я кончил говорить, как мне передали сообщение из посольства: Черчилль просит меня немедленно приехать на 10, *Downing Street*. Пришлось извиниться пред председателем и собранием и уехать.

В приемной премьера я просидел минут десять. На мгновение заглянул Иден и сказал:

^{4*} Тагор (Тхакур) Рабиндранат (1861–1941) – индийский писатель и общественный деятель.

^{5*} Картон-холл (англ.).

– Извините за задержку. Ответ переписывается на машинке.

И затем с какой-то полуизвиняющейся улыбкой добавил:

– Мы не могли полностью вас удовлетворить, но кое-что сделали... Вот вы сами увидите.

Иден ушел, а я стал мысленно гадать, каковы могут английские уступки?

Наконец меня пригласили к премьеру. Опять та же длинная комната с[о] столом, покрытым зеленым сукном. За столом Черчилль и Иден, на столе бутылка виски и содовая вода. Премьер с неизменной сигарой в зубах радушным жестом пригласил меня сесть и налил виски с содой. Потом усмехнулся и сказал:

– Текст послания сейчас принесут... А пока я хотел коснуться другого дела.

Оказалось, Черчилль на днях видел Ллойд Джорджа. Старик критиковал политику Черчилля в отношении СССР и, между прочим, заметил, что бритпра даже снабжения толком нам не дает: посылает самолеты без пулеметных лент (такой факт действительно был, и я как-то рассказывал о нем Ллойд Джорджу). Черчилль сильно вскипел. Слово за слово. Не знаю, что происходило между обоими премьерами – бывшим и настоящим, – но только у Черчилля сложилось впечатление, что я жаловался на бритпра Ллойд Джорджу. Это его укололо.

– Если у вас будут какие-либо недовольства, – заметил премьер, – приходите ко мне, к Идену, к Максусу (Бивербруку), постараемся сделать, что возможно. Но зачем вам апеллировать к оппозиции?.. Ведь Ллойд Джордж – это оппозиция правительству. Вам выгоднее работать с правительством. Оппозиция сейчас ничто...

Черчилль хмыкнул носом, пожал плечами и с улыбкой превосходства прибавил:

– Нет никакой оппозиции!.. Если бы дело дошло до голосования, против меня вотировали бы максимум пара десятков депутатов.

В голосе премьера чувствовались одновременно: презрение к оппозиции и чувствительность к ее критике.

Я тоже пожал плечами и ответил, что настроения Черчилля мне понятны, но что я не могу отказаться от встреч и бесед с моими старыми друзьями в политических и общественных кругах. Премьер не возражал. Он даже нашел мои соображения «правильными», но все-таки видно было, что он недоволен. Что делать!..

Опыт научил меня, что послу в Англии надо иметь хорошие контакты как в правительственных, так и в оппозиционных кругах, и в зависимости от обстоятельств нажимать то на те, то на другие кнопки. От этого правила я не собираюсь отказываться и сейчас хотя бы даже в угоду Черчиллю. Будущее неясно, и – кто знает? – может быть, нам еще придется разойтись с правительством Черчилля.

Наконец принесли копию ответа премьера т. Сталину. Черчилль с несколько самодовольной усмешкой вручил мне документ и сказал:

– Вот то, что мы можем сейчас сделать. Я думаю, что это вам все-таки поможет.

Я быстро пробежал ответ. Я нашел в нем отражение моих предложений: принципиальное согласие на обсуждение совместных военных планов и согласие на применение принципа Lease and Lend в области снабжения. Это было приятно. Но неприятно было категорическое отклонение второго фронта. Меня очень заинтересовал также тот пункт ответа, в котором Черчилль выражал мне-

ние, что зенит германского наступления в СССР уже как будто бы миновал. Я спросил премьера, на чем основано это заключение?

– На общем впечатлении от всей секретной и несекретной информации, которая проходит через мои руки, – отвечал Черчилль.

Верно ли это впечатление? Хорошо, если бы было верно. Но верно ли оно? Боюсь верить.

Вечером я опять ходил из угла в угол по своему кабинету и думал:

– Каков же итог? Есть ли ясное и определенное решение по вопросу о будущем? Было ли наше вчерашнее свидание с Черчиллем поворотным моментом в мировой истории? И, если было, то в какую сторону?

Я не находил вполне удовлетворяющего меня ответа на все эти вопросы. Вышло не так, как я ожидал. Не было этого великого и решающего «или – или». Получился какой-то компромисс. К чему он приведет, неизвестно. Мое чувство логики было оскорблено. Но прав ли я в своем недовольстве? Ведь практически кое-что сделано... Или правы англичане, которые называют себя «нелогичным народом» и которые вообще не любят и не верят в логику?..

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 3.9.41)*

Благодарность за прежнюю отправку 200 истребителей и за обещание «продать Советскому Союзу еще 200 истребителей».

Однако эти посылки самолетов не смогут изменить положения на восточном фронте – не только потому, что война на столь громадном фронте требует постоянного притока большого количества самолетов, но еще больше потому, что «за последние 3 недели положение советских войск ухудшилось в столь важных районах, как Украина и Ленинград».

Относительная стабилизация фронта, установившаяся 3 недели назад, была нарушена благодаря переброске с запада 30–34 новых дивизий и огромного количества танков и авиации. Активизировались также 20 финских и 26 румынских дивизий. Немцы не верят в опасность на западе и свободно перебрасывают силы на восток, полагая, что могут по-прежнему бить своих врагов поодиночке: сначала Россию, потом Англию. В результате «мы потеряли большую часть Украины и враг сейчас у ворот Ленинграда».

Последствия всего этого крайне неприятны: потеряна желуда Кривого Рога, и ряд крупных предприятий (металлургические, авиационные, алюминиевые и др.) эвакуированы из Ленинграда и с Украины и смогут вновь начать работу не раньше, как через 7–8 мес[яцев]. «Это ослабило нашу оборонительную силу и поставило Советский Союз в положение смертельной опасности».

Есть только одна возможность исправить положение – это создать уже в этом году второй фронт на Балканах или во Франции, который оттянул бы от восточного фронта 30–40 немецких дивизий, а также обеспечить Сов[етскому] Союзу к началу октября 30 тыс. т алюминия и минимальную месячную поставку 400 самолетов и 500 танков.

«Без этих двух видов помощи Советский Союз может быть либо разбит, либо так ослаблен, что в течение долгого периода не сможет оказывать союзникам активной поддержки в борьбе против гитлеризма. Боюсь, что мое сегодняшнее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Ничего не поделаешь. Опыт приучил меня смотреть прямо в лицо реальностям, как бы неприятны они ни были, и не бояться говорить правду, как бы мало ни желали ее слушать».

Операция в Иране вышла не плохо. Общность действий британских и советских войск предрешила успех. Так будет везде, где мы будем действовать совместно. Но Иран – только эпизод. Исход войны будет решаться не в Иране.

Ни СССР, ни Англия не желают войны с Японией. СССР выполняет свои договорные обязательства, в т.ч. и свой договор о нейтралитете с Японией. Если, однако, Япония нарушит этот договор, она столкнется с могущественным сопротивлением советских войск.

«В заключение позвольте мне поблагодарить Вас за Ваше восхищение делами советских армий, которые ведут кровопролитную войну против бандитских орд гитлеризма во имя нашего общего дела»⁴³.

* Помета И.М. Майского: «Этот текст печатать не надо».

Ответное послание Черчилля С[талину] (от 5.9.41)*

1. «Отвечаю в духе вашего послания». Хотя бритпра готово сделать все возможное для облегчения положения СССР, второй фронт на западе или на Балканах пока немислим. Причины этого «обсуждались сегодня с вашим послом на конференции с участием мининдела и начальников штабов. Акция, предпринятая с самыми лучшими намерениями, но ведущая к дорогостоящему фиаско, была бы полезна только Гитлеру».

2. «Мое личное впечатление» – то, что зенит германского наступления пройден и зима даст «вашим героическим армиям передышку».

3. Снабжение. Хорошо знаем о тяжелых потерях советской промышленности. Постараемся помочь. Ускоряем прибытие в Лондон миссии Гарримана. Обещаем доставлять вам половину просямого вами количества танков и самолетов, постараемся, чтобы вторую половину дали США. Нашу квоту начнем посылать немедленно.

4. Принимаем меры к увеличению пропускной способности трансперсидской ж-д с 2 пар поездов в сутки до 12 пар (весной 1942 [г.]). Посылаем туда локомотивы и вагоны; на днях отправляются 48 локомотивов и 400 вагонов вокруг ЮАфрики.

5. Готовы разработать с вами общие военные планы. Сможем ли в 1942 [г.] устроить нашествие на континент, «зависит от обстоятельств, кот[орые] невозможно предвидеть». Не исключена наша помощь на севере, когда станет темнее. К концу этого года мы будем иметь на Бл[ижнем] Востоке 750 тыс. войск, летом 1942 [г.] – до 1 мил. Когда германо-итальянские силы в Ливии будут уничтожены, все эти войска смогут быть использованы на вашем южном фланге. Надеемся, что Турция, по крайней мере, останется нейтральной. Пока же будем продолжать воздушные бомбардировки Германии, а также поддерживать морские коммуникации.

6. «В вашем первом абзаце вы употребили слово “продать”. Мы никогда не смотрели на это с такой точки зрения и никогда не думали об оплате. Лучше, если любая помощь, которую мы сможем вам оказать, будет построена на том же базисе товарищества, как американский закон о ленд-лизе, по которому нет денежных расчетов».

7. Бритпра готово оказать всяческое давление на Финляндию, вплоть до немедленного уведомления ее, что Англия объявит войну, если Финляндия «переступит старые границы». Постараемся также привлечь к этому делу США⁴⁴.

(Prime Minister to Mr. Stalin. Personal and secret)^{2*}.

4/9 – Выш[инский] вручил Криппсу копию послан[ия] Ст[алина] Черчиллю. Через 1½ ч[аса] Кр[иппс] вновь явился к В[ышинскому] и сообщил, что, ознакомивш[ись] с посл[анием], решил немедл[енно] с Мак-Фарл[аном]* вылететь в Англ[ию], чтобы обесп[ечить] исполн[ение] меропр[иятий], указ[анных] в посл[ании] Ст[алина]. (Лондон позднее запретил Кр[иппсу] покидать М[оскву])⁴⁵.

Ситрин*

6/9 – Письмо С[итрина] Шверн[ику]^{2*} о резол[юции] Эд[инбургского] конгр[есса] т[ред]-ю[нионов]⁴⁶. Инициатива С[итрина]. Ловкач. Возглавить нараст[ающую] волну снизу – сенсация на конгр[ессе] по поводу разобл[ачений]⁴⁷ Таннера^{3*} о Мур-Брабаз[оне]^{4*}.

* Помета И.М. Майского: «Этого перепечатывать не надо».

^{2*} Премьер-министр – господину Сталину. Лично, секретно (англ.).

* Мэсон-Макфарлан Фрэнк Ноэл – генерал, глава британской военной миссии в Москве.

* Автограф И.М. Майского.

^{2*} Шверник Н.М. – 1-й секретарь ВЦСПС.

^{3*} Таннер Джек – председатель Объединенного союза машиностроителей.

^{4*} Мур-Брабазон Джон – министр авиационной промышленности.

15 сентября

Пришло новое послание т. Сталина Черчиллю в ответ на послание Черчилля т. Сталину от 5 сентября. Основной пункт послания: если бритпра считает второй фронт на западе невозможным, пусть оно придет в СССР 25–30 дивизий, которые сражались бы против немцев рука об руку с нашими войсками.

Я просил, чтобы Иден присутствовал при разговоре. Это было согласовано, и мое свидание с премьером было фиксировано сегодня на 6.30 веч[ера]. Я был доволен, так как около 4 час[ов] дня мне нужно было вместе с приехавшим из САШ Уманским* встречать в Хендоне американскую делегацию на московскую конференцию во главе с Гарриманом. Времени было достаточно.

И вдруг все переменялось. В последний момент Черчилль перенес наше свидание на 4.30. Я заколебался: ехать ли мне в Хендон. В конце концов все-таки поехал и в результате опоздал к премьеру на несколько минут. В Хендоне я встретил Идена, который вместе с Бивербруком тоже приехал для того, чтобы приветствовать Гарримана. Иден ничего не знал об изменении планов премьера. Когда я ему об этом сообщил, он бросился к телефону и стал выяснять свои возможности. Оказалось, что в 4.30 Иден занят и отменить назначенное свидание уже немыслимо. В результате Иден к премьеру со мной не попал, и наш разговор с Черчиллем происходил tête à tête.

Прочитав послание т. Сталина, Черчилль сразу же стал «мыслить вслух». Вот к чему сводились эти «мысли»:

В принципе Черчилль готов был бы исполнить просьбу Сталина и послать английские войска в СССР. Он даже считал бы делом чести на это пойти. Но предварительно он должен обсудить вопрос с[о] своими коллегами и советниками.

Премьер предвидит две трудности при исполнении просьбы т. Сталина. Первая: откуда взять войска для такой экспедиции? На Бл[ижнем] Востоке англичане имеют сейчас около 600 тыс. войск и рассчитывают к рождеству довести их количество до 750 тыс. Об этом Черчилль мне уже говорил. В метрополии количество обученных и вооруженных войск не превышает 1 мил (кроме «Отечественной Гвардии», ПВО, береговой обороны и т.д.). В перспективе имеется подготовляемое в настоящее время наступление в Ливии. Можно ли при таких условиях выделить сколько-нибудь серьезные силы для экспедиционного корпуса в СССР? Конечно, о 25–30 дивизиях говорить не приходится – это Англии сейчас не под силу, – но все-таки можно ли было бы найти что-либо substantial^{2*} для посылки в СССР? Черчиллю это неясно.

Я возразил, что данная проблема не кажется мне такой неразрешимой. Мне непонятно, зачем бритпра нужно держать на Бл[ижнем] Востоке столько войск? Мне думается, что часть сил для экспедиционного корпуса можно было бы взять с Бл[ижнего] Востока, а другую часть из метрополии. Ведь сейчас, когда немцы по уши заняты на востоке, опасность вторжения в Англию отпадает. Первая часть войск могла бы быть доставлена в СССР через Иран, вторая через Архангельск.

Премьер согласился, что опасность вторжения сейчас действительно нереальна, но... Предстоит наступление в Ливии... Войска на Бл[ижнем] Востоке

* Уманский К.А. – посол СССР в США в 1939–1941 гг.

^{2*} Существенное (англ.).

в большей части состоят из дивизий, посланных доминионами, и для отправки их в СССР неизбежны деликатные разговоры с правительствами доминионов... Все это осложняет проблему.

А еще больше ее осложняет вторая трудность – недостаток тоннажа. Дело с тоннажем обстоит сейчас так плохо, что бритпра не в состоянии отправлять на Бл[ижний] Восток больше 40–50 тыс. человек в месяц, да и то с негласной помощью САШ. Шутка ли: все приходится гнать вокруг ЮАфрики! С точки зрения тоннажа, отправка войск в СССР через Архангельск выгоднее: расстояние короче. Но зато есть минус: английские войска не привыкли к холодному климату. Лучше, если бы они дрались где-либо на юге – на Украине, около Черного моря и т.п. Черчилль охотно отправил бы британские силы водой через проливы, но турки на это не пойдут. Тут же попутно Черчилль заметил, что Турция исключительно важна и что британская и советская дипломатия должны поставить себе задачей перетянуть Турцию на нашу сторону. «Скупиться здесь не стоит», – с усмешкой добавил премьер.

Возвращаясь к вопросу об экспедиционном корпусе для СССР, Черчилль стал жаловаться на слабость транспортных средств в Иране. Потом он спросил: возможно ли было бы войска, ввезенные через Архангельск, перебросить на Украину? Я ответил, что не вижу препятствий к этому. Далее Черчилль задал вопрос: а не лучше ли устроить десант в северной Норвегии и таким путем заодно спасти Швецию для союзников? Я возразил, что не следует разбрасываться и что если Сталин просит о присылке войск в СССР, то он, очевидно, знает, что делает.

Затем я сказал: могу ли я считать, что бритпра в принципе согласно удовлетворить просьбу Сталина? Если это так, то можно было бы приступить уже к практическим военным переговорам в Москве или в Лондоне. Премьер, однако, уклонился от дачи прямого ответа на мой вопрос и лишь ограничился повторением, что срочно обсудит вопрос со своими советниками, после чего уведомит меня о результатах. Это мне кажется подозрительным. «Советники» (я сразу же мысленно воспроизвел лица Паунда, Дилла и Портала), конечно, будут против предложения т. Сталина или если и не открыто против, то обставят его выполнение колючей проволокой разных невыполнимых условий, – сумеет ли Черчилль устоять? Боюсь, гора родит мышь. Впрочем, посмотрим.

Суммировал положение Черчилль так:

– Повторяю то, что говорил вам во время нашего недавнего свидания: не хочу вводить вас в заблуждение. Если бритпра даже и решит послать к вам экспедиционный корпус, то до зимы он к вам все равно не попадет. Я боюсь, что ближайшие 6 недель будут для вас тяжелыми неделями, но ничем существенным в течение этого времени не смогу вам помочь. Это печально, но, к сожалению, это так.

Премьер еще раз пробежал послание т. Сталина и с довольной улыбкой прибавил:

– Очень хорошо, что г[-н] Сталин наконец поверил в наши добрые желания в отношении СССР. Да, мы хотим вашей победы, ибо это будет также и наша победа. И я готов сделать для достижения вашей победы все, что могу. Беда только в том, что не все я могу сделать. Поймите это!

И затем, подумав мгновение, Черчилль прибавил:

– Я верю в наше сотрудничество. Я верю г[-ну] Сталину. Верю по двум основаниям. Во-первых, потому, что наши интересы совпадают: и вам и нам

смертельно угрожает тот же враг. Во-вторых, поскольку я знаю, советское правительство всегда до сих пор держало свое слово.

Я поддержал премьеру по обоим пунктам.

Черчилль коснулся также той части послания т. Сталина, где последний говорит о записке Криппса от 12 сентября. Он, Черчилль, вполне согласен со Сталиным, что Германия должна возместить СССР нанесенный ею ущерб (в частности, суда, которые совпра пришлось бы взорвать в Ленинграде), и, разумеется, в конце войны СССР будет иметь в этом отношении преимущественное право на возмещение, если к тому времени еще останутся немецкие военные суда. Тем не менее премьер считает, что для Англии было бы делом чести также оказать нам поддержку в деле возмещения и за счет британских военных судов, ибо жертва, которую мы принесли бы в Ленинграде, была бы жертвой, принесенной ради общего дела.

Черчилль обеспокоен движением немцев на Киев, но думает, что Киев смог бы держаться, даже если бы он оказался «отрезанным». Это устаревшая точка зрения думать, что город должен сдаться, раз противник его обошел. А Тобрук? А Одесса? Черчилль долго и с большой теплотой говорил об Одессе, называя ее Тобруком в колоссально увеличенном масштабе.

Прощаясь, я просил Черчилля поскорее отправить в Москву английскую и американскую делегации. Он обещал это сделать. Он обещал также еще до отъезда делегаций в Москву утрясти вопрос об «американской квоте» в сумме тех поставок, которые были согласованы нами 10 дней назад⁴⁸.

Пробыл я у Черчилля около часу. Когда я вышел из его кабинета, в приемной нашел почти весь кабинет: Андерсон^{3*}, Эттли, Кингсли Вуд^{4*} и др. Все приветствовали мое появление смехом и вздохом облегчения: оказывается, моя беседа с Черчиллем задержала заседание военного кабинета почти на полчаса!

Содержание послания С[талина] Черчиллю (от 13.9.41)⁴⁹

В моем последнем послании я подчеркивал важность второго фронта. «Я не сомневаюсь, что бритпра желает победы Сов[етскому] Союзу и изыскивает пути и средства для достижения этой цели». Если второй фронт, по его мнению, невозможен, то нельзя ли было бы направить в СССР 25–30 британских дивизий – через Архангельск или через Иран? Т[аким] о[бразом] было бы установлено военное сотрудничество между советскими и британскими силами. Аналогичное положение было во время прошлой войны во Франции. Только что упомянутая операция явилась бы для нас большой помощью и серьезным ударом для Гитлера.

Благодарю за обещание ежемесячных поставок алюминия, танков и самолетов и за то, что это будет делаться на базе товарищества и сотрудничества. Бритпра увидит, что совпра умеет ценить помощь, получаемую от союзника.

В меморандуме Криппса, врученном Молотову 12.9, сказано, что если совпра будет вынуждено уничтожить военные суда в Ленинграде, чтобы предупредить их захват немцами, то бритпра готово будет после войны в известной мере компенсировать за это СССР за счет судов британского флота.

Совпра ценит намерение бритпра, но считает, что если бы оно действительно оказалось вынужденным уничтожить советские суда в Ленинграде, то компенсацию оно должно было бы получить за счет Германии.

Ответное послание Черчилля С[талину] (от 18.9.41)⁵⁰

1. Благодарю за послание. Миссия Гарримана прибыла в Лондон и вместе с Бивербруком спешно готовит планы снабжения СССР. Рузвельт хотел бы, чтобы первый план охватывал

^{3*} Андерсон Джон – член военного кабинета У. Черчилля.

^{4*} Вуд Кингсли – член военного кабинета У. Черчилля, канцлер казначейства (министр финансов) Великобритании в 1940–1942 гг.

период до конца июня 1942 [г.], но, конечно, мы пойдем с вами до победы. Надеюсь, что конференция откроется 25.9.

2. Придаю большое значение открытию прямого ж-д и шоссейного сообщения с Россией через Персию, в чем, надеюсь, нам поможет Америка. Бивербрук сообщит вам подробности. Он в наилучших отношениях с Гарриманом.

3. Наши штабы рассматривали все возможные варианты нашего военного сотрудничества с вами. Лучше всего это было бы сделать на флангах – северном и южном. К сожалению, сейчас у нас нет ни сил, ни тоннажа для развертывания операций в Норвегии. На юге важна Турция. Она хотела бы идти с нами, но боится. Возможно, что обещание значительной помощи с нашей стороны войсками и снабжением имело бы решающее влияние на позицию Турции. Вместе с вами мы будем изучать всякую другую форму полезной помощи с тем, чтобы бросить максимум сил против общего врага.

4. Вполне согласен, что русский флот в первую очередь должен быть компенсирован за счет Германии. Победа даст нам много немецких и итальянских судов, кот[орые] весьма подошли бы для пополнения русского флота.

18/9 – 1) Визит Бракена* ко мне: как бы успокоить ам[ериканских] католиков? Пустите кат[олических] миссионеров. Мой отпор. М[ожет] б[ыть], польск[ий] епископ поедет к польармии в СССР? Больше publicity^{2*} религ[иозной] жизни в СССР. Заказ Бартлету^{3*}. 2) Ампра недавно нажало на бритпра: добиться «куступок» в части религии в СССР. Вайнант вчера разгов[аривал] об этом с Ум[анским].

Финляндия

20/9 – [О.Г.] Сардж[ент] вр[учил] ноту бритпра, адрес[ованную] через норпра Ф[инляндии], [К.В.] Новик[ову]. – Мой разг[овор] с С[арджентом] по тел[ефону] (Иден в Шотл[андии] на смотре поляков): отрезать посл[еднюю] фразу ноты и опубликовать. Задерж[ать] вруч[ение] до возвр[ращения] Ид[ена] 22[-го]. Мое письмо Ид[ену] в этом духе, т.к. 22[-го] я долж[ен] уех[ать] в Бирм[ингем]. – 23/9 Ид[ен] сообщ[ил]: согласен со мной, но нота уже была вручена. – Резкое радиозаявление. – Мой вопрос: что делать, если Ф[инляндия] не отв[етит] или отв[етит] неудов[летворительно]? Надо выжд[ать] 2–3 дня и объявить войну. И[ден] согласен.

Поездка в Бирминг[ем]

22/9/41

На заводах. Митинги.

С платформы перед танк[ами]. «Сталин» на 1, с танка на 2*.

Настроение толпы как на наших собр[аниях] в годы революции.

Собр[ание] shopstewarts^{2*} – обещ[ание] всех «not let down»^{3*}.

Хитр[ый] [У.] Бивербр[ук]. Всё организов[ано] им, включая до собр[ания] shopstewarts. Не боится.

* Бракен Брендан – министр информации (1941–1945).

^{2*} Гласность (англ.).

^{3*} Бартлет В. – британский журналист.

* Так в тексте.

^{2*} Профсоюзные организаторы (первоначально – цеховые старосты) (англ.).

^{3*} Не подвести (англ.).

Стоит ли помогать повыш[ению] прод[укции] в А[нглии]? При условии твердого % в н[ашу] пользу.

Мой Broadcast^{4*} 27/9.

«Неделя русск[ого] танка» дала 20%[-ное] увелич[ение] прод[укции]⁵¹.

23/9 – Ид[ен] – ответ на мою беседу 19[-го]⁵²? Мои сообр[ажения] долож[ены] «Def[ence] Comm[ittee]»*, обсужд[ены], в результ[ате] в письме Черчилля к Ст[алину], кот[орое] Бив[ербрук] повез⁵³, говорится, что ген[ерал] Исмей^{2*} уполн[омочен] обсужд[ать] вопр[осы] общ[ей] страт[егии], вкл[ючая] переброску а[нглийских] войск в СССР. Премьер сейчас относ[ится] к этому более положительно. Камп[ания] в Ливии не помеш[ает]. Разные роды войск. Литтл[он]^{3*} с этим согл[асен]. Вевел^{4*}, кот[орый] был в Л[ивии – ?], поедет в Тифлис для перегов[оров]⁵⁴. – Мой запрос о ст[атье] [Г.] Маргесона в «Star» – Ид[ен] отриц[ает] ее знач[ение].

Московская конференция

24/9 на Межс[оюзнической] Конф[еренции]⁵⁵ Ид[ен] говорил, что М[осковская] конференция д[олжна] закончиться примерно в 7–10 дн[ей]. Все подработано. Такова линия Черч[илля] – Бив[ербрук] перед отъездом мне тоже говорил, что надеется осн[овную] раб[оту] законч[ить] в неск[олько] дней («надо действ[овать], а не исслед[овать]»). «Я восхищен храбр[остью] и упорством русских. Это наст[оящий] народ. В перв[ый] день войны вы мне сказали: we will fight like devils*. Я пришел к премьеру и сказал: «Майский говорит, что русск[ие] будут драться like devils. Надо им помочь!» Вышло так, как вы сказали».

15/9 – Я с Ум[анским] у Бивербр[ука]. Намер[ения] Б[ивербрука]: минимум разговоров в Л[ондоне], 3–4 дня и в путь⁵⁶. Как амер[иканцы]? Ум[анский] дал понять Б[ивербруку], что у амер[иканцев] тенд[енция] тянуть и «изучать». – Потом в 4 ч[аса] мы встреч[али] на аэродроме Гарримана и К°. Видели там Ид[ена], Бивербр[ука], Вайнанта. В 6 ч[асов] веч[ера] – засед[ание] воен[ного] каб[инета] с ам[ериканской] делегацией. Амер[иканцы] недовольны таким rush*.

^{4*} Выступление по радио (англ.).

* Комитет обороны (англ.).

^{2*} Исмей Гастингс Лайонел – генерал майор, заместитель по военным вопросам секретаря военного кабинета.

^{3*} Литтлтон Оливер – член военного кабинета У. Черчилля, министр-резидент на Среднем Востоке.

^{4*} Далее – Уэйвелл Арчибальд Персиваль – генерал (с 1943 г. – фельдмаршал). До июля 1941 г. командовал британскими войсками на Среднем Востоке, затем был назначен командующим в Иране и Ираке.

* Мы будем драться, как черти (англ.).

* Спешка (англ.).

Межсоюзническая Конференция

24/9/41

Указ[ания] из М[осквы] по резол[юции] о снабж[ении] прод[овольствием] после войны пришли слишк[ом] поздно. Говорил с Ид[еном] об интернационализации Ц[ентрального] Бюро. Ид[ен] не считал возм[ожным] изменить (согл[асен] с САШ – нет врем[ени] для снош[ений]). Я внес свою оговорку о п[ункте] 6.

Я договор[ился] с Ид[еном] 17/9 – перв[ый] пункт моя деклар[ация], втор[ой] – Атлант[ическая] декл[арация], третий – продовольствие⁵⁷.

Де Голль

26/9 – Обмен письмами с Де Гол[лем]⁵⁸. В разговоре Д[е] Г[олль] [высказывался] antibritish* – никогда не готовы к войне, всегда импровиз[ируют], опаздыв[ают] и пр. «Англичане есть англичане»: (пожимая плечами). 2-й фронт во Фр[анции] англич[ане] сейчас не осилят, в СССР войска могут послать, но немного.

Со слов Ид[ена] и др[угих] позиция с Д[е] Г[оллем] такова:

Д[е] Г[олль] – против нез[ависимости] Сирии, трения с англ[ичанами] на Бл[ижнем] В[остоке]. – Антиангл[ийское] интервью Д[е] Г[олля] в ам[ериканской] печ[ати] («предоставл[ение] САШ польз[оваться] нашими колониями, не требуя эсминцев», и пр.). – Окр[ужение] Д[е] Г[олля] – открыто фашистское и антибр[итанское]. – Склоки среди Д[е]Г-[оллев]цев. Д[е] Г[олль] и Муселье^{2*} в ФО, 1½ час[а], в двух кабинетах. Ид[ен] и [А.] Александер между ними, как примир[ители]. – Черчилль 16–15 дней отказ[ывался] принять Д[е] Г[олля] после его приезда в Л[ондон]. Наконец, принял. Бая Д[е] Г[оллю] – за его антибр[итанские] настр[оения] и неумение объединить людей. – В результате «Нац[иональный] К[омитет]», созд[ан] 26/9. – Ид[ен] не уверен в его будущ[ем]. Give them chance^{3*} – о признании «НК» не мож[ет] быть и речи. – «Если к[акие]-л[ибо] измен[ения] в отн[ошениях] с Д[е] Г[оллем] возмож[ны], то лишь ссора, хотя это нежел[ательно]». – Ид[ен] одобряет наш обмен, письма счит[ает] удачными.

10 октября

Приезжал Симопулос*. Сообщил, что греческий король и грекпра хотели бы сделать жест симпатии и сочувствия СССР в этот тяжелый момент и предложить всем греческим подданным на нашей территории с оружием в руках защищать Советский Союз. Конечно, практическое значение данного шага ничтожно – греки это ясно понимают, но все-таки создание хотя бы маленькой

* Антибритански (англ.).

^{2*} Мюзелье (Muselier) Эмиль (1882–1965) – вице-адмирал, командовал военно-морскими силами Свободной Франции.

^{3*} Дайте им шанс (англ.).

* Симопулос Х. – посланник Греции в Великобритании.

греческой части, сражающейся рука об руку с Красной Армией, имело бы известную морально-политическую ценность. Как отнеслось бы совпра к данному намерению греческой верхушки? Я обещал выяснить и дать ответ.

Потом мы говорили о разных других делах. Симопулос чувствует себя непривычно и неловко. В Лондоне его король и его правительство. Это создает странное положение для него как для посланника. Это кроме того совсем расстраивает его привычную жизнь. Король устроился в «Claridge's». Премьер Тоудерос^{2*} – в «Darchester»^{3*}. Разные «молодые люди» наводняют помещения миссии и консульства. Да что «наводняют»! Просто распоряжаются в миссии и консульстве, как у себя дома. Все время хлопают двери, трещат телефоны, бегают люди. Бедняга Симопулос совсем затерт. Его мадам в панике. Правительство ищет для себя помещения. Кажется, нашли. Если это верно, то Симопулос надеется на освобождение от «молодых людей» и лишних телефонных звонков. Но верно ли это? Симопулос не знает. Поиски помещения шли давно и все почему-то не приводили к результатам. Он боится сейчас верить в близость счастья.

Вспомнили с ним Субботича^{4*}. Последний оказался в таком же положении, как и Симопулос, – только на несколько месяцев раньше (ЮСпра прибыло в Лондон в июне). Суботич, в конце концов, не ужился и сейчас получил назначение в Вашингтон в качестве представителя ЮС Красного Креста. Не так давно Суботич с женой приходили к нам прощаться. За чаем Суботич, хлопнув меня по колену, воскликнул:

– В последнее время я, право, не мог сказать, кто я: посланник или butler^{5*}? От такой жизни действительно полетишь – и не только в Вашингтон.

Симопулос высказывал предположение, что Суботич вышел в отставку по двум причинам: 1) его «ушли», так как в прошлом он был слишком тесно связан с принцем Павлом^{6*}, и 2) он слишком строго настаивал на соблюдении правил протокола, что неизбежно приводило его в столкновение с членами правительства.

– Какой теперь протокол? – махнувши рукой, воскликнул Симопулос. – Сейчас война, а не протокол!

Какой с божьей помощью прогресс! Война все-таки понемногу прочищает обывательские мозги.

Этот же Симопулос как-то развивал Агнии свой взгляд на то, что после победы «надо будет сделать с немцами». Их надо будет «стерилизовать» и поручить проведение данной операции еврейским врачам.

Примерно такие же мысли высказывала в недавнем разговоре с Богомолывым^{7*} жена норвежца Кольбана.

Так представляет себе разрешение «германской проблемы» после войны взбешенный европейский обыватель.

К этому надо прибавить еще следующее: поляки и чехи на межсоюзной конференции 24 сентября в своей декларации требовали лишения немцев «средств,

^{2*} Цудерос (Тоудерос) Эммануил (1882–1956).

^{3*} «Кларидж» и «Дарчестер» – лондонские гостиницы высшего класса.

^{4*} Суботич И. – посланник Югославии в Великобритании.

^{5*} Дворецкий (англ.).

^{6*} Павел – брат короля Греции Георга II, входил в состав правительства Греции в изгнании. Король Греции в 1947–1964 гг.

^{7*} Богомоллов А.Е. – посол СССР при союзных правительствах в изгнании.

с помощью которых они снова могли бы совершить агрессию». Я спросил Рачинского^{8*}, как он расшифровывает эту формулу? Рачинский ответил:

– Надо разрушить военную промышленность Германии.

Сегодня вечером Богомолов мне сообщил: Сикорский решил немедленно ехать в Москву^{9*}. Причина? Так как польская армия еще не готова для того, чтобы активно принять участие в тех критических боях, которые сейчас идут на восточном фронте, то генерал считает, что, по крайней мере, он сам должен быть в Москве, чтобы тем самым резче подчеркнуть свои союзнические чувства в столь тяжелый для СССР момент.

Когда-то Додэ^{9*} написал роман «Короли в изгнании». Как нужен сейчас другой Додэ для того, чтобы в Лондоне собирать материал для будущего романа «Правительства в изгнании»!

12 октября (Бовингтон)

Тяжелая неделя! Все эти минувшие семь дней стоят угрюмой вереницей в моей памяти. Гитлер в своей последней речи не только извинялся и хвастался. Он афишировал также огромное наступление против Москвы. Величайшее наступление войны. И в течение первых 6–7 дней ему действительно удалось одержать серьезные успехи: армия Тимошенко вынуждена была отступить на 70–80 км, Орел захвачен немцами, бои идут под Вязьмой и Брянском, а на юге Бердянск и Мариуполь захвачены врагом. Правда, в последние 3–4 дня нам удалось сильно снизить быстроту германского наступления в центре, но оно все-таки еще не приостановлено. Сегодня есть сообщение о нашем дальнейшем отступлении «на новые позиции». Удастся ли на них задержаться? Удастся ли прекратить наступление врага? Удастся ли удержать Москву?

Какое-то внутреннее чувство говорит мне, что Москву удержать удастся, хотя и с большим трудом и огромными потерями. Но внутреннее чувство – плохая гарантия. Поживем – увидим. Насчет юга мои настроения хуже. Удержим ли Донбасс? Не знаю. Какая-то мягкость чувствуется в нашем сопротивлении на Украинском фронте. Не то это стратегическая слабость данного фронта, вытекающая из географии (ровная степь, редкость естественных рубежей), не то дефективность командования, не то характер украинцев. Причины неясны, но горький факт остается фактом. Сумеет ли остановить немцев к западу от Донбасса? Поживем – увидим.

Тяжелая неделя! Что-то принесет наступающая. Она может стать решающей. Или немцы в течение ближайших 7 дней прорвутся к Москве и сомнут наши армии – тогда кампания нынешнего года будет нами проиграна и возрождение нашего сопротивления станет длинным и сложным процессом, чреватый всякими опасностями, – или мы еще более снизим темпы или даже совсем приостановим германское наступление, и тогда кампания нынешнего года по существу будет нами выиграна и за зиму мы сумеем сильно развернуть и укрепить нашу способность не только обороняться, но и наступать. Да, что-то принесет наступающая неделя! Будем жить со дня на день, от коммунике до коммунике. Гитлер несомненно бросит в бой все, что может. Он играет ва-банк. Не буду удивлен, если он пустит в ход газ...

^{8*} Рачинский Эдвард – посол эмигрантского правительства Польши в Великобритании.

^{9*} Додэ Альфонс (1840–1897) – французский писатель.

События на нашем фронте вызывают сложную реакцию в Англии⁶⁰.

Во-первых, сильный рост тревоги во всех слоях населения – от Черчилля до последнего рабочего. Массовые настроения за 16 недель войны на востоке прошли три основные фазы. Первая, охватывающая начальные стадии войны (примерно до середины июля), проходила под знаком крайнего пессимизма в отношении шансов СССР. Считалось, что в 3–4 недели Красная Армия будет разбита и СССР выйдет из игры. На такой точке зрения стояло, как известно, военное министерство. Вторая фаза, охватывающая примерно последующие два месяца (от середины июля до середины сентября), наоборот, проходила под знаком излишнего оптимизма. Считалось, что Красная Армия «неожиданно» оказалась огромной силой, что все планы Гитлера тем самым опрокинуты, что немцы неизбежно застрянут «в России» или даже будут разбиты и что зима 1941/42 гг. окончательно доделает дело их разгрома. В этой связи бесконечно цитировался пример Наполеона. В общем выходило так, что англичанам только остается сидеть и ждать, слегка помогать нам оружием и снабжением, на всякий случай подготавливать планы «генерального наступления» в 1943 г. и надеяться, что эти планы никогда не придется пускать в ход. Все за них сделают «эти храбрые русские» и «эта леденящая русская зима». Настроения в стране становились все более «мирными», тем более что с началом военных действий на востоке почти прекратились воздушные налеты на Англию. Два любопытных факта свидетельствовали о чрезвычайном росте таких настроений: массовый возврат в Лондон «эвакуированных» семей и колоссальный выезд из Лондона населения в дни «Bank Holiday»* в первых числах августа. По свидетельству газет, этот выезд ничем не уступал выездам мирного времени, и железным дорогам пришлось предоставить публике в такое горячее время 300 экстрапоездов.

Третья фаза, начинающаяся примерно с середины сентября (особенно с падения Киева), стоит под знаком растущих разочарования и тревоги. Разочарования в возможности комфортабельного окончания войны, без огромных и тяжелых усилий со стороны самой Англии, и тревоги за ход событий на востоке и за ход и исход войны вообще. В течение минувшей недели эти чувства особенно обострились. Самым плохим днем был четверг 9 октября. Газеты вышли с паническими аншлагами. Весь советский фронт, казалось, повалился, как картонный домик. Волна пессимизма высоко вспрыгнула в общественных кругах. По городу поползли слухи (конечно, идущие из немецких источников) о том, что «Россия» фактически вышла из войны и что между Берлином и Москвой уже начались переговоры о перемирии. Многие находили только одно – довольно сомнительное – утешение:

– Как хорошо, что дьявольская машина гитлеризма, всю мощь которой мы только сейчас видим, обрушилась не на нас, а на Россию!

Под этим скрывалась мысль: если бы она сначала обрушилась на Англию, то от последней давно уже ничего не осталось бы, а теперь, после того как гитлеровская машина сильно потрепана в СССР, Англия, может быть, как-нибудь и выживет. Но это соображение пряталось где-то в задней части черепной коробки. Доминировали тревога и пессимизм. Последние три дня принесли сведения о некотором замедлении германского наступления и некотором усилении совет-

* Бэнк холидей (англ.) – официальный выходной день помимо воскресенья. См. также выше, подстрочник ^{6*} к записи от 10 августа.

ского сопротивления, слегка улучшили атмосферу, но только слегка. Общее настроение остается напряженным, взволнованным, подготовленным к трагической развязке.

Такова одна сторона английской реакции. Но есть и другая, которая идет параллельно с первой. Это – колоссальный рост симпатий и сочувствия к СССР, особенно (но не исключительно) в низах. С 22 июня волна дружеских чувств к нам систематически подымалась. В печати, на собраниях, в мастерских, на заводах, в домах, в бабках – везде демократические слои населения выражали свои восторги героизмом Красной Армии и советского народа. Меня совершенно засыпали письмами и резолюциями сочувствия бесчисленных митингов, профсоюзов, лейбористских организаций, кооперативных обществ, спортивных клубов и т. д. Я получаю в день в среднем до сотни такого рода документов (и, к слову, должен на все эти документы отвечать). Со всех сторон идут также денежные пожертвования – от отдельных лиц, от рабочих организаций, от всевозможных обществ, от школ, от научных учреждений, даже от детей. На днях я, напр[имер], получил трогательное письмо, написанное нетвердым детским почерком, с изрядным количеством грамматических ошибок, – это пятеро малышей в возрасте от 6 до 10 лет прислали мне собранные ими между собой 10 шил[лингов] в «танковый фонд». Другой случай: девочка прислала мне 5 шил[лингов], подаренных родителями по случаю ее десятого дня рождения...

Все «русское» сейчас в большой моде – русские песни, русская музыка, русские фильмы, русские книги, книги об СССР. Coates^{2*} выпустил брошюрку – речи Сталина и Молотова о войне, – она мгновенно разошлась в 75 тыс. экз[емпляров]. Случай небывалый в анналах АРПК^{3*}. Наш бюллетень «Советские военные новости» идет нарасхват (начали с 2 [тыс.] и дошли до 10 тыс. экземпляров, и тираж с каждый днем увеличивается. «Дневник» Полякова выпущен в 100 тыс. экземпляров и, вероятно, придется печатать еще столько же. «Лоренс и Вишарт»^{4*} выпустили диаграммы об СССР – в первые же три дня разошлось 25 тыс. экземпляров, и теперь выходит второе издание. И так во всем.

Особенно обострились эти симпатии к нам в последние 2–3 недели. «Неделя русского танка», организованная Бивербруком накануне его поездки в Москву, имела блестящий успех. Мэр Кенсингтона устроил специальный прием для меня с Агнией: пришло до 500 чел[овек], в том числе много дипломатов, политических и общественных деятелей, священников, аристократов всякого рода. Сам сэр Вильям Девисон (депутат от Кенсингтона), столько лет отравлявший нам жизнь своими запросами по поводу «Лена Голдфилдс»^{5*}, крепко жал мне руку и рассыпался в дружеских излияниях. Моя речь на «Американской торговой палате» 23 сентября имела шумный успех, и все лондонские газеты посвятили ей передовицы. То же было и с нашей декларацией, оглашенной на «Межсоюзной Конференции» 24 сентября^{6*}. Появление Сталина на экране всегда вызывает шумные аплодисменты. Под фильм, посвященный СССР, в котором я

^{2*} Издательство «Коутс».

^{3*} Англо-русский парламентский комитет.

^{4*} Lawtence and Wishart – издательство, специализировавшееся на книгах о политике и культуре. Издавало произведения К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина и книги о Советском Союзе.

^{5*} См.: Дневник... Кн. 1. С. 451–452. Примеч. 7.

^{6*} Текст декларации советского правительства см.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 128–130.

произношу несколько слов, прекрасно идут сборы на советский Красный Крест. По одному Лондону за неделю собрано 10 тыс. фунтов, еще больше даст провинция. 10 октября я был приглашен почетным гостем в «Livery Club»^{7*} – святое святых Сити: мне устроили там настоящую овацию. «Atheneum» и «St-James Club»^{8*} избрали меня своим почетным членом. 11 октября на большой международной демонстрации юношества в Альберт-Холле мое приветствие вызвало шумные аплодисменты, в то время как приветствия короля, Черчилля, Бенеша^{9*}, архиепископа Йоркского и др. были встречены гробовым молчанием. Шведову^{10*}, выступавшему от советского юношества, устроили бурную овацию. В Глазго и Лондоне (Сен-Пэнкерст) 5 октября были устроены грандиозные демонстрации сочувствия и симпатии к СССР. Подобных фактов можно было бы привести еще очень много.

Да, волна дружеских чувств в отношении нашей страны стоит сейчас высоко. Выше всего, конечно, в демократических слоях, в убывающей прогрессии по мере восхождения вверх по ступеням социальной лестницы. Однако справедливость требует сказать, что в кругах интеллигенции, средней и даже крупной буржуазии тоже имеется немало людей, внезапно (надолго ли?) загоревшихся к нам симпатиями. Даже архиепископ Кентерберийский заговорил с сочувствием к нам. Даже [Э.] Бевин вчера на юношеской демонстрации подошел ко мне, крепко жал мне руку и выражал восхищение нашим stand'om^{11*}. Конечно, чувства людей переменчивы, и через 1–2 мес[яца] от нынешней волны может остаться не так много. Но в настоящий момент – повторяю еще раз – волна высока и интенсивна. Нам с Агнией от этого становится трудно жить: везде нам устраивают овации, все нас хотят фотографировать, изображать на экране, получать наши автографы. Все приглашают нас куда-нибудь приехать, что-либо открывать, по поводу чего-либо говорить речи...

И наряду с этими симпатиями и сочувствием в широких массах все громче и громче раздается тревожный вопрос:

– Все ли Англия сделала для помощи СССР?

И многие не без основания находят, что далеко не все. В связи с этим вопрос о втором фронте становится в центре ожесточенных массовых дискуссий. Сегодня в той или иной форме им полны воскресные газеты. Температура явно подымается⁶¹.

Будет ли эта кампания за второй фронт иметь практические последствия?

Сомневаюсь, – по крайней мере, в отношении непосредственного будущего. Правда, в бритпра имеются сторонники вооруженной помощи СССР ([У.] Бивербрук, [А.] Иден и др.), но зато имеются и противники ([Г.] Маргесон, [Э.] Галифакс, [Дж.] Мур-Брабазон, Самуэль Хор и др.). Противники – это все остатки «Chamberlain gang»^{12*}. Как далеко они идут, прекрасно продемонстрировал на днях Галифакс: его речь в Вашингтоне, в которой он заявил всему свету, что

^{7*} «Ливери-клуб» – клуб Ливрейной компании, одной из гильдий лондонского Сити.

^{8*} «Атениум», «Сент-Джеймский клуб» (англ.).

^{9*} Бенеш Эдуард – президент Чехословакии (1935–1938).

^{10*} Шведов Б.Ф. – помощник военно-воздушного атташе при полпредстве СССР в Великобритании, майор. Входил в состав советской военной миссии, направленной в Англию в июле 1941 г.

^{11*} Соппротивление (англ.).

^{12*} «Чемберленовская клика» (англ.).

бритпра не собирается сейчас устраивать вторжения на континент, является по существу актом государственной измены. А ведь он член военного кабинета!

Хуже всего, однако, что сам Черчилль против второго фронта в Европе. Почему? Он излагал свои мотивы уже не раз и мне, и в личных посланиях т. Сталину. Все ли в этом? Пожалуй, не все. Мне кажется, что Черчилль попросту боится мощи германской военной машины и еще слишком слушает своих «военных советников», особенно адмирала Паунда.

Сможет ли давление снизу изменить линию правительства? Не знаю. Пока на это не похоже.

24/10/41*

Еще симптомы «популярн[ости]»:

Ред[актор] «Таймса» ищет со мной знакомства. – Mrs. Ch^{2*}. во главе «Aid to Russia Fund». – Нас с А[гнией] везде фотографир[уют], устраивают овации, просят н[ашего] патронажа и пр. – Суэта сует... Уклоняемся, но...

2-й фронт? Массовое движение за, но пра[вительства]... Засед[ание] парл[амента] 23/10. «Strong feeling»^{3*} пр[отив] Черчилля. Впервые. А. Bevan^{4*} – требует отставки пра[вительства]. Молчание консерв[аторов]. Смущ[ение] на treasury bench^{5*} (Иден, [А.] Алекс[андер], Джонстон и др.). Еще 2 мес[яца] назад встрет[или] бы треб[ование] Бив[ена] презр[ительным] смехом, а теперь... At the bottom^{6*} «русская политика» Ч[ерчилля]. При выходе ко мне подошел солдат, сказал: «Mr. M[aisy], я хочу только сказать вам, что мне стыдно за мою страну».

Практ[ические] посл[едствия] в см[ысле] 2[-го] фр[онта]? Сомневаюсь. 1) Нет альтерн[ативного] премьера даже и с н[ашей] точки зр[ения]. 2) «Машина» пра[вительства] сильна и хитра. Подозр[еваю], что камп[ания] в Ливии имеет одной из целей отвлечь внимание масс от 2[-го] фр[онта].

Позиц[ия] бритпра? За 2[-й] фронт Иден, Бивер[брук], [Р.] Кренб[орн] и др., немедл[енная] воен[ная] пом[ощь], хотя бы и с риском. Чемберлен[овцы] (Марг[есон], Мур-Браб[азон] и др[угие]) за выжидание, накопл[ение] сил и пр. Синклер^{7*}, Эттли, Алекс[андер] и др. ни рыба, ни мясо. Черч[илль] не реш[ается] сказ[ать] оконч[ательного] слова. Причина так[ой] поз[иции] бритпра? Нежел[ание] ослаб[ления] СССР – слишк[ом] опасно. А страх герм[анской] воен[ной] машины обнар[уживает] себя особенно в «русск[ой] кампании».

Вывод: на 2[-й] фронт нет расчета. BEF^{8*} в СССР шансы растут.

13 октября

После того, как мы покончили с делами (о тройном союзном договоре между СССР, Англией и Ираном⁶²), Иден вдруг потянулся на своем кресле и как-то по-домашнему сказал:

* Так в тексте. Рукописный текст с сокращением многих слов.

^{2*} Клементина Черчилль – супруга У. Черчилля, возглавляла фонд помощи России.

^{3*} Сильное настроение (англ.).

^{4*} Бивен Эньюрин – левый лейборист.

^{5*} «Скамья министров» в палате общин.

^{6*} В основе (англ.).

^{7*} Синклер Арчибальд – лидер либеральной партии.

^{8*} Британские экспедиционные силы (British Expeditionary Forces).

– Хотите виски с содой?

– Пожалуй, – ответил я.

Было около 8 час[ов] вечера. В кабинете Идена царил полумрак. Предполагало к интимности и душевным разговорам.

Из красивой стойки у окна Иден извлек две бутылки и поставил на свой письменный стол. Я налил два стакана классической английской смеси. Иден отодвинул свое кресло несколько к камину и сказал:

– Да, какое ужасное время мы переживаем! Весь мир в состоянии хаоса и войны.

И потом, точно задумавшись, прибавил:

– Тут есть доля и нашей вины... Я имею в виду мою страну... Наша политика не всегда была мудра и удачна.

Я отхлебнул глоток виски с содой и ответил:

– Согласен. Есть два человека, которые несут особенно большую ответственность за все то, что сейчас происходит. Я уверен, что история их жестоко осудит.

– Кто это? – явно заинтересованный спросил Иден.

– Болдуин* и [Н.] Чемберлен, – отрезал я.

И затем, после некоторой паузы, я добавил:

– Я думаю, что они даже более ответственны, чем Гитлер. Ибо они своей политикой вырастили Гитлера.

Иден задумался на мгновение и затем сказал:

– Возможно, что вы правы, с одной лишь поправкой: меньше Болдуин, больше Чемберлен. Я знал обоих хорошо. Разница между ними была такая: Болдуин понимал и признавал, что с Гитлером нельзя договориться, но был слишком апатичен и ленив для того, чтобы сделать отсюда надлежащие практические выводы. Чемберлен же, напротив, был твердо убежден, что с Гитлером можно договориться и что только я и мне подобные не умеют и не хотят этого сделать. Вот почему он решил взять внешнюю политику в свои собственные руки.

– Пусть так, – откликнулся я, – но все-таки на этих двух людях лежит основная ответственность за нынешнюю войну.

Я опять отхлебнул глоток виски с содой и прибавил:

– Какая жалость, что наши переговоры о союзе в 1939 г. кончились крахом! Если бы союз состоялся, многое сейчас выглядело бы иначе. Войны, вероятно, не было бы.

– А вы думаете, что соглашение было возможно? – с полусомнением в голосе спросил Иден.

Мне, впрочем, показалось, что по существу у Идена сомнений нет, и он лишь хочет найти у меня подтверждение своей мысли.

– Конечно, было возможно, – убежденно ответил я.

– Я тоже так думаю, – сознался Иден. – Вы знаете, что я сделал во время переговоров?.. Когда я узнал о том, что Галифакс предполагает отправить в Москву Стрэнга^{2*}, я пришел к нему и сказал: «Не делайте этого! Ничего хорошего из такого шага не получится!». Сознаюсь, я был тогда возмущен. Как?

* Болдуин Стэнли – премьер-министр Великобритании в 1923–1924, 1924–1929, 1935 – мае 1937 г.

^{2*} Стрэнг Уильям – директор отдела Лиги Наций и Центрального департамента МИД Великобритании, участник московских переговоров 1939 г.

После того, как Чемберлен и Галифакс ездили в Рим, после того, как премьер и министр иностранных дел – оба! – пошли «в Каноссу»^{3*}, – посылать в Москву Стрэнга... Это же было равносильно оскорблению! Я понимал все это, я понимал, какие чувства в Москве может вызвать такое решение, и хотел предупредить срыв переговоров. Поэтому я просил Галифакса не посылать Стрэнга, а поехать самому. Галифакс, однако, возражал, что он поехать не может, что он очень занят и т.д. Тогда я предложил самого себя в качестве «special envoy»^{4*} для ведения переговоров. Я говорил Галифаксу, что так будет лучше. Москва, насколько могу судить, относится ко мне неплохо, дайте мне попробовать свои силы в этом исключительно важном деле!.. Галифакс обещал подумать. Через несколько дней он сказал мне, что мой проект трудно осуществим. Я понял в чем дело: Чемберлен, конечно, не хотел допустить моей поездки в Москву. Вместо меня поехал Стрэнг.

– Вы думаете, что все дело было только в Чемберлене? – спросил я Идена и продолжал. – Я думаю, что большая доля вины тут была и на Галифаксе. Думаю так вот почему. 12 июня 1939 г., как раз в день отъезда Стрэнга в Москву, я был у Галифакса и, покончив с разными текущими делами, вот здесь же, в этом кабинете, сказал: «Не думаете ли вы, лорд Галифакс, что трудности переговоров о пакте могли бы быть сильно облегчены, если бы Вы сами поехали в Москву? Я имею серьезные основания полагать, что совпра приветствовало бы ваш приезд к нам». Я, правда, не сказал тогда Галифаксу, что имею инструкцию из Москвы сказать то, что я сказал, но ведь этого и не требовалось. Если посол иностранной державы делает заявление, как я сделал, какой же министр иностранных дел не поймет, что он делает его неспроста?

– Неужели вы сказали все это Галифаксу? – в большой ажитации воскликнул Иден.

– Конечно, сказал, – откликнулся я, – и притом с очень большой выразительностью. Не понять меня было нельзя.

– Я никогда не слыхал об этой истории, – продолжал Иден. – И как же Галифакс реагировал на ваше заявление?

– Галифакс ответил, что моя мысль очень интересна и что он will bear it in mind^{5*}. На этом дело и кончилось. Галифакс больше никогда не возвращался к данному вопросу. Таким образом визит Галифакса в Москву отпал. День 12 июня, когда я сделал Галифаксу предложение посетить Москву, я считаю поворотным пунктом во всей истории переговоров. Или точнее, не день 12 июня, а последовавшие затем несколько дней. Я понимал, конечно, что Галифакс не мог решить такой вопрос на свой риск и страх. Я ждал поэтому, что он поставит вопрос на кабинете и затем дня через 2–3 скажет мне примерно в таком духе: ваша мысль интересна, я обдумал ее и пришел к выводу, что, пожалуй, ее следовало бы осуществить, но согласно ли будет с этим ваше правительство?.. Тогда я мог бы устроить уже формальное приглашение Галифаксу от совпра. Не беда, что Стрэнг уехал вперед. Всегда можно было бы сказать, что Стрэнг отправлен для подработки текста договора и что через пару недель после того приедет министр иностранных дел для его подписания. Однако Галифакс «забыл» о моем предло-

^{3*} Т.е. отправились к Гитлеру.

^{4*} Специальный посол (англ.).

^{5*} Будет иметь ее в виду (англ.).

жения. Какое впечатление это должно было произвести в Москве? Только одно, что бритпра не хочет заключения пакта. И такое заявление было вполне правильно.

Иден был сильно взволнован. Он быстро отхлебнул несколько глотков соды с виски и воскликнул:

– Какая трагедия! Какая трагедия!

Я же продолжал:

– И потому к тем двум именам, которые, по моему глубокому убеждению, жестоко осудит история, я склонен присоединить третье – лорда Галифакса.

Иден не возражал. Мы отхлебнули еще по глотку виски с содой. Я ближе подвинул свое кресло к камину и сказал:

– Британская политика в отношении СССР за все эти 20 с лишним лет была проникнута одним глубоким внутренним противоречием. Государственный интерес Великобритании настоятельно требовал сближения и сотрудничества с СССР, но классовые чувства и предрассудки основной массы правящей верхушки все время мешали этому. В результате получалась зигзагообразная линия: то попытки улучшения отношений, то, наоборот, конфликты и заострения. Среди ваших политических и государственных деятелей также имелись и имеются два разных типа: одни, олицетворяющие в первую очередь государственный интерес Великобритании, и другие, олицетворяющие в первую очередь классовые чувства и предрассудки правящей верхушки.

Я посмотрел с улыбкой на Идена и прибавил:

– Вы вот, напр[имер], олицетворяете государственный интерес в первую очередь – оттого мы можем с вами работать.

Иден усмехнулся и ответил:

– В том, что вы говорите, много правильного. Но ведь и у вас, в Советском Союзе, тоже есть разные люди. Люди, которые из государственного интереса готовы идти на компромисс с «wicked capitalists»^{6*}, и люди, которые возражают против этого.

– Допустим даже, что это так, – возразил я. – Но разница заключается в том, что совпра никогда не вело и не ведет Gefülspolitik^{7*}. Совпра очень реалистично в своей внешней политике. Когда сталкивается государственный интерес и чувство, государственный интерес всегда побеждает.

– В этом вы правы, – признал Иден. – Вы более реалистичны, чем мы.

– А сейчас, – продолжал я, – ваш государственный интерес более, чем когда-либо, связан с победой СССР. Если бы СССР потерпел поражение, Брит[анская] империя была бы кончена. Кто тогда помешал бы Гитлеру пойти на Индию, Египет, Африку?.. Если советская армия не смогла бы его остановить, разве смогли бы его остановить 750 тыс. британских войск на Бл[ижнем] Востоке? Смешно об этом и думать.

Иден кивнул головой и сказал:

– Я это понимаю.

В этот момент вдруг зазвонил телефон на столе у Идена. Оказалось, это была его жена. Она звонила из «частной квартиры министра иностранных дел», где сейчас проживает Иден, и спрашивала, чем он занят. Узнав, что я нахожусь у

^{6*} Безнравственные (бесчестные) капиталисты (англ.).

^{7*} Политика, продиктованная эмоциями (нем.).

Идена и что деловая часть визита закончена, Beatrice пригласила нас обоих наверх («частная квартира» помещается двумя этажами выше кабинета министра индел). Мы застали там известного автора легких комедий Noel Coward^{8*}, который только что поставил на сцене свое новое произведение «...»^{9*}. Жена Идена была одета в короткое темно-малиновое платье и выглядела очень эффектно. Я давно уже ее не видал, ибо с прошлого года она в качестве шофера разъезжает по стране с[о]своей военной Canteen^{10*} и в Лондоне показывается довольно редко.

Заговорили о сцене, о литературе, об искусстве. Это был хороший отдых после войны и политики. Я, между прочим, поставил вопрос: кого присутствующие считают величайшим драматургом, величайшим романистом и величайшим поэтом всех времен и народов?

Насчет драматурга все были согласны – Шекспир. Насчет романиста тоже все были согласны – Л. Толстой. Но вот насчет поэта единодушия не оказалось. Coward заявил, что величайшим поэтом считает того же Шекспира (с чем я не согласился). Иден после некоторого колебания признал таковым Данте. Жена Идена отказалась как-либо ангажироваться. Я высказался в пользу Гёте. Это вызвало возражения со стороны Идена и Coward. Они не любят Гёте. Я ответил, что я тоже не очень люблю Гёте, что из немецких поэтов я больше всего люблю Гейне, но тем не менее в порядке объективности я склонен считать Гёте самым великим (хотя и не самым любимым) из известных мне поэтов. Мы довольно долго спорили, но так и не могли сойтись на одном объединяющем нас имени величайшего поэта всех времен и народов.

Любопытно, что то же случилось, когда я однажды поставил такой же вопрос Пристли^{11*} и [Дж.] Вайнанту на завтраке [в] Pen Club. Оба без колебаний признали Шекспира величайшим драматургом, а Толстого величайшим романистом, но насчет величайшего поэта не имели определенного мнения.

Затем разговор как-то невольно скользнул на «Войну и мир». Тут оказалось полное единогласие. Все – Иден, его жена, Coward – только недавно перечитывали знаменитый роман, были под свежим впечатлением его. Общее настроение их выразила жена Идена:

– Я никогда не читала, – воскликнула она, – ничего более великого и замечательного. У Толстого нет неудачных фигур. Все удачны, все живут. И какой размах: от герцогини до простого крестьянина, и всех он великолепно понимает, чувствует, изображает так, что видишь и слышишь их. И как этот роман ко времени!

Вдруг раздался звонок, и в комнату вошел секретарь Идена. Он принес какие-то срочные бумаги. Наша литературная беседа прервалась.

Я распрощался и вышел.

^{8*} Ноэль Ковард – актер, драматург, сценарист, композитор.

^{9*} Название пьесы пропущено. Скорее всего, имеется в виду пьеса «Неугомонный дух» («Blithe Spirit»).

^{10*} Кухня, столовая (англ.).

^{11*} По-видимому, речь идет о Дж.Б. Пристли – председателе «Комитета 1941», объединившего ряд известных писателей и публицистов Г. Уэллса, К. Мартина, В. Бартлета, Дж. Ходсона и др.

19 октября

Не поехали [в] этот «уик-энд» в Бовингдон. Агния сегодня выступает на митинге красно-крестной помощи СССР. Сижу в городе и думаю.

Прошла еще неделя. Она не оказалась решающей. Но положение не улучшилось, скорее ухудшилось. Правда, сопротивление наших армий несколько окрепло, но немцы все-таки продолжают приближаться к Москве. Вчера были получены сообщения, что мы вновь отбили занятые ранее немцами Орел и Калинин. Если отбили напрочно, то это значительный успех. Но вот напрочно ли? До сих пор в этой войне, к сожалению, дело обычно обстояло иначе: немцы захватывали города и территории напрочно, а мы отбивали какие-либо пункты лишь на короткое время. Тут сказывалась общая тенденция войны на данной стадии ее развития. Как будет сейчас? Посмотрим, но, признаться, я подготовлен к сообщениям в ближайшие дни, что Орел и Калинин опять заняты немцами.

На юге мы эвакуировали Одессу. Это для меня не явилось неожиданностью. [У.] Бивербрук говорил мне, что Сталин считался с возможностью оставления Одессы, если надо будет укреплять Крым. Очевидно, такой момент пришел. Жаль Одессы, но ничего не поделаешь⁶³.

Главное ухудшение позиции я вижу, однако, не в событиях на фронте, а в событиях международной политики. Кабинет Коноэ* вышел в отставку и заменен кабинетом генерала Тойджо^{2*}, отъявленного милитариста и друга Германии. Стало быть, придется ждать удара с ДВостока. Правда, время сейчас уже как будто бы позднее для начала большой кампании в Маньчжурии, но кто знает? Я же сам всего лишь месяц назад высмеивал веру доморощенных стратегов в «General Winter»^{3*}. Конечно, для японцев этот «генерал» все еще носит «генеральские погоны», однако полной уверенности за поведение Японии у нас быть не может⁶⁴.

16 и 17[-го] я видел несколько раз Идена и ставил пред ним вопрос о «предупреждении» Японии со стороны Англии и США, что всякая попытка атаки СССР будет означать войну между Японией и «English speaking democracies»^{4*}. Иден телеграфировал в этом духе в Вашингтон и разговаривал с Вайнантом. Каковы будут результаты, не знаю. У меня нет большого оптимизма. Иден в разговорах со мной все время подчеркивал, что в данном деле первую скрипку должна играть Америка, а Америка... Америка близорука и больше всего боится войны. Впрочем, проживем – увидим⁶⁵.

В течение минувшей недели произошло и еще одно событие большой важности: советское правительство переехало из Москвы в Куйбышев. Это событие и положительное и отрицательное в одно и то же время. Положительное как показатель твердой уверенности в конечной победе, отрицательное как показатель наличия большой опасности для Москвы. Официально об этой перемене пока не объявлено, и вообще ситуация создалась несколько путаная и неясная.

* Коноэ Фумимаро – премьер-министр Японии (июнь 1937 – январь 1939 г.; июль 1940 – октябрь 1941 г.).

^{2*} Тодзио Хидэки – военный министр (июль 1940 – октябрь 1941), премьер министр и военный министр Японии (октябрь 1941 – июль 1944 г.).

^{3*} Генерал Мороз (англ.).

^{4*} «Англо-говорящие демократии» (англ.).

16[-го] утром в английских газетах появились первые намеки на возможность эвакуации совпра из Москвы. После обеда в этот день Иден прочитал мне телеграмму Криппса, в которой тот сообщал, что накануне, 15[-го], в 4 час[а] дня он был вызван к Молотову, который сообщил британскому послу об эвакуации совпра и дипкорпуса в Куйбышев. Около того же времени по торгпредской линии пришла телеграмма с предложением отныне вести все сношения с НКВТ по адресу Ульяновск, Внешторг. 17[-го] утром я получил от Молотова телеграмму из Москвы, в которой он сообщал, что основные правительственные учреждения и дипкорпус в ночь с 15 на 16 октября выехали в Куйбышев, но что он сам пока еще остается в Москве. Молотов обещал также официальное сообщение об эвакуации совпра «вероятно» 17[-го]. До сих пор такого официального сообщения нет. В течение двух дней также я не имею никаких телеграмм ни из Москвы, ни из Куйбышева. Торгпредство не имеет никаких телеграмм даже с 16[-го].

В чем дело? Видимо, сейчас как раз происходит процесс перемещения руководящих лиц из Москвы в Куйбышев, и временно наша связь с правительством прервалась. Это, конечно, не будет продолжаться долго.

20 октября

Были с Агнией на «Сорочинской ярмарке» в театре «Savoy». Поставлена она труппой белых под управлением «короля черной биржи» некоего Ромею, ловкого еврея из Харькова*. Весь сбор с представления предназначен в Красный Крест для нужд СССР. Нам была отведена специальная ложа. Вместе с нами в ложе были жена Черчилля и лорд Илиф^{2*} с[о]своей половиной. Перед началом представления исполнили «Good save the King» и «Интернационал». Все стояли. Стояла и миссис Черчилль, несмотря на то что именно ее супруг запретил исполнять «Интернационал» по радио в числе других союзных гимнов. Аудитория хлопала супруге премьера, а еще больше хлопала нам с Агнией. Как война все перепутала! Советский посол на представлении белой труппы, а белая труппа собирает деньги для Красной Армии, и жена британского премьера благословляет это начинание.

С художественной точки зрения представление было среднее, но англичанам, видимо, понравилось. Тем лучше. Миссис Черчилль несколько раз повторяла:

– How fascinating^{3*}!

В перерыве пили чай, и миссис Черчилль рассказала кой-какие любопытные подробности образа жизни своего супруга. До войны, в мирное время, он обычно ложился спать в 12 час[ов] ночи и вставал в 8 утра. Сейчас ему не удается спать 8 час[ов] в сутки. Ложится он почти всегда в 2–3 часа ночи, а вставать должен по-прежнему в 8. Выходит, стало быть, 5–6 час[ов] сна. Этого мало. Премьер восполняет недостаток после «ланча»: раздевается, ложится в постель в полной темноте и спит 1–1¼ часа. Опыт показал, что этот короткий дневной

* Опера М.П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка» была поставлена в театре «Савой» дирижером А.Г. Фистулари, уроженцем Киева, эмигрировавшим из СССР в 1929 г. Одну из главных партий исполняла известная певица Ода Слободская.

^{2*} Илиф (Piffie) Эдвард М. (1877–1960) – газетный магнат, консерватор.

^{3*} Как интересно! (англ.).

отдых очень сильно его подкрепляет, и он очень им дорожит. Если утром у Черчилля нет каких-либо заседаний или более или менее официальных свиданий, он остается в постели до «ланча», вызывает в спальню секретаря и работает с ним.

22 октября

Вот уже 5 дней, как с московского фронта приходят более утешительные новости. Немецкий напор несколько ослабел. Мы переходим в удачные контратаки. Орел и Калинин, захваченные нами в конце прошлой недели, остаются в наших руках. Попытки германского наступления в районах Можайска и Малоярославца отбиты с большими потерями для противника.

Что это? Крах гигантского наступления, провозглашенного Гитлером три недели назад? Или же только временная пауза, вызванная необходимостью подвести резервы и наладить транспорт во вновь захваченных местах?

Обжегшись на молоке, на воду дуешь. И потому я склонен принимать за истину второе объяснение, несмотря даже на наступление глубокой осени с дождями, грязью, снегом и холодом. Поживем – увидим.

Не нравится мне положение на юге. Немцы заняли Таганрог, и бои сейчас идут в районе Сталино (Юзовка). Весь Донбасс под непосредственной угрозой, а там уже и Предкавказье. Продолжает чувствоваться какая-то мяклость* в защите южного фронта. Что это? Слабость руководства? Или недостаток сил? Или украинский характер? Война здесь опять подходит к русским областям. Надо думать, начнется stiffening^{2*}. Еще раз: поживем – увидим.

Имел сегодня серьезный разговор с Иденом – о работе в оккупированных странах. Разделил их на три категории: 1) «мягкие» – Франция, Бельгия, Голландия, Дания, – в которых на данной стадии рано говорить о борьбе повстанческого типа и надо концентрировать внимание на пропаганде, саботаже и индивидуальных террористических актах; 2) «твердые» – Балканы, в первую очередь ЮС, – в которых уже сейчас идет повстанческая борьба. Эту борьбу надо всемерно поддержать оружием, снабжением, руководством и т.д.; 3) «средние» – ЧС, Норвегия, – в которых еще нет открытого повстанческого движения, но имеются все предпосылки для его раннего зарождения. Здесь, очевидно, надо принять все необходимые меры для формирования кадров такого движения, для подготовки его выступления в нужный момент и т.п.

С особой силой я подчеркнул значение Балкан. В ЮС уже сейчас до 150 тыс. партизан, разбросанных группами по стране. В Монтенегро они имеют в своих руках даже часть морского берега. Если раздуть этот костер (а для такого раздувания нужны очень скромные в абсолютных цифрах количества оружия и пр.), то легко будет зажечь пламя также в Албании, Греции, Болгарии, Румынии. А там уже пойдет полыхать огонь по всем Балканам. Партизанская война в крови у балканских народов, – почему бы не использовать данное обстоятельство в борьбе с Германией? К весне здесь, пожалуй, мог бы создаться своеобразный «второй фронт», да и высадка союзных войск могла бы быть облегчена. Словом, перспективы есть. Надо использовать ситуацию.

– Я ведь сам бывший партизан, – с усмешкой закончил я, – и нюхом чувствую, что на Балканах можно раздуть кадило.

* Так в тексте.

^{2*} Усиление сопротивления (англ.).

Идену моя идея понравилась. Он заметил, что кое-какие нащупывания в этом отношении англичане уже делали, но пока лишь в очень малых масштабах. Он готов попробовать развернуть это дело. Иден обещал переговорить с Черчиллем и затем вновь вернуться к поднятому мной вопросу.

Посмотрим, что из всего этого выйдет? Как бы бритпра не перепугалось. Ведь партизанщина так «не ортодоксальна».

23 октября

Просидел сегодня поддня в парламенте. Обсуждался вопрос о ходе войны. Народу было сравнительно мало, но страсти разгорелись сильно.

Начал Ноэль-Бейкер, который в сравнительно осторожной форме, но вполне определенно выразил тревогу и недовольство широких слоев по поводу бездействия бритпра в вопросе об активной военной помощи СССР. Ноэль-Бейкер требовал отправки большой британской армии на Украину. Тон был дан. Последующие ораторы все время спорили на данную тему – одни нападали на правительство, другие его защищали. Атака, однако, была гораздо сильнее и эффективнее, чем оборона. Правительственная скамья слегка нервничала (я видел на ней [А.] Идена, [А.] Александера, [Э.] Григга, [Д.] Гренфеля, [А.] Гринвуда, Т. Джонстона и др.).

Особенно резко выступил Эньюрин Бивен, который произнес крайне воинственную речь. В ней он, между прочим, обрушился на Галифакса за его заявление в Америке по поводу того, что, мол, «вторжение на континент» сейчас невозможно из-за недостатка тоннажа и вооружения. Бивен назвал поведение Галифакса (особенно в связи с тем, что он говорил все это как раз в момент подготовки Гитлером своего наступления на Москву) «почти государственной изменой». По адресу же правительства он несколько раз прокричал: если вы не можете изменить своей политики – уходите.

Эффект получился сильный, таких слов в палате не раздавалось со времени кризиса, вызвавшего отставку Чемберлена в мае 1940 г.

Потом выступал Галахер*, который получил слово лишь после обмена резкостями со спикером, но говорил он, как всегда, малоэффективно. Не подходит он к парламенту. Галахер типичный массовик.

Критикам отвечал Иден. Положению его я не завидовал. Со многим из того, что говорили критики, Иден согласен, тем не менее ему приходилось защищать официальную точку зрения бритпра. Иден пытался всех примирить и пригладить, клялся и божился, что правительство прилагает все усилия к максимальной помощи СССР, и с горячностью отверг обвинение Бивена в том, что бритпра сдерживает помощь СССР из-за классовых предрассудков. Вопреки обыкновению Идену, однако, не удалось утихомирить разошедшиеся страсти, и после того, как он сел на место, Бивен потребовал от него осуждения выступления Галифакса, о котором Иден в своей речи предпочел умолчать. Идену пришлось довольно неловко выкручиваться. Ни одного слова, однако, в защиту или извинение Галифакса он не сказал.

Оппозиция осталась недовольна. Вскочил Клемент Дэвис^{2*} и потребовал слова. Говорил Дэвис еще более резко, чем Бивен. Он бешено нападал на пра-

* Галлахер Уильям – член ЦК КПВ, член палаты общин.

^{2*} Дэвис Клемент – «независимый либерал», член правления компании «Юнилевер».

ительство и в конце концов поставил вопрос так: или реорганизация политики или реорганизация правительства.

На этом дебаты кончились. Общее впечатление у меня не плохое. Давно уже в палате не слышались такие острые и горячие слова, адресованные против правительства^{3*}. Конечно, пока их произносят лишь заядлые «критики» и аплодируют им лишь представители «неофициальной оппозиции» (хотя сегодня одобрения были значительно шире), но все-таки... Я немножко знаю палату общин. Сегодня я почувствовал в ней «настроение», какого давно уже не наблюдал. И тот факт, что Бивен и Дэвис рискнули в упор – без протестов со стороны других! – поставить вопрос об отставке правительства Черчилля или, по крайней мере, о его серьезной реорганизации, в высшей степени significant^{4*}.

«Ланчевал» в палате вместе с семьей Ллойд Джорджей (отец, сын и дочь). Это явилось своего рода «сенсацией»: в ресторане палаты все головы заворачивались^{3*} в сторону нашего столика. Подошел Х. Морисон^{5*} и, кивая на меня, с полусмешком бросил:

– А... А... Новый член семьи?

Я ответил в тон:

– Что ж, семья не плохая!..

Консерваторам не нравится моя дружба с Ллойд Джорджем. Понятно. Именно поэтому (независимо от всех других соображений) ее следует поддерживать.

Старик настроен пессимистически. Видимо, не очень верит в нашу возможность устоять. Ругает Черчилля и правительство.

Когда я уходил из парламента, ко мне подошел какой-то незнакомый мне молодой человек в солдатской форме и с болью в голосе произнес:

– Мистер Майский, я хотел вам только сказать, что мне стыдно за мою страну, за ее поведение в эту минуту.

Я крепко пожал юноше руку.

26 октября

Под Москвой продолжаем удерживать позиции, установившиеся в конце прошлой недели. Половина Калинина в наших руках, половина в немецких, и бои идут на улицах. В чьих руках Орел, неясно, однако никаких успехов под Орлом на протяжении последних 8–9 дней немцы не имели. Можайск и Малоярославец опять упоминаются в коммюнике как центры особенно ожесточенных боев. Можно ли считать наступление на Москву выдохшимся? Не знаю. Склонен думать, что нет. Вероятнее всего, что немцы подтягивают силы и затем сделают еще одну попытку захватить столицу. Надеюсь, что сорвутся.

Под Ленинградом тихо.

Зато плохо на юге. Немцы взяли Сталино, подходят к Ростову и, видимо, заняли Харьков. Таким образом, вся Украина потеряна. Нависает реальная угроза над Кавказом. Это настраивает меня тревожно. Если бы мы потеряли Кавказ, не знаю, как мы могли бы продолжать сколько-нибудь эффективную войну без нефти. К тому же и связь с внешним миром через Иран пропала бы. Надо во что

^{3*} Так в тексте.

^{4*} Значительный, существенный (англ.).

^{5*} Видимо, имеется в виду лейборист Герберт Стэнли Моррисон.

бы то ни стало задержать немцев! Надеюсь, это нам удастся. Ожидаю многого от объявленного два дня назад назначения [С.К.] Тимошенко командовать южным фронтом. [С.М.] Буденный переводится на формирование новых армий. Видимо, не справился с руководством украинским фронтом. Не совсем понятно, почему одновременно с Буденным на формирование новых армий переброшен и [К.Е.] Ворошилов. У него как будто бы особых прорывов не было.

Вчера были у Веббов. «Приложился к земле» и получил ответ на след[ующие] интересовавшие меня вопросы:

1) **мой вопрос:** мыслимо ли какое-либо соглашение между Англией и гитлеровской Германией?

Ответ Веббов: нет, совершенно немыслимо. Не только потому, что Черчилль на это никогда не пойдет (в случае надобности правящий класс мог бы переменить премьера), но также и потому, что вся основная масса этого класса сейчас прекрасно понимает полную несовместимость существования Брит[анской] империи с гитлеровской Германией.

2) **Мой вопрос:** чем объясняется нежелание бритпра оказать немедленную военную помощь СССР на западе или на нашей территории? Не тем ли, что британский правящий класс хотел бы ослабления СССР?

Ответ Веббов: британский господствующий класс больше всего хотел бы, чтобы СССР и гитлеровская Германия взаимно уничтожили друг друга. Однако он ни в коем случае не хотел бы, чтобы Гитлер уничтожил СССР. Ибо в этом случае он обрушился бы всей своей мощью на Брит[анскую] империю. Поскольку сейчас СССР находится в тяжелом положении и на горизонте вырисовывается опасность германской победы на востоке, бритпра отнюдь не может желать дальнейшего ослабления СССР. Наоборот, оно хотело бы укрепления СССР. Если тем не менее бритпра не идет на предложение об оказании немедленной военной помощи СССР, то на это имеются другие причины. Веббы не берутся точно формулировать эти причины, но полагают, что в основе, вероятно, лежит [о]сознание бритпра своей военной слабости по сравнению с Германией.

3) **Мой вопрос:** в стране явно нарастает массовое требование второго фронта и т.д., – окажет ли это влияние на политику бритпра?

Ответ Веббов: сомнительно. «Русской политикой» бритпра недовольны многие, но никаких конкретных, обоснованных предложений толпа дать не может. Правительство в этом отношении имеет все преимущества.

27 октября

Девять лет моего пребывания в Англии в качестве посла.

Как время бежит! И сколько воды утекло за это время! Как бесконечно много воды утекло!..

Ехал сюда, психологически настроившись лет на пять. Считал, что если в Финляндии я проработал несколько больше трех лет, то в Англии придется провести пятилетку. Одну пятилетку. Вот уже вторая пятилетка моего пребывания в Лондоне подходит к концу, а я все здесь. Все представляю мою дорогую, любимую страну. Кто знает? – может быть, и десятую годовщину придется справлять на этом острове, но надеюсь, крепко надеюсь в лучших обстоятельствах, чем девятую.

30 октября

Приходил лорд Сесил* (несмотря на свои 77 лет, он не ездит, а ходит). Постарел. Еще больше согнулся. Плохо слышит. Пользуется слуховым аппаратом, когда беседует. Однако голова вполне ясна, и мысль работает четко и быстро. О чем Сесил думает? Все о том же: как бы наладить жизнь человечества так, чтобы не было войн, чтобы мир царил на земле.

Я спросил Сесила, как он представляет себе будущий мир и будущее устройство Европы после войны?

Он был очень рад моему вопросу и начал подробно излагать свои соображения.

Сейчас в английских политических кругах имеется три главных течения по вопросу о будущем Европы и мира:

1) Сторонники англо-американского «understanding»^{2*}. Эти две державы (к которым могут присоединиться, конечно, и некоторые другие) будут регулировать все международные дела и по существу творить свою волю. Важную и чуть ли не центральную роль тут играет группа Саймона^{3*}, который, правда, в настоящее время имеет мало влияния, но который, по мнению Сесила, при изменении обстановки может опять его приобрести.

2) Сторонники так наз[ываемого] «Federal Union»^{4*}, которые мыслят себе будущую Европу как федерацию государств, обладающих известной долей внутренней автономии, но подчиняющихся единой центральной власти в лице федерального парламента, федерального правительства и т. д.

3) Сторонники некоей средней линии между этими двумя крайностями, считающие, что неизбежно создание какой-то мощной международной организации, оказывающей сильнейшее влияние на взаимоотношения между государствами и предупреждающей возможные акты агрессии.

– Лично я, – говорил Сесил, – не согласен ни с первой, ни с[о] второй группой. Сторонники «understanding» сбрасывают со счетов СССР, без которого никакой мир в Европе невозможен, и делают всю организацию мира после войны крайне неясной и неэффективной. США едва ли захотят принимать на себя какие-либо определенные обязательства в отношении сохранения европейского мира. Ведь теперь дело не может ограничиться словами и декларациями. Надо быть готовым at short notice^{5*} выступить против агрессора с оружием в руках. Пойдут ли на это США? Сомневаюсь. Что же получится? Всегда будет оставаться неясность: а что сделают США в случае акта агрессии в Европе? Эта неопределенность будет подтачивать самые основы европейского мира. И, наконец, пройдет 5–6 лет, отношения между Англией и США могут испортиться, пойдет взаимное охлаждение, а вместе с этим пойдет прахом и всякая возможность держать мир с помощью англо-американского «understanding». Нет, данная концепция не ведет никуда.

Равным образом Сесилу не нравится идея «Federal Union». Он считает его утопией. Ни Англия, ни СССР, ни какое другое крупное государство не согласятся настолько отказаться от своего суверенитета, чтобы сделать в ближайшие годы возможной действительную европейскую федерацию.

* Сесил Эдгар – консерватор, президент Союза Лиги Наций.

^{2*} Взаимопонимание (англ.).

^{3*} Саймон Джон Олсбрук – национал-либерал.

^{4*} Федеральный союз (англ.).

^{5*} Немедленно, тот час же (англ.).

В конечном счете Сесил приходит к выводу, что наиболее правильным является третий путь. Какова, однако, должна быть международная организация? Должна ли она напоминать старую Лигу Наций?.. Конечно, нет. Но в чем именно она не должна походить на прежнюю Женеву? И в чем должна? Ведь не все же в старой Лиге было плохо. Кое-что имелось и хорошего. Как отделить пшеницу от плевел? В какие формы отлить будущую организацию, гарантирующую европейский мир? На все эти вопросы у Сесила пока нет вполне ясного ответа, хотя он много думал и думает на данные темы.

Я стал задавать Сесилу наводящие вопросы и в конце концов выяснилось, что будущую международную организацию он мыслит себе, если можно так выразиться, в двух концентриках.

Первый – широкий – концентр будет охватывать все или почти все европейские страны (может быть, и внеевропейские). Это будет какая-то обновленная Лига Наций, регулирующая различные экономические, политические, пограничные и др[угие] вопросы, существующие между отдельными государствами. Обязательства стран, входящих в первый концентр, будут сравнительно легкие, не включающие вооруженного выступления против агрессора.

Второй – узкий – концентр, внутри первого, будет охватывать только те страны, которые берут на себя обязательство в случае необходимости немедленно же выступать с оружием в руках против всякого агрессора.

Когда же я поинтересовался, какие державы Сесил мыслит себе как возможных членов второго концентрика, то после некоторых экивоков он сознался:

– После победы над Германией в Европе останутся только две державы, которые чего-либо стоят, – это вы да мы. Стало быть, поддержание мира в основном должно лечь на СССР и Англию при дружеской поддержке США.

Итак, по существу Сесил видит спасение в англо-советском военно-политическом союзе, который от имени новой Лиги Наций будет держать мир в Европе (и, возможно, Азии – здесь при сотрудничестве с Китаем). Отсюда чрезвычайная важность укрепления самых дружественных отношений между СССР и Великобританией.

Я задал Сесилу вопрос:

– Но представьте, что СССР и Англия разошлись, – что тогда?

Сесил пожал плечами и неуверенно ответил:

– Не знаю... Тогда, я думаю, все пропало.

Учитывая общую установку Сесила, я рассказал ему историю вопроса о втором фронте и посылке экспедиционного корпуса в СССР.

– Как вы думаете, – спросил я, – способна ли такая история содействовать укреплению сотрудничества между обеими странами, столь важного не только во время войны, но также и после победы?

Сесил был очень огорчен. Он, правда, ссылаясь на то, что, не зная всех фактов, не может выносить окончательного суждения, – тем не менее мое сообщение произвело на него сильное впечатление.

Затем мы заговорили о судьбе Германии. Сесил считает, что Германия должна быть совершенно разоружена, но раздробление ее на части он находит нецелесообразным. Он полагает также, что Германия должна будет в той или иной форме возместить оккупированным ею странам нанесенный ущерб. Такова общая установка Сесила, но детали ему еще неясны.

– Я не иду так далеко, как [Р.Г.] Ванситарт, – заметил Сесил, – но я все-таки признаю, что немецкая нация отравлена ядом милитаризма и теорией господства над миром гораздо глубже, чем все остальные народы. Потребуется немало времени прежде, чем удастся вытравить этот яд из ее сознания.

Сесил интересовался нашими взглядами на вопросы мира и будущего устройства Европы. Я отослал его к оглашенной мной на межсоюзнической конференции 24 сентября декларации. Наши основные принципы старые: самоопределение наций и коллективная безопасность. На этих принципах мы будем строить нашу политику. О конкретных же формах их приложения пока трудно сказать что-либо определенное. И, конечно, Германия должна будет в той или иной форме возместить нанесенный ее действиями вред, от которого пострадали другие нации.

Сесил был удовлетворен моим ответом и сказал:

– Нам нетрудно будет договориться.

Я слушал Сесила и про себя думал, что капиталистический мир окончательно сгнил. Сесил – наиболее яркий пример этого. Персонально он прекрасный и благородный человек. Он действительно «совесть» британской нации, как о нем часто говорят. Но до какой степени беспомощна его мысль в вопросах войны и мира!

Я не считал, однако, удобным в этот раз развить перед ним мою концепцию ликвидации войны. Сделаю это как-нибудь в другой раз.

Греческий посланник Пипинелли^{6*} на днях спросил Вышинского^{7*}, как мыслит совпра будущее балканских и центральноевропейских стран, вовлеченных в войну на стороне «оси»⁶⁶?

Вышинский ответил: народы этих стран, освободившись от правительств, вовлекших их в войну, сами решат свою судьбу. Если же народы не сумеют освободиться от названных правительств, то их судьба будет решена победившими демократическими странами.

2 ноября (Бовингтон)

Еще неделя войны прошла. Девятнадцатая неделя. Положение по-прежнему тяжелое. На Мурманском и финском фронтах тихо. Под Ленинградом тоже мало активности, хотя мы все время контратакуем и, видимо, улучшаем наши позиции. Зато на Московском фронте ожесточенные бои, причем за неделю немцы продвинулись к Волоколамску и Туле. В Калинин, [на] Можайском и Малоярославском направлениях мы крепко держим свои старые позиции. Основной вопрос: выдохлось ли германское наступление на Москву или не выдохлось? Являются ли немецкие успехи на линии Орел–Тула чисто местным достижением или же началом новой генеральной атаки Москвы?

Не знаю. Склонен, однако, думать, что немцы еще не отказались от мысли взять Москву. Стало быть, надо ждать какой-то новой, отчаянной попытки со стороны Гитлера, – возможно, с применением газов. Эта попытка, надо думать,

^{6*} Пипинелис – посланник Греции в СССР.

^{7*} Вышинский А.Я. – заместитель председателя СНК СССР (1939–1944), заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

найдет поддержку в германских войсках: в поле и в лесу теперь дьявольски скверно, и Москва, вероятно, маячит в мыслях немецких солдат, как «земля обетованная», по крайней мере, как приличная зимняя квартира. Гитлер несомненно играет на этом.

На юге дела по-прежнему плохи. Немцы, видимо, ворвались три дня назад в Крым, пробившись через Перекоп. Под ударом Севастополь. Немцы могут, пожалуй, также форсировать Керченский пролив и выйти в тыл Ростову. Харьков эвакуирован. Потеряны Сталино, Макеевка, Краматорск. Немцы вышли к Донцу. Перед Ростовом их как будто бы задержали. Есть симптомы, что Ростов будет обороняться крепко, на манер Москвы и Ленинграда. Но кто может за что-либо поручиться в этой войне?.. Кавказ надо во что бы то ни стало отстоять! Иначе наше положение может стать совершенно критическим.

Да, картина не веселая. Но унывать нельзя. Цела армия, цело правительство, крепко единство народа. Партия и Сталин во главе. Есть все элементы для конечной победы. Нужны лишь мужество, выдержка и терпение.

3 ноября

Город полон слухов о «реконструкции» правительства, а больше всего о возможности отставки [У.] Бивербрука.

Началось с появления 29/10 в ряде газет («Д[ейли] Т[елеграф]», «Н[ьюс] Кр[оникл]», «Таймс» и др., но не бивербруковских) более или менее однотипного сообщения о том, что Бивербрук сильно страдает астмой, что он чувствует себя плохо и что не исключена возможность его отставки. Меня это обеспокоило. Отставка Бивербрука в настоящий момент была бы для нас крайне неудобна! В то же утро я был у Идена и под конец беседы спросил его, что означает упомянутое сообщение. Иден пожал плечами и сказал, что ничего не знает. Он, впрочем, высказал предположение, что это один из «припадков» настроений Бивербрука, обычно совпадающий с сильным приступом астмы. Я не скрыл от Идена своего отношения к вопросу об отставке министра снабжения.

В тот же день после lunch'a я заехал к Бивербруку и в упор спросил его:

– Что это значит?

Бивербрук был в плохом настроении. При моем вопросе лицо его приняло землистый оттенок, и он вдруг с бешенством ударил кулаком по столу.

– Я не уйду в отставку, если кабинет скажет, что я не должен уходить.

Он круто повернулся ко мне и прокричал:

– Public* не позволит, чтобы я вышел в отставку!

Из дальнейшего разговора выяснилось, что с Черчиллем у Бивербрука отношения по-прежнему прекрасные, но что с рядом других министров у него в последнее время были острые конфликты. С кем именно, Бивербрук не хотел сказать, но заметил:

– Я сейчас с Иденом в плохих отношениях.

– Почему? – изумился я.

– Почему? – переспросил Бивербрук и прибавил. – He hasn't got the guts^{2*}!

Он часто бросает меня в нужде.

* Общественность, народ (англ.).

^{2*} У него не хватает смелости («кишка тонка») (англ.).

Из всего, что говорил Бивербрук, для меня стало ясно, что об отставке он не думает, что вышеупомянутые газетные заметки были пущены им самим, и что он хочет разыграть Бориса Годунова, чтобы укрепить свою позицию vis-à-vis^{3*} своих коллег по правительству. Поэтому я стал доказывать Бивербруку, что его отставка имела бы самые плохие последствия для Англии и для англо-советских отношений, особенно сейчас, сразу же после московской конференции. Это было бы истолковано в СССР как отказ или, по крайней мере, ослабление той политики сотрудничества между обеими странами, которая одна только может привести к победе. Говоря так, я, конечно, сознавал, что даю Бивербруку в руки хорошую карту для его игры, но никаких возражений против этого у меня не было. Наоборот, про себя я решил сделать, с своей стороны, все возможное, чтобы поддержать Бивербрука, ибо лучшего министра снабжения мы сейчас получить не могли бы. Бивербрук был очень доволен. Мои слова были для него, как масло по сердцу.

От Бивербрука я поехал на прием к Арасу^{4*}, устроенный в связи с годовщиной Турецкой Республики, и встретил там Идена.

– Видали вы Бивербрука? – спросил меня Иден, отзывая в сторону.

– Видал и говорил, – ответил я. – Полагаю, что отставку его можно предупредить. Было бы хорошо, если бы вы и Черчилль убедили Бивербрука в необходимости остаться на своем посту.

– Сегодня же поговорю об этом с премьером, – быстро реагировал Иден.

Я подумал:

– Очень хорошо. Борис Годунов получит то, что ему нужно.

На следующий день Иден мне действительно сообщил, что вечером 29 он по поручению Черчилля был у Бивербрука и в конце разговора вынес впечатление: отставки не будет.

Тем временем я стал наводить справки по другим источникам. Выяснилось, что в последнее время у Бивербрука был ряд острых конфликтов с коллегами на почве помощи СССР и разворачивания военной индустрии. Была ссора с [А.] Синклером (которого Бивербрук вообще не любит) из-за предоставления нам в счет декабрьской поставки 200 истребителей «Air-Cobra»^{5*} (американских), которые он перехватил у воздушного министерства. Была ссора с Мур-Брабазоном (министр авиастроения) из-за поставки алюминия СССР. Была ссора с [Э.] Бивеном из-за желания Бивербрука апеллировать к Shop stewards^{6*} в целях подъема военной продукции. Были ссоры у Бивербрука с рядом коллег и из-за того, что он стоит за активную военную помощь СССР на западе (в форме, напр[имер], крупного рейда на полуостров Бретань, где укрываются два германских линкора). Ко всему этому надо прибавить еще тяжелый характер Бивербрука, а также его ненависть к бюрократической волоките.

– Терпеть не могу комиссий, – как-то сказал мне Бивербрук. – Я всегда все решаю сам.

В конечном счете вокруг Бивербрука в правительстве создалась такая атмосфера, что ему пришлось подумать о методах Бориса Годунова. Мое впечатление, однако, что сейчас «кризис» миновал и что значительную роль в этом сыграла моя «интервенция».

^{3*} Буквально – напротив, против (фр.).

^{4*} Арас Тевфик – посол Турции в Великобритании.

^{5*} Истребители P-39 «Аэрокобра» (англ. – Bell P-39 Airacobra).

^{6*} Профсоюзные лидеры (англ.).

9 ноября (Бовингдон)

Еще неделя. 20-я неделя войны.

Положение как будто бы несколько лучше. Правда, немцы заняли бóльшую часть Крыма и подходят к Севастополю и Керчи, но зато ни под Ростовом, ни в Донецком бассейне они за неделю не имели никаких успехов. Наоборот, чувствуется, что наша оборона в этих районах становится крепче. Видимо, Тимошенко постепенно берет вожжи в свои руки. Самое главное, однако, это то, что на московском фронте немцы задержаны. На время или совсем? Не знаю. Во всяком случае за минувшую неделю они не только никуда не продвинулись, но даже кое-что потеряли. Похоже на то, что германская оффензива на этом фронте выдыхается – особенно в связи с наступлением зимы. И все-таки: обжегшись на молоке, на воду дуешь. Боюсь делать заключения. Склонен полагать, что немцы еще что-нибудь выдумают, попытаются еще что-либо выкинуть. Ибо положение у них становится все более трудным. Прошло 5 недель с момента хвастливых заявлений Гитлера (3 октября), а Москва еще не только стоит, но и на удар отвечает ударом.

Эта неделя принесла мне две радости. Во-первых, большая – речь Сталина по поводу 24[-й] годовщины^{*}. Страшно приятно было, что 6 вечером Сталин выступил на торжественном собрании в Большом театре^{2*} и что 7[-го] днем на Красной Площади был великолепный военный парад, блеску которого так много придала вторая краткая речь Сталина. Говорят, Гитлер рассчитывал 7 ноября принимать на Красной Площади парад своих войск. Не вышло. Руки коротки. Уже не «говорят», а точно известно, что вечером 6 ноября 500 германских самолетов пытались бомбардировать Москву, но не смогли прорваться через нашу воздушную защиту. Как хорошо, что Сталин решил и в этом году, как обычно, устроить собрание в Большом театре и парад на Красной Площади! Это жест силы и уверенности, жест презрения к врагу.

Речи Сталина имели в общем «хорошую прессу» в Англии, несмотря на то что он в вежливой форме ругнул бритпра за отказ устроить второй фронт. Одновременно со Сталиным, 6 ноября, выступал Рузвельт и произнес весьма «воинственную» (по американским масштабам) речь. Таким образом, с востока и с запада Гитлеру был показан кулак.

Вторая радость, – правда, гораздо меньшего объема – это назначение [М.М.] Литвинова послом в САШ. Моя телеграмма, посланная дней 10 назад, о необходимости поскорее иметь посла в Вашингтоне, видимо, сыграла свою роль в деле ускорения решения данного вопроса. [К.А.] Уманский назначен главой ТАСС (очень хорошее для него назначение). М.М. несомненно будет на месте в Америке. Сейчас там более, чем когда-либо, нужна солидная, крупная, влиятельная фигура. Кто знает, может быть, скоро удастся увидеть М.М.? Политически и географически его путь в Америку лежит через Лондон, особенно политически. Постараюсь что-нибудь смонтировать в этом направлении. 6[-го] вечером, когда стало известно о назначении М.М., мне позвонил [Дж.Г.] Вайнант, выражал восторги и просил передать Литвинову его поздравления. Просил также устроить свидание с Литвиновым, если он будет проездом в Лондоне.

^{*} Октябрьской революции 1917 г.

^{2*} Торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы состоялось на станции метро «Маяковская».

Наша колония встречала 24[-ю] годовщину чтением речи Сталина, которую Извековой удалось записать по радио. Я думал, было, делать доклад, но потом решил, что речь Сталина гораздо нужнее нашим товарищам, чем мои соображения. Читал речь я сам. После речи сделал маленькую концовку по вопросу о втором фронте.

Итак, вступили в 25-[-й] год существования нашей республики. Да будет он годом, если еще не полной победы, то во всяком случае хотя бы решительного turning of the tide^{3*} в ходе войны!

11 ноября

Кажется, мы пришли к первому кризису в отношениях между «союзниками»!

Сегодня я вручил Черчиллю ответ Сталина на послание премьера от 4 ноября. Черчилль принимал меня в своем кабинете в парламенте. По моей просьбе Иден также присутствовал. Мы приехали с Иденом вместе из ФО, где предварительно я имел с ним разговор по разным текущим вопросам, и, когда вошли в кабинет премьера, последний с дружелюбной улыбкой поднялся навстречу и, пожимая мне руку, сказал:

– Let us have a good talk*.

Затем мы присели к длинному столу под зеленым сукном, за которым происходят заседания кабинета, и я передал Черчиллю привезенный мной пакет. Он вынул письмо и стал его читать. Я следил за выражением лица премьера: оно становилось все мрачнее. Наконец, Черчилль дошел до последней строки и молча передал документ Идену. Потом также молча вскочил со стула и быстро прошелся раза два по комнате. Премьера нельзя было узнать. Он был бледен, как мел, и тяжело дышал. Видно было, что он взбешен. Несколько овладев собой, Черчилль бросил:

– Grave message^{2*}!

И затем ледяным тоном прибавил:

– Я сейчас не хочу ничего отвечать на это послание! Я должен посоветоваться с моими коллегами.

Сказано это было так, что я счел за лучшее подняться и откланяться. Иден, однако, удержал меня, и я остался.

Черчилль, однако, недолго сохранял внешнюю замкнутость. Он еще раза два прошелся по кабинету, все более разгораясь. Наконец, слова прорвались у него.

– Сталин хочет знать наши послевоенные планы? У нас есть такие планы: «Atlantic Charter»^{3*}! Что можно еще больше сказать в настоящий момент?

Я возразил, что «Atlantic Charter» слишком общий документ и что в рамках его (ибо мы тоже признаем «Atlantic Charter») возможно полезное уточнение целого ряда моментов. Вот пример: недели три назад Иден, ссылаясь на вопрос Сталина Бивербруку во время московской конференции, сообщил мне, что бритпра хотело бы построить послевоенные отношения между Англией

^{3*} Поворот событий (англ.).

* Давайте поговорим как следует (англ.).

^{2*} Серьезное послание! (англ.).

^{3*} Атлантическая хартия.

и СССР на базе дружественного сотрудничества. Разве этот вопрос не мог бы быть с пользой разрешен в рамках соглашения о послевоенных планах обеих держав?

– Верно, я говорил с вами об этом, – заметил Иден, – но я просил г[-на] Сталина высказать свои соображения по данному поводу.

– Я склонен толковать, – возразил я, – пункт «а» пожеланий Сталина как ответ на сделанное вами мне сообщение.

Иден скептически усмехнулся.

Черчилль вдруг опять вскипел и воскликнул:

– Если вы хотите в ваших послевоенных планах обратить Англию в коммунистическое государство, то это вам не удастся!

– Что вам такое мерещится! – с полусмехом возразил я. – Последняя речь Сталина должна бы вас на этот счет вполне успокоить.

Премьер вновь взял в руки послание Сталина и взглянул на вторую страницу. Его точно обожгло.

– Хм! – с бешенством воскликнул Черчилль. – Я посылаю ему двух своих главкомов, а он, видите ли, не может найти времени для них, если они не уполномочены заключить эти договора...

И премьер с раздражением ткнул в то место послания, где Сталин говорит об отсутствии между Англией и СССР соглашений по вопросу о военной взаимопомощи и послевоенных планах.

– Нет, я больше не буду предлагать военных переговоров! – в том же тоне продолжал Черчилль. – Довольно!

Премьер еще раз пробежался по кабинету и добавил:

– И зачем Сталину понадобилось вносить такой тон в нашу переписку? Я этого потерпеть не могу. Я ведь тоже могу «сказануть»! Кому это выгодно? Ни нам, ни вам, только Гитлеру!

Я заметил, что не вижу основания для такого excitement^{4*}. То, что предлагает Сталин, – это в сущности то, о чем я говорил с Черчиллем больше двух месяцев назад: общий стратегический план ведения войны. Разве это так неразумно?

– Какой может быть сейчас стратегический план? – раздраженно воскликнул Черчилль. – Мы пока на позиции обороны, вы пока на позиции обороны, инициатива пока все еще в руках Гитлера... Какой может быть при таких условиях общий стратегический план? Как-либо продержаться до момента, когда мы сможем вырвать инициативу из рук противника! Вот наш план!

– Согласен, что и вам и нам пока приходится думать об обороне, – возразил я, – но ведь и для обороны нужен какой-то план. Что мы будем делать, например, в 1942 г. – вы и мы? Разве об этом не следовало бы договориться?

Черчилль сделал в ответ какой-то неопределенный жест. Обернувшись к Идену, премьер спросил:

– Как это случилось, что сведения о переговорах по поводу объявления войны Финляндии появились в печати?

Иден пожал плечами и прибавил, что publicity^{5*} началась с Америки. Я возразил, что первое сообщение появилось в «Таймсе».

^{4*} Волнение (англ.).

^{5*} Огласка (англ.).

– В «Таймсе»? – вдруг вскипев, рявкнул Черчилль. – Сообщение дипкора и потом передовица в газете... Да, да, «Таймс» выступил против правительства!

Видно было, что премьер принимает близко к сердцу позицию «Таймс» и что вообще он очень чувствителен к критике его правительства.

– Мы не имеем ничего общего с этими публикациями! – с раздражением воскликнул он. – Они были сделаны против нас... Чтобы «to force the hand of the Government»^{6*}... Но это не удастся! У меня тоже есть свое мнение! И если кто-либо рассчитывает, что public clamour^{7*} может повлиять на мою политику, то он сильно ошибается. Я не стану делать глупостей из-за того только, что кто-то этого требует. У нас сейчас еще нет достаточно войск, чтобы серьезно вам помочь...

Видно было, что мысль Черчилля вновь вернулась к вопросу о военной взаимопомощи между союзниками и о втором фронте.

Я спросил, как же все-таки будет обстоять дело с объявлением войны Финляндии и др[угим] странам?

Черчилль с горячностью заявил, что он считал бы такое объявление ошибкой, что Швеция против этого возражает, что Норвегия этим недовольна, что в Финляндии нарастают сильные настроения против продолжения войны и т.д. В доказательство премьер прочитал длинную телеграмму британского посланника в Стокгольме, в которой тот характеризовал отношение шведских кругов к перспективе объявления Англией войны Финляндии.

Я возразил, что все это мало убедительно. Я слышу об антивоенных настроениях Финляндии уже очень давно, а Финляндия все воюет, да воюет. На мой взгляд, Финляндия зашла так далеко, что возврата для нее нет. Отсюда надо делать надлежащие выводы. Меня удивляет также вот что: бритпра считается с[о] Швецией, с Норвегией, с САШ, с самой Финляндией, но только не с СССР! После той publicity, которую получил весь этот вопрос, положение действительно оказалось «нетерпимое», и оно должно быть теперь же разрешено.

Черчилль вдруг опять вскипел, точно мысленно прикоснулся к горячему железу, и с горечью воскликнул:

– Я сразу, без колебаний выступил 22 июня и протянул вам руку, хотя еще за несколько недель до того я не знал, что вы будете делать? Не пойдете ли вы вместе с Германией?.. Кому нужны эти споры и несогласия?.. Ведь мы боремся за жизнь и будем бороться за жизнь, что бы ни случилось!

– Мы тоже боремся за жизнь, – ответил я. – И как будто бы не плохо.

– Вы боретесь великолепно! – горячо воскликнул Черчилль.

Он подумал минуту, взглянул на Идена, который все время молчал, сохраняя полное спокойствие, и, наконец, прибавил:

– Я сейчас не хочу ничего отвечать Сталину... Под горячую руку я мог бы наговорить ему много ненужных вещей... Посоветуюсь с нашим народом, успокоюсь, потом напишу. Своевременно вас уведомя.

– Нравится вам или не нравится послание Сталина, – в заключение заметил я, – но не следует все-таки приходить в излишнее excitement. Надо сохранять трезвую и холодную голову. У нас общее дело и общая борьба. Если я чем-либо могу помочь для построения моста, я всецело к вашим услугам.

^{6*} Подтолкнуть руку правительства (англ.).

^{7*} Поднятая в обществе шумиха (англ.).

Мы распрощались, и я вышел. В кулуарах была большая группа депутатов разных партий. Они тепло приветствовали меня. Сэр Пэрси Харрис (либеральный whip^{8*}) со смехом воскликнул:

– Приятно, что у вас такой счастливый (happy) вид.

– Счастливый? – откликнулся я. – Это недоразумение. I am confident, but not happy^{9*}.

Все рассмеялись.

Посмотрим, каков будет результат сегодняшнего свидания. Теоретически рассуждая, он может быть и плохой, и хороший. Поживем – увидим.

Содержание послания Черчилля Сталину (от 4.11.41)⁶⁷

1. Для установления ясности и выработки планов на будущее готов послать в Москву, Куйбышев, Тифлис, куда угодно, генерала Вевела* (главком в Индии) и генерала Пэджета^{2*} (нового главкома на Д[альнем] Востоке). Генерал Пэйджет в курсе всех наших планов. Оба генерала могли бы быть в Москве примерно через две недели. Желаете ли вы их приезда?

2. В моем послании 6.9 я говорил, что мы готовы объявить войну Финляндии. Но стоит ли Англии в данный момент объявлять войну Финляндии, Венгрии и Румынии? По существу речь идет о формальности, поскольку мы применяем в отношении их строжайшую блокаду. Мне кажется, что объявлять названным странам войну сейчас не стоит: у Финляндии много друзей в США; в Венгрии и Румынии много наших друзей, которые в случае, если фортуна начнет изменять Гитлеру, перейдут на нашу сторону; доминионы, кроме Австралии, колеблются в этом вопросе; объявление войны Финляндии, Румынии и Венгрии может создать положение, при котором Гитлер окажется якобы во главе большой европейской коалиции. Не думайте, что нам не хватает духа товарищества. Если вы все-таки считаете, что объявление войны будет для вас полезно, я вновь поставлю вопрос пред кабинетом.

3. Надеюсь, что вывоз наших припасов из Архангельска не задерживается. Немного начинает идти через Персию. Просьба обеспечить наилучший контакт между вашими людьми и нашими специалистами, сопровождающими наши танки и самолеты. Они хотят вам только помочь. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве находится в стороне от этих дел. Необходимо указание с вашей стороны.

4. Я не могу сейчас сказать вам больше о наших ближайших военных планах, чем вы можете сказать мне о своих, но будьте уверены, что мы не собираемся спать (not going to be idle^{3*}).

5. Для обуздания Японии мы посылаем на ДВосток наш новейший линкор «Принц Уэльский» и создаем там мощную эскадру. Прошу Рузвельта усилить давление на Японию, чтобы дорога на Владивосток оставалась открытой.

6. Не хочу тратить слов на комплименты, ибо от Бивербрука и Гарримана вы уже знаете, что мы думаем о вашей великолепной борьбе.

7. Жду вашего ответа на эту телеграмму.

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 8. 11. 41)⁶⁸

Ваше послание получил 7.11.

1. Вполне согласен, что необходимо установить ясность в отношениях между СССР и Англией, чего сейчас нет. Недостаток ясности вытекает из того, что между обеими странами нет определенных соглашений: (а) о целях войны и планах послевоенной организации мира и (б) о взаимной военной помощи против Гитлера в Европе. Пока по обоим этим вопросам нет определенных соглашений, не может быть ни ясности, ни взаимного доверия между сторонами. Конечно, соглашение о снабжении полезно, но оно не исчерпывает всей проблемы англо-советских отношений. Если Уэйвел и Пэйджет приедут в Москву для заключения соглашений по обоим названным вопросам, буду рад их встретить. Если, однако, миссия генералов будет сводиться к информации

^{8*} Парламентский партийный организатор (буквально – кнут) (англ.).

^{9*} Я уверен, но не счастлив (англ.).

* Далее – Уэйвелл Арчибальд Персивал.

^{2*} Далее – Пэйджет Бернард Чарльз Толвер.

^{3*} Не собираемся бездельничать (англ.).

и рассмотрению второстепенных вопросов, то едва ли стоит их затруднять, да и мне в этом случае трудно будет найти время для бесед с ними.

2. Совершенно нетерпимая ситуация создалась в вопросе об объявлении войны Англией Финляндии, Венгрии и Румынии. Совпра подняло этот вопрос пред бритпра в секретных дипломатических переговорах. Неожиданно вся проблема получила огласку и сейчас вкрявь и вкось обсуждается в прессе. И вот после всего этого бритпра информирует нас о своем отрицательном отношении к нашему предложению. Зачем это нужно? Чтобы продемонстрировать наличие несогласий между СССР и Великобританией?

3. Можете быть уверены, что мы принимаем все меры для срочной отправки получаемого от вас вооружения туда, куда нужно. В данной связи обращаю ваше внимание (хотя это второстепенный вопрос) на то, что вооружение часто приходит в плохой упаковке, иногда поломанное.

12 ноября

Сегодня [У.] Бивербрук позвонил мне по телефону и в своем обычном стиле воскликнул:

– Майский! Что за безобразия! Надо во что бы то ни стало ликвидировать эту mess*. Приезжайте ко мне, поговорим.

Когда я вошел в кабинет Бивербрука, у него сидел Беннет^{2*} (бывший премьер Канады). Беннет крепко пожал мне руку и высказал величайшее восхищение Красной Армией и сопротивлением советского народа. Потом он вышел, и мы остались с Бивербруком одни.

– Почему Сталин сердится? – с места в карьер спросил Бивербрук. – Из-за Финляндии?

– А почему вы думаете, что он сердится? – переспросил я.

– Ну, вот еще, вы мне будете говорить! – воскликнул Бивербрук. – Я ведь его знаю! Я вижу, что он сердится, что он зол на нас... Из-за Финляндии?

Я ответил, что поведение бритпра в вопросе о Финляндии и других германских вассалах, конечно, не могло привести Сталина в доброе расположение духа. Кроме того, уклончивое поведение бритпра в вопросе о посылке экспедиционного корпуса в СССР тоже не должно было способствовать улучшению его настроения. Сталин – большой реалист. Он не считается с[о] словами и понимает только дела. А каковы были дела бритпра в обоих указанных вопросах?

– Да, но ведь в вопросах снабжения, – возразил Бивербрук, – мы так много делаем сейчас. Я готов на что угодно для выполнения своих обещаний. Вы все получите. Если у вас есть какие-либо жалобы или пожелания по части снабжения, обращайтесь непосредственно ко мне. Скажите Сталину, чтобы он прямо телеграфировал мне. Я председатель комитета по снабжению СССР. Я ни на что не обижусь. У меня шкура крепкая... Сталин мой друг. Я для него все сделаю. Вы читали мою речь в Манчестере?

Я подтвердил, что читал и что нахожу ее очень хорошей.

– Ну, конечно, – оживился Бивербрук, видимо, приятно польщенный моим отзывом. – Я же там такую рекламу устроил для Сталина!.. Хо-хо-хо!

И Бивербрук довольно рассмеялся. Потом он стал более серьезным и добавил:

* Недоразумение (англ.).

^{2*} Беннет Ричард Бедфорд – премьер-министр и министр иностранных дел Канады в 1930–1935 гг., лидер консервативной партии Канады.

– Не надо расстраивать премьера жалобами на разбитые аэропланы и недосланное оружие! Он очень близко принимает это к сердцу! Пусть Сталин прямо телеграфирует мне. Я железной метлой разгоню всех саботажников, которые плохо пакуют наши грузы!

Бивербрук помолчал мгновение.

– Но все-таки, – опять заговорил он с экспрессией, – надо во что бы то ни стало ликвидировать этот конфликт между главами двух правительств!.. Письмо Сталина все-таки harsh^{3*}... Это надо признать. Черчилль страшно обидчив и упрям. Как бы уладить дело?

Бивербрук вопросительно посмотрел на меня.

Я ответил, что, на мой взгляд, уладить дело не так уж трудно. Прежде всего надо ликвидировать вопрос о Финляндии, Румынии и Венгрии...

– Вы все-таки хотите, чтобы мы объявили им войну? – прервал меня Бивербрук.

Я подтвердил, что мы все-таки этого хотим. Затем я спросил Бивербрука, что неприемлемого он находит в предложениях Сталина о договоренности по послевоенным вопросам и о соглашении по вопросам стратегии? Мне кажется, что оба эти предложения вполне разумны и естественны. Бивербрук возразил:

– Но ведь Сталин хочет, чтобы переговоры по обоим вопросам вели генералы... О каких послевоенных проблемах могут рассуждать генералы? Это не их сфера. У нас говорят: если Сталин ставит так дело, значит он не хочет вести переговоров вообще.

Я рассмеялся и ответил, что вывод неправилен. Конечно, генералам не совсем удобно обсуждать вопросы послевоенной реконструкции Европы, но почему нельзя было бы их обсуждать между политиками и дипломатами здесь, в Лондоне, или в Москве?

Бивербрук за это ухватился и воскликнул:

– Я буду безусловно поддерживать ведение таких переговоров в Лондоне.

– А по вопросу о военных переговорах, – продолжал я, – вы в конце концов должны make up your mind^{4*}. Если вы хотите послать экспедиционный корпус в СССР, – очень хорошо. Тогда генералам есть смысл ехать в Москву. Если же вы сами еще не знаете, хотите вы или не хотите сделать такой шаг, то Сталин совершенно прав: незачем генералам тратить свое время и отнимать время у Сталина.

Бивербрук помотал головой и ответил, что сам он стоит за посылку экспедиционного корпуса и что он постарается убедить премьера в необходимости принять по этому вопросу окончательное решение.

Я поднялся и стал прощаться. Бивербрук проводил меня до лифта и, пожмая руку, сказал:

– Все это, конечно, между нами, off the record^{5*}. Я доверяю вам и делюсь с вами своими мыслями и чувствами. Но никто об этом не должен знать.

Я обещал Бивербруку полную конспирацию.

В 7 час[ов] вечера я был у Идена по его вызову. Министр иностранных дел явно чувствовал себя не в своей тарелке и, пригласив меня сесть, сказал, что имеет сделать мне следующее официальное сообщение:

^{3*} Резкое (англ.).

^{4*} Решиться (англ.).

^{5*} Не для протокола (англ.).

«Послание г[-на] Сталина находится на обсуждении кабинета. В настоящее время я не в состоянии дать на него ответ, ибо оно подымает столь крупные вопросы. Однако я не могу скрыть от вас, что как премьер-министр, так и кабинет были удивлены и огорчены тоном и содержанием послания».

Иден сделал это сообщение устно, но глядя на лежавшую пред ним бумажку. Я попросил Идена еще раз повторить сообщение и записал его буквально.

– Вот это все, что я могу вам сейчас сообщить официально, – прибавил Иден.

Сказано, однако, это было так, точно Иден хотел дать мне понять:

– А теперь, если вы склонны разговаривать неофициально, я к вашим услугам.

Я откликнулся на это молчаливое приглашение Идена, и между нами началась довольно длинная дискуссия по вопросу об англо-советских отношениях, в которой я занимал примерно ту же позицию, которую только что отстаивал в беседе с Бивербруком. Иден соглашался, что в предложениях Сталина самих по себе нет ничего неприемлемого или неразумного. Он высказывал лишь некоторые сомнения насчет возможности в настоящее время сказать что-либо особенно определенное по вопросу о послевоенной организации мира. Однако никаких возражений против обсуждения данного вопроса у Идена не было, – конечно, не через генералов, а через политиков и дипломатов. Иден говорил также, что Бивербрук очень ему помогает в ликвидации возникшего инцидента, но подчеркивал обидчивость и упрямство премьера. Было видно – да Иден этого и не скрывал, – что он огорчен происшедшим и что его очень смущает недоверие Сталина к правительству Черчилля.

– Я вполне понимаю, – заметил он, – что ваше правительство не могло иметь доверия к правительству Чемберлена, но, по-видимому, оно не изменило своего отношения и к правительству Черчилля. Вот что *distressing*^{6*}.

Я возразил, что это не так. Однако мы не можем все-таки не учитывать, что и в нынешнем правительстве сильно представлены чемберленовцы и что за спиной последних стоят весьма влиятельные элементы. Иден стал отрицать значение чемберленовцев в правительстве, но я не мог с ним полностью согласиться. На прощание Иден сказал:

– Помогите мне уладить эту неприятную историю. Я, с[о] своей стороны, постараюсь сделать все возможное для достижения такого результата.

Я ответил:

– Можете не сомневаться в моей доброй воле.

Заезжал Ситрин. Много рассказывал про свое путешествие в Москву и Куйбышев⁶⁹. Все это в основном изложено в его статьях в «Д.Х.»^{7*}. У Ситрина особый ум: он прекрасно регистрирует, как светочувствительная пластинка, факты, которые видит. Голова Ситрина всегда полна фактами, цифрами, деталями, особенно деталями. Когда он пишет или рассказывает, он любит воспроизводить эти детали. Оттого часто он становится скучен. В отношении обобщений, концепций, больших идей Ситрин слаб. По натуре он настоящий «секретарь», и, кажется, в жизни он очень на своем месте.

Ситрин, между прочим, рассказывал, что по возвращении из СССР имел разговор с Черчиллем об активной военной помощи СССР, – результат его встречи с Молотовым в Куйбышеве. Премьер показал Ситрину инструкции, данные

^{6*} Удручает (англ.).

^{7*} «Дейли геральд».

генералу [Г.] Исмею, когда он отправлялся в Москву вместе с Бивербруком. В этих инструкциях говорилось, что бритпра могло бы, если мы хотим, отправить в СССР 6–8 дивизий, но в этом случае доставка нам вооружения и пр. в силу транспортных трудностей должна была бы соответственно сократиться. Совпра предоставлялось сделать выбор. Черчилль говорил Ситрину, что по не совсем понятным для него причинам беседа Исмея с нашими военными не состоялась, и вообще у премьера и у Бивербрука осталось впечатление, что совпра очень заинтересовано в снабжении, но не проявляет большого энтузиазма к посылке в СССР британского экспедиционного корпуса.

Итак, англичане мыслят себе этот корпус в размере 6–8 дивизий (по крайней мере, для начала)!.. Я не очень ошибался, когда своевременно сообщал в Москву, что о 25–30 дивизиях, которых хотел Сталин, пока говорить не приходится, но что в пределах 10 дивизий возможности есть.

14 ноября

[Д.] Симович прислал ко мне Чубриловича* в сопровождении только что приехавшего из ЮС доктора Секулича^{2*}. Симович апеллирует к т. Сталину. Среди ЮС повстанцев – разногласия и даже внутренняя борьба. Есть две основные группы: «партизаны» и «четники». Первые руководятся коммунистами (хотя далеко не все их участники коммунисты) и ведут наступательную тактику, сами нападают на немцев. Вторые руководятся «земледельцами» и офицерами бывшей ЮС армии и ведут оборонительную тактику, сидят в горах и вступают в бой лишь в случае, если немцы нападают. Между обеими группами нет согласия. Они друг другу не помогают. Недавно между ними происходили даже открытые вооруженные столкновения. Симович просит т. Сталина принять меры к тому, чтобы ЮС повстанцам всех направлений, а в особенности «партизанам», дан был лозунг единого фронта. Я обещал передать эту просьбу ЮС премьера в Москву.

Чубрилович рассказывал забавную историю. Молодой ЮС король Петр^{3*} (ему 18 лет) учится в Кембридже. Он свел там знакомство с «левыми» кругами, и его даже избрали председателем студенческого «коммунистического клуба» (не совсем понятно: насколько знаю, в Кембридже нет «коммунистического клуба», но, возможно, есть какой-либо «рабочий» или «социалистический» клуб, в котором руководящую роль играют коммунисты). Петр рассказал об этом своей матери. Та стала ахать и вздыхать. Но Петр отмахнулся и воскликнул:

– Ты, старуха, ничего не понимаешь! Надо уметь быть современным королем.

16 ноября

Еще неделя прошла!

На нашем фронте положение лучше. К Москве немцам пробиться не удастся. Похоже, что вообще пробиться не удастся, – по крайней мере в этом году. Ленинград стоит крепко. В Донецком бассейне ситуация лучше. Спротивление

* Чубрилович Бранко – министр сельского хозяйства и министр снабжения правительства короля Петра II Карагеоргиевича.

^{2*} По-видимому, речь идет о Милоше Секуличе, враче из Белграда, члене партии «Земледельческий союз».

^{3*} Петр II Карагеоргиевич.

здесь и особенно перед Ростовом становится более stiff*. Хуже всего в Крыму. Немцы стараются здесь прорваться к Керчи и перейти Керченский пролив для того, чтобы выйти в тыл Ростову и угрожать Кавказу. Но удастся ли им это, вопрос другой. Думаю, что [С.К.] Тимошенко сумеет вовремя сказать свое слово. В общем чувствуется, что надвигающаяся зима постепенно замораживает кровь в жилах германской армии и делает ее менее подвижной, менее энергичной, менее опасной. Это не значит, конечно, что военные операции в предстоящие месяцы совсем прекратятся. Но все-таки размах и серьезность их несомненно спадут. Чувствуется также, что наше сопротивление по всему фронту становится более уверенным, прочным, эффективным. Красная Армия многому научилась в течение этих месяцев войны, приобрела опыт, нашла и продолжает находить все более удачные методы борьбы с «панцирными дивизиями» и др[угими] нововведениями германской военной техники. Наоборот, у немцев чувствуется все большее истощение ресурсов и стратегии. Кроме того, мораль их должна постепенно падать – на фронте и дома, ибо война явно становится бесконечной. У Гитлера есть победы – много побед, крупных побед, – но нет победы – той единственной решающей победы, которая приводит к счастливому концу войны. В этом его трагедия. В этом залог его разгрома и нашего торжества. Если бы я не был так горько научен опытом прошлого, я готов был бы сказать, что Германия уже миновала зенит своих военных усилий и возможностей, мы же к нему еще далеко не подошли. Отсюда ясна перспектива. Однако в свете событий минувших 27 месяцев я предпочту быть более осторожным и лишь скажу:

– Поживем – увидим.

[Далее в текст включена статья из газеты «Рейнольдс Ньюс» (1941. 16 nov.) под названием «Nazis can be driven back»*.]

23 ноября (Бовингдон)

На фронте опять хуже. Немцы вновь начали наступление под Москвой и Ростовом. Судя по радио и печати, а также по нашим сводкам, они сконцентрировали силы, подвезли резервы и атаковали. Правда, напор как будто бы не так силен, как в начале октября, но все-таки... Большие трудности под Тулой... Бои идут под Клином, что, видимо, означает – потеряют Калинин... Бои идут также на улицах Ростова...

Откуда у немцев все эти резервы и подкрепления? Откуда все эти бесконечные панцирные дивизии? Когда же они подойдут к своей последней черте?

Надо иметь выдержку и терпение. Будет и на нашей улице праздник. Немцы так растянулись, так разбросали свои силы, так глубоко залезли в нашу страну, что, когда начнется «turning of the tide»*, они не смогут убежать. Разгром их будет ужасен. Тем более что население оккупированных районов будет просто резать их ножами.

Англичане начали на прошлой неделе (18 ноября) свое давно ожидавшееся наступление в Ливии. Иден мне говорил, что они располагают там большим

* Упорный (англ.).

* «Нацистов можно заставить отступить» (англ.).

* Поворот событий, перелом (англ.).

превосходством над немцами и итальянцами в силах – наземных и воздушных, не говоря уже о флоте. В частности, в механизированных войсках соотношение как 3 : 2, а может быть, даже как 2 : 1 в пользу англичан. По сведениям бритпра, в Ливии сейчас находятся 2 германские и 1 итальянская механизированные дивизии, т.е. всего 800–900 танков (африканские дивизии немцев несколько слабее, чем европейские). Англичане, стало быть, имеют что-то вроде 1600–1800 танков или 4–5 механизированных дивизии⁷⁰.

Иден настроен оптимистично. Если англичане сумеют проделать в Ливии Blitzkrieg, то это может иметь серьезное значение на общий ход войны, ибо на этот раз они несомненно не остановятся в Бенгази, а пойдут в Триполи и, возможно, даже в Тунис. Это имело бы громадное значение для северной Африки, обеспечило бы сообщения по Средиземному морю и открыло бы пути для атаки на Сицилию, Сардинию, Италию. К весне мог бы быть создан второй фронт в Европе. Но вот сумеют ли англичане провести Blitzkrieg? Я не уверен. Впрочем, посмотрим⁷¹.

Содержание послания Черчилля С[талину] (21.11.41)⁷²

1. Большое спасибо за только что полученное послание. С самого начала войны я установил личную переписку с Рузвельтом, которая повела к прочному взаимопониманию между нами и часто способствовала быстрому решению вопросов. Мое единственное желание работать с вами на тех же условиях товарищества и доверия.

2. Финляндия. Я готов был рекомендовать кабинету объявить войну Финляндии, когда посылал вам телеграмму 5.9. Позднейшая информация заставила меня думать, что для России было бы более полезно, если бы Финляндия просто прекратила войну, чем если бы формальным объявлением войны мы толкнули ее окончательно в объятия «оси». Однако, если Финляндия в течение ближайших 2 недель не прекратит военных действий, а вы все-таки будете желать объявления войны с нашей стороны, мы это сделаем. Вполне согласен, что предание гласности наших переговоров было неправильно, но бритпра не несет за это ответственности.

3. Для этой цели мы готовы в ближайшем будущем направить к вам Идена через Средиземное море в Москву или любое другое место. Вместе с военными советниками, которые будут сопровождать Идена, он сможет обсудить с вами вопрос о посылке британских войск в Россию, на ваш южный фронт. Однако состояние тоннажа и коммуникаций не позволяет говорить о больших контингентах, и даже в этом случае вам придется выбирать между посылкой войск и посылкой снабжения через Персию.

4. О послевоенной организации мира. Когда будет одержана победа (а мы будем вести борьбу до победы), СССР, США и Англия соберутся за столом, как главные сокрушители нацизма, и первой их задачей будет предупредить, чтобы Германия и особенно Пруссия в третий раз не начали войну. «Тот факт, что Россия – коммунистическое государство, а Англия и США – не коммунистические и не собираются стать таковыми, отнюдь не является препятствием для выработки хорошего плана взаимной безопасности и обеспечения справедливых интересов». Иден обсудит с вами все относящиеся сюда вопросы.

5. Не исключено, что ваша защита Москвы и Ленинграда, а также ваше блестящее сопротивление врагу на протяжении всего фронта нанесет смертельный удар внутренней структуре нацизма. Однако мы не можем строить свои расчеты на базе излишнего оптимизма – надо неустанно бить по врагу со всей нашей силой.

Ответное послание С[талину] Черчиллю (от 23.11.41)⁷³

1. Благодарю за ваше послание. Приветствую ваше желание сотрудничать со мной путем личной переписки на базе дружбы и доверия.

2. По вопросу о Финляндии СССР никогда не предлагал ничего иного, – по крайней мере, как первый шаг, – кроме прекращения военных операций и фактического выхода Финляндии из войны. Если, однако, Финляндия не захочет пойти на это в течение указанного вами срока, то объявление войны станет полезным и необходимым, иначе создастся впечатление разногласий среди союзников. С Венгрией и Румынией можно немного подождать.

3. Я всячески поддерживаю визит в СССР Идена в ближайшем будущем. Соглашение по вопросу о совместных военных операциях советско-английских сил на нашем фронте и быстрая его реализация имели бы большое положительное значение. Вполне правильно строить послевоенную организацию мира на той общей идее, что надо помешать Германии и, особенно, Пруссии еще раз вовлечь народы в новую ужасную войну.

4. «Вполне согласен с вами, что разница в государственной организации между СССР, с одной стороны, и Англией и США – с другой, не могут и не должны препятствовать достижению успешного разрешения всех основных вопросов, касающихся нашей взаимной безопасности и наших законных интересов. Если на этот счет еще имеются какие-либо сомнения, надеюсь они будут рассеяны во время переговоров с Иденом».

5. Примите мои поздравления по поводу успешного начала британского наступления в Ливии.

6. Борьба на нашем фронте остается напряженной. Но сопротивление наших войск растет и будет расти. Наша воля к победе несокрушима.

30 ноября

В Бовингдон не поехали. Много дел в Лондоне.

На фронте дела поворачиваются к лучшему. Под Москвой Гитлер продолжает топтаться на месте. Потери его колоссальны. Общее впечатление таково, что немцы недостаточно сильны для прорыва к Москве. Тем лучше. Под Ленинградом мы все время контратакуем. Больших успехов у нас здесь нет, но немцы явно *on the defensive**. Пока и это не плохо. Самая главная радость, однако, неожиданно пришла с юга. [С.К.] Тимошенко внезапно атаковал немцев в Ростове, выбил их оттуда с большими потерями и теперь гонит их на запад вдоль северного берега Азовского моря. Вся армия генерала фон Клейста уничтожена. Нами захвачена большая добыча. Это первый наш крупный наступательный успех⁷⁴. Первый, но не последний.

Что это? *Turning of the tide*? Переломный момент в войне? Не знаю. Боюсь верить. Возможно, что это еще только серьезный успех местного значения. Но одно во всяком случае несомненно – угроза Кавказу сильно отодвинута. Может быть (дальнейшие события покажут), и совсем отпала. Еще мне кажется несомненным следующее: немцы подошли к пределу своих сил и возможностей. Это не значит, конечно, что отныне начнется широкий развал их сил, – о, нет! Нам предстоит еще тяжелые бои, большие трудности. Но всё-таки... всё-таки первый луч света прорвался сквозь нависшие тяжелые тучи.

Еду в Москву. Буду сопровождать Идена и участвовать в переговорах! Ура⁷⁵!

[С 7 по 30 декабря 1941 г. И.М. Майский сопровождал А. Идена в ходе его поездки в СССР и участвовал в Московских переговорах. Накануне отъезда в Москву И.М. Майский направил в адрес И.В. Сталина дневник, приложив к нему публикуемое ниже сопроводительное письмо.]

«Лондон, 6.12.41

Т[ОВ.] СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Завтра вместе с Иденом я отправляюсь в СССР. Так как морские путешествия в наши дни дело довольно рискованное, то на всякий случай обращаюсь к Вам с этим письмом.

* В обороне (англ.).

В настоящем портфеле находится дневник, который я, правда, не очень аккуратно вел в течение последних 7 лет. С точки зрения литературной этот дневник, конечно, требует еще значительной обработки, ибо писался он в разных условиях и почти всегда наспех. Однако с исторической точки зрения этот дневник несомненно представляет известный интерес. Как-никак за указанные 7 лет я все время находился на крупнейшем обсервационном пункте мировой политики и имел возможность входить в сношения с крупнейшими политическими деятелями Англии и др. стран. Направляю мой дневник Вам. Делайте с ним, что найдете нужным. Издавать его сейчас, хотя бы частично и хотя бы с комментариями, едва ли возможно: слишком близки мы к описываемым здесь событиям, большинство из фигурирующих на страницах дневника лиц еще живо. В более отдаленном будущем мой дневник или наиболее интересные выдержки из него, пожалуй, и могли бы быть изданы. Как бы, однако, ни решился вопрос об издании, сохранить дневник стоит: он может пригодиться будущему историку нашей эпохи. Кроме дневника в конвертах имеются разные отрывочные записи, из которых я обычно потом делал страницы дневника.

Есть у меня к Вам еще одна просьба. Зимой 1939/40 г. я написал воспоминания о своем детстве и ранней юности (до поступления в университет). Рукопись воспоминаний я отправил т. Калинин, который как раз перед самой войной хотел издать их в Москве. Не знаю, что случилось с этой попыткой теперь. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы дали указание, когда это окажется возможным, опубликовать мои воспоминания. Моя жена охотно взяла бы на себя всю непосредственную работу по изданию этих воспоминаний.

С товарищеским приветом

И. Майский».

1942 год

Январь—июль

[В начале дневника помещена копия письма У.П. Коатса* И.М. Майскому от 5 января 1942 г. о визите советской профсоюзной делегации в Англию¹ и о позиции Э. Бевина^{2*}]

5th January, 1942

My dear Maisky

You have now, of course, received a letter from the Foreign Office stating that Bevin would like to meet the Soviet Trade Union representatives now in this country. In addition to this Jack Little^{3*} asked me to inform you as follows:

1. Bevin clearly realizes now that he has acted very stupidly in the past in connection with the Soviet Embassy.

2. Bevin is now very anxious to be on the friendliest and intimate terms with yourself. He would like the terms to be such that at any time he can ring you up and call and see you and that at any time you could phone him and call round at his Ministry.

3. Bevin is anxious that you should accompany the Soviet Union delegates when they come to see him.

4. Little suggests that when you come with them you should invite Bevin and himself [Little] to lunch with you at the Embassy at an early date in order to break down any stiffness that still exists.

Little asked me to pass this information on as soon as possible.

Yours sincerely,
W.P. Coates²

[Далее в дневник включена запись И.М. Майского с изложением беседы председателя ВЦСПС Н.М. Шверника с Э. Бевинем под названием «Визит профсоюзной делегации к Бевину (ок[оло] 15/1/42)». Полностью содержание беседы не изложено, отмечены лишь затронутые собеседниками вопросы – «Поддержка», «Производство», «Полезный обмен визитами» и др. Текст в основном неразборчив, слова сокращены.

В дневник включена затем запись о приеме советской профсоюзной делегации британским премьер-министром. Кратко обозначена лишь тематика разговора в конспективной форме.]

ПРОФ[СОЮЗНАЯ] ДЕЛЕГ[АЦИЯ] У ЧЕРЧИЛЛЯ 29/1/42*

Прием у Ч[ерчилля] за столом в каб[инете] старых премьер-министров.

Ч[ерчилль]. Как поездка?..

Ш[верник]. Побл[агодарил] хорошо

Ч[ерчилль]. Восхищается борьб[ой] К[расной] А[рмии] пр[отив] г[ерманских] банд.

* Коатс Уильям Пейтон – секретарь Англо-русского парламентского комитета.

^{2*} Бевин Эрнест – министр труда и национальной повинности.

^{3*} По-видимому, Литтл Джон Каррузерс.

* Заголовок большими буквами. Текст рукописный, многие слова сокращены, неразборчивы.

Несм[отря] на различие наш[их] систем, ведем общ[ую] б[орьбу] и сов[местными] усил[иями] разгромим Г[ерманию].

За 20 л[ет в] СССР – б[ольшие] успехи.

Мы далеки друг от друга.

Делаем общ[ее] дело.

Банд[итов] разг[ромим].

После разгр[ома] машины обр[атим внимание] на произв[одственные] нужды нар[ода].

Обращаюсь к вам как предст[авителям] проф[союзов].

Пр[отив] всех Ч[...].

Вы куете победу над Г[ерманией].

Ш[верник]. Благодарит за прием и возм[ожность] ознак[омиться].

Посетили пред[приятия].

Сильн[ое] впечатл[ение]. Новые... Техн[ическое] осн[ащение].

Раб[очие] ОК^{2*}... Полит[ическое] зн[ачение] борьбы. Готовы помочь пра[вительству] и союзн[икам].

Прод[укция] ОК – хор[ошие] танки и др[угое] для [...]

Есть резервы.

Женщины.

Ст[алин] и Ч[ерчилль] при подд[ержке] нар[ода].

Усилия раб[очих] А[нглии] и СССР – вооружаться, чтобы разбить г[итлеровскую] Г[ерманию].

Выст[упает] Бив[ербрук]^{3*}.

Ш[верник] благ[одарит] Б[ивербрука] за тел[еграмму][?]

Ч[ерчилль] – голосование в палате

С.^{4*} о поездке дел[егации]

Бив[ербрук] оставить!

Ч[ерчилль] – лично займется. Декларация^{5*}!

Привет от ... С. Никол^{6*}.

31/1/42*

Трехдневн[ые] парл[аментские] дебаты (27–28/1) о политике пра[вительства]. Доверие: 464 пр[отив] 1 при 27 воздерж[авшихся]. Ловк[ий] ход Ч[ерчилля]: голосуйте доверие! «Ком[итет] 1922 г.»^{2*} хотел дебатов без вогума («отравить возд[ух]»), подорв[ать] престиж Ч[ерчилля]). Неск[олько] искусств[енные] циф-

^{2*} О'кей (англ.) – хорошо.

^{3*} Бивербрук Уильям Максвелл Эйткен, лорд-министр снабжения до 4 февраля 1942 г. Выступление Бивербрука не раскрыто.

^{4*} Выступал, очевидно, Уолтер Ситрин – генеральный секретарь Британского конгресса труд-юнионов (БКТ).

^{5*} Далее неразборчиво.

^{6*} Речь, видимо, идет о члене советской профсоюзной делегации секретаре ВЦСПС К.И. Николаевой.

* Рукописный текст с сокращением многих слов.

^{2*} «Комитет 1922 года» был создан с участием консерваторов – членов палаты общин после их разрыва с коалицией Д. Ллойд Джорджа в том же году.

ры. Но полож[ение] Ч[ерчилля] прочно. Атмосф[ера] неск[олько] очистилась. Однако прав[ительственный] корабль не вступил в полосу спок[ойных] вод.

Причины: 1) сит[уация] на фронте. Пред угрозой потери Синг[апура] и Гол[ландской] Инд[ии], вторж[ения] в Австр[алию] и Инд[ию]. Перелом в Т[ихом] о[кеане] не раньше конца [19]42. Ливия – Ром[мель]^{3*} не уничт[ожен], а наступ[ает]. Если англ[ичане] даже не пустят Ром[меля] дальше Бенгази (или выкинут его отсюда), – Трип[оли] не взять. «Сезон не... сезона». Триполи у врага, Ср[едиземное] м[оре] закрыто, Фр[анцузская] Сев[ерная] Афр[ика] в фарв[атере] Виши, 2-й фр[онт] в Евр[опе] unthinkable^{4*}. Не будет спок[ойной] жизни пра[вительству]. 2) Производство. 30% ресурс[ов] не использ[уется]. Мнение Шверн[ика] и др. Суть: частн[ая] собств[енность], плох[ая] организ[ация], множеств[енность] властей, вед[ущих] склоки, бюрокр[атия]. Произв[одство] орг[анизовано] хуже, чем при Л[лойд] Д[жордже]. Личн[ость] Ч[ерчилля]: политик, оратор, писатель(?), историк, стратег, но не экономист, не хоз[яйственник]. Корни в зем[ельной] аристокр[атии]. Слабо связан с Сити (не Чемб[ерлен]). Экон[омику] Ч[ерчилль] не поним[ает], не любит. От произв[одственных] пробл[ем] отмах[ивается], передовер[яет]. Нужен мин[истр] прод[овольствия], но Ч[ерчилль] до сих пор сопр[отивляется]. Ту-манно уступил в конце деб[атов]. Что выйдет? Предстоит драка. 3) Структ[ура] пра[вительства]. 100 чел[овек], 37 мин[истров]. Воен[ный] каб[инет] из 10 чел[овек]. Имеются предст[авления] (речь Ч[ерчилля]). Ч[ерчилль] пр[отив], но уступил. Австр[алия], Н[овая] Зеландия – пошлют, Канада и Ю[жная] Афр[ика] пока нет. Парт[ийный] баланс в пра[вительстве]. Так нельзя вести «тотальную» войну. Нужен эффект[ивный] центр. Назрело. Предст[оит] борьба. 4) Индия. Война у ворот И[ндии]. Позиция бритпра. Пас[сивные] настроения. Личн[ость] Ч[ерчилля] мешаает («бунт» 1934 г. пр[отив] «револ[юции]» Болд[уина]^{5*}.) Изменит ли Ч[ерчилль] позицию? Неиз[вестно]. Сомнит[ельно]. Troubles^{6*}.

Итог: пра[вительству] придется в ближ[айшее] вре[мя] бор[оться] с бурн[ой] погодой, многие кр[упные] мин[истры] будут выброш[ены] за борт, но Ч[ерчилль] останется. Верх[ушка] бурж[уазии] не любит и не довер[яет] ему, но пока идет борьба с Г[ерманией] не может без него обойтись. На пол[итическом] гориз[онте] А[нглии] нет др[угой] фиг[уры], [которая] по кач[еству] и попул[ярности] мог[ла бы] конкур[ировать] с Черчиллем.

5/2/42*

Харриман^{2*}

Завтр[акали] tete-à-tete^{3*}.

^{3*} Роммель Эрвин – генерал-фельдмаршал, командующий германскими войсками в Северной Африке.

^{4*} Немыслим (англ.).

^{5*} Имеются в виду выступления У. Черчилля, лорда Солсбери и других представителей правого крыла консервативной партии против билля о реформе управления колонией Индией (см.: Дневник... М., 2006. Кн. 1. 1934 год. Примеч. 11. С. 452). Болдуин Стэнли – премьер-министр Великобритании в 1935–1937 гг.

^{6*} Волнения (англ.).

* Текст рукописный с сокращениями слов.

^{2*} Далее – Гарриман Уильям Аверелл – в 1942 г. работал в различных правительственных комиссиях США в Лондоне.

^{3*} Вдвоем (фр.).

Моск[овские] переговоры^{4*} – трудность – «не дипломат» и пр.

Вопрос о религии в США.

Прогр[амма] Рузв[ельта] будет выполн[ена] с опозданием на 3 мес[яца].

Моск[овский] прот[окол]^{4*} – опозд[ал] на 4–6 нед[ель].

Shipping^{5*} – 50 судов для СССР.

Распред[еление] амер[иканской] продукции.

Ком[итет] Хопкинса^{6*} – Англия и США.

СССР? Нет. Причины:

а) Нет intimacy^{7*} (сведений)

б) Спецификации (воен[ная] мис[сия]).

Литв[инов] – ОК^{8*}

План Г[арримана] – встреча Рузв[ельта] со Ст[алиным] на Исландии или в районе Беринг[ова] залива^{9*}.

[В приведенных ниже ответе Гарриману и письме Майского М.М. Литвинову изложена позиция в вопросе о возможности организации встречи Ф. Рузвельта с И.В. Сталиным. Вопрос был поставлен А. Гарриманом в неофициальном порядке 5 февраля 1942 г. перед Майским, и тот, запросив Москву, передал ответ Гарриману. Советское правительство, как говорилось, считает очень желательным свидание Сталина с Рузвельтом, но ввиду крайне тяжелой обстановки на советско-германском фронте Сталин, ответственный за ведение военных операций, не может в такое время покинуть СССР. Предлагалось встретиться в Архангельске или Астрахани. «Советское правительство и лично г[-н] Сталин выражают свою уверенность в том, что отношения между СССР и США, которые вступили в период улучшения и усиливаются на основе борьбы против общего врага, будут и далее улучшаться. Советское правительство приложит все усилия к этому».]

Ответ Гарриману*

According my information the Soviet Government finds it very desirable that meeting between S[ta]lin and R[oosevelt] should take place. However it should be taken into account that a very tense struggle is continuing on the Soviet-German front. Mr. S[ta]lin, who is responsible for the conduct of the military operations, can not leave the USSR at such a time. Would 'nt regions of A. or Ast. do?

The Soviet Government and Mr. S[ta]lin personally express their conviction that relations between the USSR and the USA, which entered upon a period of steady improvement and which are being strengthened on the basis of the struggle against common foe, will show further improvement. The Soviet Government will do its best in this direction.

15.2.42

Лондон, 27 февраля 1942

Дорогой Максим Максимович,

Считаю необходимым довести до Вашего сведения о следующем: 2 февраля Гарриман прилетел из Америки в Лондон, 4[-го] он позвонил мне и пригласил на завтрак на 5-е. Завтракали мы только вдвоем в номере Гарримана в гостинице. Сначала разговор шел на разные темы, но затем Гарриман поставил мне вопрос о том, нельзя ли было бы как-либо устроить свидание Рузвельта и Сталина? По мнению Гарримана, между США и СССР, а также между СССР и Англией существует много недоверия. Лучший способ сломать это недоверие – личная встреча Рузвельта

^{4*} Имеется в виду Московская конференция представителей трех держав и протокол о поставках в СССР.

^{5*} Судоходство (англ.).

^{6*} Далее – Гопкинс Гарри. Имеется в виду комитет по поставкам в соответствии с программой ленд-лиза.

^{7*} Близость, тесные связи (англ.).

^{8*} Хорошо (о'кей) (англ.).

^{9*} Правильно – пролива.

* Заголовок написан рукой И.М. Майского по-русски.

со Сталиным. Гарриману известно, что Рузвельт хотел бы такой встречи, – хочет ли Сталин? В качестве пункта встречи Гарриман предлагал либо Исландию, либо район Берингова пролива, подчеркивая, что Рузвельту безразлично, на чьей территории произошло бы свидание*.

Выслушав Гарримана, я прежде всего спросил, были ли по этому поводу какие-либо разговоры с Вами в Вашингтоне? Ибо данный вопрос относится целиком к Вашей компетенции. Гарриман ответил, что не знает, были ли с Вами разговоры на затронутую тему, допускает, что не было, ибо весь вопрос находится еще в слишком «сыром виде» для того, чтобы ампра считало возможным производить по данному поводу официальный или даже полуофициальный зондаж у советского посла, аккредитованного при президенте. Из дальнейших замечаний Гарримана у меня создалось впечатление, что вопрос о встрече Рузвельта и Сталина дискусируется не в Госдепартаменте, а среди такого окружения президента, как Гопкинс, Гарриман и др., и что это окружение, видимо, считало более удобным и менее ангажирующим прощупать наши настроения в данном вопросе не через Вашингтон, а через Лондон, и не по линии Хэлл–Литвинов, а по линии Гарриман – Майский. Недаром Гарриман во время завтрака несколько раз подчеркивал, что он «не дипломат, а деловой человек» и не имеет отношения к Госдепартаменту.

Я сообщил в Москву о своем разговоре и дней через 8 получил ответ в том смысле, что совпра считало бы свидание желательным, но в связи с напряженным состоянием на фронте, препятствующим отъезду Сталина из СССР, предложило бы в качестве места встречи район Архангельска или Астрахани. Я передал это Гарриману. Наш второй разговор^{2*} происходил уже после прорыва «Шарнхорста» и «Гнейзенау» через пролив^{3*}. Гарриман реагировал на мое сообщение заявлением, что ввиду возросшей опасности в водах северной Атлантики он считал бы нецелесообразным устраивать свидание ни в Исландии, ни в Архангельском районе. До Каспийского же моря слишком далеко, и президенту в настоящий момент было бы невозможно так надолго отлучиться из США. Поэтому, по мнению Гарримана, остается лишь одна возможность – район Берингова пролива. По крайней мере, Рузвельту было бы удобнее всего туда приехать. Я выразил сомнение в возможности свидания в столь отдаленном от Москвы районе (и сегодня я получил подтверждение из Москвы о неприемлемости Берингова пролива). Гарриман признал основательность моих сомнений. Тем не менее он хотел продолжать исследовать возможности встречи Сталина–Рузвельта в неофициальном порядке. Он прибавил, что, пока не наметились практические возможности встречи, лучше весь этот вопрос держать в стадии неофициального обмена мнений. Ибо неудача проекта, вызванная даже чисто географическими трудностями, могла бы оставить после себя неприятный осадок.

Так обстоит дело в настоящий момент. В порядке чисто личном я хотел информировать вас о вышеизложенном, поскольку вопрос касается вашей компетенции и мне, совершенно помимо моей воли и желания, пришлось вторгнуться в нее. Разумеется, при первой же возможности я переброшу этот вопрос в Вашингтон.

Крепко жму Вашу руку

(И. Майский)

П.С. Пишу на машинке, как это часто делаю, сам.

15.2.42

Какова реакция А[нглии] на военные успехи СССР в теч[ение] последних 10 недель*?

Вообще все довольны. Особенно на фоне неудач в Ливии, Малайе и пр.³ Так приятно иметь хор[ошие] вести, хоть с одного фронта, – фронта фронтов!

* Вписано вместо зачеркнутого «встреча».

^{2*} О двух встречах с Гарриманом и переданном ему Майским ответе Москвы см. также: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 243.

^{3*} Имеется в виду прорыв в феврале 1942 г. двух германских военных кораблей «Шарнхорст» и «Гнейзенау» через Ла-Манш и Па-де-Кале в порты Северного моря.

* Более подробно см. телеграмму И. Майского в НКВД СССР 13 февраля 1942 г. (Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 336–340).

Все больше понимается: на наш[ем] фр[онте] решается судьба войны, придет спасение. Рост престижа К[расной] А[рмии]. Восторги. Разбита легенда герм[анской] «непобедимости». Скоро поломаем ребра герм[анской] армии. Полушутя, полусер[ёзно] вопр[осом]: «нельзя ли получить в долг парочку ваших генералов?» – Криппс поднял престиж советских «молод[ых]» ген[ералов]. Благодарн[ость] нас[еления] за отсутствие налетов 9 мес[яцев]. Вторжение – побледн[ело]. СССР очень популярен. Как бы меня не задушили друж[еские] объятия. 100 приглаш[ений] за январь!

Анализ. Массы рады без резервов. Госп[одствующий] кл[асс] с резервами. Две души в груди английского господствующего класса: черчиллевская и чемберленовская. Позиция Черч[илля]: Г[ермания] посягнула на Имп[ерию] и мир[овые] поз[иции] А[нглии]. Надо ее разгромит[ь]. Русские бьют и, возможно, разобьют Г[ерманию]. Хорошо. Русск[ие] сделают за англ[ичан] грязн[ую] работу, а англ[ичане] прид[ут] к шап[очному] разб[ору], без больших потерь церем[онным] марш[ем] вступят в Берлин. На мирн[ой] конф[еренции] вместе с САШ англ[ичане] сост[авят] «здоровый» противовес» моск[овским] больш[евикам]. Все происх[одит] в наш[их] интересах. Мы одерж[им] победу деш[евой] ценой. Пусть русск[ие] делают свое дело. Позиция чемберл[еновцев]: что, если русск[ие] придут в Берл[ин] одни? Станут слишком сильны? К[расная] А[рмия] сдел[ается] хозяином континента? Большевиз[ация] Евр[опы]? Навяжут «советск[ий] мир»? Кто сможет им помешать?..

Группа Черч[илля] (Иден, Бивербрук, Бракен^{2*}, Крэнб[орн]^{3*} и др.) слишком ненавидит Германию и ради ее разгрома готова идти с «большевиками». Группа чемберл[еновцев] (Маргесон, Андерсон, К. Вуд и др.^{4*}) слишком ненавидит «коммунизм» и ради избеж[ания] этой опасн[ости] готова на компр[омисс] с Г[ерманией] (особенно [с] г[ерманскими] генер[алами] и помещ[иками]). Лейбористы занимают неопред[еленную] позиц[ию] (бесхребетн[ые], ненав[идят] комм[унизм]).

Пока наши успехи еще не оч[ень] серьезны, резервы госп[одствующего] кл[асса] молчат. Но как, если К[расная] А[рмия] станет приближаться к Берл[ину]? Да еще одна? Кошмар! Холодн[ый] пот!

А так[ая] сит[уация] возможна: 1942 и 1943. Если наши расчеты оправд[аются] (хор[ошее] осн[ование]), К[расная] А[рмия] может оказ[аться] в Берлине одна и раньше А[нглии] и САШ. Чтобы избежать, возм[ожна] погоня за «2-м фр[онтом]» со стор[оны] самих англ[ичан] к концу года. Смогут ли? Сомнев[аюсь]. Мыслим сабот[аж] на[шего] снабж[ения], чтобы оттянуть «решение» до 1943, когда А[нглия] и САШ будут лучше подгот[овлены].

Какая душа преоблад[ает]? Если в Герм[ании] будет прол[етарская] рев[олюция] – чемберл[еновцы] восторжеств[уют]. Если нет – Черчилль до конца войны будет преобладать. Причины: а) ненав[исть] масс А[нглии] к фашизму. Это опора Черч[илля]; б) Потеря Гонк[онга], Малай[и], Синг[апура] (дела плохи), вероятно, Гол[ландской] Индии – «залог тверд[ой] британской поз[иции] в борьбе с Г[ерманией]»; в) Желание балансировать м[ежду] СССР и САШ во избежа-

^{2*} Иден Антони – министр иностранных дел; Бивербрук Уильям М.Э., лорд – министр военного производства; Бракен Брендан Б. – министр информации.

^{3*} Далее – Кренборн Роберт А.Г.С. – министр по делам колоний.

^{4*} Маргесон Дэвид – военный министр; Андерсон Джон, виконт Уэйверли – лорд-председатель Совета; Вуд Кингсли – канцлер казначейства.

ние «аннексии» Бр[итанской] Имп[ерии] Соед[иненными] Штатами. Разг[оворы] амер[иканцев] до 22 июня [19]41 г. о реорганиз[ации] «мира, говор[ящего] по-англ[ийски]» после войны. Центр – Вашинг[тон], А[нглия] – евр[опейский] форпост. Теперь же возмож[ность] извечного «балансир[ования]». Теория: А[нглия] – «мост» м[ежду] капит[алистическими] САШ и соц[иалистическим] СССР (Бракен).

Вывод: если искл[ючить] «прол[етарскую] рев[олюцию]», то А[нглия] останется с нами до конца. Как после войны? «Галлуп»^{5*} в «Н[ьюс] Кроникл». 86% желали бы сот[рудничать] с СССР после войны, 53% считают, что это так и будет. Отраж[ение] опасения масс, что после войны англ[ийские] и амер[иканские] бурж[уа] могут захотеть противопоставить себя СССР. Но до того ОК.

18.2.42

Полит[ическая] атм[осфера] продолж[ала] быть напряж[енной] и трев[ожной]. 17[-го] я был в парламенте. Черч[илль] выступал о падении Сингап[ура]*. Он выглядел плохо, был раздражен, обидчив, упрям. Депутаты были критичны, вздернуты. Встреча и проводы Ч[ерчилля] были плохи. Никогда не видал ничего подобн[ого]. При ядовитых воп[росах] премьер сердился. Эпизод: один деп[утат] требовал назнач[ения] судьи в кач[естве] предс[едателя] комиссии по рассл[едованию] истории с «Шарнх[орстом]» и «Гнейз[енау]». Ч[ерчилль] вскочил, ответил раздраж[енно]: работа и состав комиссии – секрет. Протесты. Словесн[ая] перепалка. Сгущенная атмо[сфера]. Ч[ерчилль] уступил: оказывается, предс[едатель] уже назначен и он судья [Бакни...]^{2*} В чем дело? Нервозность Ч[ерчилля]. После выст[упления] Ч[ерчилля] стало ясно: ген[еральные] дебаты неизбежны. Спорили: когда? Ч[ерчилль] опять упирался. Решено: на буд[ущей] неделе. Моё общ[ее] впечатл[ение]: кризис быстро назревает.

Из парл[амента] к Бивербр[уку] по снабж[енческим] делам. Б[ивербрук] раздражен и встревожен. Недоволен постом «мин[истра] прод[укции]»: «как Бивербр[ук] я кое-что могу делать, как мини[стр] прод[укции] – ничего». Неудивительно. Говорили о прорыве герм[анских] судов. Мой диагноз: «вопиющ[ая] некомпет[ентность] или измена». Б[ивербрук] отриц[ал] «измену». Я говорю: или – или. Общеполит[ические] темы. Видно, что Б[ивербрук] ждет близк[ого] кризиса.

Это весьма вероятно. Об[щая] сит[уация] известна. Роль лично Ч[ерчилля] – он делает все труднее поддержку своего прав[ительства] даже для друзей. «Я отвечаю за все!» Это значит: нельзя критиковать министров, генералов и пр., хотя под его защитн[ым] зонтиком собрал[ось] немало дураков, посредствен[остей] и потенц[иальных] предст[авителей] «5[-й] колонны». «Воен[ный] Каб[инет] хорош, не надо никаких перемен!» (назрело: военкаб[инет] типа Л[лойд] Д[жорджа]). В результ[ате] критика растет. Парл[амент], пресса, массы. Роль поражений. Вчер[ашнее] засед[ание] показыв[ает]: волна недов[ольства] высока. Если Ч[ерчилль] будет дальше упорств[овать], она может перехлестнуть через него. Думаю, Ч[ерчилль] уступит: пойдет на компр[омисс].

^{5*} Имеется в виду один из опросов, проведенных Институтом Гэллэпа (Американский институт общественного мнения – The American Institute of Public Opinion).

* Прения в палате общин состоялись на 2-й день после захвата японцами Сингапура 15 февраля 1942 г.

^{2*} Неразборчиво.

Кто возм[ожные] наследники Ч[ерчилля] в случае отставки? Широко котируются два имени: [А]. Иден и [Ст]. Криппс. Иден – давно уже котируется. Звезда Криппса феерически взлетела сейчас (особ[енно] после его речей по радио и в Брист[оле])⁴. Причины: обыв[атель] уверен, что К[риппс] «приносит счастье» («Россия вступила в войну»), «свежий» чел[овек] и «вне партий» (партии осточертели), прогрессивен, умен, оратор, главное, поставил ставку на выигр[ышную] карту – СССР. Симптомы: после радиоречи К[риппс] получил 3 т[ысячи] сочув[ственных] писем. 18[-го] утром К[риппс] делал сообщение на «частн[ом] сов[ещании]» членов парл[амента] под пред[седательством] Идена об СССР. В офиц[иальном] засед[ании] осталось 20 чел[овек], у К[риппса] было 400. Овация К[риппсу] (депутаты всех партий). Прочна ли попул[ярность] К[риппса]? Сомнения. Сейчас, если не премьер, то при первой реконстр[укции] – член воен[ного] каб[инета].

Лично я за Ч[ерчилля] как премьера. Надежен: против Г[итлера]. Волевой: сам правит. Ни К[риппс], ни И[ден] недостат[очно] сильны. У Ч[ерчилля] корни в земле. Как будто бы готов к компромиссу. К[риппс] мне рассказ[ал], что на п[рошлой] нед[еле] имел с ним 8-час[овую] беседу об Индии. Ч[ерчилль] принимает: закон[одательное] собр[ание] провинций выбир[ает] делегации, кот[орые] составл[яют] вместе общеинд[ийский] совещ[ательный] парл[амент]. После войны – это Учр[едительное] Собр[ание]. Бритпра заранее обяз[ывается] принять выработанную им конст[итуцию]. Совет при вице-кор[оле] превр[ащается] в общеинд[ийское] пр[авительство]. На этой базе мобил[изация] Инд[ии] для войны. Возможно, что после вчер[ашнего] засед[ания] палаты Ч[ерчилль] пойдет на уступки и в вопр[осе] о пр[авительстве] и воен[ном] команд[овании]. Необход[имость] этого станов[ится] все очевидней. Когда вчера я уходил из парл[амента], один знак[омый] деп[утат] остан[овил] меня в кулуар[ах] и сказал: «что могло бы вызвать сейчас взрыв энтуз[иазма] в А[нглии]?» – «Что именно?» – «Если бы маршал Тим[ошенко] был назначен главкомом брит[анской] армии».

20/2/42 г.*

1) Реконстр[укция] пр[авительства] скорее, чем...⁵

Ч[ерчилль] пошел на компромисс по вопр[осу] о кабинете... Остался...

Искусн[ый] тактик.

Острые атаки в предст[оящих] деб[атах] [...] ^{2*} Хотя...

Прием в печати: шаг вперед, но first instalment^{3*}.

Индия. Дальн[ейшая] реконстр[укция] пра. Производство (функции Литлтона^{4*}). Будут перемены.

2) Подробности.

К вечеру 18 и 19[-го] симптомы, что идет перестройка.

Визит Б[ивербрука] – кто его съел?

Возбужден «сильнее, чем раньше».

Story^{5*}: мантия на плечах [...] ^{2*} короля загорелась... То же самое [...] ^{2*}

* Рукописный текст.

^{2*} Неразборчиво.

^{3*} Первый взнос (англ.).

^{4*} Литтлтон Оливер – министр военного производства в 1942–1945 гг.

^{5*} История (англ.).

Линия за СССР [...]²*

«old tough guy»⁶* еще пригодится

Иден – 10.30 в.²* – в чем дело?

Бивербр[ук]? Supply⁷*?

Мое предл[ожение]. Результ.

К. Вуд Марг[есон], Кренборн.

Бив[ербрука] съели 1) штабы (распоряжался их запасами), 2) промышлен[ники] (не мирились с методами Б[ивербрука]) и Бевин (S.-Stewards⁸*).

3) Две души: чемберл[еновская] и черчил[левская] в груди госп[одствующего] кл[асса] – реконструкция усилила второе.

Воен[ный] к[абинет] – минус К. Вуд и Гал[ифакс], из чемб[ерленовцев] остается лишь Андерс[он]. Литтлтон – не [...]²* (Иден). Ушел Мойн⁹* (конс[ерватор]). Предст[оит] отставка Маргес[она], пол[ожение] К. Вуда шатко. Вм[есто] Мойна Кренборн, он же – лидер пал[аты] лорд[ов]. Раньше 3 лейб[ориста] из 10, сейчас 3 из 7, и вм[есто] Гринв[уда] Криппс.

В общем реконст[рукция] плюс. Бивербрук – минус. Заменит ли Криппс?

Криппс сыграл хорошо! Стал членом военного кабинета и «лидером палаты общин» (хор[оший] для него пост + lime light¹⁰*). Имеет сардонич[еское] удовлетв[орение] руков[одить] лейб[ористской] п[артией] (вместе с другими), кот[орая] 3 года назад исключ[ила] его. Человек без партии – лидер пал[аты] общ[ин] (при Л[лойд] Д[жордже] был Бонар Лоу¹¹*). История Криппса в теч[ение] посл[едних] лет – англ[ийская] политич[еская] сказка. Она стала возможной бл[агодаря] тому, что Кр[иппс] сейчас силен отраж[енным] светом могущ[ества] СССР и героизма К[расной] А[рмии].

25.2.42.

Измен[ения] в пра носят полож[ительный] характ[ер] (исчезновение Маргесона, [Дж.] Мур-Браб[азона]*, Мойна и замена их [П.Дж.] Григгом, Люэленом²*, Кренборном). Укрепл[ение] черчил[левского] крыла. Исчезнов[ение] [А.] Гринвуда с[о] своим мин[истерст]вом³* понятно: Ч[ерчилль] должен был сбалансир[овать] отставку консерв[аторов]. Гр[инвуд] явный канд[идат] на отст[авку]: слаб, пьяница. Упраздн[ение] мин[истерства] рек[онструкции] – лишнее доказ[ательство], что Ч[ерчилль] не интер[есуется] будущим. Он говорит: мое дело выигр[ать] войну, послевоен[ную] кашу пусть расхлеб[ывает] другой.

Григг – нов[ый] прецед[ент], к кот[орому] в парлам[енте] относ[аются] подозр[ительно]: чиновник – в министры. В прошлом Григг – работник по фин[ансовому] вед[омству] (в частности, в Индии), с 1939 [г.] – пост[оанный]

6* Старина (англ.).

7* Снабжение (англ.).

8* Шоп-стюарды (англ.) – цеховые старосты.

9* Мойн (Moyn) Уолтер, барон.

10* Свет рампы (англ.).

11* Лоу Артур Бонар — один из ведущих деятелей консервативной партии Великобритании.

* Мур-Брабазон Дж. – министр авиационного производства.

2* Далее – Ллевелин Джон.

3* Он являлся министром без портфеля.

тов[ариш] мин[истра] воен[ного] вед[омства]. Груб, решителен, хороший организатор. Какой военный министр? Буд[ущее] покажет.

Итог: чемберл[еновцев] в пра меньше, решим[ости] к борьбе больше. Но половинчато. Реакция страны и парлам[ента]: «дай ему шанс!» 24[-го] в палате Ч[ерчилль] был спокойнее и увереннее, чем 17[-го], депутаты удовлетвореннее и послушнее. Довольны, но выжидают. Шумн[ое] одобр[ение] при упомин[ании] К[расной] А[рмии], вступления Китая в «ТО совет»^{4*} и назначения Кр[иппса] в военный каб[инет].

Ч[ерчилль] в палате защищался (воен[ные] неудачи и пр.). Ни слова об Индии. Настоящ[его] очищения атмосф[еры] нет. Вероятны дальн[ейшие] осложнения, особ[енно] в связи с неудовл[етворительным] положением на фронтах.

26.2.42. Илен

Ставлю вопрос о перевыполнении поставок по моск[овскому] проток[олу] в марте–апреле: весен[нее] наступл[ение] и опасность коммуникац[иям] (прорыв судов). И[ден] обещает сделать все возм[ожное].

И[ден] сообщил, что вручил Вайнанту*, кот[орый] сегодня улетел, мемор[андум] для Рузв[ельта]⁶ в духе моего разговора с Вай[нантом] (хотя мы не сговаривались). И[ден] за всемерное уск[орение] подписания договоров. Дает месяц срока. Я: если не подпиш[ем] в ближ[айшее] время, эффект в[ашей] поездки в М[оскву] исчезнет.

И[ден] доволен реоргани[зацией] пра[вительства]: более дружно и дееспособно. Надежды на Кр[иппса]. Первое выступл[ение] Кр[иппса] в парл[аменте] удачно.

Я высказал свое впечатл[ение]: страна и парл[амент] готовы «дать шанс» пра[вительству], но не испыт[ывают] энтузиазма. И[ден] согласен.

28/2/42*

У Бивербрука в Cherkley^{2*}. Обед. Гарриман с дочкой. Mrs. R. Churchill, M. Foot^{3*} и др.

Перед обедом – в кабинете–бил[иардной]. Портрет Сталина м[ежду] Рузв[ельтом] и королем на mantelpiece^{4*}.

Agitated^{5*}. Хочу, чтобы С[талин] знал истину.

Записка об отставке. Причины (15 ф[евраля]).

Период 25/I–25/II/42.

Осн[ование] М[инистерства] Прод[укции] – больш[ие] треб[ования] без прав.

[Э.] Дункан – пр[отив] прямых снош[ений] Б[ивербрука] с controllers^{6*}.

^{4*} Имеется в виду образованный в Лондоне Тихоокеанский военный совет. См. ниже, запись от 13 марта 1942 г. – там Китай не значится в составе совета.

* Вайнант Джон – посол США в Великобритании.

* Автограф И.М. Майского.

^{2*} Черкли – загородный дом лорда Бивербрука.

^{3*} М-с Р. Черчилль – жена сына У. Черчилля; Фут Майкл – лейборист, редактор «Ивнинг стандарт».

^{4*} Доска камина (англ.).

^{5*} Возбужден (англ.).

^{6*} Контролеры (англ.).

(Черчилль] сначала пр[отив], потом за).

Алекс[андер А.В.] – Shipbuilding^{7*} (Мин[истр] судостр[оения]).

Штабы.

Бевин – труд. [...] ^{8*} (драка из-за Shop Stewards).

Позиция Черчилля] – колебл[яющаяся], стычки с Бив[ербруком].

Бив[ербрук] против Криппса ка[к] Leader of the H[ouse of Commons]^{9*}.

(Иден)

Против Эттли, как зам[естителя] премьера (стычка с Эттли).

[...] ^{8*} дополн.

Не «русс[кий] вопрос» в основе.

Опасение стать scaregoat^{10*}.

Когда войдет вновь в прав[ительство].

Буд[ущий] премьер?

За Россию! Все время!

В Атлантике (американские] и англ[ийские] воен[ные] давали вам 3 нед[ели]!). – Обещ[ание] помощи СССР.

Конфер[енция] в Москве.

Выполнение обяз[ательств] – (декабрь и январь!)

Сейчас – запросы в палате лордов. Печать.

2/3. Бивербрук]

Вечером приехал.

Всемирн[ая] поддержка СССР. Вне пра[вительства] легче, чем внутри. Ст[алин] это увидит. Если у Ст[алина] будут к[акие]-л[ибо] пожелания, Бивербрук] всегда готов...

Концентр[ация] на снабжении. [...] ^{*} Второй фронт.

Концепция: до вступл[ения] СССР в войну А[нглия] не могла выиграть. Даже с США. После вступления СССР может выиграть, но главную роль будет играть СССР. А[нглия] и США – нет армии, генералов и пр. Отсюда – всемирная помощь СССР. «Наша надежда».

Популярн[ость] СССР в Англ[ии] сейчас беспрецедентна (не то, что Фр[анции] в [19]14–[19]18). Автор[итет] Ст[алина] огромен [...] ^{*}

Понимает недов[ольство] Ст[алина] «я воюю один» (приказ 23/2)⁷.

Воен[ное] полож[ение] в Т[ихом] о[кеане] – Голл[андская] Инд[ия] потеряна. Яп[онцы] пойдут [...] ^{*} в Индию, а не в Австралию.

3.3.42

На даче у Идена. 1.3. Разговор о «блоке 8 государств». Иден против, дал соотв[етствующие] инстр[укции] Стрэнгу^{*} и Мэйкину^{2*}. Иден считает, что

^{7*} Судостроение, промышленность (англ.).

^{8*} Неразборчиво.

^{9*} Лидер палаты общин (англ.).

^{10*} Козел отпущения (англ.).

^{*} Неразборчиво.

^{*} Стрэнг Уильям – помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании.

^{2*} Имеется в виду, очевидно, Мэйкинс Роджер – сотрудник МИД Великобритании.

федер[ации] гос[ударст]в должны быть разумны и создаваться не против, а при поддержке вел[иких] держав.

Сик[орский]^{3*} приглашал Спаака^{4*} ехать в Ам[ерику] и там сделать заявление о войне, ее целях и пр. Спаак совет[овался] с Ид[еном]. Последний отсоветовал. К чему еще одна деклар[ация]? Дело не в деклар[ациях], а в борьбе с Г[итлером]. Теперь Спаак не поедет. Беда в том, что всем этим эмигр[антским] гос[ударственным] деят[елям] нечего делать, но хочется быть в «ляйм ляйт»^{5*}. Оттого они бегают и волнуются. Так-то так, но все-таки у Стрэнга и Мэйкинса рыльце в пушку.

4.3.42. Криппс

К[риппс] ужинал у меня.

К[риппс] прилагает усил[ия] для заверш[ения] дела с договор[ом]. Каб[инет] принял гран[ицы] [19]41 г., хотя и без энтуз[иазма]. Иден и Криппс за, Эттли и Бев[ин] сабот[ируют], Черч[илль] соглаш[ается] без энтуз[иазма]. Настр[оение] Ч[ерчиля] объясн[ается] тем, что он заинтер[исован] в тесном воен[ном] сотрудн[ичестве] с СССР, но не уверен, удастся ли это даже после подпис[ания] дог[овора]. Вот если бы мы дали понять, что это возможно! Мой спор с К[риппсом]. «Обиды» К[риппса] (история с сев[ерными] опер[ациями], о кот[орых] речь шла в Москве, Евстигнеев *, трудности сношений м[ежду] Мак-Фарланом^{2*} и нашим генштабом и пр.). В конечном счете, К[риппс] признал, что англ[ийской] воен[ной] миссии живется не так плохо.

«К сожалению, около года назад, еще в тот период, когда А[нглия] воевала одна и хотела вовлечь САШ в войну, бритпра дало ампра обещ[ание] не признав[ать] без консультац[ий] с ним измен[ения] европ[ейских] гран[иц]. Англ[ийская] пол[итика] попала в завис[имость] от амер[иканской]. Неудобно, но что делать?» Ам[ериканцы] не тороп[ются]. (3 нед[ели] назад послан запрос о договор[ах].) План К[риппса], чтобы Иден поехал в САШ. Не вышло, «внутр[енний]» кризис. Отправили [Дж.] Вайнанта.

На буд[ущей] неделе заявл[ение] Ч[ерчиля] об Индии⁸. К[риппс] считает намеч[енную] реф[орму] крупнейшим шагом [в]перед. Надеется на хор[оший] прием в Индии (не уверен). Просит сочувст[венного] отнош[ения] сов[етской] печати, радио.

5.3.42. Иден и Криппс

Воен[ное] положение: 1) Ливия. Англ[ичане] занимают хор[ошие] обор[онительные] поз[иции], кот[орые] надеются удержать. Имеют 600 танков, плывут еще 800. Перевес в воздухе и артиллерии. Роммель имеет 600 танков. Немцы превосходят англ[ичан] в огневой силе танков и танковой тактике. Цель англ[ичан] – забрать Бенгази (важно для облегч[ения] пол[ожения] Мальты и пе-

^{3*} Сикорский Владислав – генерал, премьер-министр польского правительства в эмиграции.

^{4*} Спаак Пауль Генри – министр иностранных дел Бельгии.

^{5*} В центре внимания (англ. – limelight).

* Евстигнеев В.Н. – генерал-майор, руководитель отдела внешних сношений генштаба Красной армии.

^{2*} Мэсон-Макфарлан Фрэнк Ноэль – генерал-лейтенант, начальник британской военной миссии в СССР.

рерыва коммуник[аций] между Ит[алией] и Трип[оли]. Как выйдет, посмотрим. Англ[ичане] нашли здесь хорошего командира – Ричи* (40 лет). Иден доволен посылкой нашей военной миссии в Ливию. 2) Д[альний] Во[с]ток. Г[олландская] Индия^{2*} считается потерянной. На очереди Бирма. Бритпра будет ее защищать, но не уверено, что удержит. В Австралию яп[онцы] едва ли пойдут. Возможен удар Я[понии] по Индии, но это большая страна, и яп[онцы] могут споткнуться. К тому же на буд[ущей] нед[еле] Ч[ерчилль] сделает важн[ое] сообщен[ие] в парл[аменте] об Индии, кот[орое] радикально изменит ситуацию. Бритпра полагает, что после Бирмы яп[онцы] едва ли захотят дальше растяг[ивать] свою ком[муникационную] лин[ию]. С мая–июня соотн[ошение] сил на море начнет меняться в пользу англо-амер[иканцев] (вернутся в строй поврежд[енные] в Пирл-Харбор[е] суда, прибав[ятся] новые).

6.3.42

Приезжал [Дж.] Мур-Брабазон, снятый [из] мин[истерства] авиастр[оения], «объясниться и рассеять возникш[ие] м[ежду] нами нед[о]раз[умения]». Я ответил, что никаких «недораз[умений]» не знаю, но готов его выслушать.

М[ур]-Б[рабазон] возмущен. Его оклеветали. В августе п[рошлого] г[ода] в Манчестере ему пришлось неожиданно, без всякой подгот[овки] выступить на завтраке под предс[едательством] Э. Саймона*. Было человек 100. Он сказал: было время, когда многие англ[ичане] говор[или]: «пусть немцы и русск[ие] режут друг другу глотки, нам от этого будет легче». Русские в это время говорили: «пусть англ[ичане] и немцы режут др[уг] другу глотки, нам от этого будет легче». Но с 22/6 все изменилось. Русские теперь наши союзники, друзья и т. д.

А что получилось? Блэкберн (манчестерск[ий] предст[авитель] союза механиков) прислал Саймону протест, в кот[ором] он обвинял М[ур]-Б[рабазона], будто бы он сказал: пусть немцы и русские режут друг другу глотки, мы, англичане, подождем, а потом, когда и те и другие ослабеют, установим свое господство в Евр[опе]. Блэкберн сообщил о том же Джэку Таннеру^{2*}, а тот огласил все на конгр[ессе] тр[ед]-юн[ионов] в Эдинб[урге] в сентябре^{3*}. С тех пор М[ур]-Б[рабазону] житья не было: его имя везде склонялось как имя врага СССР. Его преслед[овали] на митинг[ах] и в печати. И вот теперь Ч[ерчилль] вынужден был to drop^{4*} его. Дорожа своим добрым именем, М[ур]-Б[рабазон] приехал заверить меня, что Блэкберн наклеветал на М[ур]-Б[рабазона]. Он был противником Мюнхена, Болд[уина] и Чемб[ерлена]. Он был всегда другом СССР, особенно же сейчас. Он делал все возможное для предоставл[ения] нам самолет[ов]. Он просил бы меня восстановить его репутацию в левых кругах. Я отделался неопред[еленными] фразами.

Как характерен этот инцидент! Симптом усилен[ия] левых настро[ений] в стране и роста н[ашего] престижа.

* Правильно – Ритчи (Ritchie) Нейл – генерал-майор.

^{2*} Речь идет о Голландской Ост-Индии.

* Видимо, имеется в виду Саймон Джон – министр финансов.

^{2*} Таннер Джек – председатель Объединенного союза механиков.

^{3*} См.: Report of Proceedings of the 73th Annual Trades Union Congress Held at Edinburgh. September 1-st to 4-th 1941. L., 1941. P. 250–251.

^{4*} Снять (англ.).

10.3.42

С 20-х чисел февр[аля] в м[е]джилисе* дискуссия о составе ир[анского] пра[вительства]. 23/2 все министры подали в отставку. Форуги^{2*} сформировал новый кабинет. Утвержден небольшим больш[инством] меджл[иса]. 2/3. Через неск[олько] час[ов] Форуги подал в отставку. Шах^{3*} поручил формир[ование] нов[ого] пра[вительства] Сохейли^{4*}, кот[орый] в конце концов и сформировал ирпра, получившее [в] меджл[исе] огромное большинство.

Суть дела в появл[ении] двух новых кандидатов в премьеры: Кавам Салтане^{5*} (английский агент, играет под демократа) и Тадаюн^{6*} (реакционер, мусульманин, враг СССР). Буллард^{7*} покров[ительствует] Тадаюну. Не сговариваясь со Смирновым^{8*}, сообщил персам о желат[ельности] Тадаюна во главе ирпра. Потом уведомил об этом Смирн[ова], предоставив ему сообщить персам о своих желаниях. Мы поддерживали Форуги, а, когда он [у]шел, поддержали Сохейли.

7.3. Смирнов был у шаха по приглашен[ию] последн[его]. Шах сообщил, что пра формирует Сохейли, что его поддержал меджл[ис] и что кабин[ет] Сохейли, вероятно, сможет продержаться. Шах говорил, что во внешней политике нов[ое] пра займет более определ[енно] друж[ественную] СССР линию. Шах даст такие указания Сохейли. Шах говорил, что в интересах поддержания порядка надо иметь иранск[ие] войска в различн[ых] местах. Смирн[ов] ответил, что мы готовы обсуд[ить] введение перс[идских] гарн[изонов] в зону распол[ожения] наших войск.

11/3/42. Бив[ербрук]*

В «Савое» – Гарвин^{2*} у Бив[ербрука] – Гарв[ин] вышел из комнаты... ждал конца н[ашего] разговора (40–45 м[инут]).

1) «Дела лучше». Ч[ерчилль] посылает message^{3*} С[талину]. Хороший. Первый абзац – телегр[амма] Рузвельту urging^{4*} признания границ [19]41 г. Видел телегр[амму] Ч[ерчилля] – Р[узвель]ту. ОК.

Самое важное: Ч[ерчилль] – премьер, взаимопон[имание] и довер[ие] между Ч[ерчиллем] и С[талиным].

2) Снабжение. Письма и разговоры с Ид[еном]. Выполнить и перевып[олнить] проток[ол]. 500 самол[етов] сверх! – 50% увелич[ение] поставок с 1/7/42 и 100% с 1/1/43. Обещано на осн[ове] реш[ения] бритпра в «руковод[ящих] тезисах» Б[ивербрука] к моск[овской] конф[еренции]^{5*}. Дал обещ[ание] Ст[алину].

* Правильно – меджлис (парламент).

^{2*} Форуги М.А. – председатель Совета министров Ирана.

^{3*} Мохаммед Реза Пехлеви.

^{4*} Сохейли Али – министр иностранных дел Ирана.

^{5*} Кавам ас Салтана.

^{6*} Тадаюн – личность не установлена.

^{7*} Буллард Ричард Уильям – британский посланник в Иране.

^{8*} Смирнов Андрей Андреевич – посол СССР в Иране.

* Текст рукописный.

^{2*} Гарвин Джеймс Луи – издатель консервативной английской газеты «Обсервер» и других газет.

^{3*} Послание (англ.).

^{4*} С призывом (англ.).

^{5*} Имеется в виду Московская конференция 1941 г.

Committed^{6*}. Гарриман то же. – Я: верно ли? Мой разг[овор] с Г[арриманом]. – Тел[ефонный] разг[овор] Б[ивербрука] с Г[арриманом] при мне. – Г[арриман] признает! – Я: нельзя ли закрепить в док[ументе]? – Б[ивербрук]: завтра заявлю в пал[ате] лорд[ов]!

3) Разногл[асия] Б[ивербрука] с пра[вительством]: а) объявл[ение] войны Ф[инляндии], Р[умынии] и В[енгрии] – обещали – надо выполнять жел[ание] СССР. Acid^{7*} послание Ст[алина]. – Редакция ответа Ч[ерчилля]. – Сопротивл[ение] Эттли и Бев[ина] – Delay^{8*}. б) Второй фронт – Б[ивербрук] «за» давно (записка каб[инету] в конце лета). в) Гр[аницы] 1941 – надо признать. Эттли 10/20 янв[аря] грозил отставкой из-за Прибалтики.

12.3.42

Иден передал копию посл[ания] Ч[ерчилля] к Ст[алину] [о]т 9.3*.

Мои вопросы: 1) Когда Ч[ерчилль] отправил Р[узвельту] телегр[амму] и реакция? Телегр[амма] отпр[авлена] 7.3. Реакции пока нет^{2*}. Галиф[акс] сегодня сообщил, что Р[узвельт] хочет говорить с Литв[иновым] по этому делу. Гал[ифакс] возражал в разг[оворе] с Самнер Уэллсом^{3*}, но решение Р[узвельта] твердое. Иден напомнил, что он тоже против вмеш[ательства] Р[узвельта] в наши переговоры о договорах. 2) Что означают «другие меры» для облегч[ения] положения СССР (п. 3 послания)? Иден ответил, что в первую очередь – возд[ушная] оффензива и рейды. Спросил: а что во вторую очередь? Не 2[-й] ли фронт?.. Иден не отверг, но и не поддер[жал] 2[-го] фронта. Почва иная, чем раньше. «Колебание в рядах противника». Развил наступл[ение]. Заговорил всерьез о 2[-м] фронте. Вспомнил прошлог[одние] аргументы. Прибавил новый: надо воспитывать армию в оффензивном духе (этот вопрос сейчас остр в Военном ми[нистерстве] и Воен[ном] каб[инете]). Лучше всего воспитывать в боях. 2[-й] фронт – школа. Аргумент подействовал. Иден заговорил о моральном состоянии армии. Она страдает от бездействия. Если и нынешнее лето пройдет так же, как прошлое, неизвестно, что будет. Разложится. Обещал переговорить с Ч[ерчиллем].

13.2*.42. Иден

Бритпра приняло гран[ицы] 1941 г. 10[-го] запр[осило] Вашингтон. Вопрос сформулирован так, чтобы по возм[ожности] получить полож[ительный] ответ, т.е. что САШ не возраж[ают]. Вайнант поддерживает бритпра, но сам не знает, выражает ли мнение ампра: давно не был в САШ, на днях туда едет. Обещает содействие.

Говор[или] о воен[ной] сит[уации]. Иден подавлен событ[иями] на ДВ. Потеря Синг[апура] будет тяжел[ым] ударом. Гарниз[ону] Синг[апура] дано

^{6*} Согласовано (англ.).

^{7*} Едкое, кислое (англ.).

^{8*} Отсрочка (англ.).

* Текст послания Черчилля, полученного Сталиным 12 марта 1942 г., см.: Переписка.... Т. 1. № 35. С. 50.

^{2*} Черчилль сообщал Сталину, что он убеждал президента Рузвельта одобрить подписание соглашения относительно границ России по окончании войны (Там же).

^{3*} Далее – Уэллес Самнер – заместитель государственного секретаря США.

* Так в тексте.

указ[ание] биться до последнего. Не отступать. Эвак[уация] невозможна. Брит-пра сделает все возм[ожное, чтобы] удерж[ать] Г[олландскую Ост-] Индию, но удастся ли? Не уверен.

«ТО^{2*} военный совет» образ[ован] в Лондоне, хотя Австр[алия] треб[овала] в Вашингт[оне] (Англ[ия], Авст[ралия], Н[овая] Зел[андия], Гол[ландия], но не США и Кит[ай]). Под ним штабы. Воен[ными] опер[ациями] на месте руков[одит] Вевел^{3*}. В Вашинг[тоне] «воен[ная] комис[сия]» при Рузвельте с участ[ием] Дилла^{4*}. Функции комиссии неясны. Взаимоотн[ошения] между Лонд[оном] и Вашингт[оном] в этом деле также. Вообще пока путаница и неразбериха.

13.3.42

Приезжал Брюс^{*}, выс[окий] ком[иссар] Австралии, спрашивал, нет ли ответа на его запрос об устан[овлении] дипл[оматических] отнош[ений] с Австр[алией]. Я сказал: еще нет.

Брюс развил австрал[ийскую] точку зрения на вещи: Австр[алия] – страна глуб[око] демокр[атическая], гораздо больше, чем Англ[ия]. Австрал[ийцы] – британцы, но они неудовл[етворены] Англ[ией] – в воен[ном], экон[омическом], соц[иальном] отнош[ениях]. Англ[ия] слишком консер[вативна] и неподв[ижна], слишк[ом] аристокр[атична], мало интерес[уется] послевоенной] реконстр[укцией], мечтает о возвр[ращении] [с]тарого мира. М[ежду] тем мир будет не тот (пример: Индия и Г[олландская] Индия перестанут существов[овать] как колонии). Эконом[ические] проблемы будут играть реша[ющую] роль. При их разреш[ении] СССР будет важнее Англ[ии] и США. Австрал[ия] хотела бы иметь тес[ный] контакт с СССР, тем более что обе страны на ТО^{2*}. Брюс хотел держать со мной тесный контакт.

Брюс не рассчитывает на эффектив[ную] пом[ощь] Англии. Рассчит[ывает] на США (авиация и войска). США не могут допустить потери Австрал[ии]: единст[венная] база в Ю[го-]В[осточной] части ТО.

10/3/42. Литвинов^{*}

Ван Клеффенс^{2*} предложил Литвинову] обмен дипагентств[ами]. Литвинов] и Москва отказались...

Нужен втор[ой] англ[ийский] фр[онт] в Евр[опе] к нач[алу] вес[енней] офф[ензивы] Г[ермании] – иначе м[ожет] б[ыть] упущ[ен] единств[енный] шанс выиграть войну.

^{2*} Тихоокеанский.

^{3*} Далее – Уэйвелл Арчибальд П. – фельдмаршал, главнокомандующий британских войск в Юго-Западной части Тихого океана и в Бирме в 1941–1943 гг.

^{4*} Дилл Джон Грир – начальник британской военной миссии в Вашингтоне в 1941–1944 гг.

* Брюс Стэнли – высокий (верховный) комиссар (представитель британской короны при правительстве доминионов).

^{2*} Тихий океан.

* Автограф И.М. Майского. Дата, по-видимому, неточная (Рузвельт беседовал с М.М. Литвиновым 12 марта 1942 г.). См. также ниже, запись от 19 июня.

^{2*} Ван-Клеффенс Е.Н. – министр иностранных дел эмигрантского правительства Голландии в Лондоне.

Р[узвельт] вызвал Л[итвинова] к себе и гов[орил] о Прибалтике^{3*}. По существу он согл[асился], но возраж[ал] пр[отив] к[акого]-л[ибо] откр[ытого] или секр[етного] согл[ашения] из-за общ[ественного] мнения. Р[узвельт] м[ежду] пр[очим] сказ[ал], что, если бы бритпра закл[ючило] секр[етное] соглаш[ение], секр[етное] от него, он не возражал бы. – Из Москвы Л[итвинов] имел ранее сообщение, что там больше не интер[есуются] догов[ором]^{4*}.

Вилки^{5*} за 2-й фронт и активность. Успех речи Л[итвинова].

14.3.42

Приезжал с первым визитом иранский посланник Таги-Заде.

Полудипломат, полуученый. Повадки профессора в соединении с лукавством персидского базара. В 1922–1923 гг. заключал торг[овые] договора в Москве. В 1929–[193]3 – посланник в Лондоне, потом в Париже. Потом отставка, научн[ая] работа над историей Персии, ислама, календаря и т. п. Имеет книги на англ[ийском] и перс[идском] языках. Последн[ие] годы в Англии. Назначен посланником 3 мес[яца] назад. Жалует: оторвался от научн[ой] раб[оты].

К англо-сов[етской] оккупации Ирана* Таги относ[ится] отриц[ательно]. Он заявлял, что «никакой нем[ецкой] опасности в Иране вообще не было». Причина англо-сов[етских] действий – желание обеспечить транзит через Иран.

Т.к. у меня было впечатл[ение], что Таги склонен верить и распр[остранять] ложные слухи о поведении н[аших] войск в Иране и пр., я стал высмеивать такие рассказы, подчеркивая, что, если ирпра имеет какие-либо недовольства, лучше обращаться прямо к сов[етскому] пра[вительству] (без третьих держав) в Тегер[ан] или Куйб[ышев].

Таги понял, в чем дело (его я не называл), согл[асился], что указ[анный] мной путь правилен, но указывал, что в Иране есть «беспок[ойные] элементы», кот[орые] в начале думали, что, сов[етские] власти будут их поддерживать, но теперь убедились, что это не так. Очень хорошо. Только совпра не должно защищать каждого своего агента в Иране: прав он или неправ.

Я разъяснил Таги, что совпра руков[одится] принципом справедливости и не имеет никаких экспанс[ионистских] тенденций. Ирану бояться нечего. Таги благодарил за разъяснение, говорил, что он «расчисти[т] атмосферу», и обещал поддерживать со мной тесный контакт.

Начало марта 1942*

Падение Сингапура (разговор с Лиддел-Харт^{2*} и Дафф Купером^{3*}. Б[ывший] уполном[оченный] бритпра в Сингапуре).

^{3*} См. телеграмму Литвинова в НКВД СССР от 12 марта 1942 г. о состоявшейся в тот день его беседе с Рузвельтом (Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. № 77. С. 155–157).

^{4*} Этой фразы в телеграмме Литвинова нет.

^{5*} Далее – Уилки Уэндел Льюис – политический деятель США.

* Имеется в виду ввод британских и советских войск в Иран в августе 1941 г.

* Текст рукописный.

^{2*} Лиддел-Гарт Бэзил Генри – крупный британский военный историк.

^{3*} Купер Альфред Дафф, виконт Норвич – в 1941–1942 гг. министр-резидент в Сингапуре.

Полит[ический] аспект

Старая колон[иальная] система

Губ[ернатор] – Shanton Thomas – старик, Блимп^{4*}, в руках аппарата, пр[отив] scorch earth^{5*}.

Protector of the Chinese^{6*} – ненавидим всеми кит[айцами] 600 т[ыс.] из 900 т[ыс.] на о. Сингапур [...] ^{7*} лидера гоминьдана.

Воен[ные] маневры не должны портить кауч[уковые] деревья.

Пассивность населения.

Малайцы – [...] ^{7*} ленивы, невоинственны.

Работают кит[айцы] и индусы (ос[обенно] на резин[овых] плант[ациях]).

Воен[ный] аспект

Pearl Harbour и 2 англ[ийских] линкора^{8*} – изменили соотн[ошение] сил на море.

Вначале 2 инд[ийские] дивизии (гурка) – обуч[ались] для [...] ^{7*} боев на С[еверо-]В[остоке] Инд[ии], слабо механ[изированные], не подг[отовленные] для совр[еменной] войны, плохо переучив[аются].

Позднее еще 1 австр[алийская] дивизия пришла, когда уже гл[авные] позиции были потеряны.

Под конец – 18 англ[ийских] див[изий] – вовремя для сдачи.

Синг[апур] – не [...] ^{7*} fortress^{9*}. С суши слаб[ая]. Почти никаких подготовл[ений]

(nat[ional] suicide)^{10*}.

ПВО не было.

Разбитые на земле самолеты (50%).

3-мес[ячный] запас прод[овольствия] и амуниции.

Команд[ование]: 1) Brooke-Popham^{11*} – Блимп. Никуда. 2) Pownall^{12*} – штабист, некуда было девать. 3) Персиваль^{13*} – штабист, слаб[ый] человек. Разница м[ежду] штабистами и боевыми генералами.

Теория: Яп[ония] не захочет совершать «national suicide»^{10*}.

Утверждали:

Нельзя высадиться во время [...] ^{7*} (ноябрь–февраль) –

[...] высадились.

^{4*} Блимп – прозвище полковника-«твердолобого».

^{5*} «Выжженная земля» (англ.).

^{6*} Покровитель (регент) китайцев (англ.).

^{7*} Неразборчиво.

^{8*} Речь идет о нападении японцев на Перл-Харбор и затоплении двух английских линкоров.

^{9*} Крепость (англ.).

^{10*} Национальное самоубийство.

^{11*} Брук-Попжэм Роберт – маршал авиации, главнокомандующий британских сил на Дальнем Востоке в 1940–1941 гг.

^{12*} Паунолл Генри Р. – генерал-лейтенант, главнокомандующий британских сил на Дальнем Востоке в 1942 г.

^{13*} Персиваль Артур В. – генерал-лейтенант, командующий британскими силами в Малайе с июля 1941 г., отдал 27 января 1942 г. приказ об отступлении войск к Сингапуру, а 15 февраля 1942 г. – о сдаче города японцам.

Нельзя употр[ебить] танки – яп[онцы] употреб[или].

Нельзя пройти джунгли – я[понцы] прошли.

Диплом[атия]

Крейги^{14*} до самого конца возлагал надежды на «rease party»^{15*}.

Посл[анник] в Сиаме требовал не нарушать нейтр[алитет] Сиама («помешает н[ашим] друзьям») и мешал строить укрепл[ения] через Кра^{16*}. Плохая разведка англичан.

16 марта

В субботу, 14[-го], я получил послание т. Сталина для передачи Черчиллю*. Я сразу позвонил в ФО и попросил свидания с премьером на понедельник, 16[-е]. Через час из ФО сообщили, что Черчилль примет меня в понедельник в 5 час[ов] дня. Вчера, в воскресенье, из ФО опять звонили и заявили о перемене: премьер не может принять меня в понедельник в 5 час[ов], но зато просит меня приехать к нему в [п]онедельник же на завтрак в Чекерс^{2*}. Я согласился.

Итак, сегодня около 1 час[а] дня я приехал в Чекерс. Спустя несколько минут появился Иден, которого я просил присутствовать при моей беседе с Черчиллем. Войдя в комнату, в которой я ожидал, Иден отвел меня в сторону и с некоторым беспокойством сказал:

– Я только что получил телеграмму из Вашингтона, в которой передается суть заявления Рузвельта Литвинову... Очень неприятное заявление. Нам надо будет его обсудить.

В этот момент пришел адъютант премьера и пригласил нас в столовую. Это была собственно не столовая, а маленькая угловая комната на втором этаже дома, носившая сугубо приватный характер. Небольшой стол был накрыт на троих – для Черчилля, Идена и меня. Премьер в своем неизменном «*silensuit*»^{3*} добродушно-весело приветствовал меня и извинился за свой домашний вид. Ему сегодня сделали маленькую операцию, он не смог вернуться в город и вынужден принимать меня «по-домашнему».

Когда мы сели за стол, я передал Черчиллю послание т. Сталина. Он быстро прочитал его и, видимо, остался доволен. Затем послание прочитал Иден. Разговор сначала вертелся около последних военных новостей. Затем Иден коснулся вопроса о договорах. Он вновь заговорил о телеграмме из Вашингтона и выражал опасение, что отношение США может осложнить положение.

– Это не значит, конечно, что мы не подпишем с вами договоров, – прибавил Иден, – но вы понимаете, как важно было бы при этом иметь Америку на своей стороне.

Вмешался Черчилль и определил свою позицию:

– У меня с самого начала душа не лежала к признанию сейчас границы 1941 г., но, так как Сталин на этом очень настаивал, я, в конце концов, согла-

^{14*} Крейги Роберт Лесли – британский посол в Японии в 1937–1941 гг.

^{15*} «Партию мира» (англ.).

^{16*} Кра – перешеек.

* Текст послания Сталина Черчиллю от 14 марта 1942 г. см.: Переписка... Т. 1. № 36. С. 51.

^{2*} Чекерс – загородная резиденция главы британского правительства.

^{3*} Костюм сирены (англ.) – просторный зеленоватого цвета костюм.

сился границу признать... Может быть, это предрассудок, но я очень привержен принципу свободного самоопределения народов, который был включен и в Atlantic Charter^{4*}, а тут...

– Но ведь в Прибалтике был произведен широкий демократический плебисцит, – перебил я Черчилля, прекрасно понимая, куда он клонит.

Черчилль лукаво усмехнулся и ответил:

– Да, конечно, был плебисцит, но все-таки...

Он закончил свою фразу несколько неопределенным жестом.

– Откровенно говоря, – возразил я, – мне не совсем понятна позиция бритпра во всем этом вопросе. Насколько мне известно, бритпра обязалось по вопросам европейских границ «консультировать» США, подчеркиваю «консультировать», а не просить разрешения у США. На мой взгляд, «консультация» уже была. Вы сделали демарш в Вашингтоне, причем выяснилось, что существует известная разница во взглядах между ампра и бритпра⁹. Очень хорошо. Что делать дальше? Мне кажется, что теперь вам следовало бы сказать американцам: «мы вас информировали о нашем намерении признать советскую границу 1941 г., вам это не нравится, однако мы считаем, что данный шаг лежит в интересах нашей победы над общим врагом. Мы делаем этот шаг в надежде, что в дальнейшем вы лучше поймете и оцените правильность нашей линии». Сразу же после такого заявления надо было бы подписать наши договора. Вообще бритпра следовало бы поменьше кивать на «американского дядюшку» и побольше думать о самостоятельности своей политики.

Черчилль и Иден выслушали мои соображения, но не захотели сразу же как-либо ангажироваться. Черчилль только сказал:

– Поговорите с Иденом и найдите приемлемый выход.

На том и порешили: завтра, 17[-го], я должен встретиться с Иденом и обсудить создавшееся положение.

Затем я заговорил о послании т. Сталина и обратил внимание Черчилля на тот его пункт, где т. Сталин высказывает уверенность в том, что 1942 г. явится решающим годом^{5*}. Я спросил Черчилля, что он думает по этому поводу?

Черчилль сразу помрачнел. Пожимая плечами, он с легким раздражением бросил:

– Не вижу, как 1942 г. может стать решающим годом.

Я стал, было, возражать, но Черчилль прервал меня резким вопросом:

– Скажите, как вы чувствуете себя сейчас: сильнее или слабее, чем в 1941 г.?

– Конечно, сильнее, – без колебаний ответил я.

– А я вот чувствую себя слабее, – возразил Черчилль.

И как бы в пояснение он прибавил:

– В прошлом году нам приходилось бороться против двух великих держав, а в нынешнем году – против трех.

– Но ведь зато, – откликнулся я, – у вас теперь есть два могущественных союзника.

^{4*} Имеется в виду Атлантическая хартия, обнародованная 14 августа 1941 г.

^{5*} Сталин выразил твердую уверенность в том, «что... 1942 год будет решающим в повороте событий на фронте борьбы с гитлеризмом».

Черчилль, однако, не хотел согласиться и стал говорить о дополнительных трудностях внутреннего порядка, об Индии, печати, парламенте, производстве...

Тогда я решил поставить вопрос «на попа» и сказал Черчиллю следующее:

– Не знаю, как смотрите вы, но я считаю, что мы сейчас стоим пред лицом грозной ситуации. В ходе войны действительно наступает решающий момент. Или – или. Каково положение? Германия готовит в этом году огромное весеннее наступление. Она ставит ставку на этот год. Если мы сумеем разбить весеннее наступление Германии, война по существу выиграна. Становой хребет гитлеровской военной машины будет перебит в этом году. Останется лишь добить бешеного зверя. А с поражением Германии все остальное уже будет сравнительно легко. Но представим себе, что мы не сможем разбить германское наступление весной. Представим себе, что Красная Армия вынуждена будет опять перейти к отступлению, что мы опять начнем терять территории, что немцам удастся прорваться на Кавказ, – что тогда? Ведь в этом случае Гитлер не остановится на Кавказе. Он пойдет дальше – в Иран, Турцию, Египет, Индию. Он сомкнет руки с Японией где-либо в бассейне Индийского океана, он протянет свои руки к Африке. Нефтяная, сырьевая, продовольственная проблемы Германии будут разрешены. Брит[анская] Империя рухнет, а СССР потеряет исключительной важности территории. Конечно, даже в этих условиях СССР стал бы продолжать борьбу. Допустим, что Англия и США тоже стали бы продолжать борьбу. Но каковы были бы наши шансы на победу? И когда?.. Вот каков выбор! Сейчас или никогда!

Черчилль, слушавший меня все время с нахмуренным лицом и склоненной на бок головой, тут вдруг резко вздернулся и с сильным волнением воскликнул:

– Мы лучше умрем, чем примиримся с таким положением!

Иден прибавил:

– Я вполне согласен с амбассадором^{6*}. Вопрос стоит именно так: сейчас или никогда!

Я же продолжал:

– Конечно, Красная Армия с прошлого года стала сильнее, а германская армия слабее. Конечно, мы будем зверски драться в этом году. Но кто может ручаться за будущее? Кто знает, нет ли у Гитлера каких-либо новых военных изобретений? Какого-либо нового, никому не известного газа?.. И даже, если оставить в стороне вопрос о «секретном» оружии, ведь Гитлер имеет активную (хотя, может быть, не всегда добровольную) помощь своих союзников – всех этих румын, венгерцев, финнов, словаков и т.д. Между тем СССР до сих пор выносит один весь гигантский напор гитлеровской военной машины. Нам это тяжело. Процент опасности сильно возрастает. Англия же и США все еще что-то размышляют, примеряются, обдумывают и никак не могут решить, какой же год является решающим: 1942 или 1943? Положение совершенно нестерпимое. Разница в военном «календаре» между СССР, с одной стороны, Англией и США – с другой, является величайшей слабостью союзной стратегии. Она должна быть ликвидирована. Англия и США – должны тоже поставить ставку на 1942 г., должны именно в этом году бросить в бой все свои силы, все ресурсы,

^{6*} Посол (от англ. – ambassador).

независимо от того, в какой степени подготовленности они находятся, должны ликвидировать всякую расхлябанность в тылу. Если этого не будет сделано, то создастся очень опасное положение: в то время, как «ось» будет драться двумя руками, союзники будут драться только одной. Такой ситуации ни в коем случае нельзя допустить!

Иден опять целиком и полностью поддержал меня.

Черчилль сидел погруженный в размышления. Наконец он поднял голову и сказал:

– Может быть, вы правы. Вся имеющаяся у меня информация говорит о том, что немцы готовят удар на востоке. На восток идут бесчисленные поезда с людьми и вооружением. На восток отправляются зенитные батареи, снятые из центра Германии, специально для охраны жел[езно]дор[ожных] путей в Польше и оккупированной части России. Да, вам придется выдержать весной страшный удар. Мы должны вам всемерно помочь. Сделать все, что мы можем.

Было видно, однако, что этот вывод дался Черчиллю нелегко.

Когда, таким образом, принципиальная победа над Черчиллем была одержана, я перевел разговор на более практические рельсы. Я сказал, что, поскольку ближайшей весной СССР придется опять вступить в бой с Германией не на жизнь, а на смерть, совпра очень важно знать заранее, на какую помощь в эти решающие дни оно может рассчитывать со стороны Англии?

Завязался длинный, оживленный, моментами даже горячий обмен мнений, результаты которого можно суммировать примерно так:

1) Бритпра гарантирует выполнение московского протокола¹⁰. Необходимые меры охраны конвоев от «Тирпица» и др. будут англичанами приняты. В этой связи возможно, что с апреля придется ограничиться 2 конвоями в месяц (вместо 3, намеченных на март), но мы в результате не пострадаем: каждый конвой будет больше, чем сейчас. Черчилль обещал подумать о перевыполнении московского протокола в течение марта и апреля. На мой вопрос, признает ли бритпра устное обязательство Бивербрука Сталину о 50%[-ном] увеличении поставок с 1 июля т[екущего]/г[ода]^{7*}, Черчилль ответил, что признает, но несколько неуверенно. Я сразу почувствовал, что по этому пункту пока полной ясности нет.

2) Бритпра гарантирует также максимальное разворачивание воздушной оффензивы против Зап[адной] Германии и оккупированных стран. Цель оффензивы отвлечь, по крайней мере, половину германского истребительного флота на запад. Оффензива должна не только бить по военным объектам (опыт показал, что точный прицел почти невозможен), но и по районам. Прежние ограничения для летчиков сняты: немецкое население будет страдать – пусть страдает. Ничего не поделаешь. Кстати, это будет отражаться на его морали. Эссен на днях был «ковентрирован». Та же участь ожидает и др[угие] германские города.

3) Бритпра гарантирует, что в случае применения немцами газов на восточном фронте оно применит газ против немцев в своих воздушных бомбардировках. Запасы газов в Англии очень велики. Если Сталин желает, можно было бы сделать заранее соответственное публичное предупреждение (Черчилль об этом снесется по телеграфу со Сталиным)^{8*}.

^{7*} См. ниже, запись от 18 марта.

^{8*} О заверениях Черчилля см. его послание Сталину, полученное 21 марта 1942 г. (Переписка... Т. 1. № 37. С. 51–52).

4) Бритпра гарантирует широкое развертывание рейдов на берега оккупированных стран (Франция, Бельгия, Норвегия и т.д.).

5) Бритпра обсудит вопрос о переброске части воздушных сил из Ливии в СССР, если в Ливии не будет возобновлена оффензива (Криппс и Ней^{9*} по дороге в Индию должны ознакомиться с положением в Ливии и прислать в Лондон свое заключение).

6) Бритпра рассчитывает оттянуть японцев на юг, ибо в планы его входит возобновление в течение ближайших 3–6 месяцев наступления в Тихом океане против островов Голландской Индии. Кроме того, энергичная оборона будет проводиться в Бирме и Австралии (которая вместе с Н[овой] Зеландией будет охраняться главным образом САШ), а также [на] Цейлоне. Последний укрепляется, и гарнизон его усиливается. Черчилль надеется, что японцев удастся задержать в Бирме: англичане посылают туда подкрепления людьми и авиацией, а также возложили командование на одного из своих лучших генералов [Г.]Александера. Плохие дороги и большие расстояния действуют против японцев. Если бы, однако, Бирма все-таки была бы потеряна, еще неизвестно, куда пошли бы японцы – в Китай или Индию? Попутно Черчилль сообщил такие данные о диспозиции японских сил: в Маньчжурии 20 дивизий, в Китае 14, в ЮВ Азии 29, в самой Японии 9, всего 72 дивизии. Отсюда как будто бы вытекает (если данные цифры точны), что пока японцы не собираются нападать на СССР.

7) Наконец, по вопросу о втором фронте в Европе Черчилль сказал, что он сейчас его изучает. При этом ясно было, что Иден уже говорил с премьером на данную тему после моей беседы с ним 12 марта. Я попробовал несколько уточнить вопрос и пустил в ход тот аргумент в пользу второго фронта, который так хорошо подействовал на Идена (необходимость тренировки английской армии в духе наступления). Черчилль реагировал на него не менее положительно, чем Иден. Он прибавил даже, что реализация второго фронта сейчас технически легче осуществима, чем был[а] в прошлом году, ибо англичане в настоящее время располагают большим количеством судов, приспособленных для десанта. Однако от каких-либо обещаний премьер решительно уклонился. Заметил я только одну перемену: в прошлом году всякий раз, когда я подымал вопрос о втором фронте, я встречал у Черчилля точно стену. Сейчас стены не было. Чувствовалось, что он готов всерьез обсуждать этот вопрос и притом с намерением что-то сделать, если по его расчетам это окажется возможным^{10*}.

Подводя итог этой части разговора, я чувствовал, что кое-что достигнуто. Не все, далеко не все, чего я хотел бы, но все-таки кое-что.

Как всегда, разговор носил не строго систематический характер. Были части цельные и законченные, но были части, когда беседа прыгала с предмета на предмет. Приведу некоторые более интересные блески.

Индия. Я вскользь затронул эту проблему. Черчилль откликнулся очень сердито и раздраженно.

– Криппс ничего не сможет там сделать, – отрывисто бросил премьер. – Индусы между собой не договорятся... С военной точки зрения это не так важно.

^{9*} Ней (Най) Арчибальд Эдвард – заместитель начальника имперского генерального штаба.

^{10*} Об истинной позиции Черчилля см. его меморандум от 10 июня 1942 г. (С. 129).

С военной точки зрения каспийско-левантийский фронт куда важнее Индии. Иное дело, конечно, политика, эмоции... Поживем – увидим.

Черчилль сделал резкое движение рукой и продолжал:

– Вообще индусы не исторический народ. Кто только не завоевывал их? Все, кто приходил в Индию с севера, становился в ней господином. На протяжении всей своей истории индусы почти никогда не пользовались настоящей самостоятельностью. Посмотрите на индийские деревни: каждая из них стоит на холме. Откуда взялся этот холм? В течение веков и тысячелетий каждая деревня строила свои мазанки из земли. Ежегодно в период дождей эти мазанки размывались. На месте старых мазанок строились новые опять из той же земли. В свою очередь и они размывались. И так шло из поколения в поколение. В результате росли холмы. Что это за народ, который на протяжении тысячелетий не мог додуматься до чего-нибудь лучшего?..

Черчилль отпил глоток вина и с еще большим раздражением заговорил:

– Я готов хоть сейчас уйти из Индии. Все равно нам там не жить. Но что тогда получилось бы? Вы думаете: свобода, процветание, развитие культуры и науки?.. Как бы не так! Если мы уйдем, прежде всего начнется всеобщая драка, гражданская война. В конечном счете мусульмане станут хозяевами, ибо они воины, а индусы болтуны. Да, болтуны!.. О, произносить прекрасные речи, принимать ловко сбалансированные резолюции, строить воздушные юридические замки – тут индусы большие мастера! Тут они в своей стихии! Но, когда дело доходит до дела, когда надо что-либо быстро решить, осуществить, привести в исполнение – нет, тут индусы пасуют! Тут сразу обнаруживается их внутренняя дряблость. Дряблость – ужасная вещь. Мы, англичане, перед войной и во время войны слишком часто обнаруживали эту дряблость. Американцы тоже. Я считаю, что ответственность за эту войну несут не только немцы, но и мы. Две вещи привели нас к нынешней катастрофе: преступность Гитлера и дряблость англичан и американцев. Но индусы по части дряблости еще гораздо хуже нас. Вот почему я считаю, что уход англичан из Индии не принесет ей добра.

Черчилль еще раз отхлебнул из своего бокала и с загоревшимися глазами закончил:

– Мне все равно, что теперь будет в Индии... Комитеты, советы, все, что угодно... Мы все равно оттуда уходим¹¹. Но тогда, с какой стати мы должны проливать свою кровь? Пусть индусы сами себя защищают!

Видно было, что Черчилль раздражен, что всякая мысль об Индии действует на него, как прикосновение раскаленного железа. Ясно было, что в такой обстановке кое-что он говорил сгоряча. Но все-таки как характерны высказывания премьера по этой полной величайшего исторического значения проблеме!

Совсем иное отношение у Черчилля к Ирану. Еще в августе прошлого года, когда наши и английские войска вступали в Иран, премьер с[о] страшным увлечением рассказывал мне о том, какие улучшения он предполагает произвести на трансиранской дороге, сколько паровозов и вагонов он туда пошлет и как эта заброшенная железнодорожная линия превратится в первоклассный путь по связи Англии и СССР в этой войне и после нее.

Сегодня он вновь вернулся к той же проблеме. Во время завтрака секретарь принес премьеру толстую папку с документами. Черчилль с удовлетворением взглянул на нее и, положив рядом с[о] своей тарелкой, кивнул секретарю, говоря:

– Да, да, это тот самый материал, о котором я собирался сегодня говорить с послом.

Потом Черчилль открыл папку и, глядя в длинные колонки таблиц, стал подробно передавать, что было сделано на трансиранской дороге за прошедшие 7 месяцев, сколько паровозов и вагонов было доставлено, в какой мере увеличилась пропускная способность дороги и т.д. Все это было, конечно, важно и интересно. Однако по сравнению с проблемой Индии трансиранский путь являлся мелочью. Между тем премьер говорил о нем с увлечением, почти с восторгом, обсасывал каждую цифру, подчеркивал каждый успех. Я слушал и невольно думал:

– Конечно, Черчилль большой человек и крупный государственный деятель. Конечно, ему 67 лет. И тем не менее в нем до сих пор осталось что-то мальчишеское: Иран – игрушка, которую он любит, Индия – игрушка, которую он не любит.

О Бивербруке и Криппсе премьер отзывался с большими симпатией и уважением. Уход Бивербрука, по его словам, был для кабинета вообще и для него лично большим ударом. Черчилль, однако, не теряет надежды, что «Макс» еще вернется в правительство. Он думает также об отправке Бивербрука в Москву с какой-либо официальной миссией. Черчиллю, видимо, импонирует «дружба» Бивербрука с т. Сталиным.

Что касается Криппса, то премьер заявлял, что с нетерпением ждет его возвращения из Индии. Криппс очень нужен в Англии, и Черчилль согласился на его поездку в Индию, только уступая собственному желанию Криппса.

Черчилль с восхищением говорил о Красной Армии и констатировал громадный рост симпатий и престижа СССР в Англии. Со смехом он прибавил:

– До чего дошло! Моя собственная жена совершенно советизирована... Только и говорит, что о советском Красном Кресте, о советской армии, о жене советского посла, которой она пишет, с которой разговаривает по телефону или выступает вместе на демонстрациях!^{11*}

И затем с лукавой искоркой в глазу Черчилль бросил:

– Не можете ли вы выбрать ее в какой-либо из ваших советов? Право, она заслуживает.

САШ. Черчилль просил нас не недооценивать их значения и роли. Правда, американцы слишком много говорят и слишком мало делают. Правда, они дьявольски плохо держат свои обещания по части поставок¹². Но все-таки они громадная сила, и они способны учиться. В качестве примера Черчилль привел историю гражданской войны в Америке, когда в первый год войны армии обеих сторон мало чем отличались от неорганизованного сброда, но зато на третий год войны достигли высокой степени совершенства.

Я ответил, что значение и роль САШ в этой войне и мы прекрасно понимаем, однако нас плохо устраивает мысль, что американцы будут располагать прекрасной армией в 1945 г.

^{11*} Об отношениях Клементины Черчилль с Агнией Александровной Майской см.: Дневник... Кн. 2, ч. 2. Примеч. 43 за 1943 г.

В сегодняшнем разговоре с премьером мне бросилась в глаза одна черта, которой я до сих пор у него не замечал: он полон «вечерних настроений». В ходе беседы у Черчилля раз даже вырвалось:

– Мне уже недолго осталось ходить по этой земле... Скоро превращусь в прах...

Та же нота звучала и в ряде других заявлений. Однако всякий раз при упоминании имени Германии Черчилль вспыхивал и загорался, а в глазах его начинали играть искорки бешенства. Общее мое впечатление сводится к тому, что Черчилль себя чувствует сильно на закате и собирает свои остающиеся еще силы и энергию на одной основной, все исключавшей цели – выиграть войну. Дальше этого он не смотрит и не думает.

Провожая меня до крыльца, Иден скороговоркой полушептал мне в ухо:

– Вам сегодня удалось много получить от премьера. Он был в хорошем настроении. Но его сейчас без нужды раздражают, выводят из себя критика в парламенте, подозрения печати... А между тем вы видите, что многое готовится, о чем пока еще рано говорить... У вас здесь много друзей... Если бы вы могли что-либо сделать для обеспечения премьеру более спокойной обстановки, – все мы от этого выиграли бы.

Возвращаясь из Чекерса, я думал:

– Как меняются времена!.. На днях Мур-Брабазон приходил ко мне с оправданиями и в поисках помощи для исправления своей репутации. А вот теперь Иден просит меня подкрепить несколько пошатнувшееся положение премьера... Все это лишь отражение одного основного факта – могущества СССР, которое теперь стало ясно всему миру.

17. 3.42. Иден

Совещались о договорах. Галифакс прислал запись заявления Рузв[ельта] Литвинову, переданную ему Самнер Уэллсом* для сведения. Заявл[ение] длинное (две стр[аницы] на машинке через один оборот). Осн[овные] пункты: ввиду сост[ояния] ам[ериканского] общ[ественного] мнения Р[узвельт] был «встревожен», узнав об англо-сов[етских] переговорах по гран[ице] 1941 г., хотел бы глубже изучить вопрос, ни в коем случае не мог бы одобрить секр[етный] дог[овор], что^{2*} не мог бы подписать к[акой]-л[ибо] дог[овор] о будущ[ей] гран[ице] сейчас. Однако Р[узвельт] поним[ает] необх[одимость] для СССР такой гран[ицы], кот[орая] гарантир[овала] бы от повтор[ения] герм[анского] напад[ения] через 10–15 лет. Р[узвельт] готов на 100% облегч[ить] нам получение такой границы, но после войны. Р[узвельт] упомин[ал] об Атл[антической] Харт[ии] (одностор[оннее] разоружение Герм[ании]), но чрез[вычайно] важн[о] взаимн[ое] дов[ерие] м[ежду] СССР и США. Надежда на получ[ение] ответа от Ст[алина]. Подробностей беседы Р[узвельта] и Литв[инова] Галифакс не общал.

Иден спраш[ивал]: что теперь делать? Несмотря на холодн[ый] душ из США, договора надо скорее подписать. Видно было, однако, что телегр[амма] Гал[ифакса] его расстроила. Я стал его успокаивать. Бритпра должно «взять

* Самнером Уэллесом.

^{2*} Так в тексте.

мужество в свои руки»^{2*}. Заяв[ление] Р[узвельта] больше «перестраховка», чем протест. Он бьет по несуществ[ующим] целям. Никто не говорит о секр[етном] дог[оворе], никто не приглашает его что-либо подписывать. К тому же по существу он признает правильность н[аших] треб[ований]. Иден неск[олько] успокоился и повеселел.

После обсуждения Иден пришел к выводу: пусть Ст[алин] ответит (заявление адресовано ему), а потом Иден ответит в том же духе. После того мы приступим к оформл[ению] договоров. Ответ Ст[алина], по мнению Ид[ена], следовало бы построить на след[ующих] мыслях: нет речи о секретн[ом] договоре, никто не приглашает САШ что-либо подписывать, безопасн[ость] СССР треб[ует] границы 1941 г., призн[ание] ее сейчас нужно для установл[ения] доверия м[ежду] А[нглией] и СССР.

Прошу Москву прислать мне копию ее ответа Рузв[ельту] и сообщить подр[обности] о беседе Рузв[ельт]–Литв[инов].

[Далее в Дневнике помещена подборка документов, касающихся обмена посланиями между Черчиллем и Сталиным за период 10 февраля – 26 апреля 1942 г. Даны ссылки на опубликованные тексты переписки:]

Содержание послания Черчилля С[талину] (от 10.2.42)*

Нет слов для выражения нашего восхищения блестящими успехами совармий. Не могу воздержаться от посылки вам еще раз «моих поздравлений за все то, что Россия делает для нашего общего дела».

Содержание ответного послания С[талину] Черчиллю (от 14.2.42)^{2*}

Благодарю за ваше поздравление по поводу успехов Красной Армии. Несмотря на все трудности, не сомневаюсь, что союз СССР, Великобритании и США разобьет врага и одержит полную победу.

Содержание послания Черчилля Сталину (9.3.42)^{3*}

1. Послал Рузвельту письмо, в кот[ором] просил его одобрить наше с вами соглашение о границах России в конце войны.

2. Дал твердые указания не задерживать и не прекращать посылку вам обещанного нами снабжения.

3. Сейчас, с улучшением сезона, возобновляем серьезные воздушные операции против Германии. Изучаем также все другие меры, могущие облегчить наше положение.

4. Успехи русских армий и страшные потери, которые несет враг, поднимают наш дух в этот страшный период войны.

Содержание ответа Сталина Черчиллю (14.3. 42)^{4*}

1. Благодарю вас за меры, принятые бритпра в целях непрерывности снабжения СССР и усиления воздушных операций против Германии.

Содержание послания Черчилля Сталину (от 20.3.42 г.)^{5*}

Большое спасибо за вашу телеграмму от 14.3. Бивербрук отправился в Вашингтон для того, чтобы содействовать более гладкому решению вопроса о договоре (послевоенные отношения между СССР и Англией) с президентом. На прошлой неделе посол Майский был у меня на ланче

* Текст послания Черчилля, полученного Сталиным 11 февраля 1942 г., см.: Переписка... Т. 1. № 32. С. 49.

^{2*} См.: Там же. № 33. С. 49.

^{3*} Текст послания Черчилля, полученного Сталиным 12 марта 1942 г. см.: Там же. № 35. С. 50.

^{4*} См.: Там же. № 36. С. 51.

^{5*} Текст послания Черчилля, полученного Сталиным 21 марта 1942 г. см.: Там же. № 37. С. 51–52. [Рукописное замечание перед документом: «этого не перепечатывать. И.М.».]

и говорил о наличии симптомов того, что немцы могут пустить в ход газы на вашем фронте во время весеннего наступления. После консультации с моими коллегами и начальниками штабов могу заверить вас, что бритпра будет реагировать на применение газов против России совершенно так же, как если бы эти газы были применены против нас. У нас имеется огромный запас газовых бомб, и мы пустим их в ход во время воздушных бомбардировок Зап[адной] Германии с момента применения газов против ваших армий и населения.

Возникает вопрос, не следовало ли бы публично предупредить немцев о нашем намерении? Это могло бы их удержать. Сообщите, что вы думаете по данному поводу, а также, имеется ли достаточно доказательств готовности немцев применить газ, чтобы оправдать такое предупреждение. Конечно, прежде, чем сделать подобный шаг, я должен иметь достаточно времени для того, чтобы привести в состояние готовности наши противогазовые меры.

Прошу вас дать возможность нашему новому послу (К. Керру) лично передать вам это послание и обсудить его с Вами. Посол провёл 4 года в Китае, хорошо знаком с Чанкайши^{6*} и является моим старым другом.

Содержание ответного послания Сталина Черчиллю (от 27.3. 42)^{7*}

1. Благодарю за послание, недавно переданное мне К.Керром. Я имел с ним длинный разговор и уверен, что наша совместная работа будет протекать в атмосфере взаимного доверия.

2. Выражаю вам благодарность совпра за ваше заверение, что бритпра будет рассматривать применение немцами газов против СССР, как если бы это оружие было применено против Великобритании, и что английские воздушные силы немедленно пустят в ход против подходящих объектов в Германии большие запасы имеющихся в Англии газовых бомб.

3. У нас имеются сведения, что финны также собираются применить газы. Я желал бы, чтобы вы в своем заявлении распространили свое предостережение и на этот случай.

4. Считаю желательным, чтобы бритпра в ближайшем будущем сделало публичное заявление, о котором вы говорите в своем послании, распространив его действие и на Финляндию.

5. Разумеется, в случае желания бритпра мы сделаем аналогичное предупреждение немцам на случай применения ими газов против Англии.

6. Совпра считает, что британское предупреждение должно быть опубликовано не позднее конца апреля или начала мая.

7. Совпра хотело бы получить из Англии некоторые химикалии, необходимые на случай советской газовой контратаки против Германии. Если вы не возражаете, могу прислать в Англию в связи с этим своего специалиста.

Содержание послания Черчилля Сталину (от 9.4. 42 г.)^{8*}

1. В начале мая сделаю обещанное заявление по поводу возможности газовых атак, распространив его действие и на Финляндию, хотя я не вижу, что мы могли бы фактически сделать против последней.

2. Пожалуйста, присылайте своего специалиста. Мы окажем ему всяческое содействие.

3. Мы можем дать вам минимум 1000 тонн горчичного газа и 1000 тонн bleaching^{9*} даже еще до приезда вашего специалиста.

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 22.4. 42 г.)^{10*}

1. Благодарю за готовность сделать в начале мая предупреждение Германии и Финляндии, а также дать нам по 1000 т горчичного газа и хлорина^{11*}. Нам, однако, сейчас более срочно нужны calcium hypochloratum^{12*} (1000 т) и хлорамин (1000 т) или жидкий хлорин в цилиндрах (2000 т)^{13*}, — нельзя ли это получить? Совпра направляет в Англию по всем таким делам замнаркома химпрома Андрея Касаткина.

^{6*} Далее — Чан Кайши.

^{7*} Правильная дата ответного послания Сталина Черчиллю — 29 марта 1942 г. См.: Переписка... Т. 1. № 38. С. 52–53.

^{8*} Текст послания, полученного Сталиным 10 апреля 1942 г., см.: Там же. № 39. С. 53–54.

^{9*} Хлор (англ.).

^{10*} Текст послания Сталина см.: Переписка... Т. 1. № 40. С. 54–55.

^{11*} 1000 т иприта и 1000 т хлора.

^{12*} 1000 т гипохлорида кальция.

^{13*} 2000 т жидкого хлора в баллонах.

2. Несколько дней назад мы получили от Идена проект двух договоров между СССР и Англией^{14*}, который в некоторых отношениях значительно отличается от обсуждавшегося в Москве. Так как возникающие отсюда разногласия трудно разрешить путем переписки, совпра решило направить в Лондон Молотова, чтобы путем личных переговоров урегулировать все вопросы и подписать договора. Такой путь предпочтительнее еще [и] потому, что Рузвельт пригласил Молотова в Вашингтон для обсуждения вопроса о втором фронте в Европе.

Содержание послания Черчилля Сталину (от 26 апреля 1942 г.)^{15*}

Благодарю за послание от 22.4. Бритпра будет радо видеть здесь Касаткина и окажет ему всяческое содействие после обсуждения с ним ваших потребностей.

Бив[ербрук]*

18/3

В «Савое». Приподн[ятое] настроение Б[ивербрука]: «дела идут хорошо» (видел сего[дня] Черч[илля], кот[орый] решил законч[ить] с догов[орами], обеспеч[ивающими] выполн[ение] моск[овского] прот[окола]; склон[яется] к 2[-му] фронту). – Б[ивербрук] согл[асился] поехать в США в кач[естве] предст[авителя] А[нглии] в Объед[иненном] Сов[ете] по снабж[ению]. Поруч[ение] Ч[ерчилля] и И[дена] возд[ействовать] на Р[узвельта] в вопросе о договорах. Б[ивербрук] заявл[яет, что] едет в США гл[авным] обр[азом] для сов[етских] дел: договора + объем ам[ериканской] части проток[ола]^{2*}. – Письмо Б[ивербрука] о 50%[-ном] увелич[ении] с 1/7/42 вм[есто] речи в палате лордов (не успеет). – Б[ивербрук] рассчит[ывает] пробыть в США неск[олько] недель. – Мое впец[атление]: Ч[ерчилль] хочет сплавить Б[ивербрука] из А[нглии].

19.3.42

Был у Бивербр[ука] в «Савойе». Застал Гарримана с дочкой. Б[ивербрук] просил отправить Ст[алину] прилагаемую телеграмму. Я обещал. Дело это согласовано с Иденом (последний мне звонил).

На прощанье Б[ивербрук] подчеркивал, что ставку надо ставить на [19]42, а не [19]43 год. Теперь же надо оказать всемерную помощь СССР. Б[ивербрук] стимулирует в прав[ительственных] кругах идею 2[-го] фронта, имеет сейчас, как своб[одное] лицо, больше возможн[остей], чем раньше. Я стал, было, благодарить Б[ивербрука] за его линию. Он отмахнулся и сказал:

«Я делаю все это не потому, что я люблю СССР, а потому, что я люблю Бр[итанскую] империю. Но сейчас нельзя любить Бр[итанскую] империю, не ставя ставки на СССР».

Содержание телеграммы Бивербрука Сталину (19 марта 1942 г.)

Сегодня утром отправляюсь в Вашингтон для обсуждения с президентом границ (СССР) 1941 [г.] Переговоры должны быть секретны, но возможно мне понадобится сноситься с вами по их поводу через Литвинова. Дайте Майскому инструкции информировать Литвинова о моих планах. Об них знают только премьер и Иден.

Черкли, Ледерхед, Саррей.

^{14*} Имеются в виду проекты военного и политического договоров между СССР и Англией.

^{15*} Послание Черчилля, полученное 27 апреля 1942 г., см.: Переписка... Т. 1. С. 55.

* Рукописный текст.

^{2*} Имеется в виду протокол о поставках в СССР.

29/3/42

Ст[алин] телегр[афировал] Бив[ербруку] в ответ на его тел[еграammu] от 19/3:

Благодарю Вас за послание. Надеюсь, что В[аше] присут[ствие] в САСШ благопр[иятно] скажется также на поставк[ах] Ам[ерики] Сов[етскому] Союзу, кот[орые] предст[авляют] теперь наиболее акт[уальную] проблему.

20.3.42

Была делегация лейбор[истов] (Симур Кокс*, Мильнер, Белленджер, Ридлей, Бомонт²) от имени больш[инства] лейб[ористской] фракции, кот[оторое] глубоко встревожено. Дела идут плохо. Англ[ия] терпит поражения. Стратегия бритпра обанкротилась. На гориз[онте] при[з]рак проигр[анной] войны. Страна должна проснуться, перестроиться, мобилизоваться, перейти к наступлению и прежде всего создать тесную дружбу с СССР. Иначе А[нглии] грозит гибель. Но пра медлит, колеблется, не проявл[яя] боев[ого] духа, энергии, решит[ельности]. Лейб[ористы] задают вопросы своим министр[ам], те (особ[енно] Эттли) увиливают. Больш[инство] фракции решило послать ко мне депут[ацию], чтобы узнать истину. Я удов[летворил] интерес делегации, указав на важность 2[-го] фронта. Гости мои были с эти[м] вполне согласны. Обещали немедленно же атаковать своих министров. Один из делег[атов] воскликнул: «ах, если бы ваши генералы могли приехать в А[нглию], чтобы поучить нашу армию методам совр[еменной] войны!»

Приезжал лорд Моттистон – твердолобый, ген[ерал] в отставке, в прошлом высокие посты (в т.ч. воен[ный] мин[истр]), 74 г., антисов[етский] герой, поддерживал кампанию в связи с «письмом Зиновьева»³*. Цель визита М[оттистона] такая: он возмущен инструк[циями] МВД на случай вторжения, рекоменд[ующими] насел[ению] «оставаться на месте» и «соблюд[ать] spok[ойствие]» (драться будут люди, одетые в форму), говорит, что они составлены англ[ийскими] квислингами. М[оттистон] будет ставить вопрос в палате лордов, также протестовать пред премьером. Он хочет знать наши «инструкции» на этот случай. Я дал М[оттистону] речи Ст[алина]. Он обещал их цитировать. М[оттистон] полностью разделяет наш взгляд на 1942 г., стоит за 2[-й] фронт. В заключение М[оттистон] воскликнул: «нет, вы, большевики, великолепны! Вы очень хорошо деретесь! Вы спасли нас, цивилизацию. А я-то еще выступал против вас!»

Я спросил с улыбкой:

– М[ожет] б[ыть], вы признаете теперь кое-что здоровое в нашей системе?

– Конечно, признаю. Я – солдат. Раз вы сумели создать такую армию, – значит, в вашей системе есть что-то здоровое.

* Так в тексте.

* Кокс Сеймур – член палаты общин.

² Ридли Джордж – председатель Исполнительного комитета БКТ. Данные об остальных лицах не выявлены.

³ «Письмо Зиновьева» – фальшивка, использованная консерваторами против лейбористов на выборах 1924 г. (см.: Дневник... Кн. 1. С. 352).

21.3.42

Будущее Де Голла*.

Недели две назад драка м[ежду] Д-Г* и Муселье^{2*}. Они давно не ладили. В сентябре–октябре п[рошлого] г[ода] их мирили Иден и [А.В.]Александр. Кое-как уладили, но ненадолго.

Д-Г отправил М[юзелье] занимать Сен-Пьер и Микелон^{3*} (Нью-Фаундленд). Во время операций посылал М[юзелье] якобы инструкции, с[о]гласованные с Ч[ерчиллем], на самом деле противоположные. Нач[альник] штаба М[юзелье] в Лондоне узнал подл[инные] инстр[укции] Ч[ерчилля] и тайно от Д-Г протелеграфир[овал] их М[юзелье], но опоздал. Адмирал тем временем уже соверш[ил] ряд актов, с кот[орыми] был несогласен и кот[орые] ставили его в конфл[икт] с Адмиралтейством. По возвр[ращении] М[юзелье] в Англию потребовал отчета у Д-Г. Произошел остр[ый] конфл[икт]. М[юзелье] ушел из «Нац[ионального] Сов[ета]»^{4*} Д-Г. Тогда Д-Г снял его с команд[ования] флотом. Вместе с М[юзелье] ушло много др[угих] моряков. Ряд Д-Г воен[ных] судов не мог выйти в море из-за отсутст[вия] или дезорг[анизации] команд[ования]. Д-Г собрал в морск[ом] клубе офицеров своего флота и потреб[овал] присяги. Явился М[юзелье] и выступил прот[ив] Д-Г. Вышел скандал, оба ушли из клуба, офицеры чуть не подрались. Адмир[алтейств]о ничего об этом не знало. Когда узнало, взяло сторону М[юзелье] и просило Идена потребовать от Д-Г восстановл[ения] М[юзелье] в качестве команд[ующего] Д-Г флотом. Иден не захотел навязывать М[юзелье] генералу, зная их отнош[ения], но пригласил Д-Г к себе для разговоров. Д-Г потреб[овал] в качестве предв[арительного] усл[овия] признания Иденом смещения М[юзелье]. Иден отказал. Д-Г тогда заявил, что не пойдет к Идену.

В теч[ение] неск[ольких] дней Д-Г упорств[овал]. Наконец, пришел к Идену. Длинный и горячий разговор. Один момент^{5*} оба вскочили, стали, как петухи, друг против друга, и стали кричать друг на друга. Д-Г, вытянувшись во весь рост и ударяя себя в грудь, воскл[икнул]: «Я – Жанна Д'Арк! Вы можете меня сжечь на костре, как англичане раз уже сожгли Жанну Д'Арк, но вы не можете заставить меня изменить свои взгляды!» Д-Г требовал заключения М[юзелье] в крепость. Иден отказал. Бритпра решило изъять флот от Д-Г и подчинить его целиком Адмир[алтейству]. Иден считает, что этого мало: надо почистить окружение Д-Г. Он просил меня помочь. Хотел прислать [Ч.] Пика (представитель ФО при Д-Г) ко мне для разговоров.

Я не возражал, ибо согласен с Иденом. Пора провести чистку. Окруж[ение] Д-Г – кагуляры и проходимцы. Есть почти наверняка немецкие агенты. Сам Д-Г ничего не понимает в политике, сочувствует фашизму итальянск[ого] типа, не умеет руководить людьми (со всеми ссорится). Вообще в вожди мало годится. Тем важнее его окружение. Придется поработать.

* Де Голл; Д-Г – Голль Шарль де, генерал.

^{2*} Далее – Е. Мюзелье – вице-адмирал.

^{3*} Об операции на о-вах Сен-Пьер и Микелон см.: *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* США и Франция в годы войны. 1939–1945. М., 1974. С. 158–160.

^{4*} Речь идет о Французском национальном комитете.

^{5*} Так в тексте.

23.3.42.

Сообщил Идену, что совпра решило по существу не отвечать на заявление Руз[вельта] Литвинову, рассматр[ивая] его лишь как информ[ацию], а только поручить М. М. передать президенту, что его заявление принято совпра к сведению. Иден был ошарашен. Я его успокоил: у нас нет никаких обязательств в отношении САШ, и мы Рузвельта ни о чем не запрашивали. Наше поведение при таких условиях вполне естественно. Иден неск[олько] успокоился и под конец заявил, что, поскольку наш ответ Р[узвельту] дан, теперь очередь за англичанами. В течение ближ[айших] 2–3 дней он уведомит меня о решении бритпра.

Иден выражал большое удовольствие по поводу первой беседы [А.] Керра с Мол[отовым].

24.3.42

Первый визит Керра к Молот[ову].

Керр выраз[ил] сожал[ение], что покинул Кит[ай], сказ[ав], что горд назнач[ением] в СССР.

Мол[отов] замет[ил], что у нас осталось хор[ошее] впечат[ление] от работы Кр[иппса] в СССР, надеется, Керр будет так же успешен. – Мы считаем [19]42 г. в борьбе с Г[итлером] решающим. Г[итлер] готовит вес[еннее] наступл[ение]. Делаем все, чтобы помешать орган[изации] этого наступл[ения]. По всему фронту идут непрер[ывные] атаки сов[етских] войск: нигде не дать немцам передышки, сорвать планомер[ную] подгот[овку] наступл[ения]. Если А[нглия] и САШ будут делать то же там, где они могут наносить удары гитлер[овцам], задача достигнуть в [19]42 г. поворота будет достигнута. Но это треб[ует] напряж[ения] всех сил. Только в этом случ[ае] главн[ый] агрессор – г[итлеровская] Г[ермания] – получит по заслугам. – Мол[отов] надеется, что Керр, понимая англ[ийские] интер[есы], проникн[ется] также пониманием интер[есов] СССР. Споры возможны, но интер[есы] обеих стран сейчас настолько совпадают в самом существенном, что это имеет реш[ающее] значение.

Керр соглас[ился]. Рассчит[ывает] на поддержку Мол[отова]. Приложит все усилия. Есть подозр[ения], недоразум[ения], но их можно преодолеть легко. Ч[ерчилль] и И[ден] заинтер[есованы] в разрешении послевоен[ных] проблем «большой тройкой». Бритпра готово по возм[ожности] поддерж[ать] все пожел[ания] СССР по этим вопр[осам].

Керр вручил послание Ч[ерчилля] к Ст[алину] от 20.3.

1.4.42

Кризис империи

Особенно стал заметен со времени нападения Яп[онии]: Малайя и Сингап[ур] по[т]еряны. Бирма накануне потери. Австр[алия] и Н[овая] Зел[еландия] отданы под воен[ный] протекторат САШ. Индия «уходит» из БИ* (Черч[илль] признал это в разговоре со мной 15.3.[19]42). ЮА холодна к А[нглии], в ней много про-немцев. В Ирл[андии] до сих пор герм[анское] и ит[альянское] посольства. Канал немец[кого] шпионажа. Канада лояльна, но в договоре с нами об устан[овлении] конс[ульских] отношений не пожелала именоваться доминионом^{2*}. Влияние

* Британская империя.

^{2*} См. ниже, запись от 5 апреля.

САШ в Кан[аде] все усилив[ается]. В Ю[жной] Америке САШ вытесн[ают] Англию из ее командн[ых] эконом[ических] высот. В сев[ерной] и центр[альной] Амер[ике] бритпра вынуждено было отдать САШ ряд важн[ейших] воен[ных] баз. Сингапур резко поставил вопрос: крепко ли брит[анское] господство в др[угих] колониях?

Что все это означает? Распад БИ? Преждевременно. Налицо «кризис». Может кончиться распадом или трансформацией. Зависит от разных условий, основное – от поведения брит[анского] господств[ующего] класса. Имеет еще карты в руках – сумеет ли сыграть? Посмотрим. Если пойдет вовремя на надл[ежащие] перестройки, будет трансформ[ация]. Если нет, будет распад.

Что значит трансформация? Сумма суммарум из разговоров, чтения и пр.: 1) Доминионы после войны превращаются в независ[имые] гос[ударст]ва, но создается военно-политич[еский] союз этих гос[ударст]в с метрополией. 2) Индия становится самостоят[ельной] де-юре или де-факто, но бритпра заключ[ает] с ней ряд выгодных экономич[еских], политических и военн[ых] соглашений (пример Египта). 3) Остальн[ая] империя (гл[авным] обр[азом] Африка) – реформы, большее или меньшее приобщение туз[емного] насел[ения] к различн[ым] формам и отн[ошениям] самоуправления. Так мыслят себе трансформ[ацию] люди вроде Идена и Бивер[брука], Эттли и Гринв[уда], Синкл[ера] и Л-Д. Если бы она осуществ[илась], кое-что госп[одствующему] классу осталось бы даже в случае потери известн[ых] куск[ов] БИ.

Шансы осуществл[ения] трансфор[мации]? Трудно сказать, но симптомы пока говорят о попытках нащупать пути трансф[ормации]. Чемберлен был могильщиком империи, но влияние чемберл[еновцев] в пра[вительстве] сокращается (особенно после февральск[ой] реконструкции^{2*}), черчил[евское] крыло усиливается. Сам Черчилль не годится в вожди трансф[ормации] (стар, закоснел в старых импер[ских] традициях), но дает волю Идену, Кренборну и т.д. Кренборн – министр колоний. Характерно. Поездка Криппса в Индию. Дискуссия в офиц[иальных] кругах о колониальн[ой] реформе. Тенденция ясна. Достаточны ли темпы? Только факты покажут.

5 апреля (Бовинглон. пасха)

Послевоенная реконструкция. Нет, пожалуй, лозунга, который был бы сейчас более популярен в Англии, чем этот. А практические результаты? Они пока равны нулю. Я имею при этом в виду, конечно, не самую реконструкцию, которая может быть начата по-настоящему только после окончания войны, а разработку проблем и подготовку планов для этой реконструкции.

В чем дело?

Часто приходится слышать: дело будто бы в том, что [А.] Гринвуд, который в военном кабинете ведал вопросами послевоенной перестройки Англии, – слабый человек и пьяница. Еще чаще указывают на то, что Черчилль не интересуется послевоенными проблемами. Он говорит: «Мое дело выиграть войну, а в послевоенной каше пусть разбирается кто-либо другой».

Маленькая доля истины несомненно содержится в таких объяснениях, но только маленькая. Основная причина бесплодия работ по реконструкции после войны коренится не в этом. Основная причина сводится вот к чему: буржуазия любит думать о будущем и строить планы на будущее, когда она идет в гору.

Она не любит думать о будущем и строить планы на будущее, когда она катится под гору. А ведь британская буржуазия сейчас катится под гору и притом довольно быстро. Удивительно ли, что мысль ее как раз избегает проблем послевоенного порядка? Нисколько не удивительно. Ибо, судя по всем симптомам, будущее не предвещает английской правящей верхушке ничего хорошего.

В чем эти симптомы?

Ярче всего они в «имперской» области. Ряд фактов свидетельствует, что далеко не все здесь благополучно. В начале 1940 г. я как-то писал, что (к тому моменту) Империя выдержала успешно испытание войны: за исключением Ирландии, все остальные доминионы и даже многие колонии без колебаний [в]стали на сторону метрополии и развернули широкую мобилизацию своих ресурсов на поддержку войны. Сейчас, два года спустя, положение совсем, совсем иное. Перечислю важнейшие факты:

Малайя и Сингапур потеряны. Бирма накануне потери. Австралия и Н[овая] Зеландия отданы под военное покровительство США, ибо бритпра чувствует свою неспособность оказать им эффективную помощь. Судьбы Индии как раз сейчас на карте: как бы, однако, ни кончилась миссия Криппса, совершенно очевидно, что Индия, как прежняя Индия, потеряна для англичан*. Черчилль это прямо признал в последнем разговоре со мной (16 марта). ЮАфрика всегда была прохладна в своих отношениях с метрополией – сейчас это чувствуется отчетливо. Достаточно вспомнить хотя бы наши разговоры с южноафриканцами по вопросу о процедуре назначения генконсула в Преторию. Канада более лояльна, чем ЮАфрика, однако и она не захотела, чтобы в советско-канадском договоре об установлении консульских отношений^{2*} канадское правительство именовалось, как «правительство доминиона Канада», а потребовало, чтобы оно называлось просто «правительство Канады» (что и было сделано). Катастрофа в Малайе и Бирме резко поставила в порядок дня вопрос: а крепче ли основы британского господства в других колониях, в частности и в особенности в Африке? В Ю[жной] Америке, особенно в Аргентине, Англия совершенно очевидно теряет свои экономические позиции в пользу США.

Что означают все эти и многие другие аналогичные факты? Распад империи?

Я воздержался бы сейчас от такого заключения. Положение неясное. Все перечисленные факты могут означать начало распада Империи, но они могут также означать лишь переходную фазу в трансформации Империи. Все зависит от «духа» Англии, т.е. в первую очередь ее господствующего класса. Если руководящая верхушка не сумеет проявить необходимой гибкости и вовремя пойти на достаточные уступки отдельным частям Империи, распад последней в результате войны станет неизбежным. Если же, наоборот, руководящая верхушка сумеет проявить указанные качества, возможна трансформация Империи. Приведу один пример: пусть Индия после войны станет доминионом или даже формально независимой страной, но, если бритпра сумеет вовремя подписать с ней соответственные торговые, политические и военные соглашения, как это

* В августе 1947 г. Индия и Пакистан получили независимость, а два года спустя слово «Британское» было снято из названия Содружества наций.

^{2*} Соглашение об обмене консульскими представителями СССР и Канады было заключено 5 февраля 1942 г., а 12 июня 1942 г. подписано соглашение об установлении между двумя странами прямых дипломатических отношений и об обмене посланниками.

когда-то сделано было с Египтом, Англия еще сможет удержать в Индии значительную часть своих позиций. То же относится и к другим частям Империи.

В каком из этих двух направлений идет ход событий? Общее мое впечатление, что ход событий идет во втором направлении, т.е. руководящая верхушка делает сейчас большие усилия, чтобы сохранить, что можно еще сохранить, из своих позиций в Империи и внутри страны. Об этом ясно свидетельствует последняя реконструкция правительства. Об этом ясно свидетельствует поездка Криппса в Индию. Об этом свидетельствует горячая дискуссия, идущая сейчас в прессе и политических кругах, о необходимости срочных и радикальных реформ в колониальной системе Великобритании¹³.

Так в области имперской. В области внутренней тоже имеются любопытные симптомы. Один из них смена лиц на посту архиепископа Кентерберийского: реакционный антисоветский доктор Ланг^{3*} по старости (78 лет) вышел в отставку и на его место назначен прогрессивный «social reformer» доктор Темпл^{4*} (60 лет), бывший архиепископ Йоркский. Левый (и несколько дикий) либерал Ричард Эклэнд^{5*} мне на днях рассказывал, как он недавно выступал в Ливерпуле на собрании 200 попов с докладом «Христианство и политика». Эклэнд защищал положение в духе прошлогодней церковной конференции в Молверне о том, что частная собственность на орудия производства несовместима с учением христианства. В конце Эклэнд задал вопрос: кто из присутствующих за созов конференции, которая ясно и твердо сделала бы такое заявление? 90% слушателей подняли руки. Несколько дней назад в «Таймсе» появилось письмо за подписью ряда крупнейших магнатов из Сити с требованием к правительству лучше использовать предоставленные ему еще весной 1940 г. права для подчинения частных интересов общественным^{6*} в годовину второй мировой войны. Можно было бы сильно увеличить количество фактов подобного рода.

Если к сказанному еще прибавить, что наряду с Сингапуром имеются Тобрук и Мальта, что моряки торгового флота на протяжении всей войны дают прекрасный образец скромного, но подлинного героизма, что в тяжелые дни Battle of Britain^{7*} все население Англии обнаружило исключительные мужество и выдержку, то возможность трансформации Британской империи в результате войны отрицать никак не приходится. Возможность! Ибо колоссальную роль играют темпы. А вот насчет темпов у англичан далеко не все благополучно. И только будущее покажет, достаточны ли их нынешние темпы перестройки для того, чтобы избежать распада и реализовать трансформацию Брит[анской] империи.

Однако если эта трансформация даже удастся, каков будет ее результат с точки зрения господствующего класса Англии?

В самом лучшем случае трансформация будет означать сильное сокращение возможностей эксплуатации и, стало быть, сильное сокращение прибылей. Сюда надо прибавить финансовые и экономические последствия колоссальных военных расходов, а также полную дислокацию мирового товарооборота, ко-

^{3*} Далее – Лэнг Космо Гордон – архиепископ Кентерберийский.

^{4*} «Социал-реформатор» (англ.). Темпл Уильям – архиепископ Кентерберийский в 1942–1944 гг.

^{5*} Далее – Эклэнд Ричард – левый либерал.

^{6*} Имеется в виду Акт о чрезвычайных полномочиях от 22 мая 1940 г. См.: Дневник... Кн. 2, ч. 1. Примеч. 64 за 1940 г.

^{7*} Битва за Англию (англ.).

торая явится последствием войны. Совершенно очевидно, что английский господствующий класс идет навстречу обеднению со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он быстро катится вниз. Это частью сознают, частью инстинктивно чувствуют его представители. Вот почему они так неохотно обращаются мыслью к будущему. Вот почему они будут делать в сфере подготовки планов послевоенной реконструкции только то, что их заставит сделать давление собственных низов и СССР. Вот почему так плохо шла работа Гринвуда и, очевидно, плохо будет идти работа его наследника Jowitt'a^{8*}, которому по совместительству с его основной должностью Paymaster General^{9*} теперь поручено также ведать делами послевоенной реконструкции. Черчилль может иметь чисто субъективное нерасположение к этим проблемам, но в данном случае субъективный момент прекрасно совпадает с объективным: в нерасположении премьер хорошо отражает дух своего класса.

А дух этого класса сейчас очень встревоженный и мрачный. Как-то недавно я был на «ланче» у банкира Ротшильда. Присутствовало 7–8 человек из Сити, в том числе Sir Ockland Geddes^{10*}. Я осторожно навел разговор на послевоенные перспективы. Сразу же обнаружилось, что я нажал на «любимую мозоль». Загорелся острый спор. Присутствующие раскололись на три группы: одни считали, что по миновании военного кошмара все более или менее вернется к старому порядку и Сити опять процветет, другие (в том числе Geddes), наоборот, заявляли, что капитализм, как его знали до войны, умер и что теперь на его место придет «планирование» (хотя никто не мог точно сказать, что именно он понимает под этим термином), третьи занимали промежуточную между первыми двумя группами позицию. Хозяин подвел итог дискуссии характерным замечанием: «жена мне строго запрещает думать о будущем, чтобы не было бессонных ночей».

Какая хорошая иллюстрация к современному состоянию умов среди представителей господствующего класса!

И еще одна иллюстрация того же: вот уже почти три месяца, как я вручил бритпра и др. союзникам наш проект реорганизации «Межсоюзного Комитета по сырью и продовольствию после войны» (так наз[ываемый] Комитет Лис-Росса^{11*}), проект, который должен придать этому Комитету характер более серьезного и делового учреждения, но до сих пор от бритпра^{12*} не получено никакого ответа.

Нет, не хочется английской буржуазии думать о будущем!

6 апреля

Продолжая мысли, которые я записывал вчера, прихожу к такому выводу:

Какова будет мировая панорама после окончания этой войны? Конечно, окончания, которого мы желаем и на которое рассчитываем.

Германия, Италия, Япония разбиты и на долгое время ослаблены. Франция в процессе медленного и болезненного восстановления, но потерявшая позицию великой державы. Британская Империя сильно ослаблена (беру наилучший для

^{8*} Джоунт Уильям Аллен – лейборист.

^{9*} Главный казначей (англ.).

^{10*} Геддес (Geddes) Оклэнд Кемпбелл, барон – председатель компании «Рио-Тинто».

^{11*} Далее – Лейт-Росс Фредерик Уильям – главный экономический советник британского правительства.

^{12*} Далее до конца фразы вписано от руки.

нее вариант – не распад, а трансформацию). Китай торжествующий, но зализывающий свои раны и с большим трудом собирающий свои силы.

Две державы на этом общем фоне будут представлять несколько иную картину – СССР и США.

СССР, конечно, тоже должен будет залечивать раны, но он на исходе войны с его мощной армией, обширной индустрией, механизированным сельским хозяйством и богатыми сырьевыми ресурсами явится крупнейшей международной силой. Социалистическая система поможет СССР быстрее, чем другим странам, изжить тяжелые последствия войны.

США, в свою очередь, будут представлять собой вторую крупнейшую международную силу, так как, судя по всему, они меньше всего пострадают от войны и полнее всего сохранят свои силы. Американская армия, вероятно, будет готова к серьезным боям уже после окончания войны. Вместе с тем эта армия плюс мощные флот, авиация и военная индустрия сделают США после войны очень могущественными.

СССР и США в послевоенный период будут олицетворять два социальных и международных полюса – социализм и капитализм. Ибо в США капитализм к концу войны сохранит неизмеримо более жизненных соков, чем в Англии. США станут главной цитаделью империализма. Вот почему послевоенный период будет вероятнее всего окрашен в цвета борьбы между СССР и США, а не между СССР и Англией. Вот почему также нам нет никакого интереса особо усиливать США, в частности допускать переход к ним Австралии и Н[овой] Зеландии.

Сегодня 6 апреля. Ровно год назад Гитлер напал на ЮСлавию. Почти ровно два года назад (в ночь с 8 на 9 апреля) он напал на Норвегию. Нынче пока спокойно. Видимо, ситуация в 1942 г. для Гитлера куда труднее и сложнее, чем* в предыдущие годы.

Я отнюдь не исключаю, что Гитлер еще может ознаменовать месяц апрель какими-либо новыми выступлениями. Но также этого может и не случиться. Все зависит от условий, от быстроты процесса подготовки Гитлера к весеннему наступлению, от погоды на нашем, особенно на Украинском, фронте. Поживем – увидим. Мне во всяком случае кажется наиболее вероятным, что Гитлер в нынешнем году поставит ставку на завоевание Кавказа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Здесь будет центр тяжести его плана, и к осуществлению его он пойдет разными путями, не останавливаясь ни пред чем. Нет ли у Гитлера какого-либо нового военного изобретения? Нет ли какого-либо газа, неизвестного другим?..

С чем мы вступаем в эту весенне-летнюю кампанию?

Зимнее наступление имело крупное значение. Оно сильно подняло мораль Красной Армии и всего советского населения. Оно дало Красной Армии богатейший военный опыт. Оно вернуло нам ряд территорий. Оно лишило Гитлера возможности спокойно перезимовать и подготовиться к весне громадные резервы. Оно вынудило немцев драться всю зиму и нести огромные потери. Оно съело значительную часть германских резервов, сохранявшихся для весны. Оно разбило легенду о «непобедимости» гитлеровских полчищ и сильно понизило мораль как их, так и немецкого населения дома. Оно способствовало росту недовольства и антигерманской активности в оккупированных странах.

* Зачеркнуто – «прежде».

Все это, конечно, плюсы. Однако я несколько разочарован тем, что наши территориальные выигрыши оказались ниже моих ожиданий. Я думал, что к концу зимы мы, по крайней мере, займем Смоленск, отгоним немцев от Ленинграда и освободим Крым. Не вышло – ничего не поделаешь.

Каковы перспективы? Гадать трудно, особенно в отсутствие сколько-нибудь точной информации из СССР. Но вот что мне кажется вероятным (или точнее, как я строил бы стратегический план, если бы на меня была возложена эта задача).

После первого смятения, внесенного в немецкие ряды нашим декабрьским наступлением, Гитлер, видимо, несколько оправился. К февралю выяснилось, что о разложении германской армии еще говорить не приходится. Беспорядочного панического отступления не началось. Наоборот, упорство немцев при отступлении усилилось. Очищение занятых немцами районов и городов стало трудным и дорогостоящим делом. Тогда наши, очевидно, решили, что нет смысла расходовать слишком много людей и материалов на отвоевывание территорий в течение зимы. Решили ограничиться поддержанием «heavy pressure»^{2*} на всем фронте для того, чтобы не давать немцам времени и возможности для планомерной подготовки весеннего наступления, для нанесения им тяжелых потерь, для подрыва их морали. Конечно, когда удавалось, наши захватывали те или иные пункты, города, районы. Основная цель, однако, была не завоевание территорий, а разрушение живой силы и вооружения германских армий.

Параллельно с этим шла подготовка Красной Армии к весне. Создавались резервы, всемерно усиливалось военное производство, импортировалось возможно больше из-за границы. Мы знаем, что немцы готовят весеннее наступление. Как лучше всего бороться с ним? Очевидно, путем собственного контрнаступления, предпринятого раньше, чем противник начал свое. Мне думается, что в этом сейчас и состоит наш план. За счет зимней экономии в людях и материалах, за счет накопленных за зиму резервов крепко ударить против немцев до того, как они сделают первый весенний шаг. Возможно, что мы отчасти сознательно оставляли еще в руках немцев такие давно «созревшие» для захвата пункты, как Ржев, Вязьма, Орел, Курск, Харьков, Крым. Возможно, что как раз в ближайшие недели мы увидим переход их в наши руки. А вместе с тем увидим и внесение путаницы и смятения в весенние планы, подготовленные Гитлером. Кто знает?

Недалекое будущее покажет.

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 6.5.42)*

У меня к вам просьба: 90 судов с различными важными для СССР материалами застряли в Исландии и на подступах к Исландии. Есть опасность долгой задержки из-за трудности организовать конвой в сопровождении британских морских сил. Тем не менее, хотя «я вполне сознаю трудности и жертвы, понесенные в этом деле Англией», прошу Вас принять необходимые меры для доставки всех указанных материалов в СССР в течение мая.

Содержание послания Черчилля Сталину (от 9.5.42)^{2*}

1. Мы твердо решили пробиваться к вам с военными материалами, хотя благодаря «Тирпицу и др[угим] надводным судам врага, базирующимся на Тронхейм, каждый конвой превратился в крупную морскую операцию.

^{2*} Сильное давление (англ.).

* Опубликованный текст см.: Переписка... Т. 1. № 43. С. 56.

^{2*} Опубликованный текст, полученный Сталиным 11 мая 1942 г., см.: Там же. Т. 1. № 44. С. 56–57.

2. Ваши морские советники несомненно обратили ваше внимание на опасности для конвоев, связанные с наличием вражеских судов, субмарин и самолетов по флангу нашего маршрута.

3. До сих пор благодаря неблагоприятной погоде немцы не могли особенно развернуть свои операции против конвоев. В дальнейшем будет, вероятно, хуже.

4. Мы бросаем на северные конвои максимум наших сил, ослабляем до точки опасности наши атлантические конвои, терпим, как вы знаете, крупные потери.

5. Я уверен, что вы не посетуете, если я со всей откровенностью скажу, что для безопасного проведения северных конвоев требуется усиление помощи со стороны советских морских и воздушных сил. Необходимо, чтобы советские силы были ответственны за проведение конвоев к востоку от 28 градуса восточной долготы в водах, невидимых с мурманского берега.

6. Конкретно требуется достаточное количество бомбардировщиков и истребителей дальнего действия для прикрытия конвоев с советских баз, а также морские и воздушные патрули против субмарин.

7. Завтра вечером (воскресенье) в радиоречи сделаю предупреждение немцам по вопросу о газовых атаках.

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 12.5.42)^{3*}

Получил ваше послание от 9.5. Благодарю за обещание довести до максимума доставку военных материалов СССР. Мы вполне понимаем, какие трудности приходится преодолевать Англии и как велики ваши потери.

Что касается ваших предложений о большей эффективности мер с нашей стороны для проведения конвоев, то мы, конечно, сделаем с[о] своей стороны все возможное. Вы должны, однако, учитывать, что наши морские силы ограничены, а авиация в подавляющем большинстве занята на фронтах.

Послание английского короля т. Калинину (27.5.42)^{4*}

«Я не могу не выразить Вам, г[-н] Президент, моей радости по случаю подписания нашего договора о союзе, имевшего место сегодня. Этот договор освящает усилия обеих наших стран в трудной и жестокой борьбе, которую мы ведем, и обязывает их к сердечной кооперации и взаимной поддержке в годы, кот[орые] последуют за нашей победой. Мне хочется верить, г[-н] Президент, что Вы приветствуете его (договор) так же искренне, как я, и что Вы разделяете мою уверенность в благодетельном эффекте его не только для обеих наших стран, но и для всего мира».

Послание т. Калинина английскому королю (28.5.42)^{5*}

«Я вполне разделяю удовлетворение, высказанное Вашим Величеством по поводу подписания договора между нашими двумя странами. Я уверен, что только что подписанный договор еще больше укрепит боевой союз наших стран в их суровой и непреклонной борьбе против нашего общего врага и обеспечит сердечное сотрудничество и взаимную помощь в годы, кот[орые] последуют за нашей победой. Я приветствую договор с такой же искренностью, как и Вы, Ваше Величество, и вместе с тем высказываю полную уверенность в том, что он послужит на пользу не только нашим обеим странам, но и всему миру».

Содержание послания Сталина Черчиллю (28.5.42)^{6*}

Благодарю Вас за добрые чувства и пожелания, высказанные Вами в связи с подписанием нашего нового договора. Я уверен, что этот договор будет иметь величайшее значение для укрепления дружеских отношений между СССР и Великобританией и между нашими странами и США, а также обеспечит тесное сотрудничество наших стран после победоносного окончания войны. Я надеюсь также, что Ваша встреча с Молотовым на его обратном пути из США явится подходящим случаем для доведения до конца той части работы, которая осталась недоделанной.

^{3*} См.: Там же. Т. 1. № 45. С. 57–58.

^{4*} См. обмен посланиями между королем Георгом VI и Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калининым по случаю подписания союзного договора между СССР и Великобританией 26 мая 1942 г. (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 285–286).

^{5*} Там же. С. 286.

^{6*} Переписка... Т. 1. № 51. С. 61.

По вопросу о конвоях можете быть уверены, что мы, со своей стороны, сделаем все возможное – сейчас и в будущем.

Содержание меморандума Черчилля, врученного Молотову 10 июня 1942 г.^{7*}

После тщательного обсуждения вопроса о том, как мы могли бы облегчить тяжесть положения на восточном фронте, мы пришли к следующим заключениям:

1. В соответствии с нашим соглашением мы будем продолжать снабжение СССР военными материалами северным маршрутом.

2. В воздухе мы уже оттягиваем на себя половину немецких истребителей и около трети бомбардировщиков. В целях дальнейшего отвлечения германских воздушных сил с восточного фронта мы будем усиливать наши налеты на Германию и оккупированную Францию.

3. Мы будем усиливать наши войска в Ливии, где мы уже сейчас держим 11 вражеских дивизий. Мальта отвлекает много германской авиации (одно время, например, 400 машин первой линии).

4. Мы будем усиливать и укрупнять наши рейды на континент и надеемся, что тем самым скоуем 35 немецких дивизий в Западной Европе.

5. Мы делаем подготовку для высадки на континенте в августе–сентябре 1942 г. Как уже подчеркивалось, лимитирующий фактор для размеров армии вторжения – наличие специальных десантных судов. Совершенно ясно, однако, что ни для русских, ни для союзников в целом не было бы никакой выгоды, если бы ради высадки во что бы то ни стало мы начали операцию, которая окончилась бы крахом и доставила бы радость только нашему врагу. Заранее невозможно сказать, сложится ли ситуация так к моменту, когда наступит срок, что сделает нашу операцию мыслимой. Мы не в состоянии поэтому дать в данном вопросе обещание, но, если операция, о которой идет речь, будет казаться разумной и практичной, мы не замедлим привести наши планы в исполнение.

6. Мы готовы, если совпра согласно, послать вам в Мурманск 4 истребительные и 2 бомбардировочные эскадрильи с тем, чтобы вы могли соответственное количество вашей авиации перебросить из Мурманска на другие участки фронта. Наши эскадрильи могут прибыть в конце июля.

7. Если совпра все еще интересуется англо-советской операцией в районе Петсамо, мы готовы начать переговоры с вашим штабом.

8. Наконец, самое важное: мы концентрируем максимум наших усилий на организации и подготовке массового вторжения на континент Европы англо-американских сил в 1943 [г.]. Мы не ставим пределов ни размаху, ни целям этой кампании, которая в первой стадии будет осуществляться 1 мил. человек (англичан и американцев) с соответствующим количеством авиации¹⁴.

Бивербрук 7/5/42*

Cherkley. Dinner in 3^{2*}.

Иден сообщил все.

1) Договора – гр[аницы] [19]41 г.

Попытки Хал. и Вайн.^{3*} – неуд[ачны].

Ч[ерчилль] просит Б[ивербрука] – 19/3 отъезд Б[ивербрука] в САШ. 23/3 свид[ание] с Рузв[ельтом]. Good deal of persuasion^{4*} – компромисс (ст.4 англ[ийского] draft^{5*}). По существу мало толку, но «утеш[ение]» Рузв[ельта] и др.

Бритпра не мож[ет] отказ[ать]: получаем «our daily bread»^{6*} от САШ за счет л[енд]-л[иза], нет валюты и экспорта. Получ[аем] оружие. Прошу Ст[алина] понять и принять. Проток[ол] не может быть секр[етным] от А[нглии].

^{7*} Полный текст см.: «Памятная записка правительства Великобритании правительству СССР» от 10 июня 1942 г. (Советско-английские отношения... Т. 1. № 113. С. 247–248).

* Рукописный текст.

^{2*} Черкли. Обед в 3 (англ.) (Черкли – загородный дом Бивербрука).

^{3*} Галифакса и Вайнанта.

^{4*} Большая доля убеждения (англ.).

^{5*} Проект (англ.).

^{6*} Наш хлеб насущный (англ.).

(Финл[яндия])

2) Почему амер[иканцы] так заинт[ересованы] в Приб[алтике] и др.?

Странная «раса» – our descendants^{7*} – смесь беспард[онности] и сентимент[альности] – преступн[ости] и ханжества – ограбят и ставят свечку... Эксплуатир[овать] и защищать «свободу малых стран».

Война не чувств[уется].

Финл[яндия] – финны в Ам[ерике] совместно с[о] скандин[авами], аккур[атно] платят долги, «героич[еский] little people»^{8*} и пр. За одно Прибалтика... Не люб[...]^{9*}

Вражд[ебность] к СССР. Bogey of Communism^{10*}. Сейчас настр[оения] лучше, но католики и прот[естанты] [...]^{9*}

Рузв[ельт] вын[ужден] лавировать.

3) Надо stick to the Pres[ident]^{11*} –

Втор[ой] фронт [...]^{9*}

Лучше, чем Черчилль

Отнош[ение] publ[ic] op[inion]^{12*} – ОК^{13*}

Речь в Н[ью]-Йорке. Реакция.

(граммпластинки)

Бив[ербрук] открыл кампанию

Ид[ен] за. [...]^{9*} – пр[отив]

Чер[чилль] эволюц[ионирует], речь 10[-го].

В авг[усте]–сент[ябре]

Подг[отовка] отвлечет герм[анские] силы.

4) Бив[ербрук] [...]^{9*}

Engl[ish] Speaking world^{14*}

Третья империя

13 июня

Был в Churt у Ллойд Джорджа. Говорили о многом, в особенности об англо-советском договоре. Ллойд Джордж благодарил меня за «suggestion»* (которое я передал через Сильвестера^{2*}) выступить в парламенте в связи с сообщением Идена о договоре и визите Молотова. Ллойд Джордж первоначально не соби-рался говорить по данному поводу. Но, когда он получил мою весточку, то подумал:

– А ведь, пожалуй, стоит сказать несколько слов.

И сказал. Я похвалил его выступление. Старику это понравилось.

Потом он стал напоминать о своих переговорах с [Л.Б.] Красиным в 1920–[19]21 гг. Речь шла о заключении торгового соглашения. Настроение тог-

^{7*} Наши потомки (англ.).

^{8*} Малый народ (англ.).

^{9*} Неразборчиво.

^{10*} Жупел коммунизма (англ.).

^{11*} Держаться президента (англ.).

^{12*} Общественное мнение (англ.).

^{13*} Хорошее (англ.).

^{14*} Англоговорящий мир (англ.).

* Предложение (англ.).

^{2*} Сильвестер Альберт Джеймс – главный помощник Ллойд Джорджа.

дашнего бритпра к этому было более, чем прохладное. Многие министры были против. [Дж.] Керзон, министр иностранных дел, категорически отказался вести переговоры. Ллойд Джордж, однако, не смутился. Он решил повести переговоры сам с помощью министра торговли сэра Роберта Хорна.

Когда Красин приехал весной 1920 г., Ллойд Джордж принял его в своей официальной резиденции на 10, Downing Street. После предварительного полуофициального обмена мнений приступили к официальным переговорам. Пошли они не плохо. Красин производил на Ллойд Джорджа хорошее впечатление: человек умный, гибкий, деловой, с большим запасом здравого смысла. Быстрому успеху мешали, однако, разные привходящие обстоятельства: польско-советская война, приезд Каменева^{3*} и его агитация среди рабочих и т.д. Тем не менее дело все-таки подвигалось вперед. Когда Керзон увидел, что, несмотря на его бойкот, переговоры все-таки ведутся, он изменил свою тактику: стал ходить на заседания, но в переговорах участия не принимал. Просто сидел, аршин проглотив, и молчал. Первая встреча Керзона с Красиным очень запечатлелась в памяти Ллойд Джорджа. Керзон пришел раньше Красина и вместо того, чтобы сесть у стола, остановился в кабинете премьера у камина. Стоял он спиной к камину, заложив назад руки. Вошел Красин и по очереди стал здороваться со всеми присутствующими. Наконец, Красин дошел до Керзона и протянул ему руку. Министр иностранных дел продолжал стоять в своей позе, с руками за спиной, и смотрел вверх головы Красина. Произошло замешательство. Ллойд Джордж вскипел и резко крикнул:

– Керзон, будьте джентльменом!

Керзон вздрогнул, очнулся и неохотно протянул руку Красину.

Керзон, однако, получил хороший урок. В следующие разы он уже вел себя нормально.

Шведский посланник Прюц^{4*} рассказывал мне забавную историю.

Недавно он был у принцессы Елены-Виктории и, по поручению короля Густава^{5*}, передавал принцессе его привет. Густав недавно болел воспалением легких, и принцесса с большим беспокойством расспрашивала Прютца, как король себя чувствует. Прюц, не рассчитав, с кем он имеет дело, в порядке обычного человеческого разговора чисто по-плебейски ответил:

– О, король чувствует себя прекрасно! He is remarkable old boy^{6*}!

Принцесса была потрясена и шокирована.

– Old boy? – не то с удивлением, не то с упреком повторила она.

Только тут Прюц сообразил, что допустил ляпсус.

Через несколько дней после того Прюц рассказал об этом маленьком инциденте голландскому послу.

– Представьте, – воскликнул Вердуйнен, – со мной была почти такая же история!

И голландский посол поведал, как на днях, придя на гольф, он встретил там одного своего английского знакомого, который, осведомляясь о здоровье [королевы] Вильгельмины, спросил:

^{3*} Каменев Лев Борисович – государственный и партийный деятель СССР.

^{4*} Далее – Прюц Бьерн Пер.

^{5*} Густав V Адольф – король Швеции.

^{6*} Он удивительный старина (англ.).

– How is your remarkable old girl^{7*}?

Вердуйнен спокойно ответил, что королева чувствует себя вполне хорошо. Кто-то из голландских придворных присутствовал при этой сцене и рассказал о ней Вильгельмине. Старуха была возмущена таким «неуважением» к ее высокой особе и при ближайшей встрече с Вердуйненом недовольно воскликнула:

– Неужели мой посол не знает, что королева есть королева, а не «old girl»?

Рассказывая все это, Прютц заразительно смеялся. Да, прошли королевские времена! Доживают короли свои последние дни, но все еще топорчатся и играют в монархические бирюльки.

19 июня

Образчики политического кретинизма:

29 августа прошлого года я устроил большой «союзнический» ланч, на который пригласил премьеров и министров иностранных дел всех союзных правительств, пребывающих в Лондоне, а от других союзных правительств (САШ, Китай) – их лондонских послов. Перед этим за несколько дней я решил произвести зондаж у голландцев: приглашать их на ланч или не приглашать? Ибо, с одной стороны, они как будто бы союзники, а с другой стороны, мы никогда не имели с ними дипотношений. Не хотелось их обидеть и в то же время не хотелось нарываться на отказ. Через Феонова* (нашего liason man^{2*} с голландцами по экономическим вопросам) в «частном порядке» задал голландцам соответственный вопрос. Голландцы отнеслись к вопросу серьезно: даже обсуждали его на заседании правительства! Ответ был таков: лучше не посылать – не то в Голландии и в Голландской Индии поведение правительства будет «неправильно понято» и послужит лишь делу пропаганды Геббельса. Поэтому голландцы через того же Феонова поблагодарили меня за добрые чувства, но просили от приглашения воздержаться. Это было глупо, но мне ведь не приходилось отвечать за кретинизм голландских мудрецов. Приглашены они не были, и ланч прошел без них. Но тогда как-никак королева Вильгельмина еще имела Голландскую Индию...

В конце февраля этого года голландский министр иностранных дел [Е.Н.] Ван-Клеффенс был по делам в Америке. Сингапур пал. Голландская Индия была потеряна. Королева Вильгельмина осталась «сиротой» – и без королевства, и без империи. Ван-Клеффенс нашел момент удобным, чтобы поставить вопрос об установлении дипотношений между СССР и Голландией. Он пришел к Литвинову и предложил взаимное признание, но...

– О, конечно, не полное признание, – объяснил Ван-Клеффенс. – Мы еще не можем вас полностью признать... У нас к этому еще не вполне подготовлено общественное мнение... Дело сложное и трудное... Требуется время...

Коротко говоря, Ван-Клеффенс предложил Литвинову в качестве «первой стадии» обменяться не посланниками, а дипломатическими агентами. Литвинов, конечно, ответил на это дипломатическим:

– Go to hell^{3*}!

^{7*} Как себя чувствует ваша замечательная старушка? (англ.).

* Феонов Н.И. – заместитель торгпреда СССР в Великобритании.

^{2*} Связной (англ.).

^{3*} Идите к черту! (англ.).

Москва потом только подтвердила его позицию.

Сегодня ко мне явился лондонский посол Голландии, носящий замысловатое вычурное имя Van Verduinen^{4*}.

Он предложил от имени своего правительства установление дипотношений между Голландией и СССР. Я спросил с подковыркой:

– Полных? С обменом посланниками?

Вердуйнен понял мой намек и поспешил ответить:

– Конечно, полных.

После того, без всякого понукания с моей стороны, Вердуйнен заговорил об обращении Ван-Клеффенса к Литвинову, пытаясь как-то объяснить его странное поведение. Объяснения были скучные и неинтересные.

Сообщил в Москву о предложении Голландии. Думаю, что у нас особенно торопиться не будут. Голландия лучшего не заслуживает: 25 лет она вообще не желала «замечать» существования СССР, да и сейчас поведение ее сильно отдает политическим кретинизмом. Подождет^{5*}.

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 20 июня 1942 г.)*

Получил ваше сообщение о том, что немцы намереваются атаковать нас с севера и из Финляндии^{2*}. Вполне согласен, что желательны наши совместные операции в этих районах, но хотел бы знать, предполагается ли участие в них британских морских и сухопутных сил и в каких количествах. Большое спасибо за обещание прислать 6 эскадрилий^{3*}. Когда они прибудут?

21 июня (Бовингдон)

Опять жаркий, томительный солнечный день, как год назад...

Невольно в памяти проносятся мысли, чувства, ощущения, которые наполняли меня тогда, накануне германской атаки на СССР. Многое с тех пор изменилось. Самое главное изменение, пожалуй, состоит вот в чем:

Год назад немцы были твердо уверены в победе – весь вопрос для них был лишь в том, когда? Сейчас они потеряли эту веру. Они еще не поверили в неизбежность своего поражения, но грозный призрак его уже тревожит их сознание. Недаром, судя по последним сведениям, основная тема разговоров в Германии этим летом: как избежать разгрома? А не: что мы будем делать с нашей победой?

Год назад мы еще не знали, как пойдет для нас война. Мы глубоко верили, что СССР не может погибнуть, что так или иначе страну свою мы спасем. Но как? Каким путем? С помощью каких средств? Это было не видно и не ясно. Существовал в наших рядах тогда и известный inferiority complex*: легенда о «непобедимости» германской армии производила известный эффект и в СССР. В первые месяцы войны в войсках наблюдалась также «танкобязнь». Сейчас не то. Опыт минувших 12 мес[яцев], в особенности опыт зимнего наступления, совершенно изменил все настроение страны. Легенда о «непобедимости» фа-

^{4*} Правильно – Verduynen J.M. (Вердуйнен Дж.М.) – посол Нидерландов при лондонском эмигрантском правительстве.

^{5*} Дипломатические отношения между СССР и Голландией были установлены 10 июля 1942 г.

* Текст послания см.: Переписка... Т. 1. № 53. С. 62.

^{2*} В опубликованном тексте: «...из Северной Норвегии и Финляндии» (Там же).

^{3*} В опубликованном тексте: «...шесть эскадрилий в район Мурманска» (Там же).

* Комплекс неполноценности (англ.).

шистских орд разбита. Inferiority complex исчез. На рубеже первой годовщины войны мы твердо уверены в победе, мы знаем, что победим, мы можем даже приблизительно представить себе, как это произойдет, – весь вопрос лишь, когда и какой ценой?

По существу Гитлер войну уже проиграл. Это ясно сегодня. Но сколько еще крови и усилий потребуется для того, чтобы убить бешеного зверя!..

Думая о ближайших перспективах войны, я вспоминал свой недавний разговор с Ллойд Джорджем. Ход мыслей старика таков:

Характер войны на советском фронте нынешним летом не тот, что в прошлом году. Тогда немцы имели пред русскими громадное превосходство, вытекавшее из внезапности нападения, численности, лучшего вооружения, большего опыта в ведении «тотальной войны». В результате они оказались в состоянии одержать ряд крупных и серьезных побед. Правда, Blitzkrieg^{2*} в полном смысле этого слова им не удалась, и в 10 недель, как рассчитывал Гитлер, «русская кампания» не была^{3*} закончена, но все-таки война все время носила характер «войны движений», и немцам за сравнительно (конечно, только сравнительно!) недорогую цену удалось захватить громадную территорию и подойти к воротам Москвы и Ленинграда.

В 1942 г. положение совсем иное. Немцы за зиму ослабели, русские усилились. Численно русские сейчас превосходят немцев. В вооружении и авиации стороны почти сравнялись. Красная Армия обстрелялась и научилась методам ведения «тотальной войны». Как результат всего этого мораль германской армии понизилась, мораль советской армии поднялась. Легенда о «непобедимости» немцев рассеялась. Вместе с тем линия фронта оказалась укрепленной с обеих сторон, и всякая попытка прорыва ее превратилась в чрезвычайно трудную и дорогостоящую операцию. Итог: ситуация на советском фронте нынешним летом стала несколько приближаться к ситуации на французском фронте в 1914–[19]18 гг., фронт сделался менее подвижным, более статичным, отвердевающим. Не совсем то, что было в прошлую войну на западе, но и не совсем не то.

Немцы, конечно, не могут не понимать происшедшей перемены. А если так, – имеют ли под собой реальную почву все эти разговоры о «большом летнем наступлении» Гитлера? Как он может наступать? В отдельных местах, на отдельных участках фронта? Да, это возможно. Но общее сокрушающее, решающее наступление по примеру прошлого года?.. Нет, это маловероятно. У Гитлера кишка стала тонка. Геббельс, конечно, будет «наступать», но Гитлер... Гитлер едва ли. Если это так, то к чему же сводится стратегия Гитлера в нынешнем году?

Ллойд Джорджу кажется, что Гитлер скорее всего предпочтет сейчас оставаться в СССР на позиции обороны (что, конечно, не исключает отдельных наступательных операций более ограниченного масштаба) и постарается до максимума использовать захваченные у СССР территории, в первую очередь Украину. Ведь Украина – давнишняя мечта Гитлера, и почти вся Украина сейчас в его руках. Конечно, в этом году Украина ему даст мало, – но в будущем? В 1943 г. Украина, пожалуй, уже сможет дать кое-что и в области продоволь-

^{2*} Молниеносная война (нем.).

^{3*} Вычеркнуто слово «победоносно».

ствия, и в области промышленности... если, разумеется, она останется за немцами.

Останется ли? Ответ на этот вопрос зависит от ответа на другой вопрос: каковы шансы Красной Армии в 1942 г.?

Ллойд Джордж расценивает их не очень оптимистично. Конечно, о разгроме Красной Армии сейчас не может быть и речи. Это ясно для всякого. Но, с другой стороны, можно ли ожидать, что Красная Армия нынешним летом разгромит германскую армию? По мнению старика, нельзя. Поскольку война на советском фронте все больше принимает характер позиционной войны, для успеха наступления с любой стороны требуется огромное превосходство в силах (3 : 1 или хотя бы 2:1). Такого превосходства у Красной Армии сейчас нет. Тут много мог бы помочь эффективный второй фронт на западе, однако Ллойд Джордж сомневается, чтобы он был создан в 1942 г. (не вообще второй фронт, а эффективный второй фронт). Стало быть, наступательные возможности Красной Армии пока тоже ограничены.

В конечном счете Ллойд Джордж приходит к выводу, что ситуация на советском фронте летом 1942 г. весьма близко подходит к stalemate^{4*}, и потому не исключено, что мы придем к осени и даже к зиме без особенно существенных изменений в нынешнем начертании линии фронта. Старик поэтому не считает 1942 г. решающим годом. Война будет затяжная. Ставку приходится больше ставить на истощение Германии, на подрыв ее морали на фронте и в тылу, на внутреннее разложение страны. А это очень длительный процесс.

Я возражал Ллойд Джорджу. Мы долго спорили. Под конец старик воскликнул:

– Поймите меня правильно! Моя картина, может быть, кажется вам слишком пессимистической, но это вовсе не то, чего мне хотелось бы. Это то, что, я боюсь, фактически произойдет. Что до меня, то я мечтаю лишь об одном: второй фронт и победа в 1942 г.! Но будет ли это? Сомневаюсь.

Думаю и передумываю свой разговор с Ллойд Джорджем. Прав он или не прав? Несомненно, в словах «старого волшебника» немало истины. Но не вся истина. Что же выйдет?

Только события покажут.

24 июня

Минувший «уикенд» прошел под знаком годовщины германо-советской войны. Англия встречала годовщину бурно, горячо, с энтузиазмом... Англия массовая, рабочая, обывательская, интеллигентская. Не правительственная, не Англия Сити. Эти выражали симпатию и сочувствие, но «в меру». Так же вела себя и большая пресса, которой дирижирует правительство.

Но зато массы заговорили. По всей стране прокатилась волна больших митингов, посвященных годовщине и англо-советскому договору. Настроение везде было страшно повышенное. Над всем доминировала идея второго фронта в 1942 г.

Я сам присутствовал на 10-тысячном митинге в «Empress Hall»*, где главным оратором был Криппс. Речь его была в общем не плоха, и самые шумные апло-

^{4*} Тупик (англ.).

* «Эмпресс-холл» (англ.).

дисменты он сорвал там, где давал понять, что бритпра готовит второй фронт в этом году. Очень сильно хлопали также, когда, к моему смущению, Криппс разразился похвалами по моему адресу. Не могут англичане обойтись без комплиментов! Мы с Агнией сидели на платформе в первом ряду – зал устроил нам настоящую овацию. После окончания речи я стал выговаривать Криппсу за эту бестактность, но его трудно было пронять:

– Так нужно было! – отвечал он с невинным видом.

И тут же с некоторым беспокойством спросил:

– У вас есть полный текст моей речи... для Москвы?

Я ответил отрицательно. Тогда он вытащил из кармана экземпляр, по которому выступал, и передал его мне.

Отвлекаясь, однако, от этого личного момента, должен сказать, что митинг был изумительный – по настроению, по речам, приветствиям, телеграммам. Пришли, между прочим, приветствия от Тимошенко^{2*}, генерала Мак-Артура^{3*}, архиепископа Кентерберийского^{4*}. Выходя с митинга, некоторые из наших товарищей говорили:

– Почти как в Москве.

Конечно, это преувеличение. Но все-таки подобная оценка показательна.

В других городах было то же самое. Для присутствия на митингах я послал Новикова^{5*} в Бирмингем, Граура^{6*} в Манчестер, Зонова^{7*} в Кембридж. Интереснее всего было в Бирмингеме, где главным оратором выступал Бивербрук. Митинг происходил под открытым небом, собралось до 50 тыс. человек. Настроение было приподнятое. Речь Бивербрука (о которой он советовался со мной дня за 2 до митинга) была очень хороша и резко ставила вопрос о втором фронте. Митинг встретил ее громовыми рукоплесканиями. Но, пожалуй, еще интереснее оказался председательствовавший на митинге бирмингемский лорд-мэр Типтафт. Во вступительном слове он, между прочим, бросил:

– Вот говорят о коммунизме... Да если бы сейчас произвести у нас голосование по этому вопросу, – большинство страны, пожалуй, оказалось бы в коммунистах.

Митинг откликнулся громовым:

– Да! Да!

И покрыл слова лорд-мэра бурными рукоплесканиями.

До чего мы дожили! Пусть в словах Типтафта тоже кроется известное преувеличение, но чтобы лорд-мэр Бирмингема, твердыни металлургии, гнезда чемберленовцев, выступал с такими заявлениями... Для этого требуются очень большие сдвиги в настроениях Англии!

Минувший «уик-энд» ясно показал: идея второго фронта вполне назрела в массах. Учтем. Это полезно знать в моих переговорах по данному поводу с

^{2*} Тимошенко С.К. – Маршал Советского Союза, командующий войсками Юго-Западного фронта в апреле–июле 1942 г.

^{3*} Макартур Дуглас – генерал армии США, Верховный командующий союзными войсками в Юго-Западной части Тихого океана в 1942–1951 гг.

^{4*} Темпл Уильям.

^{5*} Новиков К.В. – советник посольства СССР в Великобритании.

^{6*} Граур Андрей – 1-й секретарь посольства СССР в Великобритании.

^{7*} Зонов В.М. – 2-й секретарь посольства СССР в Великобритании.

бритпра. А как бритпра? Интересно, что привезет Черчилль с собой из Америки...^{8*}

Да, сдвиги в Англии есть и большие. Национальный патриотизм смешивается с социально-политическим радикализмом, и все это облекается в одежду горячего советофилизма. Посмотрим, что будет.

[В Дневник включен полный текст выступления Ст. Криппса в «Эмпресс-холле» в Лондоне 20 июня 1942 г. по случаю первой годовщины участия СССР в войне против Германии и заключения «Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» от 26 мая 1942 г. Экземпляр речи Криппс вручил Майскому сразу после своего выступления. Изложение важных ее пунктов в переводе с англ. см. примеч. 15.]

EMPRESS HALL: June 20, 1942.¹⁵

I speak here tonight as the representative of the British Government and of the War Cabinet taking part in this great demonstration of our nation's united and whole-hearted support for our ever-gallant Soviet allies. We desire, in every way, to intensify their spirit of friendship and understanding between the two nations which this massed and representative British gathering so strongly emphasises.

I wish greatly that we might have had with us here tonight many of our comrades, in every walk of life, from the Soviet Union. I would have liked them to have seen and felt how our hearts go out to them, not only in sympathy and comradeship, but in a firm and relentless determination to give them every help that lies within our power, during the critical and anxious months that lie ahead for both our nations.

Amongst all my inspiring recollections of Moscow there is one that stands out tonight most vividly in my memory.

It is a July Sunday afternoon, shortly after my return to Moscow with the British Military Mission within a few days of Hitler's first attack. A magnificent concert of folk-song and dancing is in progress in the fine new Tchaikowski Hall. Suddenly, the producer comes on to the stage and draws the attention of the audience to our presence in their midst. There follows an indescribable scene of enthusiasm and of comradely greetings as the whole great audience leaps to its feet cheering and clapping; and for some quarter of an hour slogans are thrown backwards and forwards amidst a storm of applause for the British and Soviet Army, Navy and Air Force in turn, for our respective Prime Ministers, Winston Churchill and Josef Stalin, and in response to many other calls.

The whole atmosphere seemed aglow with the warmth of that spontaneous outburst of friendship. Not merely of the individuals present, but of the whole Soviet people, as they greeted us, their new allies.

I would have liked to have had that same heartening experience in this Hall tonight. But distance and transport difficulties make it, alas, impossible. So we must ask those well-tried friends of ours who represent the Soviet Union in this country, M. and M-me Maisky, to convey our feelings, as best they can, to their people on this anniversary.

Tonight we are meeting, as are others throughout the length and breadth of our country during this week-end, to celebrate two outstanding events in the history of the world. Almost exactly a year ago Hitler launched his ill-judged and traitorous attack upon the Soviet People, and thus brought into being, by a stroke of the sword, that alliance between ourselves and the Soviet Union which many of us had long sought to achieve. Tonight we celebrate the first anniversary of that event which changed, in a moment of time, the whole prospect of the war. There were some who then thought that the resistance of the Soviet people would be half-hearted and of short duration. They did not know the devotion of the citizens of the Union for their country and to their leaders, nor did they realize the great industrial and military strength of our new allies.

The facts – which are now history, and which fill some of the most glorious pages in all the history of the world – have proved how wrong they were and how right were those of us who foretold that, whatever might happen neither the Soviet people nor their leaders would yield to the Nazi aggression.

Also we celebrate tonight the far more recent sequel to that outbreak of war, the Treaty of mutual assistance and post-war collaboration between our two peoples, announced a little more than a week ago.

^{8*} Черчилль, Рузвельт и представители англо-американского Объединенного комитета начальников штабов вели в Вашингтоне военные переговоры.

I wish that you and I and all the millions of our people could have had the opportunity of demonstrating publicly to M. Molotov and his staff who came with him from Moscow the affection and esteem which we feel for them and their people. Considerations of his safety forbade such publicity, but let us now, though it is after the event, send our greetings to him and Mr. Stalin and our gratitude for his long arduous and dangerous journey undertaken in the cause of Anglo-Soviet and Soviet-American friendship.

I could not omit in mentioning the new treaty a very special reference to one other Soviet statesman. We regard him more generally as a diplomat but I can assure you that he is a statesman too, Soviet Ambassador, M. Maisky. I have long had the privilege of his friendship. And I know how unremittingly he has laboured, often in trying and difficult circumstances, but always with faith in his great objective, to bring about just such a Treaty as has now been signed. We not only congratulate him on his success but we offer him our grateful thanks for the large and important part that he has played, both in the preparation and negotiation of this Treaty.

Upon our side there have been two outstanding figures in this connection, the Prime Minister and Mr. Eden; without their far-sighted political outlook, so brilliantly exemplified in that broadcast made by the Prime Minister on the evening of June 22-nd a year ago, this Treaty would never have been brought to fruition.

To these four men our two countries and the world owe a deep debt. Future generations will hail their work as the laying of a great foundation stone for the structure of the post-war world.

The President of the United States of America, the Dominions of the British Commonwealth of Nations and the leaders of the United Nations have all of them come forward to declare that foundation stone well and truly laid.

Our Turkish allies and our Swedish and other friends will feel reassured against the Nazi propaganda which has sought, and still seeks, to poison their relations with us and with our Russian allies. The unreality of this fantastic farrago of propaganda is amply proved by the fact that Dr. Goebbels is today telling the Russians that, owing to their weakness, Europe has been handed over to us and to America, while he tells the neutral countries that we have been forced to place Europe under the heel of the Soviet Union.

The Treaty, which is not accompanied by any secret clauses, understandings or agreements of any kind whatsoever, reaffirms with all solemnity that neither we nor the Soviet Union are fighting for territorial aggrandisement, nor do either of us desire to interfere in the internal affairs of other nations.

It is the Nazis, themselves fighting for world domination, who attempt sedulously to create the impression that territorial aggrandisement by the Soviet Union is the real danger. This Treaty should finally dispose of that lie.

These declarations of policy, and the knowledge that in all matters affecting the reconstruction of Europe our two great nations will in future work side by side, and in harmony with the United States and the other united nations makes this Treaty a most valuable factor in creating a stable future for Europe.

But before that peace must come victory – a victory that will only be won by ceaseless courage and endurance and through disappointments and reverses of which we have not yet seen the end.

We are all of us today more hopeful and confident than a year ago, but do not let us underestimate the strength that still remains in our enemies or the violence and determination of the attacks that we must expect before they are beaten. It may still take us a long time to overcome their vast military and industrial organization.

As we sit here tonight in comfort and, for the time being, unhurried by our enemies, let us remember in our exaltation of mind the millions of Soviet citizens and of our own men who are at this very moment plunged deep in the agony of battle – a battle common to both our countries, against the same evil forces of aggression and domination and for the same new world of liberty, freedom and economic justice.

Our armies may be widely divided in space, but the same spirit and the same disciplined courage that is maintaining our soldiers and airmen in the Western desert is calling forth like deeds of valour in the Red Army round Kharkov and in Sebastopol.

The British Navy carries on its ceaseless vigil and its never-ending fight in all the wide oceans of the world, and helps to carry our gladly-given supplies to the Arctic ports of Russia; it is truly fighting side by side with the Soviet sailors, who in the Black Sea, the Baltic and the Barents Sea are forever watching and harassing our German foes. The bombers manned by British, Commonwealth, and Allied nations crews who razed Cologne to the ground or who attack the Sicilian and Mediterranean bases of the Axis, and our fighters protecting Malta or making wide sweeps daily over Northern France thus steadily destroying the industrial resources of Germany are playing their full part in wearing down the Luftwaffe, and in draining

its strength on the Russian front. So the Soviet airmen too on their side are day in day out smashing the aerial strength of the Axis powers.

It is one great war in which we each play our part, according to our opportunities and needs, to the utmost of our power; and in full and complete agreement as to our common objective.

Our Russian Allies realize, more fully than some [...] in this country may appear to do, the magnitude of our effort, the length of time that we have been fighting, the enormous strain that has been placed upon our Navy, our Merchant Seamen, our Air Force and our soldiers, in widely scattered regions of the world, just as we realize the incomparable sacrifices which the Soviet people have willingly offered to the common cause of victory.

We have so far been saved, largely by those few fighter pilots who waged for us the Battle of Britain, from the tragic suffering of an invasion. How great such sufferings are we can now imagine as maslajs daikly from the descriptions published by the Soviet Government of the treatment of their people in the areas overrun by the Nazis. But no imagination, however vivid, can fully bring home to us the ghastly reality.

The tale of horror and brutality daily mounts, as the Nazis wreak their angry vengeance on the men, women and children of the occupied countries. But one day those individuals who have been responsible for this deliberate policy of sadistic cruelty and slaughter will have to answer for their deeds. Not for revenge, but because the civilized world must be strong enough to make clear that it will not tolerate these foul inhumanities.

It is because of our deep sense of the magnificent contribution which the Soviet people are making to our common defence and to the defeat of our common enemies that we strain every effort to send to Russia all the materials and supplies that we can. Lord Beaverbrook, on his Mission to Moscow, made large promises of supplies to Russia, and, thanks to the pertinacity and bravery of our Navy and of our own and the Soviet seamen, we have been able to maintain our promises and to contribute help of real value on the Russian front. Of course we should always like to do more but we have our own heavy responsibilities in Australia, New Zealand, Africa, India, the Near East, Egypt and elsewhere which we must discharge, and we must too maintain our pressure, a growing pressure from the air upon German industries and transport. We must too do our utmost to sustain our brave Chinese allies in the valiant struggle which they are fighting and have fought so long and so tenaciously in the cause of freedom.

We now have the full help of the United States of America with us in the war, a help that is daily growing greater and more effective, and with an industrial force behind it that must, in the end, prove overwhelming when added to our own productive resources and those of the Soviet Union.

The time will come when, with this help, we shall be able to launch a great and successful attack upon Hitler in the west. But it is success that is of the essence of the help that we can render to our allies, failure would damage and would not assist our common cause. When we strike let us strike hard and with the determination to march through to Berlin before we call a final halt.

When that moment will come we cannot say. I am not going to help Hitler by telling you or him. It may be sooner or later, though Hitler has apparently guessed that it may not be too far ahead. As we make our preparations so no doubt he will try to make his too, and this in itself may influence the time factor.

This matter, as you know, was discussed with M.Molotov when he was in England, and I can assure you that he knows much more about it than I can tell you!

There is one final matter with which I will deal. It is never easy for two peoples to arrive at a real understanding of one another. In the case of our Soviet allies we have tended more to admiration than to understanding. Many who now speak with the utmost enthusiasm of our Russian allies, have little, if any, understanding of their social, political or economic life. Friendship that is based upon admiration only and lacks understanding is apt to be fragile and easily broken. We must therefore do our utmost to increase the understanding of the Soviet Union and its people amongst all classes of our society, and we must try our best to give the Soviet people a true picture of our country and our people.

Real friendship between peoples depends as much on understanding each others weaknesses as on appreciating each others virtues.

There is much the Russian and British people can learn from one other, besides the art of war – if we are not afraid to learn – and there is much that we can both contribute to a new philosophy and to new practices in the international life of the post-war world.

Let us on this solemn anniversary pay our homage to the gallant dead of both our lands, who have given life itself in the cause of the freedom that they loved. And let us also send our message of hope

* Неразборчиво.

and courage to those brave Soviet citizens behind the German lines who daily suffer the agonies of Nazi oppression. Together our peoples will go forward, not in any false spirit of optimism, but with a dogged and united determination to wipe the foul blemish of Naziism from off the face of Europe.

С. Криппс^{2*}

(экземпляр, по которому он выступал на митинге)^{3*}.

27 июня

Был [У.] Ситрин, только что вернувшийся из США, куда он ездил с намерением развернуть Англо-Советский Профсоюзный Комитет в Англо-Американо-Советский. Миссия Ситрина не удалась. Исполком Американской Федерации Труда не захотел работать «вместе с коммунистами» и, с[о] своей стороны, предложил создать в дополнение к АСК еще Англо-Американский. Англичане, как liaison*, будут в обоих. Ситрину и Генсовету такая идея нравится, но они не хотят окончательно решать вопроса без предварительной консультации с [Н.М.] Шверником. Ситрин передал мне ряд писем и документов для информирования ВЦСПС.

Потом мы говорили с Ситрином насчет английских дел. Я спросил его, почему все «контроли» промышленности, введенные правительством на время войны и сосредоточенные в министерстве снабжения, управляются крупными предпринимателями соответственных отраслей производства? Почему профсоюзы и лейбористы не требуют предоставления себе тех или иных «контролей» или, по крайней мере, хотя бы своего участия в существующих «контролях»?

Ситрин ответил:

– «Контроль» промышленности дело сложное и трудное. У нас нет достаточно подготовленных для этого людей.

Я выразил сомнение в обоснованности такого мнения. Ситрин нехотя согласился со мной и затем прибавил:

– Конечно, среди профсоюзных лидеров, пожалуй, и нашлись бы люди, способные справиться с такой задачей, но кто же из них пойдет? Занятие это временное – на 2–3 года, а надо бросать life job^{2*} в союзе. Кто же на это согласится? Мне лично несколько раз предлагали разные высокие посты в правительстве, но я отказывался. Все по тем же соображениям. И то же самое делают другие мои коллеги.

Я выразил изумление и спросил, почему работу в «контроле» Ситрин считает кратковременной? Разве после войны многие отрасли промышленности не будут национализированы?

Ситрин выразил в этом сомнение. Возможно, конечно, что некоторые отрасли (уголь, железные дороги и т.п.) уйдут из частных рук, но будут ли они национализированы? Ситрин склонен думать, что нет. Скорее с ними поступят так, как правительство только что поступило с угольной индустрией. Иными словами, дело сведется к обычному «английскому компромиссу». А почему? Опять же, по мнению Ситрина, потому, что у рабочих нет людей, достаточно подготовленных

^{2*} Подпись дана по-русски.

^{3*} Приписано по-русски.

* Связные (англ.).

^{2*} Постоянная работа (англ.).

для руководства промышленными предприятиями. Вообще эта «неподготовленность» тяготеет свинцовой плитой над сознанием Ситрина.

– Лет 15 назад, – закончил он, – я как-то выступал с докладом в летней школе в Бристоле. Обсуждался вопрос о формах перехода от капитализма к социализму. Уже тогда я развил мысль, что, пока рабочий класс не будет иметь подготовленных руководителей для социализированной промышленности, бессмысленно переходить к социализму. А приобрести такую подготовку в условиях капиталистического общества очень трудно. Я не вижу оснований менять высказанные мной тогда взгляды.

Какой потрясающий inferiority complex^{3*}! С такими вождями английские рабочие еще не скоро придут к ликвидации капитализма.

29 июня

Положение в Ливии стало совсем критическим. Был сегодня у Идена и просил его ориентировать меня в ситуации. Вместо ответа Иден велел секретарю принести шифровки Охинлека* за последние дни и дал мне их прочитать. Невеселое чтение!

Мерса-Матрух, которая считалась основной укрепленной позицией англичан в Египте, пала в каких-нибудь 3 дня. Роммель обошел ее с юга. Англичане поспешно отступили в район Фука, где сейчас они ведут отчаянную «delaying action»^{2*} против немцев. Несколько дальше к востоку в 60–70 милях от Александрии есть еще одна укрепленная позиция – Эль Альмейпен^{3*}. Ее преимущество состоит в том, что здесь – между берегом моря и Катарским горным кряжем – создается узкое «горло» примерно в 40 м[иль] шириной. Получается сравнительно узкий фронт, который легче защищать. Англичане именно и собираются здесь сделать крепкий «stand»^{4*}. Сумеют ли? Выйдет ли это у них?

Не знаю. Английские поражения на суше (а их было уже так много) настраивают скептически¹⁶. Особенно, когда узнаешь подробности. Среди шифровок из Каира я нашел одну, которая повергла меня просто в смущение. Каирская ставка давала оценку положения и намечала примерные планы на ближайшее будущее – что это за убийственный документ! Ни одного слова об атаке, о нападении, хотя бы о решимости во что бы то ни было отстоять ту или иную позицию! И, наоборот, все время разговор об эвакуации, об отступлении, об очищении позиций... «Будем защищать Эль-Аламейн... Если Эль-Аламейн не удастся удержать, будем отходить оттуда двумя колоннами – одна на Каир, другая на Александрию... Для защиты дельты Нила формируем специальные отряды... Если они не смогут задержать Роммеля, будем с боями отступать к Суэцкому каналу» и т.д. и т.д. В таком примерно духе выдержано все. Чорт знает что! Сплошное пораженчество! И все ведь расписано так ровно, спокойно, методически, точно речь идет о расчетах землемера...

^{3*} Комплекс неполноценности (англ.).

* Далес – Окинлек Клод – фельдмаршал, главнокомандующий британских войск на Среднем Востоке.

^{2*} Сдерживающая операция (англ.).

^{3*} Правильно – Эль-Аламейн.

^{4*} Заслон (англ.).

Читая шифровку, я невольно вспомнил описанного у Толстого в «Войне и мире» австрийского генерала Вейротера, который накануне Аустерлица монотонно читал в военном совете свою «диспозицию» на завтрашний день: «Die erste Kolonne marschieret» ... «Die zweite Kolonne marschieret»...^{5*} Но Вейротер как-никак собирался маршировать все-таки вперед, а Окинлек собирается маршировать назад... Гнусно!

С таким духом в ставке трудно победить!

Оно и видно. Тобрук пал в течение 24 часов. Что случилось? Подробности еще неизвестны, но во всяком случае из каирских шифровок ясно, что сохранение Тобрука заранее входило в планы британского командования, что с самого начала военных действий в нем стояла целая ю[жно]африканская дивизия, что он был хорошо обеспечен припасами и амуницией, что укрепления его были в полном порядке. Решение удержать Тобрук не было вовсе какой-то внезапной импровизацией командования, родившейся в последнюю минуту. Тогда в чем же дело? Объяснение может быть только одно: паника и трусость. Намеки на это имеются в шифровках. Но общая картина, видимо, еще не вполне ясна.

Иден добавил одну характерную деталь. Сегодня утром он получил из Каира телеграмму с запросом: «что делать с египетским правительством?» В случае чего, куда его эвакуировать?..

Я откровенно высказал Идену свои чувства. Он не пытался защищать Каир (в котором, к слову, сидят 160 английских генералов!). Наоборот, Иден стал заверять меня, что Черчилль сумеет крепко ударить по пораженческим настроениям Окинлека и К°. Иден прибавил, что на запрос о судьбе египетского правительства он уже ответил очень резкой телеграммой, в которой заявил, что отказывается даже обсуждать такой вопрос... Тем лучше!

Где, однако, в чем корень ливийской катастрофы? Ведь, насколько мне известно, силы обеих сторон в начале битвы были примерно одинаковы, и англичане даже имели известный перевес над немцами?

В каирских шифровках я нашел одну, проливающую довольно интересный свет на поставленный вопрос. Оказывается, несколько дней назад военный кабинет послал Окинлеку подробный вопросник, связанный с событиями в Ливии, а Окинлек прислал военному кабинету свой ответ. Документы длинные и детальные. Но суть их сводится к следующему: в основе катастрофы, по мнению Окинлека, лежат два основных момента – «зеленость» британской армии и худшее качество вооружения.

По первому пункту Окинлек заявляет буквально: «нашей армии любителей приходится сражаться против армии профессионалов». Ценное признание! И правильное, если сюда включается и отсутствие «оффензивного» духа.

По второму пункту Окинлек особенно подчеркивает слабость вооружения английских танков (2-фунтовые пушки против немецких 88 мм) и без обиняков заявляет, что оперирующие в северной Африке «Crusader», «Stewart», «Valentine», «Matilda»^{6*} совершенно бесполезны. Хорош американский танк «Грант», но таких танков в Ливии было очень мало (немного больше сотни). Далее Окинлек утверждает, что, хотя численно английская авиация превосходит немецкую,

^{5*} «Первая колонна марширует»... «Вторая колонна марширует»... (нем.).

^{6*} «Крусэйдер», «Стюарт», «Валентайн», «Матильда» — названия типов английских танков.

однако технически Мессершмит-109 выше Томагавков, Китигауков и даже Харрикейнов^{7*}, которыми располагают англичане.

Коротко говоря (это уже мой вывод)^{8*}: вся беда здесь, как и везде раньше, комсостав, генералитет и высшее офицерство.

Я спросил Идена:

– Каковы же дальнейшие планы бритпра?

Иден пожал плечами и ответил:

– Удержаться Эль-Аламейн, защищать Египет. Сейчас стягиваем туда подкрепления. Между прочим, только что пришла свежая бронетанковая дивизия (350 танков, но с 2-фунт. пушками).

Я стал доказывать Идену, что бритпра надо пересмотреть свою стратегию: перейти на активную оборону на Б[лижнем] Востоке и сосредоточить всю свою наступательную энергию в Европе. Мы долго говорили^{9*} с Иденом по этому вопросу. Иден в общем соглашался со мной, но согласится ли Черчилль? В основном все от него зависит

Похоже, что не очень согласится. Сегодня же я спрашивал Идена о результатах свидания Рузвельт–Черчилль, в особенности по вопросу о втором фронте. Иден ответил, что все здесь остается по-старому, т.е. так, как было во время разговоров Молотова с Черчиллем 9–10 июня^{10*}. События на Среднем Востоке ни в какой мере не меняют планов бритпра в отношении второго фронта. Премьер это просил Идена специально мне передать.

Я спросил:

– Во время переговоров Молотова с Черчиллем не был уточнен срок образования второго фронта, можете ли вы сказать мне по этому поводу что-либо более определенное после визита Черчилля в Вашингтон?

Иден ничего более определенного сказать не мог и предложил мне самому повидаться с премьером. Я согласился. Но в общем все это звучит плохо. Очень опасаясь, что никакого серьезного второго фронта в 1942 г. не получится, и Черчилль вместе с Рузвельтом постараются-таки сделать «решающим годом» 1943[-й].

2 июля

Два дня просидел в парламенте. Шли дебаты о ведении войны по резолюции «недоверия» правительству, внесенной группой 21 депутата во главе с Sir John Wardlaw-Milne*.

Итоги?

Главный и основной итог – это то, что страна страшно встревожена и раздражена катастрофой в Ливии. Настроение приближается к тому, которое существовало после Дюнкерка. Правда, Англия в этой войне вообще на редкость неудачлива на суше. Достаточно вспомнить Норвегию, Францию, Грецию, Крит, Малайю, Сингапур, Бирму. Но все это не производило такого сильного впечатления на страну, как нынешние поражения. Почему? Отчасти, конечно, потому,

^{7*} Названия английских и американских истребителей.

^{8*} Слова в скобках вписаны от руки.

^{9*} Вписано вместо зачеркнутого – «обменивались мнениями».

^{10*} См.: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 303, 332.

* Уордлоу-Милн Джон – член палаты общин, консерватор.

что количество на известной ступени должно переходить в качество. Но главное в данном случае не это. Главное в том, что во всех предыдущих случаях имелись какие-либо «смягчающие» удар обстоятельства: либо основная вина за поражение ложилась не на англичан (как во Франции), либо англичане ясно сознавали свою неподготовленность к бою, но вынуждены были его принимать по причинам, от них не зависящим (Греция, Крит, Малайя и пр.). В Ливии таких «смягчающих» удар обстоятельств нет: это был лучший английский фронт, настоящий «darling»^{2*} премьера, который ни в чем не имел отказа и который строился упорно и систематически в течение 2 лет. Об этом ясно сказал сегодня Черчилль: в течение указанного срока бритпра отправило на Middle East^{3*} 950 тыс. войск, 6 тыс. самолетов, 4½ тыс. танков, 5 тыс. орудий, 50 тыс. пулеметов и т.д. Чего же лучше?

И вот как раз на этом «darling front»^{4*} англичане потерпели в последние дни самое решительное поражение! Потерпели поражение, несмотря на то, что в начале битвы англичане не только не уступали немцам, но даже имели над ними известный перевес (100 тыс. англичан и 90 тыс. немцев, английское превосходство в воздухе, соотношение в танках как 7 : 5, и в артиллерии как 8 : 5 в пользу англичан). Как это объяснить?

Объяснить сколько-нибудь удовлетворительно трудно. И потому в стране и в парламенте сейчас господствуют волнение, гнев, беспокойство и все усиливающееся подозрение, что в британской военной машине есть какой-то органический порок, грозящий самыми тяжелыми последствиями. Ведь, если Роммель сейчас не будет разбит или хотя бы накрепко остановлен, то становятся под удар и весь Middle East, и Индия, и Африканская Империя Великобритании.

В такой обстановке происходили парламентские прения.

Впрочем, парламентская ситуация сама по себе не представляла для Черчилля никакой опасности. Играли тут роль и партийная дисциплина, и боязнь депутатов обнаружить пред внешним миром (особенно пред врагом) наличие внутренних раздоров в столь тяжелую минуту, и, наконец, пестрота и слабость официальной оппозиции. Среди этих 21 [депутата] оказались самые разнообразные элементы – такие, как твердолобый Уордлоу-Милн, как левый лейборист А. Беван^{5*}, как обиженный карьерист Хор-Белиша^{6*}. У них и в выступлениях был чрезвычайный разбой. Уордлоу-Милн требовал назначения герцога Глостерского главкомом, а Бивен требовал назначения в армию политических комиссаров! Вот какая амплитуда колебаний! Такому ловкому мастеру парламентской стратегии и парламентского красноречия, как Черчилль, не представляло большого труда положить этих своих противников на обе лопатки. И он действительно их положил. Заключительная речь премьера была очень сильна и импозантна, а голосование дало результат: 476 за правительство, 25 против, около 30 воздержалось.

Итак, Черчилль одержал в парламенте блестящую победу. Но ему не следует ею особенно обольщаться. По существу огромное большинство палаты настроено очень тревожно и критично и считает правительство ответственным за

^{2*} «Любимчик» (англ.).

^{3*} Средний Восток (англ.).

^{4*} «Любимый фронт» (англ.).

^{5*} Далее – Бивен Эньюрин – левый лейборист, член парламента.

^{6*} Хор-Белиша Лесли – военный министр в мае 1937 – январе 1940 г., национал-либерал.

длинную цепь военных поражений, пока заканчивающуюся Ливией. Еще сильнее это чувство в массах. Мне кажется, что страна готова была бы сменить правительство или радикально его перестроить, но останавливается в недоумении перед вопросом: а кто будет лучше? В особенности, кто будет лучше Черчилля на посту премьера?

Удовлетворительного ответа на этот вопрос нет. Лично я думаю, что, несмотря на все недостатки, Черчилль является сейчас самым лучшим из всех возможных премьеров. Поэтому я веду «прочерчиллевскую» линию. Но все-таки не надо закрывать глаза на то, что сегодняшнее голосование отнюдь не снимает с плеч премьера величайшей ответственности за развитие событий в непосредственном будущем. В самом деле, каков смысл этого голосования? Вот он:

– Мы еще раз оказываем тебе доверие, но ты должен put your house in order^{7*}.

Что это значит конкретно? Это значит удержать Египет и перестать терпеть поражения вообще.

Как добиться такого результата? Минимально для этого, мне кажется, нужно сделать след[ующее]:

- а) создать единый генштаб,
- б) сменить военного министра,
- в) произвести основательную чистку среди высшего офицерства и генералитета и смело повести выдвижение в армии молодых кадров независимо от их социального происхождения.

Если Черчилль не пойдет по этому пути, то оправдается то, что сегодня сказал Бивен:

– Вы выигрываете парламентские дебаты и проигрываете битвы.

Осуществит ли Черчилль указанную программу-минимум? Не знаю. Не могу сказать, чтобы я был настроен в этом отношении оптимистически. Впрочем, проживем – увидим.

3 июля

Сегодня я наконец имел обстоятельный разговор с Черчиллем после его возвращения из Америки. Я давно этого хотел, чтобы выяснить, как повлияла встреча премьера с Рузвельтом на перспективы второго фронта^{*}. Но Черчиллю не везет с его поездками в США: как вернется, сразу же наткнется на политическую бурю дома. Так было в январе, так вышло и в июне. Пока Черчилль был целиком поглощен преодолением нынешней бури, к нему трудно было подступиться. Но вчера буря была ликвидирована, – по крайней мере, на время. И сегодня я был у премьера.

Он назначил мне время в 12.45 дня. Когда я приехал, заседание кабинета еще не кончилось. Мне пришлось просидеть в приемной минут 20. В начале второго Черчилль наконец вызвал меня к себе. Он извинился за задержку и, посмотрев на часы, сказал:

– Знаете что?.. Давайте позавтракаем вместе! А то я вас так задержал. Вы можете?..

^{7*} Навести порядок в своем доме (англ.).

^{*} См. примеч. 14.

Мне было не совсем удобно, так как сегодня я должен был завтракать с Ванситартом^{2*}, Лобковичем^{3*} и др., но, когда приглашает премьер-министр, отказываться не приходится. Тем более что мне очень нужно было с ним поговорить. Я позвонил домой Агнии^{4*}, что на завтрак с Ванситартом не приеду, просил Агнию представлять меня там и остался на 10, Downing Street.

Еще до завтрака я поздравил премьера с одержанной накануне в парламенте победой. По лицу его прошла довольная улыбка, но с подчеркнутой скромностью он ответил:

– Такие победы – не самое трудное в нашей жизни, есть вещи потруднее.

Тем не менее Черчилль охотно продолжил разговор на поднятую мной тему. Он с удовольствием вспоминал различные детали вчерашнего заседания, речи отдельных депутатов, ловкие жесты или выражения, брошенные кем-либо во время дискуссии, – короче, с наслаждением переживал и смаковал только что закончившиеся парламентские дебаты. В выражении лица Черчилля, в тоне его голоса, в искрах его глаз чувствовалось, что он *old, very old parliamentary hand*^{4*}, что именно здесь, в парламенте, его душа, его жизнь, что на весь мир, на все события он смотрит прежде всего и раньше всего под парламентским углом зрения, что его больше всего интересует, как отразятся эти события в парламенте, какие вызовут там реакции или настроения. Помню, как в старые годы меня поражал Мартов^{5*}: он смотрел на все в мире через строки газетной передовицы. Черчилль смотрит на все в мире через эффекты парламентского выступления. Да и нужно ли этому удивляться? Парламент в крови у каждого англичанина. А Черчилль ведь уже больше 40 лет сидит на скамьях Вестминстера.

Премьер спросил, каково мое впечатление от дебатов. Я ответил, что нынешняя оппозиция не могла быть опасной для правительства уже просто потому, что она отличалась чрезвычайной пестротой. В самом деле: Уордлоу-Милн предлагал герцога Глостерского в качестве главнокомандующего, а Бивен требовал назначения политических комиссаров в армию. Такова амплитуда разноречий между членами оппозиции!

Черчиллю мое замечание очень понравилось, и он с одобрительным смехом воскликнул:

– Вот именно!

Я, однако, прибавил:

– Тем не менее положение все-таки серьезно. Несмотря на вашу вчерашнюю победу.

Премьер сразу покраснел и нахмурился. Он резко поднялся с места и сказал:

– Пойдемте к миссис Черчилль! Она нас уже заждалась.

Мы нашли миссис Черчилль в саду под широким, развесистым деревом. Она сидела и что-то писала карандашом в блокноте. С миссис Черчилль была ее кухня. Премьер на минуточку ушел, а миссис Черчилль заговорила со мной о последних парламентских событиях. Она была очень встревожена. Конечно, вчерашнее голосование явилось победой для правительства, но...

^{2*} Ванситарт Роберт Гилберт – главный дипломатический советник Форин оффис.

^{3*} Личность не установлена.

^{4*} Агния Александровна – супруга И.М. Майского.

^{4*} Старый, очень старый парламентский игрок (англ.).

^{5*} Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович – один из лидеров меньшевизма, с 1920 г. в эмиграции.

– Если дальше дела на фронте не пойдут лучше, – продолжила миссис Черчилль, – кто знает, что может случиться?

За столом мы оказались вчетвером – Черчилль, его жена, кузина жены и я. Входя в столовую, премьер с некоторым беспокойством спросил:

– А где же Мэри?

– Mary is lunching out^{6*}, – ответила миссис Черчилль.

Премьер замолчал, но видно было, что он разочарован: любит Черчилль свою младшую дочь!

За завтраком разговор носил более общий характер. Речь случайно зашла о лэди Астор. Черчилль со смехом сказал, что эта дама вчера голосовала за правительство.

Я заметил, что в последнее время чета Асторов^{7*} по мере сил старается выполнять работу пятой колонны. В частности, она везде, где можно, ведет анти-советскую пропаганду.

– Где? Когда? – вдруг загорелся Черчилль.

Я рассказал о поведении Royal Institute of International Affairs^{8*}, а также об известных мне выступлениях лэди Астор. Это произвело впечатление.

Миссис Черчилль поддержала меня и, в свою очередь, рассказала, что одна ее знакомая, работавшая в Royal Institute вынуждена была оттуда уйти, так как она не смогла переносить царящей там политической атмосферы.

– Позвольте! – вдруг загремел Черчилль, – правительство платит Royal Institute субсидию из кармана налогоплательщика. Это не частное учреждение, а государственно-общественное. Мы имеем право поинтересоваться его деятельностью. Да, имеем!

И затем, обернувшись ко мне, премьер прибавил:

– Пришлите мне письмо по этому поводу, я приму меры.

Я обещал исполнить просьбу премьера.

Очень хорошо! Набьем морду представителям английской пятой колонны. Ретивость Черчилля мне вполне понятна – в годы чемберленовщины Асторы немало отравляли ему жизнь, теперь он рад случаю с ними расквитаться.

Черчилль заговорил о предложении Сталина отправить на помощь англичанам на Бл[ижнем] Востоке три польские дивизии, формирующиеся в СССР^{9*}.

– Я очень тронут актом Сталина, – воскликнул премьер. – Я ему сам на это отвечу.

Потом премьер вспомнил о конвое, который на днях вышел из Исландии с ценным грузом, и высказал опасение, как бы «Тирпиц» не напал на него. В этой связи я спросил Черчилля, ответил ли он на вопрос Сталина, заданный еще две недели назад, в каких размерах англичане могли бы участвовать в так называемой «северной операции» (т.е. в северной Финляндии и Норвегии)? Выяснилось, что премьер ответа еще не дал. Несколько смущенно он обещал дать ответ в самые ближайшие дни^{10*}. В принципе, однако, бритпра готово участво-

^{6*} Мэри завтракает не дома (англ.).

^{7*} Астор Нэнси Уитчер, виконтесса – член палаты общин, консерватор; Астор Уолдорф – муж Н.Астор, председатель Совета Королевского института международных отношений.

^{8*} Королевский Институт международных отношений [Чатам-хаус] (англ.).

^{9*} См.: Переписка... Т. 1. Примеч. 29. С. 441.

^{10*} См. по этому поводу послание Сталина Черчиллю от 20 июня 1942 г. и полученное 18 июля 1942 г. Сталиным послание Черчилля (Переписка... Т. 1. № 53. С. 62 и № 56. С. 66).

вать в северной операции всеми тремя родами оружия – морскими, сухопутными и воздушными силами.

Я поинтересовался последней информацией бритпра относительно количества японских сил в Маньчжурии. Черчилль ответил: 24 дивизии и сравнительно небольшое количество авиации. В самой Японии сейчас находятся только 6 дивизий.

После окончания завтрака мы с Черчиллем опять ушли в его кабинет. И здесь начался разговор всерьез.

Я спросил, что Черчилль привез из Америки по вопросу о втором фронте?

Черчилль ответил, что ничего нового. Все остается, как было в момент отъезда Молотова, т. е. на базе меморандума 10 июня^{11*}.

Это меня, конечно, не устраивало, и я сделал попытку как-либо сдвинуть премьерера с его позиции. Я развил такие мысли:

После того как крахнула Франция и Англия осталась в войне одна, основным сухопутным фронтом Великобритании естественно стал Middle East^{12*}. Первоначальный план в Ливии, насколько я знаю, задавался широкими целями. Хотели не только обезопасить Египет, но также захватить всю Ливию и дойти до Триполи. Если бы это удалось сделать, эффект несомненно был бы серьезный: Средиземное море стало бы для союзников судоходным, Французская северная Африка, вероятно, ушла бы от Виши, создана была бы база для перенесения войны в Италию. К сожалению, два года громадных усилий не дали такого результата. Бритпра делало три попытки для изгнания «оси» из северной Африки, и все три попытки провалились. Я не стану сейчас анализировать причин этой неудачи, но, во всяком случае, могу сказать одно: в числе причин чрезвычайно крупную роль играет удаленность Ливии от Англии со всеми вытекающими отсюда транспортными затруднениями.

Фактам следует смотреть прямо в лицо. Совершенно очевидно, что в настоящий момент не приходится думать об осуществлении первоначальных широких планов бритпра в северной Африке. Они пока непосильны. Стало быть, эти планы следует отбросить и перейти на defensive^{13*}, на позиции обороны, – конечно, не статической, а активной, отнюдь не исключаящей, а, наоборот, предполагающей наступательные операции более ограниченного размера. Так, например, для того, чтобы обеспечить безопасность Египта, необходимо отвоевать у немцев Мерса-Матрух, а еще лучше Соллум. Необходимо также наладить более эффективный контроль за центральной частью Средиземного моря. Тем не менее, говоря в общем и целом, на Среднем Востоке англичанам следовало бы сейчас to dig in^{14*} и соответственно сократить отправку туда войск и военных материалов. Для дефензивных операций хватит и тех сил и запасов, которые имеются на Среднем Востоке сейчас (я не говорю, конечно, о неизбежных пополнениях ограниченного размера, которые нужны будут при всяких условиях). Это сразу дало бы громадную экономию в области тоннажа.

Вместо больших планов в северной Африке куда лучше сосредоточить внимание и силы на крупных целях поближе, целях, которые имели бы более непосредственное и решающее влияние на общий ход войны, чем операции в Египте

^{11*} См. примеч. 14.

^{12*} Средний Восток (англ.).

^{13*} К обороне (англ.).

^{14*} Окопаться (англ.).

и Ливии. Такой целью я считаю второй фронт в Европе, т.е. конкретно во Франции, Бельгии, Голландии. Он бил бы прямо в цель и вместе с тем представлял бы целый ряд крупных преимуществ: shipping difficulties^{15*} были бы здесь минимальные (расстояние от Англии до фронта исчислялось бы десятками миль морского пути вместо многих тысяч до Среднего Востока), управление фронтом было бы легче, возможны были бы частые поездки из Лондона на фронт, психологический эффект в самой Англии был бы громадный. Страна сразу почувствовала бы, что она всерьез воюет.

– Словом, – закончил я, – я полагаю, что сейчас Египет надо защищать не в Египте, а во Франции.

Черчилль внимательно меня выслушал, но потом стал возражать:

Возможно, конечно, что Англии придется свернуть операции в северной Африке и to dig in, но это не имеет прямого отношения ко второму фронту. Подготовка к этому последнему идет полным ходом. Делаются и будут делаться опытные десантные операции. Но нет смысла и нет выгоды бросаться в авантюры, которые грозят лишь неудачей.

Черчилль много говорил о втором фронте с Рузвельтом. Рузвельт всецело за второй фронт, но американских войск пока в Англии не больше 80 тыс., а американская авиация прибывает с большими запозданиями и до сих пор лишь в небольших количествах. В связи с тоннажем только с сентября удастся наладить более регулярную переброску американских войск в Англию, да и то не больше 90 тыс. в месяц. Крупных воздушных сил из США можно ждать не раньше сентября–октября. А без американцев англичане не считают возможным начинать второй фронт.

– Повторяю еще раз, – прибавил Черчилль, – что я буду делать все возможное для ускорения открытия второго фронта. Если будет какая-либо возможность, мы откроем второй фронт в 1942 г., но я не могу вам этого твердо обещать. Я говорил Молотову и говорю вам еще раз: противника надо обманывать, широкую публику иногда для ее же пользы можно обманывать, но союзника никогда обманывать нельзя. Я не хочу вас обманывать, не хочу вводить вас в заблуждение и потому не считаю возможным брать на себя такие обязательства, в осуществимости которых я не уверен.

В несколько завуалированной форме я указал на тот психологический эффект, который произвел бы в СССР факт неоткрытия второго фронта в 1942 г., но премьер все-таки остался непоколебим.

Затем Черчилль заговорил о Middle East. Он сразу воскрес, оживился. Было ясно, что Middle East его darling^{16*}, что он доминирует над сознанием премьера. Черчилль стал мне подробно объяснять стратегическое положение около Эль-Амен^{17*} и расположение сил – английских и немецких. Сейчас к Эль-Аламейну подходят крупные британские подкрепления из Египта и Палестины (до 60 тыс.). Подходит и совсем свежая бронетанковая дивизия, только что прибывшая из Англии. У Роммеля же в настоящий момент имеется не больше 40–50 тыс. войск. Таким образом англичане скоро будут иметь большой перевес, так как пока незаметно, чтобы немцы слали Роммелю крупные

^{15*} Трудности с судами (англ.).

^{16*} Любимчик (англ.).

^{17*} Имеется в виду Эль-Аламейн.

пополнения. Тем не менее Черчилль не чувствует себя спокойно: обжегшись на молоке, на воду дует.

– Каждый момент я жду каких-либо тяжелых новостей из Египта. Я к этому подготовлен.

Я спросил, что будет делать бритпра в случае падения дельты Нила?

– Драться, драться во что бы то ни стало! – воскликнул Черчилль.

И дальше Черчилль развил свою мысль: дельта Нила – это болота и каналы. Для танков неудобная территория. Англичане имеют все шансы задержать здесь врага. Но, если бы немцам даже удалось проникнуть в дельту Нила, над ними с правого фланга все время будет висеть британская армия. Британский флот, потеряв Александрию, может оперировать из Хайфы и Бейрута: линкоров в Средиземном море нет уже много месяцев, а крейсера и др[угие] более мелкие суда обойдутся и названными гаванями. В руках англичан имеется также много авиации, в частности американских «Либереиторов» – с их помощью можно будет осуществлять довольно эффективный контроль Средиземного моря и успешно бомбить не только гавани сев[ерной] Африки, но также Сицилию и Италию.

– Да, будем драться, – продолжал Черчилль. – Будем драться! Будем драться за Эль-Аламейн, будем драться, если понадобится, в дельте Нила, за дельтой Нила, в Синае, в Палестине, Аравии... Будем драться!

И затем премьер с особым подчеркиванием прибавил:

– Ваш левый фланг мы отстоим во что бы то ни стало! Мы его защищаем сейчас в Египте. Если понадобится, мы будем защищать его в Малой Азии и [на] Среднем Востоке.

Я спросил Черчилля, как он объясняет британские неудачи в Африке?

– Немцы лучше нас воюют, – откровенно ответил Черчилль. – Особенно в танковой войне... И потом нам не хватает «русского духа»: умереть, но не сдаться!

Я поинтересовался обстоятельствами падения Тобрука. Черчилль густо покраснел, как это с ним бывает, когда он сильно сердится, и прибавил, что Тобрук – это позорная страница в истории британского оружия. В Тобруке было достаточно войск, оружия, припасов (на 3 месяца!), Тобрук мог бы сопротивляться не хуже Севастополя, но командовавший Тобруком южноафриканский генерал Клоппер струсил и через 24 часа после начала немецкой атаки на Тобрук выкинул белый флаг.

– Я бы такого генерала на месте расстрелял, – невольно вырвалось у меня.

– Я тоже расстрелял бы, – откликнулся Черчилль, – да вот попробуй!

Я с недоумением посмотрел на премьера. Он меня понял и разъяснил, что Клоппер – южноафриканец и что южноафриканцы (в том числе Сметс^{18*}) при всякой попытке назвать поступок Клоппера своим именем поднимают страшный крик:

– Не троньте героев Тобрука!

Черчилль раздраженно вынул изо рта свою неизменную сигару, точно хотел сказать:

– Вот как сложно вести войну!

^{18*} Далее – Сметс Ян Христиан – фельдмаршал, видный имперский деятель. Премьер-министр доминиона Южно-Африканский Союз, министр иностранных дел и министр обороны ЮАС.

Каковы мои выводы из сегодняшней беседы с Черчиллем?

Выводы невеселые. Поездка в Америку не дала никаких благоприятных результатов в отношении второго фронта. Скорее, наоборот, Черчилль убедил Рузвельта не слишком с этим торопиться. Вместе с тем spell of the Middle East^{19*} все еще тяготеет над премьером. Он все еще не потерял надежды, что какой-либо неожиданный поворот обстоятельств внезапно откроет пред Англией возможности осуществления ее первоначальных амбиций в Северной Африке.

Ровно два года назад, 3 июля 1940 г., я также был у Черчилля и имел с ним разговор о военной ситуации. Момент был трагический. Франция только что крахнула^{20*}. Англия осталась одна – без союзников, без друзей, без армии, без оружия. Сразу после Дюнкерка во всей стране была лишь одна-единственная хорошо экипированная и тренированная дивизия. Призрак германского вторжения на Британские острова проникал^{20*} всю атмосферу. Рыли окопы, строили танковые преграды на дорогах, делали рвы и ставили разбитые автомобили на полянках, которые могли быть использованы германскими самолетами для приземления. Колочей проволокой обносили правительственные здания в Лондоне, а у входа на 10, Downing Street, был возведен даже целый форт.

Вот в такой-то момент я имел разговор с премьером. Помню, я спросил его:

– Какова судьба французского флота?

Черчилль, усмехнувшись, ответил:

– Французский флот?.. Выражаясь парламентским жаргоном, «we are very much alive»^{21*} к важности^{20*} этого вопроса и принимаем соответственные меры.

Черчилль ничего не добавил для расшифровки своей загадочной фразы, но, как выяснилось позднее, именно в эти самые часы британские линкоры расстреливали французские суда в Оране^{22*}.

Да, эта история в Оране останется навсегда зенитной точкой в карьере Черчилля: здесь он показал себя государственным вождем большой решимости и большого мужества!

Потом я спросил премьера:

– Какова ваша генеральная стратегия в этой войне?

Черчилль еще сильнее усмехнулся и бросил:

– Моя генеральная стратегия состоит сейчас в том, чтобы выжить [в] ближайšie три месяца.

Как сильно изменилась обстановка в тех пор! О положении Англии и говорить нечего – оно колоссально улучшилось за это время. Но даже если взять общую панораму войны и сравнить соотношение сил между фашистским лагерем и антифашистским, то, несмотря на все наши нынешние трудности, как бесконечно лучше и светлее перспективы сейчас по сравнению с тем, что было в 1940 г.!

И в этом мы можем черпать надежду на победу и уверенность в будущем.

^{19*} Само слово «Средний Восток» (англ.).

^{20*} Так в тексте.

^{21*} «Мы очень ясно понимаем» (англ.).

^{22*} Речь идет о начатых Британией 3 июля 1942 г. решительных действиях по выведению из строя главных сил французского военного флота.

9 июля*

Из моего жизненного опыта я вывел заключение:

– В политике никогда не говори никогда.

Еще одно:

Hitler has victories but he has no victory^{2*}, а в этом все дело.

10 июля

История политического кретинизма голландцев, о котором я недавно писал, сегодня закончилась разумным шагом: я и Вердуйнен* подписали соглашение об установлении дипломатических отношений между нашими странами. Вердуйнен был страшно доволен, явился на подписание в визитке, привел «свиту» из 6 человек и много говорил об «историческом» значении нашей акции. Вообще делал много шума.

Сам по себе Вердуйнен производит на меня впечатление неглупого и образованного человека, но кругозор его все-таки ограничен голландскими пределами. Для него сегодняшний акт, конечно, «историчен» – и как для представителя Голландии, и как для Вердуйнена. У меня имеется большое подозрение, что он воспользовался отъездом в США Ван-Клеффенса, сопровождавшего отправившуюся туда [королеву] Вильгельмину, для того, чтобы записать в свою собственную историю установление дипломатических отношений между Голландией и СССР. «Цыпленок тоже хочет жить!..» Пусть его. Лишь бы для нас было полезно.

[Далее в Дневнике помещена статья из газеты «Times» (1942. 11 July) под названием «СССР и Нидерланды. Дипломатические отношения установлены» и фото И.М. Майского и М. Вердуйнена, подписывающих соглашение об установлении дипломатических отношений. Отмечено, что после 1917 г. официальных дипломатических отношений между СССР и Голландией не существовало, но в период от начала Второй мировой войны и до вступления в нее Японии в Россию направлялись поставки сырья из Голландской Ост-Индии.]

11 июля (Бовингдон)

Иногда мне хочется вырваться из кровавого моря современности и унести мыслью к далеким будущим временам, когда блеск человеческого гения будет тратиться не на изобретение наиболее совершенных способов самоуничтожения, а на дела действительно творческие, конструктивные...

Сегодня у меня было именно такое настроение. И я думал вот о чем:

В XXI или XXII столетии, когда развернутый коммунизм утвердится везде, [в]станет проблема о создании единого человечества. Не то, чтобы национальные различия должны быть совсем устранены, – нет, это трудно, да, пожалуй, и нежелательно. Пусть в мире будет разнообразие. Пусть будут разные характеры, разные внешности, разные песни, разные вкусы. Без них жизнь стала бы очень скучной, а прогресс человечества затормозился бы.

* Рукописный текст.

^{2*} «У Гитлера имеются победы, но у него нет победы» (англ.).

* Во время отсутствия Ван-Клеффенса Вердуйнен исполнял обязанности министра иностранных дел Нидерландов.

Вместе с тем, однако, надо будет как-то слить эти пестрые национальные ручейки в едином многоводном потоке человечества. Надо будет создать такие формы жизни, чтобы национальные различия обогащали общую жизнь человечества, но не раздирали ее на враждебные друг другу элементы. Коммунизм, конечно, выкует прочную экономическую основу под зданием единого человечества, но все-таки «пережитки прошлого в головах людей» могут еще упорствовать. Пожалуй, придется подумать о каких-либо специальных мерах ускорения процесса создания единого человечества. О каких мерах?

О мерах более интенсивного перемешивания представителей разных национальностей. Например: почему русских детей не посылать на известный срок в школы Испании и обратно? Или почему бы китайским студентам не учиться в английских университетах, а английским в китайских? Или почему бы не создать в подходящих центрах интернациональных высших школ, куда принимались бы молодые люди обоего пола и всех национальностей? Или почему бы не производить в широких размерах обмен населения (но не в гитлеровском стиле) между различными странами?..

Как все это далеко от современности!

12 июля (Бовинглон)

Немцы наконец начали свое генеральное летнее наступление. Вот уже почти две недели, как жестокие бои идут в районе Курска–Харькова. Они вспыхнули сразу же после геройского падения Севастополя (какой беспримерный образчик героизма дал этот город!). Пока на стороне немцев несомненный успех. Они сосредоточили огромные массы танков и авиации (говорят о 8 тыс. танков, хотя эта цифра мне кажется преувеличенной) и, прорвав наш фронт под Курском, пробившись к Воронежу. Южнее они захватили Россошь. Мы должны были эвакуировать Старый Оскол и отступить к Кантемировке. Немцы усиленно стремятся, не жалея потерь, перейти Дон, и это в сравнительно небольших количествах им кое-где удалось. Однако сопротивление Красной Армии очень сильно, и пока закрепиться на левом берегу Дона враг не смог. Тем не менее общая ситуация на данном участке фронта чрезвычайно сложная, напряженная и опасная. Окружить сколько-нибудь крупные наши части немцам тоже не удастся (тут сказывается большая закаленность Красной Армии по сравнению с прошлым годом), но зато мы вынуждены отступать и терять важные позиции. В особенности это относится к желдороме Москва–Ростов, которая теперь перерезана под Россошью и почти перерезана под Воронежем, хотя самый город, вопреки слишком успешным реляциям Геббельса, продолжает еще оставаться в наших руках.

Что будет дальше?

Я не склонен думать, чтобы немцы решились под Воронежем продолжать движение на восток. Это слишком открыло бы их удару с фланга. Вероятнее [всего], немцы теперь попытаются «выровнять» всю линию фронта от Воронежа до Азовского моря, сдвинув ее на 100–150 миль на восток (расстояние от Курска до Воронежа около 130 миль). Об этом как будто бы свидетельствует сегодняшнее сообщение, что немцы начали атаку под Лисичанском. Серьезное наступление немцев в центре (против Москвы) или на севере (против Ленинграда) едва ли возможно. Сейчас не 1941 г., и одновременное широкое наступление по всему фронту им уже не под силу. Но на отдельных участках фронта немцы, как показал опыт минувших 2 недель, еще могут быть очень опасны.

Мы, конечно, будем всемерно задерживать движение немцев вперед. Мы имеем для этого сейчас больше возможностей, чем год назад. Мы будем по-прежнему изматывать, обессиливать врага отступлением с боями, нанесением ему возможно больших потерь людьми и материалами. Мы будем, очевидно, повторять тактику минувшего лета и выжидать такого момента, когда создадутся более благоприятные условия для нашего контрнаступления. Может быть, это случится опять зимой. Может быть, раньше. Судя по всему, однако, мы не собираемся наносить немцам серьезного наступательного удара (т.е. делать попытки прорвать его фронт, как он прорвал наш) в ближайшие 2–3 мес[яца]. Это, впрочем, не исключает контратак и ограниченных наступлений с нашей стороны как важного метода активной обороны.

Такая линия навязывается нам общей ситуацией, сложившейся нынешним летом.

В самом деле, если бы союзники создали этим летом эффективный второй фронт на западе, мы могли бы рискнуть большим стратегическим наступлением в 1942 г. (или, точнее, в летний сезон 1942 г.), имеющим целью перебить Германию ее становой хребет сейчас и закончить войну в Европе в 1943 г. К сожалению, никакого эффективного второго фронта на западе ни летом, ни ранней осенью ожидать нельзя. Мой разговор с Черчиллем 3 июля ставит все точки над «и». Из всего, что я здесь вижу, слышу и читаю, становится несомненным, что англо-американцы думают всерьез о втором фронте только в 1943 г. Почему? По двум главным причинам.

Во-первых, потому, что руководящие группы в обеих странах ставят ставку на истощение и Германии, и СССР. Как та, так и другая страна – каждая по-своему – представляет собой опасность для их господствующего положения. В США это чувствуется, пожалуй, сильнее, чем в Англии, ибо США меньше боятся за свое существование и, стало быть, могут свободнее вести большую политическую игру, однако и в Англии такие настроения достаточно сильны. Эти руководящие круги были бы страшно недовольны, если бы Германия была разбита в этом году Красной Армией в то время, как англо-американские военные силы не хотят или не могут принять еще активного участия в такой операции. Наоборот, эти руководящие круги очень желали бы, чтобы Германия была разбита англо-американскими военными силами. Тогда не СССР, а Англия и США стали бы решающим фактором на будущей мирной конференции. Тогда шансы победы в Европе были бы не на стороне социализма, а на стороне капитализма. Для того чтобы добиться такого результата, надо максимально обескровить СССР и оттянуть «решение» войны до 1943 г., когда англо-американцы будут лучше подготовлены для серьезных операций на европейском континенте. Вот почему Черчилль и Рузвельт так неохотно думают о втором фронте в 1942 г.

Во-вторых, в том же направлении действует и другая причина: страх англо-американской верхушки пред силой германской военной машины. Опыт ее в этом отношении до сих пор был весьма плачевный... Норвегия, Франция, Греция, Крит, Ливия... Когда я говорю о возможности второго фронта во Франции с премьером, с Иденом, с Паундом*, с Бруком** и др., я чувствую, как сразу же

* Паунд А. Дэдли П.Р. – адмирал флота, 1-й морской лорд.

** Брук Алан Френсис – фельдмаршал, начальник имперского генерального штаба, председатель Комитета начальников штабов.

они становятся uneasy^{3*}. Они испытывают страх. Они теряют доверие к себе. Они обнаруживают самый настоящий inferiority complex^{4*}. И потому они хотят, чтобы их как-нибудь «минувла чаша сия», а если это уже невозможно, то чтобы она пришла как можно позднее. Отсюда сильнейшее психологическое предрасположение тянуть с[о] вторым фронтом, откладывать его, находить тысячи препятствий для его реализации. И уж во всяком случае не начинать такой операции, пока англо-американцы не будут иметь явного и крупного превосходства на земле и в воздухе по сравнению с врагом, пока враг достаточно сильно не ослабеет. А ослабить его, сделать всю предварительную черную работу для победы они охотно предоставляют нам, Советскому Союзу...

Так или иначе, но на эффективный второй фронт в 1942 г. рассчитывать не приходится (разве произойдет что-либо совершенно непредвиденное). Это естественно налагает на нас свои ограничения.

Прежде всего нам надо экономить свои силы. Ибо на горизонте вырисовывается перспектива гораздо более длительной войны, чем можно было раньше предполагать. Я еще не теряю надежды, что 1942 г. станет решающим годом. Однако должен откровенно сказать, что эта надежда сейчас (когда выяснились намерения Англии и США в отношении второго фронта) у меня значительно слабее, чем, скажем, в марте, когда я выступал с[о] своей речью на вручении орденов английским летчикам.

Но если на горизонте перспектива длительной войны, то мы не можем летом 1942 г., по-прежнему борясь в одиночку против всей мощи германской военной машины, принимать на себя слишком много риска. Мы должны сохранять свои силы, чтобы не обескровиться в ходе войны, чтобы не прийти к финишу слишком истощенными (чего так хотели бы американцы и англичане).

Отсюда вывод: мы не можем сейчас рисковать генеральным наступлением против Германии. Нам приходится в основном оставаться на позиции обороны. Это имеет свои плюсы: меньше потери людьми (но, пожалуй, не вооружением). Это имеет свои минусы: инициатива остается в руках противника, приходится терять территории и ресурсы.

Выгодна ли такая тактика? Все зависит от баланса плюсов и минусов. Если на позиции обороны наши людские потери действительно очень значительно ниже, чем у противника, то указанная тактика выгодна. В противном случае нет.

Мне из Лондона трудно судить о балансе плюсов и минусов. Это виднее из Москвы. Если Москва считает необходимым стоять на позиции обороны^{5*}, – стало быть, нам выгодно придерживаться такой тактики. А, может быть, у нас и нет пока другого выхода.

13 июля

[Записи предпослана заметка в «Times» (1942. 11 July) под названием «Д-р Рауль Регис де Оливейра», помещенная по случаю его кончины 9 июля. За 15 лет своего пребывания на посту посла Бразилии в Великобритании он, как указано, проявил большие дипломатические способности и преуспел в развитии дружественных отношений с Лондоном.]

^{3*} Беспокойные (англ.).

^{4*} Комплекс неполноценности (англ.).

^{5*} Зачеркнуто слово «очевидно».

На меня Оливейра всегда производил впечатление идеального воплощения дипломатической пустоты. Впрочем, как дуайен (1933–[19]40 гг.) он был тактичен и корректен. Эти качества он проявлял даже в отношении меня, хотя между СССР и Бразилией никогда не было никаких отношений, а общий дух бразильской политики был, конечно, антисоветский. Жена Оливейры, которая выросла и воспиталась в Париже, считалась самой *smart lady** в дипкорпусе и при дворе. Одевалась она действительно великолепно – красиво и со вкусом. Как нимало я чувствителен к дамским туалетам, до сих пор не могу забыть ее голубую мантилью, в которой она однажды явилась во дворец^{2*}.

14 июля

Был сегодня утром у Идена. Он сообщил, что с севера получены очень неприятные новости: конвой № 17* сильно разбит немцами. Из 35 судов^{2*} 19 потоплено (это уже точно известно), 4 пришли в Архангельск, 5 находятся на Новой Земле, 2 – в Исландии, и судьба 5 неизвестна. Этот жестокий опыт серьезно ставит вопрос о возможности продолжать посылку конвоев, по крайней мере впредь до наступления более темного времени в арктических широтах. Адмиралтейство, по словам Идена, против дальнейшей посылки конвоев. Однако вопрос еще окончательно не решен¹⁷.

Я очень обеспокоился и спросил Идена, нельзя ли было бы впредь до принятия окончательного решения устроить совещание с участием его самого, [А.В.] Александра, Паунда, меня, Харламова^{3*} и Морозовского^{4*}. Иден согласился, и обещал договориться с заинтересованными лицами о дне и времени совещания. В порядке «мыслей вслух» Иден, между прочим, заметил, что, пожалуй, было бы неплохо, если бы в предполагаемом совещании принял участие также Черчилль. Я, конечно, не возражал.

Иден сообщил также, что бритпра готово приступить к более детальным переговорам о подготовке северной операции. Я обещал сообщить об этом в Москву.

Затем я спросил Идена, что ему известно о диспозиции японских войск в настоящий момент и вообще о намерениях Японии в отношении СССР, а также о намерениях Германии пустить в ход газы на нашем фронте. В последнее время до меня дошли сведения, будто бы немцы, которые прекратили подготовку к применению газов на востоке после предупреждения Черчилля 10 мая, теперь вновь вернулись к таким приготовлениям. Верно ли это?

Иден не мог дать мне немедленного ответа на мои вопросы, но обещал навести справки и затем меня информировать.

* Модная леди (англ.).

^{2*} Вписано вместо зачеркнутого – «ко двору».

* Имеется в виду караван PQ-17. Такое обозначение было присвоено караванам по инициалам Питера Квиллина (Peter Quelin) – офицера отдела планирования адмиралтейства (*Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945 гг. М., 1997. С. 40).

^{2*} По английским данным, 34 судна (см. примеч. 17).

^{3*} Харламов Н.М. – адмирал, глава военной миссии СССР в Великобритании.

^{4*} Морозовский Н.Г. – адмирал, помощник Н.М. Харламова.

15 июля

События развиваются быстрее, чем я мог предполагать. Я думал, что смогу прощупать ближайшие намерения британцев на том совещании, о котором вчера утром говорил с Иденом. Вышло несколько иначе. Вчера около 4 час[ов] дня позвонили от премьеры и пригласили меня с женой в тот же вечер на обед. Я согласился. Обед происходил в нижнем этаже 10, Downing Street. За обеденным столом оказались Черчилль с женой, я с женой и... адмирал Паунд. Я сразу понял, что дело принимает серьезный оборот. И не ошибся. После обеда пришел Иден. Однако все точки над «и» были поставлены еще до появления министра иностранных дел.

Разговор начал Черчилль. Он упомянул конвой № 17 и сообщил те данные о его судьбе, которые я уже слышал [накануне] утром от Идена.

– Что теперь дальше делать? – продолжал Черчилль. – Моряки нам не советовали отправлять конвой 17. Они считали, что опасность слишком велика. Военный кабинет пренебрег их советом и приказал вести конвой. Мы считали, что, если даже половина судов пройдет в Архангельск, овчинка стоит выделки. Вышло хуже, чем мы думали: три четверти конвоя погребло. 400 танков и 300 самолетов на дне моря!.. У меня сердце обливается кровью.

Премьер сердито засопел и с раздражением стукнул по столу рукой. Потом он продолжал:

– Но что все-таки делать? Нет никакого смысла спускать танки и самолеты в воду. С таким же успехом их можно было бы бросать в Темзу. Придется, очевидно, временно прекратить конвой и подождать наступления темноты в Арктике... Правда, зимой замерзнет Архангельск, а Мурманск слишком близко от немецких аэродромов, да и очень пострадал от налетов... Город выгорел... Но все-таки...

Я стал решительно возражать. Как? Прекратить снабжение СССР? И когда? Как раз в тот момент, когда он борется за жизнь? Когда оружие ему нужно больше, чем когда-либо? Какой эффект имел бы такой шаг на судьбу* борьбы? Какой эффект он имел бы на психологию нашей страны?.. Прекращение конвоев невозможно. Они должны продолжаться. Но надо лучше поставить охрану конвоев. Это возможно. Надо, чтобы крупные суда были ближе к конвоям, чем они были в случае с конвоем 17 (от которого они были на расстоянии 400 миль), и чтобы конвой сопровождала авиаматка^{2*}. Тогда конвой станут реальными даже сейчас. А позднее, с наступлением темноты, проводить конвой станет еще легче.

Тут вмешался Паунд и с видом превосходства задал мне вопрос:

– Считали ли бы вы возможным биться об заклад против certainty^{3*}?

– Certainty, – ответил я, – понятие относительное. Что в одних условиях может считаться certainty, в других условиях может таковой и не быть.

– Так вот, – с тем же видом превосходства продолжал Паунд. – Take it from me^{4*}: если мы отправим конвой 18, судьба его будет не лучше, чем судьба предшественника. Может быть, даже хуже. Это certainty. Если бы я командовал «Тирпицем», ни одно судно не прошло бы в Архангельск. Ручаюсь за это. Если до сих

* Так в тексте.

^{2*} Авиаматка – авианесущий корабль.

^{3*} Несомненный факт, уверенность (англ.) (вписано от руки).

^{4*} Уверяю вас (англ.).

пор мы благополучно провели 16 конвоев, то это было просто «чудо». Немцы еще не умели бороться с конвоями. Теперь они научились, и нам следует отсюда сделать выводы. Мы не можем рисковать нашими крупными судами. Положение на море сейчас слишком деликатно. Достаточно нам лишиться 2–3 крупных судов, и весь баланс на море повернется против нас. Мы не сможем сохранить своего превосходства даже в Атлантике. Не сможем возить из США в Англию американскую армию... А опасность для крупных судов в районе северной Норвегии несомненно есть – от германской береговой авиации и от германских подлодок, которыми кишит Баренцево море.

Черчилль с хмурым видом поддержал Паунда.

– Да, да, – сказал он. – Погубить 2–3 крупных судна очень легко, а потом что? Никакие слезы нам не помогут.

Я вновь стал возражать. Я говорил о том, что история конвоя 17 возбуждает у меня много недоуменных вопросов. Почему, например, эскорт конвоя в критическую минуту состоял из эсминцев, корветов и подлодок, а крупных судов поблизости не было? Между тем известно, что в 400 милях от места катастрофы крейсировали 2 линкора, 1 авиаматка, 6 крейсеров и 17 эсминцев. Почему при известии о выходе «Тирпица» из норвежских фиордов в северном направлении этот мощный флот не только не пошел наперерез «Тирпицу», а наоборот, даже слабый эскорт, сопровождавший конвой, был спешно отозван? Почему тихоходному конвою после этого было дано приказание «рассыпаться», когда было совершенно очевидно, что для эффективного рассеяния было уже поздно? Почему адмиралтейство не блокирует минами и подлодками выходов из фиордов, где находится на стоянке «Тирпиц» и др. германские суда? Почему адмиралтейство не производит специальной разведки во время движения конвоя? Почему не употребляются авиаматки для сопровождения конвоя?.. Все эти и многие другие вопросы возникают, когда анализируешь судьбу конвоя 17. Я, конечно, не моряк и допускаю, что на все указанные вопросы имеются какие-либо удовлетворительные ответы, но все-таки я убежден в одном: защиту конвоев можно организовать лучше, чем это имело место до сих пор. Надо только иметь желание и отличаться необходимой смелостью.

Паунд опять стал^{5*} мне отвечать. Дело, видите ли, в том, что у англичан сейчас всего лишь 1 авиаматка в северных водах, которой они не могут рисковать. К тому же самолеты авиаматки гораздо слабее, чем самолеты германской береговой авиации. Эскорт был отозван, пот[ому] что он не в силах был бы противостать «Тирпицу» и только бесполезно был бы потоплен. Крупный флот находился в 400 милях от места катастрофы, чтобы не стать жертвой немецких бомбардировщиков. Конвою было приказано «рассыпаться», так как иначе «Тирпиц» в течение какого-либо часа потопил бы все до одного суда. А так подлодкам и авиации потребовалось, по крайней мере, дня два для своей работы, около четверти же конвоя все-таки уцелело. В том же духе были и другие объяснения бравого адмирала.

Премьер поддерживал Паунда, хотя и без энтузиазма. Потом, впадая в философский тон, Черчилль сказал:

– Ведь подумать только: немцы собрали в районе Нордкапа около 300 самолетов, поставили для охраны их 3–4 дивизии... А в результате порвана связь

^{5*} Далее зачеркнуто слово «возражать».

между 130 мил. американцев и 47 мил. англичан, с одной стороны, и 180 мил. русских – с другой... Вот что значит авиация!

Так как от этой философии не было никакого толку, то я спросил премьера, как же все-таки будет дело с конвоем 18?

Черчилль подумал мгновение и потом, как бы делая уступку, ответил, что спросит об этом американцев. В конвое 18 свыше 22 судов должны принадлежать американцам – пусть они и решают: если хотят рисковать, британцы обеспечат им эскорт^{6*}.

Вывод для меня был ясен: Паунд, конечно, сумеет достаточно напугать американцев, и конвоя 18^{7*} не будет.

– Итак, – констатировал я, – в самый острый для нас момент вы прекращаете подвоз военного снабжения, но тогда еще острее становится вопрос о срочном создании второго фронта. Каковы тут перспективы?

Черчилль ответил, что его точка зрения по данному вопросу нам известна. Она изложена в меморандуме 10 июня, врученном Молотову. Она повторена им в разговоре со мной 3 июля.

– Мне это известно, – возразил я, – но ведь ситуация сильно изменилась не только с 10 июня, но даже и с 3 июля. Последние 10 дней имеют исключительно важное значение. Они показали, что Гитлер сумел собрать для своего наступления больше сил, чем раньше предполагалось. Наши неудачи на фронте оказались также гораздо больше, чем мы ожидали. Положение на советско-германском фронте создалось угрожающее. Конечно, Красная Армия будет героически драться, как она и до сих пор дралась, но всему есть предел. Кто знает, что случится? Если СССР срочно не получит помощи с запада в форме второго фронта, совсем не исключено, что нам придется отступить далеко на восток. Это значит, что СССР потеряет большую и ценную территорию с многочисленным населением, с важными путями сообщения, с крупными ресурсами. Данный факт не сможет, конечно, не отразиться и на морали страны и армии. В итоге СССР станет слабее, а Германия станет сильнее, чем в настоящее время. Что это значит? Это значит, что весной 1943 г. Англии и США придется встретиться на западе с гораздо большими немецкими силами, чем сейчас. И хотя Англия и США тогда будут чувствовать себя крепче, чем в 1942 г., но они от этого ничего не выиграют, ибо тем временем ослабеет СССР. В результате того количества дивизий, которое вы с Рузвельтом собираетесь приготовить к вторжению на континент весной 1943 г., окажется уже мало. Надо будет его удвоить. Откуда вы возьмете эти дополнительные силы?.. Мой вывод: лучше 25 дивизий в 1942 г., чем 50 дивизий в 1943! Так говорит простой трезвый расчет.

Черчилль внимательно слушал меня. Потом он сказал:

– Да, я согласен с вами. Я уже слышал такие аргументы во время визита Молотова. Весьма возможно, что вам придется отступить на восток. Весьма возможно, что весной 1943 г. нам придется встретить на европейском континенте не 25 второсортных германских дивизий, которые сейчас охраняют Францию и Бельгию, а 50 или 60 дивизий первой линии... Все это я понимаю... Но что же делать?.. В 1942 г. мы просто не в состоянии пойти на серьезные операции по созданию второго фронта. Нет никакого смысла лезть в нелепую авантюру,

^{6*} Далее вычеркнута фраза: «На этом разговор о конвоях кончился».

^{7*} Вычеркнуто слово «конечно».

которая должна кончиться крахом. Это не поможет ни вам, ни нам. От этого выиграют только немцы.

Паунд, самодовольно улыбаясь, поспешил поддержать премьера. Я стал резко возражать Паунду. Этот 65-летний подагрик, который никогда в жизни не выиграл ни одной битвы, но который зато умеет ловко выигрывать чины и ордена на министерских паркетах, раздражал меня с каждой минутой все больше. Черчилль вмешался в наш спор и заметил:

– Мы готовы помочь вам, чем можем. Мы готовы, например, принять участие в северной операции – всеми видами оружия.

– В том числе и армией? – спросил я. – В каких размерах?

– В том числе и армией, – подтвердил Черчилль. – Я поручил разработку всего плана начальнику канадского корпуса генералу Мас Nanten^{8*}. Хороший человек. 3–4 дивизии мы смогли бы дать на эту операцию. Надо очистить север Норвегии от германских разбойников. Я готов ради этого на многое пойти¹⁸.

Черчилль прихлебнул из рюмки с вином и продолжал:

– Мы приложим все усилия для того, чтобы максимально увеличить транзит оружия в СССР через Персию... Если дела в Египте пойдут хорошо, я готов перебросить на ваш южный фронт большое количество нашей авиации.

И дальше Черчилль перешел к описанию позиции в Египте. Выходило все очень хорошо: подкрепления к Роммелю подходят медленно, англичане опять имеют перевес над Роммелем не только в пехоте, но также в танках, пушках, не говоря уже об авиации. Со дня на день можно ждать решающих событий.

– Уж если сейчас мы не сумеем добиться крупного успеха, – закончил премьер, – то я не знаю, что и думать о нашей армии?

Я слушал Черчилля, и в душе у меня становилось беспокойно. Сколько уже раз оптимизм премьера являлся предтечей поражений Англии на суше! Не выйдет ли того же и сейчас?..

Я спросил Черчилля, почему в последние недели замерли большие налеты на Германию?

Премьер ответил, что частью тут играет роль погода, частью некоторое изменение в политике бритпра: воздушные бомбардировки сейчас в первую очередь направляются на места постройки и базы подлодок.

– Подлодки – это главное, – поспешил вставить Паунд, – от этого зависит будущее войны.

– А не думаете ли вы, адмирал, – с раздражением возразил я, – что будущее войны в гораздо большей степени зависит от танков?

Вмешался Черчилль и примирительно заметил, что английская авиация будет бить не только по базам подлодок, но также и по другим объектам. Я, однако, совсем не убежден, что эта поправка премьера будет иметь серьезные практические последствия.

Затем Черчилль заговорил:

– My worries^{9*} располагаются сейчас в таком порядке. На первом месте битва в России. Это самое главное. На втором месте – положение на море. Далее

^{8*} Правильно – Макнотон Э. (McNaughton A.G.L.) – генерал, командующий канадским корпусом в Великобритании.

^{9*} Мои тревоги (англ.).

следует значительный, очень значительный промежуток и, наконец, идет битва в Египте.

После обеда все перешли в соседний салончик. Закурили. Паунд сидел, надменно пыхая сигарой и пуская кольца дыма в пространство. Пришел Иден. Вид у него был смущенный. Он спросил Черчилля:

– Так что ж, будем говорить о конвоях и северной операции?

Черчилль угрюмо буркнул:

– Мы уже говорили.

Разговор не клеился. Миссис Черчилль, которая во все время обеда явно чувствовала себя не в своей тарелке, делала героические усилия для того, чтобы разговор совсем не замерз. Бедная миссис Черчилль! Она была сильно расстроена и в разговоре за столом несколько раз осторожно пыталась меня поддержать. Но премьер рычал, и она умолкала. Впрочем, сам премьер был в мрачном настроении, говорил с трудом, резко, глухо, с раздражением – не то на себя, не то на обстоятельства, которые заставляют его делать что-то нехорошее.

Агния спросила Черчилля:

– Так чем же вы можете нам сейчас помочь?

Черчилль угрюмо и с расстановкой ответил:

– К сожалению, очень немногим, миссис Maisky, к сожалению, очень немногим.

И затем с внезапным оживлением воскликнул:

– Но мы еще вместе отпразднуем победу!

Видно было, что премьеру нелегко.

Только Паунд чувствовал себя великолепно: курил, смеялся, рассказывал анекдоты. Еще бы: он сделал свое дело!

Вот эти Паунды, вот эта высшая бюрократия, тысячами нитей связанная с верхушкой буржуазии, а не министры, которые приходят и уходят, правит Англией! Вчерашний вечер был тому прекрасной иллюстрацией...

Возвращался я домой с тяжелыми мыслями. На душе было смутно и тревожно.

16 июля

Так как Черчилль 14[-го] вечером заявил, что по вопросу о конвое 18 будет говорить с американцами, утром 15[-го] я был у [Дж.] Вайнанта и [У.А.] Гарримана. Обоим я объяснил ситуацию и просил не прекращать конвои. Вайнант обещал свое содействие, Гарриман был *popcommittal** и высказывал сожаление, что совпра в прошлом так упорно настаивало на использовании северных портов и не обращало достаточного внимания на линию Персидского залива. Несмотря на добрые намерения Вайнанта, я не жду большого толку от его вмешательства, так как, по словам Гарримана, вопрос о конвоях поставлен бритпра пред Рузвельтом.

После «ланча» я был у Бивербрука и также говорил с ним о конвоях. Бивербрук обещал навести справки и сделать все возможное. Потом мы говорили о втором фронте и общеполитическом положении. Я ознакомил Бивербрука с моей беседой с премьером вечером 14[-го] и по вопросу о втором фронте суммировал мое мнение так: лучше 25 дивизий в 1942 г., чем 50 дивизий в 1943 г. Бивербрук заметил, что, по его мнению, можно было бы начать операцию с 10 ди-

* Уклончив (англ.).

визиями. Бивербрук выявил большое беспокойство по поводу положения на нашем фронте («я никак не ждал, что немцы уже в июле окажутся в долине Дона») и, сделав таинственный вид, прибавил, что события в СССР могут иметь большие последствия в Англии. В тон Бивербруку я спросил, верны ли слухи об его предстоящем возвращении в кабинет?

– Черчилль меня опять приглашает, – с тем же таинственным видом ответил Бивербрук, – особенно усердно приглашает с тех пор, как начались неудачи в России, но я не хочу идти в правительство... Я считаю, что с точки зрения общественного интереса мне, пожалуй, лучше подождать... Может наступить момент, когда я что-либо смогу сделать, но он еще не пришел.

Игра Бивербрука ясна: он метит в премьеры и ждет, что неудачи в СССР плюс нежелание Черчилля открывать сейчас второй фронт создадут в стране обстановку, при которой Черчиллю придется уйти. С другой стороны, и игра Черчилля ясна: именно поэтому он хочет заполучить Бивербрука в правительство, чтобы связать ему руки. Личные узоры на фоне мировой трагедии.

Перед вечером я был у Криппса в его официальном помещении (Twydyt House, Whitehall^{2*}). Говорил о конвое. Криппс защищал точку зрения [адмирала] Паунда и Черчилля. От него я услышал одну вещь, которая мне несколько осветила поведение премьера. Оказывается, бритпра живет сейчас в постоянном страхе: немцы закончили авиаматку «Граф Цеппелин» и производят с ней опыты в Балтике. Немцы работают сейчас над программой: 500 подлодок к весне 1943 г. Что делать? Что будет с Англией, когда и авиаматка и 500 субмарин придут в движение? Что станет с англо-американскими морскими коммуникациями?.. Отсюда вывод: берегите пуще зеницы ока имеющиеся крупные суда!

До чего все-таки англичане потеряли всякий наступательный дух! «Тирпиц» в норвежских фиордах – и вместо того, чтобы сконцентрировать энергию на его уничтожении или, по крайней мере, серьезном повреждении, англичане приостанавливают конвои. Немцы готовят авиаматку и свору подлодок – и вместо активной борьбы с надвигающейся опасностью жалобы, страх, причитания.

Потом говорили с Криппсом о втором фронте. И здесь он строго поддерживал официальную точку зрения, подчеркивая, что все-таки есть надежды на лимитированный десант в 1942 г. ... Бритпра его подготавливает...

Меня это, в конце концов, разозлило, и я не очень вежливо сказал:

– Да, подготавливает... А когда придет время делать десант, найдутся какие-либо зацепки, чтобы его отложить... Знаю я ваших Паундов!

Криппс недоуменно пожал плечами.

Содержание послания Черчилля Сталину (17 июля 1942 г.)*

1. Мы начали посылку малых конвоев на север России в августе 1941, и до декабря немцы не принимали никаких мер для борьбы с ними. С февраля 1942 мы увеличили размеры конвоев, и тогда немцы направили в Сев[ерную] Норвегию значительное число субмарин и много самолетов и открыли атаки на конвои. Благодаря эффективной охране из миноносцев и антисубмаринных судов конвои были в состоянии пробиваться, неся известные, но не катастрофические потери. Немцы были разочарованы и в дополнение к субмаринам и самолетам двинули туда также надводные корабли. К счастью для нас, немцы вначале концентрировали свои надводные силы к западу, а свои субмарины к востоку от Медвежьего острова^{2*}. Благодаря этому наш отечественный флот

^{2*} Туайдир-хаус, Уайтхолл (англ.).

* Текст послания, полученного 18 июля 1942 г., см.: Переписка... Т. 1. № 56. С. 63–67.

^{2*} Остров Медвежий.

мог предупредить атаку на конвои вражеских надводных судов. Перед посылкой майского конвоя адмиралтейство предупредило о вероятности больших потерь, т.к. ожидалось, что немцы сосредоточат свои надводные силы к востоку от Медвежьего острова. Все-таки мы послали конвой и благополучно доставили его на место с потерей лишь около одной шестой части судов, т.к. немецкая атака надводными судами не состоялась. Но с конвоем ПК 17^{3*} произошло как раз то, чего мы так опасались. Верных сведений мы пока еще не имеем, но уже известно, что 4 судна прибыли в Архангельск, 6 находятся на Н[овой] Земле, остальные, судя по всему, погибли. Т[аким] о[бразом] уцелела в лучшем случае одна треть.

2. Я должен тут сделать некоторые пояснения: мы не можем рисковать нашим отечественным флотом в районах восточнее Медвежьего острова и вообще там, где он может попасть в сферу действия германских бомбардировщиков береговой обороны. Если бы мы потеряли 1 или 2 из наших наиболее мощных линкоров в то время, как «Тирпиц» и др., к которым скоро присоединится еще «Шарнгорст», останутся в строю, то мы лишимся нашего господства в Атлантике. Это поставило бы под угрозу получение продовольствия, которым мы живем, нанесло бы удар нашим военным усилиям, а главное, задержало бы переброску к нам американских войск (прибывающих в количестве 80 тыс. ежемесячно), что сделало бы создание второго фронта в 1943[г.] невозможным.

3. Мои морские советники говорят, что если бы они располагали теми силами, которыми сейчас располагают на севере немцы, то они не пропустили бы ни одного конвоя. Они утверждают, что при нынешнем круглосуточном солнце в Арктике всякий новый конвой постигла бы судьба ПК17. Поэтому с величайшим сожалением мы должны отказаться от посылки ПК 18. Заверяю вас, что мы возобновим конвой, как только удастся обеспечить сколько-нибудь безопасное их проведение (хотя бы и с значительными потерями).

4. Пока же мы направляем в Персидский залив часть судов, которые должны были принимать участие в ПК 18. О выборе судов договоримся с вашими представителями в Лондоне. Мы надеемся в октябре довести пропускную способность трансперсидской дороги до 75 тыс. т в месяц и в дальнейшем поднять ее еще больше. Мы хотим также развернуть там с помощью американцев автомобильный транспорт.

5. Ваша телеграмма от 20.6 касалась совместной операции на севере^{4*}. Сейчас отправка туда наших вооруженных сил невозможна по тем же причинам, по которым невозможна посылка конвоев. Однако мы немедленно начнем разработку планов такой операции в октябре или позже, когда на севере станет темнее. Хорошо, если бы Вы прислали сюда своих военных для участия в подготовке наших общих планов.

6. Мы изучаем также возможность совместных операций на нашем южном фланге после того, как мы разобьем Роммеля. Но прежде надо его разбить.

7. Большое спасибо за 40 Бостонов^{5*}. Мы все время увеличиваем свои силы в Африке. Большие подкрепления идут ген[ералу] Окинлеку. Предстоящее прибытие тяжелых английских и американских бомбардировщиков обеспечит безопасность в восточной части Сред[иземного] моря.

8. Уверен, что будет в наших интересах перебросить 3 польские дивизии, кот[орые] вы предложили, в Палестину на соединение с находящимися здесь их сородичами. Надо только позаботиться, чтобы с 3 дивизиями не прибыли жены и дети солдат, т.к. в Леванте мало продовольствия. Мы готовы, однако, семьи поляков разместить в Индии.

9. Если мы не получим этих поляков, то должны будем взять вместо них часть тех англо-американских сил, которых готовим для массового вторжения на континент. Эта подготовка уже заставила немцев снять с юга России две группы тяжелых бомбардировщиков. Поверьте, мы и американцы хотим помочь вам всяким полезным и разным способом в вашей великой борьбе. Я и президент неустанно изыскиваем средства для преодоления необычных трудностей, которые создают нам география, соленая вода и авиация врага. Я ознакомил с этой телеграммой Рузвельта.

19 июля (Бовингдон)

Тяжелая неделя!

Дела на фронте очень серьезны¹⁹. Правда, Воронеж по-прежнему в наших руках, мы даже стали теснить здесь немцев. Это очень важно. Но зато на юге

^{3*} PQ 17.

^{4*} См.: Переписка... Т. 1. С. 62.

^{5*} «Бостон» – американский бомбардировщик.

ситуация принимает грозный характер. Мы потеряли Кантемировку, Богучары, Миллерово. Немцы заявляют, будто бы ими захвачен также Ворошиловград (Луганск). Не знаю, насколько это верно. С нашей стороны подтверждения нет. Во всяком случае наступление немцев в долине Дона развивалось в течение минувшей недели быстро и успешно, и сейчас они явно угрожают Ростову. Совершенно очевидно, что немцы идут на Сталинград, хотя перерезать линию Волги и оторвать Кавказ от остального СССР. Если бы им это удалось, положение стало бы критическим. Удастся ли? Какое-то внутреннее чувство говорит мне, что не удастся. Это внутреннее чувство подкрепляется – как это ни странно покажется на первый взгляд – быстротой и легкостью германского продвижения на восток. Общее впечатление таково, что серьезного сопротивления этому продвижению мы не оказываем, даем лишь арьергардные бои для того, чтобы задержать неприятеля. Между тем главные силы, видимо, отступают по плану. Если это так, то значит где-то мы сделаем stand* всерьез. А если сделаем, то, очевидно, где-то до Сталинграда и в обстановке, дающей надежду на успех. Поживем – увидим. Но пока нельзя закрывать глаза на то, что сейчас мы смотрим в лицо смертельной опасности для нашей страны, для революции, для всего будущего человечества.

Прошлая неделя была, однако, тяжела не только на фронте. Она была тяжелой также здесь, в Лондоне. Мои разговоры с Черчиллем, Иденом, Криппсом, Бивербруком и др., все, что за последнее время я здесь слышал, видел и читал, приводят к таким выводам:

1) Второго фронта в 1942 г. не будет.

2) Снабжение СССР со стороны Англии и США будет сокращено (из-за трудности проводить северные конвои).

3) Возможны северная операция (Петсамо и т. д.), десант на противоположном берегу, о котором речь шла во время визита Молотова (но гарантировать его реализацию я не рискнул бы), усиление воздушных бомбардировок Германии и рейдов на французский берег (при наличии нашего серьезного нажима), переброска части британских воздушных сил с[о] Среднего Востока на наш южный фронт (если дела в Египте повернутся в благоприятную для англичан сторону).

В переводе на простой русский язык это значит, что в кампании нынешнего года мы должны рассчитывать только на самих себя. Иными словами, в самый критический для нас момент мы брошены нашими союзниками на произвол судьбы. Это очень неприятная истина, но нет никакого смысла закрывать на нее глаза. Это надо учитывать во всех наших планах и расчетах. Это надо запомнить на будущее.

21 июля

На последнем «уик-энде» в Бовингдоне я обдумывал план ближайших действий. Один вопрос все время гвоздил мою голову: что я, советский посол в Англии, могу еще сделать, чтобы помочь своей стране в этот критический момент? Что я могу сделать, чтобы сорвать опасную летаргию, сковывающую сейчас британскую правящую верхушку, чтобы привести в движение скованные здесь силы, чтобы облегчить рождение второго фронта?

* Остановка (англ.).

С этими вопросами в голове я гулял по саду, валялся на траве, глядя в далекое синее небо, подставляя лицо, шею, руки, грудь так редко появляющемуся в Англии горячему солнцу. И вот надумал такой план:

1) Сталин должен крепко поставить пред Черчиллем вопрос о конвоях и втором фронте, подчеркнув, что наш народ не понимает пассивности Англии в такой грозный для нас час и что если второго фронта в 1942 г. не будет, то война может быть проиграна, или, как минимум, СССР настолько ослабеет, что в дальнейшем не сможет принимать особо активного участия в борьбе.

2) После отправки Сталиным такого послания Черчиллю я выступлю в том же духе пред частным собранием депутатов парламента и пред редакторами лондонских газет (конечно, без ссылок на послание).

Запросил об этом плане Москву. Жду ответа.

Мой расчет: данный план может оказать известное влияние на ситуацию и на приближение второго фронта. В крайнем случае эффект его может облегчить, по крайней мере, реализацию мероприятий второго ранга, вроде возобновления конвоев, усиления бомбардировок Германии и т.п.

И, наконец, если *worst would come to the worst**, мой план явился бы оправданием совпра пред нашим народом и пред историей в том, что оно сделало все человечески возможное для своевременного пробуждения британской правящей верхушки от ее летаргии и не наша вина, если этого не случилось.

23 июля

Мой план Москвой принят.

Сегодня поздно вечером вручил Черчиллю послание т. Сталина. Оно несколько мягче, чем я предлагал, но достаточно крепко и решительно. Мне хотелось передать его премьеру в присутствии Идена, но Иден сегодня вечером выступал с большой речью в Ноттингеме, и в Лондоне его не было. Черчилль же не хотел дожидаться с получением ответа на свое послание от 18 июля до завтра. Поэтому в 10.30 вечера я был у премьера на 10, Downing Street и вручил ему полученный мной документ.

Черчилль был в своем *Siren suit'e** и в плохом настроении. Как выяснилось из дальнейшего, он только что получил неутешительные вести из Египта. Британская атака, на которую премьер возлагал столько надежд, кончилась ничем: [Э.] Роммель, правда, несколько отброшен назад, но не уничтожен. А задача была – разбить Роммеля! Если англичанам не удастся сделать этого сейчас, когда немцы по горло заняты в СССР и когда Роммелю очень трудно получать подкрепления, то чего же можно ждать дальше? С горя Черчилль, видимо, немножко перехватил виски. Это заметно было по его лицу, глазам, жестам. Моментами у него как-то странно тряслась голова, и тогда чувствовалось, что в сущности он уже старик и что не за горами время, когда он быстро пойдет под гору... Только страшное напряжение воли и сознания поддерживает Черчилля в состоянии дееспособности!

Послание Сталина произвело на премьера впечатление, которого я ожидал. Он был одновременно подавлен и обижен. Самолюбие премьера было сильно

* Произойдет худшее из худшего (англ.).

* Siren suit (англ.) – костюм сирены.

задето (особенно обвинением Сталина в неисполнении взятых на себя обязательств), и в голове у него даже как будто бы мелькнула мысль о возможности выхода СССР из войны, пот[ому] что совершенно неожиданно он заговорил:

– Что ж, мы были уже одни... Мы боролись... Надо удивляться, как это еще наш маленький остров устоял... Но...

– Бросьте думать о глупостях, – резко прервал я Черчилля. – Никому у нас в голову не приходит [мысль] о прекращении борьбы. Наш путь определен раз [и] навсегда – to the bitter end^{2*}. Однако надо считаться с реальностями ситуации: в 1942 г. мы сильнее, чем, по всей вероятности, будем в 1943 г. На это незачем закрывать глаза ни нам, ни вам!

Черчилль успокоился, но долго еще доказывал, что он делает все возможное и что по вопросу о втором фронте остается в силе меморандум 10 июня...

В заключение премьер заявил, что доложит ответ Сталина военному кабинету и лишь после того сможет что-либо сказать.

В ходе разговора, пользуясь впечатлением, произведенным на Черчилля посланием Сталина, я поставил вопрос о возобновлении конвоев и об усилении воздушных бомбардировок Германии. Расчет мой оправдался: Черчилль теперь уже готов был согласиться, что конвой № 17 не должен служить прецедентом для будущего, ибо, может быть, действия адмиралтейства в данном случае были не вполне удачны, и склонялся к мысли осылке нового конвоя в сентябре. Я отстаивал август, но без успеха. Причиной является Мальта: в течение августа бритпра во что бы то ни стало должно снабдить Мальту провиантом и снаряжением, иначе она может не выдержать, а такая операция требует огромной концентрации сил. Поскольку конвой в Архангельск в нынешних условиях тоже требует огромной концентрации сил, то одновременно проделать то и другое нельзя. Отсюда вывод: август – для Мальты, сентябрь – для Архангельска. Я почувствовал, что^{3*} столкнулся с непреодолимой стеной.

Что касается усиления воздушных бомбардировок Германии, то тут Черчилль был очень щедр на обещания. Так как я уже не раз слышал от него раньше такие же обещания (однако без последующей полной реализации), то я спросил, не могу ли принять более близкое участие в разработке и наблюдении за выполнением плана бомбардировок Германии на август и сентябрь? Эти месяцы особенно важны под углом зрения событий, происходящих в СССР.

Черчилль не возражал и предложил мне поговорить на данную тему с начальником бомбардировочной авиации воздушным маршалом сэром Артуром Харрисом. Я намотал это себе на ус.

Содержание послания Сталина Черчиллю (23.7. 42)*

1. Получил ваше послание от 18.7., из которого вытекают два вывода: 1) бритпра прекращает посылку военных материалов северным путем и 2) несмотря на согласованное коммюнике относительно срочных задач по созданию второго фронта в 1942, бритпра откладывает его до 1943.

2. Наши морские эксперты находят аргументы, выдвинутые британскими военными специалистами против посылки конвоев, совершенно неубедительными. Они считают, что при доброй воле и готовности к исполнению взятых на себя обязательств эти конвои могли бы регулярно проводиться, а врагу могли бы наноситься тяжелые потери. Наши эксперты не могут понять и объяснить приказ, данный адмиралтейством, о том, чтобы эскортные суда ПК 17 вернулись, а гру-

^{2*} До самого конца (англ.).

^{3*} Далее вычеркнуто – «здесь».

* Текст см.: Переписка... Т. I. № 57. С. 67–68.

зовые суда рассеялись и старались поодиночке, без всякого прикрытия, добираться до советских портов. Я вполне сознаю, что конвои не могут проводиться без риска или потерь. Но во время войны ни одно серьезное предприятие не может проводиться без риска или потерь. Во всяком случае, я никогда не ожидал, что бритпра приостановит доставку нам военных материалов как раз тогда, когда в связи с серьезным положением на советско-германском фронте эти материалы нам нужнее, чем когда-либо. Совершенно очевидно, что маршрут через Персидский залив ни в коем случае не может нас компенсировать за прекращение северных конвоев.

3. Что касается второго фронта, то мне кажется, что этот вопрос не рассматривается с той серьезностью, какой он заслуживает. Принимая во внимание нынешнее положение на советско-германском фронте, я должен заявить со всей решительностью, что совпра ни в коем случае не может примириться с откладыванием второго фронта в Европе до 1943.

Я надеюсь, Вы не почувствуете себя оскорбленным за то, что я честно и откровенно изложил свое мнение, а также мнение моих коллег по вопросам, затронутым в вашем послании.

24 июля

Вернувшийся из Ноттингема Иден вызвал меня к себе и сказал, что ознакомился с посланием Сталина. Черчилль очень hurt* и тяжело его^{2*} переживает. Вместе с тем премьера мучит мысль, что в этот тяжелый час он так мало может сделать для своего союзника. Военный кабинет также задет посланием Сталина. Чтобы предупредить возможность дальнейших обострений и не развивать полемической литературы^{2*}, Иден считает, что в данный момент лучше всего оставить последнее послание Сталина совсем без ответа. Пусть страсти немного улягутся, и настроения станут спокойнее.

– В конце концов, – прибавил Иден, – вы ждете от нас ответа не словами, а делами. Подождем дел.

И затем, слегка усмехнувшись, бросил:

– Два больших человека столкнулись... Вышла размолвка... Нам с вами надо помирить их... Плохо, что они никогда лично не встречались!

Все это звучало не плохо. Все пока идет, как я ожидал.

Черчилль горяч, но отходчив. После первой эмоциональной реакции он начинает размышлять и калькулировать как государственный человек и еще больше как парламентарий. И, в конце концов, приходит к надлежащим выводам. Чем сильнее шок, тем больше шансов, что Черчилль сделает нужное дело. Вспоминаю историю с посланием Сталина от 8 ноября п[рошлого] г[ода]. Сначала Черчилль бушевал – открыто, в моем присутствии. Потом Иден и Бивербрук стали успокаивать премьера. Потом он сам стал размышлять и калькулировать. В итоге Черчилль предложил Сталину отправить в Москву Идена, и мир был восстановлен. Отсюда проистекли поездка Идена в декабре 1941 г., переговоры в Кремле, визит Молотова в Лондон и подписание англо-советского договора.

Что выйдет сейчас? Не знаю. Во всяком случае, до сих пор мой расчет оказывается правильным. Поживем – увидим.

Я обещал Идену свое содействие в восстановлении «мира» между большими людьми и затем заговорил о конвоях и о воздушных бомбардировках Германии, сославшись на мою вчерашнюю беседу с премьером. Иден реагировал хорошо. Условились, что на следующей неделе состоится совещание по конвоям, а также мое свидание с [А.] Харрисом.

* Обижен (англ.).

^{2*} Так в тексте.

Одновременно принимаю меры к организации своего выступления перед депутатами парламента.

26 июля (Бовинглон)

Еще одна тяжелая неделя!

Наши войска все отступают. Немцы продолжают захватывать один район за другим. Пал Ростов. Враг перешел Дон в его нижнем течении под Цимлянской. Все ближе и ближе фашистские полчища к Сталинграду. Все ближе и ближе к Кубани и Кавказу. Неужели не сможем удержать немцев? Неужели они так-таки отрежут нас от Кавказа и станут твердой ногой на Волге? Это кажется просто каким-то кошмаром из страшной сказки.

Нет! И внутреннее чувство и холодный расчет говорят мне, что этого не должно быть. Все больше подтверждается, что наше отступление последних 2 недель было планомерным отступлением. Конечно, мы отступали по нужде, уступая превосходному числу танков и самолетов противника, но не было бегства, не было паники. Войска проделывали очень трудный и болезненный марш, упорно отбиваясь от наседавшего противника, но они делали это во исполнение сознательно продуманных инструкций генштаба. Должен наступить момент, когда отступление кончится, когда в дело будут введены свежие резервы, когда мы сможем перейти в наступление против противника – ослабленного потерями и длинной коммуникационной линией. И, судя по всему, этот момент как будто бы недалек.

Все воскресенье сидел за машинкой и составлял свою речь для выступления перед депутатами, намеченного на 30 июля.

28 июля

Сегодня состоялось совещание по конвоям. Дело происходило в кабинете Идена в парламенте. С английской стороны присутствовали Иден, [А.В.] Александер и Паунд, с нашей – я, [Н.М.] Харламов и [Н.Г.] Морозовский.

Началось с замечания Идена (который председательствовал), что мы собрались для того, чтобы обсудить вопрос о конвоях, и что было бы поэтому желательно прежде всего выслушать Паунда. Эта апелляция к Паунду была в высшей степени характерна. На протяжении всего совещания говорил и решал с английской стороны только Паунд. Иден и Александер все время либо молчали, предоставляя поле действия Паунду, либо позволяли себе краткие реплики, робко глядя в такие моменты в глаза адмиралу. Похоже было, точно Паунд учитель, а Иден и Александер – ученики, которым больше всего хочется заслужить хорошую отметку у учителя. Типичная картина на тему: о взаимоотношениях между министрами и *civil servants** в Великобритании! Только раз Александер произнес речь. Даже с горячностью. Но по какому поводу? Когда он выступил в защиту того же Паунда от моей и Харламова критики. Но об этом ниже.

Прежде, однако, чем Паунд успел что-либо сказать, ворвался я и сказал:

– Вопрос стоит так: когда может быть отправлен ближайший конвой? Было бы желательно получить от адмирала Паунда ответ на этот вопрос!

* Чиновники (англ.).

Паунду такая постановка вопроса была явно не по вкусу. Поэтому он прикинулся казанской сиротой и заявил, что в последнем послании премьера к Сталину (от 18.7) было предложено отправить в Москву одного из высших офицеров воздушного флота как раз для выяснения возможности сохранения конвоев, но, к сожалению, в ответе Сталина данный пункт «остался без всякой реакции». Сталин его просто игнорировал. А между тем этот пункт имеет исключительное значение: возможность конвоев, по мнению Паунда, целиком зависит от возможности приостановить операции «Тирпица» в Баренцевом море. Для этого нужно «сделать Баренцево море опасным для “Тирпица”». А для этого, в свою очередь, надо иметь в районе Мурманска сильную воздушную охрану. Офицер, о котором говорилось в послании премьера, и должен был поехать в Москву, уточнить все условия и донести о возможностях организации необходимого воздушного прикрытия. Лишь после этого можно было бы говорить об отправке новых конвоев. Вывод Паунда был таков: отправим в Москву офицера, а там видно будет.

Намерения почтенного адмирала были совершенно ясны: он просто хотел затянуть решение вопроса о конвоях на многие недели, а может быть, и месяцы.

Я возразил, что предлагаемый Паундом метод меня совсем не устраивает. Надо действовать быстро. Время не ждет. Поэтому я взял быка за рога и предложил:

– Скажите мне сейчас, сколько и каких самолетов, по вашему мнению, необходимо для того, чтобы сделать Баренцево море опасным для «Тирпица», я протелеграфирую совпра и через 2–3 дня буду иметь ответ, в состоянии ли совпра обеспечить необходимое прикрытие. К чему проволоочки?

Мое предложение Паунду не понравилось. Он продолжал настаивать на необходимости посылки в Москву человека. При этом он ссылаясь на воздушное министерство, которое будто бы *very keen*^{2*} отправить своего представителя в СССР.

Я ответил, что в Москве имеется британская военная миссия, во главе которой стоит адмирал Майлс и в составе которой имеется воздушный вице-маршал [Л.] Кольер, – почему бы Паунду не воспользоваться их услугами для получения всех необходимых справок и материалов? Стоит послать им телеграмму, и через несколько дней в Лондоне уже будет ответ.

Паунду, однако, и такое предложение не понравилось. Он продолжал утверждать, что без посылки человека ничего не выйдет.

Тогда я сделал еще одно *suggestion*^{3*}:

– Хорошо, – сказал я, – посылайте, если хотите человека, но не ставьте в зависимость от этого отправку ближайшего конвоя. Что же касается последнего, используем телеграфную связь – я по своей, вы по своей линии.

Паунд все-таки продолжал упорствовать и что-то ворчал себе под нос. Это меня взорвало, и я с раздражением воскликнул:

– Прошу вас, адмирал, сказать, сколько же все-таки самолетов необходимо иметь в Мурманске? Или вы не знаете?

Это задело адмирала, и он, покраснев, хмуро ответил:

^{2*} Очень хочет (англ.).

^{3*} Предложение (англ.).

– Надо 6 эскадрилий бомбардировщиков и 4 эскадрильи торпедоносцев.

– Очень хорошо, – откликнулся я, – сегодня же я запрошу свое правительство, и после получения ответа можно уже будет окончательно фиксировать дату ближайшего конвоя. В целях уточнения вопроса хотел бы знать, какую долю потребного воздушного прикрытия Англия могла бы взять на себя?

Паунд поморщился, поежился и, в конце концов, ответил, что англичане могли бы дать 1 эскадрилью торпедоносцев.

– Немного же! – полунасмешливо заметил я, но не стал настаивать на большем. Об этом можно будет спорить, когда весь вопрос будет принципиально разрешен^{4*}.

Иден поддержал предложенный мной метод выяснения вопроса, Александер не возражал, Паунду, скрепя сердце, пришлось примириться.

На этом дело, собственно, и могло бы кончиться. Но Харламову захотелось поговорить с Паундом о наилучшем методе проведения конвоев через опасную зону. Он стал излагать свои соображения. Речь неизбежно зашла о конвое № 17 и о причинах его разгрома.

Паунд слушал Харламова с все возрастающим нетерпением. Лицо Паунда все больше покрывалось краской. Весь вид его говорил:

– Яйца курицу не учат! Ха! Какой-то зеленый советский адмирал хочет давать советы мне^{5*}, британскому адмиралу! Невозможно!

Когда Харламов в осторожной форме намекнул, что, может быть, приказ снять с конвоя эскорт, а самому конвою рассыпаться был не совсем удачен, произошел взрыв:

– Как неудачен? – почти закричал Паунд. – Я давал этот приказ! Я! А что другое надо было сделать?

Я возразил, что приказ был дан в ожидании атаки «Тирпица» на конвой, а на самом деле «Тирпиц» даже и не атаковал конвой. Между тем снятие эскорта дало возможность подлодкам и самолетам безнаказанно топить наши транспорты. Особенно свирепствовали подлодки: они потопили 16 судов из 21. Если бы конвой рассыпался группами под эскортом эсминцев и корветов, суда были бы защищены, по крайней мере, от подлодок.

Паунд пришел окончательно в бешенство.

– Я не ясновидящий, – со злобой воскликнул адмирал. – Я не мог знать, что будет делать «Тирпиц»!

Тут вмешался Александер и произнес горячую речь с апологией Паунда и адмиралтейства. Они работают великолепно. Они спасли и спасают Англию от голода. Они делают возможной работу британской промышленности и отправку войск и снабжения на разные театры войны. Заслуги их пред страной неисчислимы и пр. и пр.

Я спокойно прослушал этот порыв александровского красноречия и сказал:

– Никто не отрицает больших заслуг адмиралтейства и британского флота в этой войне, но следует ли отсюда, что адмиралтейство ни при каких условиях не может сделать ложного шага?

Иден вмешался, стараясь примирить стороны и успокоить несколько раз-

^{4*} Так в тексте.

^{5*} Далее зачеркнуто – «его величества».

горевшиеся страсти. Паунд, однако, кипятился и фыркал себе под нос. Это меня раззадорило, и я подчеркнуто протянул:

– Даже британские адмиралы не безгрешны!

Иден тронул меня за плечо и скороговоркой сказал:

– Ну, не стоит спорить! Итак, амбассадор запросит свое правительство, а дальше мы посмотрим, что делать.

По лицу Паунда продолжали ходить красные пятна.

На этом заседание закончилось. Иден пошел провожать меня до автомобиля. Шли мы коридорами парламента довольно долго. Я не скрывал своего настроения.

– Вот все ваши *civil servants* таковы! – воскликнул я. – Высокомерны, надменны, убеждены, что они все знают и что министры ничего не понимают.

Иден пытался защищать *civil servants* и доказывал, что они прекрасные работники.

– Мне вспоминается, – заметил я, – как Клемансо^{6*} однажды сказал: «война слишком серьезное дело, чтобы предоставить ведение ее солдатам». Совершенно правильно. Когда слушаешь Паундов, начинаешь особенно остро ощущать, как мудр был Клемансо.

Иден рассмеялся и закончил:

– Клемансо, может быть, и не совсем неправ.

29 июля

Вместе со [К.] Стукаловым (помощник морского атташе по авиации) и в сопровождении [А.] Кадогана ездил за город к воздушному маршалу [А.] Харрису. Имел с ним длинный разговор и договорился о плане бомбардировок Германии на август месяц. Если бы этот план был выполнен, эффект получился бы не плохой. Но будет ли он выполнен?..

Не вполне уверен.

30 июля

Горячий и, может быть, чреватый большими последствиями день!

В 3 часа дня я выступал в парламенте пред собранием депутатов (речь прилагаю)*. Народу было до 300 человек, – как заверяют «старожилы», факт еще небывалый в истории такого рода собраний. Председательствовал сэр Перси Харрис (либерал). Среди присутствующих было немало имен: Эллиот^{2*}, [И.Л.] Хор-Белиша, Мандер^{3*}, Эньюрин Бивен, Эрскин Хилл (председатель пресловутого «1922 Committee»^{4*}) и др. Были также все три «Chief whips»^{5*}. Но главное – за столом президиума сидел старик Ллойд Джордж. Сначала он не хотел приходить: [А.Д.] Сильвестр, видевшийся с Ллойд Джорджем на «уик-

^{6*} Клемансо Жорж – премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг.

* См. ниже, с. 174–178.

^{2*} Эллиот Уолтер – консерватор.

^{3*} Мандер Джеффри – либерал.

^{4*} «Комитет 1922 года» образован после разрыва консервативных членов палаты общин с коалицией Д. Ллойд Джорджа в 1922 г. Положил начало созданию парламентской фракции консерваторов.

^{5*} «Главные кнуты» – парламентские организаторы политических партий (англ.).

эnde», передал благословение своего шефа на мое выступление, но не обещал его присутствия. Скорее наоборот: у меня создалось впечатление, что по каким-то соображениям старик хочет уклониться от участия в собрании. В последний момент, однако, Ллойд Джордж перерешил и пришел. Это вызвало шум. Это «создало атмосферу», как выразился Сильвестер.

Приняли меня очень хорошо. Introduction^{6*} Харриса состояло в сущности в заявлении, что я не нуждаюсь в introduction. Эти слова председателя были покрыты шумными одобрениями. Во время моей речи в зале царило напряженное молчание, ловили каждое слово – это тоже необычная вещь на таких собраниях, по свидетельству все тех же «старожилов». Я чувствовал, что мои слова «доходят». Местами речь прерывалась бурными одобрениями, – например, когда я сказал, что союзникам больше всего нужна единая стратегия. То же самое было, когда я заметил, что упование на громадные цифры потенциальных ресурсов союзников является одной из самых опасных форм самоуспокоенности. Мои цифры и факты произвели очень сильное впечатление, даже напугали многих слушателей. Когда я упомянул, что вопрос о втором фронте впервые был нами поставлен в июле 1941 г., по аудитории прошел точно ток. Но зато, когда я заявил, что единственным лекарством для спасения положения может быть только создание второго фронта в 1942 г., не раздалось ни одного одобрения. Зал застыл в напряженном молчании.

После моей речи последовали вопросы. Их было много, но враждебных почти не было. Только депутат Хопкинсон^{7*} вздумал, было, сесть на антисоветского конька и заговорил о том, что требование второго фронта исходит от коммунистов, – ему не дали говорить. Десятки голосов кричали:

– Неправда!

И Гопкинсон должен был сразу стухеваться.

После собрания Ллойд Джордж увел меня в свою комнату в парламенте. Пришла Мэган^{8*}. Было уже 4.15 (собрание продолжалось немного больше часу). Подали чай. Мы пили и разговаривали. Старик говорил, что за всю свою долгую парламентскую жизнь он немного запомнит собраний, подобных сегодняшнему, – по количеству присутствующих, по напряженному вниманию аудитории, по впечатлению, произведенному на слушателей выступлением.

– Very powerful statement^{9*}, – дал свою оценку Ллойд Джордж. – Very powerful! Очень хорошо, что вы были blunt, почти brutal^{10*}. Это подействовало. У вас было трудное положение, но вы справились очень ловко с своей задачей: пошли достаточно далеко в своем изложении и все-таки не переступили дипломатических рамок.

– Но был на самой грани этих рамок, – с полусмехом вставил я.

– Пожалуй, – согласился Ллойд Джордж. – Но главное все-таки, что депутаты поняли и почувствовали серьезность положения. От вас они узнали правду. Правительство ведь их кормит сахарным сиропом.

Ллойд Джордж высказывал мнение, что такое собрание не может остаться совсем без влияния на правительство.

^{6*} Представление (англ.).

^{7*} Далее – Гопкинсон (Hopkinson H.L. d'A), барон – консерватор.

^{8*} Дочь Д. Ллойд Джорджа.

^{9*} Очень сильное заявление (англ.).

^{10*} Резкий, почти жесткий (англ.).

– Но каков может быть практический результат? – спросил я и добавил. – Конечно, ораторский успех моего выступления приятен, но ведь суть дела не в этом. Суть дела в том, чтобы толкнуть бритпра на конкретные действия помощи СССР. Получится ли это? Приблизит ли собрание создание второго фронта?

Ллойд Джордж пожал плечами. Сам он прекрасно понимает всю важность второго фронта именно в 1942 г. Это единственный шанс для союзников победить. Но Черчилль проявляет странную, непонятную пассивность. Ллойд Джорджу кажется, что премьер находится сейчас в таком душевном состоянии, когда он не способен принять никакого большого решения. Подобные моменты у Черчилля бывают. Очень жаль.

– У него, – продолжал Ллойд Джордж, – какой-то inferiority complex^{11*} в отношении наступательных операций. Его «ушибли» еще в прошлую войну Дарданеллы. В эту войну тоже не повезло: Норвегия, Греция, Ливия... Черчилль боится наступательных операций. Не доверяет себе. Подумать только: идти в Грецию, где с самого начала было очевидно, что мы не имеем и dog's chance^{12*} победить, и не пойти на помощь России, где имеются все основания разгромить Гитлера!

Старик еще раз пожал плечами. Нет, насчет второго фронта в 1942 г. он настроен скептически!..

В половине первого ночи раздался звонок от премьерера. Секретарь просил меня немедленно же прибыть на 10, Downing Street. В чем дело? Что случилось? В голове бегали разные мысли. Какой-то внутренний голос говорил мне, что ночное приглашение к премьеру так или иначе связано с сегодняшним собранием. Но как? Я не сомневался с самого начала, что мое выступление перед депутатами с требованием второго фронта вызовет неудовольствие и, возможно, даже раздражение в правительстве, в частности у Черчилля. Я сознательно на это шел, считая, что в такой момент, как нынешний, с настроениями премьерера нечего церемониться. Неужели премьер хочет высказать мне порицание в связи с сегодняшним выступлением? И неужели это такая срочная вещь, что посла надо звать в первом часу ночи?

Признаюсь, по дороге от посольства до резиденции премьерера я терялся в догадках, но ничего удовлетворяющего меня не мог надумать.

В коридоре меня встретил секретарь Черчилля, к которому спустя несколько мгновений присоединился [Б.] Бракен. Мы втроем сидели в приемной и болтали на разные текущие темы. Наконец, Бракен сказал:

– Я люблю слушать ваши пророчества насчет будущего. Вы часто оказывались правы. Чего вы ждете в течение ближайших двух месяцев?

Я не успел ответить: как раз в этот момент меня пригласили к премьеру. Черчилль сидел за столом заседаний правительства. Он был в своем неизменном Siren Suit, поверх которого был накинут пестрый халат черно-серого цвета. Рядом сидел Иден в туфлях и зеленой бархатной куртке, которую он надевает «дома» по вечерам. Оба выглядели утомленными, но возбужденными. Премьер был в одном из тех настроений, когда его остроумие начинает искриться добродушной иронией и когда он становится страшно очаровательным.

^{11*} Комплекс неполноценности (англ.).

^{12*} Ни малейшего шанса (англ.).

– Вот, посмотрите, годится ли это куда-нибудь? – с усмешкой бросил Черчилль, протягивая мне какую-то бумажку.

Это был текст только что составленного им послания Сталину^{13*}. Я быстро пробежал [глазами] поданный мне документ.

– Конечно, он стоит и стоит многого! – откликнулся я по прочтении послания.

Еще бы: встреча Черчилля со Сталиным могла бы иметь очень большие последствия. И я всячески поддержал намерение премьера. Он улыбался, пил виски и попыхивал неизменной сигарой. Я смотрел и думал:

– Мой расчет целиком оправдался, – от раздражения, с которым Черчилль встретил послание Сталина от 23 июля, не осталось [и] следа. Премьер «отшел». Сейчас он полон мыслей о поездке в СССР и встрече со Сталиным. Тем лучше.

Я поинтересовался, поехал ли бы Черчилль в Москву, если бы Сталин не смог приехать на юг, как о том просит Черчилль. Премьер заколебался, но не захотел ангажироваться. Он несколько раз поминал Тбилиси, как возможное место встречи, но, в конце концов, дал понять, что в крайнем случае он готов согласиться и на Москву.

Доволен я был также решением отправить ближайший конвой в начале сентября. Ха-ха-ха, сэра Дадли Паунд!

Я обещал немедленно телеграфировать в Москву. Так как Черчилль собирался улететь 1 августа, то просил ответ Сталина вручить в его отсутствие Идену.

Иден провожал меня до двери. Прощаясь, он как бы невзначай сказал:

– Как было бы хорошо, если бы вы могли поехать с премьером!

Я ответил, что очень хотел бы поехать, но что решение этого вопроса зависит от совпра.

О сегодняшнем собрании ни Черчилль, ни Иден не обмолвились, ни звуком. И все-таки у меня осталось неясное ощущение, что послание Черчилля каким-то образом связано с этим собранием. Но каким?

Я думал об этом по пути, возвращаясь от Черчилля в посольство, однако ничего определенного придумать не мог. Поживем – увидим.

[Далее в Дневнике помещен текст выступления И.М. Майского в здании парламента 30 июля 1942 г. на тему «Военное положение и СССР». Некоторые выдержки см.: Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 269–270.]

THE WAR SITUATION AND THE U.S.S.R.²⁰

(An Address to Members of Parliament)

During the last few weeks my friends among the Members of Parliament have several times tried to induce me to address a private gathering of Members of both Houses on the military situation. Up to now I hesitated to do this; the delicate position of an Ambassador compelled me to be reserved and silent. Then last week my friends approached me once more on the subject and I felt I could not resist their proposal. The turn of military events on the Soviet-German front within the last fortnight clearly testifies that the war – not only the war in the U.R.S.S.R. but the war in general – has arrived at an extremely dangerous moment, when the allies should frankly and squarely, without being afraid of words, exchange views and jointly find out ways and means to save the situation. At such a moment my duty as the Soviet Ambassador is to say to the British people how we look upon this situation, and upon the way out of the difficulties. Having this purpose in view it was most natural for me to see and to address the Members of Parliament, the most trusted and responsible representatives of your Nation.

^{13*} Речь идет о послании Черчилля Сталину от 31 июля 1942 г. (см.: Переписка... Т. 1. С. 68–69).

I have just said that in the course of the war an extremely dangerous moment has arrived. I hardly need to dwell upon the evidence to support this. The everyday news in the press and on the wireless, more particularly during the last two weeks, leave no shadow of doubt about that. The crux of the matter boils down to this: by tremendous concentration of military forces, in the first place of tanks and aircraft, on a comparatively narrow section of the front, the Germans have succeeded in breaking through our southern front, and in the course of a month have occupied the whole valley of the Don. The German offensive has not yet stopped and consequently the Caucasus and the Lower Volga are gravely threatened. In such circumstances the Soviet armies had no choice but to withdraw in order to avoid encirclement and annihilation. They have carried this out with great skill and heroism. Stubbornly defending every inch of the ground and inflicting great losses on the enemy the Soviet army retreated to the left bank on the Don Valley, maintaining their cohesion and their fighting power. These events – and I have to call a spade a spade represent an important success for the Germans and create an extremely dangerous situation, not only on the Soviet-German front, but also on the front of all the United Nations.

The moment is grave and demands speedy and determined action if we want to remedy the situation. In order to find the right way to overcome the difficulties we must be quite clear about the real reasons which have brought us to this position. In fact, what is the root of the trouble? To answer this question I would like to give you the following historical parallel:

In the last war of 1914–[19]18 Germany never concentrated more than one-third of the striking forces of her army on the Russian front, the other two-thirds were always pinned down on the Anglo-French front. In addition Germany of that time was simply Germany with some few Allies who were, perhaps, more liabilities than assets. Russia in those years was also quite free from any worry with regard to the other parts of the Empire. It is well-known what the war on the Russian front eventually led to, in spite of all these favourable conditions.

In the present war the situation is quite different. The Russia of today – the Union of Soviet Socialist Republics – for the second year in succession is compelled to take on herself at least 80 per cent of the total striking force of the German war machine. Simultaneously she is bound to keep large forces in other parts of the country. Moreover, who is fighting the Soviet Union now? Not Germany alone but practically the whole continent of Europe, for it is very seldom realized that Germany now controls more than 300 million people in the occupied as well as in those so-called Allied countries, including the 150 million people on whom she can draw for her military forces. Of course there are scores of millions of people among this mass who help Germany against their will. There is a very considerable amount of opposition and sabotage against the German war effort running through many parts of subjugated Europe. Of course the modern Soviet Union is incomparably stronger than the old Tsarist Russia, but when all is said and done, the fact remains that the Soviet Union has to combat a tremendous aggregate of power considerably more dangerous than the old Kaiser Empire.

Of course the U.S.S.R. is assisted in various ways by its Allies, notably by Britain and the United States. This help takes many forms – military supplies, tonnage, blockade of the enemy, aerial bombardment of Germany, military operations in North Africa, etc. We are grateful to the Allies for all that they have done and are doing for them. Still, it is undeniable that in the course of the last thirteen months, the overwhelming burden of the war is borne by the Soviet Union and far exceeds in its weight the burden borne by all the other Allies. Should we be surprised, under such circumstances, at what is going on just now in the Valley of the Don? Should we be surprised, especially in view of the fact that the treacherous attack of Germany from the very start gave the Hitler hordes some important strategical advantages which later on, because of the absence of the second front in Europe, was very difficult to rectify?

This is the main cause of the recent reverses which the Red Army has sustained. From this analysis it is clear what remedy is necessary to overcome our difficulty. The Soviet Government, the Soviet people and the Red Army firmly believe that part of the burden carried so far by the U.R.S.S. must be speedily taken off from their shoulders by their Allies. The sacrifices of various members of the great anti-Hitler coalition should, at least, to a certain extent, be equalised. Such a policy is dictated not only in the interest of the U.S.S.R., it is dictated in no smaller degree in the interests of all the United Nations, and perhaps in the first place in the interest of Great Britain. A great drawback among the Allies is that so far they had no united strategy of war, but on the contrary, practically every Ally has had its own strategy which very often did not coincide with the strategy of its partners. As a result it was never possible to secure synchronized action of all the Allies against a common enemy. On the other hand the enemy had the opportunity to hit the Allies one by one. This point is of tremendous importance.

Among the Allies even now there is a great tendency to base their assurance of final victory on the great preponderance which the anti-Hitler coalition possesses as compared with the Axis, in figures of

population, territory, natural wealth and industrial resources. I am afraid this is one of the most dangerous forms of complacency. Of course the preponderance of the anti-Hitler coalition in all these elements is important, but in the first place it has so far happened that with every new month of the war the balance unfortunately changes more and more in favour of the enemy and to the disadvantage of the Allies. Secondly, (and this is most important), the issue of the struggle is being decided, not by the potential resources but by the resources actually mobilized by each side. Some months ago on another occasion I had already the opportunity to say that the secret of victory consists in that of having a decisive preponderance over the adversary at the decisive moment and on the decisive spot. No figures, however impressive, of the potential human, industrial and natural resources, will save the Allies if these resources are not mobilised with the speed required by the needs of modern warfare, and if the Allies will not learn how to concentrate the preponderance of their forces at the decisive moment and on the decisive spot.

This requires the existence of a unified strategy of war. This requires also the ability to approach all problems of war from the angle of a unified strategy. And if from this angle we will try to appreciate the meaning and the importance of the latest happenings in the Valley of the Don, it will become quite clear as to what is the remedy which could help us overcome the present difficulties and dangers.

This remedy is the creation of a second front in Europe in 1942

The question of the second front is not a new one. It was raised for the first time by my Government before the Government of the United Kingdom already in July of 1941. In the subsequent twelve months this question was raised again and again, here in London and also in Washington. For reasons on which I cannot dwell here, the second front in Europe has so far not been created. This is to be greatly regretted, as in accordance with Hitler's speech on the 27-th April, the German army during the last winter was on the brink of catastrophe and, if the second front had existed at that time, it is more than likely that his downfall would have materialized.

However, the past is past. We should not dwell upon it, we must think of the future. And just from the point of view of the future the Soviet Government, the Soviet people and the Red Army believe that the establishment of the second front in 1942 is an absolute necessity.

So far as I know in the political and Government circles of this country there is no difference of opinion on the question. All are agreed that the second front is necessary. The difference appears to arise only on the second question – when?

On this second question there exist two schools of thought. Some believe that the second front should be created in 1942. Others, on the contrary, believe that in view of the incomplete preparedness of Britain and the United States, the second front should be postponed until the spring of 1943.

This divergence of opinion has of course, to be settled by yourselves. It is outside my province. So far as I am concerned I would like to make one remark which may be useful when you will consider the settlement of the question. My remark can be summed up as this: there are many reasons to believe that the military power of the U.S.S.R. in 1942 reached its peak, and there is a probability that in 1943 the military power of the U.S.S.R. will be lower than today.

Why? The reasons are quite obvious. We have to face facts, however unpleasant they might be, and the unfortunate fact is that the first thirteen months of the war demanded from us many sacrifices and brought great losses. I will give you only a few examples.

First, about casualties: the total number of our casualties to date, including killed, wounded and prisoners of war, amount to something like 5 million men. The corresponding figure for the whole of the British Empire would be between 12 to 13 million people. If we take only Great Britain and the Dominions, the equivalent figure would be about 2 million men, and for Great Britain alone [...] million men. From this you can judge the severity of our losses.

There is much talk about «inexhaustible human resources of the U.S.S.R.». This is a great exaggeration. Our man power is by far not inexhaustible, and in the last few months we began to see its limits very clearly. This is more easily understood if we take into account that since the beginning of the war we have lost nearly 600 000 square miles of territory, which is equal to France, Britain and Germany put together, with a total population, except those who were able to evacuate, of not less than 50 million men. In other words, we have now to draw on not 193 million people which we had before the war, but of not more than 140 million. And Germany, as I mentioned a few moments ago, has more than 300 million men. Apart from this we have many other losses. We have lost the whole of the Ukraine, i.e., the greatest granary of the U.S.S.R., and Kuban in the North Caucasus, the other granary, is now lying under the threat of invasion. It means that in 1943 we may have very considerable food difficulties. We have succeeded in evacuating our plants, factories and works from the occupied territories and have been able, in the short space of 7 to 8 months, to re-start their activities in full blast on new sites behind the

Volga, in the Urals, and in Siberia, but we could not evacuate coal, iron ore and other natural deposits. We have taken all possible measures to prevent our enemy from using these riches which could not be evacuated but at the same time we have lost them ourselves. As a result nearly half of our pig iron and steel production has gone, and we can hope to have now some [...] million tons per year as against at 40 million tons which Germany and her satellites now have. We lost further, three-quarters of our aluminium production. We have suffered reduction of output also in some other branches of industry. We are bound, therefore, much more than previously, to rely upon imports of various products from abroad. This entails great transport difficulties which quite recently become acute. We lost finally, and this is extremely important, a wide net of railways. As a result, the mobility of the Red Army is considerably reduced, whilst the mobility of the German army has considerably increased. Those who understand the technique of modern war can well realize the importance of this fact. If, in addition to all this, as it may be in view of the recent developments at the front, the transport of oil from the Caucasus would become more difficult, the general situation will deteriorate still more.

What conclusion can be drawn from all these sombre facts? This is the conclusion: the will of the Soviet Government, the Soviet people, the Red Army, headed by Stalin, to fight the cruel enemy to the end remains unshaken. Our choice is made once and for all. The Soviet people will never be slaves. In spite of all the difficulties and dangers they firmly believe in final victory together with the Allies over Hitlerite Germany.

But, all the facts I have just laid before you compel us to believe that the real possibility for the U.S.S.R. to fight in 1943 will be less favourable than in 1942. Practically it would mean that in 1943 Germany may be in a position to limit considerably the number of troops which she will be bound to maintain in the U.S.S.R. and will be enabled to transfer many forces from the East to the West.

What will this mean? It will mean that in the Spring of 1943 the Anglo-American troops will, in carrying out the invasion of the European continent, meet not the limited number of second and third-rate German divisions which are stationed there now, but will be confronted with a great number of first-class, seasoned German troops. It would mean also that the great preponderance in the air which the Allies undoubtedly possess in the West at the present time will disappear, or in any case be considerably reduced. Thus in 1943 what will be gained? Any increase of strength in Britain and the United States will be lost in the weakened state of the U.S.S.R. As a result by the Spring of 1943 the balance of power at best will remain without any change as compared with the present year.

But this balance may deteriorate. It may deteriorate because – and here I have to touch upon a purely political point – one of the most important pre-requisites, not only for winning the war but also for winning the future peace, is the mutual friendship and confidence between the peoples of the U.S.S.R., Great Britain and the United States. Now in this very difficult moment for us the eyes of millions and millions of Soviet men and women turn with hope and impatience to the West. It is not a question of this or that diplomatic document, Treaty, Agreement, Memorandum etc. It is a question of the simple and natural feeling of the Soviet worker, the Soviet peasant, the Soviet army man, that Great Britain and the United States, bound to us by the ties of a common struggle against a common enemy, ought to come to our assistance just now when their help is more particularly needed. Such an expectation is so much more understandable as the Anglo-Soviet communiqué issued in connection with Molotov's visit to London definitely stated that «full understanding was reached between the two parties with regard to the urgent tasks of creating the Second Front in Europe in 1942», and the Anglo-American communiqué which was issued at the conclusion of Mr. Churchill's visit to Washington also declared that both Governments «will divert German strength from the attack on Russia». And if the Soviet people and the Red Army will be disappointed in their expectations then it is inevitable that this experience cannot fail to live long in their memory.

All the considerations I have given expression to clearly lead to the conclusion that the wisest course is not to wait, but to act now. It is, of course, very possible that Britain and the United States are not yet 100 per cent ready for the invasion of the European continent. It is undoubtedly true that in undertaking such an operation they will take serious risks and confront great dangers. But what has to be done? War is war. History does not travel through orderly, well-paved streets, but over wild and steep mountain passes. It is necessary to be able to scale the rocks and to go over bottomless chasms. As it is, the greatest of all possible dangers is the postponement of the second front until next year. Every Division that can be landed on the Continent in 1942 is more valuable than every two or even three Divisions landed in 1943. Such is the situation. Such is the opinion held by the Soviet Government, by the Soviet people and the Red Army.

Our people firmly and unshakably believe in the final victory over Germany. They believe that this victory is quite possible, for in spite of all Hitler's successes, Germany's forces are, in reality, not so

large as many think. They are considerably smaller than those forces which the United Nations already possess. Unfortunately, however, the lack of a unified strategy among the Allies opens the way for Hitler to organize on a large scale, the golden rule of victory, that is, to concentrate the decisive preponderance against the enemy at the decisive moment and on the decisive spot. This is the secret of his success. It is high time that the Allies will also take to heart this golden rule of victory.

I finish on this note. I repeat once more, the final decision on the question as to whether and when the second front in Europe should be created belongs to you, to your Parliament, to your Government. I sincerely hope that in taking this decision you will take into account all the elements of the present situation. Whatever this decision may be I am glad that, through the invitation of my friends, I have had the opportunity of frankly and honestly saying to the representatives of the British nation what the people of the Soviet Union think and feel at this very dangerous moment. However the situation may further develop I will in any case feel satisfaction in the thought that I have been able in time to bring to the attention of the Members of the British Parliament the dangers which threaten our common cause at the present time, as well as the ways and means by which, in our opinion, these can be overcome.

London, 30th July, 1942²¹.

31 июля

С утра звонил Бивербрук. Еще накануне он извинился, что не сможет быть на моем выступлении (игру играет!). Вчера перед вечером Бивербрук вновь звонил и спрашивал, как прошло собрание. Я вкратце рассказал ему о событиях. Сегодня Бивербрук был в большом возбуждении:

– Такого собрания, – кричал он в телефон, – еще никогда не бывало. Все депутаты были tremendously impressed*. Поздравляю вас с крупнейшим политическим успехом!

Из дальнейшего выяснилось, что Бивербруку во всех деталях известно содержание моей речи, что на аудиторию особенно сильное впечатление произвели мои сообщения о 5 млн наших потерь, о потере половины железной и трех четвертей алюминиевой продукции, о возможном ослаблении силы нашего сопротивления в 1943 г. и многое другое.

Я спросил Бивербрука, каких практических последствий можно ожидать от моего выступления?

Бивербрук опять закричал:

– Больших! Они уже начались!

Я невольно подумал, что он имеет в виду? Неужели Бивербруку уже известно о моем ночном свидании с Черчиллем и Иденом?

В 12.30 меня пригласил к себе Иден. Он выражал чрезвычайное удовлетворение по поводу решения премьера ехать в СССР и вновь стал убеждать меня сопровождать премьера. Хотя премьер, очевидно, улетит раньше получения ответа от Сталина, но я смогу его нагнать в Каире. Черчилль пробудет в Египте несколько дней, может быть неделю. Воздушное министерство будет держать наготове для меня самолет.

Я поблагодарил Идена и сказал, что пока ничего не могу сказать по интересующему его вопросу. Все зависит от Москвы.

В связи с поездкой премьера Иден высказывал ожидание^{2*}, что Черчилль и Сталин понравятся друг другу, что они сойдутся и поймут друг друга.

– Как хорошо было бы, если бы вы могли быть между ними переводчиком! Надо уметь переводить не слова, а дух разговора! Вы это умеете! Премьер мне

* Под огромным впечатлением (англ.).

^{2*} Так в тексте, видимо – «предположение».

говорил, что, когда вы переводили во время наших бесед с Молотовым, у него было такое ощущение, точно барьер языка между ним и Молотовым пал, его не существовало.

Я еще раз повторил, что в данном вопросе решение зависит от Москвы...

Содержание послания Черчилля Сталину (31.7.42)*

1. Мы готовим отправку ближайшего конвоя в первую неделю сентября.
2. Я готов, если Вы меня пригласите, лично встретиться с Вами в Астрахани, на Кавказе или в другом подобном месте. Мы могли бы тогда совместно обозреть военную ситуацию и совместно принять решения. Я мог бы тогда сообщить Вам о планах наступательных операций в 1942 г., согласованных мной с президентом Рузвельтом. Я привез бы с собой начгенштаба.
3. Я немедленно вылетаю в Каир. Как Вы легко себе представляете, у меня там имеются серьезные дела. Оттуда, если Вы желаете, я мог бы установить точную дату нашей встречи. Поскольку речь идет обо мне, я предложил бы (если все будет благополучно) между 10 и 13 августа.
4. Кабинет одобрил мои предложения.

Содержание послания Черчилля Сталину (31.7.42)*

Мы готовим отправку конвоя из 40 судов в первой неделе сентября. Я должен, однако, предупредить, что едва ли треть этого числа пробьется к Вам, как показал опыт ПК 17, если воздушная угроза для германских надводных сил в Баренцевом море не будет столь велика, чтобы заставить их воздержаться от операций против конвоя. Как Вы, конечно, знаете, ситуация была обсуждена вместе с Майским и, насколько мне известно, он сообщил Вам о наших минимальных потребностях.

Содержание послания Сталина Черчиллю (от 31 июля 1942 г.)*

Я получил оба Ваши послания.

От имени совпра приглашаю Вас приехать в СССР для того, чтобы встретиться с его членами.

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы приехали в СССР для совместного обсуждения срочных вопросов в войне с Гитлером, ибо угроза для Англии, США и СССР как раз сейчас достигла особой степени интенсивности.

Я думаю, что самым лучшим местом встречи была бы Москва, т.к. ни я, ни члены совпра, ни руководители генштаба не могли бы покинуть столицу в момент такой ожесточенной борьбы против немцев.

Присутствие начальника имперского генштаба было бы чрезвычайно желательно.

Дату встречи фиксируйте сами в зависимости от завершения Ваших дел в Каире. Заранее можете быть уверены, что любая дата мне подойдет.

Благодарю за Ваше согласие отправить ближайший конвой в начале сентября. Несмотря на крайнюю трудность отвлечения воздушных сил с фронта боев, мы примем все возможные меры для увеличения воздушного прикрытия конвоя.

[Далее помещен текст выступления советского посла на встрече с редакторами английских газет²²].

Сообщение на off the record talk* с редакторами газет. 31.7.42^{2*}

The strategy pursued by the Soviet Government and the Soviet High Command in the present war has not been the consequence of a free choice on their part. It goes without saying that nobody in our country could think even of a temporary surrender to the Germans of large territories and millions of Soviet people other than with horror and loathing. But this general strategy was forced upon us by circumstances over which we had no control. Most important of these circumstances were the treacherous

* Опубликованный текст см.: Переписка... Т. 1. С. 68–69.

* Опубликованный текст телеграммы, полученной 31 июля 1942 г., см.: Там же. № 59. С. 69.

* См.: Там же. № 60. С. 69–70.

* Не подлежащая освещению в печати беседа (англ.).

^{2*} Заголовок написан рукой И.М. Майского.

character of Hitler's attack, the impossibility for the U.S.S.R. to concentrate its whole fighting strength against Germany, and the absence of the second front in Europe. In such a situation the U.S.S.R. had no alternative but to adopt in this new Fatherland war the same strategy which our ancestors used with such success in 1812 – of course with certain modifications arising from modern technique and modern conditions.

As is well-known the guiding principle of our ancestors in their struggle against Napoleon was to maintain at all costs a strong and fighting army. This principle, the greatest champion of which was the Commander-in-Chief of the then Russian Army, Field-Marshal Kutuzov, was based on the conviction that as long as the Russian army is intact the country has hope and even assurance that sooner or later the enemy will be defeated. On the other hand if the Russian army were to be destroyed, nothing would save the country from slavery. Therefore, Kutuzov believed that an army is more important than territory. In consequence, in the first period of the war, when Kutuzov was unable to stand up to the overwhelming force of Napoleon, he preferred to retreat, relying on the assistance of such allies as space, time, climate and a «scorched earth» policy. Therefore, also Kutuzov strove to retreat as far as possible without a fight in order to conserve his forces and the only great battle which he gave before the withdrawal from Moscow – the battle of Borodino – was practically forced on him not so much by strategic as by political considerations. History fully justified the strategy of Kutuzov.

The Soviet Government and the Soviet High command, led by Stalin, in 1941–42^{3*}, are following the same fundamental principle which inspired Kutuzov. We also believe that to maintain a strong and fighting army is more important than anything else, and that an army is more valuable than territory. However, in carrying out this fundamental principle we had to take into consideration the great changes that have taken place since Napoleon's time. Most of all we had to take into account two main things: first, that modern technique defeats space. Napoleon marched on foot – Hitler marches on tanks and aeroplanes. Second, many parts of our country which 130 years ago were barren wilderness, have since been covered with flourishing towns and many important industrial centres have developed there on which the conduct of modern warfare greatly depends. We were not able, therefore, to rely to such an extent as Kutuzov on the assistance of space, time and climate. We felt also that the yielding of territory meant greater sacrifice to us than it did to Kutuzov. Thus the Soviet Government and the Soviet High Command were bound to introduce into the strategy of Kutuzov's certain modifications caused by the general change of circumstances and conditions. The main difference in our strategy as compared with that of Kutuzov's is that our retreat was not simply a retreat, striving as far as possible to avoid battles with the attacking enemy, but, on the contrary, it was from the very beginning conceived as a fighting retreat with constant battles against the advancing foe. This fighting retreat was supplemented by a full-blooded «scorched earth» policy and the strong development of the guerilla movement, both sponsored and supported by the central Government and the Red Army. The fighting retreat was also supplemented by large-scale evacuation of the population and industries. Our calculations were and are, by all these means, to wear down the invading enemy and gradually to wait until the moment had arrived to launch a great counter-offensive when the situation would give us reasonable hope of success.

This old Kutuzov strategy in its new edition of 1941 has so far fully justified itself. Only because of this strategy has the U.S.S.R. been able to survive the German onslaught of last year and in the winter to come over to a great counter-offensive. Only because of this strategy was the U.S.S.R. able by the summer of 1942, to prepare great human and material resources the effect of which is felt and will be still more felt in the further course of events. It is no accident, of course, that Hitler this year found himself unable to start his great offensive along the whole Soviet front. But he was compelled to limit it to one section of the front. It is quite evident that in spite of his victories Hitler of [19]42 is considerably weaker than Hitler of 1941.

These are the general outlines of our strategy in this war. But I repeat again that this strategy was forced on us by unavoidable circumstances. We fully realise the dangers and difficulties of such a strategy, and of course at the first opportunity we would like to go over from a fighting retreat to a full blast counter-offensive²³.

^{3*} Зачеркнуто – «as I just mentioned» («как я уже упомянул»).

1943 год

1 января

1 января 1943 г. Умер старый, родился новый год.

Встречали мы новый год весело. Настроение было совсем не то, что год назад. Главная разница: за эти 12 месяцев мы всю померялись с врагом, ощутили его силу, почувствовали свою силу, сопоставили свою силу с силой врага и твердо уверились, что мы сильнее. Конечно, на сокрушение врага потребуется еще много времени и усилий, но в исходе сомнений нет. Весь вопрос состоит сейчас лишь в том, чтобы в процессе сокрушения врага самим не надорваться и не прийти к финишу в состоянии полного истощения. Для этого требуется искусное маневрирование – на поле битвы и на поле дипломатии. Сумеет ли? Думаю, сумеем. Сталин показал, что он великолепно понимает искусство расчетливого маневрирования.

Мысль невольно бежит вперед.

Прежде всего, когда можно ждать окончания войны в Европе?

Я остаюсь при прежнем мнении, которое высказывал еще в октябре, что окончания войны в Европе можно ждать не ранее 1944 г. И то, если дела у союзников будут идти хорошо, т.е. если между ними не произойдет раскола или таких трений, которые парализуют эффективность совместных операций, и если в 1943 г. будет создан хороший фронт в Европе. Когда именно в 1944 г. можно рассчитывать на конец войны, трудно предвидеть, но я почему-то склонен думать: весной или летом 1944 г.

Перспективы на 1943 г.?

Я надеюсь, что в течение зимы нам удастся освободить Волгу, Дон, Сев[ерный]. Кавказ, может быть Донецкий Бассейн и снять осаду с Ленинграда. Надеюсь также на взятие Ржева, Вязьмы и, может быть, Смоленска. Но в этом последнем я не уверен. Считал бы полезным совместный с англичанами захват Северной Финляндии и Норвегии, но выйдет ли это? Похоже, что нет. На большее в течение зимы рассчитывать нельзя, да было бы и нежелательно ставить себе более крупные задачи... Исходя из того расчетливого маневрирования, о котором я только что говорил. Что мы будем делать летом и осенью текущего года, пока еще не видно. По крайней мере, мне. Это в сильной степени будет зависеть от поведения Англии и США.

Чего можно ожидать в 1943 г. от наших союзников?

Тут пока все неясно. По-видимому, Черчилль и бритпра сейчас за то, чтобы весной устроить серьезный второй фронт во Франции. По-видимому, Рузвельт

и ампра сейчас не очень заинтересованы созданием второго фронта во Франции. Произошел как бы обмен позициями между Лондоном и Вашингтоном по сравнению с 1942 г. Без американцев же англичане второго фронта во Франции не откроют. Поэтому ставить ставку на создание эффективного второго фронта весной текущего года было бы рискованно. Может быть, будет, а может быть, нет. Конечно, если бы Красная Армия в течение зимы стала подходить к границам Польши, англичане и американцы бегом побежали бы открывать второй фронт во Франции. Никаких понуканий с нашей стороны не потребовалось бы: нельзя же, в самом деле, позволить СССР прийти в Берлин раньше Англии и США! Однако я сомневаюсь, чтобы Красная Армия к весне могла бы быть так далеко.

Но, если второго фронта во Франции к маю–июню не будет, чего тогда можно ожидать?

Тогда, по всей вероятности, союзники сконцентрируют свое внимание на Сред[иземном] море, т.е. на Италии или Балканах. Пока мне кажется, что шансы Италии как ближайшего объекта англо-американцев выше. Особенно это относится к США. На Балканы союзники пошли бы только в случае присоединения Турции. Этого я не исключаю, но сейчас все симптомы говорят за то, что Турция не склонна так легко отказаться от своей позиции «сидения на заборе». Впрочем, посмотрим.

Как бы то ни было: если союзники весной 1943 г. действительно устроят эффективный второй фронт во Франции, нам выгодно будет открыть на востоке генеральное наступление с расчетом окончательно разбить Германию и к концу года подойти к ее границам или даже вступить на ее территорию. Если же такого эффективного второго фронта во Франции союзники нынче не устроят, а пойдут по пути итальянских или балканских операций, нам будет выгоднее подождать с генеральным наступлением и ограничиться лишь частичными наступательными операциями с тем, чтобы сохранить в своих руках инициативу, предупредить возможность германского наступления в 1943 г. и отвоевать у немцев некоторые особо важные для нас пункты или районы. Так подсказывает мне принцип расчетливого маневрирования.

Любопытно, что фактически произойдет в 1943 г.

Теперь о политике. Вопросы политики в течение 1943 г., надо думать, станут все больше выдвигаться вперед. По двум основаниям. Во-первых, потому что мир все больше ощущает перелом в ходе войны, конечная победа союзников становится все очевиднее и, стало быть, все конкретнее делаются послевоенные проблемы. Во-вторых, потому что исход войны для немцев все больше уходит из сферы войны (чисто военным путем они победить не могут) в сферу политики (избежать поражения путем заключения сепаратного или компромиссного мира).

Под углом зрения политики самое важное – это крепить союз между СССР, Англией и США. Надеюсь, что данная цель удастся. Однако тут имеются свои опасности. Наиболее слабое звено – США.

Я не боюсь каких-либо серьезных осложнений на данной стадии между СССР и Англией. У нас есть союзный договор, а еще важнее то, что Англия от нас больше зависит в войне и мире, и буржуазия ее обладает большими опытом и гибкостью, подсказывающими ей необходимость дружественной связи с СССР. Наличие Черчилля во главе бритпра и Идена в качестве МИД являются персональным выражением данной тенденции.

Иначе с США. Эта страна, судя по всему, вступает в период бешеной империалистической экспансии. [Д.] Ллойд Джордж мне на днях говорил, что США имеют в виду в результате этой войны овладеть (де-факто, а возможно, и де-юре) Западной и Северной Французской Африкой, Голландской Индией и, возможно, даже Австралией. Кроме того, США хотят играть крупную роль в Европе. С этой целью они уже сейчас готовят себе политическую базу в Европе в лице различных консервативно-католических элементов. Отсюда кокетничанье Вашингтона с Виши*, покровительство Франко и Салазару^{2*}, сделка с Дарланом¹, разрешение Отто Габсбургскому^{3*} формировать австрийский легион в Америке, внимательное отношение к жалобам Сикорского^{4*} на опасность «большевизации» Польши со стороны СССР. При этом надо учесть, что ноябрьские выборы в Конгресс значительно ослабили позицию Рузвельта² и что меньше, чем через два года, американским президентом может стать лидер республиканцев. Хорошо еще, если это будет Вилки^{5*}, а что если это будет какой-нибудь Dewey^{6*}? Прибавьте сюда малую зависимость США от СССР и Англии, прибавьте неопытность и негибкость американской буржуазии в международных вопросах, и вы легко можете допустить возникновение серьезных трений между США и их союзниками в наступившем году и позже.

Возьмем, например, вопрос о войне. США, как военная держава, находятся еще на первой стадии развития. Они слабы, в особенности на суше: нет ни опыта, ни тренировки, ни традиций. Отсюда (по крайней мере, частично) странное поведение американцев в Африке. Далее: есть сведения, что США сейчас мало склонны к открытию второго фронта во Франции (после окончания операций в Африке) и, наоборот, предпочитают курс на Италию. Почему? Думаю, во-первых, потому, что Италия легче Франции, и, во-вторых, потому, что «освобождение» Италии хорошо вяжется с идеями создания консервативно-католического блока в Европе. Тут и папа^{7*} поможет, и какой-либо итальянский Дарлан найдется.

Этого мало. У меня все больше складывается впечатление, что «военными целями» США, вопреки всем высокопарным Атлантическим Хартиям, является создание великой Американской Империи в Африке и в Азии. Тем более что, как известно, американцы горячо относятся к борьбе с Японией и очень прохладно к войне с Германией. Рузвельт и К^о смотрят иначе, но я говорю сейчас не о них, а о более широких кругах буржуазии, мелкой буржуазии, рабочих, фермеров. Какой смысл тогда для США вкладывать слишком много энергии и сил в европейскую борьбу? Пусть этим занимаются европейские державы, в первую очередь СССР. Это выгодно для американцев и с другой стороны: пусть «большевики» истощаются и ослабевают.

Вот вам почва для трений и расхождений между союзниками, особенно между САШ, с одной стороны, и СССР – с другой.

* Коллаборационистское правительство в городе Виши (Южная Франция).

^{2*} Франко Баамонде Ф. – глава испанского государства в 1939–1975 гг; Салазар А. ди Оливейра – председатель Совета министров Португалии с 1932 г.

^{3*} Отто фон Габсбург, глава Императорского и Королевского дома Австрии и Венгрии (с 1922 г.). Во время Второй мировой войны жил в США и Великобритании.

^{4*} Сикорский Владислав – премьер-министр польского правительства в эмиграции в 1939–1943 гг.

^{5*} Далее – Уилки Уэндел Льюис.

^{6*} Дьюи Томас Е. – губернатор штата Нью-Йорк.

^{7*} Имеется в виду Папа Римский Пий XII.

Но есть плоскости трения и между США и Англией. Фактически в настоящий момент расхождения между этими двумя державами даже гораздо отчетливее, чем между США и нами. Перечислю важнейшие спорные пункты³: 1) Африка – в области политической история с Дарланом, в области военной – история операций в Тунисе. 2) Жибути – бритпра было за передачу колоний Де-Голлю^{8*}, ампра против. Бритпра провело свою точку зрения. 3) Воздушная бомбардировка Рима – бритпра – за, ампра – против. Вопрос пока не разрешен. 4) Торговый флот – из всей американской продукции по судостроению англичане не получают почти ничего. 5) Военный флот – американцы категорически отказываются помогать англичанам на море в Атлантике. Все новые военные суда (например, 60 эсминцев) они гонят в Тихий океан. Конечно, все указанные пункты расхождения (имеются и другие) не настолько серьезны, чтобы сделать невозможным сотрудничество. Находятся и будут находиться мосты для того, чтобы перекрывать возникающие трения⁴. Однако за этими расхождениями надо внимательно следить, и для нас они представляют даже прямую выгоду: затрудняют образование солидного англо-американского блока, который при известных условиях (особенно по окончании войны) мог бы обернуться против СССР. Но такие расхождения стали бы опасны, если бы они грозили развалом англо-советско-американской коалиции. Тут есть своя диалектика.

О будущей мирной конференции (если она вообще будет). На эту конференцию СССР придет с самой могущественной армией в мире, если нам только удастся сманеврировать так, чтобы избежать слишком большого истощения. Ибо английская армия к тому времени, хотя и несколько подросшая в военном отношении, все-таки будет куда менее эффективной военной машиной, чем Красная Армия, а американская армия, хотя и многочисленная и хорошо вооруженная, будет слишком «зеленой» и «сырой» для того, чтобы годиться к большим и серьезным операциям.

Перспектива не плохая. Но ключ к ней – хорошее маневрирование.

3 января (Бовингдон*)

На фронтах победы. За 6 недель наступления мы сделали очень много. Сталинград освобожден, и 22 вражеские дивизии окружены и медленно гибнут под Сталинградом. Почти вся Донская Лука отвоевана, железнодорожная линия Воронеж–Ростов захвачена нами на протяжении свыше 100 миль, по железной дороге Сталинград–Тихорецкая мы быстро продвигаемся вперед (сегодня объявлено о взятии Ремонтной на расстоянии 120 миль от Сталинграда), на Кавказе мы вернули Моздок и начали успешное наступление под Нальчиком, на центральном фронте мы взяли Великие Луки и почти совсем окружили Ржев. Немцы несут колоссальные потери людьми и материалами. Наши потери людьми сравнительно невелики, а количество материала прибавляется. Так, например, в районе Дона мы взяли у немцев свыше 500 целых самолетов и свыше 2 тыс. целых танков. Пустим, конечно, в дело.

^{8*} Далее – Шарль де Голль.

* Бовингдон – селение недалеко от Лондона, где снимал дом бывший глава испанского правительства Х. Негрин. По его приглашению И.М. Майский с супругой часто проводили у него уик-энды.

Да, это совсем, совсем не то, что было летом и осенью, когда немцы наступали и каждую неделю мне приходилось с горечью, с душевной болью регистрировать наши неудачи. Правильно сказал Сталин: будет и на нашей улице праздник! Этот праздник наступает, но он еще в самом начале. Возможны приостановки и перерывы в его течении. Тем не менее праздник пришел. Самое важное: всем существом ощущаешь, что чаша исторических весов стала склоняться в нашу сторону, – пока еще медленно, но неуклонно. Совершенно ясно: Гитлер уже проиграл войну. Исторически – принципиально вопрос уже решен. Однако реализация этого решения на практике потребует еще немало времени и много жертв.

Все-таки первые лучи солнца пробились сквозь темные, тяжелые тучи, висящие над горизонтом.

[Ниже под заголовком «Шестинедельный обзор Москвы. Цели и достижения Красной армии» помещен сделанный агентством Рейтер перевод на английский язык основной части сообщения Совинформбюро от 31 декабря 1942 г. Полный точный текст см.: Итоги шестинедельного наступления наших войск на подступах Сталинграда // Сообщения Советского Информбюро. № 3, июль–декабрь 1942 года. М., 1944. С. 423–427.]

4 января

[Помещен плакат из английской газеты «Evening Standard» (1943. 4 Jan.) под названием «Серп и молот» с изображением руки, сокрушающей колонну немецких войск. Плакат был напечатан во всех странах, где издавалась газета.]

5 января

Много думал в последние дни над моим разговором с [Ст.] Криппсом (30 декабря), в особенности над вопросом о будущем Германии. Вот к каким выводам я пришел:

1) Наша цель состоит в том, чтобы предупредить возникновение новой агрессии со стороны Германии. Гарантии для этого могут быть – внутренние или внешние. Внутренние гарантии могут быть созданы только полнокровной и глубокой пролетарской революцией в результате войны и созданием в Германии прочного советского строя. Отравленная фашизмом психология немецких масс должна переплавиться в огне такой революции, а нынешние господствующие классы Германии должны быть начисто уничтожены. Ничему меньшему верить нельзя. Советская власть, стоящая на шатких ногах, нас не устроит. Произойдет ли такая революция в Германии? Не знаю. Однако имею много сомнений, ибо не вижу пока тех сил и условий (в частности, компартия не достаточно сильна), которые могли бы привести к рождению прочной пролетарской власти в Германии. Если же внутренних гарантий ненападения не окажется, то неизбежны внешние гарантии такого ненападения, т.е. сильное и длительное ослабление Германии, которое сделало бы для нее физически невозможной какую-либо агрессию.

2) Основные меры внешних гарантий должны состоять в след[ующем]:

а) Раздробление Германии на ряд более или менее независимых государств. Это, конечно, как говорит Криппс, поведет к росту национального движения среди немцев за объединение Германии, но это, во всяком случае на долгий срок, поставит колоссальные препятствия для какой-либо единой акции немецких государств, а сверх того отвлечет национальную энергию немцев в русло борьбы за объединение вместо того, чтобы давать ей выход в подготовке к новой войне.

О раздроблении т. Сталин говорил во время переговоров с Иденом в декабре 1941 г.*

б) «Экономическая децентрализация» (о которой говорил Криппс), т.е. по существу индустриальное разоружение Германии, которое, пожалуй, важнее, чем военное разоружение. Ибо Германия без военной индустрии была бы не страшна даже в случае распада англо-советско-американской коалиции, что вполне возможно и даже вероятно через известный срок после окончания войны (история показывает, что военные коалиции легко распадаются и члены этих коалиций даже вступают в борьбу друг с другом).

3) Мы, конечно, будем требовать с Германии репараций, но в какой форме? В декабре 1941 г. я слышал от т. Сталина: «40 тыс. станков с Германии – вот наши репарации!» Правильно. Но как мы можем получить эти 40 тыс. станков? Очевидно, либо заказав их на германских заводах после войны и получая их в рассрочку в течение ряда лет, либо сняв уже наличные станки с наличных немецких промышленных предприятий. Что лучше? По-моему, второе лучше. Ибо, во-первых, мы выигрываем время, а во-вторых, – и это гораздо важнее, – мы тем самым способствуем ликвидации военной индустрии в Германии. При заказе же станков мы теряем время и сохраняем Германии станкостроительную промышленность, которая в любой момент может быть переключена на вооружение. Таким образом, «экономическая децентрализация» логически вытекает из формулы т. Сталина о репарациях.

4) Я считаю, что мы должны требовать еще одной формы репараций – германского труда. Пусть сами немцы восстановят нам сделанные ими разрушения. Это имело бы большое практическое и огромное политическое значение. Практически это облегчило бы нам возрождение бесконечного числа разрушенных городов, деревень, фабрик, заводов и т.д. Политически это давало бы громадное моральное удовлетворение нашим массам и крепко вбивало бы в голову германских масс, что агрессия не окупается и что все, тобой разрушенное, ты сам должен потом вернуть. Это производило бы также сильный эффект в других (особенно, оккупированных) странах. Было бы полезно устроить так, чтобы немцы, участвовавшие в разрушении, скажем, Сталинграда, были посланы потом отстраивать именно Сталинград. Немецкий труд должен быть организован более или менее по-военному, немцы должны жить в концлагерях и не получать совсем или получать в ничтожном размере зарплату. Конечно, надо считаться с тем, что производительность репарационного труда будет не очень высока, но все-таки он может дать много, особенно, если разработать систему премирования и т.п. Reparации трудом можно было бы начать еще до окончания войны, используя для этого военнопленных.

6.1.43 Иден*

1. Бритпра хочет бомбить Рим. Ампра возражает. Поэтому бритпра решило пока никакого ответа на демарш папы (не бомбить Рим при условии выезда оттуда ит[альянских] воен[ных] учрежд[ений] и пр.) не давать. Иметь свободные руки.

* См.: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 39.

* Запись содержит сведения, полученные Майским от А. Идена.

2. Положение в Тунисе: ось имеет 55 тыс. человек (две трети немцев), 250 танков и 190 самол[етов] (155 неме[цких]). Подкрепление: 1500 человек в день (море и воздух). Роммель идёт в Тунис: 50 тыс. человек, 340 самолетов, 100 танков. Всего скоро может быть 100–120 тыс. В Сицилии и Сардинии – 1100 самолетов (385 немецких). – Англо-американо-французы в Тунисе пока имеют 4 дивизии, из Алжира подходят еще 2–3. Строятся аэродромы. Дожди. Грязь.

3. [Г.]Макмиллан прибыл в СА^{2*}. Имел разговор с Эйзенхауэром. Свидание де Голля с Жиро^{3*} не ладится. Поездка де Голля в Вашингтон отложена по просьбе ампра. Иден вздыхает: «С французами надо быть осторожным – легко обжечь пальцы».

4. Монтейро^{4*} сообщил И[дену], что Хордана^{5*} приезжал в Португ[алию] для обсуждения мер охраны «нейтралитета» Пиренеев. Франко склоняется к переходу из «невоюющего» в «нейтрала». Обеспокоен ходом войны. Намекает, что готов «мириться» с «коммунизмом».

5. И[ден] обеспокоен ослаб[ением] полож[ения] Рузвельта и ростом изоляционизма в США. Говорит: «Было бы трагично, если бы вновь повторилась история прошлой войны и в Америке к власти пришли изоляционисты, как раз в тот момент, когда сотрудн[ичество] США в миров[ой] политике было [бы] особенно важно. Тем ценнее тесная кооперация между нашими обеими, странами. Это единств[енная] надежда, единств[енный] якорь спасения для н[аших] стран, для Европы, для Амер[ики]».

8.1.43. К. Мартин*

Приехал из США. Впечатления:

1) Положение Рузвельта слабеет. В новом конгрессе демократы имеют ничтожный перевес. С учетом консервативных демократов Р[узвельт] может оказываться в меньшинстве. Если бы Р[узвельт] имел время заниматься внутренней политикой вплотную, мог бы и сейчас быть ОК^{2*} и даже быть переизбранным в 1944 г., но ему надо вести войну. Переизбрание поэтому сомнительно. Если не будет раскола среди республиканцев. Раскол возможен: [У.Л.] Уилки, которому не доверяет республ[иканская] «машина» и вместо него выдвигает кандидатом серенького губернатора Огайо Брикнера^{3*} ([Т.]Дью[и] слишком одиозен), может все-таки выступить на выборах. Тогда Р[узвельт] пройдет. Впрочем, все это спекуляции.

2) Цели войны. Рузвельт и другие – Атл[антическая] Хартия. Но республиканцы плюс значительная часть демократов рассуждают иначе: нас втянули в войну, мы должны из неё кое-что вынести. Конкретно:

1) Голланд[ская] Индия, Зап[адная] Афр[ика], может быть, Сев[ерная] Африка – в той или иной форме должны стать американскими («Неужели мы сражаемся, чтобы голландск[ие] брокеры опять стали монополистами по

^{2*} Северная Африка.

^{3*} Жиро Анри Оноре – генерал, командующий французскими силами в Северной Африке.

^{4*} Монтейро Арминдо – посол Португалии в Великобритании.

^{5*} Хордана С. – министр иностранных дел Испании.

* Изложение беседы с издателем «Нью стейтсмен энд нейшн» Кингсли Мартином.

^{2*} О'кей – хорошо (англ.).

^{3*} Имеется в виду Дж. Брикер (см.: История США. М., 1985. Т. 3. С. 415).

каучуку?» – «Французы не сумели защитить свою империю, стало быть, не заслуживают ее иметь»).

2) Американцы после войны должны играть решающую роль в воздушных и морских путях сообщения.

3) Продов[ольственные] ресурсы США после войны должны способствовать «укреплению амер[иканского] мир[ового] влияния».

4) По вопросу о Европе – раздвоение: одни за наведение «американского порядка» в Европе, другие – за политику «подальше от европейских ссор и склок».

Вообще, по мнению М[артина], от США приходится ждать в ближайшем будущем всяких сюрпризов, – б[ольшей] ч[астью] неприятных.

7 января*

В ближайшем будущем предстоит свидание Черчилля с Рузвельтом – по военным планам на 1943 г. Есть два варианта:

1) вторжение во Францию весной или летом и

2) захват Сицилии и дальше высадка в Ю[жной] Италии. Вопрос об операциях на Балканах пока не стоит: это мыслится лишь в связи с возможным выступлением Турции, но последняя, видимо, не собирается менять своей позиции.

По словам Идена, Черчилль безусловно предпочитает Францию, Рузвельт и его советники как будто бы склонны ставить ставку^{2*} на Сицилию и Италию.

Очень опасаясь, что вопрос будет решен в пользу второго варианта, ибо в военном отношении он легче, да к тому же англо-американцы имеют целый ряд политических соображений для откладывания эффективного второго фронта в Европе.

Содержание послания Черчилля Сталину (10.1.43)*

Рад, что декабрьский конвой добрался благополучно, преодолев атаку превосходных^{2*} сил врага.

Т.к. ясно, что враг на севере будет препятствовать дальнейшим конвоям, то адмиралтейство решило вместо первоначально предполагавшихся двух полуконвоев 17.1. отправить конвой из 19 судов, а около 11.2. еще один конвой из 28–30 судов. Затем, если американцы нам помогут с эскортными судами, след[ующий] конвой мы отправим около 10.3. а если американцы не помогут, то не раньше 19.3.

11 января

Имел сегодня с Иденом длинный разговор по разным текущим вопросам. Два из них имеют более серьезное значение.

Во-первых, о воздушных бомбардировках Берлина. Я вновь поставил этот вопрос и поинтересовался, чем объясняется чрезвычайное ослабление налетов на Германию, наблюдающееся в последнее время? Почему, в частности, не бомбардируется Берлин? Ведь Черчилль обещал это Сталину в Москве. Он обещал бомбардировки в сентябре–октябре, а теперь январь⁵. И все-таки nothing doing*.

* Дата вписана от руки.

^{2*} Так в тексте.

* В Переписке... (Т. 1. С. 99–100) послание помечено 11 января.

^{2*} Так в тексте.

* Ничего не делается (англ.).

В чем дело? Сознает ли Иден в полной мере, сознает ли премьер, какой вред советско-английским отношениям вообще и отношениям между Сталиным и Черчиллем в частности наносит этот факт?

Иден был смущен, винил погоду, ссылаясь на отсутствие американской помощи и обещал лучшие перспективы в будущем. Я, однако, пожал плечами и заметил, что обещаний мне мало. Я их слышал слишком много. Добрыми намерениями дорога в ад вымощена. Мне нужны дела, а не слова. Смущение Идена все возрастало, и наконец он сказал:

– Я приложу все усилия к тому, чтобы исполнить желание Сталина и ваше... Подождите еще немного... Надеюсь, вам не придется долго ждать.

Посмотрим. Я что-то изверился в английские обещания.

Во-вторых, я имел с Иденом серьезный разговор о конвоях. Казалось, только что наладили это дело, и вдруг опять стоп!..

Декабрьский конвой двумя группами (16 и 14 судов) вполне благополучно дошел до Мурманска и Архангельска. Правда, по дороге поблизости от о. Медвежий был морской бой, в котором англичане потеряли один эсминец, но немцы тоже потеряли один эсминец, а сверх того был еще поврежден их тяжелый крейсер. Главное же, ни одно судно из конвоя не потонуло. Все дошли до места назначения. В январе должен был быть новый конвой тоже двумя группами и примерно в том же числе судов (до 30). Черчилль в своем послании Сталину 30 декабря так прямо и пообещал в январе конвой из 30 судов⁶. И вдруг неделю спустя все изменилось: адмиралтейство решило отправить в январе только первую группу конвоя в 15 судов, а вторую группу перенести на февраль и присоединить к первой группе февральского конвоя. Почему? Потому, видите ли, что у адмиралтейства не хватает достаточного количества судов для надлежащего прикрытия обеих групп, а включать в одну группу сверх 15 судов ввиду господствующей сейчас в Арктике ночи оно не считает возможным: иначе суда могут растеряться в темноте.

Я узнал обо всей этой истории 8 января. Узнал от Харламова^{2*} и при том в «кривом зеркале»: Файербрэнс^{3*} сообщил Харламову, что вторая половина конвоя в срок не может выйти, т. к. будто бы не готовы танки и самолеты, предназначенные к отправке с ней. Нам с Харламовым эта мотивировка показалась странной. Я решил проверить и позвонил Синклеру^{4*} и Григгу^{5*}, спрашивая, действительно ли они не в состоянии дать в срок танков и Харрикейнов? Оба навели справки и в ответ сообщили, что ничего подобного: танки и самолеты есть, дело не за военным и воздушным министерствами. Синклер при этом прибавил:

– Поговорите с Александром^{6*}.

Тогда я позвонил Александру, и истинная причина задержки второй группы вскрылась. Я решил апеллировать к Идену и позвонил ему на дачу домой (он был за городом). Иден подтвердил мотивы Александра. Я стал решительно протестовать и требовать пересмотра решения адмиралтейства, ссылаясь в особенности на обещание Черчилля от 30 декабря. Иден попал в трудное положение. Он обещал снестись с соответственными инстанциями и 9-го утром

^{2*} Харламов Н.М. – адмирал, начальник военной миссии СССР в Великобритании.

^{3*} Файербрэнс (Файрбрейс) Р. – военный атташе Великобритании в СССР.

^{4*} Синклер Арчибальд – министр авиации Великобритании.

^{5*} Григг Перси Джеймс – военный министр Великобритании.

^{6*} Александр Альберт Виктор – 1-й лорд адмиралтейства.

по телефону с дачи же передал, что первая группа конвоя будет увеличена до 20 судов (максимум максиморум, на который соглашается адмиралтейство), но что больше ничего сделать нельзя. Зато в первой половине февраля будет отправлен конвой в 30 судов. Это будет для нас компенсацией. Я выразил по телефону неудовольствие таким разрешением вопроса и заявил, что подробнее поговорю с Иденом на данную тему в понедельник, 11 января.

И вот сегодня этот разговор состоялся. Мы долго спорили. Иден все время ссылался на тяжелое положение британского флота. Он теряет по эсминцу в неделю, но не получает по эсминцу в неделю. Американцы не помогают англичанам в Атлантике. Они спустили на воду уже 60 новых эсминцев, но все ушли в Тихий океан. Между тем обязательства британского флота громадны – в Атлантике, в Сред[иземном] море, в Индийском океане. Борьба с подлодками очень интенсивна. На все не хватает сил. Вот почему выходят задержки с конвоями в СССР⁷.

Я возразил, что это одна сторона вопроса, но есть и другая: СССР ведет отчаянную борьбу с Германией, ведет по существу один и очень нуждается в вооружении и сырье. Неужели союзники, которые так мало помогают СССР на поле битвы, откажутся помочь ему даже в вопросах снабжения? Мы не можем мириться с таким положением. Англия должна найти выход из создавшихся трудностей.

Иден опять стал повторять старую песню. Мне это, наконец, надоело, и я спросил:

– Но, если таково действительное положение вещей, зачем Черчилль всего лишь несколько дней назад давал Сталину обещание отправить в январе 30 судов?

Моя стрела попала в цель. Разводя руками, Иден ответил:

– В этом я с вами вполне согласен. Премьер сделал ошибку, дав столь определенное обещание. Вы же знаете его: он часто любит давать обещания, не подумавши, не взвесив реальные возможности. Потом получается нехорошо. Так вот и сейчас. Но фактическое положение все-таки таково, что отправить вторую половину конвоя в январе мы не сможем.

Я пожал плечами и сказал, что, несмотря ни на что, не могу признать объяснения Идена удовлетворительными.

В заключение Иден прибавил, что Черчилль отправил вчера Сталину особое послание с объяснением, почему он не в состоянии выполнить данного ранее обещания. При этом Иден вручил мне копию послания.

Содержание послания Сталина Черчиллю (11.1.43)*

Получил послание от 10.1. Спасибо за информацию.

Операции наших войск против немцев развиваются не плохо. Заканчиваем ликвидацию группы германских войск под Сталинградом.

15 января

Был Элмхэрст (Elmhirst)*, который только что вернулся из длительной поездки по Африке и Среднему Востоку. Рассказывал странные и характерные вещи про Египет. Он говорил:

* 16.1.43 Сталин подтвердил Черчиллю получение его послания от 11.1.43 (Переписка... Т. 1. С. 100).

* Элмхэрст Леонард – председатель организации политического и экономического планирования.

– Египтяне сейчас имеют массу денег... Не воюют и в то же время зарабатывают на нашей войне, на английских и американских войсках, находящихся в Египте.

– На что же тратятся эти деньги? – спросил я.

– Крестьяне, – ответил Элмхэрст, – а они тоже имеют много денег, покупают скот и женщин. Ведь египтяне – мусульмане, многоженство разрешено... А богатый класс – все эти помещики, купцы, промышленники – тратят деньги на три вещи: на драгоценности, на женщин и на могилы...

– На могилы?.. – с недоумением переспросил я. – Я понимаю, что египетская верхушка может тратить много денег на драгоценности и на женщин, но на могилы?.. Что это значит?

– Охотно объясню, – откликнулся Элмхэрст. – ...К западу от Каира есть целый большой город – «Город Мертвых». Я не шучу. Когда вы въезжаете в него, первое впечатление – обыкновенный, хорошо распланированный и устроенный город: красивые дома, широкие улицы, дощечки с названиями улиц на стенах, фонарики для освещения номеров домов... Но это призрачный город. В нем никто не живет. Это город привидений или, точнее, город могил. Каждая богатая семья в Египте считает обязательным иметь в «Городе Мертвых» свое место – свой дом, в котором хоронятся ее умирающие члены. Чем богаче семья, тем больше и лучше дом. Если семья особо выдающаяся по богатству и знатности, – каждый ее умирающий член имеет для своей могилы целый дом, если семья рангом пониже, в одном доме хоронят нескольких членов, но для каждого отводят по отдельной комнате. Если семья еще рангом ниже, в одной комнате хоронят по 2–3 человека. Дома-могилы являются сейчас в Египте неотъемлемой принадлежностью общественного положения. По размерам и великолепию дома судят о статусе человека. Сколько зависти, ревности, борьбы, интриг сплетается около этих домов-могил!..

Элмхэрст весело рассмеялся и хотел перейти к другой теме.

– Но, скажите, – задержал я его, – как выглядит подобный дом-могила? Вы сами бывали в таких домах?

– Да, бывал, – ответил Элмхэрст. – Как выглядят такие дома? Да, так же, как обыкновенные дома... Есть большие, поменьше, совсем маленькие... В полном соответствии с различными этажами общественной пирамиды... Входишь в такой дом – сначала большой, прекрасно оборудованный приемный зал: мебель, ковры, колонны... Из приемного зала двери в соседние комнаты... В каждой комнате опять прекрасное оборудование – мебель, ковры, диваны... А в центре комнаты могила с каменной плитой или обелиском... В доме пустота... никто не живет... Только раз в год здесь собирается вся семья умершего для поминок. Вот и все. Но денег на эти дома-могилы убивается масса – так же, как и на женщин и драгоценности.

Странный обычай! Настоящий восток. Впрочем, не совсем настоящий. Подпорченный современностью. Те же пирамиды древних фараонов, но в костюме демократического модернизма: не только для фараона, но и для каждого человека со средствами.

Недаром на мой вопрос, что такое Каир, Элмхэрст с усмешкой ответил:

– Помесь Парижа с Багдадом.

На днях на одном «ланче» встретился с бывшим губернатором Мальты сэром Уильямом Добби^{2*}. Выглядит он порядочной развалиной, и, глядя на него, трудно себе представить, как это он мог в течение двух лет руководить героической обороной острова. Или, может быть, Добби стал развалиной в результате обороны?

Как бы то ни было, но от Добби узнал любопытную вещь: оказывается, население Мальты – это прямые наследники Финикии и Карфагена. Язык их финикийского происхождения. Есть, конечно, кое-какие примеси (арабская, итальянская, английская), но в основе это все-таки тот язык, на котором говорила «Саламбо»^{3*}.

Карфаген в моих глазах поднялся! Мальтийцы в эту войну вели себя героически. Мое увлечение «Саламбо» (которую я с удовольствием перечитал месяца три назад в Бовингдоне) становится еще сильнее...

16.1.43

Мои предложения по Африке:

1) Создание единого управления отпавшими от Виши частями Франц[узской] Империи. Желательно де Голль – глава, Жиро – главком (заявить в личном порядке).

2) Чистка Африканской администрации от петэнистов.

3) Создание временного представитель[ного] органа – максим[ально] демократ[ического] – с участием всех партий.

4) Немедленное освобождение всех политических заключенных всех партий и наций в Африке.

Цель всего этого – создание более авторитетного франц[узского] центра, кот[орый] мог быть более самостоя[тельным] в отнош[ении] А[нглии] и США.

Москва не хочет втягиваться в генеральские комбинации. Не рекомендует делать никаких заявлений бритпра. Но де Голля предпочитает Жиро.

17 января (Бовингдон)

Дела на фронте хороши! Дожили мы наконец до таких времен.

22 германские дивизии, окруженные под Сталинградом 23 ноября, – накануне окончательного уничтожения. В результате боев, голода и холода численность их за это время сократилась на две трети и составляет сейчас 70–80 тысяч. 8 января наше командование поставило ультиматум: либо сдача на почетных условиях (включая репатриацию после войны на родину), либо полное уничтожение. Немцы отвергли капитуляцию. Теперь идет их ликвидация. Вероятно, еще неделя-другая – и все будет кончено. Славный Сталинград окончательно и бесповоротно будет освобожден.

На Кавказе наши войска все больше вытесняют немцев из занятых ими позиций: в течение последних 2–3 недель мы прошли от Нальчика и Моздока до

^{2*} Добби Уильям Д.Ш. – губернатор и главнокомандующий британских сил на Мальте (июнь 1940 – май 1942 г.).

^{3*} «Саламбо» – исторический роман Г. Флобера (1862), действие которого происходит в Карфагене во время восстания наемников около 240 г. до н.э.

пункта на 30 миль дальше Минеральных Вод по линии желдороги. Освобожден весь район наших курортов (Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск). Колонна из Калмыкии все больше сливается с колонной кавказских войск. Обе колонны быстро гонят немцев на север и северо-запад.

На Дону освобождена от немцев вся Донская излучина, дорога Воронеж–Ростов до Миллерово (пока еще держится), дорога Сталинград – Лихая (почти до Лихой), дорога Сталинград–Тихорецкая почти до Маныча. С трех сторон наши войска сравнительно быстрым темпом надвигаются на Ростов. В одном месте мы всего лишь в 60 милях от Ростова.

На Центральном фронте нами заняты Великие Луки, под Ленинградом начались бои за снятие осады (хотя пока эти бои еще по-настоящему не развернулись).

За минувшие два месяца мы взяли огромную добычу и до 170 тыс. пленных, в том числе около половины немцев. Среди пленных свыше 60 тыс. румын. Трофеи колоссальны: свыше 2 тыс. целых танков, свыше 800 целых самолетов, свыше 20 тыс. целых грузовиков и пр. Скоро немцы станут главным источником нашего снабжения из-за границы. Шутка сказать: из взятых немецких танков можно сформировать чуть не 10 бронетанковых дивизий!

Большое количество пленных и добычи – хороший симптом: свидетельствует не только о нашем возросшем искусстве в ведении войны, но также и о прогрессирующем разложении в рядах врага. Отказ немцев от капитуляции под Сталинградом – плохой симптом, ибо свидетельствует о том, что мораль германской армии еще недостаточно подорвана.

Как бы то ни было, но дела на фронте хороши. Только бы они продолжались в том же духе. Только бы наступление не приостановилось. Надо во что бы то ни стало сохранить в своих руках вырванную у немцев инициативу!

Замечательный у нас народ, замечательная армия, замечательный вождь!

Но все-таки впереди еще колоссальная задача, еще огромные трудности, ещё тяжелые жертвы. Немцы уже проиграли войну, но мы еще не выиграли ее. Для того, чтобы скорее и легче ее выиграть, нам нужен второй фронт, нужны англичане и американцы.

Сегодня около 12 час[ов] дня Иден неожиданно позвонил мне по телефону в Бовингдон.

– Вы помните, – сказал Иден, – как несколько дней назад вы ставили мне вопрос об одном городе?

– Конечно, помню, – быстро реагировал я, сразу поняв, что речь идет о Берлине.

– Так вот, – продолжал Иден. – Ваше желание исполнено. Сегодня ночью его посетили 380 машин. Очень эффективно. Много разрушений и пожаров. И замечательно: мы потеряли только одну машину!

Я поблагодарил Идена за сообщение.

– Премьер, – добавил Иден, – отправил по этому поводу небольшое послание вашему шефу*. И затем еще одно... приятный сюрприз для г[-на] Сталина!.. Расскажу вам об этом завтра.

* Обмен посланиями 17–19 января 1943 г. см.: Переписка... Т. 1. С. 101.

Хм! Хм! Что бы это такое могло быть?.. Посмотрим.

Налет на Берлин – это хорошо. Но надо, чтобы это повторялось часто. Будем нажимать.

Сегодня 80-летие [Д.] Ллойд Джорджа. В газетах статьи о Л-Д и портреты Л-Д. По радио говорил о Л-Д лорд Винтертон^{2*} (ибо после Л-Д он самый старый член палаты общин по количеству лет непрерывного депутатства – с 1904 г.), передавали салют Л-Д (на уэльском^{3*} языке) и вечером играли концерт уэльской^{3*} музыки.

18 января

Станный народ американцы!

Рузвельт направил Сталину несколько посланий. Смысл их сводится к тому, что он дает нам 200 транспортных самолетов (за это спасибо), что «на всякий случай» в ожидании возможного нападения Японии на СССР он хотел бы теперь же перебросить на наш ДВосток 100 бомбардировщиков с американским персоналом и что генерал Брэдли* вместе с ещё несколькими назначенными Рузвельтом офицерами должны немедленно начать переговоры с советскими представителями, а также произвести на ДВостоке «предварительное инспектирование» и составление планов совместно с нашими людьми⁸. Далее Рузвельт сообщает, что в самом близком будущем намеревается командировать в Москву генерала Маршалла^{2*} (начштаба) для информации о положении дел в Африке и о намеченных на 1943 г. планах военных операций.

Сталин дал хороший ответ Рузвельту. На днях он отправил ему послание, в котором благодарит за 200 транспортных самолетов, но выражает недоумение по поводу намерения прислать американский флот в 100 бомбардировщиков на ДВосток. Во-первых, мы уже неоднократно сообщали американцам, что нуждаемся не в летчиках, а в машинах. Во-вторых, самолеты нам нужны не на ДВостоке, где мы войны не ведём, а на советско-германском фронте, где нужда в авиации очень остра⁹.

Далее, предложение Рузвельта об инспектировании наших военных объектов на ДВостоке генералом Брэдли непонятно: русские военные объекты могут, очевидно, инспектироваться русской инспекцией, как американские – американской. «В этой области, – говорит Сталин, – не могут быть допущены никакие неясности».

Что касается поездки генерала Маршалла, то Сталин, прежде всего, хочет знать, какова будет миссия этого генерала?

В заключение Сталин просит Рузвельта разъяснить причины столь длительной задержки операций в Африке, заявляя, что его «коллеги» сильно смущены этим обстоятельством¹⁰.

Вероятно, Рузвельт обидится¹¹. Ничего не поделаешь! Надо учить американцев. Они в самом деле воображают себя солью земли и менторами мира.

^{2*} Далее – Уинтертон Э.Т. – член парламента, консерватор.

^{3*} Валлийский язык, валлийская музыка.

* Брэдли (Bradly) Фоллет – личный представитель президента США на переговорах по ленд-лизу в Москве, генерал-майор.

^{2*} Маршалл Джордж Кэтлетт – генерал, начальник штаба армии США.

19 января

Сегодня мне исполнилось 59 лет. Еще год – и я смогу «праздновать свой 60-летний юбилей».

Ощущение у меня двойственное. С одной стороны, трезвый и холодный рас-судок мне говорит, что день моей жизни явно склоняется к вечеру. С другой стороны, субъективное самочувствие – физическое и духовное – не регистри-рует пока еще никаких вечерних симптомов или настроений. Здоровье all right, работоспособность не уменьшилась, острота мысли даже как будто бы уве-личилась (впрочем, это последнее, возможно, результат накопленного опыта). От ума говорю себе:

– Ты уже близок к старости.

А общее ощущение организма отвечает:

– Ты еще далёк от старости.

Четыре года назад, когда мне исполнилось 55 лет, я писал, что, исходя из среднего человеческого расчета, имею пред собой еще около 20 лет жизни. Я набрасывал тогда и свой ориентировочный «план» на эти 20 лет: 10 лет (до 65 лет) – активная политическая работа, и еще 10 лет (до 75) – завершение жиз-ненного пути, т.е. подведение итогов и написание воспоминаний. Я рассчитывал также, что в течение моего первого активного десятилетия произойдет новая мировая война, которая расчистит путь для построения социализма в Европе.

Этот мой расчет оправдался, поскольку речь, по крайней мере, идет о миро-вой войне, – оправдался даже скорее, чем я ожидал. Оправдается ли второй – в отношении социализации Европы? Посмотрим. Во всяком случае (раз война все равно уж была неизбежна), я рад, что послевоенный период, когда проблема такой социализации станет актуальной, застанет меня еще в состоянии работо-способности. Надеюсь вложить и свою маленькую лепту в это большое дело.

Дальше 75 лет не заглядываю. Да и к чему?

Пред моими глазами здесь несколько выдающихся людей в возрасте свыше 75:

Бернард Шоу с женой – ему 87 лет, ей, вероятно, 89.

Веббы – ей 85 лет, ему 83^{1/2}.

Ллойд Джордж – 80 лет.

Глядя на них, мне не хочется доживать до их возраста. А ведь общие условия их существования куда больше способствуют сохранению жизнеспособности, чем мои – в прошлом и вероятном будущем...

Вчера вечером радио сообщило о снятии блокады с Ленинграда. Какая ра-дость! И какой чудный подарок к моему дню рождения!

17[-го] и 18.1 Черчилль информировал Сталина особыми телеграммами, что английской авиацией было сброшено на Берлин: 142 и 117 т разрывных бомб и 218 и 211 т зажигательных бомб¹². Все хочет показать активность Англии.

19.1. Сталин ответил телеграммой благодарности за сообщение и прибавил: «Желаю британским воздушным силам успехов. Особенно в бомбардировке Берлина».

21 января

На этой неделе имел две любопытные беседы с Иденом – 18[-го] и, сегодня, 21 января.

Свидание Черчилля с Рузвельтом состоялось: с конца прошлой недели оба находятся в Марокко около Марокеша*. Идея встречи именно здесь принадлежит Черчиллю. С ними начальники генштабов и другие военные и морские чины. Результаты свидания пока таковы:

1) Военные дела в САфрике. Кампания 8[-й] армии заканчивается. Монтгомери^{2*} рассчитывает быть в Триполи 22 или 23 января. С ним 3 британские дивизии. Далее встает вопрос о Тунисе. Между Черчиллем и Рузвельтом решено, что эта операция в основном превращается из американо-английской в английско-американскую. Конкретно это выражается в том, что генерал Александер^{3*} назначается заместителем Эйзенхауэра и берет целиком на себя командование операциями в Тунисе¹³. Далее англичане дают для этого 10 дивизий (4 со стороны Алжира, которые уже имеются на месте, и 6 со стороны Триполи, из которых 3 имеются на месте и еще 3 должны быть доставлены), американцы – две, французы – одну. Александер считает, что сможет начать тунисскую операцию всерьез лишь с конца февраля. Думает занять Тунис в марте^{4*}. Посмотрим. Решения Черчилля–Рузвельта по данному вопросу по существу означают признание американской армии еще слишком «зеленой» и не способной к серьезным военным операциям – и одновременно усиление английского влияния в англо-американской комбинации. Судя по тону телеграмм Черчилля (с которыми Иден меня ознакомил), премьер чрезвычайно доволен^{5*}. В частности, он очень доволен тем, что генерал Александер, вызванный с фронта на совещание, произвёл хорошее впечатление на американцев и что у него создались добрые отношения с Эйзенхауэром.

2) Общая стратегия на 1943 г. Решено, что сразу же за ликвидацией Туниса следующей военной операцией союзников будет Сицилия. Вместе с тем решено, что немедленно же принимаются меры для концентрации крупных сил на британских островах с целью «возвращения на европейский континент» в течение нынешнего года. Из телеграмм Черчилля, однако, неясно: пойдут ли союзники в Италию в случае захвата Сицилии? Когда мыслится «возвращение на европейский континент» – одновременно с операцией в Сицилии или после нее? Где мыслится «возвращение на европейский континент»? С какими силами? Я искал ответа на все эти недоуменные вопросы у Идена, но не нашёл его. Иден, видимо, пока и сам не знает. Придётся ждать возвращения премьера для уточнения планов англо-американцев в Европе¹⁴.

3) Политическая ситуация в САфрике. 17 января Иден получил от Черчилля телеграмму с просьбой передать де Голлю послание премьера, суть которого состояла в приглашении де Голля немедленно прилететь в Марокко для свидания с Жиро. Свидание это должно было происходить только между французскими генералами, без участия англо-американцев, однако Черчилль прибавлял, что

* Правильно – Марракеша. Речь идет о конференции в Касабланке 12–24 января 1943 г. с участием глав правительств и начальников генеральных штабов США и Великобритании.

^{2*} Монтгомери Бернард Лоу – британский генерал-лейтенант, командующий 8-й армией, сыгравшей решающую роль в битве под Эль-Аламейном.

^{3*} Александер Гарольд Л.Д. – главнокомандующий сухопутных сил союзников в Тунисе и на Сицилии (1943 г.).

^{4*} Тунисская кампания была завершена 13 мая 1943 г. См.: *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943 / Пер. с англ. М., 1980. С. 250.

^{5*} Вычеркнуты слова «этим решением».

если в ходе переговоров французы увидят необходимость в выяснении различных вопросов с ампра и бритпра, то присутствие Рузвельта и его, Черчилля, как раз в месте, где происходят переговоры, может облегчить быстрое урегулирование многих проблем¹⁵. Иден вызвал де Голля и вручил ему послание премьера. Де Голль отнесся к предложению Черчилля с большой подозрительностью. Ему казалось, что Черчилль расставляет ему капкан и что, попав в Марокко, он станет игрушкой в руках англо-американцев. В течение всего дня 17 января Иден вёл длительные и горячие дискуссии и с де Голлем и с Плевеном^{6*} (комиссар по инделам у де Голля), в результате которых де Голль отправил Черчиллю отказ^{7*}. Де Голль в своем ответе заявлял, что судьба САфрики – французское дело, что оно должно свободно решаться между французами, что присутствие иностранцев (т.е. Рузвельта и Черчилля) на французской почве во время переговоров не будет создавать благоприятной атмосферы для успеха переговоров и что поэтому он считает настоящий момент не подходящим для свидания с Жиро. Иден по этому поводу был в большом отчаянии, жаловался мне (18 января), что «французы – очень трудный народ, как и поляки», и что французские генералы, «точно балерины»: каждый из них считает себя «единственным и незаменимым», фыркает на своего соперника и ставит невозможные условия для сотрудничества.

– Подумайте, – воскликнул Иден, – в телеграмме премьера была высказана мысль, что де Голль, может быть, возьмет с собой в Марокко Катру^{8*}, – де Голль об этом и слышать не хочет. Похоже, что он рассорился с Катру. Премьер общал также, что Жиро, вероятно, приедет на свидание с генералом Бержере^{9*}. Услышав это, де Голль изменился в лице и заявил, что он не хочет видеть Бержере и никаких переговоров с ним вести не желает. Вот и попробуйте что-либо склеить с такими людьми. Не знаю, что теперь будет. Боюсь, что, получив отказ де Голля, премьер придет в ярость... Вы ведь знаете его характер... Это не облегчит разрешения задачи.

4) Сегодня Иден продолжил свой рассказ о событиях в САфрике. Как он и ожидал, Черчилль сначала пришел в бешенство. Потом пораздумал и обратился к Рузвельту. 19[-го] пришла от Черчилля новая телеграмма: от имени Рузвельта и своего он ещё раз настойчиво приглашал де Голля в Марокко. Иден опять целый день вел переговоры с де Голлем и в конце концов последний решил лететь в Марокко, захватив с собой Катру и одного французского адмирала. Де Голль должен был вылететь 20[-го], но погода помешала. Вероятно, вылетит сегодня. /Примечание: в противоположность тому, что было 18[-го], Иден сегодня не читал мне телеграмм премьера, а лишь передавал их содержание. При этом он умолчал об одной важной детали, которую со слов де Голля рассказал мне Богомолов^{10*}. Оказывается, во вторичном приглашении Черчилль прямо грозил де Голлю: если он не прибудет в Марокко, то Рузвельт не согласится его принять в США, – а о поездке в Вашингтон де Голль уже давно ведет переговоры с

^{6*} Плевен (Pleven) Рене – комиссар финансов, колоний и иностранных дел Французского комитета национального освобождения.

^{7*} *Голль Шарль де*. Военные мемуары: Единство, 1942–1944 годы / Пер. с франц. М., 1960. С. 90–91.

^{8*} Катру Жорж – представитель Французского национального комитета на Ближнем и Среднем Востоке.

^{9*} Бержере Гастон – генерал, заместитель Верховного комиссара Французской Северной Африки.

^{10*} Богомолов А.Е. – посол СССР при союзных правительствах в Лондоне.

Рузвельтом, – и он, Черчилль, не сможет защищать де Голля перед Рузвельтом и вообще американцами. В дело таким образом была пущена палка. При таких условиях де Голлю больше ничего не оставалось, как лететь в Африку¹⁶.

24 января (Бовинглон)

Вести с фронта хороши. Наши войска вчера заняли Армавир. Ха-ха-ха! Воображаю, как поспешно бегут сейчас из Майкопа немецкие финансовые тузы, получившие от Гитлера концессии на разработку нефти. Да и самому Гитлеру приходится с грустью воскликнуть: прощай, кавказская нефть!..

Заняты Сальск, Константиновка, Валуйки. Вокруг Ростова образуется железный полукруг, различные пункты которого удалены от этого города на расстояние от 60 до 100 миль. Несомненно, немцы будут сильно защищать Ростов, но удержат ли? Не думаю. Есть что-то в движении Красной Армии в последние недели, что похоже на подъём воды во время разлива. Что-то стихийное, неуправляемое, неотвратимое.

Очень важны Валуйки. Они не только режут одну из важнейших железнодорожных линий, находящихся в распоряжении немцев, но и создают – пока, правда, отдаленную – угрозу Харькову.

Ничто, однако, так не взволновало и не обрадовало меня на прошлой неделе, как освобождение Ленинграда от осады. Прямо дышать легче стало. Послал горячую поздравительную телеграмму Ворошилову, который сыграл крупную роль в этом успехе.

Что будет дальше?

Попробуем погадать. Времени для зимнего наступления остается еще $1\frac{1}{2}$ –2 месяца. Мне думается, что за этот период нам удастся сделать след[ующее]:

1) очистить весь северный Кавказ и Кубань от немцев, взять Ростов, окончательно ликвидировать немцев на Дону, дойти до Курска, в основном восстановить ту линию фронта, которая была накануне летнего наступления немцев в 1942 г.;

2) окончательно освободить Ленинград, восстановить его связь с Москвой по Октябрьской дороге, выбить немцев из Новгорода и района.

Это, так сказать, программа-минимум. В качестве оптимального варианта событий допускаю ещё занятие Харькова и наше продвижение в Эстонию. Однако в этом я не уверен.

Посмотрим, насколько осуществляются мои прогнозы. Допустим осуществляются, – что дальше? Какова должна быть наша стратегия?

Очень многое будет зависеть от того, что случится до весны? Где будет проходить линия фронта, скажем, в мае? Каковы будут потери немцев в течение зимы и окажутся ли немцы в состоянии нынешним летом думать о каком-либо серьезном наступлении вообще? Каковы будут наши потери и выгодно ли будет нам проводить нынешним летом стратегию all out*?

Как видим, в итоге получается уравнение со многими неизвестными. Решать его трудно. Тем не менее вот какие мысли бродят у меня в голове:

1) если англо-американцы нынче создадут действительный второй фронт в Западной Европе, нам будет выгодно также перейти в генеральное наступление

* Решительно (англ.).

с тем, чтобы в 1943 г. нанести Германии смертельный удар и в 1944 г. кончить войну в Европе;

2) если англо-американцы нынче действительного второго фронта не устроят, нам, пожалуй, выгоднее будет экономить наши силы весной и летом, ограничиваясь лишь такими операциями, которые предупредили бы возможность какого-либо немецкого наступления на нашем фронте, и вновь перейти в решительное наступление зимой 1943/44 г. в надежде на этот раз уже подойти к границам Германии, а может быть, дойти до Берлина. В этой войне мы применили новый метод – зимние наступления. Они оказываются успешными. Надо продолжить. Раньше, например в русско-турецких войнах, в войне 1914–[19]18 гг., зима обычно была периодом затишья на фронтах, отсиживались, готовились к весне. Боевой сезон совпадал с более теплым временем года. Большевики все это перевернули. И оказалось не плохо;

3) если бы наши потери в нынешнем наступлении зимой оказались не очень тяжелыми и если бы сопротивление немцев обнаружило признаки серьезного развала, можно было бы попытаться продолжать наступление весной и летом, без перерыва, и не считаясь с тем, что будут делать англо-американцы. Кто знает, может быть, мы первые пришли бы в Берлин?.. Впрочем, едва ли. Если бы союзники увидели, что Красная Армия уже перебила становой хребет германской военной машины и что дело близится к развязке, они бегом побежали бы создавать второй фронт, чтобы не опоздать в Берлин¹⁷. И, пожалуй, сами немцы им в этом помогли бы, чтобы избежать оккупации Германии только нашими войсками. Нашлись бы какие-либо немецкие Дарланы...

Поживем – увидим.

26 января

Пробило 7.30 вечера. В кабинете Идена было полутемно. В большом камине горел яркий огонь.

– Что вы думаете об обращении Бадوليو*? – спросил я.

Иден как раз перед тем сообщил мне, что Бадوليو пытается нащупать контакт с англичанами и будто бы готов даже сформировать армию «свободных итальянцев» из итальянских военнопленных в английских руках.

– Я не придаю ему слишком большого значения, – ответил Иден, – но все-таки шаг Бадوليو симптоматичен.

Я спросил, не было ли в последнее время каких-либо «мирных зондажей» с немецкой стороны? Иден ответил отрицательно.

– До нас, правда, доходят сведения, – продолжал Иден, – о растущем разложении немецкой «морали», но я не знаю, в какой мере им можно доверять. Что вы думаете по этому поводу?

– Я склонен относиться ко всем таким сведениям скептически, – ответил я. – Мне кажется, что время настоящего разложения «морали» еще не пришло.

– Почему? – поинтересовался Иден.

– Видите ли, г[-н] Иден, – начал я, – вопрос о «морали» – сложный вопрос. Его нельзя трактовать вообще. Надо дифференцировать между различными элементами, в сумме составляющими нацистскую Германию. Прежде всего,

* Далее – Бадوليو Пьетро – премьер-министр Италии в 1943–1944 гг.

широкие обывательские массы. Что сказать о состоянии их «морали»? Несомненно, что их «мораль» постепенно подтачивается и разъедается. Основную роль тут играет невольное сопоставление двух противоречивых моментов. В октябре 1941 г. Гитлер объявил, что «русская армия» уничтожена и что «Россия перестала существовать как военная держава». А в январе 1943 г. эта же «уничтоженная» русская армия уничтожает отборную германскую армию под Сталинградом, заставляет отборную германскую армию спешно очищать Кавказ и гонит остальную германскую армию по всему фронту, нанося ей тяжелые потери. Вдобавок немцы объясняют сейчас свои неудачи «превосходными силами русских». Противоречие кричащее. Оно не может не бить в глаза даже самому туполобому немецкому бюргеру. И чем глубже это противоречие будет входить в сознание каждого немца, тем больше будет подрываться «мораль» немецкого населения.

Иден кивком головы выразил одобрение моим словам. Я продолжал:

– Однако не следует предаваться иллюзиям: данный процесс находится еще в начальной степени развития. Широкие немецкие массы очень мало знают о том, что действительно происходит на фронте, они находятся под ежеминутным воздействием всесторонней фашистской пропаганды, и потому мне кажется преждевременным говорить о приближающемся крахе морали германского населения. Не думаю я также, чтобы «мораль» самого Гитлера сильно крахнула. Пока. Конечно, Гитлеру не весело, но он ведь мистический маньяк и, вероятно, до сих пор еще верит в свою «звезду» и надеется, что кривая его вывезет. К тому же Гитлеру некуда податься. Единственное, что ему остаётся, это драться до конца.

Иден опять кивком головы выразил своё согласие.

– Чья «мораль» в результате последних событий действительно пострадала, – заговорил я вновь, – так это «мораль» генералов и всех тех элементов, которые с ними связаны. Генералы знают, что происходит на фронте, и они лишены мистики Гитлера. Для генералов уже сейчас должно быть ясно, что выиграть войну на поле битвы Германия не может. Такой перспективы больше нет. Конечно, о поражении Германии говорить еще рано. Не исключено, что Германия ещё может наступать (несмотря на Сталинград!), и ближайшее лето может ещё принести нам неприятные сюрпризы в этой области. Посмотрим. Но, если даже Германия уже потеряла возможность серьезно наступать, то ее оборонительные шансы ещё громадны. Не надо обманывать себя. Потребуются ещё колоссальные усилия и жертвы для того, чтобы окончательно разбить Германию. Вот почему так настоятельно нужен в 1943 г. второй фронт. Тем не менее для немецких генералов уже сейчас не может подлежать сомнению, что о чисто военной победе не приходится и думать.

– Вы полагаете, что генералы это уже сознают? – спросил Иден.

– Да, думаю, – ответил я, – и к тому же имеется кое-какая информация в этом духе... Продолжаю. Итак, если военная победа невозможна, то что остается генералам? Только одно: попробовать добиться выгодного для Германии мира, т.е. самое лучшее сепаратного мира, а если это невозможно, то общего компромиссного мира. И притом: чем раньше, тем лучше, ибо пока Германия ещё держит в руках много сильных карт, но тенденция идет в неблагоприятном для неё направлении. Дальше карт будет не больше, а все меньше. Фигура Гитлера, конечно, не является плюсом в свете таких перспектив. Поэтому я отнюдь не был бы

удивлен, если бы в один прекрасный день, проснувшись утром, мы прочитали в газете, что Гитлер покончил жизнь самоубийством или стал жертвой «автомобильной катастрофы». Вообще, дни Гитлера сочтены. Можно думать, что 1943 г. будет для него последним, если не физически, то политически. Раз Гитлер исчезнет, пред генералами откроется возможность создания какого-либо нового правительства. Конечно, по существу это будет лишь жульническая маскировка того же самого кровавого германского фашизма, но как знать, не польстятся ли на неё некоторые элементы в Англии и США? Тем более что генералы, конечно, поднесли бы её под гарнизом «большевистского пугала». Не сомневаюсь, что такое пугало скоро опять будет вытащено из кладовой. Правда, оно сильно изъедено молью и мышами, но что с того? Германским законам не приходится быть разборчивыми. К тому же: не попадет ли кое-какая рыбешка в Англии и США даже на эту сомнительную наживку?

– Не думаю, – возразил Иден. – Я знаю, о каких элементах вы говорите. Могу заверить вас, что сейчас эти элементы совершенно бессильны.

– Тем лучше! – ответил я. – Как бы то ни было, но в ближайшие месяцы нам надо ожидать, во-первых, настойчивых попыток со стороны немцев расколоть единый фронт – фронт союзников, и, во-вторых, не менее настойчивых попыток нащупать почву для компромиссного мира. Сознает ли это ясно бритпра? Подготовлено ли оно к тому, чтобы задушить в самом зародыше все такие попытки?

Иден как-то встрепенулся, встал с [о] своего кресла и с необычной для него энергией ответил:

– Пока Черчилль остается премьером, а я остаюсь министром иностранных дел, никакого компромисса с Германией не будет!

Содержание послания Рузвельта и Черчилля Сталину
(26.1.43)*

Мы приняли решение (в Касабланке) о военных операциях в течение первых 9 месяцев 1943 [г.]. С учетом вашего мощного наступления можно надеяться, что Германия уже в 1943 [г.] будет поставлена на колени.

Наша стратегия: сосредоточить силы на поражении Германии и достижении победы в Европе. В то же время оказывать давление на Японию, сохранять инициативу в Т[ихом] о[кеане] и на Д[альнем] В[остоке], поддерживать Китай и предупредить расширение японской агрессии на другие театры, в частности на ваши морские провинции.

Наше главное желание – отвлечь с русского фронта максимум германских сухопутных и воздушных сил, а также обеспечить вас максимальным снабжением.

Наша непосредственная цель – ликвидировать ось в Сев[ерной] Африке и создать здесь наши базы для восстановления коммуникаций по Сред[иземному] морю и бомбардировок Южной Европы.

Кроме того, мы решили:

а) провести большую земноводную операцию в Сред[иземном] море (Сицилия, Италия);

б) сконцентрировать в Англии крупные американские сухопутные и воздушные силы, кот[орые] совместно с британскими «будут готовиться к высадке на континенте Европы, как только это окажется практически осуществимым». В результате ось должна будет отвлечь крупные силы во Францию, Бельгию, Голландию и на южную оконечность Европы;

в) усилить воздушные бомбардировки Германии днём и ночью. Мы уже сейчас отвлекаем на себя половину немецкой авиации – в дальнейшем Германия должна будет сконцентрировать здесь еще больше своих самолетов.

В ТО мы намереваемся в течение ближайших месяцев изгнать японцев с Рабала^{2*}, развернуть операции в Бирме и увеличить китайские воздушные силы. Однако офензива против Японии не

* Текст послания Рузвельта и Черчилля Сталину, полученного 27 января 1943 г., см.: Переписка... Т. 1. С. 102–104; Т. 2. С. 48–50.

^{2*} Имеется в виду Рабаул – город на о. Новая Британия.

должна в какой-либо мере мешать использованию любой ситуации, кот[орая] представится для разгрома Германии в 1943 г. Наша основная цель – бросить против Германии максимум сил на суше, на море и в воздухе.

Содержание послания Черчилля Сталину (27.1.43)*

По соглашению с Рузвельтом я предложил президенту Турции встретиться со мной. Президент ответил согласием. Из прежних телеграмм Вы уже знаете о моих взглядах по этому вопросу. Буду информировать Вас о событиях.

Позвольте ещё раз высказать своё восхищение по поводу изумительных подвигов советских армий.

Содержание послания Черчилля Сталину (29.1.43)*

Прошу Вас не опровергать слухи о том, что я якобы отправился в Москву. Это необходимо для завуалирования моих передвижений, о которых я уже телеграфировал Вам.

Содержание послания Сталина Рузвельту и Черчиллю (30.1.43)*

Получил Ваше совместное послание. Благодарю за информацию.

Считая, что ваше решение разгромить Германию в 1943 г. означает создание второго фронта в Европе, был бы благодарен за сообщение, какие конкретные операции и когда предполагаются.

Могу Вас заверить, что советские военные силы сделают все возможное для продолжения наступления против Германии. Если обстоятельства позволят, мы рассчитываем закончить нашу зимнюю кампанию в первой половине февраля. Наши войска устали и требуют отдыха.

Содержание послания Сталина Черчиллю (31.1.43)*

Буду благодарен за информацию о Ваших переговорах с турецким президентом. Важность встречи для меня ясна. Конечно, мы не будем опровергать слухов о Вашей поездке в Москву.

1 февраля

При всей своей серьезности Черчилль все-таки забавный человек!

Сегодня поздно вечером Иден пригласил меня к себе. Дал прочитать целую кучу шифровок от премьера и к премьеру в связи с его поездкой в Турцию. Занятное чтение. Настроение Черчилля радостное, веселое, почти мальчишеское. Именно мальчишеское. Пробегая телеграммы, моментами трудно себе представить, что они писаны главой Великобритании в разгаре величайшей войны в истории.

Прежде всего, об истории поездки. Черчилль уже давно носит с идеей привлечь Турцию на нашу сторону. В Касабланке ему пришло в голову, что хорошо было бы с этой целью встретиться с Инёню*. Рузвельт одобрил намерение премьера. Однако Лондон стал возражать, так как:

1) опасался удара по престижу Черчилля, если турки все-таки не пойдут воевать, и

2) не хотел подвергать Черчилля лишнему риску и утомлению.

– Ведь премьеру 68 лет! – воскликнул Иден, рассказывая мне о сомнениях кабинета.

* Полный текст см.: Переписка... Т. 1. С. 104.

* См.: Там же. С. 104.

* Полный текст см.: Там же. С. 105. Т. 2. С. 50.

* Полный текст см.: Там же. Т. 1. С. 105.

* Инёню Исмет – президент Турции.

Миссис Черчилль тоже была против поездки по соображениям здоровья мужа. Она даже просила некоторых членов правительства не соглашаться на его предложение.

Но Черчилль уперся. А когда он уперется, его не сдвинешь с места. Из шифровок видно, что Черчиллю страшно хотелось ехать. Не только потому, что это нужно было по соображениям государственного порядка, но также и еще больше потому, что ему надоело сидеть в Лондоне и кровь взыграла. Захотелось размяться и покататься по свету. В одной из телеграмм кабинет высказывался против поездки под предлогом, что парламент горит нетерпением услышать доклад премьера о Касабланке. Садясь в самолет, Черчилль в ответ послал шуточную телеграмму: желаю вам просиживать пыльные скамьи Вестминстера, а я пока вдоволь покатаюсь по Африке и Бл[ижнему] Востоку. Таков был дух телеграммы. Только в одном пункте Черчилль уступил кабинету: свидание с Исметом произошло не в Ангоре^{2*}, где на премьера легко могло быть произведено покушение, а в Адане^{3*}.

Здесь, опять-таки судя по шифровкам, Черчилль, видимо, был in high spirits^{4*}. Навстречу ему выехали Исмет, Сараджоглу^{5*}, Чакмак^{6*}, Меменджоглу^{7*} и др. Были длинные и подробные разговоры о ситуации и перспективах. Суть своих высказываний Черчилль изложил на бумаге и передал их туркам. Почему-то он называет их в шифровке «Утренними размышлениями»^{8*} благочестивого человека! Они весьма подробны эти «Размышления»: три страницы на машинке через один оборот. По существу же дело просто. Черчилль ясно и даже несколько цинично ставит пред турками вопрос: мы (Англия, СССР, США) победим, – хотите вы быть с победителями? Если хотите, окажите нам помощь во время войны. Если не окажете помощи, попадете после войны в положение нейтрала, и притом нейтрала не очень могущественного. Выбирайте. Вы говорите, что у вас нет оружия? Хорошо, мы вам кое-что подбросим. Когда это будет сделано, подумайте и решайте.

Таковы «Утренние размышления». Как поступят турки?

Черчилль, видимо, настроен довольно оптимистически. Из других его телеграмм вытекает, что он рассчитывает нынешним летом, если не на активное участие Турции в военных операциях, то, по крайней мере, на готовность ее предоставить союзникам свои базы и пропускать через проливы союзные суда. Не знаю, так ли выйдет. Боюсь, что турки оружие возьмут, а помогать нам все-таки откажутся.

Конкретные результаты поездки: Англия передает Турции пять судов, которые будут подвозить необходимое ей вооружение (танки, артиллерию, немного самолетов), Англия строит в Турции аэродромы и т.п., обучает турецких летчиков и танкистов, открывает пред турками свои военные школы, обменивается с турками офицерами для связи и изучения¹⁸.

На обратном пути Черчилль залетел на Кипр. Не совсем понятно, зачем. Между прочим, во время пребывания премьера на Кипре чуть не произошла

^{2*} Далее – Анкара.

^{3*} Встреча в Адане (Турция) произошла 30–31 января 1943 г.

^{4*} В приподнятом настроении (англ.).

^{5*} Сараджоглу Шюкрю – премьер-министр Турции.

^{6*} Маршал Ф. Чакмак – командующий турецкой армией.

^{7*} Далее – Меменджоглу Н.Р. – министр иностранных дел Турции.

^{8*} Текст см.: Churchill W.S. The Second World War. Vol. IV. The Hinge of Fate. L., 1951. P. 636–637.

«шифровальная катастрофа». Черчилль, который вообще обнаруживает большую беззаботность по части шифров, послал, было, с Кипра одно сообщение для опубликования. На Кипре был только сравнительно примитивный военный шифр. Если бы сообщение было опубликовано, этот шифр был бы разоблачен и ось получила бы возможность читать все секреты британского военного командования на Среднем Востоке. Шифротдел ФО был в панике. Однако в последний момент удалось предотвратить эту «катастрофу».

Содержание послания Черчилля Сталину (1.2.43*)

Я видел в Адане 30.1. всех руководителей Турции и имел с ними весьма дружественные беседы. Они сильно приблизились к нам. Нужно подбросить им снаряжения. Мы создаем англо-турецкую комиссию для улучшения транспортных возможностей в целях доставки оружия, а также вырабатываем общие планы на случай нападения на Турцию Германией или Болгарией.

Я не просил турок дать определенные политические обязательства или твердое обещание вступить в войну, но общее мое впечатление сводится к тому, что они это сделают до истечения настоящего года и что до того они позволят нам бомбить Плоешти с их баз. Во всяком случае, встреча их со мной и наше совместное коммюнике гораздо определеннее, чем когда бы то ни было до сих пор, ставят их на сторону антигитлеровской коалиции.

Турки, конечно, интересуются позицией СССР после войны ввиду вашей большой силы. Я говорил им, что согласно моему опыту СССР никогда не нарушает своего слова, что как раз сейчас для них подходящий момент обо всем договориться и что безопаснее всего для Турции сидеть за мирным столом среди победителей в качестве участника войны. Турки были бы благодарны за любой жест с вашей стороны. Хотел бы знать Ваше мнение обо всем этом.

В своей последней телеграмме Вы запрашивали президента о причинах замедления союзных операций в Сев[ерной] Африке. Далее следуют детальные пояснения и вывод: надеюсь, что враг будет ликвидирован в САфрике к концу апреля.

Отвечу позднее на Ваши вполне законные вопросы касательно второго фронта.

Мои самые горячие поздравления по поводу капитуляции Паулюса и конца 6-[й] немецкой армии. Это воистину замечательное достижение.

5 февраля*

Какова реакция Англии на наши победы?

Ответить на этот вопрос одним словом невозможно. Ибо реакция Англии на успехи Красной Армии сложна и противоречива. Попробую суммировать мои впечатления.

Первое, что бросается в глаза, когда задаешься поставленным выше вопросом, – это всеобщее удивление силой СССР и мощью Красной Армии. Никто не ожидал, что после тяжелых испытаний прошлого лета мы сумеем сохранить столько боеспособности. Считалось вероятным, что Красная Армия в течение зимы сможет держать сложившуюся к ноябрю линию фронта. Считалось допустимым, что в течение зимы Красная Армия по примеру прошлого года перейдет в наступление, но наступление ограниченного масштаба, способное несколько улучшить наши позиции в некоторых наиболее важных участках фронта. Однако того, что произошло на самом деле, не ожидали даже самые смелые оптимисты. И потому первое и основное чувство, которое сейчас вызывают в Англии наши победы, – это чувство всеобщего изумления. Данное чувство одинаково сильное везде – как на верхах, так и на низах общественной пирамиды.

* Сокращенный вариант текста см.: Переписка... Т. 1. С. 106–108.

* См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 336–340.

Второе чувство, порожаемое событиями в СССР, – это огромное восхищение советским народом, Красной Армией, лично т[ов]. Сталиным. Однако данное чувство носит уже менее всеобщий характер, чем изумление. Чувство восхищения беспредельно и безоговорочно в массах. Здесь престиж СССР за минувшие 3 месяца бешено поднялся. Об этом мне, например, говорил Керр^{2*}, который во время своего отпуска объехал много фабрик и заводов и соприкасался с тысячами рабочих. Имеется бесконечное количество других симптомов, свидетельствующих о том же. Упомяну хотя бы только популярность Сталина. Появление его портрета на экране всегда вызывает шумные аплодисменты, гораздо более шумные, чем достаются на долю Черчилля или короля. Франк Оуэн^{3*} мне на днях рассказывал (он сейчас в армии), что Сталин – это кумир и надежда солдатской массы. Если солдат чем-нибудь недоволен, если он считает, что начальство его обидело, если он возмущен каким-нибудь приказом сверху, его реакция бывает красочна и характерна. Угрожающе подняв руку, он восклицает:

– Вот подождите, придет дядя Джо. Мы рассчитаемся!

Эта война явилась великим предметным уроком для всего мира. Все страны должны были держать жестокий исторический экзамен. И для английских масс уже сейчас ясно, что только СССР выдержал этот экзамен на пятерку в то время, как Англия не заслуживает больше тройки с плюсом. Понимается такое соотношение не столько умом, сколько чувством, инстинктом. Однако такая оценка у масс есть, и она находит свое выражение в безграничном восхищении, с которым массы сейчас относятся к Красной Армии и СССР.

Чем выше^{4*} по этажам общественной пирамиды, тем больше чувство восхищения оказывается смешанным с различными другими чувствами, по большей части разъедающего характера.

Вот, напр[имер], интеллигенция, интеллигенция всех сортов, в том числе и лейбористская, социалистическая. Реакция этой прослойки на наши победы – недоумение. Причины понятны. Английская интеллигенция выросла в представлении, что самой лучшей, самой совершенной, самой эффективной системой управления является буржуазная демократия. Она представляется ей перлом создания и венцом человеческой мудрости.

И вдруг, какой – с божьей помощью – оборот! На великом историческом экзамене оказалось, что «коммунистическая диктатура», форма правления, к которой английская интеллигенция до сих пор относилась с[о] смешанными чувствами неприязни и презрения, как к явному симптому политической незрелости СССР, дает совершенно изумительные образчики мужества, героизма, предусмотрительности, организационного искусства и государственной мудрости. Образчики, далеко превосходящие все то, что в этой области до сих пор могла продемонстрировать буржуазная демократия Англии и США. Каким образом? Почему? Отчего?

По вполне понятным причинам интеллигенция не может и не хочет найти подлинных корней «непонятого» явления, и потому общее духовное состояние ее в настоящий момент характеризуется чувством^{5*} тревожного недоуме-

^{2*} Керр Арчибальд Джон Кларк – посол Великобритании в СССР.

^{3*} Оуэн (Owen) Фрэнк (1905–1979) – британский журналист, редактор «Ивнинг стандард».

^{4*} Далее зачеркнуто слово «подымаемся».

^{5*} Далее зачеркнуто – «сильного и».

ния. Особенно это относится к кругам лейбористской интеллигенции (включая лейбористских вождей), которая боится, как бы победы Красной Армии, в конечном счете, не привели к громадному росту коммунистической конкуренции в рабочих массах.

Еще более сложна реакция британских господствующих классов на наши военные успехи.

С одной стороны, они довольны: очень хорошо, что русские так крепко бьют немцев. Нам легче будет. Сэкономим потери и разрушения. Еще раз реализуем нашу извечную линию – воевать чужими руками.

Но, с другой стороны, господствующие классы недовольны или, точнее обеспокоены: а не очень ли усилятся в результате большевики? Не слишком ли возрастет авторитет СССР и Красной Армии? Не слишком ли повысятся перспективы «большевизации Европы»? И чем больше становятся успехи советского оружия, тем глубже беспокойство проникает в сердца правящей верхушки.

Эти два противоречивых чувства живут в груди английского «правящегословия» и находят своё выражение в настроениях двух основных его группировок, которые для краткости могут быть названы: «черчиллевская» и «чемберленовская». Первая сейчас даёт крен в сторону чувства удовлетворения нашими победами, вторая даёт крен в сторону испуга пред нашими победами. Но пока Красная Армия ещё только на подступах к Ростову. Каковы будут ощущения даже «черчиллевской» группы, когда Красная Армия будет на подступах к Берлину, трудно сказать. Я не исключаю^{6*} неприятных сюрпризов.

Хотя «черчиллевская» группировка в настоящий момент является, безусловно, господствующей, все-таки английская политика естественно имеет тенденцию идти по линии равнодействующей между обоими только что названными течениями. Что получается в результате? В результате бритпра ищет методов и путей для того, чтобы, с одной стороны, по возможности продолжать вести войну чужими (т.е. нашими) руками, а с другой стороны, обеспечить себе руководящую роль на мирной конференции и в послевоенный период. В какие конкретные формы выливаются и в дальнейшем могут вылиться эти поиски?

Здесь на первом месте стоят две проблемы:

- 1) проблема снабжения и
- 2) проблема второго фронта в Европе.

Что касается проблемы снабжения, то бритпра может использовать ее для того, чтобы путем «регулирования» потока снабжения «сдерживать» наш порыв вперед. Кое-какие симптомы этого имеются уже сейчас: отказ в поставке алюминия с 1 января, возрастающая трудность в размещении заказов, задержка с отправкой запчастей для Харрикейнов, неаккуратность в отправке конвоев и т.д. В дальнейшем эти явления могут усилиться.

Однако саботаж снабжения не может быть для нас сейчас и в будущем особенно опасным. Теперь не 1941 г. Наша эвакуированная промышленность стала на ноги и даёт больше продукции, чем раньше. Кроме того, с недавнего времени прибавился новый и мощный источник снабжения – разбитые германские армии: за последние три месяца мы захватили у немцев свыше 1000 самолетов, свыше 4 тыс. танков, свыше 100 тыс. грузовиков и т.д. Этот источник обещает становиться все более обильным. Союзное снабжение и прежде составляло

^{6*} Далее вычеркнуто – кое-каких.

лишь малый процент (думаю, не больше 10–15%) наших потребностей, в дальнейшем оно станет относительно ещё меньше.

Таким образом, по линии снабжения Англия (и США) едва ли смогут оказать серьезное влияние на темпы продвижения Красной Армии и на степень успешности ее операций.

Иначе обстоит дело со вторым фронтом. По этому вопросу в правящей верхушке опять имеется внутреннее раздвоение. С одной стороны, она хотела бы отложить создание второго фронта на возможно более долгий срок с тем, чтобы дожидаться момента, когда мы перешибем Германии становой хребет и англо-американцы смогут «комфортабельно» высадиться во Франции и без больших потерь дойти до Берлина. С другой стороны, однако, если Англия (и США) слишком затянут создание второго фронта на западе, они могут пропустить момент и позволить Красной Армии прийти первой в Берлин. Этого последнего они страшно боятся: призрак «большевизации Европы» тут сразу вырастает пред их воображением. Поэтому вопрос о том, когда создавать второй фронт, становится основным тактическим вопросом для бритпра (и ампра). С их точки зрения это надо сделать не слишком рано и не слишком поздно – *just in time*^{7*}. Но когда именно? Об этом сейчас думают и гадают Черчилль, Иден, военный кабинет и вся вообще правящая верхушка. Решения пока ещё не видно. Похоже на то, что в Касабланке вполне точного решения тоже не было принято. Посмотрим, что скажет Черчилль, когда вернется.

Мое ощущение пока таково: Англия и США второго фронта во Франции к весне не создадут, а будут весной и летом развлекаться разными второстепенными операциями в районе Сред[иземного] моря (Сицилия, Крит, Додеканез и пр.). Может быть, сочинят какой-нибудь монстр-Дьепп^{8*} на севере, но едва ли всерьез пойдут во Францию.

Неприятно, но ничего не поделаешь. Нечего закрывать глаза на реальности положения. Эта неблагоприятная перспектива может, мне кажется, измениться только в одном случае: если наши успехи будут столь грандиозны, что в порядок дня будет поставлен вопрос о крахе Германии и вступлении Красной Армии в Берлин в 1943 г. Или, может быть, я ошибаюсь?.. Поживем – увидим.

Аскарате^{9*} мне на днях рассказывал, что видел некоторых чиновных шведов на завтраке у Прютца^{10*}. Они только что прилетели из Стокгольма. В разговоре Аскарате спросил, каково в Швеции впечатление от советских побед? Ответ был очень характерен:

– Конечно, мы рады, но вместе с тем боимся.

Совершенно то же, что у английской верхушки.

И таково же настроение у поляков (особенно у поляков), у югославов, у греков, у бельгийцев, у голландцев, меньше у норвежцев и чехов.

Ку^{11*} мне рассказывал, что у людей в американском посольстве настроения неважные:

– При каждом известии о ваших победах, у них вытягиваются носы.

Сложная ситуация. Надо суметь проплыть между Сциллой и Харибдой. Сумеем ли? Сумеем: Сталин выручит.

^{7*} Вовремя (англ.).

^{8*} Дьепп – пункт высадки британских и канадских войск на побережье Франции в августе 1942 г.

^{9*} Аскарате Пабло – посол Испанской республики в Лондоне в 1936–1939 гг.

^{10*} Прютц Бьерн Пьер – шведский промышленник, посланник в Великобритании.

^{11*} Ку Веллингтон (Гу Вэйцзюнь) – китайский дипломат.

6 февраля

Негрин* рассказывал о латиноамериканских нравах:

Мексиканское правительство хорошо «заработало» на испанских иммигрантах-республиканцах. Когда дело это было налажено между Негриным и Карденасом^{2*} в 1939 г., мексиканцы потребовали, чтобы республиканцы создали для иммигрантов ряд кооперативных, промышленных, земледельческих и др[угих] предприятий, в которых они могли бы находить средства к жизни. Негрин согласился. На предприятия были переведены в Мексику крупные суммы. Предприятия, однако, так и не родились. Зато деньги попали в карманы различных мексиканских сановников, начиная с президента.

В том же 1939 г. Негрин организовал эмиграцию известного числа республиканцев в Сан-Доминго. Был период, когда ни в какое другое место направлять эмигрантов было нельзя. Для Сан-Доминго или, вернее, его нотаблей эта операция стала доходным делом: президенту республики пришлось уплатить 5 мил. франков, а посланник Сан-Доминго в Париже получал от испанцев по 1500 франков (для себя!) с каждого отправленного в Сан-Доминго республиканца.

Сейчас поднят вопрос о том, чтобы направить в Мексику испанских республиканцев, заключенных в концлагерях САфрики. Негрин говорил об этом с мексиканским посланником в Лондоне. Первое, что спросил посланник, было:

– А сколько вы нам за это уплатите?

Что за люди! Что за нравы!

Содержание послания Сталина Черчиллю (6.2.43*)

Получил Ваши послания от 2 и 3 февраля^{2*}. По поводу Вашего замечания, что турки очень оценили бы какой-либо дружеский жест с нашей стороны, должен сказать, что мы делали такие жесты до и после начала советско-германской войны, но не нашли отклика. Очевидно, турки боятся немцев. Боюсь, то же самое произошло бы и сейчас. Международная позиция Турции очень деликатна: она имеет договор о нейтралитете и дружбе с СССР и договор о взаимной помощи против агрессии с Англией – в то же время она имеет договор о дружбе с Германией, подписанный ею за 3 дня до немецкой атаки против СССР. Неясно, как Турция думает сочетать свои обязательства по всем этим договорам. Тем не менее, если Турция хочет иметь с СССР тесные и дружественные отношения, пусть она скажет. СССР готов пойти ей навстречу. У меня нет возражений против того, чтобы Вы сделали заявление относительно информирования СССР об англо-турецких переговорах, «хотя я не могу сказать, что эта информация была очень полной».

Желаю успеха англо-американским армиям в САфрике и скорейшей ликвидации здесь германо-итальянских сил.

Благодарю за поздравления по поводу капитуляции Паулюса и уничтожения вражеских сил под Сталинградом.

7 февраля (Бовингдон)

Две недели не был в Бовингдоне.

За это время дела на фронте сильно двинулись вперед. Сильнее даже, чем я ожидал. 24 января, когда я в последний раз касался наших операций, мы только что заняли Армавир. Сегодня наши войска стоят уже под Ростовом. В наших

* Негрин Хуан – глава правительства Испанской республики с 1937 г., в 1939–1945 гг. в эмиграции.

^{2*} Карденас Ласаро – президент Мексики в 1934–1940 гг.

* Опубликованный текст см.: Переписка... Т. 1. С. 108–109.

^{2*} Текст послания Черчилля Сталину от 2 февраля 1943 года см.: Там же. С. 108; послание Черчилля от 3 февраля 1943 г. в «Переписке...» не опубликовано.

руках Майкоп. Остатки немецких армий притиснуты к Керченскому проливу и Азовскому морю: вероятно, часть их уйдет, но часть будет ликвидирована. Почти несомненно, что эти армии оставят нам все свое тяжелое вооружение. Еще неделя-другая, и Кубань будет свободна. И притом свободна вовремя: еще успеем посеять и собрать урожай в нынешнем году. Это исключительно важно с продовольственной точки зрения.

На другом конце активного фронта Голиков* стремительным ударом прорвал немецкие линии под Воронежем и в течение каких-нибудь девяти-десяти дней дошел почти до Курска. В одном месте – слегка севернее Курска – он перерезал желдорогу между Курском и Орлом и выбросил свои авангарды к западу от Курска. По дороге Голиков окружил и уничтожил германо-венгерские силы численностью до 50 тыс.

Но, пожалуй, самое замечательное, во всяком случае, самое драматическое, что случилось за эти две недели, – была окончательная ликвидация 6-й германской армии фельдмаршала Паулюса^{2*} под Сталинградом. Памятная дата – 2 февраля. Взятые в плен Паулюс вместе с двумя дюжинами немецких и румынских генералов. За период с 10 января по 2 февраля, когда после отказа Паулюса от предложенной ему капитуляции наши войска перешли в решающее наступление, захвачено 90 тыс. пленных, в большинстве немцев. Сейчас берлинское радио утверждает, будто бы за время окружения и борьбы 6-й армии транспортным самолетам удалось вывезти 47 тыс. раненых и больных. Цифра явно преувеличенная. Но допустим даже, что она верна. Вместе с пленными это составит 137 тыс., пусть даже 150 тыс., ибо известное число пленных попало к нам в руки до 10 января. Так как теперь выяснилось, что 6-я армия в ноябре насчитывала не 220 тыс., как мы предполагали, а 330 тыс., выходит, что общее число погибших достигает 180 тыс.¹⁹ Какие гекатомбы!

Мы забрали под Сталинградом огромную добычу: свыше 700 самолетов, свыше 1500 танков, свыше 60 тыс. грузовиков и т.д. Особенно ценны грузовики: они нам очень нужны. А американцы доставляют нам эти машины через час по чайной ложке. Все ссылаются на недостаток тоннажа.

Колоссально важно также морально-психологическое значение Сталинграда. Никогда еще в военной истории не было случая, чтобы мощная армия, которая осаждает город, сама вдруг превратилась в осажденное укрепленное место, и была бы ликвидирована полностью – до последнего генерала, до последнего солдата. Никогда в военной истории еще не было примера такой решающей, окончательной победы. Даже Наполеон не знал подобных успехов. Это наша расплата за Танненберг^{3*}, расплата вдвойне и втройне. Какой образец блестящей стратегии и тактики! Мы далеко переплюнули немцев. А ведь немцы до сих пор не без основания считались первыми в этой области. Вот что значит сталинское руководство! Вот что значит сопротивление великой революции! Из наших генералов, разрабатывавших и проводивших операцию под Сталинградом, наиболее талантливыми, видимо, являются [Г.К.] Жуков, [К.К.] Рокоссовский и Воронин^{4*}.

* Голиков Ф.И. – Маршал Советского Союза.

^{2*} Правильно – Паулюс Фридрих, фельдмаршал.

^{3*} Танненберг – место крупного сражения в ходе Восточно-прусской операции русских войск в 1914 г., закончившееся тяжелым поражением 2-й армии под командованием А.В. Самсонова.

^{4*} Имеется в виду, по-видимому, заместитель наркома обороны СССР, начальник артиллерии Красной армии Н.Н. Воронов.

Да, дела идут хорошо, и наше наступление все больше принимает характер стихийно-неудержимой волны. Но все-таки... как велика ещё стоящая перед нами задача! Каких жертв и усилий еще нам будет стоить очищение всей оккупированной территории СССР. Ничего не поделаешь: придется заплатить неизбежную цену.

Эх, если бы Англия и США устроили в этом году настоящий второй фронт на западе! Посмотрим. По совести говоря, у меня нет уверенности, что союзники это сделают. Плохо...

А, может быть, и не совсем плохо?

В последнее время мне иногда приходит в голову такое сравнение:

В 1920 г. у нас был издан декрет о предоставлении концессий иностранным капиталистам. Экономическое положение РСФСР в то время было отчаянное. Народное хозяйство стояло на низшей точке кривой. Большой уверенности в том, что мы сумеем сами справиться с[о] своими трудностями, а особенно справиться вовремя, не было. В такой обстановке со свойственным ему суровым реализмом Ильич^{5*} решил использовать западного концессионера. Конечно, ему пришлось бы много уплатить – и не только деньгами, но что делать? Другого выхода в то время, казалось, не было. И, если бы западные концессионеры тогда клюнули на наше предложение, если бы они по-настоящему использовали возможности, открытые перед ними декретом о концессиях, – очень скоро большое количество предприятий и даже целых отраслей промышленности, вероятно, оказалось бы в руках западных капиталистов. Это не изменило бы общей линии развития революции, но это сильно затруднило бы и осложнило бы процесс такого развития. Достаточно вспомнить, сколько неприятностей и хлопот мы имели даже с теми немногими концессиями, которые фактически были взяты. Чего стоила хотя бы одна и «Лена-Голдфилдс»^{6*}! Период НЭПа в этом случае оказался бы также гораздо более опасным для социалистической экономики, чем то было на самом деле...

Однако западные капиталисты встретили декрет о концессиях в большинстве холодно, а кое-кто прямо в штыки. Они не хотели идти на компромиссы с советской властью, ибо надеялись на её быстрый и полный крах. Число взятых концессий оказалось небольшим. Крупных капиталовложений они не принесли. Серьезного значения в нашей экономике они^{7*} не имели. В те годы мы сожалели о таком обороте событий, а сейчас? Сейчас, оглядываясь ретроспективно на историю минувших 22 лет, я склонен считать, что малая эффективность декрета о концессиях явилась для СССР blessing in disguise^{8*}. Временно наши трудности были болезненнее и острее, чем могли бы быть, но зато процесс социалистического развития в нашей стране прошёл легче и быстрее, чем он был бы, если бы в недрах нашего народно-хозяйственного организма было вкраплено большое количество капиталистических концессий. Вышло так, что под углом зрения дальнего прицела мы не проиграли, а выиграли.

И вот теперь второй фронт... Конечно, сейчас мы приветствовали бы его с восторгом. Второй фронт ускорил бы и облегчил разгром Германии, наши потери были бы меньше. Мы сожалеем об отсутствии второго фронта, мы возмущаемся поведением Англии и США в этом вопросе, мы делаем и будем делать всё человечески возможное для открытия второго фронта в Европе в 1943 г.

^{5*} В.И. Ленин.

^{6*} См.: Дневник... Кн. 1. С. 451. Примеч. 7.

^{7*} Далее вычеркнуты слова «не приобрели».

^{8*} Неприятность, оказавшаяся благодеянием (англ.).

Но, если бы второго фронта всё-таки, вопреки всем нашим усилиям, не вышло, – было ли бы это только одним сплошным несчастьем? У меня^{9*} имеются сомнения.

Правда, с точки зрения ближнего прицела получился бы несомненный минус: война затянулась бы, и наши потери стали бы больше. Ну, а с точки зрения дальнего прицела? Тут, пожалуй, баланс получился бы иной. Ибо, во-первых, при отказе союзников играть крупную роль в военных действиях вся слава разгрома Германии выпала бы на нашу долю. А это способствовало бы огромному росту престижа СССР, революции, коммунизма – не только сейчас, но и в будущем. Во-вторых, Англия и США вышли бы из войны с[о] слабыми и неопытными армиями в то время, как Красная Армия после войны стала бы могущественнейшей армией в мире. А это не могло бы не отразиться на международном соотношении сил в благоприятную для нас сторону. В-третьих, наконец, при отсутствии второго фронта на западе Красная Армия имела бы хороший шанс прийти первой в Берлин и, стало быть, оказать решающее влияние на условия мира и на обстановку послевоенного периода.

Какой же ход событий для нас, в конечном счете, выгоднее?

Трудно сказать. На первый взгляд более выгодным как будто бы представляется второй фронт. Но так ли это?

Будущее покажет.

9 февраля

7 февраля Черчилль наконец вернулся в Лондон. Я был в Бовингдоне и не встречал его. Впрочем, меня не извещали о моменте приезда премьера.

Днем 8[-го] я видел Идена и сообщил, что имею передать Черчиллю только что полученное послание Сталина касательно Турции¹. Перед вечером секретарь премьера сообщил: Черчилль меня примет 8 февраля в 10.30 вечера.

Свидание происходило на частной квартире премьера^{2*}. Меня ввели в кабинет и просили подождать. В камине горел огонь. На столе стояла бутылка виски и содовая вода. В течение нескольких минут никого не было, и я коротал время, рассматривая на стене большую карту СССР. Наконец вошел Иден (я заранее просил, чтобы он присутствовал при разговоре).

– Курск взят нашими войсками, – сообщил я Идену самую свежую новость.

– Замечательно! – горячо откликнулся Иден. – Подождите минуточку: я только передам об этом Бивербруку^{3*}, он находится в соседней комнате.

Иден ненадолго исчез и, вернувшись, воскликнул:

– Макс в полном восторге!

Еще мгновение – и появился Черчилль. Он был в домашнем халате, накинутом сверх его неизменного *siren suit*^{4*}. Глаза премьера ещё не совсем открылись. Волосы топорщились. Видно было, что он только что с постели.

– Поздравляю вас с возвращением домой, – приветствовал я Черчилля.

^{9*} Далее вычеркнуто – по данному вопросу.

^{*} См. послание Сталина от 6 февраля 1943 г. (Переписка... Т. 1. С. 108–109).

^{2*} Запись разговора Черчилля с Майским 8 февраля см.: И.М. Майский в НКВД СССР. 9 февраля 1943 г. Вне очереди. Из публикации А.И. Филева «Новые документы из Архива МИД России» (Международная жизнь. 2001. № 8. С. 68–70).

^{3*} Бивербрук Уильям Максвелл Эйткен, лорд.

^{4*} Костюм сирены (англ.) – просторный зеленоватого цвета костюм.

Он дружелюбно улыбнулся и сразу же, несколько нетерпеливо, прибавил:

– Вы, кажется, принесли мне ответ от Сталина?

Я это подтвердил и протянул пакет премьеру. Как и в прошлые разы, не разрывая конверта, Черчилль спросил:

– Это меня не расстроит?

Я засмеялся и ответил:

– Не думаю.

Черчилль вскрыл пакет и стал вслух читать послание. Премьера несколько покоробил упрёк Сталина в неполноте информации об Адане^{5*}, но это быстро прошло. Дойдя до конца, Черчилль кратко резюмировал:

– Хорошее послание!.. Не правда ли?

Последний вопрос относился к Идену. Иден поспешил согласиться с Черчиллем.

Премьер пришёл в хорошее настроение и стал рассказывать о своем свидании с турками. Говорил он с чувством, с горячностью, с увлечением. Видно было, что он страшно доволен своей турецкой эскападой.

– Турки страшно боятся вас, – передавал Черчилль, – особенно после ваших последних побед. Они мне говорили: как нам вмешаться в войну? Мы потеряем 300–400 тыс. человек, ослабеем, а что с нами потом будет? Россия нас просто раздавит в ладони своего кулака. Но я возражал туркам. Вы знаете, что я им сказал? Я привел четыре аргумента: 1) Советская Россия никогда не нарушает заключенных ею соглашений; 2) После окончания войны Советская Россия в течение многих лет будет занята восстановлением своих разрушенных районов и вообще развитием своих внутренних ресурсов. Ей будет не до каких-либо внешнеполитических осложнений.

Тут Черчилль взглянул на карту, висевшую на стене, и воскликнул:

– У вас же целый океан земли! Не верю, чтобы вы захотели больше!

Затем Черчилль продолжал:

– Третий аргумент: после войны мы создадим крепкий международный орган для борьбы с агрессией, откуда бы она ни исходила. Это должно послужить гарантией для Турции. Наконец, четвертый аргумент. Я сказал туркам: если вы так боитесь за свое будущее, то не выгоднее ли вам быть в конце войны с победителями? Представьте себе конкретно: кончится война, начнется суд. За столом судей – победители. За столом обвиняемых – побежденные. В зале, на стульях, несколько подальше – зрители, т.е. нейтралы... Ха-ха-ха!.. Я не хотел бы быть в положении такого зрителя... А победителями будем мы, объединенные нации! В этом не может быть никаких сомнений! Какой смысл вам, туркам, оставаться в стороне?

– Ну, и какова же была реакция турок? – спросил я.

– Я их убедил! – с уверенностью ответил Черчилль. – Но, конечно, сразу вступить в войну они не решатся^{6*}. Нужна переходная стадия. Конкретно я надеюсь на то, что нынешним летом мы сможем использовать турецкие базы и бомбить с воздуха румынскую нефть. Я надеюсь также, что летом нам удастся посылать вам наше снабжение через ваши Черноморские порты. Словом пусть

^{5*} Сталин подтвердил получение информации об англо-турецких переговорах, но добавил: «...хотя я не могу назвать ее полной» (Переписка... Т. 1. С. 109).

^{6*} См. примеч. 18.

турки соблюдают нейтралитет по американскому образцу!.. Помните то время, когда США ещё не были в войне, но являлись арсеналом демократии?

Черчилль на мгновение замолк, но только на мгновение. Затем он вновь заговорил:

– Главное все-таки, чтобы турки перестали вас бояться. Они очень хотят наладить свои отношения с вами. Все они по очереди подчеркивали: «Советский посол в последнее время внимателен и любезен с нами...» Они хотят! Я в этом не сомневаюсь!.. Если бы Сталин сделал какой-либо жест! Он же великий и мудрый вождь... Вы громадная и сильная страна. Вы можете быть великодушны и благородны.

Я спросил, что конкретно Черчилль имеет в виду.

Премьер вдруг рассмеялся и воскликнул:

– Германия обязалась поставить Турции оружие. Не очень много, но все-таки кое-что... Своего обязательства Германия не выполняет: частью потому, что ей самой нужно оружие, частью потому, что она не знает, как Турция его использует. Вы теперь захватили огромное количество немецкого оружия. Почему бы вам не снабдить Турцию тем немецким оружием, которого ей не поставляет Германия?.. Вот был бы жест! Он имел бы колоссальный резонанс – в Турции и вне Турции.

Я, в свою очередь, рассмеялся и ответил, что предложение Черчилля очень оригинально.

– Однако, – продолжал я, – опыт прошлого, особенно недавнего прошлого, учит нас большой осторожности в отношении Турции. Вы говорите, что турки хотят улучшить с нами отношения и только ждут намека с нашей стороны. Но как тогда объяснить их поведение в истории с покушением на Папена²⁰?

– То было раньше, когда турки еще боялись немцев, – отпарировал Черчилль. – Теперь совсем иное. Турки немцев больше не боятся.

Я возразил, что все-таки нужно какое-либо заявление со стороны турок об их готовности пойти на сближение с нами. Сталин в этом совершенно прав. Иначе трудно сдвинуть вопрос с мертвой точки.

Черчилль внезапно заволновался и воскликнул:

– Я пошлю телеграмму Исмету^{7*}! Я с ним теперь в таких отношениях, что могу непосредственно обращаться по всем вопросам.

Иден предложил подумать до завтра. Черчиллю, однако, не терпелось.

– Почему до завтра? – воскликнул премьер. – Почему не сейчас? Пойдите в другую комнату и набросайте проект послания к Исмету.

Иден повиновался, но без большого энтузиазма. Минут через 20 он вновь вернулся и передал Черчиллю проект. Премьер быстро пробежал его и протянул мне:

– Что вы думаете об этом? – спросил он.

Суть проекта сводилась к след[ующему]: Черчилль уведомлял Исмета, что он передал Сталину о желании Турции улучшить свои отношения с СССР, что Сталин уведомил Черчилля о своей готовности пойти Турции навстречу, если она заявит о таком своем желании, и что он, Черчилль, рекомендует Исмету, не теряя времени, сделать СССР конкретные предложения по улучшению советско-турецких отношений²¹.

^{7*} Имеется в виду Инёню Исмет – президент Турции.

Я сказал, что по существу не имею возражений против послания, но что мне не нравится одно выражение: в послании говорилось, будто бы Черчилль «уполномочен» Сталиным сообщить Исмету и т.д. Я заметил, что из переданного мной сегодня послания Сталина никак не вытекают какие-либо «полномочия» для Черчилля передавать что-либо Исмету. Черчилль согласился со мной, и соответственное место было переработано.

Идену, однако, вся эта спешка, видимо, не нравилась. Поэтому, внося в текст просимую мной поправку, он предложил премьеру окончательно отработать редакцию послания на след[ующий] день. Черчилль не возражал^{8*}. В результате отправка послания была отложена до 9 февраля, и в какой именно форме оно пошло в Анкару, я не знаю.

Далее Черчилль прочитал мне ту речь, которую он произнес на первом совещании с турками. Она была длинна, но интересна. В этой речи Черчилль, не приглашая турок прямо к вступлению в войну, тем не менее достаточно ясно давал понять, что им следует это сделать. В той же речи Черчилль обещал снабдить Турцию оружием. При этом невысказанное, но вполне ясное заключение гласило: мы ждем, что, когда вы получите достаточное количество танков и дру[гого] вооружения, Турция открыто поддержит союзников против Германии.

– Это были мои «вечерние мысли», – со смехом бросил Черчилль, намекая на те «утренние мысли», о которых я раньше уже знал от Идена.

Потом Черчилль воскликнул:

– Надеюсь, в Москве не возникнет подозрения, что, давая оружие Турции, я имею какие-то задние мысли, направленные против СССР!.. Это было бы смешотворно!.. Россия, по крайней мере, в 20 раз сильнее Турции!..

И затем, сбросив пепел с своей неизменной сигары, Черчилль ещё раз подчеркнуто повторил:

– Это было бы просто смешотворно!

Все это было очень любопытно. Однако меня гораздо больше интересовали военные планы, принятые в Касабланке. Кое-что я знал уже из моих прежних разговоров с Иденом, а также из послания Рузвельта–Черчилля Сталину на данную тему^{9*}. В этих сведениях, однако, были очень важные пробелы, и я решил теперь докопаться до истины.

Я спросил Черчилля, что он может мне сказать о военных планах англо-американцев на 1943 г. Премьер, видимо, ожидал этого вопроса. Он потребовал из секретариата относящиеся сюда документы и прочитал мне свою телеграмму Рузвельту и ответ президента как раз по интересующему меня вопросу. В телеграмме Черчилля были набросаны пункты ответа Сталину на его послание от 30 января, а в телеграмме Рузвельта содержались кое-какие (несущественные) поправки президента к предложениям Черчилля.

К чему же сводится план?

Его основные пункты следующие:

- 1) Окончание операции в Тунисе, которое ожидается не позже апреля.
- 2) После того примерно в июне–июле операция по захвату Сицилии, связанная с захватом итальянского «сапога». Далее одно из двух: если сопротив-

^{8*} Далее вычеркнуты слова «против желания Идена».

^{9*} Текст послания, полученного 27 января 1943 г., см.: Переписка... Т. 1. С. 102–104; Т. 2. С. 48–50.

ление итальянцев будет слабо, или если к тому времени в Италии произойдёт просоюзнический переворот, англо-американцы пойдут на север Апеннинского полуострова, оттуда на запад в ЮФранцию и на восток на Балканы. Если же сопротивление итальянцев при поддержке немцев будет серьезно и просоюзнического переворота не случится, англо-американцы из Италии, Апулии и Калабрии пойдут в Югославию, Грецию, вообще в западную часть Балкан.

3) Несколько позднее (но во вторую очередь) операция по захвату Додеканеза, возможно Крита.

4) Независимо от операций в Сред[иземном] море, примерно в августе или сентябре, десантная операция через Ла-Манш во Франции.

5) Все более усиливающаяся воздушная оффензива против Германии и Италии англо-американскими силами.

6) Самая энергичная борьба с подлодками.

Я спросил Черчилля, каковы примерные силы для осуществления указанных операций, как на юге, так и на севере.

Черчилль ответил, что после захвата Туниса англо-американцы смогут бросить для других операций в районе Средиземного моря 300–400 тыс. человек.

– Что же касается операции через Ла-Манш, – продолжал премьер, – то, право, затрудняюсь сказать сейчас что-либо определенное. Мы, англичане, смогли бы выделить для этой цели 12–15 дивизий... А американцы?

Тут Черчилль недоумевающе пожал плечами и воскликнул:

– Пока у американцев здесь только одна дивизия!..

– Как одна? – с удивлением отозвался я. – Вы говорили мне в ноябре, что в Англии стоит одна американская дивизия... Неужели с тех пор ничего не прибавилось?

– Так оно и есть! – отозвался Черчилль. – С ноября американцы не прислали ничего.

– А сколько американских дивизий вы ожидаете к августу? – поинтересовался я.

– Если бы я знал! – с комическим отчаянием откликнулся Черчилль. – Когда я был в Москве, я исходил из того, что американцы к весне 1943 г. доставят в Англию 27 дивизий, как они обещали. Из этого я исходил в разговорах со Сталиным. Но где они, эти 27 дивизий?.. Сейчас американцы обещают к августу только 4–5 дивизий!.. Если они сдержат свое обещание, то операция через Ла-Манш будет проведена силами в 17–20 дивизий.

– А если американцы опять обманут? – спросил я.

Черчилль на мгновение задумался и затем твердо ответил:

– Нет, эту операцию я проведу во что бы то ни стало!

Премьер, однако, не уточнял, что он сделает в случае неприбытия в срок американских войск.

Черчилль вдруг рассмеялся, точно вспомнил что-то очень забавное, и спросил меня:

– Как вы думаете, сколько человек содержит американская дивизия?

Я с некоторым недоумением ответил:

– Точно не знаю, но, думаю, вероятно, 18–19 тысяч.

– Правильно, – ещё громче захохотал Черчилль, – если считать только бойцов... А если считать весь обслуживающий персонал, то 50 тысяч!

Я невольно ахнул:

– Как 50 тысяч человек?

– А так, 50 тысяч человек! – ещё раз воскликнул Черчилль и затем с явным сарказмом в голосе начал считать. – Чего только нет в американской дивизии!.. Ну, конечно, транспорт, медицинская служба, интендантство и пр. Это всё в порядке вещей. Но дальше!.. Два батальона прачек, один батальон стерилизаторов молока, один батальон парикмахеров, один батальон портных, один батальон for uplift of the troops and what not^{10*}... Ха-ха-ха!.. Мы бросили в САфрику почти полмиллиона войск... А всего-то-навсего это составляет 10–11 дивизий.

Черчилль ещё раз рассмеялся и прибавил:

– Мы, англичане, в этом отношении плохи, но американцы ещё хуже.

Беседа перебегала с одного предмета на другой. Мысль Черчилля прыгала то в одну, то в другую сторону. Отмечу некоторые интересные моменты.

– Сталин был очень резок с Рузвельтом, – полунасмешливо, полуукоряюще заметил Черчилль. – Президент показывал мне последнее послание Сталина^{11*}.

Затем, обращаясь к Идену, Черчилль со смехом прибавил:

– Сталин и со мной не всегда был мягок... Вы помните?.. Но Рузвельту пришлось хуже.

– Рузвельт сам заслужил это, – возразил я. – Вы знаете содержание послания Рузвельта, на которое цитируемое вами послание Сталина явилось ответом^{12*?}

– А что это за послание? – спросил Иден, который о нём, видимо, не имел понятия.

– О, это замечательное послание! – со смехом воскликнул Черчилль. – Я его тоже читал.

И Черчилль в двух словах изложил послание Рузвельта, в котором тот предлагал Сталину «на всякий случай» уже сейчас прислать во Владивосток 100 бомбардировщиков с американским персоналом и разрешить американским генералам «инспектировать» наши воздушные и морские базы на ДВостоке. Рузвельт также предлагал направить в Москву генерала Маршалла для обсуждения кампании 1943 г.

Когда Иден услышал предложение о посылке 100 бомбардировщиков, на лице его изобразился почти ужас. Смысл реакции Идена можно было расшифровать так:

– До чего неуклюжи и наивны американцы!

– Н-да, – продолжал Черчилль. – Рузвельт был, говоря откровенно, взбешен посланием Сталина и хотел ответить на него ругательствами. Я, однако, переубедил президента. Я сказал ему: ну, послушайте, – кто сейчас по-настоящему воюет?.. Только Сталин! И как воюет!.. Не можем мы ему ставить всякое лыко в строку... Президент в конце концов согласился и ругаться со Сталиным не стал.

Черчилль крепко затянулся сигарой и, глядя на переливы огня в камине, сказал:

^{10*} Для переброски войск и многого чего другого (англ.).

^{11*} Очевидно, речь идет о послании Сталина Рузвельту от 5 января 1943 г. (Переписка... Т. 2. С. 45).

^{12*} См.: Там же. С. 43–44.

– Рузвельт спрашивал меня о действительной причине неприезда Сталина на совещание...

– Но вы же знаете ее, – вставил я, – знает её и президент.

– Да, конечно, – реагировал Черчилль, – занят руководством военными операциями и всё прочее такое... Верно. Но это не всё. На вопрос Рузвельта я ответил так: Сталин – реалист. На слова он не поймается. Если бы Сталин приехал в Касабланку, то первое, что он спросил бы нас с вами, было бы: «Сколько немцев вы убили в 1942 г.? И сколько немцев вы собираетесь убить в 1943 г.?..» А что мы с вами могли бы сказать? Мы и сами толком не знаем, что будем делать в 1943 году. Для Сталина это было ясно с самого начала. Зачем же ему было приезжать на конференцию?.. Тем более что дома он делает действительно большие дела.

Однако «размолвка» между Сталиным и Рузвельтом, видимо, сильно беспокоит Черчилля. Он долго доказывал мне, как важно, чтобы добрые отношения и взаимопонимание существовали между руководителями обоих государств – СССР и США.

– Это важно сейчас, это будет ещё важнее после войны.

Тут глаза Черчилля внезапно отпотели, и он вдруг заговорил каким-то задумчивым, растроганным голосом:

– Для меня лично, конечно, все равно... Я уже старик. Мне почти 70 лет. Но ведь страна, народ останется... С наступлением мира ситуация станет исключительно трудной. Я не вижу иного спасения для человечества, как тесное сотрудничество трех – СССР, США и Англии. Это будет не так легко. США страна капиталистическая, она быстро правееет. СССР – страна социалистическая. Англии придётся быть между ними мостом. Но именно поэтому крайне нежелательно возникновение личных трений между Рузвельтом и Сталиным.

Черчилль усмехнулся и продолжал:

– Англия и СССР слишком нужны друг другу – в Европе, в Азии, в разных общих вопросах. Они всегда, в конце концов, договорятся. С Америкой иначе. Американцы думают, что так как их отделяют от нас и вас два океана, то мы и вы им не очень нужны... Большая ошибка! Но ведь вы знаете, как наивны и неопытны в политике американцы. И потому меня сильно беспокоит этот конфликт между Сталиным и Рузвельтом. Самое лучшее было бы, если бы они могли встретиться. Я давно об этом думаю...

Черчилль опять пыхнул своей сигарой и, сделав страшно хитрый вид, лукаво спросил меня:

– Как вы полагаете, зачем я на обратном пути из Аданы залетел на Кипр?

Я неопределенно пожал плечами.

– Газеты писали, – продолжал Черчилль, – что на Кипре стоит полк, в котором я когда-то служил, и всё такое прочее. Верно: стоит. Но всё это чепуха! Действительная причина моего залета на Кипр другая: я хотел посмотреть, не пригодится ли он для встречи Сталина с Рузвельтом в будущем? И очень хорошо, что залетел. Остров прекрасный. Его легко изолировать. Никто не будет ничего знать. От Тифлиса до Кипра летом не больше 5 часо[в]. Президент на Кипр готов будет поехать. Теперь, после первого опыта, ему понравилось летать. Если надо, доберется и до Кипра. Признаться, я даже уже дал распоряжение построить на Кипре ряд легких, но удобных зданий для размещения трёх делегаций.

Черчилль рассказывал всё это с явным увлечением, с живыми жестами, с горящими глазами. Видно было, что ему страшно нравится вся эта таинственность, весь этот романтизм. Положительно, в премьерe Великобритании, несмотря на его 68 лет, до сих пор осталось что-то мальчишеское.

Потом Черчилль вдруг встрепенулся и воскликнул:

– Только, пожалуйста, вы об этом не рассказывайте ни одной душе!

Я поклялся, что буду нем, как могила.

Кстати, о мальчишестве. Черчилль подробно рассказывал мне, какие меры он принимал во время своего путешествия для предупреждения какого-либо покушения на себя. Чего тут только не было: бронированные автомобили, пуленепроницаемые стекла, автоматы и револьверы, таинственные здания, окруженные вооруженной стражей, неожиданная смена маршрутов и многое другое. Несколько походило на водевиль с переодеваниями. Конечно, слов нет, – Черчиллю надо принимать меры предосторожности. Однако по тому, как он рассказывал обо всех своих приключениях, опять-таки чувствовалось, что он относится ко всему, что связано с этими мерами, со страстью, с упоением, с какой-то чисто мальчишеской утрировкой. Я спросил, между прочим, верны ли слухи, будто бы Черчилль где-то на дороге видел [Ф.] Франко?

Черчилль вспыхнул и с возмущением воскликнул:

– Какая нелепость!

Спустя мгновение, однако, выяснилось, что негодование премьера вытекало вовсе не из каких-либо политических соображений. Упаси небо!.. Нет, Черчилль вскипел потому, что свидание с Франко могло бы состояться только в Гибралтаре, а остановиться в Гибралтаре значило отправить к черту всю тщательно продуманную Черчиллем «систему предосторожности». Черчилль в Гибралтаре не был. Он пролетел прямо из Алжира в Англию.

В разговоре Черчилль коснулся де Голля и Жиро. Премьер очень раздражён против де Голля и, может быть, поэтому берёт крен в сторону Жиро. Это меня не удивляет: Черчилль никогда не любил де Голля, а история с поездкой в Касабланку последнего только ещё больше разожгла премьера.

– Хватит с меня этой Жанны д'Арк в штанах! – рычал Черчилль.

Иден пытался смягчить и успокоить Черчилля, но без большого успеха.

Боюсь, как бы в результате не пострадало всё де Голловское^{13*} движение. Поживем – увидим.

Несколько раз Черчилль возвращался к вопросу о наших победах и Красной Армии. О Красной Армии он не может говорить без восторга и умиления. Даже слёзы блестят у него в глазах ... Невольно вспоминаешь 1920 г.! Какие повороты делает история!..

– Если учесть все факторы, – заявил Черчилль, – то надо прийти к выводу, что Россия наших дней в 5 раз сильнее России прошлой войны.

Я несколько поддразнивающе откликнулся:

– А как вы объясняете себе это явление?

Черчилль понял меня и в тон ответил:

^{13*} Деголлевское.

– Если ваша система даёт больше счастья народу, чем наша, я за вашу систему!.. Впрочем, меня мало интересует, что случится после войны: коммунизм, социализм, катаклизм... не все ли равно?.. Лишь бы гунны были разбиты!

Посмотрим.

Старее все-таки Черчилль. Вчера несколько раз в беседе он внезапно забывал, о чём идёт речь и, обращаясь к Идену, нетерпеливо восклицал:

– Напомните, в чём дело?

Надеюсь, что Черчилля хватит до конца войны. Это очень важно. Он нужен сейчас Англии. Он нужен также и нам.

14 февраля (Бовингдон)

Хорошая неделя! Нашими войсками взяты Ростов, Курск, Ворошиловград, Новочеркасск, Шахты. Наши войска стоят на подступах к Харькову – в 12–20 милях от города. Кольцо вокруг немецких армий в Донбассе сжимается все уже. Для ухода у них остался лишь коридор в 60 миль и лишь одна железнодорожная линия. Повторится здесь Сталинград или не повторится? Ближайшие дни покажут.

На горизонте вырисовываются всё новые и новые возможности. То, что ещё несколько недель назад могло казаться несбыточными мечтами, становится вероятной реальностью: освобождение Крыма, занятие Днепропетровска, продвижение в правобережную Украину.

Главное же вот что: всё множатся симптомы, что мораль германской армии падает, что она потеряла всю свою самоуверенность, что она уже не в силах оказывать серьёзного сопротивления в своих «hedgehogs»* и на укрепленных рубежах, что её отступление постепенно переходит в бегство. Боюсь ещё верить в это, чтобы не испытать потом разочарования. Кажется мне, что германская армия, хотя и сильно потрепанная, ещё сохраняет в себе немало потенциальной боеспособности, – особенно, когда война подойдёт к границам её собственной страны. Но все-таки перелом на нашем фронте решительный. Волна идёт всё более широко и мощно. Наше наступление всё больше принимает характер стихийно-неодолимого потока. Неужели победа придёт в этом году? Вот было бы великолепно!

Москва как будто бы имела намерение закончить зимнее наступление в середине февраля. События на фронте, однако, идут так хорошо, лучше, чем можно было ожидать, что едва ли это намерение будет осуществлено. Будем наступать дальше, – конечно, не до бесчувствия, не до риска напороться на мощный германский контрудар, но все-таки будем ещё наступать. Может быть, до середины марта на юге и до середины апреля на севере, где-либо под Ленинградом.

Содержание послания Черчилля Сталину (14.2.43 г.)*

Цепь замечательных побед, которая сегодня вечером принесла освобождение Ростова-на-Дону, почти лишает меня слов для того, чтобы выразить восхищение и благодарность, которые мы испытываем по отношению к русскому оружию. Моё самое искреннее желание сделать больше для помощи Вам.

* Переносное проволочное ограждение (англ.).

* Текст см.: Переписка... Т. I. С. 111.

Содержание послания Сталина Черчиллю (16.2.43 г.)*

Получил Ваше сообщение о предполагаемых англо-американских операциях. Благодарю за информацию о Касабланке. Не могу воздержаться от некоторых замечаний по поводу послания, которое, как Вы говорите, представляет также взгляды президента.

Из ваших слов ясно, что вопреки ожиданиям конец операций в Тунисе предполагается в апреле вместо февраля. Эта отсрочка очень разочаровывает. Энергичные действия а/а войск в САфрике особенно необходимы теперь, когда совармии ещё в состоянии поддерживать своё общее наступление. Одновременное давление нашего и вашего фронта могло бы иметь серьёзные последствия. Намеченную операцию в Сицилии и Вост[очном] Средиземноморье следовало бы ускорить.

Из вашего послания явствует, что второй фронт в Европе откладывается до августа–сентября. Надо всемерно ускорить открытие второго фронта против этой даты. Удар на западе должен быть нанесён весной или ранним летом. Нельзя откладывать его до второй половины года.

Мы имеем надежную информацию, что с декабря, когда а/а операции в Тунисе замедлились, немцы перебросили на наш фронт 27 дивизий (включая 5 танковых) с запада и из самой Германии. Получается не облегчение СССР, а облегчение Гитлера.

Всё это приводит к выводу: если мы не воспользуемся нынешними затруднениями Гитлера, немцы могут получить передышку и реорганизовать свои силы. Каждому ясно, как это было бы нежелательно.

Это моё послание направляю также Рузвельту.

Благодарю за поздравления с победами.

17 февраля

Вручил сегодня Черчиллю послание Сталина*, в котором последний настаивает на ускорении создания второго фронта в Европе. Это послание является ответом на послание Черчилля от 9 февраля, суммировавшее всё то, что я слышал от премьера вечером накануне^{2*}.

Я получил послание сегодня днём. Сразу же позвонил Идену, что хотел бы вечером повидать Черчилля для вручения послания. Мне назначено было время в 10 веч[ера]. Но когда в назначенный час я приехал на квартиру премьера, меня встретил там Иден и сообщил, что Черчилль с высокой температурой лежит в постели. Он перебогался уже несколько дней и теперь совсем свалился. Чем именно болен Черчилль, ещё не совсем ясно, но, по-видимому, речь идёт о заболевании бронхов и вообще дыхательных путей.

Иден принял у меня послание и снёс его в спальню, где лежал премьер. Минут через 20 Иден вернулся и сообщил, что Черчилль находит ответ Сталина вполне соответствующим тому, чего он ожидал, и что премьер направит Сталину послание по поводу его ответа, как только физически окажется в состоянии это сделать.

Я, было, собирался уже уйти, но Иден налил мне виски с содой, сделал тоже себе и предложил немножко присесть и поболтать. Это «немножко» оказалось довольно длинным.

Сначала мы стали обсуждать послание Сталина и военные планы союзников на лето. Я доказывал необходимость всемерного использования нынешнего замешательства немцев и срочного открытия второго фронта в Европе. При этом я выдвинул такой конкретный план: закончить операцию в Тунисе, отложить

* Текст см.: Там же. С. 111–112. Текст был передан также Рузвельту (Там же. Т. 2. С. 53–54).

* Послание Сталина Черчиллю от 16 февраля 1943 г.

^{2*} Послание Черчилля Сталину от 9 февраля 1943 г. (получено 12 февраля). См.: Переписка... Т. 1. С. 109–110.

дальнейшие операции в районе Средиземного моря (Сицилия, Италия и пр.), сконцентрировать всё внимание на операции через Ла-Манш и для этой цели перебросить в Англию 8-ю армию. Начальником всего наступления во Франции сделать генерала Александра^{3*}.

Идену мой план понравился. Он сознался тут мне, что всё время был сторонником операции через Ла-Манш, что операции в районе Сред[иземного] моря (кроме Туниса) кажутся ему мало целесообразными и что прямой удар против Германии через Францию, безусловно, предпочтительнее косвенных ударов через Италию или Балканы. Иден обещал завтра утром поговорить на данную тему с премьером и изложить ему предложенный мной план.

Далее мы коснулись предстоящей поездки Идена в США. Смысл её Иден объяснил так: с начала войны он не был в США. Между тем контакт с ампра очень важно поддерживать, особенно сейчас, когда конец войны уже вырисовывается на горизонте (хотя и не завтра). Конкретно Иден хочет говорить с американцами на след[ующие] темы: 1) скорейшая присылка американских войск в Англию для открытия второго фронта, 2) послевоенное устройство Европы (границы, государства, что делать с Германией и пр.). Иден хочет ознакомиться с[о] взглядами американцев на все эти вопросы. 3) Англо-советские отношения, объяснить американцам смысл нашего 20-летнего союза и важность участия СССР в послевоенном строительстве Европы. 4) Войти в контакт с руководящими республиканскими кругами, прощупать их настроения и в меру возможности повлиять на них – особенно ввиду вероятности прихода к власти в 1945 г. республиканцев. Иден хотел бы таким путем также несколько облегчить положение Рузвельта. 5) Вопросы лиз-энд-лэнд^{4*} – особенно раскрытие смысла ст. 7 соответственного англо-американского соглашения²².

Иден рассчитывает пробыть в отсутствии недели 3–4. Заменять его на это время будет премьер. В США Иден хочет поддерживать тесный контакт с М.М. По возвращении обещает дать мне полный «отчет». Вот только как бы болезнь Черчилля не задержала Идена!.. Из США Иден проедет в Канаду.

Не везёт Идену с Америкой!.. В 1938 г. вскоре после своего ухода из правительства Чемберлена он совершил поездку с женой в США. Виделся там со всеми нотаблями, начиная с Рузвельта, но... не произвел на американцев хорошего впечатления. Не завоевал их сердец.

По возвращении из Москвы в конце 1941 г. Иден пытался устроить свою поездку в Вашингтон, – очевидно, для соблюдения известного «равновесия»: побывал в СССР, теперь ... побывать и в США. Хотя Иден давно уже поставил ставку на англо-советские отношения, но ему, как МИД Великобритании, конечно, важно иметь приличные отношения также с США. Однако, несмотря на нажим различных кнопок, поездка Идена в Америку в прошлом году не состоялась: благодаря главным образом саботажу со стороны Галифакса^{5*} (ведь Галифакс и Иден большие «друзья»!).

^{3*} Речь идет о Гарольде Александре.

^{4*} Lease and lend (англ.) – в аренду или займы. Речь идёт об американских поставках по программе ленд-лиза.

^{5*} Галифакс Эдуард, лорд – британский посол в США.

С момента назначения Идена лидером палаты общин, что всеми понимается здесь как подготовка к посту будущего премьера, поездка в США стала для него особенно необходимой. Идену надо было, если не «покорить» американские сердца, то хотя бы «примирить» их с собой. Черчилль решил помочь Идену в этом отношении, когда поехал в Касабланку. Во время пребывания премьера там Иден как-то с беспокойством мне говорил, что от Черчилля нет никаких известий по данному поводу.

– Может быть, он слишком занят другими вопросами? – гадал Иден. – А может быть, Рузвельт дал ему понять, что ввиду деликатности его собственного^{6*} положения в результате победы республиканцев на выборах мне лучше пока не приезжать?

В конце концов дело, однако, было улажено. Несколько дней назад я услышал о предстоящем визите Идена в США и вчера по телефону спросил его об этом. Иден обещал подробно информировать меня при ближайшем свидании. Сегодня он это и сделал.

Посмотрим, каковы будут результаты поездки Идена в Америку. Сумеет ли он повлиять на американцев? Или, наоборот, сумеют ли американцы повлиять на Идена? Не знаю. Скорее опасаясь последнего: при всех своих достоинствах Иден не очень крепкий человек.

В сегодняшнем разговоре Иден мне, между прочим, сказал:

– Я только что закончил обед с группой депутатов. Они спрашивали меня, каковы перспективы англо-советских отношений в послевоенный период? Может ли англо-советский союз стать реальностью? Знаете ли, что я им ответил?

– Что именно? – спросил я.

– Я ответил депутатам^{7*}, – продолжал Иден, – что это почти целиком зависит от того, какую роль Англия сыграет в деле разгрома Гитлера. Если роль будет существенна – и при том на суше, – союз станет реальностью. В противном случае ни за что ручаться нельзя.

– Правильно, – реагировал я.

– Вот потому-то я так сильно стою за открытие второго фронта во Франции, – закончил Иден.

Содержание послания Черчилля Сталину (17.2.43 г.)⁸

Я сообщил туркам о Вашем дружеском слове. Туркпрпа уполномочило меня передать, что оно с величайшей радостью^{2*} готово приступить к обмену мнениями с Вами через соответственных послов. Турецкий мининдел говорил нашему послу в Анкаре, что переговоры лучше всего было бы вести в Москве и что исходной точкой их должна быть встреча в Адане. Кларк Керр по возвращении информирует Вас о всех деталях.

19 февраля

Просидел три дня (16–18 февраля) в парламенте. Шли дебаты по плану [У.] Бевериджа²³. Разыгралась буря, которой вначале никто не ожидал и которую правительство могло бы избежать, если бы тактически действовало ловчее. Возможно, что болезнь Черчилля сыграла свою роль: он не мог принимать актив-

^{6*} Далее вычеркнуто слово «внутреннего».

^{7*} Далее вычеркнуто – «закончил, прибавил».

* См.: Переписка... Т. 1. № 115. С. 113.

^{2*} В опубликованном тексте – «с большим удовольствием».

ного участия в проведении парламентских прений. По существу кабинет принимает 70% плана. Поспоривши и поторговавшись, депутаты, вероятно, могли бы повысить этот процент до 80–85. Не так плохо. А на английский масштаб и совсем хорошо. Причин для бури как будто бы нет. А вот, поди ж ты, вышла буря! Почему?

Ответом может служить изложение конкретного хода событий.

16 днём выступил [Джон] Андерсон. Парламентарий он никудышный. Слишком пахнет от него индийским бюрократам-администратором. Депутаты его не любят. Манера говорить у него такая, что слушатель чувствует раздражение. А на этот раз Андерсон ещё сделал так: признает какое-либо положение из плана Бевериджа и сразу же после того выдвинет две оговорки. Затем ещё одно положение и ещё две оговорки. И так вся речь. В результате, хотя Андерсон признал 70% плана Бевериджа, у палаты создалось впечатление, будто бы правительство хитрит, выигрывает время и старается втереть массам очки.

Это сразу же произвело сильный эффект на лейбористов. Британские рабочие помнят, как в прошлую войну господствующие классы «вдохновляли» их на борьбу обещанием дать «отечество, достойное героя». Помнят они также, что расплатились господствующие классы по этому векселю после войны нищетой и безработицей для миллионов. Рабочие не хотят повторения пройденного урока после нынешней войны. Именно поэтому они так ухватились за план Бевериджа, в котором видят средство не допустить того, что произошло после 1918 г. Лейбористские депутаты совсем не львы. Они скорее напоминают тех ласковых телят, которые двух маток сосут. И если, как увидим дальше, они проявили в этих дебатах совершенно необычные твердость и решительность, то это неспроста. Это значит, что напор со стороны масс чрезвычайно силен.

После речи Андерсона лейбористская фракция собралась и приняла решение внести в парламент резолюцию, выражающую неудовлетворение позицией бритпра в вопросе о плане Бевериджа.

Утром 17-[го] было созвано экстренное заседание лейбористской фракции. Присутствовали все лейбористские члены правительства. [Э.] Бевин больше молчал, но Эттли* и Моррисон^{2*} разорались, убеждая депутатов снять резолюцию недоверия правительству (ибо по существу это была резолюция недоверия). Однако красноречие лейбористских министров пало на каменистую почву: резолюция не была снята.

Днём 17-[го] от имени правительства выступал Кингсли Вуд. Этот прожженный чемберленовец построил свою речь на том, что осуществление плана Бевериджа целиком зависит от экономики и финансов страны и что так как сейчас трудно предвидеть, каковы они будут после войны, то никаких окончательных решений по плану в настоящий момент нельзя принимать. Выступление К. Вуда сразу подняло температуру до точки кипения. Лейбористы были в бешенстве. В воздухе запахло «кризисом».

Утром 18-[го] было вновь созвано экстренное заседание лейбористской фракции, на котором Эттли и Моррисон говорили мало, но зато разорался и горячился Бевин. Министр труда потребовал не только снятия резолюции, внесенной лейбористской фракцией, но и поддержки другой резолюции, одобряю-

* Далее – Эттли Клемент Ричард.

^{2*} Моррисон Герберт Стэнли.

щей позицию бритпра в вопросе о плане Бевериджа. В противном случае Бевин грозил своей отставкой. Однако и застрачивания на помогли. При голосовании предложения Бевина оно собрало 7 голосов из 130 присутствовавших. В течение дня Бевин пытался шантажировать фракцию. Из его офиса каждый час шли слухи: «Бевин решил подать в отставку»... «Бевин пишет письмо премьеру об отставке»... «Бевин отправляет премьеру письмо о своей отставке» и т.д. Весь этот заряд пропал даром: депутаты остались тверды, резолюции недоверия не сняли, а, наоборот, единодушно за неё голосовали. Даже выступление Моррисона, заключавшего дебаты, не помогло! А это, несомненно, было очень умное и ловкое выступление, самое лучшее из всех выступлений со стороны правительства. Любопытна была сцена во время речи Моррисона: консерваторы то и дело прерывали её шумными одобрениями, – наоборот, на лейбористских скамьях её встречали с ледяным молчанием. Что это? Прообраз будущего? Pointer^{3*} того, куда идёт и придёт Моррисон?..

Резолюция недоверия была отвергнута большинством 335 против 119 при 20 воздержавшихся. Это, несомненно, моральное поражение правительства, а особенно лейбористских министров в правительстве. В самом деле: лейбористская фракция насчитывает 166 членов парламента. Из них около 20 отсутствовало по разным уважительным причинам, 22 являются членами правительства, 20 воздержалось от голосования (т.е. по существу высказалось против правительства, но не решилось сделать это открыто) и 101 голосовало против правительства. Выходит, таким образом, что вся наличная лейбористская фракция высказалась против бритпра и против лейбористских министров в составе бритпра. Казалось бы, вывод ясен: лейбористским министрам надо уходить в отставку... Не тут-то было! Лейбористские министры точно приклеены к своим портфелям. Они так легко не уйдут. Даже Бевин не уйдет, несмотря на всю свою демагогию... Что-нибудь придумают. Найдут каких-либо бояр, которые будут молить Годунова о том, чтобы он остался на троне. Такие слухи уже идут, и я не сомневаюсь, что они подтвердятся.

Итак, нынешняя парламентская буря едва ли будет иметь заметные последствия сейчас, непосредственно. Но она является ярким симптомом... И в дальнейшем события могут развернуться серьезнее.

21 февраля

Минувшая неделя на фронте была просто блестяща: мы заняли Ростов, Харьков, Лозовую, Красноград и Павлоград. Выходим на линию Днепра. На очереди Запорожье и Днепропетровск.

Черчилль по случаю Ростова отправил Сталину очень теплое поздравление и получил от Сталина теплый ответ*.

Каковы перспективы? Трудно сказать. Я склонен думать, что в дальнейшем наше продвижение должно несколько замедлиться. Во-первых, подходит время распутицы. Во-вторых, немцы должны сделать максимум усилий для того, чтобы не допустить второго Сталинграда в Донбассе или ещё хуже на Днестре (что может случиться, если мы захватим линию Днепра раньше, чем немцы успеют

^{3*} Указатель (англ.).

* См.: Переписка... Т. 1. С. 111.

эвакуировать войска, находящиеся к востоку от Днепра). В-третьих, наконец, наши войска тоже требуют роздыха и перегруппировки. Три месяца зимнего наступления что-нибудь да значат. Посмотрим.

Сегодня бритпра торжественно празднует 25-летие Красной Армии. Бритпра, возглавляемое Черчиллем, тем самым Черчиллем, который в годы гражданской войны стоял во главе крестового похода против большевиков! Как времена меняются! История за эти четверть века сделала полный круг.

Я был на митинге в Альберт-холле. Все происходило очень торжественно и даже величаво. Была сложная и красивая инсценировка. С точки зрения чисто художественной кое-какие детали можно было бы критиковать. Но это не так важно. В общем, представление было очень, очень impressive^{2*}. Особенно один момент: когда над сценой стал медленно подыматься гигантский флаг с серпом и молотом, а на его фоне также стала подыматься фигура красноармейца в форме и с винтовкой.

С речью выступил Иден²⁴. Речь была вполне ОК. Сталин прислал поздравительную телеграмму (я об этом заранее постарался).

Мы с Агнией, Богомолы и [А.А.] Соболев находились в Royal Vox^{3*}. Здесь же были миссис Черчилль, Синклеры, Григги, Маунтбатаны^{4*} и др. нотабли. Наши военные и дипломаты сидели в специальных ложах. Колония была размещена на особых местах, все вместе.

В крупнейших провинциальных городах (Бирмингем, Манчестер, Глазго, Шеффилд, Лидс, Бристоль и др. – всего 11) также состоялись аналогичные митинги с выступлениями членов правительства. Я отправил на каждый митинг по два наших представителя – одного военного и одного гражданского.

Характерная деталь: военный министр Григг не выступал ни на одном митинге, хотя ему, казалось бы, это следовало в первую очередь. Удивляться не приходится: Григг приходит в бешенство при одном упоминании СССР. За несколько дней до празднования я разговаривал с Иденом на тему о подготовляемом торжестве и, между прочим, как бы вскользь спросил, почему Григг не выступает ни на одном из собраний?

Иден отозвался незнанием, но обещал выяснить.

– Во всяком случае, – прибавил Иден, – в этом нет ничего политического.

Я с усмешкой ответил:

– Надеюсь, что это так.

Иден мне так и не разъяснил причины воздержания Григга. Да в этом и нет надобности. Все понятно.

Ах, какая хитрая и умная в Англии буржуазия!

Восхищение Красной Армией сейчас в Англии громадно. Повсюду – в массах и в армии. Идти против этой волны было бы опасно. И правительство решает: возглавить, т.е. оседлать, волну. Так легче обломать острые углы. Можно даже заработать политически. Отсюда сегодняшнее торжество.

^{2*} Внушительное (англ.).

^{3*} Королевская ложа (англ.).

^{4*} Далее – Маунтбетген Луис, лорд.

Ещё раз вспоминается английская пословица: если врага не можешь задушить, его надо обнять.

Но нам это тоже выгодно. Такое собрание, как в Альберт-холле, легализует интерес и восхищение Красной Армией, а стало быть, и всем советским во всех звеньях государственной и общественной машины Англии. Тем лучше.

MESSAGE (Митингу в Albert Hall по случаю 25-летия Красной Армии)

On behalf of the Armed Forces of the Soviet Union I welcome and thank all the citizens, men and women, of Great Britain, who honour the 25th Anniversary of the Red Army. This demonstration of friendly feelings on the part of the British people for the Army of the Soviet people strengthens our confidence that the moment is near when the Armed Forces of our countries, by joint offensive operations, will smash our common enemy.

JOSEPH STALIN.
21/2/43²⁵.

24 февраля [дата вписана от руки]

В ногу с нашими победами и даже обгоняя их, в Англии растёт complacency* и стремление по возможности вернуться к нормам и привычкам мирного времени. Двор, конечно, не избежал этой тенденции. С июля 1941 г. при дворе не было приёма. Да и этот приём был очень скромный, с малым количеством участников. Пили чай и говорили о только что начавшейся тогда советско-германской войне. Сейчас двор решил устроить 3 приема («tea parties»^{2*}, ибо настоящий «court»^{3*} все-таки устроить ещё неудобно) – примерно по 300 человек на каждом. Сегодня был первый из этих трёх, и мы с Агнией, а также Богомолы и Харламовы были во дворце.

Меня вызвали для того, чтобы поговорить с королём^{4*}. Я начал с того, что поблагодарил короля за его намерение презентовать Сталинграду «меч почета». Иден мне накануне говорил, что это личная идея короля, и я считал полезным высказать почину короля одобрение. Тем более что данная идея мне действительно нравится²⁶.

Король был, видимо, польщён, но тут же с некоторым недоумением и, как мне показалось, даже с обидой заметил, что, хотя ответная на поздравление короля по случаю 23 февраля телеграмма [М.И.] Калинина опубликована по радио и в печати^{5*}, он, король, самой этой телеграммы не получил. Король спрашивал, каким путём была отправлена телеграмма? Через меня?.. Я ответил, что не через меня, и тут же высказал предположение, что телеграмма, вероятно, была передана бритпосольству в Москве. Я, во всяком случае, обещал навести необходимые справки и сообщить о результате королю.

Далее король стал расспрашивать меня о военном положении, о состоянии германской армии, о внутреннем положении в Германии, о вероятной линии, на которой немцы постараются закрепиться, и т.д. Потом речь перешла на политические вопросы. Король выражал удовлетворение по поводу укрепления англо-советских отношений и спрашивал, что, по моему мнению, надо сде-

* Благодушие (англ.).

^{2*} Чаепитие (англ.).

^{3*} Приём (у короля) (англ.).

^{4*} Король Георг VI.

^{5*} Так в тексте. Правильно: передана по радио и опубликована в печати.

лать для сохранения тесного сотрудничества между нашими странами после войны.

Я ответил:

– Послевоенное будущее англо-советских отношений выковывается сейчас на полях войны. Мы ведём общую борьбу против общего врага. Если оба народа – советский и английский – выйдут из этой войны с убеждением, что каждый из них исполнил свой долг в максимально возможной для него степени, тесный союз и взаимная симпатия после войны будут обеспечены. Если такого убеждения у каждого из народов не будет, эффект будет иной. Вот почему так важно создание второго фронта. Это важно с чисто военной точки зрения, но это важно также и с точки зрения политической.

Король не возражал, но и не одобрял моих замечаний. Он, как всегда, остался совершенно *non committal*^{6*}. Я, впрочем, ничего другого и не ожидал.

Содержание послания Черчилля Сталину (24.2.43 г.)*

Сожалею, что не мог до сих пор ответить на Вашу последнюю телеграмму. Проект был уже готов, но температура у меня поднялась так высоко, что я решил лучше отложить ответ на некоторое время. Через несколько дней пришлю Вам более полную информацию. Ваши деяния просто не поддаются описанию. Битва в Тунисе идет хорошо.

26 февраля

Был сегодня у Идена. Он так-таки не уехал в США из-за болезни премьера. Разговор был не очень приятного свойства.

Во-первых, Иден мне сообщил, что Черчилль все-таки решил оставаться при военных планах, намеченных в Касабланке. На следующий день после разговора со мной 17[-го] вечером Иден изложил мой проект премьеру, который им как будто бы заинтересовался и просил Идена представить ему по этому поводу меморандум. Иден просьбу Черчилля исполнил, и последний передал меморандум на рассмотрение генштаба. Генштаб представил премьеру свои соображения. Премьер ещё раз обдумал все относящиеся сюда моменты и пришёл к выводу, что мой проект непрактичен. Главное основание для такого заключения: переброска войск из САфрики в Англию займет столько времени, что войска не успеют к операции через Ла-Манш. Ввиду этого Черчилль полагает, что после оккупации Туниса следует продолжить операции в Сред[иземном] море (Сицилия, Додеканес и пр.) и одновременно принять героические меры для подготовки – независимо от Сред[иземного] моря – другой операции через Ла-Манш. Черчилль готов пойти на неё даже без американцев, но, конечно, постарается нажать [на] все кнопки для скорейшего получения американцев. Всё это Иден рассказывал мне в предварительном порядке. Черчилль хотел повидать меня, как только поправится, и лично поговорить на данную тему.

В общем, всё это пахнет плохо. Операции в Тунисе из-за последних поражений американцев затягиваются. Едва ли они закончатся раньше апреля. Значит, операции в Сред[иземном] море начнутся не раньше июня–июля. Операции нелёгкие. Вероятно, они тоже затянутся, а главное, пойдут, надо думать, негладко. Внимание англичан будет сконцентрировано на подброске подкреплений куда-нибудь в Сицилию или Додеканес. Тоннаж будет загружен отправкой снабжения

^{6*} Уклончив (англ.).

* См.: Переписка... Т. 1. С. 113–114 (дата послания 25 февраля 1943 года).

за тысячи миль от Англии. С операцией через Ла-Манш бритпра будет тянуть*, примеряться, откладывать. Знаю я их!.. Англичане вообще ничего не умеют делать быстро. А тут ещё столько дополнительных препятствий на пути!.. Что же выйдет из второго фронта? И когда же придёт наконец действительная помощь Кр[асной] Армии? Нет, не нравится мне вся эта ситуация.

Вторым вопросом, который сегодня был затронут, явилось выступление [Дж.О.] Саймона в палате лордов 23 февраля. Бивербрук поставил вопрос о срочной необходимости второго фронта. [Дж.М.] Страболги его поддержал. [М.Х.] Тренчард и Листоуэл^{2*} возражали против обсуждения этого вопроса. Саймон заключал от имени бритпра и произнёс отвратительную, истинно «саймоновскую» речь, смысл которой сводился к тому, что никакого второго фронта не нужно, так как британский флот, воздушные налёты на Германию, снабжение СССР и операции в Африке в сумме и есть тот второй фронт, на который Англия может пойти.

Прочитывая наиболее «криминальные» места из речи Саймона, я спросил Идена, кто же говорит правду от имени бритпра – те ли, кто обещают создание второго фронта в ближайшем будущем, или те, которые считают, что второй фронт уже есть?

Иден ответил, что точка зрения бритпра мне должна быть известна из моих разговоров с ним и Черчиллем, а также из переписки между Черчиллем и Сталиным.

Я возразил, что эти разговоры и переписка – достояние немногих лиц, речь же Саймона известна каждому. Во избежание смятения умов и всяких криво толков в массах было бы желательно разъяснение истинной позиции бритпра в вопросе о втором фронте с публичной трибуны.

Иден никак не ангажировался, но обещал переговорить на данную тему с Черчиллем. Мне показалось, что Иден не доволен моим демаршем. Вполне возможно: чувства между Иденом и Саймоном далеки от нежности!

Из-за своего выступления в палате лордов Саймон не мог попасть на наш приём 23 февраля. Он, однако, за час до приёма известил по телефону об этой невозможности. А вчера я получил от него дополнительно ещё личное, написанное от руки письмо, в котором Саймон высказывает «глубокое сожаление» по данному поводу, ибо он, видите ли, сгорал желанием персонально выразить своё восхищение «великолепными подвигами Красной Армии» ... Саймон! Подлинный Саймон!

Я рассказал Идену о своём разговоре с королём на приёме 24 февраля. Иден был доволен и воскликнул:

– Очень хорошо, что король будет знать о действительном положении вещей. Это полезно.

Я разъяснил Идену также, что случилось с телеграммой [М.И.] Калинина. Она была отправлена из Москвы клером, получена на лондонском телеграфе в 2.40 минут утра 23 февраля, наше же радио обнародовало её только в 6 часов

* Вычеркнуто – «в таких условиях».

^{2*} Листоуэл Х., лорд.

утра того же дня. Почему телеграмма не была доставлена королю до послеобеда 24[-го], не знаю. Иден обещал довести мои разъяснения до сведения короля.

26 февраля [дата вписана от руки]

[А. Дж.] Керр, вернувшись в Москву, начал, было, проявлять бурную деятельность. 20 февраля он был у [В.М.] Молотова и заявил, что собирается начать с ним ряд бесед по послевоенным вопросам, так как бритпра считает абсолютно необходимым договориться по данным вопросам с США и СССР до окончания войны²⁷. Тут же Керр передал Молотову проект клирингового союза после войны, разработанный межсоюзническим финансовым совещанием в Лондоне (конкретно [Дж.М.] Кейнсом), и просил совпра изучить его и дать по нему ответ. Керр прибавил, что американцы выработали свой собственный проект и что, м[ожет] б[ыть], целесообразно было бы на основе обоих проектов разработать третий²⁸.

Далее Керр попросил Молотова объяснить, как надо понимать слова Сталина в докладе от 6.11.42 о том, что СССР не собирается уничтожать германского государства и германской вооруженной силы²⁹. Эти заявления Сталина вызвали недоумение в Лондоне. Их считают как будто бы противоречащими тому, что Сталин говорил Идену в декабре 1941 г.

Молотов уклонился от ответа на вопросы Керра, сказав, что это лучше сделать самому Сталину. Керр облек затем свои вопросы в форму письма. А 24 февраля, принимая Керра*, Сталин вручил ему письменный ответ, суть которого сводилась к тому, что нет смысла заниматься общими, ни к чему не обязывающими разговорами по послевоенным вопросам, а что гораздо целесообразнее официальным представителям двух государств встретиться, обсудить данные вопросы и подписать соглашение, обязательное для обеих сторон. Именно такой метод Сталин предлагал Идену в декабре 1941 г., но Иден уклонился от принятия на себя обязательств³⁰. Если сейчас бритпра считает нужным устроить такую встречу и заключить с СССР соглашение о судьбах Германии или других государств, мы готовы пойти навстречу³¹.

27 февраля

Были с Агнией на футбол-матче Англия против Уэльса в Вемблей*. Присутствовало на стадионе 75 тыс. чел[овек]. День был чудесный: солнце, ясное небо. Сидели в Royal Box вместе с королём, королевой, миссис Черчилль, Александером, Эттли, Моррисоном, Летерсом^{2*} и др. министрами. Excitement^{3*} было громадно – не у меня, конечно (я в таких случаях всегда спокоен), а у всей этой гигантской массы людей. Итог: Англия побила Уэльс со счётом 5:3. Если бы не постоянная охрана стадиона быстро сменяющимися Спитфайерами^{4*}, вся обстановка страшно походила бы на мирные времена. Да, complacency^{5*} в Англии быстро растёт параллельно с нашими победами и даже обгоняя их.

* Записи беседы в Архиве МИД не имеется (см.: СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы их архива внешней политики РФ: в 2-х т. Т. 1: 22 июня 1941 – 8 мая 1945 гг. / Сост. Г.П. Кынин, И. Лауфер. М., 1966. Примеч. 192. С. 700).

* Стадион Уэмбли в Лондоне.

^{2*} Далее – Лезерс Фредерик Джеймс.

^{3*} Волнение (англ.).

^{4*} Имеются в виду английские истребители Спитфайр (Supermarine Spitfire).

^{5*} Благодушие (англ.).

Моей соседкой была миссис Черчилль. Она вообще очень приятная женщина, и у нас с ней добрые отношения. Миссис Черчилль иногда откровенничает со мной на разные личные и семейные темы. Сегодня она делилась со мной своими страхами и надеждами по поводу здоровья мужа. Заболел он около 2 недель назад. Воспаление лёгких у Черчилля оказалось в лёгкой форме, но всё-таки с температурой. Пациент он прескверный. Врачей не слушается. Покоя не соблюдает. Всё время думает на разные деловые и правительственные темы. Работает. Работал даже с высокой температурой. Теперь Черчиллю лучше. Температура нормальная. Воспаление в лёгких исчезло. Но спальня у премьера темная и бессолнечная. Миссис Черчилль хочет в начале будущей недели вывезти мужа в Чекерс – на воздух, на солнце. Там он скорее поправится и отдохнёт.

Всё это миссис Черчилль говорила быстро, торопливо, глотая слова и то и дело заразительно смеясь. Она всегда так говорит. Потом она вдруг задумалась и с глубоким убеждением в голосе воскликнула:

– Он должен поправиться! С ним ничего не случится: судьба предназначила его быть вождём страны в такую годину!

Я невольно подумал:

– Однако!

А миссис Черчилль добавила с ноткой огорчения:

– Жаль, что война случилась сейчас, когда ему уже 68 лет. Было бы лучше, если бы он был помоложе. Ну, ничего не поделаешь!

Да, эта женщина верит в судьбу. Вот оно современное буржуазное общество!

Я повернулся к миссис Черчилль и сказал:

– Лет 5–6 назад, ещё до войны, один мой московский приятель спросил меня, имеет ли ваш муж шансы прийти к власти. Знаете ли, что я ему ответил?

– Что именно? – сильно заинтересованная спросила миссис Черчилль.

– Я ответил: в обычных условиях – нет, ибо мелкие люди консервативной партии его ни за что не пустят к власти. Будут бояться, что он их затрёт и подавит. Но в момент грозной опасности для страны Черчилль непременно придёт к власти.

Миссис Черчилль с горячностью воскликнула:

– Как это замечательно! Я совершенно так же думала. Я всегда говорила мужу: ты будешь у власти, когда придёт война.

И спустя мгновение миссис Черчилль прибавила:

– Он ведь для этого был рождён!.. Но как жаль, что ему сейчас уже 68 лет!

Заходил [А.Л.] Истерман и рассказал две stories^{6*}, связанные с моим именем:

1) Поляки везде рассказывают, что не особенно давно в Лондоне происходило совещание представителей союзных наций для обсуждения условий перемирия (уже!). На этом совещании будто бы был и я. Особенно горячо обсуждался вопрос о том, какая вооруженная сила или какие вооруженные силы оккупируют Германию? Высказывались различные мнения, причём большинство сошло на мысли, что Германия должна быть оккупирована международной полицией. Я будто бы во все время дискуссии упорно молчал. Когда же

^{6*} Истории (англ.).

дебаты были закончены, я будто бы встал, заложил руки в карманы и пренебрежительно заявил:

– Все ваши разговоры и проекты пустая болтовня. Германия будет оккупирована Красной Армией.

Вслед за тем я будто бы повернулся и, больше не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Ха-ха-ха!.. Может быть, Германия и будет когда-либо оккупирована Красной Армией, но самое занятное то, что никакого союзного совещания по условиям перемирия вообще не было, и я, конечно, нигде не высказывал ничего такого, что поляки мне приписывают. Но цель поляков понятна: пугать англичан опасностью коммунизма.

2) Если первая история – факт, то вторая уже анекдот. Называется она: «неопубликованная карикатура Лоу^{7*}». Изображает эта карикатура будто бы следующее: вокзал в Лондоне. На вокзале весь дипкорпус. Провожают англо-американские войска, отправляющиеся в САфрику. Я пожимаю руку командиру этих войск и в то же время указываю пальцем на висящую на стене надпись:

– Is your journey really necessary^{8*}?

(Такие надписи в целях сокращения ненужных поездок имеются сейчас на всех железнодорожных станциях.)

3) А вот ещё одна story, исходящая уже не от Истермана, но тоже связанная с моим именем. В кругах союзных правительств в Лондоне рассказывают, что недавно происходил такой разговор между одним «союзником» и одним чиновником ФО:

Союзник: Когда же наконец будет открыт второй фронт?

Чиновник ФО: Мы готовы. Всё дело за Майским. Его вина, что второй фронт до сих пор не открыт.

Союзник: То есть, как дело за Майским? Разве он возражает против открытия второго фронта?

Чиновник ФО: Нет, конечно, не возражает. Но Майский до сих пор не может указать точной даты прибытия Красной Армии в Англию для открытия второго фронта во Франции.

4) Наконец, последняя story – по крайней мере, на сегодня. [Я.] Масарик в разговоре с одним из союзников на днях бросил:

– Англичане нашли своего Александра, но не знаю, будет ли он Невским.

Речь идёт о генерале Александре^{9*}, командующем британскими силами в Африке.

Большинство всех этих и подобных stories исходит из союзнических кругов. Что удивительного? Делать союзникам^{10*} нечего, недовольства Англией и США у них много, открыто протестовать они^{11*} не смеют, вот и ищут разрядки своим чувствам в создании многочисленных политических анекдотов. Благо среди них есть немало людей с острым языком. Один Масарик чего стоит!

^{7*} Лоу Дэвид Александер Сесил.

^{8*} Действительно ли необходима ваша поездка? (англ.).

^{9*} Александер Гарольд.

^{10*} Далее вычеркнуто – «по существу».

^{11*} Далее вычеркнуто – «не решаются».

28 февраля (Бовингдон)

Минувшая неделя на фронте не принесла нам никаких больших достижений. Наоборот, усилились трудности. Немцы подвезли крупные подкрепления и бешено атакуют в Донбассе и в районе Днепра. Происходит то, что я предвидел. Но это не страшно. Видимо, повторяется история с Котельниковом^{*}: когда армия Паулюса была окружена под Сталинградом, фон Манштейн^{2*} с 8 дивизиями пытался освободить её, ударив на Котельниково. Временно он отбросил наши силы и занял ряд станций и селений по железнодорожке к Сталинграду. Но фон Манштейн был разбит и в беспорядке отступил. Судьба Паулюса была решена. В настоящий момент угроза для немецких сил в Донбассе и к востоку от Днепра ещё больше. Разумеется, германское командование должно прилагать максимум усилий для предотвращения катастрофы, которая может стать ещё ужаснее, чем катастрофа под Сталинградом. Отсюда события последних дней. Надеюсь, что мы и на этот раз сумеем разбить немцев со всеми вытекающими отсюда последствиями. Есть, конечно, известные «но»: наши войска устали от трехмесячных непрерывных боёв, немцы бросили сейчас больше, чем 8 дивизий, подходит время распутицы... Но всё-таки надеюсь! Впрочем, посмотрим.

Хорошо, что мы освободили Кубань вовремя для сева: с продовольствием ближайшей зимой будет лучше.

Содержание послания Сталина Черчиллю (2.3.43.)^{*}

Получил ваше послание от 17.2. касательно Турции. 24.2. получил от Вас через Керра три документа:

- а) экспозе заявления, сделанного премьером президенту Инено;
- в) согласованные заключения конференции в Адане 30–31.1. 43. и
- в) меморандум о послевоенной безопасности. Благодарю за информацию.

13.2. турецкий мининдел заявил нашему послу в Анкаре^{2*}, что туркпра готово начать переговоры об улучшении с[оветско]-т[урецких] отношений. Совпра ответило, что приветствует это желание туркпра. По возвращении турпосла в Москву переговоры продолжатся.

Желаю Вам скорейшего выздоровления и возвращения Вашей жизнедеятельности.

3 марта

Оригинально провели сегодняшний вечер:

Ещё давно Криппсы пригласили нас с Агнией поужинать с ними и затем послушать музыку Мура Хесс^{*}. Договорились о сегодняшнем вечере. Встретились с Криппсами в одном французском ресторане на Charlotte Street^{2*}... С ними была также их дочка, которая сопровождала отца в Москву, потом работала в британской миссии в Тегеране, а сейчас что-то делает в Министерстве информации.

Едва мы начали ужин, как вдруг завывали сирены. Такое необычное происшествие сейчас! Вот уже скоро два года, как прекратились налеты на Лондон. Но сегодня была особая оказия: в ночь с 1 на 2 марта 700 четырехмоторных английских бомбардировщиков громили Берлин и, видимо, серьезно разгромили.

^{*} Котельниково – селение, с 1955 г. – город в Волгоградской области.

^{2*} Манштейн (Manstein) Эрих фон Левински – командующий немецкой группой армий «Дон».

^{*} Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 114.

^{2*} Виноградов Сергей Александрович.

^{*} Мира Хесс – пианистка.

^{2*} Шарлотт-стрит (англ.).

Геринг, конечно, не мог остаться равнодушным: сегодня вечером 40 немецких бомбардировщиков сделали «ответный» налёт на Лондон. Сорок! Только сорок!.. Вот до чего ослабели уже немцы (хотя, конечно, в случае крайности они могут ещё бросить на Лондон в одну ночь 100–150 машин). Из этих сорока «немцев» лишь единицы добрались до Лондона. Эффект их бомбардировки, разумеется, был незначителен. Зато орудейный барраж с земли был потрясающий. Совсем не то, что было в памятные дни «большого блица» 1940 г. Из-за этого барража нам пришлось просидеть в ресторане почти до 10 часов вечера.

Но потом мы всё-таки попали к Мура Несс. Очень понравилась мне её квартира: два больших рояля, шкафы с огромной музыкальной библиотекой, простая, но какая-то интеллигентная мебель, портреты великих артистов и композиторов, прекрасная статуэтка Бетховена на столе... Всё так полно высокой культуры, вершин человеческого духа...

Мура Несс сыграла нам «Аппassionату» Бетховена. Изумительное исполнение!..

Я сказал Мура Несс, что это была любимая вещь Ильича. На Миру, а ещё больше на Крипса мои слова произвели сильнейшее впечатление.

Кстати, Мира по внешности сильно напоминает Пичужку^{3*}, – только она несколько крупнее и выше ростом. Сегодня, когда в полумраке комнаты Мира сидела за роялем, я иногда невольно ловил себя на вопросе:

– Уж не Пичужка ли это играет?

Воспоминания далёкого прошлого вставали в голове.

4 марта

Поляки ведут себя совершенно идиотски. Недавно польпра и польский «Национальный Совет» приняли официальное решение, которое потом было опубликовано, о том, что они твёрдо стоят на базе границ 1939 г.

Мы ответили резким «Сообщением ТАСС»³². Кроме того, Корнейчук* опубликовал в «Правде» блестящую статью, в которой заявлял, что украинцы больше никогда не пойдут под власть польских панов. На этом, я думаю, можно будет закончить обмен любезностями, если, конечно, поляки не станут устраивать дальнейших провокаций. Раздувать этот спор было бы нецелесообразно: зачем лить воду на мельницу Геббельса, который сейчас усиленно работает над внесением элементов разложения в нашу коалицию.

Странная нация поляки! На протяжении всей своей истории она с необыкновенной яркостью выявила абсолютное отсутствие таланта к серьёзному государственному строительству (внешнему и внутреннему). Два момента тут играли особенно важную роль:

1) В области внешнеполитической Польша не раз ставила себе такие задачи, которые явно превосходили её реальные экономические, политические и военные возможности (например, завоевание Москвы в начале XVII в.). Результатом были тяжелые крахи и поражения.

2) В области внутреннеполитической Польша не сумела обнаружить того минимума национальной дисциплины, того минимума подчинения частного и

^{3*} Чемоданова Елизавета Михайловна (1885–1951) – двоюродная сестра И.М. Майского.

* Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – украинский драматург.

личного общему, без которого нельзя построить прочного государства. Наиболее яркий пример: *liberum veto*³³.

Невольно создается впечатление, что поляки вообще не способны к длительному и устойчивому существованию в качестве независимого и вполне суверенного национального организма. Прекрасной иллюстрацией является судьба Польши между двумя войнами, а также поведение [В.] Сикорского и К^с в течение последних 20 месяцев. Впрочем, посмотрим, что принесёт будущее. Одно ясно уже сейчас: польский вопрос будет одним из самых тяжелых «орешков» при ликвидации войны.

Ещё одна странная нация – финны. В последние недели в печати и политических кругах здесь и в Америке было много шума по поводу Финляндии. Со всех концов шли заверения, будто бы финны хотят выйти из войны и ищут для этого только подходящего пути к отступлению. Особенно подчеркивали визит [В.А.] Таннера и Фагерхольма^{2*} в Стокгольм. Недели три назад [Б.] Прютц был вызван в Швецию все по тому же поводу. Официально, правда, он будто бы поехал на свадьбу своей дочери, но фактически должен был попытаться нащупать какой-либо компромисс с финнами и заинтересовать в нем Англию. Перед отъездом Прютц был у Идена и спрашивал его о позиции бритпра в данном вопросе. Иден благоразумно ответил: если Финляндия хочет мира (что само по себе, конечно, желательно), пусть она непосредственно разговаривает с СССР. Англия посредником выступать не собирается.

Прютц был опечален и стал смотреть на свою миссию ещё более пессимистически, чем смотрел раньше (он никогда не был в этом вопросе оптимистом). Ибо сам Прютц (мне это передавал Ку^{3*}) считал возможным сепаратный советско-финский мир примерно на следующей основе:

- 1) Границы Финляндии окончательно определяются после войны, а пока устанавливается временная демаркационная линия, совпадающая с границей 1941 г.
- 2) По обе стороны демаркационной линии остаются только *token forces*^{4*}.
- 3) Немцы, находящиеся в Финляндии, эвакуируются.
- 4) Союзные нации обеспечивают Финляндии необходимый минимум продовольствия.

Прютц, однако, сильно сомневается, чтобы финны приняли такой базис. Он сомневается в этом больше, чем в готовности немцев эвакуировать свои войска. Прютц думает, что немцев можно было бы «угговорить» вывести свои 8 дивизий из Финляндии: они ведь всё равно «сокращают» свой фронт, и эти дивизии им могут пригодиться где-либо в другом месте.

Перед отъездом Прютц жаловался одному шведскому журналисту:

– Не понимаю этих финнов! Ведь вопрос сейчас стоит о том, быть Финляндии независимой или нет?.. А они цепляются за какие-то клочки территории и границы!

Прютц прав. Финны в лице своих господствующих классов ведут совершенно идиотскую политику. Так было в прошлом, так есть и сейчас.

Когда я полпредствовал в Финляндии, я не раз говорил их^{5*} руководителям последней (включая Таннера и [Р.] Рюти):

^{2*} Фагерхольм К. – министр по социальным вопросам Финляндии, социал-демократ.

^{3*} Ку Веллингтон (Гу Вэйцзюнь).

^{4*} Символическое число войск (англ.).

^{5*} Так в тексте.

– Поймите, что^{5*} два непреложных и неизменных факта – то, что Финляндия граничит с СССР, и то, что в Финляндии 3¹/₂ мил. населения, а в СССР – 170. Исходя из этих двух фактов, вам следует строить свою политику. Мне кажется, что единственно правильной для вас политикой была бы политика дружбы с СССР. Это вполне возможно. СССР не имеет агрессивных намерений в отношении Финляндии. Он готов вести в отношении Финляндии политику дружбы. Но предпосылкой для этого является такая же политика с вашей стороны – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какова была реакция финских «государственных людей» (иначе как в кавычках их этим именем нельзя называть)?

Финские «государственные люди» поощряли «Карельский Академический Союз», который рассылал иностранным дипломатам в Хельсинки карты будущей «Великой Финляндии», на которых Ленинград оказывался финским владением. Полнейший идиотизм!

И вот теперь эти самые «государственные люди» привели Финляндию на край гибели!

Невольно возникает сомнение, да способна ли Финляндия вообще вести вполне самостоятельное и независимое существование? Минувшие четверть века говорят как будто бы об обратном.

В этом, впрочем, нет ничего удивительного: Финляндия 600 лет была частью Швеции, потом немного больше ста лет была частью России и только в последние 25 лет являлась независимой страной. Опыт Финляндии с независимостью оказался неудачным. Если бы это касалось только самих финнов, мы могли бы не ломать себе голову над данной проблемой. К сожалению, СССР кровно заинтересован в том, что происходит в Финляндии. Нынешняя война лучший тому пример. Поэтому мы не можем предоставить всю эту проблему на усмотрение самих финнов. Мы должны принять в её разрешении самую активную роль. В каких формах? Пока ещё трудно сказать. Одно ясно: опасность для наших границ со стороны Финляндии должна раз навсегда быть ликвидирована. И с этой точки зрения упорство Таннера и К^о в своей нелепой политике, может быть, не такая уже плохая вещь для нас. Посмотрим.

7 марта (Бовингдон)

Хорошая неделя на фронте! Правда, в Донецком бассейне временный тупик (и даже, кажется, немцы несколько потеснили нас назад, – говорят, они сконцентрировали там 22 дивизии) и в районе Новороссийска тихо. Но зато крупные события разыгрываются на севере, где ещё держится зима. На прошлой неделе взяты Ржев, Демьянск и Гжатск, и наступление на запад продолжается. Особенно важен Ржев. Это был германский «сверх-ёж», который угрожал Москве и который мы тщетно старались в течение целого года^{*}[...] Теперь Ржев пал. Угроза для Москвы окончательно ликвидирована, и, фигурально выражаясь, ворота в Германию открыты, хотя, конечно, дорога до Германии ещё длинная.

Между 2 и 7 марта Черчилль отправил Сталину 3 телеграммы с сообщениями о бомбёжке Берлина, Гамбурга и других городов (за ночь сбрасывалось по

^{*} Далее – пропуск текста.

700–900 т бомб на город). Сталин ответил Черчиллю двумя телеграммами благодарности и поощрения деятельности английской авиации^{2*}.

9 марта

6 марта Сталину присвоено звание маршала СССР. Очень хорошо. Он полностью заслужил эту высшую воинскую честь – больше, чем кто-либо не только в наши дни, но и во всей многовековой истории нашей страны.

Какое редкое счастье выпало на долю советского народа: на протяжении минувшей четверти века, в самый решающий период нашего и общечеловеческого развития, иметь подряд двух таких вождей, как Ленин и Сталин! Это только лишний раз доказывает, какие непочатые родники таланта и силы кроются в недрах нашего народа. Несомненно, ему суждено играть величайшую роль в будущих судьбах человечества.

11 марта

Сегодня Иден улетел в Америку. Рассчитывает быть в отсутствии 3–4 недели*. Придётся обходиться без него. Это несколько неприятно: у меня с ним установлены хорошие отношения, и он мне много рассказывает. Мы также привыкли понимать друг друга с полуслова. Это облегчает работу. Впрочем, ничего не поделаешь. Надо приспособляться к обстановке.

Вчера я имел с Иденом предотъездный разговор^{2*}. Любопытный разговор.

– Ну, что вы мне пожелаете на прощанье? – спросил меня Иден, когда я уселся против него на стуле.

– Чего я пожелаю? – откликнулся я. – Пожелаю, прежде всего, одного: никак не ангажироваться в США ни по одному вопросу, в котором мы также заинтересованы. Если свяжете себя какими-либо обязательствами в Вашингтоне, окажетесь потом в трудном положении в отношении нас... Как это было, напр[имер], во время Вашей поездки в Москву в декабре 1941 г.

– Можете быть на этот счёт вполне спокойны, – уверенно ответил Иден. – Никаких обязательств в Америке я не дам. У нас с вами союз. Прежде всего, мы должны договориться с Вами, а потом уже можно будет устраивать тройные переговоры. Но прежде, чем договориться с вами, я хочу иметь общее представление о том, что думают американцы по ряду интересующих нас проблем. Такова цель моего визита в США. Не больше³⁴.

Я одобрил линию Идена.

Далее речь перешла на основные европейские проблемы. Отправляясь в Америку, Иден хотел в беседе со мной в общих чертах восстановить наши взгляды на эти проблемы. Я предварил Идена, что ввиду последних разговоров в Москве (между Керром, Сталиным и Молотовым) я могу касаться интересующих его вопросов только в абсолютно частном порядке и высказывать только личное мнение. Иден удовлетворился этим.

^{2*} Обмен посланиями между Черчиллем и Сталиным 2–6 марта 1943 г. см.: Переписка... Т. 1. С. 115–116.

* Визит в Вашингтон состоялся 12–30 марта 1943 г.

^{2*} Далее вычеркнута фраза (неразборчиво).

Первый вопрос относился к Германии. Каково должно быть её будущее после нашей общей победы?

Ответ по существу не вызывал сомнений. Мы вспомнили разговоры в Москве на данную тему (декабрь 1941 г.) и ряд последующих выступлений Сталина и других советских представителей. Вывод, в конечном счете, гласил: Германия после войны должна быть на очень долгий срок ослаблена, так ослаблена, чтобы она даже и думать больше не могла о какой-либо новой агрессии. Средства для этого: разоружение, раздробление (м[ожет] б[ыть], в форме федерации нескольких немецких государств) и различные меры экономического порядка, включая репарации натурой. Иден вполне согласился с данным выводом.

Вторым вопросом была Польша. Каково её будущее? Что с ней делать?

– Не рискую гадать об этом сейчас, – сказал я, – но одно во всяком случае для меня ясно уже теперь: западные Украина и Белоруссия будут частями СССР. О возвращении их под власть Польши не может быть и речи. Впрочем, по существу ведь такова же и точка зрения бритпра: линия Керзона в общем и целом совпадает с нашей границей 1941 г.

– Но вы, кажется, требуете больше линии Керзона, – например, Львов, – осторожно возразил Иден.

– Да, требую Львов, ибо это украинский, а не польский город, – отозвался я. – Однако Львов лишь небольшое отклонение от линии Керзона, а мы принимаем линию Керзона лишь «в общем и целом»... Можно будет договориться.

Иден стал жаловаться на то, что в последнее время наблюдается обострение отношений между польпра и совпра и что мы даже как будто бы обвиняем бритпра в нынешней позиции поляков.

– Могу вас заверить, – продолжал Иден, – что мы, с своей стороны, всячески противодействуем нынешним тенденциям польпра... Но влиять на него не легко.

Я не вполне согласился с Иденом: бритпра допускает публикацию в Англии таких статей в польской прессе, которые только отравляют польско-советские отношения. Почему бритпра это делает? А раз делает, значит, берёт на себя долю ответственности за поведение поляков.

Иден возразил:

– Вы же знаете наше отношение к печати – не только к польской, но и к английской?.. У нас свобода печати. Мы не можем запрещать высказывания мнений.

– Мистер Иден, – возразил я, – мне достаточно хорошо известны ваши порядки. И вот моё заключение: если бы бритпра действительно хотело помешать польской печати делать глупости, оно нашло бы для этого пути и средства. Неужели, в самом деле, вы не можете потребовать от поляков, которые являются вашими гостями, чтобы они вели себя прилично и, по крайней мере, не портили ваших отношений с другими странами? Не поверю.

Иден всё-таки не хотел согласиться. Он рассказывал, что недавно у него были [В.] Сикорский и [Э.] Рачиньский и просили принять меры против «оппозиционной» польской печати. Дело, однако, затрудняется тем, что эта «оппозиционная» печать или, вернее, листки публикуются тайно и поймать её авторов нелегко.

Я рассмеялся:

– Неужели Скотланд-Ярд совсем одряхлел? Вот уже пять недель, как он не может найти виновников покушения на памятник Ленину. А теперь я слышу,

что он не может найти также издателей польских подпольных изданий. Бедный Скотланд-Ярд!

Иден поспешил прекратить разговор на эту тему и стал выражать беспокойство по поводу будущего Польши. Я разделил его беспокойство. Я сказал, что мне действительно неясно, как сложится послевоенное будущее Польши. Наша точка зрения на данный вопрос хорошо известна Идену. Я открыто изложил её в самом начале наших переговоров с поляками о пакте взаимопомощи в 1941 г. Мы стоим за независимую и свободную Польшу, но в её этнографических рамках. Такой Польше мы охотно поможем, с такой Польшей мы сможем поддерживать дружественные отношения. Во внутренние дела Польши мы не собираемся вмешиваться. Пусть устраиваются, как хотят. Как опять-таки известно Идену, мы не прочь включить в состав будущей Польши Восточную Пруссию – с обменом населения. Т.е. опять-таки речь идет о Польше в её этнографических границах.

– Вся беда, – продолжал я, – однако, в том, что лондонское польпра думает совсем о другом... Оно полно империалистических устремлений!.. Это, впрочем, в духе всей польской истории. Поляки никогда не могли создать прочного, систематически растущего государства. Почему?.. Причина ясна. Сущность государственной мудрости состоит в том, чтобы ставить себе в политике цели, совместимые с имеющимися в твоём распоряжении силами и средствами. Поляки никогда не поступали в соответствии с этим принципом. Наоборот, они почти всегда гонялись за синими птицами. По русской пословице: на рубль амбиции, на грош амуниции. Достаточно вспомнить хотя бы их попытку завоевать Россию в 17 [в[еке]. Какая чепуха!.. В результате поляки так и не сумели построить крепкого, жизнеспособного государства.

Иден прервал меня:

– В ваших словах много правильного. Вы помните, как Бисмарк сказал: «Политика есть учение о возможном»?

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Но понимает ли это лондонское польпра? Нет, не понимает. Иначе оно не вело бы такой нелепой линии. Ведь совершенно очевидно, что в результате войны СССР станет решающей силой в восточной Европе, – какой же смысл польпра ссориться с СССР? Тем более что есть полная возможность не ссориться. Не лучше ли было бы и для него и для будущего Польши как раз сейчас приложить усилия к тому, чтобы наладить с СССР дружбу и взаимопонимание? Такова должна была бы быть государственно разумная политика польпра. А что оно делает? Как раз обратное. Скажу откровенно: если будущее польпра было бы похоже на лондонское польпра, мне трудно представить добрые отношения между СССР и Польшей. Не поймите меня ложно: даже и в этом случае мы будем за независимую Польшу, но только наши отношения с ней будут далеки от идеала.

– А какого правительства вы хотели бы в будущей Польше? – прервал меня Иден.

– А какого правительства желали бы вы? – ответил я вопросом на вопрос. – Каких вообще правительств вы хотели бы в странах, освобождённых от германской оккупации, – в Бельгии, Голландии, ЧС, Югославии, Франции и др.?

Иден подумал мгновение и ответил:

– Каких правительств?.. По возможности не диктаторских. Правительство, опирающихся на выборные представительства, базирующихся на возможно бо-

лее широкой общественной основе... Конечно, в разных странах эти правительства были бы разной политической окраски.

– Надо ли понять вас так, что вы хотели бы видеть в освобожденных странах правительства народного фронта? – уточнил я. – Речь, конечно, не в названии (термин «народный фронт» связан с определенными воспоминаниями и концепциями), а в существе дела.

Иден ещё раз задумался и затем ответил:

– Пожалуй!.. Или лучше, я сказал бы, правительства национального фронта.

– Повторяю, дело не в названии, – заметил я, – вы хотели бы правительств национального фронта на возможно более широкой общественной основе... Что ж, с этим я готов согласиться. Так вот, если бы в будущей Польше оказалось правительство народного или, если хотите, широкого национального фронта, я уверен, что мы сумели бы наладить с ним подлинно дружеские отношения. Но будет ли оно?.. Поживем – увидим. Во всяком случае Сикорский и К° делают всё возможное, чтобы затруднить его появление.

– Вы что-то уже очень скептически относитесь к лондонскому польпра, – возразил Иден.

– Увы! Опыт последних 20 месяцев настраивает меня так скептически.

От Польши мы перешли к Прибалтике.

– Когда будете разговаривать с американцами, – сказал я, – дайте им понять, что пора бросить всякие monkey tricks^{3*} с балтийским вопросом. Судьба Прибалтики решена для нас раз и навсегда. Данный вопрос для нас просто не дискуссионен. Если американцы будут всё-таки ставить его, не получится ничего, кроме bad blood^{4*} между США и СССР. Кому это нужно? Ведь при всяких условиях Прибалтика останется в составе СССР.

Иден ответил, что лично для него вопрос о Прибалтике решен. Настроения американцев по этому вопросу он прощупает во время своего визита. Далее Иден спросил:

– А как насчет Финляндии?

Я ответил, что наша точка зрения по вопросу о Финляндии Идену хорошо известна из нашей переписки и наших переговоров. Мы хотим восстановления условий финско-советского мира 1940 г. плюс Петсамо плюс пакт взаимопомощи. На меньшее мы не можем пойти. Опасность со стороны Финляндии для нашего государства должна быть раз навсегда ликвидирована. Это наш долг перед будущими поколениями.

Иден не возражал, но и не поддерживал. Мне показалось, что настроение Идена сводилось примерно к следующему: «пожалуйста, но как бы не вышло осложнений с американцами!»

Я прибавил:

– И, если американцы будут ставить перед вами вопрос о сепаратном мире между СССР и Финляндией, имейте в виду, что, насколько мне известны московские настроения, дорого платить за такой мир мы не станем.

^{3*} Шалости, проказы (англ.).

^{4*} Враждебность (англ.).

– Я это знаю, – ответил Иден. – Да и почему вы должны дорого платить? Я не вижу к тому оснований.

Иден поинтересовался нашим отношением к Балканам. Я ответил, что Иде-ну точно так же известна наша точка зрения на будущее Румынии: мы хотим иметь с ней пакт взаимопомощи и право пользоваться базами на её территории. Конечно, в базах должны быть наши гарнизоны.

Иден не возражал и лишь ограничился вопросом:

– Но вы не собираетесь полностью оккупировать Румынию?

Я ответил, что, конечно, мы этого не собираемся делать. Однако мы твердо решили обезопасить СССР и с юго-запада.

Что касается прочих балканских стран, то Иден мечтает об их федерации, главным образом под углом зрения экономическим. Того же он хотел бы и для Дунайских стран. Наоборот, к скандинавской федерации он относится холодно. Он спрашивал, что мы думаем по этому поводу?

Я ответил, что, насколько мне известно, никаких решений совпра по вопросу о федерациях нет. Однако общее настроение наших политических кругов в отношении федераций очень настороженное. Причина понятна. Вопрос о федерациях не абстрактный вопрос. Надо точно знать, о каких федерациях идёт речь? Будет ли та или иная федерация дружественна или, наоборот, враждебна СССР? Это для нас решающий момент. Поэтому сейчас трудно сказать что-либо определенное о том, каково наше отношение к проектам Балканской федерации^{5*}. Все будет зависеть от обстоятельств. Одно только могу сказать^{5*}: мы стали бы возражать против вступления Румынии в такую федерацию.

Иден согласился, что к вопросу о федерациях надо подходить конкретно и что никто, конечно, не ожидает от нас поощрения федераций, которые могли бы быть заострены против нас. Но ведь все-таки перед Европой после войны станет вопрос, как установить мир, например, на Балканах? Иден не видит иного способа, как только с помощью федерации. Самое лучшее было бы, если бы Балканская Федерация могла бы существовать под «протекторатом» (если не де-юре, то де-факто) Англии и СССР.

Я ответил, что понимаю мотивы Идена, но всё-таки не могу ничего добавить к тому, что уже раньше сказал по вопросу о федерациях вообще и о Балканской федерации в частности.

– А как вы относитесь к проектам польско-чешской конфедерации? – спросил Иден.

– Если говорить откровенно, – ответил я, – то с еще большей настороженностью, чем ко всем другим федерациям. Причина проста: мы совершенно не знаем, что будет представлять из себя будущая Польша. А если судить по польпра в Лондоне, то трудно ожидать возникновения после войны дружественной СССР Польши.

Иден был, видимо, разочарован, но воздержался от каких-либо замечаний.

Продолжая о федерациях, я заметил, что все эти комбинации малых держав кажутся мне мало жизнеспособными. Обычно необходимость их обосновывают тем, что они будут повышать степень безопасности в Европе. Я в это не верю. Во-первых, реальная сила таких федераций будет настолько слаба (особенно с учётом неизбежных внутри них застарелых противоречий, как, напр[имер],

^{5*} Далее вычеркнуто – «уже сейчас».

на Балканах), что не сможет представить серьёзного препятствия для агрессии со стороны какой-либо великой державы. Скорее такая федерация легко может стать ареной всяких интриг со стороны великих держав, думающих о завоеваниях. Во-вторых, сохранение и поддержание мира в послевоенной Европе мыслимо лишь в порядке общеевропейской организации (политической и военной) во главе с СССР и Англией. Ничто другое мира не может спасти. Я не знаю, удастся ли создать такую общеевропейскую организацию, но, во всяком случае, это единственный реальный путь. Игра же в локальные федерации малых держав будет только отвлекать внимание от преследования главной и основной задачи. Если же общеевропейская организация будет создана, то каждая малая держава найдёт в её структуре своё надлежащее место.

Мои соображения произвели на Идена заметное впечатление. Он несколько раз одобрительно кивал головой во время моего изложения, а в конце прибавил:

– Я вполне согласен, что мир может быть обеспечен только с помощью общеевропейской организации, в которой наши обе страны будут играть роль двух основных колонн. Возможно, что тогда и вопрос о федерациях малых стран отпадёт или, во всяком случае, будет стоять иначе, чем сейчас. Посмотрим.

– В заключение, – сказал я, – позвольте вас попросить дать понять американцам, что самый худший способ улучшать отношения между США и СССР – это свысока похлопывать нас по плечу. Последняя речь Henry Wallace^{6*} сильно грешит таким духом, хотя, возможно, намерения у него были самые лучшие³⁶.

Я процитировал при этом некоторые места из речи Уоллеса, смысл которых можно было понять так:

– Мы, американцы, добрые и великодушные люди. Мы хотим вам, русским, всего хорошего. Но помните: это зависит от вас. Если будете вести себя хорошо, облагодетельствуем вас. Если будете вести себя плохо, мировая война № 3 станет неизбежной.

Иден ответил:

– Мне речь Уоллеса тоже не понравилась или, вернее, не вполне удовлетворила. Во-первых, он несправедлив к Англии. Верно, что прошлые британские правительства несут большую ответственность за нынешнюю войну, но что сказать о США? Разве они не несут также огромной ответственности начиная с 1920 г.?.. Во-вторых, рассуждения Уоллеса о России малоудачны. Они едва ли способны укрепить отношения между нашими тремя странами. Впрочем, посмотрим. Вот поеду в Америку, увижу сам, что там делается.

– Среди американцев, – продолжал я, – есть школа мысли (я не хочу сказать, что Уоллес к ней принадлежит, но кое-что от её духа, может быть, и ему не чуждо), которая заявляет, что XX столетие будет «американским столетием»³⁷. Такие лозунги я считаю вообще ошибочными. Но уж если говорить подобными лозунгами, то, думаю, с гораздо большим правом можно было бы сказать, что XX столетие будет «русским столетием».

– Почему вы так думаете? – заинтересованно спросил Иден.

– А вот почему, – ответил я, – если вы попытаете представить себе общие, большие линии исторических процессов, то что сейчас происходит в мире? Совершенно очевидно, что происходит смена эпохи капиталистической цивилиза-

^{6*} Далее – Уоллес Генри Агард – вице-президент США.

ции эпохой социалистической цивилизации. Это началось с 1917 г. Я не знаю, сколько времени займёт данный процесс, но основная линия его не может вызывать никакого сомнения. В самом деле, каков будет мир, скажем, в XXI столетии? Конечно, мир тогда будет социалистическим. Стало быть, XX век, судя по всему, явится веком переходным от капитализма к социализму. Отсюда ясно, что СССР, глядя с широко исторической точки зрения, представляет собой восходящее солнце, а США – заходящее солнце, что, впрочем, не исключает ещё сравнительно длительной возможности существования США, как могущественной капиталистической страны. Не ясно ли в таком случае, что XX столетие можно назвать «русским» с гораздо большим правом, чем «американским»?

Иден усмехнулся и сказал:

– В ваших рассуждениях есть много интересного и, пожалуй, правильного... Но, если США – заходящее солнце, то что же из себя представляем мы, Англия?

– Вы? – ответил я. – Вы, как всегда, стараетесь найти средний компромиссный путь между двумя крайностями. Найдете ли? Не знаю. Это ваше дело. Пока история с докладом Бевериджа^{7*} не показывает, что вы по-настоящему признаете сущности тех больших исторических переломов, которыми чревата наша эпоха.

Не знаю, понял ли меня Иден, убедил ли я его в правильности моих соображений, но несомненно было одно: мои мысли Идена очень заинтересовали и дали пищу для его собственных размышлений.

Прощаясь, Иден сказал:

– Я очень благодарен вам за эту беседу. Она мне сильно поможет при переговорах в Америке и вообще...

– Желаю вам успеха! – реагировал я.

Посмотрим, что выйдет. У Идена несомненно много добрых намерений, и в его искренности по части англо-советского альянса я не имею оснований сомневаться. Но он не очень сильный и крепкий человек, и я несколько опасаясь, как бы американская обстановка не оказала на него^{8*} отрицательного влияния. Именно поэтому мне казалось полезным чуточку укрепить «хребет» Идена накануне его отъезда. По существу ничего нового я ему не сказал. По кусочкам мне уже не раз в прошлом приходилось излагать ему те же самые мысли по тому или другому вопросу. Однако повторение старого (а особенно в более цельной и законченной форме) иногда может быть полезно. Все зависит от момента. Сейчас как будто бы подходящий момент.

14 марта (Бовингдон)

Ситуация на фронте за минувшую неделю ухудшилась.

С одной стороны, мы имеем дальнейшие успехи в центре: занята Вязьма, и наше движение на запад продолжается. Немцы на протяжении последних недель потеряли три таких важных «ежа», как Ржев, Гжатск и Вязьма. Дорога на Смоленск становится всё шире.

^{7*} См. примеч. 23.

^{8*} Далее вычеркнуто – «известного».

Но, с другой стороны, на юге немцы имели ряд крупных успехов: они не только приостановили наше движение вперёд, к Днепру, но даже значительно потеснили нас в Донбассе и в районе Харькова. Мы эвакуировали Павлоград, Красноград, Красноармейск, Краматорск, Барвенково и ряд др[угих] центров. Немцы вышли опять к Дону, но переправиться через Донец им не удаётся. Далее немцы прорвались к Харькову, и бои сейчас идут под Харьковом и, если верить немцам, даже в самом Харькове.

Возможно, что, если сопоставить наши выигрыши и проигрыши минувших двух недель, получится равновесие. Но всё-таки неудачи на юге являются большим разочарованием. Они вытекают из того, что немцам удалось сконцентрировать здесь крупный кулак в 25 дивизий (в том числе 12 механизированных), подвезенных из Западной Европы (12 дивизий), из Германии и с других участков фронта. У нас же, видимо, несколько увлеклись сравнительной легкостью побед, пошли вперёд после Харькова с небольшими силами и проглядели немецкую концентрацию. В конечном счёте крупная неудача.

Ничего не поделаешь: война учит. И нынешняя неудача, несомненно, послужит нам на пользу. Но пока неприятно. И ещё: злость разбирает на англичан и американцев. Если бы был второй фронт, всё положение было бы иное.

Содержание послания Сталина Черчиллю (15.3.43.)*

12.3. Амбасадор Стэндей^{2*} передал Молотову от имени ампра предложение последнего выступить посредником для заключения сепаратного мира между СССР и Финляндией^{3*}. На вопрос Молотова, хочет ли Финляндия мира, Стэндли ничего не мог сказать. Т[ак] к[ак] по нашему договору [26 мая] 1942 мы не можем вести переговоров или заключать договоров с Германией и её союзниками без согласия партнёра, – это я считаю основным и неизменным принципом, – то, прежде всего, считаю нужным уведомить Вас об американском демарше. Я не верю, чтобы нынешнее финское правительство, нарушившее прежний мирный договор с СССР, хотело и могло порвать с Гитлером.

Содержание послания Сталина Черчиллю (15.3.43.)*

Получил Ваш ответ на моё послание от 16. 2^{2*}.

Из него явствует, что а/а операции в САфрике не только не ускорятся, а, напротив, замедляются – до конца апреля. Стало быть, тяжесть, падающая на советские силы в феврале–марте, не только не уменьшится, а увеличится. Германия перебросила 36 дивизий (в т[ом] ч[исле] 6 танковых) с запада на восток.

«Эскимос»^{3*} ни в коей мере не может заменить второй фронт – тем не менее я его приветствую и настаиваю на всяческом ускорении.

Сейчас, как и раньше, я усматриваю главную задачу в ускорении второго фронта во Франции. Вы признавали возможность его в 1942 [г.] и твёрдо обещали на весну 1943[-го]. Естественно, я подчеркивал в моих предыдущих посланиях необходимость удара с запада весной или ранним летом этого года.

Совармии вели напряжённую борьбу всю зиму. Гитлер напрягает все силы для пополнения и увеличения своих армий для весенне-летнего наступления в СССР. В такой обстановке удар с запада не должен быть отложен, он должен быть нанесен весной или ранним летом.

* Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 122–123.

^{2*} Далее – Стэндли Уильям Харрисон – американский посол в СССР.

^{3*} См.: FRUS. 1943. Wash., 1963. Vol. III. P. 249.

* Текст послания см.: Переписка... Т. 1. № 129. С. 124–125.

^{2*} Текст послания см.: Там же. № 114. С. 111–112.

^{3*} Имеется в виду «Эскимос» – условное обозначение операции по высадке союзных войск в Сицилии.

Я ознакомился с трудностями а/а операций в Европе, на кот[орые] Вы указываете в п.п. 8–10, я признаю их, но, тем не менее, считаю своим долгом со всей решительностью предупредить Вас о том, как опасно было бы для нашего общего дела дальнейшее откладывание второго фронта. Вот почему неясность ваших заявлений по вопросу о предполагаемой а/а offensive через пролив^{4*} вызывает у меня величайшее беспокойство, о котором я не считаю возможным молчать.

Содержание послания Сталина Черчиллю (15.3.43.)⁵

Получил ваше сообщение о бомбардировках Эссена, Штутгарта, Мюнхена и Нюрнберга^{2*}. От всей души приветствую суровые удары британской авиации против германских промышленных центров.

Учтём Ваше желание считать пп. 8–10 вашего послания^{3*} 11. 3. военным сообщением.

Благодарю за поздравления по поводу взятия Вязьмы. К сожалению, сегодня мы потеряли Харьков.

Как только получу ваш фильм о 8[-й] армии, о кот[орой] упоминается в вашем спецсообщении от 11. 3., сам посмотрю и приму меры к широкому показу его нашей армии и населению. Вполне сознаю, как это важно для нашей боевой дружбы. Позвольте мне прислать Вам совфильм «Сталинград».

16 марта

Сегодня я вручил Черчиллю послание Сталина по поводу американского предложения посредничества между СССР и Финляндией⁶.

Реакция Черчилля была быстра и непосредственна:

– Это целиком ваше собственное дело, – воскликнул он. – Финляндия не нападала ни на нас, ни на американцев. Она напала на вас. Вам и решать, когда и как заключать с ней мир. Я не хочу в этом вопросе оказывать на вас какого-либо давления – даже самого косвенного. Учтите только одно: американцы очень обидчивы. Вам следует быть с ними осторожными.

Черчилль относится скептически к возможности заключить сейчас сепаратный мир с Финляндией: Финляндия пока для этого ещё не «созрела». Финнам трудно вырваться из немецких лап.

– Во всяком случае, – закончил Черчилль, – я не вижу, почему вы должны платить высокую цену за мир с Финляндией. Военная ситуация такова, что не Вы должны ухаживать за Финляндией, а она за Вами. Если Финляндия хочет мира, пусть сама обращается к Вам^{2*}.

В связи с Финляндией Черчилль вспомнил о Прибалтике. Лукаво сверкнув глазом, он бросил:

– Вот ваши войска займут Прибалтику, и весь вопрос будет разрешен.

Черчилль хотел бы дать нам только один совет, чтобы «помазать по сердцу» американцев: разрешить нежелающим оставаться в СССР прибалтийцам выселиться с[о] своим имуществом за границу.

Я в ответ покачал головой и заметил, что вопрос о Прибалтике для нас решён раз и навсегда. Про себя же подумал:

– Этот совет на всякий случай надо будет запомнить. Может быть, и пригодится в будущем.

^{4*} Ла-Манш.

⁵ Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 122–123.

^{2*} Текст послания см.: Там же. С. 122.

^{3*} Текст послания см.: Там же. С. 117–120.

^{*} Текст послания см.: Там же. С. 123–124.

^{2*} См.: Послание Черчилля Сталину 16 марта 1943 г. (Там же. С. 125–126).

Затем речь зашла о Тунисе. Черчилль меня огорошил сообщением, что англо-американцам, видимо, потребуется еще 60–70 дней для завершения операций. История, стало быть, затянется до середины мая! Отвратительно!

Черчилль, однако, поспешил утешить меня, что Сицилийская операция передвинута на месяц вперед и состоится в июне. Что касается операции через Ла-Манш, то всё остаётся по-старому, т.е. не раньше августа. Вину за это Черчилль сваливает на американцев: не шлют своих дивизий в Европу. А когда спрашиваешь, почему, – ответ один: shipping^{3*}. Тут уже начинается чёрная магия. Кстати, Черчилль сообщил, что первая половина марта была очень неудачна для союзников на море: потеряно 300 тысяч тонн против 250 за весь февраль и 300 тыс[яч] за весь январь. Я не соглашался с Черчиллем. Мы долго спорили. Черчилль, однако, остался при своём. Плохо.

Потом Черчилль стал жаловаться на наше нежелание принять 750 лётчиков в Мурманске.

– Что они могут вам сделать? – недоумевал Черчилль. – А нам они нужны для охраны конвоев. Без них мы встретимся с исключительными трудностями, тем более что имеются сведения о концентрации «Тирпица», «Шарнхорста», «Лютцова»^{4*} и др[угих] в Нарвике.

Я ответил, что 750 англичан нам, конечно, ничего не сделают, но что Мурманск сожжён немецкими бомбардировками, и разместить лётчиков просто негде.

20 или 21 февр[аля] 43 г. (точно)*

During the week end of official celebrations of the Red Army Anniversary Lyttelton^{2*} was the war Cabinet representative in Tyneside. Lord Ridley, the Deputy Chief Commissioner, gave a dinner in his honour. In the course of conversation at the dinner, Lyttelton said that before the war we suffered from too much appeasement of Hitler: now we look like doing too much appeasement of Stalin.

Towards the end of the dinner Lyttelton said that it was absurd and ridiculous to send men like him all the way up to Tyneside to celebrate the activities of the men who murdered the Russian Imperial family.

The above is vouched for by a sympathizer who was present at the dinner³⁸.

Содержание послания Черчилля Сталину (21.3.43.)*

Благодарю за телеграмму от 15.3. по поводу американского предложения по вопросу о Финляндии.

Вам виднее, какую ценность с военной точки зрения представляло бы заключение сепаратного мира с Ф[инляндией]. Мне кажется, что это освободило бы больше советских дивизий, чем германских, а также могло бы иметь хороший эффект на др[угих] сателлитов Гитлера.

Исключение наиболее завязтых герmanoфилов из нового финского пра является как будто бы уступкой общественному мнению. Однако моя информация (не очень полная) создает впечатление, что Ф[инляндия] ещё не созрела для выхода из войны. Впрочем, события на вашем фронте решат этот вопрос в течение ближайших месяцев.

Вообще говоря, я склонен думать, что финны будут готовы заключить мир, когда придут к убеждению, что немцы должны быть разбиты. Поэтому, может быть, не преждевременно просить США выяснить, никак вас не ангажируя, на каких условиях финны были бы готовы пойти на мир. Вам ближе всего решать вопрос о наилучшей тактике.

^{3*} Суда (для доставки грузов), торговый флот.

^{4*} Немецкие военные корабли.

* Надпись рукой автора.

^{2*} Литглтон Оливер – министр военного производства.

* Правильная дата послания – 20 марта 1943 года. См.: Переписка... Т. 1. № 130. С. 125–126.

22/3/43. Прютц у меня*

Только что вернулся из Стокг[ольма], (выдал дочку замуж).

Привез письмо от Кол[лонтай]. Говорил с ней по тел[ефону]. Её полож[ение] лучше, много пишет (письма на разн[ых] яз[ыках]), имеет с собой в санат[ории] секретаря. Перспективы? Возможен[ен] нов[ый] удар.

Финско-сов[етские] отн[ошения]. Доминир[уют] в Швеции сейчас. (Мой вопрос: действ[ительно] ли финны хотят мира?) Настр[оение] финнов (Пр[ютц] бесед[овал] с финским посл[анником] в Стокгольме Ваазеншерна): мира хотят, но не знают, как его получить? Боятся обрат[иться] к совпра = разрыв с Г[ерманией] (последств[ия], продов[ольствие]). Значит, отдаться на милость СССР. Что выйдет? Хотели бы знать н[аши] условия. Обр[ащались] к шведам – «не знаем». Обр[ащались] к США – «не знаем». Поездка ам[ериканского] посл[анника] в Ф[инляндии] Шенефельда в США в декабре связана с этим. Поэтому финны выжидают. В победу Г[ермании] больше не верят, но не потеряли надежды на «компр[омиссный] мир» – при этом к[ак]-н[ибудь] «выскочат». Ставят ставку на раскол среди союзников. – По мнению Прютца – «финны еще не ripe»^{2*} для мира, нужна еще одна смена финпра (ожидает ее скоро). Особ[енно] вреден [В.А.] Таннер. – Пр[ютц] прошупывал у меня н[аши] условия. Уклонился от обсужд[ения]. Лишь сказал: вопрос о Ф[инляндии] для нас вопрос безопасности Ленингр[ада] и с[еверо]-з[ападных] границ. Чем друж[елюбнее] будет Ф[инляндия] к нам, тем меньше мы можем треб[овать] от нее физич[еских] гарантий (территории, базы и прочее). Vice versa^{3*} Ф[инляндия] никогда не должна забывать двух неизм[енных] фактов: 1) они наши соседи, 2) нас 193 мил., их 3½. На этой базе они должны строить свою политику. Я говорил в указ[анном] духе не раз с Таннером, Рюти и др[угими], когда полпредствовал в Финляндии, – но что получилось? Прютц вполне согласился с моей аргументацией, но спросил, не стоило ли бы совпра сделать к[акое]-л[ибо] заявление о своем отношении к Ф[инляндии]? Я ответил: за мир с Ф[инляндией] мы дорого платить не станем.

Др[угие] вопросы: 1) страх пред Г[ерманским] вторжен[ием] в Швецию исчез, возможна близкая ликвид[ация] «льгот», кот[орые] Швеция ока[зывает] Германии (пропуск войск и пр.). Никто не верит в победу Г[ермании], но не вполне уверены в реш[ительной] победе союзник[ов] – из-за поведения А[нглии] и США. Допускают «компромисс», или «малокровную» победу союзников. Есть небольшая группа (около двора), опасаясь победы СССР, но не массы.

2) Внутр[еннее] полож[ение] в Г[ермании] еще устойчиво. Признаков crack^{4*} нет. Трудности с нефтью. Нын[ешняя] мобилиз[ация] даст плохой матер[иал] для армии. Г[ермания] (вероятно) перейдет на «оборону», «стабилиз[ируется]» на востоке и будет пытаться «разлагать» коалицию.

4) Шведы дали бритпра согласие на уход из Гётеб[орга] 2 норв[ежских] судов – немцы в виде репрессии запретили пропуск шв[едских] судов из США. Шв[едия] лишена подвоза из-за океана.

* Вся запись – рукой Майского.

^{2*} Созреть (англ.).

^{3*} Наоборот (лат.).

^{4*} Крушение (англ.).

Кадоган! 25/3/43*

О поездке Ид[ена].

Сообщает И[ден] мало. Подр[обный] отчет по возвращении. К[адоган] читает отрывки из^{2*}

Обеды – с Рузв[ельтом], Гопк[инсом] – общий обмен мнений. Compare notes^{3*}.

Встречи – более официальные – с Hull, Sumner Welles, Knox, Wallace^{4*} и др. Compare notes. Споры.

Пока – in flux^{5*} – возможно что-либо более оформл[енное] к концу. Мысль Рузвельта.

Отд[ельные] вопросы:

1) Shipping^{6*} – комиссия под предс[едательством] Г[опкинса] – результат еще неясен.

2) Германия – Рузв[ельт] за раздробл[ение] (Sumner Welles особ[енно] empathic^{7*}!), полное разоруж[ение], длит[ельную] оккупацию.

3) Польша – должна принять, о чем договорится «большая тройка». О Прибалтах – ничего.

4) Крупное оружие только у «больш[ой] тройки», у прочих – винтовки (мысль Рузв[ельта]). Иден указ[ал] на трудность проведения так[ого] плана.

5) Разговоры о Балк[анах], ЮС, Жиро, де Голле и пр. Пока никаких выводов.

6) Свидание со Ст[алиным] – в июле.

29 марта

Был у Черчилля. По поручению Москвы сообщил ему о нашем ответе американцам по вопросу о Финляндии*.

Молотов дал понять Стэндли, что плохо верит в возможность заключения с Финляндией сепаратного мира сейчас на приемлемых для нас условиях, однако ввиду интереса, проявленного к этому вопросу со стороны ампра, он готов формулировать для информации последнего наши минимальные условия такого мира. Вот они:

1) Немедленный разрыв Финляндии с немцами и вывод германских войск с территории Финляндии.

2) Восстановление советско-финского мирного договора 1940 г. в полном объёме со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3) Демобилизация финской армии и перевод её на мирное положение.

4) Возмещение (по крайней мере, в половинном размере) ущерба, нанесенного СССР нападением Финляндии на СССР.

Сообщая всё это, Молотов заметил, что с учётом факта нарушения мирного договора 1940 г. Финляндией и атаки её против СССР мы в сущности были бы

* Запись Майским беседы с А. Кадоганом. В изданном Д. Дилксом дневнике А. Кадогана эта беседа не отмечена.

^{2*} Далее текст отсутствует.

^{3*} Сравните записки (англ.).

^{4*} Хэлл, Самнер Уэллес, Нокс, Уоллес.

^{5*} В постоянном изменении (англ.).

^{6*} Судоходство (англ.).

^{7*} Настойчив (англ.).

* О содержании советского ответа см. запись беседы В.М. Молотова с послом США в Москве У. Стэндли 27 марта 1943 г. (Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. М., 1984. Т. 1. 1941–1943. № 180. С. 298–299).

вправе требовать от неё большего, например полного разоружения или возмещения ущерба в размере 100%. Однако СССР не желает мстить Финляндии и поэтому готов удовольствоваться^{2*} вышеприведенным.

Черчилль выслушал меня с интересом, но без большого чувства. Он прямо сказал (ещё раз), что пока мало рассчитывает на возможность мира с Финляндией в данный момент: Финляндия для этого ещё «не созрела».

Что касается наших условий, то первые три пункта не вызвали со стороны Черчилля никаких возражений. Наоборот, мне показалось, что он был даже несколько удивлен скромностью наших территориальных требований. Зато пункт 4 Черчиллю сразу не понравился. Он стал говорить о том, что Финляндия – нищая страна и ничего уплатить не может, что опыт с репарациями в прошлую войну был неудачен, что вообще на данной стадии войны нецелесообразно подымать подобный вопрос...

Я возразил, что не понимаю позиции Черчилля. Неужели он считает, что агрессор не должен платить за производимые им разрушения? Мы считаем, что должен. Это вопрос принципа. На нём мы стоим и будем стоять. Далее, почему Черчилль считает, что Финляндия ничем не сможет нам уплатить за произведенные ею разрушения? Речь идёт, конечно, не о финских марках, а об уплате натурой – лесом, бумагой и пр. К тому же мы требуем с неё не всё, а только половину. Как будто бы великодушно и реалистично.

– Ну, если натурой, – реагировал Черчилль, – то это лучше.

Но всё-таки видно было, что с пунктом 4 Черчилль вполне не примирился.

– Германия – другое дело, – продолжал Черчилль. – Когда дело дойдёт до расчета, я буду всецело за то, чтобы вы вывезли из Германии фабрики и заводы для восстановления разрушенной немцами вашей промышленности. Но Финляндия... Финляндия иное дело.

Когда вопрос о Финляндии был исчерпан, я спросил Черчилля, чем объясняется задержка с отправкой очередного мартовского конвоя? Вот уже пять дней, как суда погружены, но движения вперед никакого.

Черчилль внезапно насупил и помрачнел.

– С конвоем вышли некоторые осложнения, – ответил премьер.

– Надеюсь, ничего серьёзного? – спросил я, внутренне предчувствуя что-то недоброе.

– Сегодня я ничего вам не скажу, – угрюмо отозвался Черчилль. – Завтра я вам сообщу об окончательном решении. Я должен^{3*} получить ответ от Рузвельта.

Я ещё раз попытался узнать, в чём дело, но Черчилль оставался непреклонен.

Придётся подождать до завтра. Но всё это мне очень не нравится. Боюсь, с конвоями выйдет неладно.

Содержание послания Сталина Черчиллю (29.3.43.)*

Получил ваше послание от 28.3.

Поздравляю британскую армию с новым успешным налётом на Берлин. Надеюсь, что английские танковые силы до конца используют благоприятный оборот событий в Тунисе и не дадут отдыха врагу.

^{2*} Далее зачеркнуто – «только».

^{3*} Далее вычеркнуто – «ещё».

* Текст послания см.: Переписка... Т. 1. № 135. С. 129.

Вчера вместе с моими коллегами смотрел фильм «Победа в пустыне», присланный Вами мне. Он производит очень сильное впечатление. Фильм великолепно показывает, как Англия воюет, и разоблачает тех негодяев^{2*} (scoundrels) – такие люди имеются и в нашей стране, – которые утверждают, что Англия вообще не воюет, а является почти наблюдателем. С нетерпением буду ждать аналогичного фильма о вашей победе в Тунисе.

«Победа в пустыне» будет широко показана на фронте и среди широких масс нашего населения.

30 марта

Мои опасения – увы! – оправдались и даже в худшей форме, чем я ожидал.

Сегодня вечером [А.] Кадоган пригласил меня в ФО и вручил копию послания Черчилля т[ов]. Сталину, которое было отправлено в Москву сегодня утром^{*}. Послание уведомляет, что ввиду концентрации крупных надводных сил в Нарвике («Тирпиц», «Шарнхорст», «Лютцов» и др.) бритпра не считает возможным отправить очередной конвой на север, что с мая месяца в связи с предстоящими военными операциями в Средиземном море оно вообще не в состоянии посылать конвои в Архангельск и Мурманск и что о возобновлении конвоев речь может идти лишь в сентябре, да и то при условии, что это позволят тогдашняя диспозиция германских морских сил и состояние морской войны в Атлантике. В виде утешения послание обещает усиление подвоза в СССР через Владивосток и Персидский залив, утверждая, что в августе пропускная способность иранской линии будто бы подымется до 240 тыс. тонн в месяц. Всё это, конечно, одобreno^{2*} хорошими словами и горестными восклицаниями, но что в них толку? Суть состоит в том, что минимум на полгода мы лишаемся подвоза оружия и сырья из Англии и США! Ибо Владивосток и Иран не смогут нас компенсировать за потерю северных конвоев.

Очень плохо. Это будет тяжелым ударом для наших в Москве. Да ещё в такой острый момент, накануне весеннего наступления немцев.

31 марта

Сегодня я опять был у Черчилля.

Во-первых, я должен был передать ему пришедшее вчера послание от Сталина^{*}. Во-вторых, я считал необходимым серьёзно поговорить о положении с конвоями.

Черчилль встретил меня хмуро и насупленно. Он, видимо, думал, что я принес ответ Сталина на его вчерашнее послание о конвоях^{2*}, и не ждал ничего приятного. Я передал Черчиллю конверт. Он медленно вынул из него листочек бумаги, медленно надел на нос очки и медленно стал читать. Вдруг лицо премьера просветлело. Ещё бы! Сталин поздравлял Черчилля с успехами в Тунисе и выражал надежду, что британские механизированные войска будут энергично преследовать отступающего противника, не давая ему роздыха.

Черчилль вскочил со стула, обошёл длинный стол заседаний кабинета и подошёл к висевшей на стене карте. Здесь он с горячностью и экспрессией стал

^{2*} В опубликованном тексте – «подлецов».

^{*} См.: Переписка... Т. I. С. 129–131.

^{2*} Далее вычеркнуто – «всякими».

^{*} См.: Переписка... Т. I. С. 129.

^{2*} См.: Там же. С. 129–131.

объяснять мне свой стратегический план: недели через две немцы и итальянцы будут стиснуты в северо-восточном углу Туниса в радиусе 50 миль от Бизерты, заброшены бомбами с воздуха и отрезаны с моря британским флотом.

– Мало изгнать врага из Туниса, – восклицал Черчилль. – Надо уничтожить его! Это должен быть наш Сталинград!

Я слушал и думал про себя:

– Посмотрим. Сколько раз уже вот такие же экспансивные заявления Черчилля оказывались опрокинутыми действительностью!

Затем Черчилль вернулся на своё место и стал дочитывать послание. Сталин сообщал в нём о том, что накануне видел присланный ему Черчиллем фильм «Desert victory»^{3*}. Фильм Сталину очень понравился. Больше того. Сталин писал, что фильм прекрасно рисует, как Англия воюет, и вместе с тем хорошо разоблачает тех «подлецов (они имеются также и в нашей стране), которые утверждают, что Англия совсем не воюет, а стоит в стороне от войны». В заключение Сталин сообщал, что «Desert victory» будет широко показана Красной Армии на фронте и массам населения в тылу.

Я внимательно следил за выражением лица Черчилля. Когда он дошёл до фразы о «подлецах», с ним произошло что-то странное. По лицу премьера прошла^{4*} быстрая судорога, он на мгновение закрыл глаза, и, когда вновь их открыл, в глазах у него стояли слезы. Черчилль был слишком взволнован и не мог усидеть на месте. Премьер опять вскочил со стула, отошёл к камину и с чувством воскликнул:

– Горячее спасибо Сталину!.. Вы мне ещё никогда не приносили такого замечательного послания.

Было ли всё это искренно? Или было ли это игрой? Мне кажется, что в поведении Черчилля было и то, и другое. Несомненно фраза о «подлецах» должна была глубоко тронуть премьера. В ней он должен был усмотреть столь желанное признание его боевых усилий за эти три года. Из уст кого?.. Из уст Сталина! Это могло и должно было глубоко взволновать Черчилля и вызвать на его глазах слезы. Темперамент у премьера эмоционально-художественный. Внезапные порывы чувства нередко налетают на него, как на поэта вдохновение. В такие моменты Черчилль несколько теряет себя и способен надавать таких обещаний, которых потом в обстановке более нормальных трезвых настроений он не исполнит. Но вместе с тем Черчилль – актёр. Недаром в годы оппозиции он разучивал свои парламентские речи дома перед зеркалом. Вот почему Черчилль в определенные моменты, как хороший актер, даёт волю своему эмоциональному темпераменту и не мешает искренним слезам орошать его глаза.

Овладев собой, Черчилль высоко отозвался о «Сталинграде», который по поручению т[ов]. Сталина я переслал ему на днях. Я воспользовался случаем и сказал:

– Подействуйте на ваших цензоров, чтобы они не вырезали из «Сталинграда» grim spots^{5*}. Там есть такие. Но как раз очень важно, чтобы ваша публика видела эти вещи.

– Разумеется, нужно! – быстро откликнулся Черчилль. – Пусть смотрят! Пусть знают, что такое Наци!

^{3*} «Победа в пустыне» (англ.).

^{4*} Далее вычеркнуто – «какая-то».

^{5*} Страшные места (англ.).

Итак, неприкосновенность «Сталинграда» была обеспечена.

Первый пункт порядка дня был исчерпан. Я перешёл ко второму.

Я заговорил о послании Черчилля от 30 марта и сказал, что оно произвело на меня прямо ошеломляющее впечатление. В самом деле, что получается? До сентября конвоев определенно не будет. Но я сомневаюсь, чтобы конвои возобновились и в сентябре, ибо такое возобновление обставлено слишком трудными и каучуковыми «если». Практически конвои, видимо, прекращаются до нового наступления темноты, т.е. до ноября–декабря. Стало быть, в течение ближайших 8–9 мес[яцев] нам не приходится рассчитывать на сколько-нибудь достаточное снабжение. С таким положением мы никак примириться не можем.

– А какой эффект, – продолжал я, – это должно [взы]меть на настроение Красной Армии и широких масс населения?.. Станьте сами на их место. Вот уже третье лето они ждут от своих западных союзников второго фронта, – будет нынче второй фронт или не будет?.. Вам это виднее^{6*}. Моё личное впечатление таково, что ничего твёрдо сказать нельзя: может быть, будет, а может быть, нет. И это лучшее, что сейчас можно сказать по вопросу о втором фронте... Так вот – придет лето, немцы начнут своё наступление, мы опять будем переживать тяжелые недели и месяцы, и что же? Не будет ни второго фронта, ни снабжения! Каковы будут чувства наших людей? Не думаете ли вы, что они с негодованием станут восклицать: где же наши союзники? И разве это союзники?.. Кому выгодны такие настроения?!

Чем дольше я говорил, тем взволнованнее становился Черчилль. Наконец он не выдержал:

– Да, я знаю, – воскликнул премьер, – что это для вас тяжелый удар!.. Это ужасно!.. Я боюсь, что прекращение конвоев сильно отзовется на наших отношениях...

На глазах Черчилля опять появились слёзы. Он встал и взволнованно заходил по кабинету.

– Но что мне было делать?!.. – в сильном волнении продолжал Черчилль. – У меня не было выхода!.. Поймите, что я не имею права, не могу ставить на карту весь ход войны даже из-за вашего снабжения!.. Не могу! Не могу!.. Странно сказать, но ведь всё наше господство на море построено на наличии у нас нескольких боевых единиц первоклассного значения... Ваш народ может этого не понимать, но ваше правительство должно это понимать!

Черчилль ещё раз взволнованно прошёлся по кабинету и затем прибавил:

– Я считал своим долгом сказать полную правду Сталину. Союзника нельзя обманывать. Пусть Сталин знает положение, как оно есть. Надо уметь мужественно встречать даже самые неприятные известия. А Сталин мужественный человек.

Видно было, что мысль о неизбежности прекращения конвоев целиком овладела Черчиллем. В такие моменты – я это знаю по опыту – его не сдвинешь с места. Бесполезно, более того вредно даже пытаться это делать. Поэтому мысленно я стал уже соображать, какие практические выходы можно предложить Черчиллю для смягчения последствий от прекращения конвоев. Прежде, однако, чем я успел что-либо сказать на данную тему, Черчилль вдруг близко, близко подошёл ко мне и, заглядывая мне прямо в глаза, торопливо спросил:

^{6*} Далее вычеркнуто – «какой дать ответ на этот вопрос».

– Скажите мне по совести, что вы лично думаете о создавшемся положении?.. Будет это означать разрыв со Сталиным или нет?

– Не считаю возможным говорить за Сталина, – ответил я. – Он сам за себя скажет. Одно только для меня несомненно: ваше решение вызовет в Сталине очень сильные чувства.

Черчилль несколько отодвинулся от меня. Он был явно разочарован. Потом он вздохнул, ещё раз прошелся около стола и быстро заговорил:

– Все, что угодно, но только не разрыв! Я не хочу разрыва. Не хочу! Я хочу работать со Сталиным, и я чувствую, что могу работать с ним!.. Если мне ещё будет суждено пожить, я смогу быть вам очень полезен... В налаживании ваших отношений с Америкой. Это очень важно. Это исключительно важно. Мы, три великие державы – СССР, США и Великобритания, – должны после войны во что бы то ни стало сохранить дружбу и совместно работать. Иначе мир погибнет

И затем, точно вспомнив что-то забавное, Черчилль уже более спокойно добавил:

– В Америке обиделись на то, что в моей последней радиоречи (21 марта), говоря о послевоенном будущем, я не упомянул Китай в качестве четвертого члена возможной комбинации. Хм!.. Как я мог это сделать?.. Я очень люблю и уважаю китайский народ. Это замечательный народ... Почитайте хотя бы, как Пирл Бак^{7*} об нём пишет... Я желаю всего доброго Китаю. Но всё-таки разве можно сравнивать Китай с США, Великобританией или Россией?.. Никакого сравнения не может быть! Сравнить означало бы просто оскорблять нашу интеллигентность^{8*}. Хорошо, что у них сейчас имеется Чан Кай-Ши^{9*}. Он всё держит. А представьте себе, что завтра Чан Кайши исчез, умер, сошел со сцены, – что получилось бы?.. Полный хаос!.. Нет, я слишком стар для того, чтобы говорить неправду ради дешёвых аплодисментов райка!

Черчилль на мгновение замолчал и остановился. Потом лицо его вдруг искривилось гримасой, и, кивая головой на только что полученное от меня послание, он с горечью воскликнул:

– Как^{10*} жаль, что моё послание о прекращении конвоев скрестилось с таким посланием Сталина, какое вы мне сегодня принесли!.. Но что было делать?..

Я воспользовался паузой, наступившей после этих слов Черчилля, и выдвинул два практических предложения:

1) мартовский конвой, уже погруженный, но не ушедший на север, повернуть на Персидский залив;

2) с приездом Идена (ожидается через несколько дней) назначить под его председательством специальную комиссию для разработки мероприятий по компенсации нас за приостановку северных конвоев.

Черчилль с большой горячностью принял оба мои предложения. Он сделал только одну поправку: нет надобности дожидаться Идена, комиссия, о которой я говорю, может начать работу завтра же под председательством Литлтоне^{11*}, и я вместе со своими экспертами могу принять в ней участие.

На этом мы расстались.

^{7*} Перл Бак (урожд. Сайденстрикер) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе (1938). Большую часть жизни провела в Китае.

^{8*} Далее вычеркнуто – «наше сознание».

^{9*} Далее – Чан Кайши, генералиссимус.

^{10*} Далее вычеркнуто – «бесконечно».

^{11*} Речь идет об Оливере Литлтоне.

2 апреля

Вчера заседала комиссия Литтлтона, на которой присутствовали я, [Н.М.] Харламов и Морозовский*. Я поставил пред комиссией вопрос о «компенсации» и предложил ей изыскать соответственные меры. В прениях приняли участие [Ф.] Лезерс, [А.] Кадоган и др[угие] члены комиссии. Наметили кое-какие пути для подхода к разрешению вопроса.

Сегодня я передал Черчиллю ответ Сталина на послание Черчилля о прекращении конвоев (от 30 марта). С учётом общей обстановки я допускал, что ответ Сталина не будет особенно заостренным, однако то, что он прислал, оказалось значительно мягче того, чего я ожидал. Сталин поступил очень умно: он не выражал ни негодования, ни раздражения. Он просто констатировал решение Рузвельта и Черчилля о приостановке конвоев и указывал на то, что данное решение не может не отразиться на положении советских войск в предстоящую летнюю кампанию³⁹.

Черчилль был потрясён. Встретил он меня очень мрачно и напряженно. Чувствовалось, что ждёт острого, ругательного ответа. Надевал очки и разворачивал послание медленно, неохотно, точно желая отдалить момент, когда придётся проглотить горькую пилюлю. И вдруг такая неожиданность!

Черчилль не мог сидеть на месте. В чрезвычайной ажитации он вскочил с[о] своего кресла и стал быстро ходить по кабинету.

– Передайте Сталину, – наконец, произнёс Черчилль, продолжая мерить пространство около стола заседаний правительства, – что его ответ – великодушный и мужественный ответ. Он меня просто раздавил этим ответом. После такого ответа я чувствую себя вдвойне обязанным сделать абсолютно все человечески-возможное, чтобы дать ему компенсацию. Я буду работать, как вол!.. И я найду какие-либо выходы⁴⁰.

Черчилль сделал ещё один-два тура вокруг стола и вновь заговорил:

– Этим ответом Сталин ещё раз показал, что он очень большой и очень мудрый человек... Я непременно хочу с ним работать!.. Когда кончится война, я приложу все усилия к тому, чтобы Россия возможно скорее залечила свои раны... Мы поможем также миру поскорее [в]стать на ноги... Сталин is man of a great size, Roosevelt is also a man of a size^{2*}... Да, втроём мы сможем многое сделать!

Черчилль остановился и как бы про себя спросил:

– Мы идем навстречу новой эпохе... Это будет Russian Age^{3*}!

Я невольно насторожился: что это – искренно? Отголосок моего недавнего разговора с Иденом, о котором Черчилль как-то поминал при встрече со мной? Или же это всё игра, рассчитанная на нужный политический эффект, – и здесь, в Лондоне, на мне, и там, в Москве, на совпра?

Не знаю. Склонен думать, что комбинация того и другого. Но если это даже только игра, то как она характерна! Никогда до сих пор я не слышал от Черчилля ничего подобного.

* Морозовский Н.Г. – адмирал, помощник Харламова.

^{2*} «Сталин – человек крупного масштаба, Рузвельт тоже масштабная фигура...» (англ.).

^{3*} Русский век (англ.).

Содержание послания Сталина Черчиллю (2.4.43.)*

Получил ваше послание от 30. 3. о прекращении конвоев до сентября^{2*}. Я понимаю это решение как катастрофическое уменьшение подвоза оружия и военного сырья из Англии и США в СССР, ибо тихоокеанская линия ненадежна и лимитирована тоннажем, а южная линия имеет малую пропускную способность. Эти линии никак не могут нас компенсировать за прекращение транзита на севере.

Вы, конечно, понимаете, что данные обстоятельства не могут не отразиться на положении советских армий.

4 апреля (Бовингдон)

Три недели не были в Бовингдоне: в середине марта я простудился, и две недели был в каком-то странном состоянии: не то болен, не то нет. Температуры не было, и в то же время голос и нос были не в порядке, особенно нос. Я не хотел осложнений – в такой момент я не могу позволить себе роскоши болеть и надолго выходить из строя, – и потому сидел дома. Только на прошлой неделе дело пошло на поправку, и вот мы опять в Бовингдоне...

На нашем фронте затишье. Мы потеряли Харьков, но удержали Донец и Курск. Наступила распутица. Военные действия с обеих сторон почти прекратились. Но идёт непрерывная подготовка к весне и лету. Атмосфера полна напряжения. Что день грядущий нам готовит?..

В сегодняшних сообщениях английской прессы из Москвы (особенно в корреспонденции Александра Верта⁴¹ в «Сандей Таймс»^{*)}) доминирует нота: мы ждём весной новой германской офензивы большого масштаба в районе Орла–Белгорода, т.е. против Москвы и вообще центрального фронта. Верт пишет, что в Москве к ближайшим месяцам относятся с большой опаской. Допускают, что наступающее лето будет не менее «grim»^{2*}, чем прошлое. Кто знает?.. Поживем – увидим.

Пробую сам проникнуть мыслью в будущее. Прежде всего, каковы исходные точки для возможных построений и предвосхищений? Вот они:

1) Тотальная мобилизация, проводимая сейчас Гитлером в Германии, в основном покрывает его потери в СССР минувшей зимой – количественно, не качественно.

2) Стало быть, к середине лета Гитлер, вероятно, будет иметь в своём распоряжении примерно такое же количество войск, как и летом 1942 г., но худшего качества и с несколько пониженной моралью.

3) Так как линия фронта в СССР за зиму сильно сократилась (с 2300 до 1200 миль, оставляя в стороне фронт к северу от Ленинграда), то в результате у Гитлера образуется стратегический резерв примерно в 100 дивизий (расчет: фронт в 2300 миль занимали 232 дивизии, т. е. в среднем 1 дивизия на 10 миль).

4) Серьёзного второго фронта на Западе весной и летом не приходится ожидать, хотя кое-какие операции в Средиземном море будут. Будет также и серьёзная воздушная офензива против Германии. Гитлер, впрочем, не знает о малой вероятности серьёзного второго фронта и потому вынужден гадать.

* См.: Переписка... Т. 1. С. 131.

^{2*} См.: Там же. С. 129–131.

* Газета «Санди Таймс» («Sunday Times»).

^{2*} Страшное (англ.).

Какие выводы можно сделать из только что перечисленных посылок? Вот они:

1) Названные 100 дивизий являются последними резервами Гитлера. Поэтому он должен обращаться с ними очень аккуратно. Иными словами, он может использовать их либо а) для окончательного решения войны, т.е. конкретно для окончательного разгрома СССР, либо б) для выигрыша таких позиций, которые, не принося немедленно окончательного решения войны, открывали бы пред ним хорошие перспективы такого решения в более отдаленном будущем. Так, по крайней мере, должен был бы рассуждать всякий нормально мыслящий главнокомандующий.

2) Сомневаюсь, чтобы после почти 2-летнего опыта войны с СССР Гитлер (а в особенности генералы) могли рассчитывать окончательно разгромить СССР с помощью своих 100 дивизий.

3) Особо важной позицией в смысле пункта «б» может быть только Кавказ и Баку. Это дало бы Гитлеру нефть и широкие перспективы на Среднем Востоке, в Индии и Африке. То, что Гитлер так упорно цепляется за Таманский полуостров, свидетельствует, по-видимому, о том, что подобные мысли ему не чужды. Однако, по мнению всех военных специалистов, с которыми мне приходилось говорить, изолированная операция по направлению Сев[ерного] Кавказа через Ростов и Тамань стратегически немыслима, ибо на левом фланге её висела бы вся наша армия, а коммуникации на таком узком участке фронта давали бы возможность поддерживать лишь сравнительно небольшие силы (примерно до 30 дивизий). Если задаться целью наступать на Кавказ, то надо опять идти на Волгу, чтобы создать достаточно широкий и оборонеспособный фронт. Сомнительно, чтобы после Сталинграда немцы вновь полезли на Волгу.

4) Но если пункты «а» и «б» таким образом как будто бы отпадают, то чего же можно ожидать? Целый ряд военных специалистов считает, что немцы сейчас постараются стабилизировать свой фронт в СССР примерно на его нынешней линии с помощью 120–150 дивизий и либо (а) оставаться в нынешнем году повсюду на позиции обороны, предоставляя союзникам ломать свои зубы о стены «Европейской крепости», либо (б) предпринять какую-либо менее крупную, но более лёгкую и многообещающую оффензиву в другом направлении, напр[имер] в сторону Испании, Италии, Турции.

5) В пользу первого предположения можно привести довольно веские аргументы: немцы сейчас уже должны понимать, что выиграть войну чисто военными средствами они не в состоянии. Максимум, на что они ещё могут ставить ставку, – это более или менее выгодный для них компромиссный мир. Предпосылкой такого мира является раскол или, по крайней мере, несогласия^{3*} в нашей коалиции. При расколе можно надеяться на сепаратный мир (что с немецкой точки зрения было бы наиболее идеальным). При несогласиях можно рассчитывать на общий компромиссный мир (что с немецкой точки зрения было бы хуже, но всё-таки приемлемо). Но для созревания процесса распада в каждой коалиции требуется время. Поэтому, казалось бы, Гитлеру выгодно было бы провести 1943 г. на позициях обороны, храня свои 100 резервных дивизий как важную карту для будущих мирных переговоров.

6) В пользу второго предположения можно привести также солидные аргументы: после 2 лет потерь, неудач, нерешительных битв и т.д. на восточном

^{3*} Далее вычеркнуто – «внутри».

фронте Германия очень нуждается для подъёма её духа в каких-либо ярких и быстрых победах. Надо также поднять падающий дух Италии, что возможно только путём достижения крупных успехов в районе Сред[иземного] моря. Проникновение Гитлера в Африку (через Испанию) открыло бы перед ним широкие перспективы новых завоеваний, новых источников сырья и людской силы, новых морских и воздушных баз для борьбы с союзниками на море.

7) Однако против соображений, изложенных в пунктах 5 и 6, имеется целый ряд серьёзных аргументов. Во-первых, немецкая военная доктрина считает, что наступление есть лучшая форма обороны. В этом духе воспитана вся армия. Вот почему трудно представить, чтобы Гитлер в 1943 г. остался повсюду только на позициях обороны. Во-вторых, Гитлер слишком zaangażировался на востоке, чтобы здесь отступить (если только он не будет вынужден отступить, а пока такого положения ещё нет). В-третьих, Гитлер должен ожидать летнего наступления с нашей стороны. Это исключает возможность стабилизации восточного фронта. Раз так, он предпочтёт сам наступать. В-четвёртых, наконец, Гитлер, плохо веря в эффективный второй фронт против себя нынче летом, может думать, что ещё одно серьёзное германское наступление в СССР без такого фронта на Западе явится лучшим средством раскола или, по крайней мере, ослабления враждебной ему коалиции.

К чему же приходим в конечном счете?

Я думаю, что Гитлер летом будет наступать и, вероятнее всего, в СССР. Где именно? Затрудняюсь сказать, возможно на центральном фронте, как предполагают сейчас в Москве. Так как на эффективный второй фронт на Западе больших надежд нет, то надо, очевидно, постараться предупредить наступление Гитлера нашим контр наступлением. Другого выхода я не вижу.

9 апреля

Черчилль неожиданно пригласил меня к себе. По какому поводу? По вопросу о конвоях? Или по вопросу о послании т. Сталина, кот[орое] я переслал ему сегодня утром*? Или еще по какому-либо другому вопросу?

Я терялся в догадках и так и не угадал истинной причины приглашения.

Когда я вошел в кабинет премьера, то сразу заметил, что он сильно не в духе. Мы молча поздоровались. Вдруг Черчилль, точно сорвавшись, с яростью воскликнул:

– Вот посмотрите, что ваши корреспонденты пишут! Могли бы оставить эту грязную работу Геббельсу!

Черчилль при этом сунул мне в руку листок с двумя десятками строк на машинке.

Несколько ошеломленный таким приемом, я быстро пробежал листок. Это была выдержка из перехватов ВВС^{2*}. В ней излагалось содержание телеграммы корреспондента ТАСС из Алжира. Автор телеграммы, сообщая о захвате 8[-й] армией большого количества трофеев, между прочим, прибавлял, что среди добычи имеется много танков и пушек старых образцов (в том числе орудия Шкода 1917 г.), которые немцы не решаются употреблять на советском фронте.

* Очевидно, имеется в виду послание Сталина от 7 апреля 1943 г. (Переписка... Т. I. С. 135).

^{2*} Би-Би-Си.

– Ну, на что это похоже? – продолжал кипятиться Черчилль. – Сталин шлет такие замечательные послания (премьер при этом кивнул на лежавшее на столе послание, доставленное мной ему сегодня утром), он придает серьезнейшее значение нашим победам в Тунисе, а вот алжирский корреспондент ТАСС хочет все это смешать с грязью!

Я сделал движение, чтобы ответить Черчиллю, но он предвосхитил меня и с новым приливом раздражения^{3*} воскликнул:

– [Б.] Бракен находится здесь, в моей резиденции. Он только ждет слова, чтобы прекратить такое безобразие, лишить корреспондентов ТАСС всех facilities^{4*}! И в Алжире, и в Лондоне...

– Но почему в Лондоне? – едва успел я вставить.

– Как почему? – резко отозвался Черчилль. – Лондонский ТАСС повторил и переслал эту телеграмму.

Чувствуя, что в состоянии крайнего раздражения Черчилль может набить посуду, я поспешил прервать и успокоить его.

– Позвольте прежде всего, – начал я, – попросить вас не делать слишком поспешных выводов. Надо выяснить, в чем дело. Мне, напр[имер], вся эта история совершенно неизвестна. Дайте мне время разобраться в ней, а потом уже видно будет, как поступить. Пока могу сказать только одно: я сильно сомневаюсь, чтобы лондонский ТАСС был причастен к этому делу.

Мой^{5*} уравновешенный тон, видимо, произвел на Черчилля^{6*} впечатление. Он стал остывать и приходил в более нормальное состояние.

– Хорошо, – ответил Черчилль, – произведите расследование. Но непременно сообщите об инциденте в Москву. Я так доволен последними посланиями Сталина. Я чувствую его как своего брата по борьбе. И я не хочу, чтобы какие-то корреспонденты ТАСС отравляли между нами атмосферу и мешали дружественному сотрудничеству между мной и Сталиным!

И затем, уже совсем успокоившись, Черчилль закончил:

– Я не знаю, верно ли то, что сообщает алжирский корреспондент ТАСС. Но, если даже верно, информируйте свое правительство шифровкой. К чему кричать об этом по всему миру?..

Когда Черчилль покончил вопрос об^{7*} алжирском корреспонденте, я спросил его, что нового по вопросу о конвоях?

– Я работал, как вол, все эти дни, – ответил Черчилль, – и, кажется, кое-что придумал...

– Можно узнать, что именно? – поинтересовался я.

Черчилль вдруг сделал страшно хитрое лицо, как тогда, когда он рассказывал мне о своем визите на Кипр, и затем сказал:

– Нет, я вам этого сейчас не скажу! Я хочу сам сообщить об этом Сталину!

Однако из некоторых намеков Черчилля я мог понять, что речь идет о воздушной переброске в СССР застрявших в Англии американских и английских истребителей.

^{3*} Вычеркнуто – «закричал».

^{4*} Возможности (англ.).

^{5*} Далее вычеркнуто – «спокойный».

^{6*} Далее вычеркнуто – «благоприятное».

^{7*} Далее вычеркнуто – «злосчастном».

Я спросил, когда будут направлены в Персидский залив 10 английских судов, оставшихся от неушедшего мартовского конвоя.

Черчилль ответил, что не имеет смысла пускать их вокруг Африки накануне захвата Туниса. Лучше подождать еще 2–3 недели и направить суда через Сред[иземное] море. Но для этого грузы, находящиеся на названных 10 судах, надо будет перегрузить на другие, более быстроходные.

– Вы понимаете, однако, – прибавил Черчилль, – что на конвой, идущий в Персидский залив, надо грузить только наиболее ценные грузы, как, например, танки, самолеты, взрывчатые вещества, важное военное сырье, грузы, которые посылает моя жена⁴², грузы, которые посылает ваша жена...⁴³ Ибо пропускная способность персидской линии пока невелика. Но я это сделаю, и в течение ближайших дней я сообщу обо всем Сталину.

Посмотрим, что выйдет из^{8*} обещаний Черчилля. Я настроен не очень оптимистично.

– Кстати, – прибавил Черчилль, – мои эксперты утверждают, будто бы главные транзитные трудности в Персии лежат в вашей зоне оккупации – желдороба, порты, тоннаж на Каспии... не можете ли вы дать мне соответственные сведения?

Я ответил, что запрошу по данному вопросу Москву.

В заключение я сообщил Черчиллю об итогах переговоров между т. Молотовым и турецким послом в СССР^{9*}. Итоги эти очень скудны. Турки предложили опубликовать совместное коммюнике, подтверждающее наличие дружественных отношений между СССР и Турцией в течение минувшей четверти века и сейчас. Т[ов.] Молотов отверг такое предложение, находя, что оно только ослабило бы значение советско-турецких договоров, регулирующих в настоящее время отношения между обеими странами. Турки согласились с т[ов.] Молотовым, но ничего взамен не предложили. Т[ов.] Молотов в заключение констатировал, что, очевидно, в данный момент турки не готовы к какому-либо реальному шагу в смысле улучшения отношений между обеими странами и что поэтому, совпра предпочитает подождать до того момента, когда у турок появятся какие-либо новые предложения. Таким образом, из попытки укрепления советско-турецкой дружбы, инициатором которой явился Черчилль, пока ничего не получилось, – и притом не по нашей вине.

Черчилль выслушал меня с большим интересом и затем ответил, что он считает нашу позицию совершенно правильной, а турецкую мало идущей навстречу союзникам.

– Вот подождите немного, – прибавил Черчилль. – Как только мы покончим с Тунисом и подбросим Турции немножко из обещанного ей оружия, я надавлю на турок. Я потребую, чтобы они истолковали свой нейтралитет в «американском смысле» ... Помните, как вела себя Америка еще до своего вступления в войну⁴⁴?... Пусть турки разрешат нам использовать их базы и аэродромы для воздушных атак на Румынию и Додеканес. Или разрешат нам возить вам снаряжение и сырье через свою территорию или через проливы.

^{8*} Далее вычеркнуто – «из всех этих».

^{9*} Актай А.Г.

Рузвельт мне уже обещал содействие в нажиме на Турцию. Надеюсь, Сталин мне также не откажет.

– Об этом вам надо будет спросить самого Сталина, – заметил я.

– Конечно, конечно! – подтвердил Черчилль. – И тогда я поставлю турок перед выбором: либо помощь союзникам, место за столом победителей, гарантии ее неприкосновенности, либо, если Турция откажется помогать, положение «нейтрала» после войны и никаких гарантий ее неприкосновенности. Посмотрим, что Турция выберет.

Вернувшись от Черчилля домой, я поручил [Л.] Теплому (1[-й] секретарь) навести необходимые справки, а сам уехал делать доклад на Бомбардировочно-Тренировочную Станцию милях в 90 от Лондона. Когда поздно вечером я вернулся домой, картина была ясна. Лондонский ТАСС, конечно, не посылал телеграммы, взбесившей Черчилля, но зато ее послал алжирский корреспондент ТАСС непосредственно в Москву. Московское радио передало данную телеграмму 8 апреля в 21.30 час. Однако сообщение алжирского корреспондента было длинное, объективное, не могущее вызывать какого-либо возражения. Только в конце имелась эта злосчастная фраза. Но ведь вся корреспонденция была, очевидно, пропущена алжирской военной цензурой!

Сообщил в Москву об инциденте.

Содержание послания Черчилля Сталину (10.4.43.)*

Посвящено подробному перечислению самолетов (Харрикены, Киттихоксы, Эркобры^{2*}) и их числа, которые должны были быть отправлены на неушедших конвоях, и подробным же соображениям о том, как эти самолеты могут быть доставлены в СССР летом через Гибралтар, Африку, М[алую] Азию и т.д.

С разрешения Рузвельта Гарриман принимает активное участие в намеченных операциях.

11 апреля (Бовингдон)

На нашем фронте затишье. Локальные бои на Донце и постепенное, но медленное вытеснение немцев из района Новороссийска и Таманского полуострова. Скорее бы кончали мы эту последнюю операцию! Сердце у меня неспокойно за Кубань. Вместе с тем в атмосфере тяжелое напряжение. Чувствуется, что обе стороны спешно готовятся к весне. Кто кого перегонит? Кто раньше перейдет в наступление?.. Будущее покажет.

В Тунисе дело как будто бы подходит к концу. Вчера англичане заняли Сфакс. Англо-американо-французские войска подходят к Кайруану и к Бизерте. Недалек и Тунис. Пора! Давно пора! Тунис был большим разочарованием. Ожидали, что он будет взят в каких-нибудь 2–3 недели, а борьба затянулась на 5 мес[яцев]! Сколько драгоценного времени потеряно! А в результате, сколько стратегических возможностей упущено! Но, хотя конец Туниса уже близок, я смотрю вперед без всякого энтузиазма. Не вижу перспектив действительного второго фронта в 1943 г., – по крайней мере, весной и летом этого года, когда он будет особенно нужен.

* Текст см.: Переписка... Т. 1. С. 135–136.

^{2*} «Харрикейн» – тип английского самолета-истребителя; «Киттихоук», «Аэрокобра» – типы американского самолета-истребителя.

Письма Черчилля ко мне:

1. От 11.4.43.:

Мой дорогой посол,

Благодарю Вас за письмо от 10.4. Действительно полный текст производит иное впечатление, чем экспозе агентства. Такие замечания, как последняя фраза, – правилен ли факт или неправилен, – могут быть пригодны для секретных сообщений, но, конечно, не для публикации в дружественных странах. Мы никогда не преуменьшаем блестящих достижений ваших армий. Алжирские цензоры, очевидно, не разобрались в вопросе.

Искренно Ваш

В. Черчилль.

П.С. ФО направляет Вам копию телеграммы, кот[орую] я отправил маршалу Сталину от-носительно самолетов*.

2. От 14.4.43.:

Мой дорогой посол,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 13.4. по вопросу о телеграмме корреспондента ТАСС в Алжире. Я очень признателен Вам за Ваши хлопоты. Пожалуйста, передайте мою благодарность Молотову.

Искренно Ваш

В. Черчилль.

Содержание послания Сталина Черчиллю (12.4.43 г.)*

Получил Ваши послания от 10 и 11.4^{2*}. Быстрое развитие операций в Тунисе – важный успех. Желая вам ликвидировать врага и взять побольше пленных и трофеев.

Мы очень довольны, что вы не даете роздыха Гитлеру. К вашим воздушным бомбардировкам теперь прибавились наши воздушные налеты в Вост[очной] Пруссии. Благодарю за фильм о результатах бомбардировки Эссена. Этот фильм будет широко показан нашей армии и населению (то же будет и с др[угими] обещанными Вами фильмами).

Надеюсь, что ваши и Гарримана усилия обеспечить переброску по воздуху истребителей, кот[орые] должны были быть доставлены на непосланных конвоях, увенчаются успехом. Эти истребители нам очень нужны.

Наш народ очень ценит теплые чувства и симпатию английского народа, нашедшие выражение в создании «Фонда помощи России», о кот[ором] Вы упоминаете. Пожалуйста, передайте Вашей жене, кот[орая] стоит во главе Фонда, мою благодарность за ее неутомимую активность в этой сфере.

Я принял сегодня ген[ерала] Мартеля^{3*}, который передал мне Ваше письмо. Конечно, Мартелю будут предоставлены все возможности для изучения Красной Армии и ее боевого опыта⁴⁵.

18 апреля (Бовингдон)

Чудная погода: тепло, яркое солнце, синее небо с легкими перистыми облаками. По ночам все залито мягким лунным светом. Точно лето.

И вместе с этой летней погодой, которая установилась с прошлой недели, в голову невольно лезут летние мысли... не те летние мысли, которые столь привычны нам были в далекие времена мира, а те летние мысли, которые стали неотъемлемой частью нашей психологии с начала войны.

Все больше выясняется картина того, на что мы можем реально рассчитывать в этом году со стороны Англии и США. Вот оно:

* См. Послание Черчилля Сталину от 10 апреля 1943 г. (Переписка... Т. 1. С. 135 – 136).

* Текст послания см.: Там же. С. 137–138.

^{2*} Текст посланий см.: Там же. С. 135–137.

^{3*} Мартель Г. – генерал-лейтенант.

1) серьезная и все усиливающаяся воздушная оффензива против Германии и Италии;

2) наступательные операции против Сицилии, Сардинии, Ю[жной] Италии и несколько позднее против Додеканеса и Балкан.

Это реально. Сверх того, некоторые возможности:

3) воздушные бомбардировки Румынии и ее нефти, если Черчиллю удастся реализовать свои планы в отношении Турции;

4) наступательные операции через пролив, во Франции, к концу года.

Конечно, все это не тот второй фронт, который нам нужен. Но все-таки, какой эффект только что указанные перспективы будут иметь на востоке?

Мне кажется, след[ующее]:

1) позиции Германии в воздухе на советском фронте будут значительно ослаблены;

2) Италия выйдет из игры как вспомогательная сила Германии на востоке;

3) снабжение немецких армий в СССР в результате разгрома Эссена, Пльзена и др[угих] центров военного производства ухудшится.

4) мораль немецкого населения ввиду потери Африки и еще более ввиду серьезной воздушной оффензивы Англии и США несколько понизится.

Все это, конечно, кое-что. Но сможет ли это кое-что предупредить германское наступление в СССР нынешней весной?

Не думаю, если только Красная Армия не предупредит германскую оффензиву своим наступлением.

Содержание послания Сталина Черчиллю (19.4.43).*

Я получил Ваше послание, в котором Вы спрашиваете, согласен ли я, чтобы мои поздравления по случаю воздушных бомбардировок Эссена, Берлина и других промышленных центров Германии были переданы английским бомбардировочным эскадрильям. Конечно, я не имею возражений против этого. Предоставляю все на Ваше усмотрение. Рад слышать, что Вы намерены все усиливать бомбежку немецких городов.

События в Тунисе как будто принимают благоприятный оборот. Желаю Вам полной победы.

Ваша информация о намерении немцев применить газы на нашем фронте подтверждается и нашей информацией. Разумеется, я полностью поддерживаю Ваше намерение предостеречь Гитлера и его союзников о неизбежности больших химических атак в случае применения ими газов на нашем фронте. Совармии с[о] своей стороны будут подготовлены к сопротивлению газовым атакам.

20 апреля*

В Москве очень заинтересовались сообщениями Идена о его беседах во время визита в Америку. Просили меня передать Идену благодарность совпра за данную им информацию, а мне предложили составить подробную запись бесед. Наши готовы также обсуждать вопросы о воздушных сообщениях после войны, заявляют, что примут участие в международной организации таких сообщений⁴⁶.

21 апреля

Два дня назад Черчилль обратился к Сталину с вопросом (так как имеются сведения, что немцы собираются пустить в ход на советском фронте газ), –

* Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 140–141.

* Дата вписана рукой Майского.

не следует ли ему вновь повторить предупреждение о газовых репрессиях со стороны Англии против Германии, которое он в первый раз сделал в мае прошлого года?

Сталин ответил согласием и при этом прибавил, что у нас тоже имеется информация о намерениях немцев прибегнуть к газу в боях нынешних весны и лета.

Сегодня утром Айрис* позвонила секретарю Черчилля и попросила для меня свидания с премьером, указав, что я имею передать ему важный «message»^{2*}. Секретарь Черчилля ответил, что премьер просит меня приехать немедленно же в парламент, где происходит заседание кабинета.

Около 12 час[ов] дня я входил в помещение премьера в палате общин. Секретарь попросил меня минутку подождать и пошел доложить в соседнюю комнату, из которой доносился смешанный шум голосов.

Вдруг дверь из этой комнаты шумно растворилась, и оттуда выбежал Черчилль – несколько встрепанный, взволнованный, нетерпеливый.

Секретари вышли из канцелярии, мы с Черчиллем остались одни. Премьер круто бросил:

– У вас ответ от Сталина по поводу газа?

– Да, – ответил я и протянул Черчиллю конверт с посланием.

– Я так и думал, – живо откликнулся премьер.

Затем он стал судорожно искать по карманам свои очки. Очков не оказалось: он забыл их в комнате заседаний кабинета. Тогда я сказал:

– Разрешите мне прочитывать послание.

– Пожалуйста! – ответил Черчилль и передал мне вынутый им из конверта листок бумаги.

Я прочитал послание от начала до конца. Черчилль внимательно слушал. Потом он воскликнул:

– Непременно сделаю!

– Когда? – спросил я. – Время не терпит. Почва в СССР быстро высыхает, и военные операции могут начаться очень скоро.

Черчилль ответил:

– Я задерживать не стану! Кабинет как раз заседает, я сейчас поставлю вопрос на кабинете.

– Можно рассчитывать, что вы опубликуете предупреждение завтра? Это было бы хорошо.

– Согласен! – реагировал Черчилль.

И потом, подумав мгновение, прибавил:

– В прошлом году я сделал предупреждение во время своей радиоречи ... Нынче я опубликую предупреждение от имени бритипра с 10, Downing Street. Оно будет очень крепко средактировано^{3*}.

– Позвольте попросить Вас об одной вещи, – начал я.

И дальше я указал, что в прошлогоднем предупреждении Черчилль грозил немцам репрессиями в случае «непровоцированного применения газа» на востоке. Слово «непровоцированный» произвело тогда очень неприятное впечат-

* Секретарь советского посольства.

^{2*} Сообщение (англ.).

^{3*} Так в тексте.

ление в Москве, точно Черчилль допускал возможность инициативы совпра в применении газа. Я высказал надежду, что в нынешнем предупреждении Черчилль слово «непровоцированный» опустит.

– Хорошо, я учту ваше замечание, – ответил Черчилль.

Он опять подумал мгновение и, пожимая мне руку на прощанье, бросил:

– Мы ведь сейчас гораздо ближе друг к другу, чем год тому назад.

Содержание послания Сталина Черчиллю (21.4.43.)*

Совпра считает отношение польпра к СССР в последнее время совершенно ненормальным и противоречащим обычным отношениям между двумя союзниками.

Клеветническая кампания немцев по поводу убийства польских офицеров под Смоленском, совершенных ими самими во время оккупации этой территории, была подхвачена пра[вительством] ген[ерала В.] Сикорского и его прессой. Оно не нашло даже нужным в этой связи хотя бы попросить у совпра к[аких]-л[ибо] объяснений. Гитлеровцы, совершившие это чудовищное преступление, теперь инсценируют комедию «расследования», привлекая к ней тщательно подобранных ими польских профашистов. В оккупированной Польше ни один честный поляк не может сказать открыто ни слова.

Межд[ународный] Красный Крест приглашается гитлерпра и польпра для производства «расследования». Он должен проделывать эту комедию в обстановке террора, виселиц и массового уничтожения. Ясно, что ни один честный человек не поверит такому «расследованию», которое к тому же проводится за спиной совпра.

Одновременность возникновения и однотипность характера антисоветской кампании в немецкой и польской прессе свидетельствуют о том, что между врагом союзников Гитлером и польпра Сикорского существует контакт и взаимопонимание.

В тот момент, когда народы СССР проливают свою кровь в тягчайшей борьбе против гитлер[овской] Германии и делают величайшие усилия для разгрома врага всех миролюбивых демократических стран, пра[вительство] Сикорского наносит СССР предательский удар в интересах гитлеровской тирании.

Все это вынуждает совпра признать, что нынешнее польпра, унизившееся до соглашения с гитлерпра, фактически положило конец союзным отношениям с СССР и заняло враждебную в отношении СССР позицию. Ввиду вышеизложенного совпра пришло к заключению, что оно должно прекратить отношения с этим пра[вительством].

Считаю необходимым сообщить Вам о предприняемом шаге, кот[орый], надеюсь, Вы поймете. Он был навязан совпра.

23 апреля

Послание Сталина пришло к «ланчу». Касалось оно Польши⁴⁷. Сталин общал Черчиллю, что ввиду совершенной ненормальности отношений между СССР и Польшей, ненормальности, вызванной поведением польпра, в частности его позицией в связи с последней немецкой провокацией («раскрытие» трупов 10 тыс. польских офицеров под Смоленском), совпра сочло себя вынужденным «прервать» отношения с правительством Сикорского. В послании высказывалось также убеждение, что между правительством Сикорского и правительством Гитлера в данном вопросе имеется договоренность: кампания о «раскрытии» трупов началась одновременно в немецкой и польской печати. Сталин выражал надежду, что бритпра поймет неизбежность этого шага, навязанного совпра линией правительства Сикорского, и одновременно добавлял, что аналогичное послание направлено также Рузвельту*.

* Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 141–143.

* Послание Сталина Черчиллю от 21 апреля 1943 г. см.: Переписка... Т. 1. С. 141–143. Послание Сталина Рузвельту см.: Переписка... Т. 2. С. 58–59.

Сегодня «Good Friday»^{2*} и поэтому я сразу же подумал о том, что премьер-ра, вероятно, нет в городе. Позвонил лично его секретарю. Оказалось, что я совершенно прав: Черчилль вчера с вечера уехал на пасху в свое маленькое имение [...]»^{3*} (миль 30 к югу от Лондона). Мне надо было выбирать: либо ехать самому в Чартуэлл, либо переслать послание через секретариат премьер-ра. Ввиду важности вопроса я выбрал первое. Секретарь созвонился с Черчиллем и сообщил, что премьер будет ждать меня в Чартуэлле к обеду и что за мной будет прислана машина премьер-ра.

Около 7 часов вечера я выехал из посольства. К 8[-ми] я был уже на месте. Несмотря на то, что машина была из гаража премьер-ра и за рулем сидел военный шофер, при въезде в имение нас остановила военная стража: несколько юных солдат в полном боевом вооружении с необычайным рвением крикнули «стой!» и даже направили штыки в нашем направлении. Я невольно усмехнулся. Позднее Черчилль в разговоре с полусмехом бросил:

– Мне они (т.е. солдаты) не нужны... Но War Office^{4*} на этом настаивает...

И Черчилль махнул рукой, точно хотел сказать:

– Пусть себе забавляются. Меня это мало интересует.

Главное здание в имении, где Черчилль жил в предвоенные годы и где я у него в те времена не раз бывал, теперь оказалось закрытым. Обитаемым остался лишь небольшой флигель в стороне от главного здания, который Черчилль построил сам (он ведь каменщик!) на месте прежней конюшни. Я помню, как Черчилль однажды (если память мне не изменяет, в 1938 г.) с гордостью показывал мне это произведение своих рук. Тогда оно служило ему чем-то вроде кабинета и студии, где премьер занимался живописью (Черчилль ведь также и художник). Сейчас здесь – главная квартира Черчилля, где он останавливается, когда изредка приезжает в имение.

Меня встретил один из секретарей премьер-ра и сразу же предложил рюмку шерри.

– Премьер-министр переодевается, – прибавил секретарь, – он скоро вернется.

Я с удивлением подумал:

– Неужели процесс «нормализации» дошел уже до того, что Черчилль надевает смокинг на обед?

Я спросил секретаря, имеется ли еще кто-нибудь в доме, кроме премьер-ра? Секретарь ответил, что миссис Черчилль находится сейчас на берегу моря, а дочери в Лондоне. Но зато к премьеру на «уик-энд» приехал [Б.] Бракен.

– Министр информации берет как раз ванну, – с улыбкой прибавил секретарь. – Но он скоро тоже спустится вниз.

Точно в подтверждение я услышал, как где-то близко за стеной полилась струя воды из выпускаемой ванны.

– А вот и премьер-министр! – вдруг воскликнул секретарь, вставая и направляясь к двери.

^{2*} Страстная пятница (англ.).

^{3*} Название имения не пропечатано. Видимо, речь идет о Чартуэлле.

^{4*} Военное министерство (англ.).

Действительно в комнату вошел Черчилль. Нет, мои опасения не оправдались! Премьер был в своем неизменном *siren suit* и сердечно приветствовал меня крепким рукопожатием.

Секретарь ушел, а я передал Черчиллю послание Сталина. Он стал читать его и, чем дальше читал, тем сумрачнее становилось выражение лица премьера. Когда кончил, в комнату как раз вошел Бракен... Министр информации был в смокинге! Вот чертовщина!

Черчилль молча протянул Бракену послание и затем, обращаясь ко мне, спросил:

– Что это значит: прервать отношения?

Я ответил, что имеется в виду перерыв отношений де-факто, без каких-либо публичных заявлений или вручения официальных документов польпра. Таковы, по крайней мере, полученные нами в Лондоне директивы. Пока. Как будет дальше, не знаю. Многое^{5*} будет зависеть от дальнейшего поведения польпра.

– Надо во всяком случае принять меры к предупреждению огласки решения совпра, – продолжал Черчилль. – Огласка была бы большим несчастьем. От этого выиграли бы только немцы.

Я заметил, что, поскольку могу судить по нашей переписке, совпра не собирается сейчас публиковать каких-либо сообщений о «перерыве» отношений. Черчилль несколько успокоился и, обратившись к Бракену, дал ему указание предупредить появление чего-либо подобного в английской печати.

Потом Черчилль сказал:

– Я не верю, чтобы Сикорский был в соглашении с Гитлером. Этого не может быть. Обвинение Сикорского в договоренности с Гитлером свидетельствует только о том, что в Москве очень обозлены на поляков.

– Но как же тогда вы объясняете, – возразил я, – столь трогательное совпадение линий польпра и Гитлера?

– Очень просто, – ответил Черчилль. – Поляки вообще плохие политики, а сейчас, в эмиграции, они совсем потеряли голову^{6*}. Немцы расставили западню, а поляки в нее попались.

Бракен поспешил поддержать Черчилля.

– Надо во что бы то ни стало уладить этот конфликт, – вновь заговорил Черчилль. – Кому он выгоден? Только немцам. Они ведь бьют сейчас как раз на разложение нашей коалиции, на несогласия среди союзников, на раскол... Отсюда ясна наша задача.

В этот момент в комнату вошла хозяйка и пригласила нас за стол. Обедали в маленькой комнатке за маленьким столом. Нас было пятеро (Черчилль, Бракен, я, секретарь и хозяйка), и я не могу сказать, чтобы за столом было просторно. Меню было почти спартанское: молочный суп (съедобный!), кусок жареной семги и немножко спаржи из «собственных огородов» Черчилля. Потом пили кофе и курили. Черчилль, конечно, сосал свою неизменную сигару.

Во время обеда секретарь доложил Черчиллю, что его приказание исполнено и содержание послания передано Идену по телефону.

– Иден очень upset^{7*}! – прибавил секретарь.

^{5*} Далее вычеркнуто – «вероятно».

^{6*} Далее вычеркнуто – «эмиграция что-нибудь да значит».

^{7*} Расстроен (англ.).

Когда обед кончился, хозяйка и секретарь ушли. Мы остались втроем – Черчилль, Бракен и я. Разговор о послании возобновился.

Черчилль сообщил, что как раз сегодня он закончил составление своего послания к Сталину – по тому же польскому вопросу! Если бы я не приехал, послание ушло бы сегодня вечером. Но теперь он его не отправит. В свете послания Сталина Черчилль считает нужным переработать свое прежнее послание или, может быть, написать даже совсем новое. Премьер позвонил и велел секретарю принести текст неотосланного документа. Потом он протянул мне его и полушутя сказал:

– Вот, если хотите, прочитайте, но потом забудьте, ибо этого послания больше не существует.

Я рассмеялся и, взяв послание из рук Черчилля, быстро его пробежал. В нем Черчилль сообщал Сталину, что наблюдающееся в последнее время ухудшение польско-советских отношений очень беспокоит бритпра, что ряд мер, принятых совпра (закрытие польской организации помощи в СССР, объявление всех поляков, находящихся в СССР, совгражданами, отказ выпустить семьи эвакуированных из СССР польских войск и т.д.), вызывает сильное волнение в польских частях на Среднем Востоке, что польские эмигранты в Англии и США несомненно вели себя провокационно, но что тем не менее в интересах единства фронта всех союзников желательно было бы улучшение польско-советских отношений, для чего хорошо было бы разрешить выезд из СССР семьям польских солдат, находящихся на Среднем Востоке, плюс 40 тыс. военнопольных полякам, еще пребывающим в СССР.

– Хорошо, что вы не послали этот документ, – резюмировал я свое впечатление от послания Черчилля. – Он вызвал бы в Москве недобрые чувства.

– Почему? – спросил Черчилль.

– Да, просто потому, что через все послание красной нитью проходит мысль: в нынешнем ухудшении польско-советских отношений виновата, прежде всего, советская сторона. Между тем действительность говорит совсем обратное.

И я подробно объяснил Черчиллю, почему польско-советские отношения за последнее время сильно ухудшились. Я перечислил при этом целый ряд фактов: шпионскую деятельность организации помощи, антисоветскую агитацию польской прессы в Англии, официальное решение польпра требовать границы 1939 г. и т.д.

– Между прочим, – продолжал я, обращаясь специально к Бракену, – вы в особенности несете большую ответственность за то, что произошло. Зачем вы разрешали в течение всего этого времени польской печати так безобразничать? В прошлом году я не раз обращал внимание Идена на ее безобразия, но никакого эффекта не получилось.

Бракен стал оправдываться и ссылаться на то, что существующее законодательство не дает ему права закрывать газеты за их политические высказывания.

– Но ведь вы же даете им бумагу! – отпарировал я. – Разве бумага не может служить прекрасным орудием для воздействия на польскую прессу?

Бракен начал подробно объяснять систему распределения бумаги и функционирования цензуры, причем у него выходило, что министерство информации не может ничего сделать против безобразий польской печати.

– Т.е. как же это так? – прервал Бракена Черчилль. – Значит, выходит, что поляки могут с нашей территории вести антисоветскую агитацию, отравлять наши отношения с нашим союзником, а мы бессильны их унять? Нет, так не выйдет! Мы должны найти меры для приведения их в порядок.

Вмешательство премьера смутило Бракена. Он начал отступать и доказывать, что меры против безобразий польской печати принимались и принимаются, но что это дело не такое простое. В качестве «радикального» решения вопроса Бракен^{8*} предложил вручить все количество бумаги, отпускаемое полякам, в руки польпра, которое уже само будет ее распределять между различными органами. Тогда и ответственность за поведение печати ляжет на польпра.

– Ну, а если и такая система не поможет? – спросил я. – Что тогда?

Бракен развел руками и ответил:

– Тогда дело будет за Иденем. Если Иден признает, что определенный орган польской печати вреден с точки зрения укрепления отношений между союзниками, мы его закроем.

Итак, возможность закрыть газету все-таки имеется!

Далее я коснулся поведения польпра в истории с последней провокацией Геббельса и отметил, что это уже переходит всякие границы^{9*}. Совпра не меньше бритпра сознает важность поддержания единства среди союзников. Исходя из этого, оно проявляло в течение более года изумительное терпение в отношении польпра и польской эмиграции. Но всему есть предел. Сейчас этот предел достигнут, и совпра вынуждено было круто реагировать.

Черчилль просил Бракена рассказать детали последней истории. Когда Бракен упомянул о польско-немецком проекте «расследования» обстоятельств преступления через Красный Крест⁴⁸, премьер с раздражением воскликнул:

– Что за чепуха! Какое может быть расследование при наличии немецкой оккупации?

И затем, хитро улыбнувшись, Черчилль добавил:

– Пусть немцы сначала очистят от своих войск весь этот район, – тогда мы произведем расследование!.. Только я сомневаюсь, чтобы Гитлер оказался столь альтруистичен!

Я сказал, что весь проект «расследования» надо «убить» в самом же начале. Между тем бритпра и бритпресса молчат, создавая впечатление, что они если не сочувствуют данному проекту, то во всяком случае против него не возражают.

– Бракен! – воскликнул Черчилль. – Надо немедленно же «убить» всю эту идиотскую затею. Примите меры.

Бракен обещал выполнить директиву премьера в самом срочном порядке.

Затем Черчилль продолжал:

– Но все-таки этот конфликт между вами и поляками крайне неприятная штука. Его надо возможно скорее рассосать. Если бы вы согласились выпустить из СССР семьи польских солдат и 40 тыс. военнопленных, мир мог бы быть восстановлен. Мы же, с[о] своей стороны, приняли бы меры для того, чтобы смирить поляков и заставить их изменить свое поведение... Ну, на какой чёрт вам эти польские бабы и дети? Они только обуза для вас. А из-за них в польских войсках на Среднем Востоке почти бунт. Их ведь там 80 тыс., и сейчас они

^{8*} Далее вычеркнуто – «собирается».

^{9*} Далее вычеркнуто – «терпимости».

хорошо вооружены. Мы могли бы с успехом их использовать в предстоящем наступлении на Европу. А что получается? Генерал [В.] Андерс, командующий этими войсками, недавно заявил Сикорскому: снимите меня, пожалуйста, с командования, назначьте командовать полком. Это будет лучше. Больше не вмогуту. Куда это годится? Я просил Сикорского самого поехать на Средний Восток и оказать влияние на войска. Да, не знаю, что из этого выйдет...

И дальше Черчилль, то прерываемый, то дополняемый Бракеном, стал говорить о том, что сам Сикорский находится в критическом положении. «Экстремисты» ведут против него бешеную кампанию, обвиняя в слабости и угодничестве пред большевиками^{10*}. Неизвестно, удержится ли Сикорский. А если не удержится, кто «станет у власти»? Правительством завладеют эти самые «экстремисты». Отсюда Черчилль делал вывод, что в отношении нынешнего польпра надо действовать с осторожностью.

Бракен, в свою очередь, стал рисовать в ярких красках «американскую опасность»: положение Рузвельта очень деликатно, поляков в США много, и они дают много избирателей, католики легко могут поддержать поляков, а католиков в США 33 мил. Выборы на носу. Рузвельт не может игнорировать настроение католиков вообще, поляков в частности. Все это может связать руки президента и привести к ухудшению отношений между США и СССР. Вывод Бракена был таков: пусть совпра выпустит польские семьи плюс 40 тыс. военноспособных, и все уладится, а пропагандистский аппарат бритпра здесь и в Америке до максимума использует данный факт в интересах СССР и всех вообще союзников.

Черчилль поддержал Бракена и прибавил, что, когда он возвращался в прошлом году из Москвы, Андерс говорил с Черчиллем в Египте, прося оказать воздействие на СССР по вопросу о выезде семей и т. д.

— Я тогда ответил Андерсу, — продолжал Черчилль, — что сейчас этого не могу сделать. У меня нет побед. У меня только одни неудачи. Вот когда я одержу какую-либо крупную победу, я смогу обратиться к Сталину по такому поводу.

Я возразил, что поляки сами кругом виноваты в истории с их семьями, и вкратце объяснил, как создалось нынешнее положение. Я указал далее, что поляки вообще ведут совершенно нелепую, просто самоубийственную линию. Есть два факта, которые никто и ни при каких условиях не может изменить, а именно: 1) поляки наши соседи, 2) поляков 20 мил., а нас почти 200. Казалось бы, исходя из только что указанных условий, прямой расчет для поляков был бы стремиться всячески наладить отношения с СССР, что вполне возможно, не только возможно, но даже нетрудно, если поляки поведут разумную политику, ибо мы не имеем зла на польский народ, мы хотим жить с ним в дружбе, мы стоим за сильную, независимую Польшу — в ее этнографических границах. Мы никогда этого не скрывали. Я прямо сказал это Сикорскому и [А.] Залесскому, когда мы начинали переговоры о пакте взаимопомощи в 1941 г. А что мы видим в действительности? В действительности мы видим со стороны польпра лишь злопыхательство, клевету, антисоветские интриги и совершенно ни с чем непомерные амбиции. А результат? Результат содержится в привезенном мной сегодня послании т. Сталина.

^{10*} Далее вычеркнуто — «и в Англии и США».

– И должен прямо сказать, – продолжал я, – что бритпра за этот результат несет известную долю ответственности: своей терпимостью к польским безобразиям оно только поощряло всяких польских «экстремистов», которые теперь совсем распоясались.

Черчилль стал возражать и доказывать, что поляки имеют много хороших качеств, что они очень храбры, выносливы и т.д.

Я ответил, что никто не думает отнимать у поляков их смелости и боевой отваги, но, к сожалению, у них нет ни грана государственной мудрости.

– Вот вам пример от противного, – продолжал я, – чехи. Прошлое наших отношений с чехами оставило плохое наследство... Вы это должны знать...

– О, да, я это хорошо знаю, – расхохотался Черчилль.

– И тем не менее, – закончил я, – у нас с чехами сейчас очень хорошие отношения. Почему? Да потому, что чехи не стараются лезть выше головы и умеют вести умную политику. Они взяли дружественную нам линию за ряд лет до войны. И во время войны они показали, что надо делать. Они сформировали свои воинские силы в СССР, пошли на фронт, храбро бились под Харьковом, завоевали сердца наших людей. Ряд чехов получил советские ордена, один чех стал героем Советского Союза. В результате прошлое все больше забывается, советско-чешская дружба растет и укрепляется⁴⁹... Вот это я называю умной политикой. А поляки?..

Черчилль молчал и медленно посапывал^{11*} свою сигару. От времени до времени он прихлебывал из стоявшего перед ним стакана виски с содой. Наконец, он сказал:

– Этим польским вопросом придется заняться вплотную... В самые ближайшие дни. Я переговорю с Иденом. А Сталину я отправлю другое послание. Над ним надо будет подумать.

Я присидел у Черчилля почти до полуночи. Говорили много, говорили о разных вопросах. Кроме Польши, затронуто было немало других тем. Всего не упомнишь. Отмечу некоторые любопытные моменты.

Черчилль подчеркивал, что он, конечно, не верит немецкой лжи об убийстве 10 тыс. польских офицеров... Но так ли это? В одном месте разговора Черчилль бросил такую фразу: «Если бы утверждения немцев даже оказались правильными, мое отношение к вам все равно не изменилось бы. Вы храбрый народ, Сталин – великий воин, а я сейчас ко всему подхожу, прежде всего, как солдат, который заинтересован в скорейшей победе над общим врагом».

В другом месте Черчилль рассказал, что на днях Сикорский ему передавал о «пропаже» в СССР нескольких тысяч польских офицеров. Сикорский в декабре 1941 г. спрашивал Сталина об их судьбе, но «не получил ясного ответа».

В третьем месте Черчилль вдруг стал развивать мысль о том, что «на войне все бывает» и что командиры низших рангов, предоставленные самим себе, иногда способны «творить ужасные вещи».

Я решительно атаковал Черчилля за его полуподозрения. Он поспешил заверить меня, что никаких подозрений у него нет. Однако у меня осталось

^{11*} Так в тексте.

впечатление, что по вопросу о нашей невиновности в убийстве польских офицеров Черчилль имеет «mental reservations»^{12*}.

Черчилль с большой охотой вспоминал свою встречу со Сталиным. Рассказывал, между прочим, что поставил Сталину вопрос:

– Скажите, что для Вас тяжелее – нынешняя война или коллективизация крестьянства?

Сталин, по словам Черчилля, ответил, что коллективизация была тяжелее, ибо там приходилось иметь дело с десятками миллионов упрямых людей, которые не понимали и не видели преимуществ новой системы. Затем Черчилль, впавши в несколько философский тон, прибавил:

– Коллективизация стоила вам жизни нескольких сот тысяч, а может быть, и миллионов людей в одном поколении. Зато следующие поколения извлекут из нее без всяких жертв крупные выгоды. Мы бы так не поступили. Мы придаем слишком большую ценность каждой индивидуальной жизни. Мы, вероятно, постарались бы рассрочить процесс на много лет, чтобы избежать концентрации жертв на коротком участке времени. В результате следующие поколения тоже должны были бы платить свой «налог крови» за перестройку системы. Какой метод лучше? Не знаю. Может быть, ваш и лучше. Однако я совершенно уверен, что в нашей стране он не может быть применен.

Черчиллю очень импонируют не только военные доблести Сталина, но также и его военные чины. Имеется даже известное чувство зависти. Сегодня Черчилль сказал:

– Я теперь больше не зову Сталина премьером, я зову его маршалом!.. Конечно, он маршал и главком!..

И затем, обернувшись к Бракену, Черчилль со смехом прибавил:

– Может быть, мне тоже стать маршалом?..

Бракен поддержал Черчилля, но последний возразил:

– Нет, маршалом не выйдет... У нас нет такого титула... Вот разве капитан-генералом?..

Черчилль опять залился смехом, но видно было, что его сильно пленяет идея иметь высокий военный чин. Потом, уже в более серьезном тоне, он заметил, обращаясь ко мне:

– По существу я являюсь у нас главкомом. Конечно, я не всегда в состоянии провести то, чего я хочу. Но зато я всегда в состоянии предупредить то, чего я не хочу.

Черчилль спросил меня:

– Как объяснить, что ваша армия так плохо сражалась в финскую войну?.. Геринг даже целую теорию выдвинул: вы будто бы нарочно хотели ввести в заблуждение Германию...

– Какая чепуха! – откликнулся я. – По Герингу выходит, что мы сознательно провоцировали Германию на нападение, на опустошение Украины, Белоруссии, Кавказа... Кто может этому поверить?

^{12*} Мысленные отговорки (англ.).

– Я и не верю, – возразил Черчилль. – Но я все-таки не могу понять, как это ваша прекрасная армия так плохо показала себя в финской кампании. В чем дело?

– Во-первых, – отпарировал я, – мы имели в финской войне неудачи только в первой половине. Во второй половине Красная Армия дралась очень хорошо и имела крупные успехи. Достаточно напомнить прорыв линии Маннергейма. Во-вторых, почему все-таки в первую половину войны дела у нас шли неважно? Ответ очень прост: вначале мы недооценили противника и не сделали необходимых приготовлений для борьбы с ним. Потом, на ходу, пришлось исправлять эту ошибку.

Черчилль закончил:

– Ваше объяснение звучит убедительно... Должен, однако, сказать, что финская кампания оказала вам плохую услугу. Она создала в Германии и повсюду за пределами Германии, особенно среди военных экспертов, представление о Красной Армии как о слабой армии. Если бы этого не было, Германия, возможно, не рискнула бы на вас напасть...

Я спросил Черчилля:

– Вы были членом правительства в прошлую войну и имели тогда дело с царским правительством. Вы являетесь в нынешнюю войну главой правительства и имеете дело с советским правительством. Скажите, чувствуете ли вы разницу между этими двумя правительствами и если чувствуете, то какую?

Черчилль ответил:

– Конечно, чувствую. Главное состоит в том, что советское правительство неизмеримо сильнее царского правительства.

И потом прибавил:

– Но прежде всего для меня существует Россия... Россия... Ее народ, ее поля, ее леса, ее культура, музыка, пляски... Они неизменны... Я имею дело с Россией, я воюю вместе с Россией, я хочу строить будущее вместе с Россией...

Зато в отношении к коммунизму Черчилль непримирим. В одном месте он воскликнул:

– Не хочу коммунизма! Он противоречит нашей натуре, нашей истории, нашему взгляду на жизнь... И, если кто-нибудь пришел бы сюда и захотел установить в нашей стране коммунизм, я стал бы бешено драться против него, так же бешено, как я сейчас дерусь против наци!..

Голос Черчилля при этом гремел, как труба, а глаза горели злым, раздраженным огнем.

Вернулся от Черчилля домой во втором часу ночи.

Еще одно. В ходе беседы Черчилль как-то воскликнул:

– Ненавижу Гитлера и хочу его уничтожить! Не политически, а физически! Но не на виселице, не у стенки – все это такие формы смерти, кот[орые] могут способствовать созданию легенды около имени Гитлера. Ведь в прошлом столько действительно великих людей кончило так свою жизнь и потом было

опозитизировано потомством... Нет, я хочу, чтобы Гитлер умер на электрическом стуле, как преступник. Такую смерть не опозитизируешь! Из нее не сделаешь легенды!

25 апреля

Хорошо наши умеют выражаться! Не очень дипломатично, если судить масштабами старой дипломатии, но зато красочно и крепко. «Черт и его бабушка» (в послании т[ов]. Сталина Черчиллю по поводу [Ж.Л.] Дарлана)* произвели в здешних правительственных и политических кругах очень сильное впечатление. А вот еще один пример.

В начале апреля [А.К.] Керр в письме сообщил т[ов]. Молотову, что румыны в одной нейтральной стране распространяют слухи, будто бы Германия в скором времени будет вынуждена предложить мир СССР, предоставив ему Вост[очную] Европу и Балканы в качестве «сферы влияния». Недавно т[ов]. Молотов ответил Керру тоже письмом, в котором поблагодарил английского посла за его сообщение и затем прибавил, что к нам пока никто не обращался с предложением мира и что, если бы кто-либо (румыны, японцы и т.д.) от имени немцев даже «сунулся» с таким предложением, то мы «послали бы его ко всем чертям»⁵⁰.

27 апреля

Вчера меня спешно вызвали из Бовингдона, где мы с Агнией проводили пасху.

Пришло новое послание от Сталина, которое я должен был срочно передать Черчиллю. Оказалось, после моего отъезда, 24 апреля Черчилль отправил Сталину новое послание по польскому вопросу, в котором он просил не обострять ситуацию и особенно аргументировал при этом «американской опасностью». Ничего конкретного, однако, в этом послании не было.

Сталин ответил, что вопрос о «прекращении» отношений с польпра уже решен и что Молотов 25 апреля уже передал в этом духе ноту [Т.] Ромеру (польский посол в Москве). Больше того: наша нота Ромеру будет опубликована в вечерней прессе в Москве 26 апреля⁵¹.

Итак, положение обостряется. Мне кажется, что нашей целью является взорвать правительство Сикорского и очистить путь для создания более демократического и дружественного польпра к моменту или в момент, когда Красная Армия окажется на польской территории. Такая линия правильна: за последние 1½ года я пришел к выводу, что лондонская эмиграция, включая польпра Сикорского, совершенно безнадежна. Однако проведение данной линии натолкнется на известные затруднения – со стороны Англии и еще больше США. Что ж, их надо будет преодолеть. Может быть, в процессе преодолевания наметится какой-либо приемлемый компромисс. Поживем – увидим.

Из нашей ноты я делаю следующий вывод*: совпра чувствует себя сейчас, накануне военных событий нынешней летней кампании, очень уверенно

* См. примеч. 1.

* Далее вычеркнуто – «очевидно».

и находит момент подходящим для того, чтобы на деле сказать Англии и США – «в делах Восточной Европы – хозяин я!»

Это приятно.

28 апреля

[Ян] Масарик рассказывал след[ующую] «story»*:

Берлин. 1950 г. В большую пивную входит незнакомец и садится у стола, за которым уже сидит за кружкой пива какой-то немец. Незнакомец тоже берет кружку пива. Через некоторое время между обоими завязывается беседа. Незнакомец спрашивает:

– Да, кстати, не можете ли мне сказать, что случилось с этим странным, крикливым человеком... с маленькими усиками?

– С маленькими усиками? – переспрашивает немец. – А, это вы, вероятно, имеете в виду Гитлера?

– Да, Гитлера, Гитлера, – подтверждает незнакомец.

– Как же, знаю! – отвечает немец. – Он вернулся к своей настоящей профессии: работает маляром в Австралии.

Незнакомец делает два глотка и затем спрашивает:

– А не знаете ли, что случилось с этим большим, толстым дядей?.. Он еще так любил всюду нацеплять на себя ордена и медали.

– А-а? Вы думаете, Геринг? – догадывается немец.

– Да, Геринг, Геринг! Вспомнил! – откликается незнакомец.

– Геринг? – повторяет немец. – О, Геринг хорошо устроился: работает пилотом у частной линии в Южной Америке.

Еще пара глотков, и незнакомец опять спрашивает:

– А куда девался этот маленький, черненький, безобразный пискун с хромой ногой?

– Пискун с хромой ногой? – задумывается немец. – А-а? Геббельс?

– Конечно, Геббельс! – подтверждает незнакомец. – Как же это я забыл?

– О, Геббельс живет себе ничего, – сообщает немец. – Редактирует газетку в Западной Африке.

Минута-другая проходит в молчании. Наконец, немец обращается к незнакомцу с вопросом:

– А вы почему так всем этим интересуетесь? Вы сами кто такой будете?

– Я? – отвечает незнакомец. – Я – лорд Гесс. – На хорошем немецком языке, но с заметным английским акцентом.

29 апреля

Польские события развиваются.

После вручения Черчиллю послания Сталина от 26 апреля* я занял выжидательную позицию. Наоборот, в польско-английских кругах началась большая агитация. 27 и 28[-го] происходил ряд совещаний между Черчиллем и Иденом, с одной стороны, Сикорским и [Э.] Рачиньским – с другой. Речь по существу шла о том, как польпра реагировать на ноту Молотова от 25[-го]. Поляки пету-

* История (англ.).

* Послание Сталина Черчиллю датировано 25 апреля 1943 г., вручено Майским 26 апреля.

шились, англичане их сдерживали. Первоначальный проект польского коммюнике дважды возвращался польпра для переделки. Передавали, будто бы Черчилль крепко ругал поляков за их поведение. Так ли это было в действительности, не знаю. Как бы то ни было, но только 28[-го] к вечеру появилось наконец столь долгожданное и несколько раз откладывавшееся польское коммюнике. Ротштейн^{2*} прочитал мне его текст по телефону. Текст оказался хуже, чем можно было предполагать.

Около 11 часов вечера мне неожиданно позвонил Иден.

– Ваши «СВН»⁵², – заговорил Иден, – прекрасная газета, но почему они так резко нападают на Сикорского и его правительство?.. «Агенты Гитлера» ... «Пособники фашистов»... Разве такие выражения можно допускать?.. Как бы вы ни относились к Сикорскому, но все-таки необходимо учитывать, что мы, бритпра, признаем польпра и считаем его союзным правительством. Кабинет только что решил принять меры против эксцессов польской прессы, но, если «СВН» будут продолжать свою атаку против польпра, я боюсь, что польпрессу нельзя будет удержать от ответа той же монетой. К чему эта полемика?.. Надо поскорее создать спокойную атмосферу. Это облегчит разрешение возникших затруднений... Я был бы вам очень благодарен, если бы Вы дали «СВН» инструкции проявлять больше сдержанности и корректности.

Я спросил Идена, какие именно номера «СВН» или какие именно статьи он имеет в виду? Оказалось, что речь идет о перепечатках статей «Правды» и «Известий» по польскому вопросу. Чтобы выиграть время, я сказал, что не видал соответственного номера нашего бюллетеня и что я вернусь к вопросу, когда с ним ознакомлюсь. В порядке предварительном я, однако, заметил, что любая резкость «Правды» и «Известий» совершенно бледнеют пред разнузданностью польской прессы в отношении СССР. Если бритпра в течение более года терпело эту разнузданность, почему Иден сейчас так волнуется по поводу какой-то передовицы московской газеты?

Когда с вопросом о «СВН» было покончено, Иден спросил:

– Читали вы только что выпущенное польское коммюнике?.. Мы с премьером сильно попотели над ним!

– Не читал, но прослушал его по телефону, – ответил я.

– И каково ваше впечатление^{3*}? – продолжал Иден.

– Отрицательное, – отрезал я.

– Отрицательное? – с разочарованием в голосе воскликнул Иден. – Но почему?

– Пока я сам не прочитал коммюнике, – ответил я, – я предпочитаю не давать разъяснений по вашему вопросу.

На этом наш телефонный разговор кончился.

Сегодня утром Иден спешно пригласил меня к себе. Это было наше первое свидание с момента моей поездки к Черчиллю в [Чартуэлл]. Во время польско-английских разговоров 27–28 апреля Иден не информировал меня о ходе вещей, и я кое-что узнавал о событиях со стороны. Теперь Иден, очевидно, решил выполнить свой «союзный» долг и официально сообщить о том, что произошло.

^{2*} Ротштейн Андрей Федорович (Эндрю) – заведующий лондонским отделением ТАСС.

^{3*} Далее вычеркнуто – «вновь спросил».

Прежде всего, Иден ознакомил меня с тремя посланиями Черчилля Сталину по польскому вопросу (24 и 25 апреля)^{4*}. Далее Иден сообщил, что по желанию премьера он виделся 24[-го] с Сикорским и добился от него целого ряда крупных уступок – таких уступок, которые делали возможным избежать разрыва. Черчилль об этом сразу же телеграфировал Сталину, но...

– К сожалению, – прибавил Иден, – послание премьера опоздало. Разрыв уже произошел. Керр в Москве виделся с Молотовым и пытался предотвратить разрыв, но тоже не имел успеха.

Иден казался искренно огорченным.

– В последние недели, – опять заговорил он, – дела шли так хорошо. Наши с вами отношения были лучше, чем когда-либо раньше. Премьер был доволен. И вдруг такой неожиданный удар!.. Боюсь, как бы злосчастный польский вопрос не осложнил отношения между нашими странами. Конечно, я, с своей стороны, сделаю все возможное для избежания этого, но кто знает^{5*}?.. Очень просил бы вас, с своей стороны, помочь мне удержать англо-советские отношения в том дружественном русле, по которому они шли в последнее время.

Я ответил, что в моей помощи Иден может не сомневаться, но что я не думаю, чтобы моя помощь вообще понадобилась. В Москве сидят весьма разумные люди, и они, с[о] своей стороны, сделают все возможное для локализации возникшего осложнения. Вот насчет Англии я в этом не так уверен. Здесь активное содействие Идена было бы очень полезно.

Иден еще раз заверил, что за ним дело не станет.

Далее я перешел к вопросу о «СВН». Я сказал, что ознакомился с тем номером бюллетеня, на который вчера мне жаловался Иден, и должен по совести признать, что не нахожу в нем ничего особенно резкого.

– Сравните-ка его с тем, что пишется в польской прессе!

– Да, но все это в прошлом! – реагировал Иден. – Сейчас мы принимаем меры, чтобы привести польскую прессу в надлежащий вид. И мы приведем ее!

Однако, точно испугавшись своей^{5*} категоричности, Иден поспешил пере-страховаться:

– Конечно, если московская пресса не будет каждый день объявлять Сикорского изменником.

Я ответил, что московская пресса имеет такое же право на высказывание своего мнения, как лондонская. Что же касается обещаний Идена смирить польскую прессу, то, откровенно говоря, я отношусь к ним с некоторым скептицизмом. Опыт прошлого научил меня в этом отношении осторожности.

– Нет, сейчас будет иначе! – возразил Иден. – Дайте мне немножко времени. Сохраните спокойствие в течение некоторого времени. И вы увидите результаты.

Я обещал учесть просьбу Идена.

– Да, кстати, – продолжал он, – у вас там пишет одна женщина... Как ее?.. Как ее?..

Иден потер себе лоб, но все-таки не мог припомнить имени этой женщины.

^{4*} См.: Переписка... Т. 1. №151–153. С. 153–144, 145–146; Очевидно, имеется в виду также послание Черчилля Сталину от 28 апреля 1943 г. (см.: *Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1971. Vol. 2. P. 628.*)

^{5*} Далее вычеркнуто – «слишком большой».

– Может быть, Ванда Василевская^{6*}? – пришел я на помощь Идену.
– Вот! Вот! – с облегчением воскликнул Иден. – Именно Ванда Василевская!.. Очень опасная женщина!

Я рассмеялся и ответил:

– Блестящая писательница!

– Тем опаснее она! – откликнулся Иден.

– Ха-ха-ха! – не мог удержаться я от смеха. – Вот скоро в английском переводе выходит роман Ванды Василевской «Радуга». Я вам пришлю его почитать.

– Очень хорошо, – ответил Иден. – Но пока все-таки давайте устроим газетное перемирие по польскому вопросу.

Я повторил еще раз, что учту желание Идена.

Затем я коснулся коммюнике. Я сказал, что успел прочитать его и составить более ясное представление об этом документе. Мнение мое о нем не изменилось. Не стану обсуждать коммюнике по существу. Позволю себе задать Идену только один вопрос:

– В коммюнике несколько раз подчеркивается «целостность Польской Республики». В переводе на более простой язык это означает границы 1939 г. Вчера вечером вы мне сказали, что вам и премьеру пришлось здорово попотеть над коммюнике. Из этого как будто бы вытекает, что вы и Черчилль являетесь соавторами коммюнике. Должен ли я сделать отсюда тот вывод, что бритпра^{7*} признало польские границы 1939 г.? Мне это важно знать, чтобы сообщить моему правительству, как оно должно расценивать смысл и значение коммюнике.

Иден был почти потрясен. Видимо, ему до сих пор не приходило в голову, что события последних двух дней могут дать повод для такого толкования.

– Ничего подобного! – воскликнул Иден с необычной горячностью. – Позиция бритпра в вопросе о польских границах ни на йоту не изменилась. Все остается по-старому. Неправильно называть нас – меня и премьера – соавторами коммюнике. Неверно! Мы прямо сказали Сикорскому: «Это ваше, польское, коммюнике! Мы не несем за него ответственности!» Все, что премьер и я сделали, это внесли ряд улучшений в первоначальный польский проект. Вы знаете, что там было^{8*}?.. Только смоленские могилы, и ничего больше. Премьер сказал Сикорскому: «Бросьте вы думать о мертвых, которым вы все равно не поможете! Думайте о живых и о том, что для них можно сделать!» Под нашим нажимом поляки уступили. То, что, в конечном счете было опубликовано, – лучшее, чего можно было добиться. Но ни премьер, ни я не являемся соавторами!

Я выслушал Идена и ответил:

– Ваше различие между тем, что является, и тем, что не является соавторством, настолько тонко, что недоступно моему пониманию. Но дело сейчас не в этом. Дело в том, что я могу сообщить своему правительству о позиции бритпра в вопросе о польских границах?

– Передайте вашему правительству, – горячо откликнулся Иден, – что бритпра по-прежнему ни в какой мере не гарантирует польских границ 1939 г.!

^{6*} Василевская Ванда Львовна. Имеется в виду ее статья в газете «Известия» от 28 апреля 1943 г. под заголовком «Польские патриоты – против правительства генерала Сикорского».

^{7*} Вычеркнуто – «теперь».

^{8*} Вычеркнуто – «там были».

30 апреля

Сегодня в 5 час[ов] утра умерла Беатриса Вебб!

В течение последних 10 дней она хворала, много дней была без сознания и, наконец, совсем ушла из мира.

Какая горькая утрата! Конечно, Беатрисе Вебб свыше 85 лет, но что с того? Еще совсем недавно, всего лишь несколько недель назад, мы были в Lophook*. Беатриса Вебб была еще совсем, как всегда, – жива, разговорчива, полна интереса к окружающему. Особенно внимательно она следила за СССР, за всем, что происходит на «русском фронте»⁵⁴.

И вдруг такой удар!.. А я еще совсем на днях собирался съездить к Веббам, повидаться и побеседовать...

Итак, из этой славной «четверки»^{2*} первой ушла Беатриса. Так неожиданно. Я не думал, что она будет первой.

30 апреля*

Сегодня около 5 часов дня Черчилль неожиданно вызвал меня к себе. Просил приехать немедленно. По дороге я гадал, зачем бы я так экстренно понадобился премьеру, и, пораскинув умом, а также вспомнив его приглашение 9 апреля, решил, что речь, очевидно, идет о «Soviet War News»^{2*}.

Я не ошибся. Впрочем, сначала Черчилль заявил, что хотел сообщить мне один дополнительный пункт к своему посланию т. Сталину от 28 апреля^{3*}, который задним числом посылается в Москву по специальному решению кабинета. В этом пункте Черчилль выражал сожаление по поводу того, что т. Сталин действовал слишком поспешно в деле разрыва отношений с польпра, так поспешно, что Черчилль не имел даже возможности довести до конца свои «примирительные» попытки. Прочитав, Черчилль прибавил:

– Кабинет находит, что я слишком перегнул палку в вашу сторону, и хочет этим дополнением восстановить равновесие.

Я невольно усмехнулся.

Впрочем, все это было только «присказка». Сказка началась сразу же после того. На столе у Черчилля лежал сегодняшний номер «SWN»^{4*}, в котором напечатана (с сокращениями и смягчениями) последняя статья Ванды Василевской^{5*} из «Известий». Такая пальцем в эту статью и все больше разгораясь по мере того, как он говорил, Черчилль стал рычать:

– Я не хочу больше полемики по этому вопросу! Она только отравляет атмосферу! Я больше не позволю полякам нападать на вас, но я не могу позволить и вам нападать на поляков, – по крайней мере, в Лондоне. Да и в Москве вам было бы лучше не очень атаковать поляков. Надо же все-таки поискать путей для урегулирования возникшего конфликта!

* Лопхук – место загородного дома Веббов.

^{2*} Очевидно, имеются в виду Б. Шоу и С. Вебб и их супруги.

* Так в тексте.

^{2*} См. примеч. 52.

^{3*} Опубликованное послание Черчилля Сталину датировано 30 апреля 1943 г. (Переписка... Т. 1. С. 146–148). «Дополнительный пункт» вынесен в начало послания.

^{4*} Имеются в виду «Soviet War News».

^{5*} См. выше подстрочник б* к записи от 29 апреля.

В таком духе Черчилль продолжал еще несколько минут. Возбуждение его подымалось все выше, голос перешел почти в крик, глаза дико вращались. Чем больше кипятился премьер, тем спокойнее я становился. Когда Черчилль наконец остановился, я с легкой улыбкой сказал:

– Мистер Черчилль, во-первых, не следует так горячиться. К чему это? Давайте лучше разговаривать мирно и по-дружески. Уверен, что мы сможем с вами так скорее договориться. Во-вторых, вы возмущаетесь тем, что Ванда Василевская говорит: правительство Сикорского не представляет польского народа. Но разве это неправда? Кого, в самом деле, представляет польпра в Лондоне?

Черчилль неопределенно отмахнулся и бросил:

– Ну, знаете ли, если бы мы стали с таким критерием подходить ко всем эмигрантским правительствам, то неизвестно, что было бы... Попробуйте-ка сказать, кто представляет кого?

– Но не станете же вы утверждать, – продолжал я, – что правительство Сикорского сформировано по последнему слову британской конституции!

Сравнение Сикорского с британской конституцией, видимо, показалось Черчиллю настолько забавным, что он рассмеялся и уже более добродушно добавил:

– Смотрите, если вы еще раз попытаете атаковать Сикорского в «Soviet War News», я напечатаю статью в защиту Сикорского в «Британском Союзнике»^{6*}.

Я ответил:

– В-третьих, мистер Черчилль, если вы возражаете против помещения в нашем органе статей, направленных против Сикорского, я учту ваше желание. Но при одном условии: если польская пресса в Лондоне радикально изменит свое поведение. Я теперь буду за ней внимательно следить и делать отсюда свои выводы.

– Нет, нет! – заверил Черчилль, – вы можете быть спокойны: я не позволю полякам безобразничать! Если вы заметите в польской прессе что-либо неладное, сообщайте Идену или Кадогану.

И Черчилль при этом кивнул в сторону сидевшего рядом с ним Кадогана (Иден на «уик-энде»!).

По-видимому, вопрос был исчерпан, и я поднялся, чтобы откланяться. В этот момент, однако, Кадоган наклонился к уху Черчилля и что-то ему шепнул.

– Да, кстати, – вдруг начал опять премьер, – вы как будто бы собираетесь создавать параллельное польское правительство в Москве?.. Имейте в виду, что мы, бритпра, будем по-прежнему поддерживать Сикорского. И, насколько я знаю, американцы сделают то же самое.

Черчилль опять начал горячиться и повышать голос. Я опять спокойно ответил:

– Не всякому слуху верь! Немцы пускают утки, поляки их подхватывают, а добрые англичане им верят. Все это сплошная чепуха: никакого параллельного правительства в Москве мы не собираемся устраивать.

^{6*} Еженедельный орган Министерства информации Великобритании, издавался с августа 1942 г. на русском языке. Освещал в числе другого вопросы развития отношений с СССР в военные годы.

– В самом деле? – сразу просветлев, воскликнули Черчилль и Кадоган, точно не веря своим ушам.

– Да, в самом деле! – подтвердил я. – Могу сказать это с полной определенностью.

Как раз за несколько часов до свидания с Черчиллем я получил из Москвы соответственное сообщение с просьбой опровергать распространяемые немцами слухи.

– Однако, – продолжал я, – с нынешним польским правительством мы восстанавливать отношений не будем.

Настроение Черчилля и Кадогана сразу упало.

– Почему? – спросил Черчилль.

– Как почему? – удивился я. – Разве правительство Сикорского всем своим поведением не обнаружило своего истинного лица? Оно враждебно или в лучшем случае полувраждебно СССР. Мы могли бы восстановить отношения только с польпра, которое нашло бы пути для установления дружеских отношений с нами.

Вмешался Кадоган и сразу перешел на практическую почву:

– Скажите, весь состав нынешнего польпра для вас неприемлем? Или вы делаете для кого-либо исключения? Напр[имер], лично для Сикорского?

Я ответил, что вопрос о личном составе польпра – вопрос для поляков. Я не хотел бы в него вмешиваться. Что касается лично Сикорского, то он мне кажется человеком, понимающим важность добрых отношений с СССР, но, к сожалению, слишком слабым.

– Подождите месяц-два – будут перемены! – воскликнул Черчилль.

Когда я уже прощался, Черчилль с восхищением произнес:

– Мудрый человек Сталин!

И затем, пожимая на прощанье руку, прибавил:

– Поеду теперь на уик-энд с более спокойной душой.

Уик-энд! О, священное английское установление!

1 мая

Неожиданный визит. Приходил инспектор Скотланд-Ярда Вилкинсон* (тот самый, который в прошлом году охранял в Лондоне Молотова) и от имени начальника столичной полиции Sir Philip Game^{2*} предложил мне специальную охрану ввиду того, что по имеющимся у Скотланд-Ярда сведениям в кругах «безответственных поляков» раздаются угрозы убить меня.

Я отнесся к этим сведениям скептически. Вилкинсон, однако, продолжал настаивать. В конце концов я согласился на усиление полицейских пикетов на нашей улице, поблизости от посольства (меня несколько смущает штаб-квартира Сикорского напротив нашего посольства), но отказался от постоянного сопровождения полицейской машины при моих передвижениях по городу.

Примечание, 6 мая.

Я сообщил в Москву о визите Вилкинсона и о моей реакции на него. Получил из Москвы распоряжение согласиться на сопровождение машины. Придется выполнить, хотя это будет стеснительно. Не люблю я «помпы» (хотя бы и полицейской «помпы») около моей личности.

* Видимо, Уилкинсон. Имя не установлено.

^{2*} Сэр Филип Гейм (англ.).

2 мая

Часы идут, и старики близятся к концу...

Эта мысль мне с особой настойчивостью пришла в голову, когда на днях мы с Агнией побывали у Шоу. Мы не видели их несколько месяцев. Слышали от Веббов, что Шоу живут неважно: болеют, хандрят, страдают от одиночества. Что имеют какие-то troubles* с карточками, с бензином, с прислугами. Давно собирались навестить стариков – и вот навестили.

Невесело! Миссис Шоу лежит в постели и не встает. Агния была у нее в спальне и разговаривала. Дело миссис Шоу плохо: у нее сильное искривление позвоночника и всю ее скрутило. Она стала совсем маленькой и кривой. Жалуетса, что теряет память: массу читает и ничего не запоминает из прочитанного. Даже имена и лица знакомых забывает. Говорила Агнии, что в возрасте 16 лет она упала с лошади и ушибла позвоночник. Потом прошло. В дальнейшем миссис Шоу еще несколько раз задевала позвоночник. Пока силы были, ничего особенного не чувствовала, а вот теперь природа вспомнила ее старые грехи и берет реванш.

– Я чувствую, что умираю, – говорила миссис Шоу. – Умираю по дюймам...

Конечно, миссис Шоу почти 90 лет, но все-таки... плохо!

Сам Шоу лучше. Ему ведь только 87! Выглядит, в общем, по-прежнему: высок, строен, с большой седой бородой и густыми, взъерошенными белыми бровями. Глаза еще живы, подвижны, выразительны. Вот только цвет лица как-то побледнел, да вокруг глаз, под веками, появилась какая-то подозрительная синева. Точно организму не хватает крови.

И страсть к парадоксам, к остроумию не пропала.

– Я сделал недавно открытие, – широко размахивая руками, воскликнул Шоу. – Сталин – это главный фабианец в истории!

– Почему? – со смехом отпарировал я.

– Потому что Сталин осуществил социализм, о котором фабианцы только мечтали и болтали.

Я расхохотался. Шоу остается Шоу.

Потом Шоу бешено напал на Павлова^{2*}. Не любит он нашего великого ученого. Подозреваю потому, что Павлов резал собак и кроликов, а ведь Шоу антививисекционист! Конечно, Шоу прямо этого не говорит и старается опорочить Павлова «обходными путями». Поэтому в разговоре со мной Шоу стал доказывать, что все «так называемые открытия Павлова об условном рефлексе и прочей ерунде», во-первых, не открытия, а, во-вторых, еще задолго до Павлова были сделаны... самим Шоу!

Я опять расхохотался.

Шоу продолжает писать. Занят сейчас составлением «Гида»^{3*} для современных политиков и общественных деятелей. Работает над ним уже два года. Жаловался, что дело идет медленнее, чем ему хотелось бы, но идет. Воображаю, что это будет! Если верить тому, что Шоу мне рассказывал о содержании «Гида» (хотя расскажам Шоу об его собственных произведениях не всегда

* Хлопоты (англ.).

^{2*} Павлов Иван Петрович – действительный член АН СССР.

^{3*} Справочник (англ. – «Guide»).

следует верить), в нем много остроумия, но преобладает безудержный парадокс. Жестоко попадает и бедному Павлову.

Потом Шоу пустился в воспоминания. Много рассказывал о своем первом мая – в 1889 г.! Впрочем, все это я нашел несколько дней спустя на страницах «Reynolds News»^{4*}.

Долго ли еще протянут старики? Предчувствие у меня что-то не очень хорошее.

Надо будет на днях съездить к Веббам. Мы обещали им побывать у Шоу и немножко рассеять их. Теперь обещание исполнено. Можно встретиться и поболтать с Веббами. Слышал вчера, что миссис Вебб нездорова^{5*}. Придется, очевидно, немного подождать.

Две пары. Современники. Товарищи по мировоззрению и борьбе. Друзья. Обе с мировым именем. Обе примерные однолетки. У обеих свеча жизни догорает до конца...

Грустно.

Но как давно мы с Агнией в Англии! Когда мы сюда приехали в 1932 г., и Шоу, и Веббы были еще бодры, подвижны, энергичны. Шоу еще каждую зиму совершали какой-либо большой cruise^{6*} по земному шару, во время которого он писал какое-либо новое произведение, а Веббы еще упорно работали над «Советским коммунизмом» и ездили в СССР для пополнения впечатлений и материалов. В последний раз Веббы отправились за границу весной 1936 г., чтобы отдохнуть после выпуска своего монументального труда об СССР. Они поехали тогда на Балеарские острова. Я провожал их на вокзале. Вернулись они оттуда как раз накануне испанской войны. Как символично! Именно тогда Европа вступила на «тропинку войны». После того старики уже больше не покидали Англии.

[К записи от 2 мая приложена нижеопубликованная статья Б. Шоу из газеты «Reynolds News» (1943. 2 May). В примеч. 55 содержится перевод отдельных частей статьи.]

«Shaw says: I won't be there»

THIS MAY DAY⁵⁵

I am old enough to remember when the ancient festival of May Day was adapted to the Labour Movement as a grand demonstration of the solidarity of the proletarians of all lands whom Karl Marx had exhorted to unite. As I was then at the top of my form as a speaker, and prominent as a leading spirit in the only Socialist society which was not reft with internal quarrels, and has held together to this day (the Fabian Society), I not only attended the early mass meetings in Hyde Park, but provided some of the entertainment by my platform speeches. I remember the whole business in a general way very well; but I can recall only one incident.

*

At the first meeting, having done my platform job, I came down into the crowd to have a look round. Suddenly I found myself confronted with an elderly gentleman in a brown suit, bearded, not too stocky in build, but on that side rather than on the tall thin side like myself. He seemed enormously amused at something – something about me, apparently. He planted himself squarely before me, and said: «Do you know me? Can you tell me my name?»

It was evident that he thought I ought to know him, and that the fact that he was a stranger to me was an irresistible joke, I made the usual mendacious excuses, assuring him that I knew him perfectly

^{4*} Английская газета «Рейнолдс ньюс».

^{5*} См. запись 30 апреля 1943 г.: «Сегодня умерла Вебб» (это правильная дата).

^{6*} Путешествие (англ.).

well, but that I could not at the moment remember his name, adding apologetically that in the Labour Movement I knew many people who knew my name but never told me theirs.

«My name», he said, «is Friedrich Engels».

The joke was that I, who called myself a Socialist, did not know at sight the man who, since Marx's death, was the figurehead of Socialism all the world over.

I politely joined in the laugh against myself; and we parted in the best of good humours; but I was not really amused; for there was something pathetic in the position of this old pioneer, once the centre of a Movement which had either forgotten him or never heard of him.

*

Labour May Day was at first a grand success: it looked as if the proletarians of all lands were at last really uniting. But soon in was the old story; their unity brought them together; and the moment they found themselves all in the same room they began to differ.

May Day was all very well if it fell on a Sunday; but how if it fell on a weekday, as it did six times out of seven? Were the workers to lose a day's wages for it when it could just as well be celebrated on the first Sunday in May? Yes, shouted the Marxian Diehards. Not – likely, said the British contingent. May Day petered out in the squabble.

I did not care; for I knew too well that mass meetings and demonstrations and platform speeches are safety valves for Capitalism; they let off steam when in threatens to reach explosion point. My last contact with the question was at the International Socialist Congress in the nineties at Zürich, where it came to an issue between the British and the Continentals, who had to work on Sundays much as on other days.

The Congress was bossed, as usual, by the German Social Democratic Party, led by the elder Wilhelm Liebknecht, already then an old Parliamentary hand, and August Bebel, the most astoundingly fluent and copious orator I or anyone else ever listened to. They were bent on getting an unanimous decision from the Congress in favour of May Day Accordingly, the Bureau, which they dominated, brought forward a resolution in the three languages in use at the Congress. And the translations were so worded as to make the British section believe that it was voting for the first Sunday in May, and the continentals believe that they were voting for May Day. The trick failed: for the British misunderstood it and opposed the resolution, being mostly resolved to oppose it anyhow.

*

The division closed the morning sitting. As we broke up it happened that Liebknecht and I came together on the platform; and I tried to explain the misunderstanding to him. He looked at me wearily, and saw, as he supposed, a young and green recruit who expected something very revolutionary from him, and knew nothing of practical politics.

He had a speech ready for such occasions, and proceeded to assure me that he and his Party were as ready as ever for the barricades and would prove it when the time came. As the mission of the Fabian Society was to get the Socialist Movement off the barricades (which are not compatible with machine-guns) and make the Movement respectable and constitutional, I was rather disgusted as being treated as a greenhorn by one who was, to me, a veteran dating strongly from the pre-Fabian eighteen-sixties. So I turned on my heel and left him as soon as I could without incivility.

When next we met he had grasped the Fabian situation; but in the nineties he was still kept in ignorance of it by Marx's daughter Eleanor and her housemate Edward Aveling whom no English Socialist Society would admit as a member because, though a sincere Marxist, he was an incorrigible borrower and seducer. The two had persuaded the German Party that genuine British Socialism existed only in the house of Engels.

*

My turn as an old pioneer came at last. Just as Engels and Liebknecht knew nothing of me and what I stood for, there was soon a man of whom I knew nothing living in my own political division of St. Pancras, at Holford-square, near the Gray's Inn-road, His name was Vladimir Ilich Ulianov, alias Lenin, Luckily, I did not meet him in the flesh; and when I heard of him I backed him from the beginning, though the best he had to say of me was that I was "a good man fallen among Fabians". He died in the thick of the struggle between Catastrophic Marxism and the Fabianized variety.

It was left to Stalin to build a sound common-sense administration out of the two sets of bricks; and him I did not meet until I was 75 and as completely on the shelf as Engels was that day in the park.

I draw no moral from these ancient anecdotes, I only wish to mention that I am no longer imposed on by the pseudodemocracy of mass meetings, platform speeches, and party parliaments of Anybodies chosen by Everybody. On May Day I shall simply not be there. Nor shall I be missed.

(World copyright reserved).

3 мая

Только что вернулся с похорон Беатрисы Вебб. Они происходили в частном порядке. Были лишь члены ее многочисленной семьи, включая [Ст.] Криппса с женой. Исключение было сделано только для нас с Агнией: мы были слишком близкие друзья покойной. Тело сожгли в крематории в Уокинге. Тихое и торжественное место: небольшое красивое здание в огромном парке с[о] старыми, могучими деревьями. Перед сожжением была служба, но очень краткая – минут на пять. Священник прочитал какие-то напутственные молитвы, сказал несколько напутственных слов. Потом гроб исчез в стене, за которой печь крематория...

На похоронах присутствовало всего человек 60 – в большинстве пожилые и даже старые люди. Много седины и морщин на лицах. После похорон к нам подошла сестра Беатрисы – самая младшая из 9 сестер Поттер, единственная оставшаяся в живых. Очень древняя старушка! И по внешности ничего похожего на величественно-одухотворенную Беатрису.

Сидней Вебб тоже был здесь. В черном хорошем костюме с черной красивой шляпой он был полон необычной торжественности. Седые волосы и седая борода ярко выделялись на темном фоне костюма. Меня поразил цвет его лица: ярко-розовый, необычно здоровый... Здоровый? Нет ли тут какого-либо обмана природы? Такие вещи бывают. Но глаза Сиднея! Они меня испугали: широко открытые, с налитыми кровью веками, полные боли. Когда Сидней увидал нас, в его глазах показались слезы. Они стали еще страшнее. Тем не менее он сдержался, не размяк, взял себя в руки. Вообще, по словам Барбары Дрэк (племянница Беатрисы), которая провела в Passfield Corner* все предсмертные дни Беатрисы, Сидней вопреки ожиданию обнаружил много крепости, мужества, выдержки в этот тяжелый для него момент.

Возвращаясь из Уокинга домой, мы с Агнией испытывали чувство глубокой грусти. Ушел большой человек, ушел сильный дух, ушел глубокий друг СССР, ушел наш личный близкий друг, которого мы, пожалуй, единственного из всех наших английских знакомых по-настоящему любили.

[К записи 3 мая 1943 г. приложена статья Майского из «Times» (1943. 3 May), посвященная кончине Беатрисы Вебб.]

MAY 3. 1943

LADY PASSFIELD⁵⁶

M. Maisky's tribute

M. Maisky writes:

I met Mrs. Webb for the first time-spiritually – more than 40 years ago when, as a young student, I obtained in one of the Moscow bookshops a Russian translation of her and her husband's book «The History of British Trade Unionism». This work made a profound impression on me. I met Mrs. Webb for the last time-physically-only a few weeks ago when, together with my wife, I called at the Webb's country house at Lophook. This last meeting made also a very strong impression on me because when we

* Пассфилд корнер (англ.) – дом Веббов в загородном месте Лопхук.

were leaving Mrs. Webb said to us: «My testament to the British people is – to keep the closest possible friendship with the Soviet people. Without this I see no future».

Between these two points, separated by more than four decades, lies my acquaintance with Mrs. Webb. For a long time it was nourished by my reading the various books and publications issued by her alone and by her and her husband jointly. And in the last 10 years this acquaintance, which gradually developed into a very warm friendship, was greatly reinforced by frequent personal intercourse which will forever remain one of the best memories of my stay in this country.

I always felt the greatest admiration for Mrs. Webb and, as seldom happens, this admiration deepened the more I knew her. I admired the strength and clarity of her mind, her unique knowledge of men and things, her penetrating vision of the great problems which confront humanity to-day. Perhaps the most remarkable quality she possessed was the freshness and flexibility of her intellect, which can best be illustrated by the change that took place in the last period of her life. Being an age-long Fabian, she, together with her husband, at the age of 74, developed the greatest interest in the U.S.S.R. and eventually came to the conclusion that Soviet Communism is a new civilization which has to supersede capitalist civilization, and finally to embrace the whole world. This was an extremely rare development among European socialists.

Mrs. Webb's sagacity and farsightedness sometimes struck me as almost prophetic. I remember how, in the middle of May, 1940, in the days of Sedan, I asked her what Britain would do if France collapsed. Without a moment's hesitation she replied: «We shall go on fighting, whatever happens; we have no other choice, and eventually we shall be victorious as we were in the Napoleonic period».

Soon after the German attack on the U.S.S.R. when so many people took a gloomy view of our prospects, I asked Mrs. Webb what she thought of the situation. Again, without any hesitation, she replied: «The Soviet Union will come out of this struggle victorious». And later on she was tremendously pleased when the course of the war vindicated her faith in the U.S.S.R.

Mrs. Webb was the most remarkable woman I ever met in this country, and I feel her passing away to be a great loss. My only consolation is that her testament on the friendship between the British and Soviet peoples will become a living and lasting reality in the days to come.

[Далее помещена статья без подписи из газеты «Manchester Guardian» (1943. 1 May) под названием «Кончина м-с Сидней Вебб. История необычного партнерства» с включенными в нее разделами: «Трудилась с Чарльзом Бутом^{2*}», «Исследование по России», «Верность принципу».

Помещены также заметки (без указания газеты) «Ешьте еще больше картофеля», где упоминается о кампании, намеченной министром продовольствия лордом Вултоном.

Здесь также приведены некоторые опубликованные в прессе данные о потерях британской авиации. Далее помещено крупное фото Б.Вебб из газеты «Manchester Guardian» (1943, 1 May).

Приложена, наконец, статья Г. Уэллса «Беатриса Вебб» из «Manchester Guardian» (1943. 4 May).]

DEATH OF MRS. SINDEY WEBB

The Story of a Distinguished Partnership

Mrs. Sidney Webb (whose death is reported on another page) was the eighth of the nine daughters of Richard Potter, one-time chairman of the G.W. Railway and president of the Grand Trunk Railway of Canada. She was born on January 22, 1858. Her childhood was passed at Standish House, nine miles from Gloucester, alternating with visits to London for the season, for her parents belonged to the wealthy industrial middle class, and at an early age, as she wrote in her delightful autobiography «My Apprenticeship» (1926), she became aware that she «belonged to a class of persons who habitually gave orders but who seldom, if ever, executed the orders of other people». Equally frank about the effects of this environment, she wrote that it left upon her «the marks of the caste». Of this she had an amusing proof years later when, in order to gain first-hand experience, she worked for an East End Jewish subcontractor. She overheard his wife say, «as she examined my bungled button-holes. "She's no good at the sewing; if I keep her I'll set her to look after the outworkers—she's got the voice and manner to deal with that – lot"».

Religious doubts troubled Beatrice Potter throughout her early years, and it took her some time to reject the claims of conventional religion. It took her still longer to arrive at her vocation in life. Her family had no artistic faculty, was «poetry blind», and had «only a tireless intellectual curiosity with a double dose of will-power». She «came out» in 1876, and as head of her father's house when

^{2*} Бут (Booth) Чарлз – британский исследователь истории рабочего класса.

her mother died and her sisters married, led the ordinary life of a middle-class girl while struggling to find herself intellectually. It was in 1884, after a visit to Bacup, where she came in direct contact with the social results of industrialism, that she finally decided to become an investigator of social institutions, impelled rather by a spirit of inquiry characteristic of the intellectualism of the time than by actual pity for the poor.

Worked with Charles Booth

For a time she worked with the Barnetts and their set through the newly founded Charity Organization Society; then with Charles Booth in his great investigation into the conditions of the London poor, contributing to his «Life and Labour of the People»; then she acted as rent collector in East London, and through this and her subsequent experience in the sweating den obtained material for what she called her one and only «literary success», published as «Pages of a Workgirl's Diary». She had by this time given up the political faith of her upbringing and was fast tending towards Socialism. She was writing articles for the «Nineteenth Century» when a search for statistics brought her in contact with the brilliant young Fabian Sidney Webb, and the lifelong partnership began which she describes rather ruthlessly in her diary as follows: –

We are both of us second-rate minds; but we are curiously combined. I am the investigator and he the executant; between us we have a wide and varied experience of men and affairs... A considerable work should be the result if we use our combined talents.

No one can deny that a considerable work was the result of the marriage of Beatrice Potter to Sidney Webb in 1892. Together they helped to make the Fabian Society a power; together they forced the pace on the Royal Commission on Poor Law and Unemployment (1905–9), on which she sat but for whose minority report they were jointly responsible; together they wrote their great sociological works from 1894 onwards – «The History of Trade Unionism», «Industrial Democracy», the long series on the history of English local government, the three-volume history of the Poor Law, the «Consumers' Cooperative Movement», «The Decay of Capitalist Civilisation», and so on, culminating in «Soviet Communism» and its «Postscript to the Second Edition» (1936–7), which form a monumental contribution to the literature of the Russian Revolution and an illuminating commentary on the effect produced by the Soviet experiment upon two minds made expert in observation by years of patient research and devotion to the cause of social regeneration.

Investigation in Russia

It was characteristic of both the Webbs that in its early stages the Soviet Republic, with its leanings towards Guild Socialism and syndicalism, should have failed altogether to excite in them the enthusiasm that took them to Russia for a personal investigation when, the Five-year Plan definitely took shape in the Socialist State of which they had always dreamed; and their whole attitude to the Russian experiment was illustrative of their relentless determination to sift material and reject prejudices when the facts thus disclosed rendered prejudice no longer tenable. In addition to all this joint work Mrs. Webb also wrote – before her marriage – the classical «The Co-operative Movement in Great Britain» (1891) and many pamphlets and articles, besides her reminiscences, of which, it is to be hoped, the promised successor, «Our Partnership», has been completed.

Mrs. Sidney Webb, who received honorary degrees from the universities of Manchester, Edinburgh, and Munich, also sat on various Government committees between the years of 1914 and 1920. She was undoubtedly a great force in the Fabian movement and later in the Parliamentary Labour party, though she worked in a quiet and unobtrusive way that evaded public recognition. She was always open to new ideas and ready to entertain those who held them at her house in Grosvenor Road, Westminster, which became a centre for progressive minds, and afterwards at Passfield Corner, Lophook, where many Russians were to be found in later years. She was an active hostess of the Government during the Labour Administration of 1924, and was instrumental in founding the Parliamentary Labour Club in that year, and one of her valuable services to the movement when her husband was sitting for the Seaham Division of Durham and while he held office at the Board of Trade was the weekly letter she wrote to the women of his constituency, an able summary of political events.

Fidelity to principle

If in some ways she seemed rather an isolated figure in the Labour movement, she maintained throughout a simplicity of life and sincerity of purpose that should have precluded any such detachment. She showed this quiet fidelity to principle when in 1929 her husband accepted a peerage and she refrained from adopting the title of Lady Passfield and preferred to be known, as before, as Mrs. Sidney

Webb, thus establishing a precedent that should have delighted the feminists, to whom, however, she never definitely belonged. Perhaps as the young and beautiful Miss Potter she had found it useful to accentuate her intellectuality as a barrier against emotional side-issues, or perhaps at all times she found it temperamentally easier in her personal relations to express her intellectual side than to dwell on the humanities. But if she was the brains rather than the heart of the causes she served so well and so unselfishly, she conveyed the impression that this was the contribution she had chosen deliberately to make to her time and her generation. In no sense was it ever true that her spirit was dominated by statistics or her conception of life an inhuman one. Those who did know her in a more personal relationship – as a relative, she had very strong family feeling, as a hostess, as an afterdinner speaker to Fabian women, as a week-end guest – came in contact with delightful human qualities, among which lurked a sense of humour and an appreciation of the lighter side of life unsuspected by that much wider public which has known and profited by her intellectual achievement.

«EAT STILL MORE POTATOES»

Given favourable weather enough potatoes should be grown in Britain this season to justify Lord Woolton^{3*} in running an «eat still more potatoes» campaign next year, a Ministry of Food spokesman said yesterday. It was announced that 437 000 tons of seed potatoes had been brought from Scotland to England and Wales, 60 000 tons more than last year. While the movement of seed usually took until mid-May it had finished this year in the third week of April.

A new food order permits an increase from Sunday of a penny a pound in the retail price of biscuits partially covered with chocolate and of some other types. There will be no change in the sweet ration or in the personal points for sweets in the new rationing period beginning on Sunday.

R.A.F. Casualties

Squadron Leader Derek Edmond Davies, D.F.C., A.F.C., and Bar, is among four airmen reported wounded in R.A.F. Casualty List N 228 published to-day. The list reports that 174 have lost their lives. 20 are wounded or injured. 91 are missing. Of these 60 are second entries giving later information of casualties published in earlier lists.

BEATRICE WEBB⁵⁷

By H.G. Wells

Some people, it seems to me, should live for ever, and though Beatrice Webb was ten years my senior she counted for so much in the scenery of my life that it is almost as if a major planet had vanished from my sky. The last time she visited London she lunched with me and there seemed no marks of age upon her, and when the B.B.C. wanted a talk about Russia the other day she did it admirably, in the firm, definite voice that I heard first – how many years was it ago? More than forty. She and Sidney came bicycling to my home at Sandgate to enlist me for the Fabian Society and start a long conflict of temperamental differences that died out in friendliness years ago.

She was one – the eldest but one – of the nine «Potter girls», who married a various collection of husbands, from Leonard Courtney and wealthy business men at one extreme to Webb, an inconspicuous Lower Division Civil Service clerk with Socialist leanings at the other. About them all there was a strain of something entirely un-English, an unconventional vigour, a brilliance, and nothing will ever convince me, though I have not a scrap of positive evidence to support me, that there was not gipsy stuff in their composition. Their father was a railway magnate with strong scientific interests, He was able to leave them all comfortably provided for, but his home, over which Beatrice presided as hostess, was frequented by Herbert Spencer and such people as Galton, Hooker, Huxley, and Tyndall, George Henry Lewes, and George Eliot.

It must have had an atmosphere of stimulating talk. For Beatrice, Herbert Spencer conceived a great admiration and affection. They went for walks together, and Herbert Spencer never resorted to those ear-stoppers of his during their conversations. But one slight trouble bothered her conscience. For the purposes of his sociology he questioned her about her dreams, and, being a healthy and busy young woman she had no dreams worth mentioning. Yet he seemed to think she ought to have dreams and rather than disappoint him she fell back on fantasy and invented the sort of dreams she thought he might like.

^{3*} Вултон (Woolton), лорд – министр продовольствия.

It was only when she realized that he was putting their pleasant conversations on record for scientific and philosophical ends of his own that she brought these agreeable revelations to an end. But she never confessed to him, and happily the matter dropped into that huge accumulation of his and was seen no more.

Then something happened to her rather analogous in its own time and scale with what happened to Buddha, to St. Francis of Assisi, and scores and hundreds of saints and teachers in the past. She took a disgust at the life she was leading as a smart, rich Victorian young lady, who knew all the very best people, went everywhere, did everything, and heard of everything that was going on in the social round. I do not know what shock it was, unless it was her own quick eye, that made her aware of the underlying realities of poverty and misery. Lives have been won over from the vanities of life by such little things as the sudden sight of a withered arm or a mere glimpse of some cruel, degrading accident. There comes indignant pity and shame.

I know nothing of that turning-point. At any rate, and certainly before she was four and twenty, she was living the life of a poor girl among the poor, finding out how the poor live by getting a job in an East End tailoring shop. Generally she proved to be a bit too good for her job, and according to Shaw the employer or his son was all too apt to think that at last he had found the ideal helpmate. Presently she was co-operating with Charles Booth, who had married a cousin of hers, in his survey of the conditions of life and labour in London. All the time she was keeping in touch with Herbert Spencer. And it was he who induced Knowles, of the «Nineteenth Century», to publish her first essays in social investigation.

She met Webb just before the death of her father had broken her last obligations to his household and left her altogether at loose ends in her private life. She was making a study of the co-operative movement, and she was at a loss for sources of information. She consulted some Fabian Society friends and she was told that Webb was the man to help her. He was. She had a mind of vivid observation and flashes of insight; she had learnt by conversation and discussion; but she was not really educated and trained. Webb was by nature a student, with enormous powers of assimilation, correlation, and retention. His mastery overwhelmed her. Her rapid leaps to definite ideas fascinated his more pedestrian mind. He wrote steadily, convincingly, in an invariable clear round hand, and when he got to the goal there she was – descending from her incredible broomstick, so to speak.

In her childish days, in her father's extremely political household, she had sat in the Strangers' Gallery and watched Disraeli handling the House, and conceived a great admiration for him. There was a touch of Disraeli in Webb's appearance and that may have helped. So they married and were happy – I wish I could say now as I could have written only a little time ago – for ever afterwards. Because though I have a stoical acceptance of death in my own case, knowing that I shall never know when I am dead, the end of good lives about me fills me with a sense of irreparable loss. Sidney had a stroke a year or so ago, and though he read and thought as well as ever his speech and writing were crippled for a time. But he recovers, and I hope he will continue to recover.

I have compared the death of Mrs. Webb to the disappearance of a star from my sky. You might think then that for Sidney the sun must have gone out. But that is not what happens when those with whom our lives are fully incorporated end. I know. For Sidney she is not dead. It will be as if she had just gone into another room for a time. He will take up their work again as his strength returns. It would be silly and impertinent to condole with him.

We bickered a great deal in the years past. It was inevitable. She went down to the poor as the saints do; I came up from the poor in a state of flaming rebellion, most blasphemous and unsaintly. Beatrice wanted to socialize the ruling classes and make them do their duty. I wanted to destroy them. Now they are destroying themselves. And temperamentally I was a mocker and jester. I am a moderate man in all things, except perhaps language, and so I feel that to deny access to cakes and ale dishonours humanity. I loved Chesterton, before Roman Catholicism tarnished him, and even after that he wrote me some extremely heretical letters about my prospect of hell. We would spend amusing days over a toy theatre, he breathing heavily with earnest effort, in which we dramatised among other subjects the Minority Report on the Poor Law. The gist was that Bumble was captured, defeated after a violent struggle, cut to pieces, put into an immense cauldron, and presently came out of in again, not a penny the worse. That gives the flavour of my dissension from the Webbs.

That was long ago. Since then I have realized how harshly I misjudged their steadily developed work. Stalin writes about Leninism, and he does it about as well as I could reconcile an alien minority or organize a victorious campaign. The one and only book worth reading about Russia today, if you want to know what Russia is to-day, is the last book by these two perfect collaborators, now in its third edition. It is called «Soviet Communism – A New Civilization?» And I call your attention to the fact that the note

of interrogation is an integral part of the title. In the history of human thought the Webbs have made an imperishable name.

(Copyright reserved in all countries).

«Manch[ester] Guardian», 4/5/43^{4*}

Содержание послания Сталина Черчиллю (4.5.43)^{*}

Направляя Вам мое послание от 21.4. по поводу прекращения отношений с польпра, я руководился след[ующими] соображениями: 15.4. поляки начали пресловутую антисоветскую кампанию в прессе; эта кампания была осложнена сначала заявлением польского министерства обороны, а затем декларацией польпра от 17.4. Никто в Лондоне не возражал против кампании и даже не предупредил совпра о том, что она будет, хотя трудно представить, чтобы бритпра не имело о ней никаких предвосхищений. С учетом духа нашего договора мне кажется, что было бы естественно предупредить нанесение удара одним союзником другому, – особенно, поскольку такой удар является прямой помощью врагу. Таково, по крайней мере, мое понимание союзных обязательств. Как бы то ни было, я считал своим долгом сообщить вам точку зрения совпра на польско-советские отношения. Т.к. поляки продолжали свою скандальную кампанию, то нельзя было рассчитывать на безграничность терпения совпра.

Вы пишете, что дисциплинируете польпрессу. Спасибо за это. Однако я сомневаюсь, чтобы было легко привести в разумное состояние польпра и его окружение из прогитлеровских крикунов и его прессу. Несмотря на ваше заверение, что польпра желает сотрудничать с совпра, я плохо в это верю: в антураже польпра слишком много прогитлеровских элементов, а Сикорский так беспомощен и так терроризирован ими. Даже допуская, что сам Сикорский хотел бы быть лояльным, он не в состоянии это провести.

Что касается слухов, распространяемых гитлеровцами, о том, что якобы предполагается создание нового польпра в СССР, то все это утки. Наш посол уже говорил Вам об этом. Однако Англия, США и СССР должны бы были принять меры к улучшению состава нынешнего польпра. Такая акция укрепила бы союзный фронт против Гитлера.

Г[-н]Иден по возвращении из США намекал Майскому на то, что среди сторонников Рузвельта есть люди, считающие шансы польпра неопределенными. Они не знают, сможет ли оно вернуться в страну и стать у власти, хотя они хотели бы сохранить лично Сикорского в качестве руководящей фигуры. Мне кажется, что оценка нынешнего польпра американцами недалека от истины.

Совпра никогда не ставило препятствий отъезду из СССР ни польским гражданам, кот[орых] у нас не очень много, ни семьям польских солдат, эвакуированных в Иран.

Я получил ваше послание о событиях в Тунисе. Рад успехам а/а войск и желаю им еще больших достижений.

6 мая

В сегодняшнем «Мониторе»^{*} нашел след[ующее] сообщение из Москвы:

[«БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ»]

Цитируется выступление по Московскому радио 5 мая 1943 г. Директора ИМЭЛ М.Б. Митина на тему «Карл Маркс в борьбе против германской реакции» по случаю 125-летней годовщины со дня рождения Маркса. М.Б. Митин отметил необходимость для германского народа пройти через период тяжелых испытаний в тех целях, в числе прочего, чтобы навсегда уничтожить германский милитаризм, выжечь банду гитлеровцев и всех их сателлитов. «Это необходимо сделать для того, чтобы дать возможность немецкому народу занять свое место в сообществе свободных демократических народов мира...»]

Правильно. Совпадает с моими собственными мыслями. Полезный «pointer»^{2*} из Москвы.

^{4*} Вписано И.М. Майским от руки.

^{*} Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 150–151.

^{*} Видеоконтрольное устройство (от англ. – monitor).

^{2*} Указатель (англ.).

И.М. Майский в своем кабинете.
1940–1942 гг.

И.М. Майский с сотрудниками советской военно-морской миссии во главе с генералом Ф.И. Голиковым и адмиралом Н.М. Харламовым. Лондон. 8 июля 1941 г.

И.М. Майский и министр иностранных дел Чехословакии Я. Мазарик во время подписания советско-чехословацкого договора о военной взаимопомощи. 18 июля 1941 г.

И.М. Майский
и британский генерал
Дж. Дилл на приеме
в Турецком посольстве.
29 октября 1941 г.

И.М. Майский,
У. Черчилль,
В. Сикорский, А. Иден
и другие на завтраке
в советском посольстве.
1941 г.

Коробка папирос
«Герцеговина Флор»
с автографами У. Бивербрука,
И.В. Сталина, А. Гарримана,
К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова
и других.
Снимок посла Великобритании
в СССР Ст. Криппса.
Сентябрь 1941 г.

А. Иден в Мурманске.
Декабрь 1941 г.

И.М. Майский
и верховный комиссар Канады
У. Мэсси
в Великобритании
во время подписания соглашения
об установлении консульских
отношений
между СССР и Канадой.
5 февраля 1942 г.

Члены делегации ВЦСПС в советском посольстве.
Сидят (слева направо): Н.М. Шверник, А.А. Майская, К.И. Николаева, Малькова, И.М. Майский.
Январь 1942 г. На обороте фотографии – подписи членов профсоюзной делегации

Супруги Майские на приеме в советском посольстве
американского дипломата А. Гарримана с дочерью.
5 февраля 1942 г.

И.М. Майский на церемонии вручения орденов Ленина
английским летчикам.
25 марта 1942 г.

В.М. Молотов на английском аэродроме после приземления.
20 мая 1942 г.

В.М. Молотов, И.М. Майский, У. Черчилль, А. Иден в Лондоне
на переговорах о союзном договоре между СССР и Великобританией.
25 мая 1942 г.

И.М. Майский, В.М. Молотов, У. Черчилль, А. Иден, А. Кадоган
во время пребывания в Лондоне наркома иностранных дел СССР
20–26 мая 1942 г.

Супруги Майские и адмирал Э. Эванс после просмотра
документального фильма «Поражение немецких войск под Москвой».
24 июня 1942 г.

Супруги Майские с членами Кройденского комитета Фонда помощи Сталинграду
у здания советского посольства.
23 апреля 1943 г.

Супруги Майские и министр труда и национальной повинности Великобритании
Э. Бевин с супругой на просмотре пьесы К. Симонова «Русские люди» в Лондоне.
10 июня 1943 г.

И.М. Майский – карикатура
Вики (Виктор Уэйз) из английской газеты
«News Chronicle».
31 июля 1943 г.

И.М. Майский с рабочими завода
по производству истребителей.
11 июня 1943 г.

Портрет короля Георга VI
с дарственной надписью:
«Майскому для русского народа»

Супруги Майские
на пристани Гурок
близ Глазго
перед отъездом из Англии.
15 сентября 1943 г.

THANKS , COMRADE —
BUT I'D RATHER IT WERE
SOMETHING TO FIGHT WITH.

Рисунок Дэвида Лоу «Защита Ленинграда – Лондона – Вашингтона»,
подаренный И.М. Майскому.
Бумага. Тушь. Б.г.

12 мая

Заходил французский коммунист Гренье*. Он приехал в Лондон несколько месяцев назад в качестве представителя ЦК французской партии для сотрудничества с де Голлем. Не могу сказать, чтобы Гренье был хорошо использован: состоит сейчас «советником» в министерстве информации де Голля, главой которого является христианский социалист Андре Филипп^{2*}. Судя по всему, отношения между Филиппом и Гренье не самые лучшие и настоящей работы у него нет.

Гренье рассказывал много о внутреннем положении Франции. Из его описания вытекают два вывода: 1) во Франции все выше подымается волна «якобинского патриотизма» – Гренье особенно подчеркивал термин «якобинский». 2) единственной организацией «национального» масштаба во Франции сейчас является только компартия. Она безусловно руководит движением сопротивления Германии.

Отсюда Гренье делал дальнейший вывод: послевоенная Франция будет левая Франция, и в будущем учредительном собрании Франции коммунисты и близкие к ним элементы должны играть первую роль.

Я спросил, как Гренье себе представляет экономическую систему послевоенной Франции?

Гренье ответил, что, по всей вероятности, крупная промышленность будет национализована.

– Действительно национализована? – переспросил я.

Гренье заколебался. Потом сказал:

– Во всяком случае поставлена под общественный контроль. То же и банки.

– А крестьянство? – продолжал я. – Предвидите ли вы в этой области какие-либо серьезные изменения? Что-либо вроде первичных форм коллективизации, широкого применения кооперативного принципа?

На лице Гренье выразился почти ужас.

– Что вы? Что вы? – воскликнул он. – Разве с французским крестьянином что-либо сделаешь? Он, конечно, останется частным собственником. В этой области я не ожидаю больших перемен.

Как показательно! Особенно если учесть, что Гренье – член французского ЦК.

У нас на завтраке был [Г.] Уэллс. Сидели втроем – я, Агния и гость.

Уэллс сильно состарился. Руки дрожат, ходит с трудом. Поднялся по лестнице на один этаж – глубокая одышка. В глазах иногда еще сверкает огонек автора «Борьбы миров» и «Машины времени», но большей частью они затянуты какой-то мертвенной поволокой. Уэллсу сейчас 76 лет и, глядя на него, я думал:

– Стоит ли доживать до такого возраста?

Тем не менее Уэллс продолжает писать. И еще хорошо пишет. Взять хотя бы его некролог Беатрисе Вебб^{3*}. Он меня просто растрогал, и я написал Уэллсу об этом. Уэллс был чрезвычайно польщен.

* Гренье (Grenier) Фернан – депутат парламента.

^{2*} Правильно – Филип (Philip) Андре.

^{3*} См. примеч. 57.

В молодости организм человека переполнен жизненной энергией. Ее хватает на все: писать талантливые романы, изучать чужие языки, заниматься спортом и иметь цветущий вид. Чем ближе к старости, тем ограниченнее становятся запасы жизненной энергии и тем экономнее приходится их тратить человеческому организму: отпадает спорт, отпадают чужие языки, отпадает цветущий вид. Весь остаток энергии приходится концентрировать на одном-единственном, самом важном, самом существенном пункте – на писательстве. Уэллс находится именно в этой последней стадии развития. Вся еще остающаяся у него энергия уходит целиком на писанье. Помогают, конечно, и громадный литературный опыт, изощренная литературная техника, традиция и инерция долгой литературной жизни...

Мы много говорили на разные темы – главным образом о послевоенном будущем человечества. Уэллс все время подчеркивал: современная техника превращает мир в единый комплекс, а старая психология разрывает его на десятки национально-изолированных [...]»^{4*}. Если это противоречие не будет разрешено, человечество погибнет. Будет ли оно разрешено?

Уэллс в этом не вполне уверен. Он говорит:

– Либо мир быстрыми скачками помчится вверх, либо мир превратится в пустыню. Третьего не может быть.

Уэллс возлагает надежды на СССР, но чувствуется, что в душе у него имеются какие-то «резервы». Неудивительно. Путаница в голове у Уэллса изумительная. Противоречие, о котором он говорит, реально. Кристатация^{5*} его свидетельствует о наличии в голове Уэллса правильных мыслей. Но дальше: как это противоречие может быть разрешено? Тут начинается настоящая интеллектуальная свистопляска, и Уэллс вдруг провозглашает:

– Надо создать «Пятый Интернационал»!

Я не шучу. В начале нашей войны Уэллс прислал в редакцию «Советских Военных Новостей» статью, в которой доказывал необходимость образования «Пятого Интернационала». Бедный [С.Н.] Ростовский пришел ко мне в полном отчаянии: что делать? Я посоветовал ему статью отослать автору со ссылкой на то, что «СВН» – не газета и помещают только материалы, получаемые из Москвы.

Между прочим сегодня Уэллс сказал:

– Какой гигант был Ленин!

И затем, намекая на свою встречу с ним в 1920 г., прибавил:

– Он был тогда прав, а я ошибался.

Спасибо за признание! Однако Уэллсу понадобились почти четверть века и вторая мировая война для того, чтобы увидеть свое заблуждение. Дорогая цена!

Потом мы заговорили о Сталине, и Уэллс заметил:

– Я очень люблю «дядю Джо»... Он очень большой человек. Я даже не знаю, кто больше: Ленин или Сталин. Вернее каждый в своем роде есть № 1.

Это уже прогресс: величие Сталина Уэллс признает сейчас, не дожидаясь 23-летней давности.

^{4*} Неразборчиво.

^{5*} По-видимому, «констатация».

16 мая (Бовингдон)

Три недели не был в Бовингдоне. Чудный день: жара, солнце, синее небо, масса цветов кругом.

Думаю о будущем. На нашем фронте продолжается затишье. Вот уже почти два месяца. Но чувствуется, что это затишье перед бурей. Когда разразится буря? И где? С напряжением вглядываюсь в каждый новый день. Ясности пока нет.

13 мая закончены операции в Тунисе. Полная победа. Взято в плен 175 тыс. человек с 19 генералами во главе (в том числе немецкий главком фон [Г.Ю.] Арним). Захвачено свыше 1000 орудий, 250 танков, около 500 самолетов. В последней стадии борьбы немцы, видимо, просто «кракнули»*. Иначе нельзя объяснить то, что произошло. Недаром английские потери так невелики. Хороший симптом. «Непобедимая» армия и ее «непобедимая» мораль начинают давать трещины. В первый раз под Сталинградом, второй раз в Тунисе. Личная заслуга Черчилля в освобождении Сев[ерной] Африки от «оси» очень велика. Если бы не он, ничего^{2*} не было бы. Могу с уверенностью утверждать, ибо наблюдал вблизи все перипетии 3-летней африканской кампании Великобритании.

Что дальше?

Скоро англо-американцы ударят против Ю[жной] Италии с островами. Ударит ли Гитлер до того на востоке?

Сейчас есть две теории. По одной, Гитлер будет выжидать и воздержится от крупной оффензивы в СССР впредь до выяснения реальных намерений англо-американцев. И, если эти намерения окажутся достаточно для него опасными, он может вообще отказаться от наступательных операций на востоке. По другой теории, Гитлер не сегодня завтра ударит на востоке и сделает последнюю окончательную попытку разбить Красную Армию или, по крайней мере, так ее ослабить, чтобы она перестала быть активным фактором в дальнейшем продолжении войны.

Кто прав?

Лично я думаю, что Гитлер скоро ударит^{3*} на востоке.

17 мая

Conversation at editorial conference, «Economist», May 10, about Tunis victory and next stages.

Geoffrey Crowther (editor) thinks war with Germany may be over this year. It would be best in the interests of Allied strategy if Germany launched an all-out offensive in the East and got itself completely knocked out.

Mrs. Matthews (wife of Peter Matthews who works at Chatham House) suggested that this might also knock the Russians out.

Deutscher (Pole, expert on USSR, author of recent anti-Soviet articles on Soviet-Polish question) stated that food situation in USSR was very bad, and they could not stand up to it.

Crowther said that of course we would have plenty of sympathy for the Russians, but in the long run, from the point of view of the future of Europe, that might also be the best thing to happen.

Barbara Ward (Roman Catholic, assistant editor, author of anti-Soviet pamphlet of Russian Foreign Policy, friend of Geoffrey Wilson) «a good thing Rothstein isn't here».

NB Crowther is a great friend of Lyttleton and Morrison. Censorship protested against Deutscher's articles⁵⁸.

Так думают в либеральном органе Сити, и не только в нем.

* Так в тексте.

^{2*} Вписано вместо зачеркнутого «это».

^{3*} Вписано вместо зачеркнутого «будет наступать».

20 мая

[Помещена заметка лондонского корреспондента газеты «Yorkshire Post» (1943. 20 May) под названием «Благодарение победе», где описывается служба в соборе Св. Павла в Лондоне по случаю победы в Северной Африке. Присутствовали члены королевской семьи Великобритании, политические лидеры, члены парламента, дипломатические представители 34 иностранных государств, в том числе И.М. Майский.]

THANKSGIVING FOR VICTORY

ROYAL FAMILY AT ST. PAUL'S

From Our London Correspondent FLEET STREET, Wednesday.

St. Paul's Cathedral bells pealed to-night over the otherwise silent and nearly deserted city of London after a national Service of Thanksgiving in the Cathedral for the North African victory.

The King and Queen were there with their daughters, 34 nations sent diplomatic representatives, and Britain's political leaders and members of the Lords and Commons joined in the service with convalescent men of the three Fighting Services, all wounded on the North African front, factory workers and others representing practically every aspect of British life.

Security Precaution.

The only absentees were the general public. For security reasons the service could not be announced in advance and for the same reasons the public could not join in the service by means of the radio.

Other royalties present were the King of Norway, the King of Jugoslavia, the Crown Prince of Norway, the Duchess of Kent, Princessa Helena Victoria, Princess Maria Louise and Lord and Lady Louis Mountbatten. The President of Poland and Madame Raczkiewicz were also present, together with General de Gaulle.

British Ministers included Mr. Eden, Mr. Attlee and the Lord Chancellor. With them were the Speaker of the House of Commons, Mrs. Churchill, High Court judges and uniformed Service chiefs. Mr. Winant, the American Ambassador, and Mr. Maisky the Russian Ambassador were nominent among the Diplomatic Corps.

This was the first big national service held in St. Paul's since the cathedral suffered in the raids. It was also the first big public event to take place in the evening in London since the war began.

The Archbishop of Canterbury led the Royal procession through the great nave. Then, standing alone by the temporary altar, he called on the congregation to join in thanksgiving for the success «vouchsafed to our arms and those of our Allies in North Africa», and in prayers «so to keep us in an humble confidence and reliance upon God's help that we may carry to a successful end the task which He has laid upon us».

After the General Thanksgiving was said, the Primate gave the Blessing and the National Anthem was sung. Then the Bells rang out and the congregation dispersed.

Шутки протокола: на этой службе я оказался соседом Сикорского. Так выходит по дипломатическому старшинству? Польский посол следует за мной, а за основу старшинства при рассадке эмигрантских правительств было положено старшинство соответственных послов при Сент-Джеймском дворе. Сикорский поздоровался со мной и Агнией. Рачиньский с женой «прошли мимо»!

Мое соседство с Сикорским сегодня, конечно, отмечается всей прессой.

26 мая

Первая годовщина англо-советского договора. Отпраздновали ее в Москве и Лондоне.

Кроме обмена телеграммами между [М.И.] Калининым и королем*, между [В.М.] Молотовым и [А.] Иденом, кроме соответственных статей в печати обеих стран, кроме соответственных выступлений ВВС^{2*} и московского радиоцентра, были два торжественных завтрака.

* Король Георг VI.

^{2*} Би-Би-Си.

В Москве Молотов пригласил на завтрак состав британского посольства и британской военной миссии плюс Стэндлей^{3*} и Джозеф Дэвис^{4*}, который очень кстати в этот момент оказался в СССР. С нашей стороны были Молотов, [А.И.] Микоян, [М.М.] Литвинов (который только что приехал в Москву), [А.Я.] Вышинский, [В.Г.] Деканозов и др. Говорили речи. Керр^{5*} между прочим ударился в красноречие и сравнил англо-советский договор с богатыремладенцем, требующим, однако, внимательного ухода.

В Лондоне было несколько иначе. Иден тоже устроил завтрак, но приглашены на него были с английской стороны члены военного кабинета (Иден^{6*}, [Дж.] Андерсон, Литлтон^{7*}, [К.] Эттли, [Э.] Бевин; [Г.С.] Моррисон не присутствовал, так как был занят в парламенте, а Черчилль – потому что находился в Вашингтоне), *service ministers*^{8*} ([А.В.] Александер, [Дж.] Григг, [А.] Синклер), замначальники штабов (начальники в Вашингтоне), [С.Т.] Криппс и [А.] Кадоган. С нашей стороны были: я, [А.А.] Соболев, [К.Е.] Зинченко, [Н.М.] Харламов, [И.А.] Скляров, Борисенко^{9*} и [В.М.] Драгун. Накормили хорошо, но речей не было. Зато были тосты, сопровождавшиеся краткими «словами» – смотря по тосту. Иден поднял тост сначала за короля и [М.И.] Калинина, потом за Сталина. Я ответил тостом за Черчилля. Далее Иден поднял тост за меня, а я поднял тост за Идена. На этом все кончилось.

МИД и Мининформ в ознаменование первой годовщины заказали художнику Солсбери^{10*} большую картину, изображающую сцену подписания договора. Картина готова и на днях будет отправлена в СССР. Художественный уровень картины не высок, но как исторический документ она полезна. Воспроизведен кабинет министра иностранных дел. За столом в различных позах сидят справа налево: Синклер, [А.] Кадоган, Эттли, Черчилль, Иден, Молотов, я и Соболев. Позади два секретаря (англичанина я не знаю, а с нашей стороны [С.П.] Козырев).

На сегодняшнем ланче моим соседом справа был [Дж.] Андерсон (слева Иден). Он был в восторге от успехов англичан в морской войне. За май месяц уничтожено 25 немецких подлодок, т.е. больше, чем Германия производит их в такой срок. Я спросил, является ли нынешний май случайным исключением в благоприятную сторону, или же мы имеем тут дело с общим поворотом морской войны в пользу союзников? Андерсон ответил, что майские успехи не каприз судьбы, а результат сложной сети принятых бритпра мероприятий.

– Да, – заявил Андерсон, – в морской войне, как и в сухопутной, произошел поворот в желательном нам направлении.

Далее я спросил Андерсона (который тесно связан со всякого рода научно-исследовательской работой в области войны), нет ли у англичан сведений или хотя бы косвенных указаний на то, что немцы в нынешнем году располагают действительно каким-либо новым, невиданным, секретным оружием большой

^{3*} Далее Стэндли Уильям Харрисон – посол США в СССР в 1942–1943 гг.

^{4*} Дэвис (Davies) Джозеф – посол США в СССР в 1936–1938 гг.

^{5*} Керр Арчибальд Кларк.

^{6*} Так в тексте.

^{7*} Далее – Литлтон Оливер.

^{8*} Военные министры (англ).

^{9*} Борисенко Д.Г. – торговый представитель СССР в Великобритании.

^{10*} Солсбери (Salisbury) Фрэнк.

силы, против которого еще нет противоядия и которое они могут пустить в ход на советском или каких-либо других фронтах?

На этот вопрос Андерсон ответил, что, хотя теоретически нельзя исключать возможности каких-либо сюрпризов, фактически, однако, англичане до сих пор не имеют никаких сведений или хотя бы косвенных намеков о наличии у немцев новых секретных видов оружия, включая газы.

Если это так, то у Германии нет выходов. Она неизбежно должна быть разбита. Это лишь вопрос времени.

Иден с большим сочувствием отзывался о роспуске Коминтерна⁵⁹:

– Это очень мудрый шаг, и эффект его будет очень велик, особенно в Америке.

Англичане дают такие цифры диспозиции первой линии германских воздушных сил в настоящий момент: в СССР – 1800, на Западе, включая Норвегию, – 1600, Средиземное море – 900. Общая численность, таким образом, получается 4300.

[Далее помещена заметка из «Evening Standard» (1943. 26 May) под заголовком «Годовщина» и портрет супруги советского посла в Лондоне; сообщается об организованной мэром Кенсингтона кампании по сбору крови и о взятии анализа крови у А.А. Майской в здании посольства СССР 26 мая 1943 г. Публикуются, кроме того, некоторые подробности фотографирования сцены подписания советско-английского договора от 26 мая 1942 г. и подготовки Ф. Солсбери картины об этом событии.]

Anniversary

No doubt it is just coincidence, on this first anniversary of the signing of the Anglo-Soviet Treaty at the Foreign Office in London. But at the Soviet Embassy Mme. Maisky is having a blood test this afternoon.

This is a preliminary to a blood donation in the Mayor of Kensington's campaign.

Mr. Frank O. Salisbury tells me he has completed a painting of the signing of the Anglo-Soviet Treaty last year. It was hoped to fly the picture to Moscow ready for showing there to-day; I understand, however, there is some delay.

From Photograph

Mr. Salisbury was not an eye-witness of this historic event, the news of which was not revealed to the public until three weeks later. He had to rely on a news reel for the details. This was taken by a member of the R. A. F. film unit, who was the only camera-man permitted to photograph the scene. Mr. Salisbury worked from photographic «stills» from the film.

There are at least a dozen figures on the canvas. The most prominent, of course, are Mr. Churchill, Mr. Eden, Mr. Molotov and Mr. Maisky.

27 мая

Вчера вместе с Агнией был у Ллойд Джорджа в Churt*.

Дряхлеет старик. Сильно сдал за последние 5–6 мес[яцев]. Совсем не тот Ллойд Джордж, каким я его знал в прошлые годы. Долго ли протянет?..

Пили чай. Разговаривали. Ллойд Джордж в каком-то раздраженном и придирчивом настроении. Особенно против Черчилля. Во всем, что делает Черчилль, Ллойд Джордж находит что-либо черное и злое. Не потому ли, что старик оказался не у дел в эту войну и что винит он за это Черчилля?

Выступление Черчилля пред журналистами в Вашингтоне наводит Ллойд Джорджа на мрачные мысли. Ллойд Джордж уверен, что решено в равной мере

* Загородный дом Ллойд Джорджа.

распылить союзные силы между западом и ДВостоком. Я возражал, ссылаясь на слова Идена. Ллойд Джордж, однако, не верит Идену и доказывает, что США отныне будут воевать по-настоящему против Японии, а в Европе ограничатся лишь «символическим» участием в операциях. Отсюда Ллойд Джордж делал вывод: война затянется и потребует исполинских жертв, об окончании войны в Европе в 1944 г. не приходится думать.

Говорили также о Польше. Ллойд Джордж поддерживает нашу позицию и ругает поляков. Вспоминал, сколько troubles^{2*} поляки доставили в прошлую войну.

– Среди них не было ни одного разумного человека! – восклицал Ллойд Джордж. – Все фантазеры, мегаломаны, бесцеремонные захватчики!.. Приличнее всех был Падеревский^{3*}, но он ничего не понимал в политике и не отличался крепким характером. Поощряемые [Ж.] Клемансо, поляки совсем разнуздались и отказывались считаться со мной и [В.] Вильсоном. Результаты теперь налицо.

Ллойд Джордж считает, что для СССР сейчас выгоднее всего было бы игнорировать польпра и не торопиться с его «реорганизацией», так как все равно удовлетворительного состава польпра получить не удастся: за границей нет таких элементов. Когда же Красная Армия займёт границы 1941 г., всё само собой придёт в порядок.

Эти последние мысли Ллойда Джорджа кажутся мне правильными. Я сам уже думал в том же направлении.

Во время чая Ллойд Джордж вдруг спросил меня:

– Вы обратили внимание на подпись Гитлера?

Я с недоумением посмотрел на Ллойда Джорджа и кратко ответил:

– Нет!

Ллойд Джордж встал с кресла, слегка ковыляющей походкой прошёл к столу и, вернувшись оттуда с куском бумаги, продемонстрировал на нём подпись Гитлера. При этом две последние буквы фамилии Гитлера резко падали вниз. Указывая на них, Ллойд Джордж многозначительно сказал:

– Обратите на это внимание. Это неспроста.

Я ещё раз посмотрел с недоумением и спросил:

– Что же это должно означать?

Ллойд Джордж слегка замялся и затем с какой-то особенной усмешкой сказал:

– Кто знает? Может быть, многое... Точно такая же особенность отличала подпись покойного вождя консервативной партии Бонар[а] Лоу^{4*}.

Я всё-таки не понимал, к чему клонит Ллойд Джордж. Тогда он снизошёл к моей «неграмотности» и разъяснил: когда в прошлую войну Асквит^{5*} обанкротился и [в]стал вопрос о новом премьере, первоначально в качестве кандидата был намечен [А.] Бонар Лоу. Всё было согласовано, все группы и инстанции дали своё благословение. Но в самый последний момент Бонар Лоу поступил,

^{2*} Заботы (англ.).

^{3*} Падеревский И.Я. – премьер-министр и министр иностранных дел Польши в 1919 г.; пианист, композитор.

^{4*} Лоу Бонар – премьер-министр и лидер консервативной партии Великобритании в 1922–1923 гг.

^{5*} Асквит Г.Г., граф – премьер-министр Великобритании в 1908–1916 гг., лидер либеральной партии.

как Подколесин^{6*}: он струсил и отказался от премьерства. В результате премьером стал Ллойд Джордж. Теперь старик думает: не случится ли того же самого с Гитлером? В последний момент не струсит ли он и не провалится ли?..

Я слушал эти рассуждения Ллойд Джорджа, и мне невольно вспоминалось горестное восклицание Тараса Бульбы:

– Эх, старость! Старость!

Имел сегодня длинный разговор с Иденом о послевоенных перспективах Англии и англо-советских отношений.

28 мая

[Помещена статья из газеты «Manchester Guardian» (1943, 27 may) о супруге Георга V королеве Марии (Мария Виктория Тэк) по случаю ее 76-летия.]

Queen Mary at 76

To-day Queen Mary celebrated her 76-th birthday, and people all over the land are wishing her many happy returns. After long years of constant movement Queen Mary in recent years has only once slept out of her West Country home. That was when she went to the Duke of Kent's funeral.

A friend of Queen Mary gives me these notes on her present way of life. Her mornings are given to her correspondence, which is still large; she insists that everything shall be acknowledged, many of the letters by herself. Her own letters include a long weekly letter to her brother, Lord Athlone, in Canada. She is kept fully informed of all the news affecting the war. Strict silence is always observed when the wireless is «on». Her afternoons are spent out of doors when possible, but under the petrol restrictions she has now few expeditions in the neighbourhood. She spends much time in planning and watching forestry work. Her evening is usually spent in knitting and reading and listening to the wireless.

Her Reading

Rationing is, of course, strictly observed; even the most important guests bring their own supplies or coupons. Queen Mary has less trouble than most people of rank in maintaining her standard of dress in these coupon days as from her childhood she has always been noted for perfect neatness and order.

Although she has now survived most of her own early friends, she closely follows the fortunes of their children and grandchildren, and, like Queen Victoria, she is a great observer of birthdays, and never forgets the birthday of the junior royalties. Her reading is mainly memoirs and reminiscences; her memory is large and accurate, and she fortifies it by reading the journals and diaries which she has herself kept or collected.

Невольно вспоминаю мою первую встречу с[о] старой королевой. 8 ноября 1932 г. я вручил верительные грамоты королю. На следующий день, 9 ноября, Агния представлялась королеве Мэри (тогда ещё царствовал Георг V). Я сопроводил Агнию.

Королева Мэри приняла нас в своём будуаре. Видно было, что она делает над собой усилие, оказывая эту честь «большевикам». Да она и не скрывала своих чувств. Вся аудиенция продолжалась не больше 5 минут. Королева спросила Агнию, когда она приехала и бывала ли она раньше в Англии? Смотрела она всё время поверх наших голов в стенку. Вздохнула с облегчением, когда мы откланялись.

Но всё-таки королева приняла Агнию сразу же после вручения мной верительных грамот. Сокольникову* она не принимала почти полтора месяца после вручения грамот и приняла только после того, как Каган^{2*} сделал соответственный демарш в ФО.

^{6*} Вероятно И.М. Майский имеет в виду персонажа пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба».

* Супруга полпреда СССР в Великобритании (1929–1932) Сокольникова Григория Яковлевича.

^{2*} Каган Сергей Борисович – первый секретарь, советник полпредства СССР в Великобритании.

Прогресс по-английски!^{3*}

[Далее под заголовком «Г-н Сталин объясняет. Почему был распущен Коминтерн» помещена статья газеты «Обсервер» (1943, 30 May), в которой, в частности, говорится, что Сталин в письме, направленном московскому корреспонденту Рейтер Кингу, «сделал заявление мирового масштаба о советской позиции в связи с роспуском Коммунистического Интернационала, объявленном на прошлой неделе». В газете приводится полный текст ответа Сталина].

M. STALIN EXPLAINS.

Why Comintern was Dissolved

Premier Stalin, in a letter which he has sent to Reuter's chief correspondent in the Soviet Union, makes a statement of world-wide importance of the Soviet viewpoint on the winding-up of the Communist International announced a week ago.

The letter emphasizes that the winding-up of the Communist International puts an end to the lie that «Moscow» allegedly intends to intervene in the life of other nations and «bolshevise» them, and that an end is now being put to the calumny that «Communist Parties in various countries are allegedly acting not in the interests of their people but on orders from outside».

The text of the letter is⁶⁰:

«I have received your request to answer a question referring to the dissolution of the Communist International. I am sending you my answer».

«Question—British comment on the decision to wind-up the Comintern has been very favourable. What is the Soviet view of this matter and of its bearing on future international relations? Answer – The dissolution of the Communist International is proper and timely because it facilitates the organization of the common onslaught of all freedom-loving nations against the common enemy – Hitlerism.

Lies Exposed

(A.) The dissolution of the Communist International is proper because: It exposes the lie of the Hitlerites to the effect that «Moscow» allegedly intends to intervene in the life of other nations and to «bolshevise» them. An end is now being put to this lie.

(B.) It exposes the calumny of the adversaries of Communism within the Labour movement to the effect that Communist parties in various countries are allegedly acting not in the interests of their people but on orders from outside. An end is being put to this calumny, too.

(C.) It facilitates the work of patriots in freedom-loving countries for uniting the progressive forces of their respective countries, regardless of party or religious faith, into a single camp of national liberation – for unfolding the struggle against Fascism.

(D.) It facilitates the work of patriots of all countries for uniting all freedom-loving peoples into a single international camp for the fight against the menace of the world domination by Hitlerism, thus clearing the way to the future organisation of a companionship of nations based upon their equality.

Perfectly Timely.

I think that all these circumstances taken together will result in a further strengthening of the united front of the Allies and other nations in their fight for victory over Hilterite tyranny.

I feel that the dissolution of the Communist International is perfectly timely because it is exactly now, when the Fascist beast is exerting its last strength, that it is necessary to organise the common onslaught of freedom-loving countries to finish off this beast and to deliver the peoples from Fascist oppression.

With respect,

May 28, 1943.

J. STALIN

29 мая

Прошла неделя с момента роспуска Коминтерна. Каков итог?

Прежде всего: это очень важная веха в развитии – не только СССР, но и всего мира. Она означает, что мы не ставим ставки на революцию после войны.

^{3*} Эта фраза вписана от руки.

Конечно, в результате войны могут быть и будут всякие волнения, стачки, восстания и т. п. в разных странах, но это дело особое. На настоящую, полнокровную пролетарскую революцию, очевидно, ставки нет. Да это меня и не удивляет после тех разговоров, которые я имел в Москве в декабре 1941 г.

Но если не пролетарская революция, то, что же? На этот счёт пока ясности нет и, пожалуй, не может быть. Поживём—увидим. Я, однако, совсем не исключаю возникновения после войны нового интернационала — не второго и не третьего, а какого-то иного.

Далее: почему Коминтерн был распущен? Причины ясны: по существу Коминтерн был мёртв уже давно, но призрак его создавал большие трудности в отношениях между СССР и другими державами, а также в отношениях между местными компартиями и другими рабочими партиями и организациями в различных странах. Сейчас, когда важнее всего укрепить единый фронт всех сил для разгрома гитлеровской Германии, этот призрак надо было ликвидировать.

Третье: какова реакция внешнего мира на роспуск Коминтерна? Очень благоприятная. С одной стороны, Геббельс в бешенстве (лишился самого эффективного чучела в своей пропаганде), с другой стороны, средний американец вздохнул с облегчением (больше нет «коммунистического» пугала под кроватью). В Англии консерваторы страшно довольны. Черчилль на вопрос корреспондента в Вашингтоне, что он думает о роспуске Коминтерна, ответил кратко, но выразительно «I like it*». Иден мне на днях говорил: «Это очень мудрый шаг, который будет иметь чрезвычайно благоприятные последствия, — особенно в США». Консервативная пресса (в частности, «Таймс») горячо приветствовала московское решение^{2*}. Промолчал только «Дейли Телеграф», но это тоже понятно: [Б.У.] Кемроз мало сочувствует сохранению англо-советского союза после войны. [Б.У.] Кемроз и [Б.Дж.] Кемсли («Сандей Таймс» и др.) не забыли своего Чемберлена.

Зато в лейбористских кругах роспуск Коминтерна вызвал смешанные чувства. С одной стороны, лейбористы довольны, ибо понимают, как это важно под углом зрения внешнеполитическим и военным. Но с другой стороны, они недовольны, ибо понимают, что роспуск Коминтерна очень осложняет их положение, под углом зрения внутренне-политическим. В самом деле, это выбивает у них из рук важнейшее оружие против коммунистов. Конечно, лейбористские лидеры найдут что-либо другое для того, чтобы всё-таки не пустить Компартию в свои ряды, но всё-таки их позиция в отношении коммунистов ослабела, а позиция коммунистов в отношении лейбористской партии усилилась. Эттли и К^о ждали гладкого провала просьбы Компартии об affiliation^{3*} на предстоящей 11 июня партийной конференции лейбористов, а теперь, кто знает? Провал, вероятно, и сейчас обеспечен, но гладкий ли? Поживём — увидим. Кроме того, если Компартия даже по-прежнему останется вне лейбористской партии, её притягательная сила в связи с роспуском Коминтерна несомненно повысится. Стало быть, лейбористы будут иметь более опасного конкурента, чем раньше. Это тоже неприятно.

* Мне это нравится (англ.).

^{2*} См.: Times. 1943. 24 may.

^{3*} Присоединение (англ.)

Чтобы выйти из положения, лейбористы пустили лозунг: если Компартия искренна в своей заботе об единстве рабочего движения, пусть последует примеру Коминтерна и самораспустится. Нашли дураков!

На днях у меня завтракал [Э.]Бевин. Во время разговора он вдруг спросил:

– Скажите, Коминтерн действительно, по-настоящему распущен?

Я с удивлением посмотрел на Бевина и ответил:

– Что же, вы думаете, мы в бирюльки играем?

Бевин смутился и сразу ретировался. Беседа перешла на другие темы. Спустя некоторое время Бевин опять, точно невзначай, спросил:

– А вы не думаете, что за роспуском Коминтерна последует и роспуск ВКП(б)?

Я вновь посмотрел на Бевина с удивлением и, в свою очередь, спросил:

– А что же вместо ВКП(б)?

Бевин подумал и несколько неуверенно ответил:

– Ну, военная диктатура... или что-либо в этом роде.

Я высмеял Бевина, но ход его мыслей для меня был совершенно понятен. Ещё бы: как хорошо было бы, если бы ВКП(б) самораспустилась и вместо неё возникла бы русская разновидность лейбористской партии! То-то просто было бы ликвидировать все компартии во всем мире и, прежде всего, в Англии!

Но каков уровень интеллигентности лейбористских лидеров!

Гадать о будущем трудно, но мне кажется, что Брит[анская] Компартия именно теперь, после роспуска Коминтерна, имеет совсем не плохие шансы, если, конечно, она сумеет их как следует использовать. Сумеет ли? Не знаю. Поживём – увидим.

Шансы эти сводятся вот к чему: революция в Англии была бы возможна и даже неизбежна только в случае потери империи. Сейчас уже можно сказать с определенностью, что Англия выйдет из войны, не только не потеряв империи, но, возможно, даже её несколько приумножив, если не в прямой, то в косвенной форме. Стало быть, здешний господствующий класс сохранит возможность обходиться без фашизма и продолжать править страной и империей в бархатных перчатках. Одним из последствий такого хода развития будет, вероятно, раскол в лейбористской партии после войны. Произойдёт примерно то, что случилось в 1931 г., когда [Р.] Макдональд, [Ф.] Сноуден, [Дж.] Томас и др. перебежали к консерваторам, но только в более крупных масштабах. В такой обстановке Компартия может сыграть крупную роль в судьбах британского рабочего движения. Может... Сыграет ли? Посмотрим.

30 мая (Бовинглон)

Затишье на нашем фронте продолжается. Правда, идут упорные бои под Новороссийском, происходят довольно крупные местные столкновения под Лисичанском, Севском и т. д. Но всё это не то. Я ждал начала большого германского наступления в середине мая. Наша пресса тоже предупреждала армию и население о вероятности крупных событий в мае месяце. Но вот май ушёл, а на советско-германском фронте продолжает царить затишье. Конечно, это затишье перед бурей, но всё-таки: как бы там ни было, но мы пока имеем выигрыш в 3 неделях времени. В прошлом году немцы начали своё наступление – в Крыму – 8 мая. Сегодня 30 мая, а никакого наступления нет. Что ж, и 3 недели времени хлеб!

Чем объясняется задержка германского наступления?

Мне кажется, тут играют роль несколько моментов:

1) неожиданно быстрый для немцев крах кампании в Тунисе. Они рассчитывали продержаться там минимум до конца июля и думали, что в силу этого вопрос о вторжении союзников в Европу практически может [в]стать лишь поздней осенью, скажем, в октябре. В соответствии с этим были построены планы немецкой кампании этого года – в первую очередь в СССР. Так как, однако, катастрофа в Тунисе пришла минимум на 2,5 месяца раньше, то все ранее составленные планы оказались спутанными. Приходится, очевидно, их пересоставлять, что требует времени.

2) Массовые налёты нашей авиации на германские коммуникации позади фронта, которые затрудняют подготовку наступления.

3) Опустошительный характер англо-американских бомбежек Германии, сильно расстраивающих хозяйственный аппарат страны и наносящих большой ущерб военному производству. Это опять-таки затрудняет и замедляет подготовку наступления.

4) Все более обнаруживающееся воздушное превосходство Красной Армии, в особенности в связи с всё более прогрессирующим отвлечением немецких воздушных сил на запад и на юг Европы.

Тем не менее я пока не вижу оснований для изменения своего прежнего взгляда, что нам приходится ожидать большого германского наступления на советском фронте.

31 мая

Умер в возрасте 79 лет Мери Дель Валь – бывший испанский посол и дуайен дипломатического корпуса в Лондоне.

[Ниже помещены публикуемые в «Times» (1943. 29 May) портрет посла Испании в Лондоне в 1913–1931 гг. маркиза де Мерри дель Валья и статья о его дипломатической деятельности. Отмечено, что во время гражданской войны в Испании он оказывал ценные услуги режиму Франко по связям с Францией.]

MARQUIS DE MERRY DEL VAL

Late Spanish ambassador in London

The Marquis de Merry del Val, G.C.V.O., who was Spanish Ambassador in London from 1913 to 1931, died at San Sebastian on Thursday, telegraphs our Madrid Correspondent (as announced in our later editions yesterday), at the age of 79. A great aristocrat who had English blood and was partially educated in England, he was during his time at the Spanish Embassy in London a dignified and able representative of his country, and made a large number of friends in London society.

Alfonso Marquis de Merry del Val was born in London in 1864, the eldest son of Rafael Merry del Val and Sofia de Zulueta, daughter of the second Count de Torre Diaz, the head of a then well known London mercantile house. Their next child, Rafael, became Cardinal and Secretary of State to Pope Pius X, and died in 1930. The father, who was of not very remote Irish ancestry, was in 1864 Secretary to the Spanish Legation in London; he remained faithful to the Royal house during their exile, 1868–74, and ended a long and distinguished career as Ambassador to the Vatican. The mother, who was half-English, and who spoke English as well as Spanish, was a woman of intense piety and of remarkable social gifts. The son's education naturally followed the peregrinations of his father's career. He was first at Beaumont College and then at Jesuit schools in Namur and Brussels. In 1880, at the age of 16, he entered Louvain University, whence he passed out in 1884 with distinction and as «docteurès sciences diplomatiques». Meanwhile, in 1882, he had entered the Spanish diplomatic service.

He served his first apprenticeship under his father as Attaché at Brussels and Vienna. From 1890 to 1907 he was mainly at the Foreign Office in Madrid, serving there in the commercial department and

as private secretary to various Foreign Ministers. In was during this period that he accompanied several Extraordinary Missions, notably that sent on the occasion of Queen Victoria's Diamond Jubilee. From 1898 to 1902 he taught the young King, Alfonso XIII, English, and in 1902 became assistant private secretary to his Majesty; to him was due a good deal of the King's keen appreciation of England and the English. Later he was to be his Chamberlain. Eventually, in 1907 he rose to the rank of Minister, being made Chief of the Commercial Department, and in 1908 came his first independent post, that of Minister of Tangier, which he held till 1911.

Having made his mark, he was rewarded by being made Minister at Brussels in 1911 and Ambassador at London in 1913. The latter post he held, being created Marquès in 1925, until the fall of the Spanish monarchy in the spring of 1931 caused him to send in his resignation, to the genuine regret of his many friends in this country.

To what modern conditions had made the most important side of his work Merry del Val showed himself thoroughly alive. He was assiduous and successful in promoting, in the various ways open to him, friendly feeling and understanding between his country and ours outside the sphere of strictly diplomatic relations. His interest in philosophy and history, in literature and art, was genuine and cultivated, and he possessed a fund of natural eloquence. His oratorical style was, and was felt by the public to be, in keeping with the dignity of his office and with his high and old-fashioned Spanish character. Thus he became much in request as a speaker on public occasions, and always he left the impression, enhanced by his bearing and appearance, of a dignified and polished Spanish gentleman of the old school. Few who heard it will have forgotten his moving and evidently heartfelt tribute to British justice at the centenary dinner of Lincoln's Inn. He was, in particular, alert to seize any opportunity of promoting the academic study of Spanish, and his honorary degrees at Oxford, Cambridge, and Liverpool, and his Fellowship of King's College, London, were the reward of definite service.

By such activities he undoubtedly deserved well of both countries, but his endeavours to influence English public opinion on the state of Spain directly, through the Press, were less successful. Although his appreciation of all that is best and most traditional in English life was deep and lifelong, he lacked a certain touch and sympathy with our modern workaday world. During the Spanish Civil War he was, despite his years, an untiring worker, who rendered useful services to Franco's cause in liaison work between Spain and France, his duties sometimes taking him to London on important missions.

He married in 1903 Maria de Alzola y Conzalez de Castejon, who as Ambassadors was a prominent figure in London society. By her he had two sons, the elder of whom followed the traditional family career.

С именем Мерри дель Валя у меня связаны воспоминания 1925 г. Он был тогда дуайеном и, хотя в тот период СССР не имел дипломатических отношений с Испанией, но всё-таки положение дуайена обязывало Мерри дель Валя держаться минимально корректно по адресу всех дипломатов, аккредитованных при английском короле. Тем не менее, когда [Х.Г.] Раковский, наш тогдашний «шарже д'аффер»* (титул, который в то время носил советский посол), хотел сделать Мерри дель Валь официальный визит как дуайену, Мерри дель Валь отказался принять Раковского.

Несколько позднее я отомстил испанскому послу. Летом 1925 г. была Garden Party^{2*} во дворце. Случайно вышло так, что мы (Раковский и я) уходили из дворца одновременно с Мерри дель Вальем. Официально мы не знали друг друга и не раскланивались. При проходе по коридору дворца в одном месте надо было остановиться и приказать лакею вызвать по телефону к подъезду нашу машину. Мерри дель Валь был на «полголовы» впереди нас и, остановившись в двух шагах от лакея, величественно кивнул ему головой, как человек, желания которого челядь должна угадывать с одного взгляда. Насмешливо поглядев на Мерри дель Валя, я твёрдыми шагами подошёл вплотную к лакею и вызывающе крикнул:

– Soviet Ambassador's car^{3*}!

* Поверенный в делах (франц.).

^{2*} Прием в саду (англ.).

^{3*} «Машину советскому послу!» (англ.).

Ошеломлённый моей дерзостью, лакей машинально повторил в телефон моё приказание. Вызвать машину дуайена он ещё не успел. Возмущённый Мерри дель Валь бросил на меня такой взгляд, точно хотел испепелить «этого большевика» на месте. Я усмехнулся и спокойно вышел на крыльцо.

1 июня

Иден улетел в Алжир. Вышло это так.

Черчилль из Вашингтона отправился в САфрику самолётом, о чём мне на прошлой неделе говорил Иден. По предположению последнего, это было связано с подготовкой операций против Италии. В субботу, 29 мая, я условился с Иденом о свидании в понедельник, 31 мая, в 4.30 дня. Однако вчера, около 3 часов дня, секретарь Идена позвонил по телефону и сообщил* Айрис, что Иден, к сожалению, не может видеть меня сегодня. По моему указанию Айрис попросила другого времени для моего визита. Секретарь Идена назначил сегодня, в 5 час[ов] дня. Однако сегодня утром позвонил Харвей^{2*} (главный секретарь Идена) уже мне лично и предложил вместо Идена повидать [А.] Кадогана. Я спросил, в чём дело? Харви ответил, что хотел бы повидать меня и поговорить по данному поводу. Я как раз ехал в парламент на дебаты о будущем гражданской авиации. Условились, что Харви приедет в парламент. Он действительно пришёл и сообщил, что Черчилль спешно вызвал Идена в Алжир и что последний вчера туда улетел.

В 4 час[а] я заехал к Кадогану и спросил о причинах столь неожиданного оборота дел. Кадоган ответил, что и сам толком не знает. В воскресенье, 30 мая, от Черчилля была получена на имя Идена телеграмма, в которой премьер говорил, что если парламентская ситуация позволяет, то было бы хорошо, чтобы Иден немедленно же прилетел в Алжир. «Здесь происходит, – прибавлял Черчилль, – много такого, что требует вашего присутствия». В чём состояло это «такое», Черчилль не пояснял. Когда Иден уже ехал на аэродром, пришла вторая телеграмма, в которой Черчилль касался главным образом французских дел, и при этом писал: «Здесь должна произойти свадьба жениха (т.е. де Голля) и невесты (т.е. [А.О.] Жиро). Полезно было бы, если бы вы смогли присутствовать в качестве шафера». Впрочем, по словам Кадогана, вторая телеграмма была сформулирована так, что было не совсем ясно, хочет ли Черчилль видеть Идена только из-за французов или же и по другим причинам. Как бы то ни было, но Иден сейчас в Алжире. Кадоган ожидает его возвращения к концу недели.

Беседовал с Кадоганом ещё о новом конвое через Сре[диземное] море, о снабжении нас самолётами «Москито» и др[угих] вешах.

2 июня

У меня завтракал [Р.О.] Батлер. Говорили много о послевоенных перспективах в Англии (Батлер помимо того, что является министром нар[одного] просвещения, состоит председателем партийно-консервативного комитета по послевоенным проблемам). Батлер ожидает, что будущее развитие Англии пойдёт по таким путям:

* Далее зачеркнуто – «моему секретарю».

^{2*} Далее – Харви Оливер Чарльз.

1) Смешанная форма народного хозяйства, т.е. часть отраслей хозяйства (электроэнергия, железные дороги, может быть, уголь) будет национализирована, часть (дорожный транспорт, морской транспорт, гражданская авиация и пр.) подпадёт под public control*, а часть останется по-прежнему в руках отдельных предпринимателей.

2) Постепенно народится «конституционная фабрика», т.е. фабрика, в которой представители рабочих будут участвовать в управлении предприятием. Эту идею, в частности, отстаивает тест Батлера Курто^{2*} (искусственный шёлк).

3) Система образования должна быть демократизирована, т.е. ликвидированы почти все «public schools»^{3*} (но все-таки 2–3 из них Батлеру хочется сохранить) и очень увеличено количество госстипендий в высших школах⁶¹.

Я спросил Батлера:

– Итак, вы хотите повести Англию по путям фабианского развития?

Батлер ответил:

– Дело не в названии. Вы знаете, что мы, англичане, можем делать революционные вещи, если они совершаются под старым именем.

Конечно, фабианство – не революция. Но для консерватора это почти революция. А Батлер (который несомненно отражает настроения руководящей консервативной верхушки), видимо, думает о фабианстве, хотя и не хочет его назвать.

Потом Батлер долго говорил о необходимости дружбы и сотрудничества между нашими странами после войны и под конец спросил:

– Если Англия пойдёт по пути того, что вы называете фабианским развитием, – как вы думаете, это будет способствовать укреплению отношений между нами?

– Думаю, что будет способствовать, – ответил я.

На Батлера мой ответ произвёл заметное впечатление.

3 июня

У меня завтракал Моррисон*. Как-то случилось так, что разговор с Моррисоном тоже касался главным образом послевоенных проблем. Моррисон развивал идеи, уже известные мне из его речей, на днях появившихся в виде сборничка «Prospects and policies»^{2*}. И чем больше говорил Моррисон, тем больше мне бросалось в глаза совпадение его взглядов со взглядами Батлера. Конечно, между тем и другим имеются кое-какие отличия в нюансах, оттенках, ударениях, но в основном оба стоят на одной и той же платформе. Поразительно! Слушая Моррисона, я думал о том, как легко будет после войны консерваторам сговориться с лейбористами по вопросам внутренней реконструкции в Англии, если, конечно, пролетариат позволит Моррисонам продолжать свою игру... Боюсь, что позволит!

Моррисон говорил, что ещё не решил для себя вопроса: продолжать коалицию с консерваторами после войны или не продолжать? Спрашивал даже моего совета. Я, однако, уклонился от роли советчика.

* Общественный контроль (англ.).

^{2*} Правильно – Курто (Courtauld) Сэмюэл – крупный британский промышленник и меценат.

^{3*} Привилегированные частные закрытые средние учебные заведения.

* Моррисон Герберт Стенли – министр внутренних дел и национальной безопасности.

^{2*} «Будущие планы и политика» (англ.).

Общее моё впечатление, что, если не вмешаются какие-либо совершенно исключительные обстоятельства, Моррисон, в конце концов, решит вопрос в пользу коалиции.

4 июня

Ездили с Агнией к Веббу.

Всё тот же столь хорошо знакомый нам дом. Но навстречу нам не вышла из дому, как обычно, высокая, красивая старуха с живыми глазами и глубоко одухотворенным лицом...

В доме всё по-прежнему. Чисто, уютно, аккуратно. Слегка пахнет карболкой. Те же две старые шотландки, которые в качестве поварихи и горничной обслуживали Веббов в течение многих, многих лет. Они продолжают ухаживать за стариком. Кроме того в доме живёт Nurse*.

Прошли в drawing room^{2*}, где так часто бывали в прошлом. Сели, как в прошлом, на кресла. Но опять-таки нет хозяйки на её привычном месте – низенькой приступочке у камина. Зато на обойме соседнего шкафа с книгами стоит большая белая урна – с прахом той, которая больше не вернется.

– Я присмотрел хорошее место в лесу, – медленно говорит Вебб, – где должно покоиться эта урна, но сейчас так медленно выполняются все заказы, и ещё не готова медная плита с надписью...

Потом, после некоторого молчания, старик прибавил:

– Там и я тоже буду.

Мысль о близости собственной смерти, видимо, не покидает^{3*} Вебба. Это я заметил ещё по некоторым другим симптомам. Да и неудивительно: старику 83 года, пять лет назад он пережил удар, от которого до сих пор не вполне оправился, и полувековой товарищ по жизни, с которым он составлял физически и духовно единое целое, только что ушёл навсегда.

– Я чувствую себя очень одиноким, – бросил в разговоре Вебб.

И затем прибавил:

– Писать я больше не могу, ходить мне трудно, теряю память... Могу ещё читать, но как-то так, вхолостую...

Агния заговорила о том, что Беатриса была замечательной женщиной, и рассказала, как на днях мы беседовали о ней с Ллойд Джорджем. Ллойд Джордж тоже считает Беатрису совершенно исключительным явлением в истории Англии. Вместе с Ллойд Джорджем мы стали перебирать других больших женщин, рожденных Англией, и пришли к выводу, что равняться с ней по масштабу может, пожалуй, только королева Елизавета. Старику эти разговоры, видимо, были приятны. Чувствовалось, что он сам немало думает на ту же тему. В одном месте он раздумчиво спросил:

– Флоренс Найтингел^{4*?}..

Должно быть, сравнение с этой замечательной Флоренс кажется Веббу наиболее подходящим.

* Сиделка (медсестра) (англ.).

^{2*} Гостиная (англ.).

^{3*} Вписано вместо зачеркнутого – «не уходит из сознания».

^{4*} Найтингел (Nightingale) Флоренс – медсестра, организатор отряда санитарок во время Крымской войны 1853–1856 гг.

Старик, однако, не перестал совсем интересоваться современностью. Я рассказал ему о моих недавних беседах с Батлером и Моррисоном. Вебб внимательно слушал и потом сказал:

– Это неудивительно. В нашей истории уже не раз бывало, что тори воспринимали программу своих оппонентов и осуществляли её в жизни. Вполне возможно, что и сейчас социализация Англии – фабианским путем – будет проведена консерваторами новой формации. Это было бы вполне по-английски.

Старик рассказал, что почти все книги, совместно выпущенные Веббами, писал он. Идея работы, план, подготовка материалов и пр. – всё это было общее. Но самый процесс писания был делом Вебба. Беатриса обычно лишь критически читала написанное, делала поправки и добавления, конечно, в результате взаимного обсуждения. Писал Вебб всегда ровно, усидчиво и быстро – от руки. К машинке он никак не мог привыкнуть. Пример: книга «Советский Коммунизм» (свыше 1000 печатных страниц) была написана в течение 2 лет. Именно написана в наиболее узком смысле этого слова. Подготовка материала, продумывание проблем и пр. потребовало ещё около 2,5 лет.

Рассказ Вебба меня несколько удивил. Я знал раньше, что в этом замечательном «союзе двух» духовное лидерство принадлежало Беатрисе. Я неоднократно сам наблюдал проявление данного факта. Я знал также, что большую часть черновой работы выполняет Сидней, что Беатриса обычно даёт мысль, идею^{5*}, набрасывает общую схему и план книги, а Сидней заполняет намеченные рамки материалом данных, цифр, фактов и т.д. Я представлял себе, что Сидней обычно пишет большую часть книги, а Беатриса даёт лишь некоторые наиболее обобщающие, ответственные главы. Но я всё-таки не думал до сих пор, что фактически всё писание выпадало на долю Сиднея.

Вебб говорил, что после его смерти весь их дом со всеми книгами, рукописями, материалами перейдут в ведение London School of Economics^{6*}. Что касается воспоминаний Беатрисы (которые доведены до 1911 г.) и её дневников (которые она вела почти до самой смерти^{7*}), то судьба их будет определена пятёркой Trustees^{8*}, выбранных ею ещё при жизни, а именно: Барбара Дрэк, Гарольд Ласки, Маргарет Коль^{9*}, [Джон] Паркер (секретарь Фабианского общества) и Сандерс^{10*} (директор School of Economics).

Когда мы уезжали, шотландки стали жаловаться Агнии на продовольственные трудности: старику нужны яблоки и фрукты, а их почти нет. Агния обещала принять меры.

5 июня

1 июня просидел почти весь день в парламенте на дебатах по гражданской авиации. Внимательно слушал все речи, все аргументы, все страхи и надежды...

^{5*} Далее зачеркнуто – «разрабатывает».

^{6*} Лондонская школа экономики.

^{7*} См.: The Diary of Beatrice Webb. Cambridge (Mass.), 1982–1985. Vols 1–4.

^{8*} Попечители (англ.).

^{9*} Кол (Cole) М. – автор книг о Б. и С. Веббах, а также ряда работ по истории британского рабочего движения.

^{10*} Правильно – Сондерс (Saunders) А.М.

Лично мне кажется, что практический подход к разрешению проблемы гражданской авиации после войны на первом этапе может быть примерно такой:

1) СССР, Брит[анская] империя и США – каждый имеет свою собственную гражданскую авиацию, оперирующую в пределах каждого из указанных государств. Все три столь крупные куска мира (и притом обладающие большой авиационной промышленностью), что могут претендовать на самостоятельную «национальную» авиацию.

2) В Европе (т.е. географически между Англией и СССР) должно быть образовано международное общество гражданской авиации, в которое войдут все европейские страны, включая СССР и Англию. Сами по себе европейские страны в отдельности слишком малы территориально и слишком слабы в смысле авиастроения, чтобы какая-либо иная схема была жизненна.

2) В Азии (т.е. географически между СССР, Брит[анской] империей и США) должно быть образовано примерно такое же, как в Европе, международное общество, в которое войдут СССР, Китай, Голландия, Брит[анская] империя, США, Сиам.

4) Франция с империей могла бы, вероятно, быть членом двух комбинаций – Британской империи (поскольку её владения географически перемешаны с британскими) и Европейского Общества.

5) Турция, Иран, Афганистан, Египет, Аравия, Абиссиния – вообще Middle East* – могли бы быть присоединены либо к Европейской, либо к Британской, либо к Советской комбинации.

6) Южная и Центральная Америка, очевидно, вошли бы в американскую комбинацию.

7) Сообщения через Атлантику и Тихий океан, пожалуй, целесообразнее всего было бы отдать в руки Европейской и Азиатской комбинаций.

8) Германия, Италия и Япония должны быть лишены права участвовать в комбинациях по оперированию гражданской авиацией.

9) Между всеми отдельными комбинациями должно быть соглашение о свободном проезде пассажиров по всем линиям мировых воздушных путей. Формальности должны быть сведены к минимуму. Расписания точно пригнаны одно к другому. Во главе всех комбинаций должен быть какой-либо общемировой совет, который будет регулировать все вопросы мирового воздушного сообщения.

10) Право пролёта над территорией СССР должно принадлежать, как правило, только советской авиации, над территорией США – американской, над территорией Англии и её более крупных владений, – британской. Право пролёта над остальными территориями (Европа, Азия, океаны) должно быть предоставлено смешанным авиациям в соответствии с[о] специальными соглашениями.

Таковы основные принципы, на которых, как мне кажется, может быть построена гражданская авиация в первый период после войны. Это, конечно, лишь набросок. Каждый из вышеперечисленных пунктов требует ещё продумывания и уточнения. Возможно и даже несомненно внесение в намеченную схему тех или иных изменений. Но дело не в этом, а в основной идее. Большая степень интернационализации в ближайший период, на мой взгляд, неосуществима.

* Средний Восток.

6 июня (Бовингдон)

На нашем фронте продолжается затишье, – по крайней мере, на земле. Ожидаемого большого летнего наступления немцев всё нет, и генерал Дитмар (главный немецкий радиокomentатор) даже стал недавно доказывать, что Германии выгодно сейчас перейти на позиции обороны. Некоторые немецкие газеты доходят до того, что заявляют: Германии необходим год относительного спокойствия для того, чтобы подготовиться к следующей фазе войны. Всё это звучит очень подозрительно. Похоже на дезинформацию. Посмотрим.

Зато в воздухе бои становятся всё более ожесточенными, и сегодняшние сообщения из Москвы заставляют думать, что, наряду с неизвестностью в отношении второго фронта, относительная слабость немцев в воздухе является причиной откладывания наступления. В самом деле, только в течение одного дня 2 июня немцы потеряли 243 самолёта, из них 162 над Курском. Разумеется, не имея превосходства в воздухе, к которому немцы привыкли, а наоборот, наталкиваясь на превосходство противника в воздухе, они должны сильно колебаться в вопросе о наступлении. Ведь сейчас немцы собрали свои последние резервы. Если эти резервы будут ликвидированы, не принося решения войны хотя бы на восточном фронте, Германия погибла. Поневоле приходится осторожничать, примерять семь раз прежде, чем отрезать.

Тем не менее всё-таки я пока не вижу оснований для того, чтобы считать большое германское наступление нынешним летом исключенным.

Сегодня в Бовингдоне у Негрина был [Жюль] Мок (Moch), французский социалист, бывший министр нескольких французских правительств, человек близкий к [Л.] Блюму. Он бежал из Франции и прибыл в Англию около 2 месяцев назад. Сейчас состоит довольно крупной персоной во флоте де Голля и носит на груди «Croix de Lorraine»*.

Я расспрашивал Мока о настроениях во Франции и вероятных политических перспективах после войны. В противоположность [Ф.] Гренье^{2*} Мок считает, что события минувших 3,5 лет не произвели особенно радикальных перемен в политической конstellации Франции. Конечно, ненависть к немцам всеобща, но за этой общей скобкой партийные принадлежности людей изменились сравнительно мало. Поэтому если бы завтра во Франции произошли выборы, то лицо новой палаты вовсе не так уж радикально отличалось бы от того, что было перед войной.

Это очень важное заявление. Не знаю, насколько оно правильно, но его следует запомнить. Возможно, что истина где-то посредине – между Гренье и Моком.

Об отношении среднего француза к СССР даже сейчас Мок говорит:

– О, конечно, он полон восхищения героизмом Красной Армии и советского народа. Он сознает, что СССР ведёт борьбу за свободу всех поработанных народов, за свободу Франции... Но всё-таки сплошь да рядом услышишь: если бы советы заключили договор с Англией и Францией вместо Германии, войны не было бы.

Тоже важное заявление, которое следует запомнить.

* Лотарингский крест (франц.), появление которого относят к XIV в., с июля 1940 г. стал эмблемой деголлевского движения, а затем и более широких сил французского Сопротивления.

^{2*} Гренье Фернан – член парламента, коммунист.

7 июня

Видел Идена. Он вернулся из Алжира сильно загоревшим и посвежевшим. Свой вызов в САфрику он объясняет главным образом тем, что Черчилль после Вашингтона чувствовал себя сильно утомленным и хотел иметь около себя одного из старших членов военного кабинета, который снял бы с него большую часть работы, заседаний и пр. на месте, – тем более что Черчилль опасался необходимости серьёзного напряжения в связи с переговорами Жиро–де Голль. На самом деле всё обошлось гораздо легче, чем можно было ожидать. В области военной [Д.] Эйзенхауэр и [Г.] Александер проделали столь большую подготовительную работу, что Черчиллю не пришлось по существу ничего решать. Оставалось только инспектировать. Этим Черчилль и Иден и занимались главным образом. Оба были в Тунисе. Оба выступали с речами в полуразрушенном стадионе древнего Карфагена. По словам Идена, акустика стадиона изумительна: присутствовало 4 тыс. человек, а говорить можно было обычным голосом, без всякого напряжения, – каждое слово доходило до самого последнего ряда.

– Завидую вам, – пошутил я. – Вы были на могиле моей героини Саламбо*!

Иден сообщил мне важнейшие данные о подготавливаемых военных операциях в районе Сред[иземного] моря^{2*} и прибавил, что Александер расценивает перспективы союзников, по крайней мере на первой стадии [операции], оптимистично. Боюсь я этого английского военного оптимизма! Он столько раз уже подводил. Посмотрим.

В области французских дел работы оказалось тоже гораздо меньше, чем ожидал Иден. Фактически он даже не вмешивался в переговоры де Голль–Жиро. Поскольку нужно было такое вмешательство, его осуществлял Макмиллан^{3*}. И, в общем, не плохо. Объединенный Комитет французов^{4*} создан⁶². Правда, неизвестно, что будет дальше. Иден склонен расценивать шансы комитета с известной осторожностью, но всё-таки сказал, что бритпра, вероятно, постепенно начнёт передавать ему все те права и обязательства, которые раньше принадлежали де Голлю. Иден просил меня выяснить позицию совпра в отношении алжирского комитета. Позицию ампра он выясняет. Я обещал запросить Москву.

Иден рассказывал некоторые любопытные подробности. Пейрутон^{5*}, понимая, что ему приходит конец, решил взять реванш, а может быть, и отсрочить своё падение, поссорив обоих генералов. С этой целью он написал де Голлю письмо с сообщением о своём выходе в отставку. Де Голль сразу же, не говоря ни слова Жиро, отправил Пейрутону ответ, в котором сообщал, что отставку принимает и назначает Пейрутона в армию. Больше того, де Голль даже назначил преемника Пейрутону на посту генерал-губернатора Алжира. Тоже без всякого совещания с Жиро. Пейрутон тут показал себя хорошим психологом и ловко расставил де Голлю капкан, в который тот попался.

Когда таким образом де Голль ангажировался до ушей, Пейрутон отправил аналогичное письмо об отставке Жиро. Последний, узнав о шагах де Голля,

* Героиня романа французского писателя Г. Флобера «Саламбо» о жизни в древнем Карфагене.

^{2*} Речь идет о подготовке высадки войск на о. Сицилия.

^{3*} Макмиллан (Macmillan) Гарольд – министр-резидент при штабе союзнических войск на Среднем Востоке в 1942–1945 гг.

^{4*} Имеется в виду Французский комитет национального освобождения (ФКНО).

^{5*} Пейрутон Марсель – генерал-губернатор Алжира. Арестован в декабре 1943 г.

пришёл в бешенство. Произошла ссора. Генералы обменялись резкими письмами. Пейрутон торжествовал. Судьба соглашения повисла в воздухе. Вот тут-то и вмешался Макмиллан. Он пригласил де Голля, имел с ним разговор и указал на неправильность действий де Голля, – тем более что в момент только что описанных событий комитет ещё не был сформирован и, стало быть, де Голль не имел никакого права принимать отставку Пейрутона. Де Голль реагировал на слова Макмиллана восклицанием:

– Я же вам всегда говорил, что Пейрутон – негодяй, – вот вы и получили подтверждение.

В конечном счёте, Макмиллану удалось утихомирить разошедшиеся страсти и свести вместе развоевавшихся генералов. Комитет был образован. В день отлета из Алжира (4 июня) Черчилль и Иден участвовали в «дружеском» завтраке, устроенном по случаю создания комитета. Присутствовали все французские нотабли, а также все военные и политические руководители союзников. Атмосфера была теплая. Произнесенные речи (в т[ом] ч[исле] Черчилль и Иден) не оставляли как будто бы сомнения в желании всех участников сотрудничать в деле борьбы с врагом и восстановления Франции. На след[ующий] день Макмиллан, со слов Массильи^{6*}, даже доносил в Лондон, что в конце длинного заседания «де Голль и Жиро обнялись». Забавный народ эти французы!

И всё-таки будущее неясно. Моё личное мнение, что нынешняя комбинация Жиро и де Голль с равными правами председателей непрочна. Слишком уж она искусственна⁶³. Кроме того, политический состав комитета слишком правый и не соответствует настроениям масс во Франции. В самом деле, в комитете сидят 4 генерала (де Голль, Жиро, [Ж.] Катру, Жорж^{7*}), из которых относительно прогрессивным, да и то [с] большими оговорками, может считаться только де Голль. Далее в комитете сидит 1 представитель «200 семей» – Монне^{8*}, 1 представитель «умиротворительной» дипломатии довоенного периода – Массигли и 1 представитель «фронта сопротивления» в самой Франции – христианский социалист Андре Филип (т.е., в сущности, представитель лишь маленького сектора этого фронта). В комитете нет ни одного коммуниста, ни одного социалиста, ни одного настоящего демократа-республиканца. И это в то время, как основу «фронта сопротивления» во Франции составляют коммунисты и в меньшей степени социалисты. Как при таких условиях алжирский комитет может рассчитывать на длительное и эффективное существование?

Эти мысли я откровенно развил Идену. В конце я сказал:

– Послевоенная Европа, на которую нам уже сейчас приходится ориентироваться, будет Европой демократической с известным уклоном влево...

Иден возразил:

– Демократическая?.. Да!.. Но я вовсе не уверен, что она будет с уклоном влево.

– Поживем – увидим, – ответил я.

Что касается специально алжирского комитета, то Иден признал много правильного в моих замечаниях, но утешил себя тем, что нынешняя комбинация является временной и что в дальнейшем многое изменится к лучшему.

^{6*} Далее – Массигли Рене – комиссар по иностранным делам ФКНО.

^{7*} Жорж (George) Альфонс Жозеф – член ФКНО.

^{8*} Монне Жан – комиссар по вооружению, снабжению и реконструкции.

9 июня

[Далее в Дневник включена статья из газеты «Evening Standard» (1943. 9 June) о части воспоминаний Майского «Перед бурей», опубликованной в журнале «Новый мир» (1943. № 2/4. С. 84–104), и о влиянии на Ивана Михайловича труда С. Вебба «История тред-юнионизма».]

«Mr. Maisky, the Soviet Ambassador, has written a series of his memoirs, and I learn that they have recently been appearing in the Soviet magazine, Novii Mir, which translated means “New World”.

They cover the period of Mr. Maisky’s schooldays from about the age of 15 to 18. He was a scholar in the small Siberian garrison town of Omsk, where his father was an army doctor and where he was brought up and educated until he left for the University of St. Petersburg.

SECRET LEAFLETS

The memoirs depict the life of the small provincial town at the end of the last century, the life at the secondary school and the clandestine circles which the senior scholars formed for reading progressive literature. They tell of the first beginnings of political thought and opposition to the Tsarist regime, including the secret printing and distribution of leaflets among the local population.

Struggle developed between the senior schoolchildren and the reactionary pedagogues: progressive teachers were an exception.

These memoirs make an important historical document. They show the gradual spread and penetration of revolutionary ideas even to such far away corners as Omsk. Thus were formed those forces which some 20 years, later overthrew the autocracy of the Tsar.

THE WEBB’S INFLUENCE

After describing the discussions and ferment of ideas at school, Mr. Maisky tells how he journeyed with a party of young graduates from school to St. Petersburg. In Moscow, on the way, he made his first acquaintance with the Webbs’ book on the History of Trade Unionism, a work which made a great impression and considerably contributed to the future thought and action of the man who is now Soviet Ambassador in London.

Mr. Maisky is a student and a lover of Russian literature. I learn from my informant in Moscow that he has made a notable contribution to it»⁶⁴.

[Судя по всему, в приведенной ниже беседе Черчилля с Майским были затронуты проблемы стратегии, обсуждавшиеся на англо-американской конференции в Вашингтоне 12–25 мая 1943 г. Совместное послание Рузвельта и Черчилля о принятых там некоторых решениях Сталин получил 4 июня, в ответном послании от 11 июня 1943 г. Сталин подверг критике принятое ими решение об откладывании второго фронта до весны 1944 г. (см. ниже. С. 311–312).]

«Копия записи беседы с Ч[ерчиллем] 9.6.43. (английская версия)»*

Mr. Maisky asked the Prime Minister what Great Britain and the United States hoped to achieve in 1943.

The Prime Minister said that it was our aim to get Italy out of the war. We considered that we had sufficient forces for the purpose. In Africa there were 9 American divisions and probably 3 times that number of British in the whole Mediterranean and Middle East area, excluding Persia. We also had sufficient aircraft.

The Prime Minister said that he believed that this would be of great help to Russia. There were believed to be at present 31 Italian and 11 divisions in the Balkans and the Aegean Islands, and 5 Italian on the French Riviera. If Italy was forced out of the war, Germany would no doubt have to try to some extent to replace the Italian divisions. Germany would have to send 12 to 15 divisions to the Balkans and she must also protect the Riviera front and the Northern Italian frontier, which would be a further drain on her strength. The necessary troops would have to be drawn over from the Russian front, or from reserves destined for that front, or from elsewhere. A very considerable number of German...^{2*}

The Prime Minister said that he believed that during 1943 we should greatly develop our air offensive against Germany. He calculated that this would tie up about 1½ million German troops and anti-aircraft

* Заголовок к беседе рукописный. Опубликованный МИД СССР документ о беседе см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 390–392. Текст в основном идентичный.

^{2*} Пропуск в тексте (см.: Там же. С. 390).

personnel, workers, etc., who would otherwise be available on other fronts. He foresaw a great increase in the British and American bomber strength in this country. Our bombing programme would go on incessantly and by the spring of 1944 it would be terrific. This would be bound to have a softening effect inside Germany and on the German defences, e. g. in France. This should help Russia, as it would also help us in our landing operations next spring.

The Prime Minister said that he hoped we should be able to take action across the Channel in the spring of 1944. He regretted to have had to postpone this and he knew it was disappointing to the Russians. But it was the best that we could do now. He estimated that there would be available between 32 and 36 full-scale divisions, half British half American.

Mr. Maisky asked the Prime Minister whether he could see an end of the European war in 1944. The Prime Minister was noncommittal in his reply.

As regards Turkey the Prime Minister said that as soon as our military preparations against Italy had been developed, we should put the screw on Turkey. We should ask her for air and naval bases and in general we should expect that she should stretch her neutrality in our favour.

The Prime Minister gave an encouraging account of our successes in the anti-U-boat war in recent weeks. According to British and American calculations we could pull through on the basis of a loss of half a million tons a month. The losses during recent months had been much less than this, and the figures for this month were still more favourable.

In reply to a question by Mr. Maisky about priorities as between the eastern and western theatres of war, the Prime Minister said that the general strategy of the Allies remained unchanged. Hitler was Enemy No 1. But although this was the view of the Administration in America, there was still a strong body of opinion there which attached much importance to strategy in the east, and the Russians must take this into account. To hear some uninstructed people talk, one would suppose they thought that China was a more important military factor than Russia. This ridiculous view of course found no support among the responsible authorities.

Mr. Maisky asked how the Americans viewed the question of priorities as regards reinforcements to both theatres of war.

The Prime Minister said that he expected that the Americans would move 15 or 16 divisions to the United Kingdom, four of which would come from North Africa, but probably less to the South West Pacific, though he did not specify the figure.

Mr. Maisky asked how it was proposed to apportion the margin of increased air production from now to December between the two theatres. The Prime Minister said that he thought the division would be about half and half. But the increase would be very large.

Finally the Prime Minister said that he had often been asked in America why Russia was not taking part in the war against Japan. He had always replied that Russia had enough on her hands already, and he had never asked her to do more, though naturally Russia was well aware that Japan was playing the part of the hyaena.

9th June, 1943⁶⁵.

Содержание послания Сталина Черчиллю (11.6.43.)*

Посылаю Вам текст моего послания Рузвельту по поводу стратегического решения, принятого Вами и Рузвельтом в мае:

ПРЕМЬЕР СТАЛИН – ПРЕЗИДЕНТУ РУЗВЕЛЬТУ^{2*}

4.6. я получил Ваше послание по поводу некоторых стратегическ[еских] решений, принятых Вами и Черчиллем^{3*}. Благодарю за Ваше сообщение. Из него явствует, что эти решения противоречат ранее принятым (в начале этого года) Вами и Черчиллем решениям о дате второго фронта в Европе.

Вы, конечно, помните, что в вашем совместном с Черчиллем послании от 26.1.43^{4*} вы уведомили меня о вашем решении отвлечь значительные германские сухопутные и воздушные силы с русского фронта и уже в течение этого года поставить Германию на колени. Затем Черчилль

* Опубликовано: Переписка... Т. 1. С. 155–156.

^{2*} Текст послания Сталина, отправленного Рузвельту 11 июня 1943 г., см.: Там же. Т. 2. С. 69–70.

^{3*} Послание Рузвельта, полученное 4 июня, см.: Там же. С. 66–68.

^{4*} Текст послания Рузвельта и Черчилля, полученного 27 января 1943 г., см.: Там же. Т. 1. С. 102–104.

12. 2. от имени вас обоих сообщил мне более точные даты, касающиеся а/а операций в Тунисе и Сред[иземном] море, а также на западе Европы^{5*}. В этом послании было сказано, что Англия и США активно готовят операцию через канал в августе 1943 [г.], а в случае неблагоприятной погоды в сентябре 1943 [г.]. И вот теперь, в мае 1943 [г.], Вы совместно с Черчиллем принимаете решение отложить а/а вторжение в З[ападную] Европу до весны 1944 [г.]. Иными словами, открытие второго фронта в Западной Европе, однажды уже отложенное с 1942 на 1943 год, теперь вновь отодвигается до 1944 [г.].

Это решение создаёт совершенно исключительные трудности для СССР, который вот уже два года ведёт тяжчайшую борьбу против главных сил Германии и её сателлитов. Это решение оставляет совармию, кот[орая] борется не только за свою страну, но и за своих союзников, в положении, когда ей почти один на один приходится воевать против ещё сильного и опасного врага. Нужно ли говорить о том тяжелом впечатлении, кот[орое] решение об отсрочке второго фронта произведет на нашу армию и народ? Нужно ли говорить, какой тяжелый эффект оно вызовет в нашей армии, понесшей такие потери, армии, кот[орая] опять будет оставлена без сколько-нибудь серьёзной поддержки со стороны а/а сил?

Во всяком случае, совпра не может присоединиться к решению, чреватому столь тяжёлыми последствиями для дальнейшего хода войны, и принятому, к тому же, без его участия и без всякой попытки обсудить совместно вопрос столь огромной важности.

12 июня

Приходил прощаться [М.] Дежан (Dejan). В прошлом профессиональный дипломат. Был, если не ошибаюсь, первым секретарём французского посольства в Берлине. Давно примкнул к де Голлю. В течение довольно длительного периода был его «Комиссаром по иностранным делам» и в качестве такового имел со мной дела, особенно в период установления отношений между нами и де Голлем (конец 1941). Потом был разжалован де Голлем якобы за недостаточную твердость в отношении англичан. Одно время ходил как будто бы без работы. Наконец, вслед за приездом [Р.] Массигли и назначением последнего Комиссаром Индел «Национального Комитета»^{*} де Голля Дежан получил место заместителя Массигли. Сейчас с образованием объединенного Национально-Освободительного Комитета в Алжире^{2*}, куда перебрался де Голль, Дежан тоже туда отправляется. Я спросил:

– Каковы ваши планы?

– Ещё сам, как следует, не знаю, – отвечал Дежан. – Пока еду в Алжир. Далее надеюсь совершить объезд Южной Америки и наладить там дела... То есть установить отношения между Комитетом и различными Ю[жно-]Американскими правительствами, а также внести известную ясность и порядок в умы французов, проживающих в Ю[жной] Америке, включая тамошних французских дипломатов... Среди моих соотечественников в Америке большое смятение умов – есть сторонники Виши, есть сторонники де Голля, есть сторонники Жиро, есть много колеблющихся... Но, конечно, в Ю[жную] Америку надо ехать через Вашингтон: ключ к Ю[жной] Америке находится в Вашингтоне. Впрочем, всё это планы. Как выйдет в действительности, не знаю. Жена моя пока остаётся в Лондоне.

И затем уже несколько другим тоном Дежан прибавил:

^{5*} Текст совместного ответа Рузвельта и Черчилля, полученного 12 февраля 1943 г., см: Там же. С. 109–110.

^{*} Французского национального комитета.

^{2*} ФКНО.

– Знаете ли, у меня такое чувство, что хорошо на время исчезнуть с авансцены французских событий... Сейчас в наших кругах идёт такая драка, такая склока между генералами... Столько во всём этом личного... Лучше заняться каким-либо полезным делом на периферии и переждать.

Может быть, Дежан и прав. Он не большой, но в общем неглупый и приличный человек. Неплохо относится к СССР. Разбирается в современной политике. Имеет шансы пригодиться в будущем. Очевидно, не хочет слишком ангажироваться ни в чью сторону.

Дежан рассказывал, что в одном только Алжире сейчас имеется 183 французских генерала, 27 адмиралов и 65 генералов авиации при наличии всего лишь 40 французских самолётов! Картина потрясающая! Подавляющее большинство генералов старики, никуда не годятся, но судорожно цепляются за свои чины и ордена и не хотят уходить на покой. Поэтому вся атмосфера Алжира и Сафрики вообще пронизана всевозможными генеральскими интригами.

[Г.] Ласки рассказывал мне сегодня совершенно чеховскую историю.

В центральном офисе лейбористской партии есть некий Гилес (Giles)^{3*}, секретарь лейбористской партии по международным делам. Дурак, невежда и бешеный враг СССР. Ненависть к «большевикам» подчас принимает у него просто патологический характер.

В течение двух лет Кадлипп (Cudlipp)^{4*}, редактор «Дейли геральд», всячески избегал знакомства с Гиллиесом. Наконец, Гиллиес устроил скандал и в результате Кадлиппу пришлось пригласить Гиллиеса на ланч. За ланчем Кадлипп предложил Гиллиесу рюмку шерри. Тот выпил. Кадлипп предложил вторую – Гиллиес отказался. Кадлипп поинтересовался, почему? Гиллиес ответил, что этого не позволяет ему здоровье, и затем признался, что он сильно страдает от запоров.

– Вы знаете, – продолжал Гиллиес, – вот уже два года, как у меня кошмар... Мне все представляется, что в связи с войной прекратят производство каскары, а я на каскаре только и живу. Поэтому всякий раз, как я прохожу мимо аптеки, я обязательно захожу и покупаю бутылочку каскары. У меня уже образовался целый склад каскары.

Кадлипп, человек не глупый и не лишенный ехидства, заметил:

– У меня как раз есть знакомый аптекарь, который занимается производством каскары.

Лицо Гиллиеса мгновенно просветлело, и он почти с восторгом воскликнул:

– В самом деле?

Кадлипп подтвердил, что это действительно так и что, если Гиллиес хочет, он может посодействовать получению им необходимого количества каскары.

На следующее утро Кадлипп получил от Гиллиеса письмо с приложением чека, в котором Гиллиес просил доставить ему 12 дюжин бутылок каскары!

13 июня

Ещё неделя прошла. На нашем фронте по-прежнему затишье, – по крайней мере на земле. Даже на Кубани нет сколько-нибудь серьёзных боёв. Только

^{3*} Правильно – Гиллиес (Gillies) Уильям.

^{4*} Кадлипп Персиваль Томас Джеймс.

в воздухе мы продолжаем развивать большую активность, бомбя укрепления, железнодорожные узлы и коммуникации противника, а также его аэродромы. Наши налёты становятся всё массивнее – 500, 600, 700 машин. Удаётся разбить много самолётов противника на земле. Наши потери очень невелики. В общем, пока мы имеем явный перевес над немцами в воздухе. Удастся ли его удержать в дальнейшем? Посмотрим.

Итак, немцы потеряли уже 5 недель весенне-летнего времени по сравнению с прошлым годом. Мы, наоборот, выиграли 5 недель. И пока нет симптомов непосредственной близости большого германского наступления на нашем фронте. В чём дело? Мысль всё чаще и настойчивее обращается к этому вопросу. Полный и точный ответ на него, конечно, даст только история, но сейчас, 13 июня 1943 г., в свете всего того, что я по нынешний день знаю, причины немецкого бездействия мне представляются в следующем виде:

1) Крах сопротивления «оси» в Тунисе примерно на 3 месяца раньше расчетов германского генштаба. Со слов пленного ген[ерала] [Г.Ю.] фон Арнима, командовавшего в Тунисе, Иден мне говорил, что Берлин рассчитывал на возможность держаться в Тунисе до августа. Берлин полагал также, что для подготовки наступления против Италии союзникам после падения Туниса потребуется еще месяца 2. Иными словами, Гитлер не ждал такого наступления раньше октября и надеялся даже на дальнейшую затяжку в связи с плохой погодой в Сред[иземном] море в октябре. Таким образом, концентрируя свои дивизии на советском фронте в марте–апреле, Гитлер считал, что имеет в распоряжении, по крайней мере, 5 мес[яцев] (май–сентябрь) для операций в СССР прежде, чем опасность англо-американской атаки на западе или на юге станет серьёзной. Фактически вышло иначе: по тому же немецкому расчёту вместо 5 мес[яцев] для «востока» у Гитлера оказалось в распоряжении только 2 мес[яца]. Весь ранее построенный стратегический план был опрокинут. Пришлось приспособляться к совсем новой и неожиданной ситуации. В частности, пришлось менять планы диспозиции в первую очередь воздушных, во вторую очередь наземных сил. Отсюда задержки, колебания, выжидания: опасно чересчур ангажироваться на востоке, пока не можешь хотя бы приблизительно измерить размер угрозы, нависающей с другой стороны.

2) Явно обнаружившийся в последние недели перевес советской авиации над германской на всём протяжении восточного фронта. Данный перевес объясняется, с одной стороны, крупным ростом наших воздушных сил в течение минувшей зимы, с другой стороны, отвлечением значительных немецких воздушных сил в сторону Сред[иземного] моря и Запада. Наш перевес явился для Гитлера тоже неожиданностью. В результате опять-таки пришлось вносить изменения в составленные ранее планы, ибо без достаточного воздушного прикрытия сейчас ни одна армия (а особенно германская) не в состоянии развивать успешного наступления в летних условиях.

3) Мощные воздушные удары по Германии с запада, наблюдающиеся в течение последних 2 месяцев. Судя по всему, сила и концентрированность этих ударов, а также их систематичность тоже явились неожиданностью для Гитлера и вынудили к пересмотру прежде составленных планов. С одной стороны, оказалось необходимым концентрировать гораздо больше людей, зениток и самолётов для защиты Рура и др[угих] районов, чем предполагалось, а с другой стороны, ущерб, наносимый воздушной оффензивой союзников германскому

военному производству и германской морали, оказался значительнее, чем это раньше калькулировалось. А ведь без обеспеченного потока достаточного количества снабжения невозможно развивать серьёзное наступление.

4) Более эффективная работа партизан позади немецких линий в СССР, что вытекало, с одной стороны, из лучшей организации партизанского движения в 1943 г. по сравнению с 1941 и даже 1942, а с другой стороны, из подъема его морали в связи с общим поворотом в пользу союзников на всём мировом фронте.

Снимается ли, однако, с порядка дня большое германское наступление в СССР в текущем году? Нет, такой вывод был бы ещё преждевременным. Большое германское наступление ещё возможно, и к нему надо быть готовым.

14 июня

Несколько дней назад (9 июня) у нас был на завтраке глава английской бомбардировочной авиации воздушный маршал Sir Arthur Harris* с женой. Харрис яркий представитель той школы, которая считает, что война может быть выиграна с воздуха^{2*}. Я спросил Харриса, продолжает ли он стоять на этой точке зрения?

– Конечно, продолжаю! – воскликнул Харрис. – И сейчас больше, чем когда-либо. Всё зависит от числа бомбардировщиков, которые вы можете пустить в ход. Категорически заверяю вас, что, если бы я имел возможность каждую лётную ночь посылать тысячу тяжелых бомбардировщиков в Германию, не больше, как через 3 месяца, Германия сдалась бы на капитуляцию. И тогда вся армия оккупации могла бы состоять из 3 полисменов – американского, английского и советского, которые заняли бы Берлин не только без сопротивления, но с восторгом со стороны местного населения.

По словам Харриса, при нынешних средствах навигации примерно 20 дней в месяц могут считаться годными для налётов на Германию. Это в среднем. В отдельные периоды число лётных дней ещё выше. Впрочем, весь только что приведенный расчёт относится к ночным полётам. Днём положение иное, и, напр[имер], американцы, которые специализируются на точном бомбометании днём, пока способны летать лишь 5–6 раз в месяц. Чаше погода не позволяет: не хватает прозрачности воздуха для прицела с высоты 20–25 тыс. футов. Возможно, однако, что в дальнейшем положение улучшится.

Рассуждения Харриса заслуживают серьёзного внимания. Как раз сейчас его школа мысли приобретает всё большую популярность. Недели три назад [Э.] Бевин говорил мне, что воздушная война является наиболее экономной формой войны, поскольку, по крайней мере, речь идёт о количестве человеческих потерь. Захват Пантеллерии и Лампедузы с помощью только воздушных атак даёт в руки школы Харриса очень эффективное (хотя и далеко не вполне убедительное) оружие. Действительно в последние 2–3 дня английская пресса разыгрывает бесконечные вариации на тему: мы взяли крепость с гарнизоном в 15 тыс. человек ценой потери 20 самолётов и 40 лётчиков! Как поразительно дёшево!

* Далее – Харрис Артур Треверс (англ.).

^{2*} О сомнениях британского премьер-министра насчет эффективности воздушных операций союзников в Германии см.: *Бедариде Ф.* Черчилль / Пер. с франц. М., 2006. С. 283.

15 июня

Жюль Мок* рассказывал мне следующее:

Осенью 1942 г., незадолго до своего побега в Алжир, Жиро с ведома Виши объезжал гарнизоны городов в неоккупированной Франции и выступал на собраниях офицеров. Везде он произносил одну и ту же речь. Состояла она из двух частей. В первой Жиро в пышно-французском стиле апеллировал к патриотизму аудитории, во второй давал практические ответы на некоторые политические вопросы. Эта вторая часть представляет большой интерес.

– Кто наш враг? – ставил вопрос Жиро и тут же отвечал, – Германия.

– Кто наш друг? – продолжал Жиро и тут же отвечал, – друг № 1 – это США. Между Францией и США никогда не было войн, крупных конфликтов. Они естественные союзники. Они были и должны быть искренними друзьями (конечно, имена Лафайета^{2*}, Першинга^{3*} и др[угих] в этой части речи играли большую роль).

– Кто ещё наш друг? – спрашивал далее Жиро и отвечал, – друг № 2 – это Англия. Правда, между Англией и Францией в прошлом было немало тяжелых страниц – Трафальгар, Фашода, Оран⁶⁶. Кроме того, англичане хитры и корыстны, своей выгоды никогда не упустят. Но всё-таки в сложившихся обстоятельствах Англию приходится рассматривать как друга № 2.

– Есть ещё одна держава, – говорил далее Жиро, – которая тоже ведёт войну с Германией, но чем меньше мы будем о ней упоминать, тем лучше. Эта держава – враг религии, семьи, цивилизации. Конечно, русские убивают много немцев, а немцы убивают много русских, – что же это, пожалуй, самое лучшее, что они могут сделать. Так для Франции выгоднее.

– Кто победит в нынешней борьбе? – наконец, задавал вопрос Жиро и отвечал, – вероятнее всего, победят союзники, а Германия, вероятнее всего, будет разбита. Отсюда вывод: «Национальная революция», во главе которой стоит Петэн, оздоровила Францию, но, если Франция останется с Германией, то под развалинами поражения последней погибнет и «Национальная революция».

Поэтому Жиро хотел бы убедить Францию вовремя оторваться от Германии и перейти в англо-американский лагерь. Тогда «Национальная революция» будет спасена.

В то время, когда происходили описанные события, Мок был во Франции, принимая активное участие во внутреннем «фронте сопротивления». Мок имел сообщения о выступлениях Жиро из трёх городов, и все три сообщения во всём основном совпадали.

Таков Жиро. Но, может быть, он за последние полгода «переучился»? Сомневаюсь. Французские генералы в 64 года не подвержены умственным революциям, а сверх того вся информация, идущая из Африки, подтверждает, что по существу Жиро остался Жиро. Все его «демократические» жесты (главным образом, в сфере внутренней политики) продиктованы американцами и особенно англичанами. Уж очень отталкивающа была политическая нагота

* См.: выше, запись от 6 июня.

^{2*} Лафайет (La Fayette) Мари Жозеф – политический деятель Франции, генерал американской армии во время войны за независимость Северной Америки (1775–1785).

^{3*} Першинг (Pershing) Дж. – генерал, командующий экспедиционными силами США в Европе в 1917 г.

этого избранника американцев. Выходило неудобно. Англо-американцам приходится маневрировать.

Как характерно также, что во всех публичных выступлениях СССР для Жиро не существует! Нас он либо совсем не упоминает, либо, когда не может этого избежать, упоминает скороговоркой, вскользь, так чтобы никто «не заметил»^{4*}. Рассказ Мока объясняет, почему так происходит.

Вредный человек Жиро. Де Голль тоже не идеал, но всё-таки он неизмеримо более приемлем. По крайней мере, на данной стадии развития.

16 июня

Был у Идена. Говорили сначала о разных текущих делах: о снабжении нас «Москито», о скорейшей организации второго конвоя в Персидский залив, об отгрузке нам большего количества бензина в Абадане.

Потом Иден сообщил мне, что [Г.] Александеру, который на днях был в Англии, дана инструкция всемерно ускорить «Хаски»*. Возможно, поэтому даже, что операция начнётся раньше намеченного срока. Не возражал бы, но сомневаюсь. Впрочем, посмотрим. Далее Иден сказал, что с американцами достигнуто соглашение о бомбёжке железнодорожного узла Рима (полгода назад Вашингтон вообще возражал против бомбёжки Рима).

Я спросил о Турции. Иден не мог сообщить ничего утешительного. Турки по-прежнему «сидят на заборе». В последнее время даже более усиленно, чем раньше, подчёркивают свой нейтралитет. Два судна (из обещанных 5), переданных англичанами специально для перевозки оружия, турки поставили на каботаж, не имеющий ничего общего с войной. Бритпра рассердилось и решило остальные 3 судна не давать. Черчилль, было, хотел устроить туркам скандал. Иден удержал его и рекомендовал отложить нажим до того момента, когда всерьёз начнутся операции против Италии. Пока же в Турцию послан контр-адмирал Джон Каннингхэм (кузен Эндрю Каннингхэма, командующего Средиземноморским флотом). Он должен оказать известное моральное воздействие на туркпра и военные круги и таким образом подготовить почву для^{2*} демарша Черчилля.

Затем я спросил об Аргентине. Иден ответил, что новое правительство Рамиреца^{3*} – шаг вперёд по сравнению со старым, но что ожидать каких-либо сенсационных событий в ближайшем будущем не приходится. Ведь как-никак это военное правительство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Впрочем, министр индел (адмирал) настроен просоюзнически. Иден рассчитывает, что несколько позднее Аргентина, вероятно, порвёт с осью.

Говорили ещё о французских делах. Иден показал мне ряд телеграмм [Г.] Макмиллана. Из них вытекает след[ующее]: 9 июня де Голль внёс в Комитет^{4*} свои предложения по реформе армии. Они сводятся к двум пунктам: 1) решительное омоложение комсостава, т.е. отставка большей части стариков-генералов (сейчас в Алжире скопилось 176 генералов армии, 63 генерала авиа-

^{4*} Вписано вместо вычеркнутого – «понять не мог».

* Кодовое название операции высадки на о. Сицилия.

^{2*} Далее зачеркнуто – «дальнейшего».

^{3*} Правильно – Рамирес Педро Пабло – президент Аргентины в 1943–1944 гг.

^{4*} ФКНО.

ции – при 40 самолётах во французском воздушном флоте – и 27 адмиралов). 2) Реорганизация командования, т.е. главнокомандующий не должен быть членом и президентом Комитета, а стоять вне и под ним, всеми же военными делами должен ведать военный министр, член Комитета и, если нужно, его президент. В качестве военного министра де Голль, конечно, имеет в виду себя.

Предложения де Голля привели Жиро в бешенство. Он устроил грандиозный скандал. Тогда 10 июня де Голль прислал в Комитет письмо с отставкой. Произошло смятение. Многие члены Комитета стали просить де Голля взять назад письмо. О том же с де Голлем разговаривал Макмиллан. С тех пор в Алжире идут совещания. Поиски примирительных формул, обмен письмами и нотами. Выхода пока не найдено.

17 июня

Постепенно начинают вырисовываться контуры нашей послевоенной политики.

В течение последних месяцев англичане (главным образом, [А.К.] Керр в Москве) сообщали нам о различных «мирных зондажах» со стороны официальных и неофициальных венгерцев и от времени до времени спрашивали нашего мнения. 7 июня [В.М.] Молотов ответил Керру письмом, в котором изложил нашу точку зрения на целый комплекс послевоенных вопросов*. Основные пункты письма сводятся к следующему:

1) Ответственность за войну и военные жестокости несёт не только венгерское правительство, но и венгерское общество (я толкую это выражение в том смысле, что тут имеются в виду правящие элементы вообще, включая интеллигенцию, кулачество и т.п.).

2) Условия, которые мы считаем необходимым поставить Венгрии (и др[угим] сателлитам):

а) Безоговорочная капитуляция.

б) Возврат захваченных территорий.

в) Возмещение убытков, причинённых войной.

г) Наказание виновников войны.

д) Сохранение государств-сателлитов, никаких покушений на их независимость.

3) Третьейское решение 30.8.40 о передаче Венгрии Сев[ерной] Трансильвании⁶⁷ не может считаться вполне обоснованным. Не исключена возможность его пересмотра.

4) Переговоры и контакт с оппозиционными элементами в Венгрии (очевидно, и в других странах-сателлитах) возможны, но во время переговоров не должны даваться никакие обещания, противоречащие вышеуказанным в п. 2 и 3 условиям. Переговоры следует вести по взаимному предварительному осведомлению.

5) По вопросу о проектах федерации Польши, ЧС, ЮС, Греции, Венгрии, Австрии, наш взгляд:

а) сейчас не следует вообще ангажироваться.

б) Венгрия и Австрия, во всяком случае, не должны быть членами такой федерации.

* Содержание текста письма см: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 388–389.

Всё это очень важно и интересно. Даёт линию.

Есть ещё одно указание – уже более позднее – о нашей позиции в отношении де Голля и Жиро. Мы поддерживаем де Голля по двум соображениям:

а) де Голль занимает вполне непримиримую позицию против Германии и требует её полного разгрома, чего нельзя сказать о Жиро.

б) де Голль поддерживает позицию восстановления республиканско-демократического строя во Франции и непримирим в отношении Виши, чего нельзя сказать о Жиро.

Правильно. С ноября прошлого года я неуклонно провожу эту линию. Теперь она находит своё подтверждение из Москвы. Тем лучше.

19 июня

Coates* рассказывал, что на лейбористской конференции видел в качестве «гостя» Петрова с женой и двумя дочерьми. Он выглядит совсем стариком, лицо в глубоких морщинах, седая голова и рот без зубов. Жена выглядит ещё хуже...

В памяти у меня невольно всплыла далёкая картина. Лондон. 1913 г. День первого мая. Яркое солнце. Синее небо. По закопчённым душным улицам города идёт, направляясь к Гайд-Парку, небольшая майская демонстрация. Народу 2–3 тыс. человек. Десятки красных знамён колышутся в воздухе. Несётся пение... поют социалистические и революционные песни. И, хотя процессия не велика и пение не очень мощно, настроение у всех чудесное. Все веселы, оживленны, бодры, радостны. Все живут надеждой на будущее, а будущее это кажется таким ярким, широким, многообещающим. Кажется, ещё год, ещё пять, самое большее ещё 10 лет – и всё, о чём сейчас думают, мечтают, говорят, поют эти люди, станет действительностью. Социализм победит!

Я тоже иду в рядах майской процессии, и сердце у меня тоже прыгает от радости. Как великолепен мир! Как чудны открывающиеся перспективы! Вперёд! Вперёд! Скорее! Скорее! К победе!..

В ногу со мной идёт Петров, а в ногу с Петровым – молодая, здоровая девушка лет 23[-х]. Это недавно приехавшая в Лондон немецкая социал-демократка, приятное, весёлое, интеллигентное существо. Петров – это Peter Petroff^{2*}, законодатель, вождь и диктатор Kentish Town Branch of the British Socialist Party^{3*}. Ему лет под 30. Бронзовый, черноволосый, с резкими чертами лица и громовым голосом Петров хорошо говорит (тип лондонского «street corner speaker^{4*}») и приобретает всё большую популярность в своей партии. С ним в партии начинают считаться, ему предрекают большое политическое будущее. Петров случайно познакомился с девушкой, которая сейчас идёт рядом с ним, познакомился и сразу же влюбился. Роман Петрова развивается галопом, но пока ещё не дошёл до своего логического конца. Видно, однако, что Петров и немка скоро поженятся. На этой майской демонстрации оба идут близко друг к другу, переглядываются и пересмеиваются, как люди, которые имеют между собой особый, никому из посторонних недоступный язык. Им весело. Они полны энтузиазма.

* Далее – Коатс Уильям Пейтон – секретарь Англо-русского парламентского комитета.

^{2*} Петров Питер (англ.).

^{3*} Отделение британской социалистической партии города Кент.

^{4*} Оратор с угла улицы (англ.).

Их личное чувство так хорошо переплетается с общим настроением процессии. И обоим кажется, что жизнь открывает перед ними такую длинную и широкую аллею, полную радости, блеска, успеха...

Да, с того дня минуло 30 лет.

Как жизнь жестоко обманула Петрова!

Он приехал в Россию в 1918 или 1919 гг. Встречен был прекрасно: в это время его старые лондонские приятели – [Г.В.]Чичерин, [М.М.]Литвинов, [Ф.А.] Ротштейн и др. – занимали крупнейшие посты в советской администрации. Петров попал даже к Ленину. Перспективы, по-видимому, были блестящие. Но не вышло.

Петров по натуре почти анархист. Привыкнув быть диктатором в масштабе Kentish Town^{5*}, он не сумел стать одним из полезных звеньев большой машины в масштабе СССР. У Петрова пошли конфликты, склоки, ссоры с товарищами по работе и с руководителями партии и государства. Почти всегда Петров оказывался неправ. Звезда его стала спускаться к горизонту. В 1925 г., проездом из Москвы в Лондон, я встретил Петрова во дворе берлинского полпредства. Он работал тогда в нашем торгпредстве в Германии (кажется, в качестве экономиста) и выглядел довольно общипанным. Настроение у Петрова было плохое. Он был раздражён на всех и на вся. Потом я потерял Петрова из виду. Шли годы. От времени до времени до меня доходили слухи, что Петров чудит, что с Петровым неладно, что Петров переходит на антисоветские рельсы...

И вот совсем неожиданно, несколько лет назад, Петров появился опять в Англии – уже стариком, развалиной, открытым врагом СССР. Его, конечно, приглубил Гиллиес^{6*}. В течение некоторого времени Петров вёл бешеную антисоветскую агитацию – особенно после 23 августа 1939 г., – и мне даже приходилось принимать некоторые контрмеры. Потом, когда Германия напала на СССР, всё это стихло и прекратилось. Петров совсем исчез с горизонта. Я даже не знал, жив он или умер. И вот теперь Коатс вновь напомнил мне о нём.

Круг жизни Петрова и его жены завершился или почти завершился. Какая горькая, глупая и гнусная судьба!

20 июня (Бовингдон)

На нашем фронте затишье продолжается. Через иностранных корреспондентов в Берлине немцы пускают слухи, будто бы большое наступление в СССР отложено на неопределенное время, так как-де основная проблема нынешнего лета – охрана берегов крепости – Европы. Подозрительно. Как бы то ни было, но выиграна ещё одна неделя.

Холодно, ветер, серые облака несутся по небу. Я простудился. Шумит в левом ухе.

Содержание послания Сталина Черчиллю (24. 6. 43*)

Получил Ваше послание от 19. 6^{2*}.

^{5*} Города Кент.

^{6*} См. выше, запись от 12 июня.

* Опубликовано это послание в: Переписка... Т. 1. С. 160–163.

^{2*} Послание Черчилля Сталину от 19 июня 1943 г. см: Там же. С. 156–159.

Вполне понимаю сложность организации а/а вторжения в ЗЕвропу, однако и Вы, и президент знали о ней раньше и учитывали в своих приготовлениях к вторжению. В вашем меморандуме от 10. 6. 42^{3*}, врученном Молотову, сказано:

«Наконец, самое важное: мы концентрируем максимум усилий на организации и подготовке вторжения большого масштаба британскими и американскими вооруженными силами на континент Европы в 1943 г. Мы не ставим границ ни размаху, ни целям этой кампании, кот[орая] в первой стадии будет осуществлена более чем миллионом человек, англичан и американцев, соответственным количеством авиации».

В начале этого года Вы дважды сообщали мне от Вашего собственного имени и от имени президента – о Вашем решении касательно вторжения а/а войск в Европу с целью «отвлечь крупные германские сухопутные и воздушные силы с русского фронта». В то же самое время Вы хотели «поставить Германию на колени в 1943[г.]» и намечали момент вторжения не позже сентября 1943. В Вашем послании от 26. 1. 43^{4*} Вы говорили:

«Вместе с нашими военными советниками мы собрались на конференцию и приняли решение о военных операциях, которые а/а силы должны предпринять в первые 9 месяцев 1943 [г.]. Мы хотим сразу же информировать Вас о наших намерениях. Мы верим, что эти операции вместе с Вашим мощным наступлением могут поставить Германию на колени в 1943 [г.]».

В Вашем послании ко мне от 12. 2^{5*} вы более точно фиксировали дату вторжения:

«Мы также ускоряем до крайних пределов наших ресурсов подготовку операций через канал в августе, в котором будут участвовать Англия и США. Здесь опять лимитирующий фактор – тоннаж и число десантных судов. Если операция задержится из-за погоды или других причин, она будет подготовлена на сентябрь – с более крупными силами».

В феврале, когда Вы всё это писали, трудности вторжения были больше, чем сейчас, ибо с тех пор немцы понесли ряд поражений, потеряли много людей и территорий на нашем южном фронте, были ликвидированы в САфрике, встретились с растущими затруднениями в своей подводной войне. А/а авиация также доминирует в европейском небе, а их военный и торговый флоты стали сильнее, чем когда-либо. Т[аким] о[бразом] все условия для открытия второго фронта в 1943 [г.] не ухудшились, а улучшились, и совпра никак не могло ожидать, что с учётом всего сказанного английское и американское правительства изменят своё решение об открытии второго фронта в 1943 [г.]. Наоборот, оно имело все основания ожидать, что второй фронт наконец будет создан в 1943 [г.]».

Вот почему, когда Вы теперь пишете, что «Россия ничего не выиграла бы, если бы сотня тысяч жизней была погублена в катастрофической операции через канал», я должен Вам напомнить о след[ующем]:

1) в Вашем мемо[рандуме] в июне 1942 Вы имели в виду не сотню тысяч, а миллион человек;

2) из Вашего февральского послания следовало, что эта операция будет произведена не с сотней тысяч, а с надлежащим количеством войск.

Когда Вы теперь говорите: «Не вижу, как крупное английское поражение и бойня могут помочь совармиям», – разве не ясно, что это заявление совершенно безосновательно? Что оно стоит в противоречии со всеми Вашими прежними решениями?

Я не хочу останавливаться на том, что Ваше последнее столь ответственное решение об аннулировании Ваших прежних решений по вторжению в ЗЕвропу было принято Вами и президентом без участия совпра и без всякой попытки пригласить его представителей к переговорам в Вашингтоне, хотя Вы не могли не знать о той роли, кот[орую] СССР играет в войне против Германии, и о том, что его интерес в вопросе о втором фронте не незначителен.

Само собой разумеется, что совпра не примирится со столь явным игнорированием наиболее важных советских интересов в войне против общего врага⁶⁸.

Вы пишете, что вполне понимаете моё разочарование. Я должен сказать: здесь не просто вопрос о разочаровании совпра, здесь вопрос о доверии совпра к союзникам, доверии, которое подвергается столь серьёзному испытанию вышеупомянутыми событиями. Нельзя забывать, что

^{3*} См.: Памятная записка правительства Великобритании правительству СССР. 10 июня 1942 г. (Советско-английские отношения... Т. 1. 1941–1943. С. 247–248).

^{4*} Текст послания президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля премьеру Сталину, полученного 27 января 1943 г., см.: Переписка... Т. 1. С. 102–104.

^{5*} Текст послания Черчилля Сталину, датированного 9 февраля и полученного 12 февраля 1943 г., см.: Там же. С. 109–110.

от этого зависит возможность спасения миллионов жизней в оккупированных районах ЗЕвропы и России и сокращения колоссальных жертв совармий, по сравнению с которыми потери а/а войск являются очень скромными.

Содержание послания Сталина Черчиллю (26. 6. 43).^{*}

Получил Ваше послание от 23. 6.^{2*}, в кот[ором] Вы сообщаете, что бритпра и ампра решили в настоящее время воздержаться от признания Франц[узского] Комитета Национального Освобождения в Алжире ввиду неясности позиции и чувств генерала де Голля к союзникам.

Бритпра как будто бы до сих пор проявляло интерес к де Голлю, что было вполне естественно, поскольку после капитуляции Франции де Голль возглавил все франц[узские] антигитлеровские силы и руководил борьбой франц[узских] патриотов, объединившихся вокруг Борющейся Франции^{3*}. Последующие события в Сафrike (с ноября 1942), а также участие французских военных сил под командованием ген[ералов] Жиро и де Голля в а/а операциях создали условия для их объединения, что рассматривалось всеми союзниками, как разумный шаг. Поэтому признание НК^{4*} – выражение этого единства – было бы вполне логичным выводом, и, когда Жиро и де Голль от имени Комитета обратились к союзникам с просьбой о признании, совпра считало, что франц[узское] общественное мнение не могло бы понять отказа в таком признании.

Совпра не располагает информацией о причинах британского отношения к ФКНО и особенно к де Голлю. Поскольку, однако, бритпра просит отложить признание ФКНО и через своего посла дало заверение, что оно не предпримет в этом вопросе ничего без консультации с совпра, совпра готово пойти навстречу желанию бритпра.

Надеюсь, Вы примете во внимание интерес СССР во французских делах и не откажете в снабжении совпра своевременной информацией, необходимой для принятия соответственных^{5*} решений.

2 июля

Завтра улетаю в Москву.

Около недели назад получил телеграмму, вызывающую меня в Москву для консультаций по послевоенным вопросам. Очень хорошо. Рад, что удастся по-видать своих людей и во всех смыслах «прикоснуться к земле».

Думаю, однако, что дело тут не только в консультациях. Мне кажется, что вызов меня является также формой нашего недовольства бритпра за нарушение слова в вопросе о втором фронте^{6*}. Так именно воспринял моё сообщение о предстоящем отъезде Иден^{7*}. Он был сильно встревожен и воскликнул:

– Как? В такой момент и Вы уезжаете из Лондона?

Я возразил:

– Какой такой момент? Ведь второго фронта нынче не будет, стало быть, я имею возможность слетать на известный срок в Москву.

Неделя ушла на организацию полёта. Англичане дают мне самолёт, в котором, впрочем, отправляются также некоторые служащие, направляемые в их московское посольство. Со мной летит один наш военный, возвращающийся в СССР. Маршрут интересный: Гибралтар–Каир–Хабания*–Куйбышев–Москва. Никогда не бывал в Египте – посмотрю пирамиды^{2*}!

В добрый путь!

* Текст послания см.: Переписка. Т. 1. С. 163–164.

^{2*} См.: Там же. С. 159–160.

^{3*} Имеется в виду движение Сражающаяся Франция.

^{4*} Речь идет о ФКНО.

^{5*} Так в тексте.

* Крупная военно-воздушная база Великобритании на Ближнем Востоке.

^{2*} Описание пути возвращения в Москву см.: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла: Война. 1939–1943. М., 1965. С. 345–368.

31 октября

«Обед у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталина
в честь Государственного Секретаря США г-на Корделла Хэлла
и Министра Иностранных Дел Великобритании г-на Антони Идена

30 октября Председатель Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталин дал обед в Кремле в честь Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки г-на Корделла Хэлла и Министра Иностранных Дел Великобритании г-на Антони Идена.

На обеде присутствовали г[-н] Корделл Хэлл, г[-н] Антони Иден, Посол Великобритании г[-н] А. Керр, Посол США г[-н] А. Гарриман, г[-н] В. Стрэнг, г[-н] С. Дэнн, г[-н] Хэкворт, генерал-лейтенант Х. Исмей, генерал-лейтенант Г. Мартель, адмирал Д. Фишер, генерал-майор Д. Дин, бригадный генерал С. Сполдинг и другие сопровождающие г-на К. Хэлла и г-на А. Идена лица, а также члены Посольств и Военных Миссий Великобритании в США. С советской стороны присутствовали тт. В.М. Молотов, Маршал К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, А.Я. Вышинский, адмирал Н.Г. Кузнецов, В.Г. Деканозов, С.А. Лозовский, М.М. Литвинов, А.Е. Корнейчук, И.М. Майский, С.И. Кавтарадзе, генерал-полковник авиации В. А. Никитин, генерал-полковник танковых войск Я.Н. Федоренко, генерал-полковник артиллерии Н.Д. Яковлев, генерал-полковник Ф.И. Голиков, генерал-майор А.А. Грызлов и др.»

«Известия», 31/10/43

5 ноября

Сегодня впервые надел новую форму, установленную для НКВД. Форма лучше, удобнее и красивее, чем я ожидал. Но всё-таки чувствую себя как-то неловко. Более 40 лет со времени исключения из петербургского университета в 1902 г. я не носил никакой формы. Вся жизнь прошла в штатском. И вот теперь почти в 60 лет опять надел форму. Естественно, что выходит как-то не по себе. Придётся привыкать. И ещё: чин у меня высокий, погоны маршала, все окружающие и встречные невольно обращают на меня внимание. Военные берут под козырёк. Тоже непривычно и неловко. Всё это, конечно, пройдёт, но всё-таки...

Одно хорошо: в нашей новой форме отложные воротники. Ещё летом, в Лондоне, из некоторых запросов НКВД я почувствовал, что в наркомате подготавливается введение формы. Тогда я телеграфировал, что для меня не совсем понятен смысл этой меры, поскольку за границей нашим дипломатам всё равно придётся ходить в штатском (кроме редких случаев официальных торжественных церемоний, вроде вручения верительных грамот, королевских приёмов и т.п.). Однако если всё-таки будет решено ввести форму, то я прошу, по крайней мере, сделать у неё отложной воротник. Это моё пожелание оказалось исполненным.

6 ноября

Только что вернулся из Кремля с доклада г[ов]. Сталина о 26[-й] годовщине Октября*.

Доклад происходил в зале заседаний Верховного Совета по приглашению Моссовета и МК. Зал, галереи, ложи были битком набиты. Присутствовало, вероятно, до 2 тыс. человек. Всё было залито ярким электрическим светом, что создавало какое-то торжественно-приподнятое настроение. Председательство-

* См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 115–120.

вал [В.П.] Пронин (председатель [Исполкома] Моссовета). Когда в зал вошёл т[ов]. Сталин в сопровождении членов ПБ^{2*}, раздались шумные аплодисменты. Овация продолжалась несколько минут и кончилась лишь по звонку председателя. Я сидел в ложе президиума слева, и видно мне было все прекрасно. Сталин выглядит хорошо, крепко. Конечно, немало седины в голове, но она ему даже идёт. Мундир маршала как-то ещё более подчеркивал силу Сталина. Но голос у него тихий, и даже с наушниками я должен был с большим напряжением ловить слова. Кое-что так и не поймал. Прочту завтра в газете.

Доклад Сталина с точки зрения длины на этот раз был построен чисто по-английски: ровно 45 минут. Очень хорошо. Желаю другим нашим ораторам последовать примеру Сталина, а то большинство из них привыкло слишком «растекаться мыслию по древу». Я внимательно следил за реакцией собрания. Самые шумные аплодисменты вызвало заявление Сталина, что немецкие преступники войны не уйдут от заслуженной ими кары. Весьма симптоматично!

Внешнеполитическая часть доклада была построена в духе умеренного оптимизма по отношению к союзникам и их помощи СССР. Появился новый термин – «нечто вроде второго фронта». Он покрывает собой военные операции союзников в районе Сред[иземного] моря, воздушные бомбардировки Германии и снабжение СССР оружием и материалами. Думаю, что англо-американцы останутся довольны, особенно с учетом того, что Сталин назвал решения Московской конференции «историческими»^{3*}.

Возвращался из Кремля пешком. Была ясная лунная ночь, и холодный бодрящий воздух вливался в лёгкие, как живительный нектар.

7 ноября

Ни военного парада, ни демонстрации на Красной площади сегодня не было: нет надобности давать немцам хороший объект для воздушной бомбардировки. Зато в 8.30 вечера Молотов устроил на Спиридоновке, 17, большой приём для дипкорпуса. Присутствовало свыше 500 чел[овек], в том числе много наших – не только наркоминдельцев с женами, но также военных ([К.Е.] Ворошилов, [Б.М.] Шапошников, [Ф.И.] Голиков, [Ф.А.] Астахов и др.), моряков с наркомом [Н.Г.] Кузнецовым во главе, НКВТ ([А.И.] Микоян, [А.Н.] Крутиков, Степанов и др.), писателей (А. Толстой, [И.Г.] Эренбург и др.), артистов ([И.М.] Москвин, [Д.] Ойстрах, [Н.П.] Хмельёв, [В.В.] Софроницкий, [И.С.] Козловский и др.), людей искусства ([Д.Д.] Шестакович*, [П.П.] Кончаловский и др.).

Принимал гостей один Молотов, хотя приглашения были разосланы от имени Молотова с женой. Почему не приехала жена Молотова, не знаю. Молотову помогали замнаркомы. Присутствовали все завотделами и ряд других ответственных работников НКВД. Все сияли своей новой формой – черным с золотом и серебряными погонами. Её впервые надели 5 ноября. Хотя форма довольно красива и удобна, я всё-таки испытывал и испытываю, нося её, какое-то чувство неловкости: больше 40 лет, со времени университета, я не знал никакой формы. Слишком привык к штатскому костюму. На старости лет придётся опять вживаться в форму.

^{2*} Политбюро ЦК ВКП(б).

^{3*} Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 116.

* Правильно – Шостакович Дмитрий Дмитриевич.

Забавный инцидент вышел с кортиком. Ещё летом, в Лондоне, я узнал от одного заезжего наркоминдельца о том, что готовится введение формы и даже с кортиком морского типа. Тогда же я просил руководство НКВД (Молотова): уж если признано необходимым ввести форму для работников НКВД, то, во-первых, мундир сделать с мягким отложным воротником, и, во-вторых, не вводить кортика. Первое моё предложение оказалось реализованным, второе нет. Итак, к парадной форме НКВД полагается кортик. Однако вчера возникло сомнение: удобно ли надевать кортик на приём 7 ноября? Удобно ли встречать гостей у себя в доме с оружием у пояса? В 3 часа ночи меня разбудил Фомин (завпротокола) и по поручению Деканозова спрашивал, как поступают в аналогичных случаях в Лондоне? Не оставляют ли англичане и дипломаты своё «оружие» в прихожей, когда являются на приём к королю? Я ответил, что никогда не обращал особого внимания на эту деталь британского протокола, но, насколько могу припомнить, в Англии на приёмы никто не является с оружием. Мой ответ, однако, не вполне удовлетворил Деканозова, и сегодня утром он через Фомина тот же вопрос задал [М.М.] Литвинову, кот[орый] ответил примерно в таком же духе, как и я. Но Деканозов, видимо, и тут не успокоился: запрос был обращён к наркомвоенмору [Н.Г.] Кузнецову. Кузнецов тоже не советовал наркоминдельцам надевать кортик. В конечном счете было решено: кортик на этот раз отменить. Так мы и явились на приём без кортиков.

Когда все гости собрались, был устроен концерт, в котором выступали артисты столицы. Потом все пошли «в буфет»: самые важные гости и хозяева в дальний красный зал, гости рангом пониже в другой зал, поближе. Мы с Агнией попали в красный зал. Стол ломился от всяких яств и напитков. Дипломаты уплетали за обе щёки. Хозяева подливали им щедро. Некоторые быстро опьянели. С британским послом Sir Archibald Clark Kerr^{2*} вышел скандал: он сидел за столиком у стены вместе с Молотовым, Микояном, [А.] Гарриманом с дочкой Кэтлин, [А.С.] Щербаковым, [А.Е.] Корнейчуком и Вандой Василевской. Когда я подошёл к этой компании и тоже присел, Керр был уже в сильном градусе. Подняли ещё несколько тостов. Выпили ещё несколько рюмок всякого вина. И вдруг... на моих глазах произошло то, чего ещё никогда не случалось в анналах английской дипломатии, по крайней мере в новейшее время: британский посол свалился со стула на пол и головой ушёл под стол! Все засуетились и подняли незадачливого посла. Его посадили на стул. Однако спустя несколько минут Керр снова упал под стол. Его опять извлекли из-под стола, и пара быстро подбежавших английских военных стала настойчиво «помогать» послу эвакуироваться домой. Что за сцена!

Гарриман и его дочка тоже были сильно выпивши, но всё-таки сумели «реироваться» со Спиридоновки без всякого скандала.

Целый ряд дипломатов упился до того, что в 3–4 часа ночи их «мёртвые тела» пришлось выносить и просто класть в машины.

В боковом зале, за закрытыми дверями, Козловский, Кончаловский, Москвин увеселяли «свою публику» пением и рассказами.

Вернулись домой в четвёртом часу утра.

^{2*} Сэр Арчибальд Кларк Керр (англ.).

10 ноября

Узнал такие подробности последних дней Муссолини:

Первая бомбардировка Рима, произведенная союзниками в июле т/г*, произвела огромное впечатление на население итальянской столицы. Защита с земли была очень слаба, истребителей вовсе не было. Союзники действовали безнаказанно и^{2*} разрушили железнодорожный узел со всеми прилегающими кварталами.

Муссолини сразу почувствовал опасность и спешно отправился к Гитлеру за истребителями и др[угими] видами противовоздушной защиты. Гитлер отнесся к просьбе Муссолини холодно и согласился прислать только одну эскадрилью истребителей, да и то с немецким экипажем. На последнее Муссолини не счёл возможным согласиться.

Вернувшись с пустыми руками, Муссолини вынужден был созвать Большой Фашистский Совет. Присутствовало 26 чел[овек]. Дебаты продолжались 7 часов. [Д.] Гранди внёс резолюцию, в которой предлагал оставить Муссолини премьер-министром, но не главой правительства, чрезвычайные полномочия, которыми до того располагал Муссолини, вернуть королю и расширить кабинет за счёт привлечения внепартийных элементов. Секретарь фашпартии Скорца^{3*} внёс противоположную резолюцию, которая по существу аннулировала предложения Гранди. Были сделаны попытки найти компромисс между обеими резолюциями. Сам Муссолини на протяжении всего заседания молчал. Говорили другие. В конечном счёте резолюция Гранди была принята 21 голосом против 5. Это был вообще первый случай в истории БФС^{4*}, когда производилось голосование. До тех пор всегда Муссолини излагал своё мнение, а все остальные к нему присоединялись.

На след[ующий] день Муссолини составил новый список правительства и поехал с ним к королю. Однако вместо обычного утверждения подобных списков король на этот раз спокойно заявил Муссолини, что в связи с возникшим правительственным кризисом он принял решение наметить нового премьера – Бадوليو^{5*}. Муссолини был потрясён, но ничего не ответил. Когда фашистский диктатор, выходя из дворца, сошёл с лестницы, его машины, в которой он приехал, не оказалось на месте. Муссолини был отправлен назад в полицейской машине.

Затем с чисто калейдоскопической быстротой последовали отставка Муссолини, его арест, ликвидация фашистской партии. Ещё раз ярко было иллюстрировано старинное латинское изречение:

Sic transit gloria mundi^{6*}.

Говорят, что для Гранди все эти события явились горестной неожиданностью: он так далеко не метил.

Пассивность Муссолини в финальных стадиях его карьеры объясняют полным моральным и физическим истощением, как результат последствий сифилиса, язвы желудка, нервного потрясения.

* Текущего года.

^{2*} Далее вычеркнуто – «действительно».

^{3*} Правильно – Сфорца Карло.

^{4*} Большой фашистский совет.

^{5*} Далее – Бадольо Пьетро.

^{6*} Так проходит мирская слава (лат.).

(Весь этот материал получен от Бастианини, мининдела Муссолини^{7*}, через нейтральные дипломатические каналы.)

18 ноября

Не знаю, почему, – м[ожет] б[ыть], потому что сегодня я немного болен и сижу дома, – в голову лезут воспоминания. И среди них вот что:

В годы эмиграции в Англии я был дружен с Рамзеем Макдональдом^{*}. В то время он был лидером Независимой Рабочей Партии и жил на Howitt Rd (Hamptstead)^{2*}. Первая моя встреча с ним была очень любопытна. Не помню, кто меня рекомендовал Макдональду (кажется Bruce Glassier^{3*}), но помню, что я, никому неизвестный молодой русский с-д^{4*} и эмигрант, с трепетом душевным переступал порог столь видного вождя социалистического движения в Англии. Дело происходило, если не ошибаюсь, в 1913 г.

Макдональд принял меня дружески, но несколько свысока. Меня это слегка задело, однако я не показал виду. Разговор продолжался около часу. Беседовали о России и российском революционном движении, об Англии и английском рабочем движении, о парламенте, тред-юнионах и многих других интересных вещах. В самом конце, когда я уже собирался уходить, Макдональд вдруг вспомнил свою жену, которая незадолго перед тем умерла. Он говорил о ней с большой теплотой и рассказывал, каким другом и товарищем она для него была и как тяжело он страдает от понесенной потери. Постепенно Макдональд всё больше разгорячался, встал со стула и, наконец^{5*}, воскликнул:

– В этом великом несчастье меня поддерживает только одна мысль: рано или поздно мы встретимся с ней там...

И Макдональд выразительно поднял руку к небу.

Я был потрясён до глубины души. В моей голове тогда никак не укладывалось, что лидер «социалистической» партии может быть верующим человеком. Только много позднее я понял, что это значит...

Тем не менее дружественные отношения между мной и Макдональдом мало-помалу стали налаживаться и особенно близкими они стали в период прошлой войны. Макдональд был противником войны, хотя исходил он при этом не из марксистских, а из этико-христианских принципов. Я был тоже противником войны, хотя исходил не из этико-христианских, а из марксистских принципов. Наши мотивы, таким образом, были разные, но практический вывод совпадал. Это создавало общую базу между нами и невольно сближало. К тому же Макдональд проявлял тогда немалое мужество: в связи с занятой им позицией его травили, на него нападали со всех сторон – в печати, в парламенте, с церковной кафедры, в повседневной жизни. Однако Макдональд упорно отстаивал свою линию. Это импонировало и вызывало к нему симпатию. Расходясь с Макдональдом теоретически, я горячо сочувствовал ему практически.

^{7*} Бастианини Дж. – заместитель секретаря МИД Италии.

^{*} Макдональд Джеймс Рамсей.

^{2*} Хоуит Роуд (Хемпстед) – улица в районе Хемпстеда.

^{3*} Глазье Брюс (англ.) – личность не установлена.

^{4*} Социал-демократ.

^{5*} Далее – вычеркнуто – «с высоко поднятой рукой».

Пришла февральская революция 1917 г. На Макдональда она произвела колоссальное впечатление. В течение нескольких дней он ходил как в тумане и всё повторял:

– Ex Oriente Lux^{6*}.

И дальше разъяснял, что русская революция явится освободительницей человечества от ужасов и страданий войны. 30 марта 1917 г. в Альберт-Холл[e] был устроен грандиозный митинг в честь русской революции – Макдональд был на этом митинге одним из главных ораторов. В апреле русские эмигранты организовали другой большой митинг по тому же поводу. Я на нём председательствовал, а Макдональд и Филип Сноуден^{7*} были главными ораторами. В печати, парламенте, на собраниях Макдональд всё время подчеркивал огромное значение русской революции и открыто выражал свою веру в её освободительную миссию.

Однажды в начале апреля ко мне явились двое делегатов с русского крейсера «Аскольд», который только что прибыл из Тулона в Плимут. Один из делегатов был матрос, другой гардемарин. Они рассказали мне волнующую историю: по пути из Тулона в Плимут на крейсере стало известно о происшедшей революции. Эффект был немедленный и решительный: командир крейсера был выброшен за борт, все старшие офицеры посажены под арест, и судно пришло в Плимут под командой комитета из трёх человек, выбранных общим собранием экипажа. Первым делом комитета по прибытии в Англию было послать делегатов в Лондон и пригласить «политических» прибыть на крейсер^{8*}. Случай привёл делегатов ко мне, и теперь они просили меня отправиться в Плимут. Надо ли говорить о моей реакции на это предложение? Тут же, сразу, было решено, что все мы трое в тот же день вечером выедем к месту стоянки «Аскольда». До поезда я вызвался быть гидом и в течение нескольких имевшихся в нашем распоряжении часов с^{9*} энтузиазмом показывал Лондон моим новым друзьям.

Прежде, однако, чем отправиться с ними по городу, я забежал на квартиру к Макдональду и рассказал ему о визите делегатов с «Аскольда». Макдональд пришёл в небывалое возбуждение и тут же заявил, что непременно хочет видеть моих замечательных гостей. Где? Макдональд вдохновенно воскликнул:

– В парламенте! Приведите их в Outer Lobby^{10*} к 1 часу дня. Мы будем вместе «ланчевать» в ресторане палаты.

Я был в восторге.

Ровно в 1 час дня я прибыл в парламент в сопровождении делегатов. Макдональд встретил нас в Outer Lobby и сразу провёл в ресторан, где мы заняли особый столик. Подали довольно тощий английский «ланч», который, как и следовало ожидать, пришёлся на один зуб моим гостям. Но это не имело никакого значения. Самое важное было то, что мы сидели за столом с лидером НРП и что Макдональд упорно и настойчиво расспрашивал делегатов об их чаяниях и желаниях, об их революции на крейсере, об их отношении к английским солда-

^{6*} Правильно – Ex Oriente Lux (лат.) – свет с Востока.

^{7*} Сноуден (Snowden) Филип – председатель Независимой рабочей партии в 1904–1907 гг., лейборист.

^{8*} Далее вычеркнуто – «для встречи и собеседования».

^{9*} Далее вычеркнуто – «совершенно исключительным».

^{10*} Внешний кулуар (англ.).

там и морякам. Помню, что Макдональд несколько раз подчёркивал, как важно, чтобы русская революция привела к скорейшему окончанию войны.

Наш столик очень быстро стал предметом всеобщего внимания. Ресторан был битком набит членами парламента и их гостями, и Макдональд, оживленно беседующий с двумя матросами в русской военной форме, естественно, не мог не стать предметом острого и не совсем дружелюбного наблюдения со стороны его политических противников.

Когда «ланч» кончился, Макдональд повёл нас по зданию парламента и стал показывать все его достопримечательности. Остановившись в библиотеке пред знаменитым приговором Карлу Первому, скрепленному подписями всех тех членов палаты, которые голосовали за казнь короля, Макдональд выпрямился во весь рост и несколько театрально воскликнул:

– Мы были революционным народом, и мы будем революционным народом!

Я тоже хотел, чтобы англичане поскорее устроили свою революцию в repandant^{11*} к нашей, и потому восклицание Макдональда мне понравилось, хотя в тоне его мне почудилась какая-то фальшь. Я, однако, поспешил прогнать из головы столь кощунственную мысль: ведь я был тогда ещё очень молод и наивен политически.

Вечером в тот же день вместе с двумя матросами я уехал в Плимут. Три дня, проведенные мной на «Аскольде», остались в моей памяти как почти один непрерывный митинг. Митинговали всей командой в целом. Митинговали по группам. Митинговали в судовом комитете. Митинговали с тем, что мы теперь назвали бы активом экипажа. Я оказался в положении оракула: должен был отвечать на все и всяческие вопросы (от задач текущего момента до основ строения вселенной), решать все и всяческие дела, относящиеся к жизни корабля. Самое важное из этих дел было, конечно, судьба арестованных офицеров. Матросы спрашивали меня, что с ними делать? На собрании, где обсуждался этот вопрос, было такое настроение, что можно было опасаться прямого убийства арестованных. Как ни неопытен я был политически, мне все ж таки ясно было, что если бы дело дошло до такой развязки, то команда была бы схвачена английскими властями, а крейсер был бы реквизирован или потоплен британскими военными судами или береговыми батареями. Поэтому я рекомендовал экипажу проявить благоразумие, потребовать от английских властей всего необходимого для дальнейшего плавания в направлении Мурманска и после исполнения этого требования, накануне отплытия, спустить арестованных офицеров на берег. Моя умеренность многим из моряков не понравилась, но в конце концов при содействии более благоразумных элементов на судне моя точка зрения возобладала. Дальнейшие подробности о судьбе «Аскольда» у меня в памяти не сохранились, так как на третий день после прибытия в Плимут я покинул крейсер и вернулся в Лондон. На прощанье команда подарила мне большое фотографическое изображение «Аскольда», перевязанное черной матросской лентой, с подписями многих её членов. Это изображение где-то цело у меня по сей день.

Провожать меня вышла на дек^{12*} вся команда. Когда я спускался в шлюпку, мне отданы были воинские почести. Англичане в порту были несколько удив-

^{11*} В дополнение (франц.).

^{12*} От англ. deck – палуба.

лены этими салютами, и, когда я высаживался на пристани, до меня донеслись такие отрывки разговора:

– Why such fuss on the Russian cruiser?

– A Russian Admiral visited the ship^{13*}.

В начале мая я уезжал из Англии в Россию. Сразу же после февральской революции в Лондоне был создан комитет по репатриации политических эмигрантов, в котором я председательствовал, а [М.М.] Литвинов и [Г.В.] Чичерин состояли в числе его членов. Этот комитет добился от британского правительства права отправлять эмигрантов в Россию на специальном быстроходном судне, которое под охраной миноносцев перевозило различных официальных лиц из Абердина в Берген, откуда они уже могли спокойно добираться до России по железной дороге. Однако судно это было небольшое, пассажиров всегда было много, и нам, эмигрантам, была отведена известная, сравнительно скромная «квота» для возвращения на родину. Комитету приходилось устанавливать очередь среди эмигрантов по отправке в Россию. Теперь пришла наконец и моя очередь.

Перед отъездом я зашёл к Макдональду попрощаться. Он пришёл в торжественно-сентиментальное настроение, долго жал мне руку и, наконец, сказал:

– Вот, если бы Временное Правительство прислало Вас назад в Англию в качестве посла!.. Вы да я... Мы бы здесь наделали делов^{14*}... Да! Да!.. Война скоро бы кончилась!..

Прошло 15 лет. Совершилось^{14*} много событий. В жизни отдельных людей произошли огромные, подчас чисто сказочные превращения...

В конце октября 1932 г. я приехал в Англию в качестве полпреда СССР. Макдональд в это время занимал пост премьера... в консервативном (по существу, если не по форме) кабинете. После вручения верительных грамот 8.11. [19]32 я начал делать визиты членам правительства. Мой первый визит был к премьеру – Макдональду. Он принял в своей официальной резиденции на 10, Downing Street.

Было сумрачное ноябрьское утро. По небу ползли тяжелые серые тучи. Слегка моросил осенний лондонский дождик. И, может быть, потому, что вся эта обстановка отдавала холодом и скукой, наша беседа с Макдональдом вначале носила строго официальный, бесстрастный характер.

Мы сидели за длинным зеленым столом, за которым происходят заседания министров. В дальнейшем и эта комната, и этот стол стали мне хорошо знакомыми. Я привык к ним, как привыкают к кабинету, в котором приходится часто бывать по большим и малым делам. Я видел здесь в кресле премьера Макдональда, Болдуина, Чемберлена, Черчилля. Я не раз здесь беседовал, спорил, волновался, огорчался, радовался. Я оставил здесь немало своих нервов и крови... В то хмурое ноябрьское утро всё это было ещё в будущем, которого я тогда не мог провидеть. И наша беседа с Макдональдом текла медленно и тягуче, вращаясь главным образом около проблемы торговых отношений между СССР и

^{13*} «Почему такая суета на русском крейсере?» – «Русский адмирал посетил корабль» (англ.).

^{14*} Так в тексте.

Англией, ибо бритпра только что денонсировало заключенный в 1930 г. англо-советский торговый договор и в порядке дня стояли переговоры о новом торговом договоре.

Я смотрел на Макдональда и думал: тот это Макдональд или не тот? Внешне он мало изменился: правда, прибавилось седины, появились морщины, но держался он по-прежнему прямо и говорил так же уверенно и чётко, как и в былые времена.

Я пробыл у Макдональда полчаса. К концу беседы он стал слегка отгаивать, и в голосе у него появились более мягкие, дружеские нотки. Он внимательно взглянул на меня и сказал:

– Вы сильно изменились со времён Howitt Street^{15*}.

– Ещё бы! – отозвался я. – Годы идут, и мы не молодеем. Но без комплиментов: вы хорошо сохранились.

Моё замечание, видимо, понравилось Макдональду.

– А помните, – продолжал я, – как вы высказали пожелание, чтобы я приехал в Лондон в качестве посла Временного Правительства?

– Как же, помню! – откликнулся Макдональд.

– Так вот, – закончил я. – Ваше пожелание исполнилось, но с двумя поправками. Во-первых, срок: я приехал не в 1917 г., а в 1932 г. Опоздание на 15 лет. Во-вторых, я приехал в качестве посла не Временного, а Постоянного правительства России.

Макдональд подозрительно посмотрел на меня и спросил:

– Вы большевик?

– Конечно, – ответил я.

– Но ведь в те времена, – продолжал Макдональд, – вы были меньшевиком.

– Совершенно верно, – возразил я, – однако я кое-чему научился от революции.

Макдональд неопределенно пожал плечами.

Я переждал мгновение и затем с расстановкой сказал, бросив полуиронический взгляд на премьерера:

– В те времена вы были лидером Независимой Рабочей Партии...

Макдональд потемнел и насупился^{16*}. Потом он поднялся, давая понять, что аудиенция кончена, и, недовольно крякнув, прибавил:

– Всякий учится по-своему.

Я раскланялся и вышел.

24 ноября

Итак, моя работа определена: послевоенные проблемы. Так же, как и у Литвинова. Конкретно:

1) я возглавляю комиссию по репарациям*, членами которой, кроме меня, являются [Е.С.] Варга, [В.В.] Кузнецов (зампред Госплана), [Е.И.] Бабарин (предэкспортльна, бывший торгпред в Германии, представляющий НКВТ) и [Г.П.] Аркадьев (замзав правового отдела НКВД) и

^{15*} Улица Хоуит (англ.).

^{16*} Далее вычеркнуто – «Видно было, что мои слова задели его».

* Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками.

2) Литвинов возглавляет комиссию по условиям мира и послевоенной реконструкции^{2*}, в состав которой входят [Я.З.] Суриц, [Б.Е.] Штейн, [С.А.] Лозовский, [Е.В.] Тарле, [Г.Ф.] Саксин и др.

Есть ещё третья комиссия по перемирию^{3*}, возглавляемая [К.Е.] Ворошиловым, членами которой являются [Б.М.] Шапошников, [В.П.] Потёмкин, [И.С.] Исаков, [М.Р.] Галактионов, [А.А.] Игнатъев, [С.Б.] Крылов, [С.Т.] Базаров и я⁷¹.

Предполагается ещё создание комиссий по гражданской авиации и по преступникам войны.

Предложенные мной основные линии плана работ комиссии ориентировочно приняты инстанцией. Они включают репарации материальными ценностями (оборудование, подвижной состав, суда, скот и пр.) и трудом.

В своей работе я исхожу из следующей основной установки:

К чему мы должны стремиться в определении условий мира – политических, экономических, военных? К тому, чтобы обезвредить Германию как возможную агрессивную силу на будущее. Что для этого надо сделать? Всемерно ослабить Германию с помощью средств политических, экономических и военных. На какой срок (ибо на веки веков это, конечно, невозможно)? На срок достаточно длинный, чтобы (а) СССР стал настолько могуществен, что ему не страшна стала бы никакая агрессия в Европе ни с какой стороны, и (б) Европа, включая, если возможно Германию, сделалась бы социалистической. Что это значит на языке конкретных цифр? Минимум 30, максимум 50 лет.

20 ноября я имел длинную беседу о своей работе с В.М.^{4*} и, между прочим, развил эту концепцию. В.М. не возражал. Наоборот, видно было, что он относится к ней положительно.

Сегодня состоялось первое собрание моей комиссии, носившее по преимуществу организационный характер.

Вся моя установка имеет силу, если в Германии в результате войны не произойдёт настоящей пролетарской революции. Если революция произойдёт, то и эту установку и мой план работы придётся пересматривать.

23 декабря

Проболел целых 10 дней гриппом. Три дня была высокая температура, доходила до 38,7, потом температура спала до нормы, но не хотели проходить кашель и насморк. Только сегодня вышел наконец в НКВД, хотя чувствую, что ещё не вполне поправился. Не беда: на ходу окончательно избавлюсь от болезни. Агния тоже переболела гриппом, но до меня. У неё температура подымалась до 38,6. Потом она оправилась и во время моей болезни ухаживала за мной.

Мне давно уже не приходилось хворать так долго. Может быть, тут сказались перемена климата: как-никак 11 лет подряд мы с Агнией жили в гораздо более мягком английском климате, а теперь попали в Москву. Правда, зима пока очень милостивая, «сиротская», но всё-таки...

Эпидемия гриппа в Москве колоссальная. Сегодня в столовой я слышал, будто бы в декабре в Москве переболело гриппом свыше 2 милл. чел[овек]. Эпидемия пошла с Урала, постепенно докатилась до столицы. Хорошо еще, что

^{2*} Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства.

^{3*} Комиссия по вопросам перемирия.

^{4*} В.М. Молотов.

в СССР эпидемия носит лёгкую форму: смертных случаев мало. Сейчас грипп свирепствует также в Европе, в частности в Англии, и здесь он носит гораздо более тяжелую форму: есть много смертей. В общем, это хороший для нас симптом: очевидно, несмотря на все тягости^{5*} войны, сила сопротивляемости организмов в СССР выше, чем на западе.

За время болезни я не терял времени: много думал и много полезного надумал, в особенности во всём, что касается будущего мирного устройства Европы⁷².

27 декабря

Турки продолжают свою игру. После Тегерана Черчилль и Иден в Каире⁷³ крепко поставили пред Исметом* вопрос о вступлении Турции в войну и притом в самом ближайшем будущем. Рузвельт их поддержал. Англичане и американцы теперь сами очень заинтересованы в скорейшем вступлении Турции в борьбу, ибо они готовятся к открытию второго фронта на Западе и им важно, чтобы возможно больше немецких сил было оттянуто в разных других направлениях. Исмет стал увильживать. В принципе он, правда, соглашался с целесообразностью участия Турции в войне, но опять (уже в который раз!) ссылался на то, что Турция плохо вооружена и что сначала англо-американцы должны выполнить свою программу военных поставок, а затем уже Турция определит момент своего вступления в войну. При этом турки настаивали на выполнении той программы поставок, кот[орая] была согласована сразу после Касабланки (когда Черчилль встретился с Исметом в Адане). Иными словами, Исмет в Каире хотел выиграть время и маневрировал с тем, чтобы вступить в войну к шапочному разбору. Англичане доказывали – и они были правы, – что сейчас ситуация совсем не та, что была после Касабланки, и что поэтому туркам нет надобности дожидаться выполнения тогдашней программы поставок. Обойдутся и меньшими количествами. Но Исмет всё-таки настаивал на своём. И так и уехал из Каира.

Примечание: Грабб (работник лондонского министерства информации), посетивший недавно Москву, рассказывал мне, что во время пребывания в Турции ему бросилось в глаза крайне небрежное отношение турок к получаемому от англо-американцев оружию. Танки и самолёты не используются, ржавеют и портятся под открытым небом и т.п. Английские военные в Турции в связи с этим страшно раздражены против турок и ругают их последними словами. Недурная иллюстрация к о[т]говоркам Исмета!

Зато на Балканах явно намечаются просветы. Признаться, до сих пор будущее Балкан представлялось мне весьма загадочным. Эмигрантские правительства Греции и ЮС, конечно, не могли обещать ничего утешительного после войны. Сомнительно также было, примут ли их свои народы. Ничего другого, более крепкого и прогрессивного, на горизонте не вырисовывалось. Поневоле приходилось задаваться недоуменным вопросом: что будет с Балканами? И каковы те пути и средства, с помощью которых можно было бы ликвидировать на Балканах «балканскую политику»?

Но теперь положение как будто бы меняется. Движение Тито^{2*}, освобо-

^{5*} Так в тексте.

* Исмет Инёню – президент Турции.

^{2*} Тито (Броз Тито) (Broz Tito) Иосип – югославский государственный и политический деятель, один из руководителей народно-освободительной борьбы в Югославии в 1941–1945 гг.

дившее уже около трети ЮС, видимо, создаёт базу для возрождения ЮС, как страны прогрессивной демократии. ЮС эмигранты обанкротились. Если король Пётр^{3*} сумеет от них оторваться и перестроиться на более демократический лад, он ещё имеет шанс после войны вернуться в свою страну. Мне кажется, однако, что Пётр едва ли сумеет это проделать. Более вероятно поэтому, что он перманентно превратится в «короля в изгнании».

В Греции наблюдается аналогичный процесс, хотя и в менее ярких формах, чем в ЮС. Греческому королю, видимо, тоже не вернуться в свою страну.

В Болгарии, как только Красная Армия станет приближаться к Балканам, несомненно, произойдет внутренний переворот, и к власти придут радикально-демократические элементы. То же случится и в Румынии, когда оттуда побегут немцы.

Если и когда всё это произойдёт, в порядок дня станет вопрос о заключении между названными 4 балканскими государствами и СССР пактов взаимопомощи по типу советско-чехословацкого. Англичанам такой оборот дел, конечно, будет не совсем по вкусу, но рано или поздно они вынуждены будут с ним примириться. В отношении Греции, в которой англичане особенно заинтересованы, мыслима такая комбинация: англо-греко-советский пакт взаимопомощи. Ведь есть же англо-ирано-советский пакт такого типа! Если бы заключение двусторонних пактов с ЮС и Болгарией наткнулось на какие-либо исключительные трудности, можно было бы попытаться их разрешить также в порядке тройных пактов. Зато пакт с Румынией должен быть заключен, во что бы то ни стало, как двусторонний. В итоге всех этих мероприятий балканский вопрос был бы окончательно разрешен или, по крайней мере, поставлен на рельсы окончательного разрешения, и притом в форме закрепления преобладающего влияния СССР в этой части света.

29 декабря

Вчера вечером имел большой разговор с В.М.* о работе моей комиссии. Рассказал ему, что за минувший месяц комиссия успела конституироваться, имела два заседания, наметила подробный план работы и приступила к выполнению этого плана. Затем я поставил В. М. два вопроса большого принципиального значения:

1) При подсчёте нашего ущерба от германской оккупации (через комиссию [Н.М.] Шверника⁷⁴) выясняется, что по разделу централизованной госпромышленности и совхозов учёт потерь идёт быстро и солидно, так что, вероятно, к февралю мы будем иметь уже более или менее полную картину того, что произошло. Но зато по городам, по колхозам и, особенно, по сектору индивидуальных потерь сведения поступают очень медленно (на запрос комиссии), пока ответили только 15% колхозов и 5% индивидуальных в районе бывшей оккупации. Даже допуская, что в дальнейшем удастся несколько ускорить темпы учёта, всё-таки едва ли может подлежать сомнению, что до весны 1944 г. данной части работы комиссии Шверника не удастся выполнить (а между тем, судя по перспективам военных действий, следует хотя бы вчерне закончить работу моей комис-

^{3*} Петр II Карагеоргиевич.

* В.М. Молотов.

сии к апрелю – маю 1944 г.). Отсюда я делаю вывод, что, очевидно, потери по колхозному и индивидуальному секторам придётся определять статистическим путём, кладя в основу разные выборочные данные. Я не вижу необходимости применить такой метод подсчёта большой беды: наш ущерб настолько громаден, а возможности компенсации ущерба за счёт Германии и др. настолько незначительны, что нам нет никакой надобности гоняться за точной оценкой всех потерь вплоть до последнего рубля. Что нам важно, так это иметь достаточно обоснованные суммарные данные нашего ущерба по категориям и крупным районам (Украина, Белоруссия, Сев[ерный] Кавказ и т.п.) плюс вполне точные и конкретные отдельные иллюстрации к суммарным данным (напр[имер], точный и конкретный подсчёт потерь, скажем, по Киевской области или по Донбассу, или по Кубани и пр.). Такого материала хватит для обоснования наших репарационных требований в переговорах с нашими союзниками и (если придётся) с немцами. Именно в таком духе я направляю работу моей комиссии. Правильно ли это?

В. М. одобрил мою линию по затронутому вопросу, прибавив, что «нам здесь не академию устраивать», нам надо получить общие суммарные цифры потерь, понесенных СССР от вторжения врага.

2) При составлении программы наших репарационных требований можно исходить из двух различных соображений:

(а) из стремления главное ударение сделать на единовременном изъятии репарационных объектов (машины, оборудование, скот и пр.) сразу же после окончания военных действий с неизбежным последствием, что целый ряд отраслей производства тем самым будет ликвидирован или сильно ограничен, и, стало быть, Германия будет лишена возможности много платить по репарациям в порядке ежегодных платежей^{2*} после войны;

(б) из стремления главное ударение сделать на погашении Германией репарационного долга путём ежегодных послевоенных платежей с неизбежным последствием, что для этого Германии должны быть оставлены многие отрасли промышленности, представляющие большую важность с точки зрения сохранения военного потенциала страны. Лично я являюсь сторонником первого взгляда, ибо считаю, что всемерное ограничение военного потенциала Германии не менее важно, чем помощь восстановлению нашего народного хозяйства. Кроме того, и под углом зрения такого восстановления для нас выгоднее сразу (скажем, в течение 1–2 лет) получить с Германии хотя бы сотню тысяч станков, чем рассрочивать это получение, напр[имер], на 10 лет по 10 тыс. станков ежегодно. Что же касается ежегодных платежей, то их Германия будет уплачивать продуктами тех отраслей хозяйства, кот[орые] будут ей оставлены в солидных размерах (сельское хозяйство, уголь и т.п.), а ещё больше трудом. Именно в таком духе я направляю работу комиссии. Правильно ли это?

В.М. и тут одобрил мою линию. Он подчеркнул, что важнее всего понизить военный потенциал Германии, а сверх того лучше не растягивать репарационные платежи на длинный срок и взять сразу же после войны всё то, что можно взять.

3) В данной связи я затронул еще один вопрос. Ввиду очень большого несо-

^{2*} Далее вычеркнуто – «в течение длительного периода».

ответствия между суммой наших потерь и возможной суммой репараций нельзя подходить к репарациям, так сказать, в «арифметическом порядке» и требовать от немцев дом за дом, машину за машину и т. д. Я лично думаю, что следует просто определить «голодный минимум» Германии в станках, машинах, подвижном составе и пр., а всё сверх этого «голодного минимума» изъять. Что касается метода определения «голодного минимума», то тут я склонен исходить из суммы ежегодно выплавляемого Германией черного металла. Если мы совершенно запретим Германии иметь металлургию, то «голодный минимум» будет один. Если разрешим выплавку 1 мил. тонн чугуна, то «голодный минимум» получится другой, и т.д.

В.М. был согласен с изъятием всего, что окажется сверх «голодного минимума», однако по вопросу об этом минимуме у нас с ним вышла некоторая дискуссия. Я допускал возможность сбалансировать германское народное хозяйство после войны даже при полной ликвидации собственной металлургии (конечно, за счёт сильного снижения общего тонаса народно-хозяйственной жизни Германии), В.М. считал полную ликвидацию металлургии невозможной, но воздерживался от высказывания определенного мнения насчёт уровня металлургии, кот[орый] придется Германии оставить.

– Этот вопрос, – говорил В.М., – надо подработать. Но не можем же мы всё-таки вернуть Германию к бронзовому веку. В известных количествах железо ей понадобится – ну, хотя бы для поддержания железных дорог, трамваев и т.п. Не будут же немцы ходить пешком...

Эту проблему надо будет продумать и разработать. Надо будет заказать кому-либо (м[ожет] б[ыть], Варге) сделать несколько примерных вариантов структуры германского народного хозяйства после войны при условии, что в Германии будет полностью ликвидировано производство металла, что Германии будет разрешено выплавлять 1 миллион тонн, 2 милл. тонн, 3 милл. тонн и т.п.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1941 год

(22 июня–30 ноября)

¹ 22 июня 1941 г. по московскому радио выступил заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов. Он заявил о вероломном нападении Германии на СССР и призвал советских граждан сплотиться в борьбе с агрессорами, завершив выступление словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» (см.: ДВП. Т. XXIV. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. М., 2000. С. 8–9).

² В тот же день И.М. Майский направил телеграмму в НКВД с изложением содержания беседы с А. Иденом (см.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. С. 45–47).

³ И.М. Майский получил телеграмму за подписью наркома иностранных дел В.М. Молотова следующего содержания: «Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию Британского правительства, Советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что Советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации и оно в свою очередь готово будет оказать помощь Англии» (Советско-английские отношения... Т. 1. 1941–1943. С. 47). 27 июня в Москву вместе с С. Криппсом прибыли английская военная миссия, а также экономическая миссия. Первую возглавлял генерал-лейтенант М. Макфарлан, вторую – Л. Кадбюри. Советская военная миссия во главе с генералом Ф.И. Голиковым, направленная в Англию в соответствии с Постановлением ГКО № 27сс от 5 июля 1941 г., прибыла в Лондон 8 июля.

⁴ «Басня» о двух лягушках, попавших в кадушку с молоком («лягушка-пессимистка» утонула, а «лягушка-оптимистка» продолжала барахтаться и спаслась, сбив лапками кусок масла), стала известна И.М. Майскому из беседы с посланником Швеции в Великобритании Б. Прютцем в мае 1941 г. Последний услышал ее на завтраке у Черчилля (*Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. 2-е изд. М., 1987. С. 557–558).

⁵ Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, выступая 22 июня 1941 г. по лондонскому радио, от имени правительства обещал оказать «России и русскому народу всю помощь, которую только сможем». Он не оставил сомнения в том, что и впредь будет последовательным противником коммунизма, обосновав занятую теперь позицию тем, что «опасность, угрожающая России – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам» (*Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. Великий Союз / Пер. с англ. М., 1955. С. 366). 26 июня И.М. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможности англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...» (*Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 14).

⁶ В отечественной историографии высказывалось мнение, что Черчилль готовил свою речь самостоятельно, опасаясь, что Иден и другие члены кабинета могут смягчить ее формулировки в части решительной поддержки СССР (см., например: *Трухановский В.Г.* Антони Иден. М., 1983. С. 220).

⁷ 23 июня 1941 г. в связи с нападением Германии на СССР исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес заявил от имени правительства США: «...любая оборона против гитлеризма, любое единение сил, противостоящих гитлеризму, откуда бы эти силы ни исходили, ускорит окончательное поражение нынешних германских руководителей и поэтому будет идти

на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Армии Гитлера – вот главная опасность для американского континента сегодня» (FRUS. 1941. Vol. 1. The Soviet Union. P. 767–768; рус. текст см.: Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004. С. 132–133. Примеч. 1). На следующий день, 24 июня, состоялась пресс-конференция президента Рузвельта, на которой он заявил, что США намерены предоставить России «всю ту помощь, какую мы сможем» (The New York Times. 1941. 25 June).

⁸ В первые недели войны советские войска терпели тяжелые поражения. Катастрофа разразилась в полосе Западного фронта, где немецким войскам удалось продвинуться вглубь советской территории до 400 км. Вечером 28 июня танки противника ворвались в Минск, а на следующий день замкнули кольцо окружения, в котором оказались части из состава 3, 4, 10 и 13-й армий. Ставка прилагала усилия по восстановлению стратегического фронта в Белоруссии, передав 1 июля Западному фронту 19, 20, 21 и 22-ю армии. Войска Северо-Западного фронта отошли к Западной Двине от Риги до Даугавпилса; Юго-Западный фронт – к линии восточнее Ровно, Острог, Кременец, Львов.

⁹ Имеется в виду выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. о целях и задачах Великой Отечественной войны (см.: *Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 1947. С. 9–17).

¹⁰ 9 июля войска танковой группы генерала Гота подошли к Витебску, танковая группа Гудериана вышла к Днепру южнее и севернее Могилева. Потери советских войска на этом направлении составили 417 790 человек, из них безвозвратные – 341 073 человека, 4799 танков, 9427 орудий и минометов, 1777 боевых самолетов (см.: *Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки*. М., 1998. Кн. 1. С. 147).

¹¹ По данным Гальдера на 13 июля, в сухопутных войсках вермахта потери составили 92 тыс. человек (Там же. С. 165).

¹² Югославия в результате германской оккупации была разделена между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. Переговоры с премьер-министром югославского правительства в эмиграции Д. Симовичем и министром иностранных дел М. Нинчичем велись с целью объединения усилий в борьбе с агрессорами.

¹³ В первые три недели войны советские войска потерпели поражение и оставили противнику почти всю Прибалтику и Белоруссию, значительную часть Украины и Молдавии. Немецким войскам удалось продвинуться на территорию СССР на 300–600 км. Создалась угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Из 170 советских дивизий, принявших первый удар вермахта, 28 были разгромлены, 70 лишились более чем половины личного состава. Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты потеряли более 600 тыс. человек. Красная Армия лишилась более 11,7 тыс. танков, свыше 4 тыс. самолетов, около 18,8 тыс. орудий и минометов. Однако сопротивление советских фронтов нарастало и в конечном итоге воспрепятствовало достижению важнейшей на этом этапе стратегической цели плана «Барбаросса» – уничтожить основные силы Красной Армии до линии Западная Двина–Днепр и захватить Ленинград. В развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, созданные в предвоенное десятилетие оборонные возможности страны (Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 164).

Оценка И.М. Майским положения на фронте выглядит чересчур оптимистической. Отступление Северо-Западного и Западного фронтов продолжалось. Относительную устойчивость сохраняли фронты Юго-Западного стратегического направления, но и здесь советские войска потерпели поражение, отступив на глубину от 60–80 до 300–350 км.

¹⁴ 10 июля Постановлением Государственного комитета обороны № ГКО–83сс были образованы Главные Командования Северо-Западного, Западного и Юго-Западного стратегических направлений. Главнокомандующими войсками направлений были назначены маршалы Советского Союза К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, С.М. Буденный. Ставка Главного Командования преобразовывалась в Ставку Верховного Командования (Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 208). Дальнейшее развитие событий заставило отказаться от этой структуры руководства фронтами. Главное командование Северо-Западного направления было упразднено 27 августа 1941 г., Западного – 10 сентября 1941 г. (вновь создано 1 февраля 1942 г. и действовало до 5 мая 1942 г.), Юго-Западного – 21 июня 1942 г.

¹⁵ 12 июля 1941 г. В. Молотов и Ст. Криппс подписали в Москве Соглашение о совместных действиях СССР и Великобритании в войне против Германии. Соглашение содержало два пункта: «1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода

в настоящей войне против гитлеровской Германии. 2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия» (ДВП. Т. XXI. С. 145). Соглашение вступило в силу немедленно с момента его подписания. Несмотря на то что оно носило общий характер и взаимные обязательства сторон в нем не конкретизировались, соглашение закладывало фундамент союзных отношений между СССР и Великобританией и имело большое международное значение.

¹⁶ Текст послания см.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 10–11.

¹⁷ Телеграмму с изложением содержания своей беседы с У. Черчиллем И. Майский 19 июля направил в НКВД (см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 86–88).

¹⁸ Британским адмиралтейством рассматривалась возможность использования Шпицбергена в качестве места базирования флота. Изучение этого вопроса было поручено адмиралу Вайену, заключение которого было отрицательным (*Браун Д.* Северная Россия и британский военноморской флот // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. М., 1994. Вып. 2. С. 18). 30 июля английские ВМС провели операцию по бомбардировке с авианосцев главных баз немцев в Арктике – Петсамо и Киркенеса. В Петсамо был потоплен небольшой пароход и повреждено несколько мотоботов. Потери королевских ВВС составили три самолета. Результатом атаки Киркенеса стало нанесение повреждений двум транспортам, в воздушном бою было сбито четыре немецких самолета. Англичане потеряли при этом 11 самолетов (*Суньун М.Н.* Британские королевские ВВС в России. 1941–1945 // Там же. С. 31). Эта операция стала началом боевого сотрудничества вооруженных сил Великобритании и СССР.

¹⁹ Намсос – приморский город в Норвегии, где в период германского вторжения в Норвегию в апреле 1940 г. были высажены английские войска. 2–3 мая под ударами немцев они были вынуждены эвакуироваться из Намсоса. На остров Крит английские войска были высажены в ноябре 1940 г. после нападения Италии на Грецию. 20 мая 1941 г. германские войска начали операцию по захвату Крита и к 31 мая захватили весь остров.

²⁰ Текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 11–13.

²¹ 30 июля 1941 г. в Лондоне в присутствии премьер-министра Великобритании У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена между правительством СССР, которое представлял И. Майский, и польским эмигрантским правительством В. Сикорского было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. Стороны взаимно обязались «оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку» в войне против гитлеровской Германии. Советское правительство выразило согласие на создание на территории СССР «польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства». Эта армия должна была действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР. Польское правительство заявляло, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 208).

²² Формирование польской армии в СССР, предназначенной «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии», началось в августе 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа была предоставлена амнистия польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР (исключая германских агентов и лиц, отбывавших наказание за уголовные преступления). 14 августа между Верховным Главным командованием СССР и Верховным командованием Польши было заключено военное соглашение, определяющее порядок организации польских частей и другие вопросы. На 25 октября 1941 г. в польскую армию было зачислено 41,5 тыс. солдат и офицеров. Командующим польской армии был назначен генерал В. Андерс (см.: Русский Архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14(3–1). М., 1994. С. 16). В ходе переговоров с В. Сикорским 3–4 декабря И. Сталин согласился увеличить численность польской армии до 96 тыс. человек. На содержание армии Сикорскому был предоставлен заем в 65 млн руб., увеличенный затем до 300 млн руб. Штаб польской армии дислоцировался в г. Янги-Юле (Узбекская ССР). Правительство Сикорского, а также генерал Андерс активно противились участию своих частей в боях на советско-германском фронте, добиваясь их вывода в распоряжение англо-американского командования. В марте 1942 г. началась переброска польской армии на Средний Восток.

²³ Телеграмму И. Майского в НКВД с изложением совещания с участием А. Идена, В. Сикорского, А. Залесского см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VII. С. 205.

²⁴ Запись беседы И. Сталина с послом Великобритании в СССР Ст. Криппсом 26 июля 1941 г. см.: ДВП. Т. XXIV. С. 182–185.

²⁵ 28 июля 1941 г. Криппс вручил В.М. Молотову для передачи И.В. Сталину текст очередного послания У. Черчилля. В ходе беседы в числе прочего Молотов заявил, что советское правительство предлагает подписать текст советско-польского соглашения, согласованный в Лондоне, мотивируя это нежеланием задерживать подписание соглашения (ДВП. Т. XXIV. С. 191).

²⁶ Запись беседы И. Сталина с Г. Гопкинсом 30 июля см.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1984. Т. 1. С. 80–82.

²⁷ Запись беседы В.М. Молотова с Г. Гопкинсом 31 июля 1941 г. см.: Там же. С. 85–89.

²⁸ Вербальная нота НКВД СССР миссии Норвегии о прекращении дипломатических отношений была заявлена 8 мая 1941 г. «Ввиду того, что Норвегия в настоящее время не является суверенным государством и СССР не имеет в Норвегии своего дипломатического представителя, – говорилось в ней, – Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет честь довести до сведения Норвежской Миссии в Москве, что Советское правительство считает с сего числа полномочия Норвежского посланника в СССР потерявшими свою силу». Норвежское правительство было информировано об этом решении телеграммой, полученной в Лондоне 9 мая (см.: Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сб. документов. М., 1997. С. 308).

²⁹ Срочная необходимость урегулировать советско-норвежские отношения возникла в связи с проработкой вариантов взаимодействия советских и британских вооруженных сил в Арктике, – в частности, советская сторона предлагала занять острова Шпицберген и Медвежий для создания там военно-морских баз (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 83–84). Согласно норвежским документам вечером 21 июля И. Майский по телефону попросил Э. Кольбана о встрече, на что последний ответил согласием и на следующий день нанес визит в советское посольство. Во время беседы И. Майский вручил Кольбану копию текста договора между СССР и чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне «об общей борьбе против фашистской Германии», в котором вычеркнул статью 3, где говорилось о создании в СССР чехословацких воинских частей (Советско-норвежские отношения. С. 311–312).

³⁰ В норвежские записи беседы сообщаемые И. Майским подробности разговора не отражены (Советско-норвежские отношения. С. 313–315).

³¹ Письма И. Майского министру иностранных дел Норвегии Т. Ли об обмене дипломатическими представителями между СССР и Норвегией см.: Там же. С. 315. Посланником СССР при норвежском правительстве стал советский посол при союзных правительствах, находившихся в изгнании в Лондоне, А.Е. Богомолов. Норвежским посланником в Москве был назначен Р. Андворд, до этого посланник в Аргентине.

³² В связи с нотой МИД Германии от 29 июня 1940 г. о ликвидации до 15 июля дипломатических представительств в оккупированных Германией странах миссии СССР в Бельгии и Норвегии были ликвидированы. С июля 1940 г. по май 1941 г. в Бельгии и Норвегии функционировали консульства СССР.

³³ Текст коммюнике, опубликованный в «Известиях» 9 августа 1941 г., гласил: «В результате переговоров, имевших место 7 августа в Лондоне между послом СССР в Великобритании г[о]в. Майским и министром иностранных дел Бельгии г-ном Спааком, достигнуто соглашение о восстановлении отношений и обмене дипломатическими представителями между правительствами СССР и Бельгии».

³⁴ Результатом встречи с 9 по 12 августа 1941 г. У. Черчилля и Ф. Рузвельта в бухте Арджентия (о-в Ньюфаундленд) явилась Атлантическая хартия. Рузвельт и Черчилль заявили, что США и Англия не стремятся к территориальным или иным приобретениям, не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов. Президент США и премьер-министр Англии подчеркнули, что они уважают право всех народов избирать себе форму правления, стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправлению тех народов, которые лишены этого насильственным путем. Союзники, говорилось в документе, будут стремиться обеспечить всем странам доступ на равных основаниях к торговле и к мировым источникам сырья, добиваться плодотворного сотрудничества всех стран в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение. После окончательного уничтожения нацистской тирании, говорилось в хартии, Англия и США надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы всю свою жизнь не знать ни страха, ни

нужды. Послевоенный мир, указывалось далее, должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам. Государства мира должны отказаться от применения силы, а те «государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией», должны быть разоружены «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности» (см.: Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2005. С. 318–319).

24 сентября 1941 г. на Межсоюзнической конференции в Лондоне И.М. Майский огласил декларацию советского правительства, в которой оно выражало согласие с основными принципами Атлантической хартии. Одновременно советское правительство заявило, что практическое применение этих принципов «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» (История дипломатии. Т. 4. С. 209).

³⁵ В конце августа 1941 г. по согласованию с двумя правительствами советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии. 8 сентября того же года в Тегеран было подписано соглашение, положившее начало англо-советско-иранскому сотрудничеству в годы войны. Иранское правительство обязалось не допускать каких-либо действий в ущерб борьбе СССР и Великобритании с гитлеровской Германией, содействовать транспортировке через иранскую территорию военных грузов союзников, что имело в последующем большое значение для поставок в СССР по программе ленд-лиза. СССР и Великобритания со своей стороны решили оказывать Ирану экономическую помощь. В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созданный 5 ноября королем Захир Шахом высший законодательный орган страны Большая джирга одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по меньшей мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами.

³⁶ 10 августа 1941 г. советский посол в Турции С.А. Виноградов по поручению правительства СССР посетил министра иностранных дел Турции и сделал следующее заявление: «Советское правительство подтверждает свою верность Конвенции в Монтрё и заверяет Турецкое правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советское правительство, так же как и Британское правительство, готово скупуплезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой республики. Вполне понимая желание Турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, Советское правительство, как и Британское правительство, тем не менее было бы готово оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы». По имевшимся в НКВД сведениям, аналогичное заявление от имени правительства Великобритании сделал турецкому правительству и посол Великобритании в Турции (см.: ДВП. Т. XXIV. С. 226).

³⁷ Московская конференция представителей СССР, США и Великобритании по вопросам взаимных военных поставок происходила с 29 сентября по 1 октября 1941 г. Британскую делегацию на конференции возглавлял министр снабжения лорд Бивербрук, американскую – личный представитель президента посол А. Гарриман; с советской стороны переговоры вели И. Сталин и В. Молотов. На конференции были приняты первые конкретные решения по вопросам оказания западными союзниками помощи СССР в войне против нацистской Германии. Секретный протокол конференции содержал список предметов снабжения в период начиная с октября 1941 г. до конца июня 1942 г. (Советско-американские отношения... Т. 1. С. 121–125).

³⁸ О содержании разговора с А. Иденом Майский на следующий день отправил подробное донесение в Москву. См.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 105–109.

³⁹ В беседе с И.М. Майским У. Черчилль заявил о решимости британского правительства продолжать войну и опроверг слухи о возможности мирных переговоров с Германией. В то же время он подчеркнул всю серьезность нависшей угрозы: «Основная задача, которую ставит себе британское правительство в настоящий момент, – сказал он, – это “выжить” в течение ближайших 3 месяцев. Там дальше видно будет, что делать и как поступать» (см.: ДВП. Т. XXIII, кн. 1. С. 408).

⁴⁰ Эта фраза открывает телеграмму И. Сталина И. Майскому от 30 августа, публиковавшуюся ранее в усеченном виде (см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 109). Ниже Майский воспроизводит текст телеграммы, заканчивавшейся словами: «Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 30–32).

⁴¹ В разговоре с И.М. Майским 4 сентября Черчилль изложил основы той стратегии, которой его правительство намеревалось придерживаться в ходе войны: и после нападения Германии на СССР Великобритания имела в виду продолжать войну на истощение, выдвигая на первое место задачу сохранения целостности империи. В разработанном начальниками штабов Великобритании и подписанном 31 июля 1941 г. документе под названием «Генеральная стратегия» предусматривалось уделять основное внимание Ближнему и Среднему Востоку, так как утрата позиций здесь «имела бы катастрофические результаты». Предполагалось, что Великобритания будет продолжать войну против Германии посредством блокады, бомбардировок, подрывной деятельности и пропаганды, при этом в документе выражалась надежда, что в результате Германия будет вынуждена прекратить военные действия. Высадка на континенте предусматривалась для того, чтобы «уничтожить элементы германских войск, которые еще будут оказывать сопротивление». Что касается СССР, то британские начальники штабов считали, что «сила и продолжительность сопротивления России по-прежнему остается сомнительной». Эти соображения были переданы англичанами американской стороне во время встречи лидеров двух государств в бухте Арджентия в августе 1941 г. (Public Record Office. Cab. 99/18. Цит. по: *Суполс В.Я.* Великая победа и дипломатия. 1941–1945. М., 2000. С. 45–46).

⁴² Подробное изложение содержания беседы И. Майский направил 5 сентября И.В. Сталину (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 113–116).

⁴³ Полный текст послания И.В. Сталина см.: Переписка... Т. 1. С. 18–20.

⁴⁴ Полный текст послания У. Черчилля см.: Там же. Т. 1. С. 20–21.

⁴⁵ Содержание послания Сталина от 3 сентября произвело на Криппса сильное впечатление: «Это чрезвычайно серьезный документ, и он меня расстроил... – записал он в дневнике. – Если мы немедленно не сможем принять эффективных мер для оказания помощи русским, то игра будет проиграна в стратегическом плане, если не сказать больше. Они не смогут продержаться до зимы. Это то самое, чего я больше всего боялся. Но хуже всего то, что мы фактически ничего не сделали, чтобы помочь им выдержать этот натиск» (Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 129). 4 сентября он телеграфировал в Лондон: «Если мы сейчас же, в последний момент, не сделаем сверхчеловеческих усилий, мы потеряем все преимущество от русского фронта... К сожалению, мы рассматривали русскую войну не как войну, имеющую к нам прямое отношение, а просто как войну, в которой мы хотим помочь, чем можем, не нанося ущерба нашим собственным интересам» (*Woodward L.* British Foreign policy in the Second World War. L., 1971. Vol. 2. P. 31).

⁴⁶ 2 сентября 1941 г. съезд Британского конгресса тред-юнионов одобрил внесенную У. Ситрином резолюцию в поддержку советско-английского соглашения от 12 июля. БКТ обязался также сделать все возможное для оказания помощи СССР вооружением и согласованными действиями вооруженных сил обеих стран (Report of Proceedings at the 73d Annual Trades Union Congress. P. 243).

⁴⁷ До сведения участников Эдинбургского съезда Британского конгресса тред-юнионов были доведены высказывания министра авиапромышленности полковника Дж. Мур-Брабазона, не скрывавшего расчетов на взаимное ослабление СССР и Германии. Это вызвало возмущение участников съезда (*Ibid.* P. 250–251).

⁴⁸ Подробный отчет о беседе с Черчиллем И.М. Майский в тот же день направил в НКВД (Советско-американские отношения... Т. 1. С. 119–122).

⁴⁹ Полный текст послания см.: Переписка... Т. 1. С. 22–23.

⁵⁰ Полный текст послания см.: Там же. С. 23–24.

⁵¹ У. Бивербруком была инициирована «неделя танков для России» (22–28 сентября 1941 г.) (см.: Рабочее движение в Великобритании XIX–XX вв. М., 1979. С. 265–266). Освещая события этой недели, «Манчестер гардиан» писала, что рабочие танкового завода в Мидленде «обязались побить все существовавшие до сих пор рекорды ради помощи нашим друзьям в России» (*Manchester Guardian.* 1941. 24 Sept.).

⁵² В ходе беседы И. Майский высказал свои соображения по содержанию ответа У. Черчилля на письмо И. Сталина от 13 сентября (Переписка... Т. 1. С. 32–33). В частности, посол настаивал на дальнейшем обсуждении вопроса о направлении в СССР британских войск. А. Иден согласился, что на предстоящей Московской конференции Бивербруку и Х. Исмею следует поручить обсудить и вопросы общей стратегии, в том числе посылку в СССР 25–30 британских дивизий (Телеграмму И. Майского в НКВД с подробным изложением беседы с Иденом см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 123–126).

⁵³ См.: Переписка... Т. 1. С. 24–26.

⁵⁴ В послании У. Черчилля от 12 октября 1941 г. содержалось предложение сменить советские войска в Северном Иране, а также сообщалось, что 16 октября в Тбилиси прибудет генерал Уэй-

велл, который «обсудит с Вашими генералами любые вопросы, которые Вы, может быть, уполномочите их решить с ним» (Переписка... Т. 1. С. 29). 16 октября А. Иден дополнил предложение по Ирану предложением – в качестве меры помощи – срочной посылки «символической» части британских войск на Кавказ. Причем, как заявил Иден, А. Уэйвеллу уже дано указание «отправиться в Тбилиси и договориться там обо всех обстоятельствах» (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 154–155). Уэйвелл сообщил об этом командованию Закавказского фронта, которое, в свою очередь, запросило Москву. В ответ из Москвы была отправлена телеграмма: «Можете ответить генералу Уэйвел следующим образом: "...командование Закавказского фронта должно заявить, что оно неправомочно решать вопросы совместных действий английских и советских войск на территории Советского Союза, ибо подобные вопросы могут быть решены лишь правительствами обеих стран. Ввиду этого командование Закавказского фронта не может принять предложение генерала Уэйвел". От себя Ставка приказывает вам вежливо отшить Уэйвел и ему подобных и послать их подальше. По поручению Ставки Василевский». О том, что «соисполнителем» этой телеграммы был Сталин, свидетельствует сохранившийся в его архиве автограф (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 88–89). Официально англичанам было отказано 22 октября, когда Ст. Криппс задал В.М. Молотову вопрос, будет ли ответ советского правительства на предложение Черчилля о посылке британских войск на Кавказ. В. Молотов ответил, что «речь идет не о присылке английских войск вообще на территорию СССР, а о вводе английских войск на помощь фронту», на Кавказе же фронта нет. «...Если английское правительство хочет помочь СССР, – добавил нарком иностранных дел, – то не надо дожидаться, пока немцы будут на Кавказе, а надо сделать это раньше» (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 156–157).

⁵⁵ В сентябре в Лондоне была созвана международная конференция для согласования Атлантической хартии с союзниками Англии в войне. В конференции приняли участие представители СССР, Великобритании, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и движения «Свободная Франция». И.М. Майский огласил декларацию советского правительства, в которой подчеркивалось, что главная «задача народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников», добиться скорейшего разгрома агрессоров. Кроме того, в ней говорилось о стремлении Советского Союза к установлению в послевоенном мире отношений сотрудничества между государствами, подчеркивалась важность соблюдения принципа самоопределения наций, а также выражалось согласие с основными принципами Атлантической хартии премьер-министра Великобритании и президента США (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 128–130).

⁵⁶ До отъезда в Москву 15–18 сентября 1941 г. в Лондоне были проведены предварительные англо-американские переговоры и выработана общая позиция.

⁵⁷ Как следует из телеграммы И. Майского в НКВД от 17 сентября, беседа с Иденом состоялась 16 сентября и была посвящена предстоящей Межсоюзнической конференции. В ходе беседы Майский согласовал с Иденом пожелания советской стороны. Первым пунктом повестки дня предполагалось огласить декларацию СССР, вторым – от имени советского правительства Майский должен был заявить о присоединении к принципам Атлантической хартии. Что касается третьего пункта (снабжение продовольствием после войны), то, как сообщил Майский, «британское правительство переработало свою первоначальную резолюцию и построит центральное бюро на международном принципе» (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 122–123).

⁵⁸ 26 сентября 1941 г. И.М. Майский вручил председателю Национального комитета Свободной Франции Ш. де Голлю письмо, в котором от имени советского правительства де Голль признавался «руководителем всех свободных французов, где бы они не находились», и выражалась готовность оказать ему всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с Германией и ее союзниками. В ответном письме де Голль от имени «свободных французов» взял на себя обязательство «бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы». Дипломатическая формула, к которой сочло необходимым прибегнуть советское правительство при установлении официальных отношений с де Голлем, объяснялась позицией правительства Черчилля, еще в июле через посольство в Москве проинформировавшего СССР о том, что признало генерала де Голля как «руководителя всех свободных французов, которые, где бы они не находились, присоединяются к нему для защиты дела союзников», но не признало организацию де Голля в качестве правительства. Поэтому, если бы правительство СССР пошло в отношении де Голля на большую степень признания, то правительство Великобритании «оказалось бы в стеснительном положении» (см.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1983. С. 50–54).

⁵⁹ Визит В.Сикорского в СССР состоялся в декабре 1941 г. В результате его переговоров с И. Сталиным 3–4 декабря была подписана советско-польская декларация о дружбе и взаимной помощи (Правда. 1941. 5 дек.). После возвращения в Лондон Сикорский в письме Черчиллю подчеркнул, что советская сторона проявила «искреннее желание к установлению польско-советского сотрудничества» (*Сунюл В.Я.* Указ. соч. С. 55).

⁶⁰ Эта запись в Дневнике легла в основу телеграммы И. Майского в НКВД от 26 октября, где содержится подробная характеристика общественных настроений в Англии начиная с 22 июня 1941 г. (см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 159–163).

⁶¹ Летом–осенью 1941 г. на Британских островах постепенно увеличивалось число сторонников оказания Советскому Союзу более существенной поддержки. Проведенный 30 августа опрос свидетельствовал, что 30% англичан не удовлетворены объемом помощи, которую Великобритания оказывала СССР, причем большинство из них считали необходимым открытие второго фронта против Германии. Датированные 17 и 24 сентября доклады отдела внутренней информации о состоянии общественного мнения зафиксировали еще большее недовольство количеством и качеством военной помощи СССР, а также отсутствием сообщений о сухопутных операциях на западе. В докладе от 15 октября (в нем анализировались настроения англичан за неделю 6–13 октября) отмечалось, что общественный интерес Британии сосредоточен почти целиком на ситуации в России. Как показали многочисленные опросы, население выражает «восхищение гигантскими усилиями советских войск и гражданского населения», осведомлено о серьезных трудностях в снабжении, но спрашивает: «Неужели мы не можем ничего сделать для оказания своевременной помощи?» (*Лоздева Л.В.* Лондон–Москва: Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000. С. 120, 125).

⁶² Английской стороной был подготовлен проект союзного договора между СССР, Великобританией и Ираном, который был принят за основу переговоров. Подписание договора состоялось в Тегеране 29 января 1942 г.

⁶³ Операция по эвакуации Одессы была осуществлена с 1 по 16 октября ввиду резкого ухудшения положения Южного фронта и угрозы прорыва немецких войск в Крым. Героическая оборона Одессы продолжалась 73 дня (5 августа – 16 октября 1941 г.).

⁶⁴ Пришедший к власти 18 октября 1941 г. кабинет генерала Х. Тодзио твердо взял курс на войну с США и Великобританией. Что касается СССР, то Х. Тодзио надеялся на реализацию стратегии, сформулированной им в июле 1941 г. на совещании правительства и императорской ставки: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю...» В предвкушении «благоприятного момента» продолжалась разработка планов и подготовка армии к нападению на СССР (*Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989. С. 137, 139–140).

⁶⁵ В опубликованных донесениях И. Майского в НКВД о содержании бесед с Иденом от 16 и 17 октября вопрос о дипломатическом демарше Великобритании и США в отношении Японии не нашел отражения (см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 154–156).

⁶⁶ Беседа А.Я. Вышинского с посланником Греции в СССР Пипинелисом состоялась 25 октября 1941 г. Запись беседы см.: ДВП. Т. XXIV. С. 380.

⁶⁷ См. Переписка... Т. 1. С. 29–31.

⁶⁸ См.: Переписка... Т. 1. С. 31–32.

⁶⁹ Генеральный секретарь БКТ У. Ситрин вместе со Ст. Криппсом 23 октября встречался в Куйбышеве с В.М. Молотовым, где вел переговоры о создании Англо-Советского профсоюзного комитета.

⁷⁰ Наступление англичан в Северной Африке (операция «Крусейдер») осуществлялось в условиях превосходства в силах и средствах. В составе 8-й армии генерала А. Каннингхэма было 6 дивизий и 5 бригад (118 тыс. человек), 760 орудий, свыше 900 танков, около 1100 самолетов. Им противостояли итало-немецкие войска под общим командованием генерала Э. Бастико в составе 7 итальянских и 3 немецких дивизий (около 100 тыс. человек), более 550 танков, 340 самолетов (*Головушкин В.И.* Вторая мировая война: Битва за Африку. Взгляд из России. М., 2004. С. 86).

⁷¹ Целью операции «Крусейдер» было окружить и уничтожить основную группировку итало-немецких войск. В начале операции английским войскам сопутствовал успех, однако уже 24 ноября стало ясно, что наступление, на которое возлагались столь большие надежды, потерпело неудачу. В свою очередь итало-немецкие войска, в течение длительного времени не получая подкреплений (только 16 декабря, после почти двухмесячного перерыва, в Триполи пришел транспорт, доставивший 55 танков) и неся большие потери, не могли ставить перед собой решительных

целей. Боевые действия в Киренаике закончились 18 января 1942 г. Несмотря на благоприятное для англичан соотношение в силах, немцам и итальянцам удалось сохранить основные силы своей группировки, отвлекая их за укрепленный рубеж Эль-Агейлы.

⁷² См. Переписка... Т. 1. С. 32–33.

⁷³ Там же. С. 33–34.

⁷⁴ В ноябре 1941 г. на южном крыле советско-германского фронта завязалась борьба за Ростов-на-Дону. Немецкие войска группы армий «Юг» захватили значительную часть Донбасса и предприняли наступление на Ростов с целью открыть себе дорогу на Кавказ. Ростов был захвачен 21 ноября. Советское командование организовало контр наступление, создавшее угрозу окружения и вынудившее противника 29 ноября оставить город и отойти на 70–80 км на рубеж реки Миус.

⁷⁵ А. Иден находился в Москве с 15 по 22 декабря 1941 г. с целью заключения между двумя странами союзного договора. В ходе переговоров, которые с советской стороны вели И. Сталин и В. Молотов, стороны не смогли согласовать ряд вопросов, главным из которых было советское условие признания советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г. Тем не менее общий итог переговоров был положительным. В коммюнике о переговорах, опубликованном в Москве и Лондоне 29 декабря 1941 г., говорилось, что «московские беседы знаменуют собой новый и важный шаг вперед в деле дальнейшего сближения СССР и Великобритании (см.: История дипломатии. Т. 4. С. 217–220; *Майский И.* Воспоминания советского дипломата 1925–1945 гг. М., 1987. С. 612–674; *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль... С. 31–95).

1942 год

(январь–июль)

¹ Советская профсоюзная делегация прибыла в Великобританию вскоре после встречи представителей ВЦСПС и Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) в Москве, где 26 октября 1941 г. был учрежден Англо-советский профсоюзный комитет. Принятым тогда соглашением намечалось широкое сотрудничество между двумя профцентрами в усилиях, направленных к ведению войны против гитлеровской Германии (Известия. 1941. 15 нояб.). Ответная делегация ВЦСПС в составе 13 человек прибыла во главе с Н.М. Шверником на Британские острова 29 декабря 1941 г. и находилась там до 5 февраля 1942 г. Члены советской делегации выступили на многих профсоюзных конференциях и митингах, в том числе на массовом митинге в Лондоне 25 января, и посетили свыше полусотни крупнейших предприятий страны (см.: *Шверник Н.М.* О поездке советской профсоюзной делегации в Англию. М., 1942).

² Перевод с англ. письма У. Коатса И.М. Майскому:

«5 января 1942.

Мой дорогой Майский!

Вы, конечно, сейчас получили письмо от Форин оффис по поводу того, что Бевин хотел бы встретиться с представителями советских профсоюзов. В дополнение к этому Джек Литтл просил меня сообщить вам следующее:

1. Бевин, конечно, сейчас сознает, что вел себя в прошлом очень глупо в отношении Советского посольства.
2. Бевин теперь очень хочет иметь с вами самые дружеские и тесные связи. Связи должны быть таковы, чтобы в любое время он мог позвонить вам и встретиться с вами, а вы могли бы в любое время позвонить и посетить его в министерстве.
3. Бевин очень хочет, чтобы вы сопровождали делегатов Советского Союза, когда они его посетят.
4. Литтл предлагает, чтобы вы по прибытии пригласили бы Бевина и его [Литтла. – *сост.*) на завтрак в посольство в ближайшее время, с тем чтобы устранить все еще существующую напряженность. Литтл хочет, чтобы я передал эту информацию как можно быстрее.

Искренне Ваш

У.П. Коатс»

³ В начале 1942 г. Великобритания потерпела крупные поражения в войне на Дальнем Востоке. За короткий срок японский агрессор овладел Гонконгом, главной британской военной базой в Азии Сингапуром (был сдан 15 февраля), Малайей и Бирмой. Войска противника вступили в Рангун 8 марта, вышли к подступам Индии и Австралии. Хотя британские силы смогли в конце

концов отразить наступление японцев, престижу Великобритании был нанесен сокрушительный удар (Pugh M. A History of Britain 1789–2000. L., 2003. P. 226–227).

⁴ Ст. Криппс после возвращения на родину и ухода с поста посла в СССР произнес в начале 1942 г. ряд речей по радио и выступил в прессе, подвергнув критике британскую политику в отношении советского союзника и общий курс ведения войны правительством. Он призывал к максимальному напряжению сил для увеличения поставок России вооружения. Многие рассматривали Криппса как вероятного преемника Черчилля. Выступая 8 февраля 1942 г. в Бристоле, Криппс выразил недовольство большей части общества по поводу «отсутствия настойчивости в атмосфере страны», противопоставив этому настроению в СССР (Calder A. The People's War. Britain 1939–45. L., 1969. P. 272; Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow. 1940–1942. Cambridge, 1984. P. 295).

⁵ Речь идет о перестановках в британском военном кабинете, предпринятых для укрепления его пошатнувшихся позиций. Из состава кабинета были выведены промюнхенски настроенные его члены – К. Вуд (но он остался канцлером казначейства) и Дж. Мур-Брабазон; место последнего как министра авиационного производства занял Дж. Ллевелин. Лорда Бивербрука, являвшегося министром военного производства, из-за разногласий с министрами заменили О. Литтлтоном. Ст. Криппса назначили лордом-хранителем печати и лидером палаты общин, Х. Долтона – министром торговли, Дж. Григга – военным министром.

⁶ В меморандуме от 28 января 1942 г. под названием «Политика в отношении России», представленном военному кабинету по итогам поездки в Москву 16–22 декабря 1941 г. Иден писал: «Исходя из предположения, что Германия потерпит поражение и что Франция останется, по меньшей мере, надолго слабой державой, в Европе не будет противовеса России». Предлагалось «воздержаться от любых действий, которые могли бы усилить уже существующие у советского правительства подозрения, что мы собираемся установить англо-американский мир, при котором интересы России будут нарушены или проигнорированы». Иден упомянул в меморандуме о двух альтернативных предложениях, которые могли быть сделаны советскому правительству в случае, если Англия и США согласятся с невозможностью принять полностью требования России о границах. «Во-первых, – писал он, – мы должны будем, когда придет время, признать советские требования на базы в странах, граничивших с Россией в Прибалтике и на Черном море. Второе предложение, которое выдвинул лорд Галифакс, сводилось к тому, что в момент мирного урегулирования следует признать советские требования о контроле над оборонной и военной политикой Балтийских государств» (Eden A. The Earl of Avon. The Reckoning. L., 1965. P. 318–320). См. также: Miner S.M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill; London, 1988. P. 197–200.

⁷ Приказ Народного комиссара обороны от 23 февраля 1942 г. был посвящен 24-й годовщине Красной армии и итогам восьми месяцев Великой Отечественной войны. В приказе, подписанном И. Сталиным, говорилось, что Красная армия в ожесточенных боях под Москвой разбила немецко-фашистские войска, отбросила врага от Москвы; подчеркивалось: «Сейчас Красная Армия и немецко-фашистская армия ведут войну один на один. Более того: немецко-фашистская армия имеет прямую поддержку на фронте войсками со стороны Италии, Румынии, Финляндии, Красная Армия не имеет пока подобной поддержки... Сила Красной Армии состоит, прежде всего, в том, что она ведет не захватническую, не империалистическую, а войну Отечественную, освободительную, справедливую».

В приказе опровергались вымыслы иностранной печати о том, что «советские люди ненавидят немцев именно как немцев, что Красная Армия уничтожает немецких солдат именно как немцев, из-за ненависти ко всему немецкому, что поэтому Красная Армия не берет в плен немецких солдат». Сталин заявил: «Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается» (Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 46–47).

⁸ Поражения в Азии вынудили Черчилля предпринять шаги к укреплению позиций Британии в этом регионе и активизации военных усилий стран империи. В Лондоне был создан правительственный подкомитет для вынесения рекомендаций по вопросу управления крупнейшей британской колонией Индией. Глава подкомитета К. Эттли, как и большая часть лейбористской партии, доказывали необходимость срочных уступок. После падения Рангуна в начале марта 1942 г. британский премьер-министр объявил в палате общин решение направить в Нью-Дели Ст. Криппса

для переговоров с лидерами политических партий и общин, прежде всего с Индийским национальным конгрессом (ИНК) и его противником – Мусульманской лигой.

По прибытии в Индию 22 марта 1942 г. Криппс начал обсуждение одобренного военным кабинетом в Лондоне «Проекта декларации». В документе, вопреки пожеланиям Индии, не предусматривалось произвести какие-либо изменения в ее колониальном статусе уже в ходе войны. ИНК высказал свои возражения. Одним из важных пунктов разногласий стал также вопрос об обороне Индии, который представители ИНК требовали включить в сферу компетенции индийского правительства. Однако британское руководство отклонило это и другие требования, переговоры были приостановлены. 12 апреля 1942 г. Криппс вылетел обратно в Британию (см.: *Clarke P. The Cripps Version. L., 2003. Ch. IV; Юрлов Ф.Н. Индийское общество в годы Второй мировой войны // Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 2. С. 359–361*).

⁹ Вопрос о признании советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г. был впервые поставлен Сталиным на переговорах с Иденом в Москве в декабре 1941 года (*Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. М., 2004. С. 10–95*). Переписка по этому вопросу между Иденом и Черчиллем, который находился в США, в том виде как она представлена в мемуарах Черчилля, заметно отличается от его высказываний в разговоре с Майским. «Меня очень встревожили, – пишет Черчилль, – сообщения Идена по его возвращении из Москвы о территориальных притязаниях Советов, особенно в отношении Прибалтийских государств. Они были завоеваны Петром Великим и в течение 200 лет находились под властью царей. После русской революции они стали аванпостами Европы против большевизма. Это были, как теперь говорят, «социал-демократии», но очень беспокойные и неистовые. Гитлер пожертвовал ими как пешками в своей сделке с Советами перед началом войны в 1939 году... Прибалтийские страны должны быть суверенными и независимыми».

8 января 1942 г. в письме Идену Черчилль изложил и аргументировал свою позицию в этом вопросе, подчеркнув, что «президент Рузвельт также твердо придерживается этой точки зрения». Сделав оговорку о возможности изменений на границах Финляндии, Буковины и Бессарабии, он продолжал: «Что касается того впечатления, которое произведет на Россию наш отказ предрешать исход мирных переговоров на данной стадии войны или отойти от принципов Атлантической хартии, то следует заметить, что русские вступили в войну лишь после того, как они подверглись нападению Германии. До этого же они проявляли полное равнодушие к нашей судьбе и фактически ещё усугубили бремя, лежавшее на нас в те дни, когда мы подвергались наибольшей опасности. Их армии сражались очень мужественно и в обороне своей родины проявили огромную мощь, какой в них никто не подозревал. Они борются за спасение своей жизни и ни разу не беспокоились о нас. Мы же, напротив, помогаем им всем, чем можем, потому что мы восхищаемся тем, как они защищают свою родину, и потому что они воюют против Гитлера» (*Черчилль У. Вторая мировая война. Т. III. Великий союз / Пер. с англ. М., 1955. С. 674–675*).

¹⁰ 1 октября 1941 г. на Московской конференции представителей трех держав – США, СССР и Великобритании главами делегаций (Гарриманом, Молотовым и Бивербруком) был подписан Секретный протокол о поставках Великобританией и США в СССР вооружения и различных материалов, необходимых для ведения войны. В протоколе указывались согласованные на период с октября 1941 г. до конца июня 1942 г. виды поставок и их количество, а также утверждалось, что «Великобритания и США окажут помощь в транспортировке материалов в СССР». Стороны договорились, что Архангельск будет принимать главную часть конвоев с поставками. 15 октября решением ГКО уполномоченным по перевозкам на севере (а затем и на Дальнем Востоке) был утвержден известный советский полярник И.Д. Папанин. Ещё до подписания протокола в Архангельск 31 августа 1941 г. в сопровождении эсминца «Сокрушительный» прибыл минный заградитель «Адвенчур» – первый английский корабль, который доставил глубинные бомбы и другой груз для СССР. Надо сказать, что вопрос о конвоях, особенно о сроках их отправки, являлся в 1941–1942 гг. предметом острых дискуссий между Сталиным, который требовал «скорее и больше», и Черчиллем, объяснявшим трудности, связанные с подготовкой и отправкой конвоев в СССР (подробнее см.: *Советско-английские отношения... Т. 1. С. 140–146*).

¹¹ Слова Черчилля о незаинтересованности в Индии едва ли можно считать искренними. Премьер-министр был решительным противником ослабления британского контроля над колонией, не раз подтверждал публично свой отказ от предоставления ей статуса доминиона еще в ходе войны. См., например, заявление Черчилля в палате общин 10 сентября 1942 г. о неизменности британской политики в Индии (*Parliamentary Debates. House of Commons. 5th Ser. Vol. 383. Col. 302–305*). 10 ноября 1942 г. в ответ на критику британского колониализма Уэнделлом Уилки Черчилль на обеде у лорд-мэра произнес ставшую знаменитой фразу: «Я не для того стал первым министром Его Величества, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи» (*Times. 1942. 11 Nov.*).

¹² Условия Московского (Первого) протокола о поставках, который действовал с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г., выполнялись преимущественно силами Великобритании: ее флот экскортировал конвои с грузами на север СССР, а армия контролировала доставку грузов южным путем, через Иран. С начала действия Второго протокола поставки США, которые резко увеличили выпуск вооружения, превзошли по объему британские (*Beaumont J. Comrades in Arms: British Aid to Russia 1941–1945. L., 1980*).

¹³ Лозунги реконструкции, особенно в имперской области, широко обсуждались в британском обществе. В годы войны в кругах консервативной и лейбористской партий развертывалась дискуссия по вопросам «колониального развития» и выработки неоколониального направления имперской стратегии. В 1940 г. был принят Акт о колониальном развитии и благосостоянии; следующий Акт прошел через парламент весной 1945 г. Эти законы стали предвестником будущего курса на отход от официального владения колониями и одновременно на эксплуатацию природных богатств неофициальной империи (*Остапенко Г.С. Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995. С. 42–50; Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. L., 1991. P. 185–192*).

¹⁴ Памятная записка (меморандум), врученная У. Черчиллем В. Молотову 10 июня 1942 г., как показали последующие события, предшествовала отказу правительств Великобритании и США от того что взятых обязательств по открытию второго фронта в 1942 г. (см.: *Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. М., 2004. С. 335–337*). Черчилль и британские штабы пришли к выводу о стратегической целесообразности высадки англо-американских войск в 1942 г. не на Европейском континенте, а во Французской Северной Африке. Чтобы склонить Рузвельта к отказу от открытия второго фронта в 1942 г., Черчилль через неделю после завершения встречи с Молотовым направил в США. Результаты переговоров с Рузвельтом (17–25 июня) явились «замаскированной победой английской позиции», что отменяло «всякое вторжение на Европейский континент даже в 1943 году» (Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. / Ред. Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас. М., 1995. С. 258).

В опубликованном сообщении о беседах Рузвельта с Черчиллем лишь в самой общей форме утверждалось, что «предстоящие операции... отвлекут силы немцев от нападения на Россию». В целом, как подчеркивает Р. Шервуд, это сообщение «отличалось бессодержательностью» (*Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 2. С. 221*).

¹⁵ Изложение важных пунктов речи Ст. Криппса в Эмпресс-холле 20 июня 1942 г.

Криппс заявил, что он выступает сегодня как представитель британского правительства и военного кабинета с выражением искренней поддержки Британией советского союзника. Вступление Советского Союза в войну стало событием, изменившим всю ее перспективу. Огромное значение имело народоудовольствие договора о взаимной помощи и послевоенного сотрудничества двух народов. «Заявления о политике и знании того, что во всех вопросах, касающихся реконструкции Европы, наши две большие страны будут работать бок о бок, в сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки и другими объединенными нациями, придадут Договору значение наиболее ценного фактора в создании прочного будущего Европы». Но мир, продолжал Криппс, должен наступить после победы; не следует недооценивать все еще сохраняющуюся противником силу.

Подчеркивается далее: русские союзники признают факт большого напряжения усилий Британии, ее военных и гражданских моряков, летчиков и солдат в различных районах мира, «точно так же, как мы понимаем те несоизмеримые жертвы, которые советский народ добровольно внес в общее дело победы...»

«Именно побуждающее осознание огромного вклада советского народа в нашу общую оборону и в нанесение поражения нашим общим врагам объясняет тот факт, что мы напрягаем все силы для отправки в Россию всех возможных для нас материалов и поставок. Лорд Бивербрук во время своей миссии в Москве дал широкие обещания о поставках России, и благодаря упорству и храбрости нашего Военно-Морского флота, наших и советских моряков мы могли выполнить обещания и оказать ценную помощь русскому фронту». За период действия Первого (Московского) Протокола о поставках (с 1 октября 1941 г. и по 30 июня 1942 г.) обязательства союзников, особенно США, полностью реализованы не были (см.: *Союзники в войне 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995. С. 187–188*). – *Ред.*)

Касааясь вопроса о широком наступлении против Германии на Западе, Криппс заявил: «Когда наступит этот момент, мы не можем сказать». Но оратор не упомянул, что 12 июня 1942 г. было опубликовано «Англо-советское коммюнике о посещениях Лондона народным комиссаром иностранных дел СССР», в котором отмечалась достигнутая на переговорах Молотова с Черчиллем

«полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.» (Советско-английские отношения... Т. 1. № 114. С. 249). Между тем следует признать, что в других своих публичных выступлениях Криппс не раз выдвигал требование о втором фронте на Западе.

В своей речи в Эмпресс-холле Криппс коснулся и следующей темы: «Двум народам никогда не бывает легко составить правильное представление друг о друге. Что касается наших советских союзников, мы склоняемся больше к восхищению, нежели к пониманию. Многие из тех, кто сейчас с превеликим энтузиазмом говорят о русских союзниках, имеют мало, если вообще имеют, представления об их социальной, политической или экономической жизни. Дружба, которая основывается только на восхищении и лишена понимания, бывает недолговечной и легко разбивается. Мы должны поэтому предпринять все возможное, чтобы усилить во всех классах нашего общества понимание Советского Союза и его народа, и следует сделать все от нас зависящее, чтобы представить советскому народу правильную картину нашей страны и нашего народа.

Истинная дружба между народами зависит в равной мере как от понимания слабостей друг друга, так и от оценки достоинств каждого из них». Совместно, заключил Криппс, наши народы пойдут вперед не в каком-то ложном духе оптимизма, но с упрямой и общей решимостью стереть с лица Европы позор нацизма.

[Подпись:] С. Криппс

¹⁶ В Северной Африке германо-итальянские войска (4 немецкие и 8 итальянских дивизий) под командованием генерала (с июня 1942 г. генерал-фельдмаршала) Э. Роммеля развивали наступление. Сражение носило ожесточенный характер. К середине июля все передовые линии опорных пунктов в Западной пустыне от Эль-Газалы до Бир-Хакейма были захвачены противником. Особенно болезненной была потеря 20 июня Тобрука – важной приморской крепости и символа британского сопротивления в Северной Африке, что произошло практически одновременно с падением Севастополя и воспринималось как взаимосвязанная цепь неудач и поражения союзников. Возникла реальная угроза прорыва армии Роммеля от границ Египта к дельте Нила и Суэцкому каналу. Потери английских войск в Тобруке только пленными составили 35 тыс. человек. Последним препятствием для противника оставались оборонительные рубежи у Эль-Аламейна. В Европе британские ВВС постепенно усиливали воздушное наступление на Германию, но его результаты ещё были ограничены. В акватории Средиземного моря фактически господствовал противник. 10–13 августа 1942 г. силы британского флота потерпели серьезное поражение от итало-немецких сил при проводке конвоев. Снабжение британских войск в Северной Африке осуществлялось в основном по обводному маршруту вокруг Африки.

На путях конвоев в Атлантике продолжалась ожесточенная борьба с «волчьими стаями» подводного флота противника. Германские подводные лодки все активнее действовали в водах Американского побережья. За первые шесть с половиной месяцев 1942 г. немецкие подводные лодки потопили у берегов США 360 американских, британских и канадских судов общим тоннажем 2,25 млн т, потеряв при этом 8 подводных лодок.

¹⁷ Конвой PQ-17 вышел 27 июня 1942 г. из Исландии в Архангельск в составе 34 торговых судов, в большинстве своем американских. Его охранял крупный отряд военно-морского флота Великобритании. В связи с возникшей угрозой столкновения с силами военно-морского флота Германии первый морской лорд и начальник штаба британского флота адмирал Д. Паунд 4 июля 1942 г. отдал приказ: «Отряду крейсеров отступить на запад с большой скоростью, а конвою рассредоточиться и идти к русским портам». В результате немецкие самолеты с норвежских баз и подводные лодки беспрепятственно потопили 23 судна. Предположения английского адмиралтейства об угрозе столкновения с крупными силами военно-морского флота Германии не имели достаточных оснований. Немецкие корабли остались на своих базах. По британским данным, на потопленных транспортах находилось 3850 автомашин, 430 танков, 2500 самолетов. Погибло 153 моряка (The Oxford Companion to World War II. Oxford; New York, 1995. P. 47).

¹⁸ Речь шла о замышляемой Черчиллем операции в Северной Норвегии и в районе Петсамо (операция «Юпитер»), которую, по его расчету, следовало провести в ноябре 1942 г. силами британских и канадских дивизий. Правительство Канады не дало санкции на поездку в Москву для обсуждения плана операции с И.В. Сталиным, а от него Черчилль также не получил обнадеживающего ответа (см.: *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943 / Пер. с англ. М., 1980. С. 38). По замечанию французского историка Ф. Бедарида, британский премьер с 1941 по 1944 г. упорно возвращался к плану «Юпитер», предусматривавшему высадку войск на севере Норвегии, нападение на немцев с тыла и возможное соединение с советскими войсками. «Напрасно специалисты трех штабов убеждали Черчилля в бессмысленности этого маневра, он не отсту-

пался от своего плана. Впрочем, добиться его осуществления ему так и не удалось» (*Бедариде Ф. Черчилль / Пер. с фр. М., 2006. С. 276*).

¹⁹ Положение на фронтах Второй мировой войны оставалось крайне сложным. Под контролем агрессоров находилась $\frac{1}{3}$ населения мира и его материальных ресурсов. На советско-германском фронте, где действовали основные силы Германии (217 дивизий и бригад, включая венгерские, румынские, итальянские, финские, словацкие, испанские, французские и хорватские войска), обстановка ухудшалась с каждым днем. Красная армия терпела крупное поражение на южном крыле советско-германского фронта. 8 июля, форсировав р. Дон, части вермахта ворвались в Воронеж, а на юге 23 июля захватили Ростов. Немецкие дивизии устремились к Сталинграду и Кавказу. Упорные бои в излучине Дона сбили темпы продвижения врага, но отступление Красной армии продолжалось, временами принимая беспорядочный характер. С 10 августа фактически начались бои на ближних подступах к Сталинграду. На кавказском направлении советские войска оставили 9 августа Майкоп и Пятигорск. Ведомые своими командирами и комиссарами, они оказывали все более жесткое сопротивление противнику, но вермахт находился в зените своей мощи и исход гигантской битвы оставался неясным. При ухудшении обстановки не исключалась вероятность вступления в войну против СССР Японии и Турции.

²⁰ ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СССР

(Обращение к членам парламента)

В последние недели мои друзья – члены парламента несколько раз пытались склонить меня к выступлению на частном собрании членов обеих палат парламента по вопросу о военном положении. До сих пор я колебался: деликатное положение посла обязывало меня к сдержанности и молчанию. На последней неделе мои друзья вновь обратились ко мне по этому поводу, и я почувствовал, что не мог отвергнуть их предложение. Развитие военных событий на советско-германском фронте в течение истекших двух недель четко подтверждает, что война – не только война в СССР, но и война в целом – подошла к чрезвычайно опасной черте, когда союзники должны откровенно и прямо, не стесняясь в выражениях, обменяться мнениями и вместе изыскать пути и средства для спасения положения. В такой момент моя обязанность как советского посла состоит в том, чтобы рассказать британскому народу, как мы оцениваем эту ситуацию и пути выхода из затруднений. В связи с этим для меня было совершенно естественным встретиться и обратиться к членам парламента, наиболее доверенным и ответственным представителям вашей страны.

Я только что сказал, что в ходе войны наступил чрезвычайно опасный момент. Мне едва ли нужно приводить доказательства в подтверждение. Каждодневные новости в прессе и по радио, особенно в последние две недели, не оставляют ни тени сомнения на этот счет. Суть проблемы сводится к следующему: немцы путем колоссальной концентрации войск, в первую очередь танков и авиации, на сравнительно узком участке фронта совершили ряд прорывов наших линий на южном фронте и за месяц овладели всей долиной Дона. Германское наступление еще не остановлено, и вследствие этого Кавказ и Нижняя Волга находятся под серьезной угрозой. В этих условиях советским армиям не оставалось ничего другого, кроме отступления, чтобы избежать окружения и уничтожения. Они выполнили это с большим мастерством и героизмом. Упорно защищая каждый дюйм земли и нанося противнику крупные потери, советские армии отступили на левый берег долины Дона, сохраняя свою сплоченность и боевую мощь. Эти события, – а мы должны называть вещи своими именами, – являются важным успехом немцев и создают исключительно опасную ситуацию не только на советско-германском фронте, но также и на фронте всех Объединенных Наций.

Момент серьезен и требует быстрых и решительных действий, если мы хотим поправить положение. Для нахождения правильного пути преодоления трудностей мы должны совершенно ясно представлять те истинные причины, которые привели к этому положению. В чем фактически главная причина затруднений? Для ответа на этот вопрос мне хотелось бы провести следующую историческую параллель:

В последней войне 1914–1918 гг. Германия никогда не держала на русском фронте больше трети ударных сил своей армии, а остальные две трети всегда были прикованы к англо-французскому фронту. К тому же Германия тогда была просто Германией с небольшим числом союзников, которые были, возможно, для нее больше пассивом, нежели активом. России тех лет также не приходилось беспокоиться о защите других частей своей империи. И тем не менее известно, к чему привела война на русском фронте, несмотря на все эти благоприятные условия.

В современной войне положение совершенно иное. Теперешняя Россия – Союз Советских Социалистических Республик – вот уже второй год подряд вынуждена выдерживать давление по меньшей мере 80 процентов общей ударной силы германской военной машины. Одновременно

России приходится держать крупные воинские соединения в других частях своей территории. Более того, кто сейчас воюет с Советским Союзом? Не только одна Германия, но фактически весь континент Европы, так как очень редко осознают, что Германия теперь контролирует судьбы и ресурсы более 300 млн человек в оккупированных ею и так называемых союзных с ней странах, включая 150 млн человек, которые она может привлечь в свои военные силы. Разумеется, внутри этих стран насчитываются миллионы людей, которые помогают Германии вопреки своим желаниям. Во многих частях поработанной Европы имеется весьма значительная оппозиция, нередко практикуется саботаж германских военных усилий. Современный Советский Союз, безусловно, несравненно сильнее прежней царской России, но в конечном счете нельзя отрицать, что Советскому Союзу приходится вести борьбу с мощными объединенными силами, которые опаснее сил старой кайзеровской империи.

СССР, конечно, получает различную помощь от союзников, особенно от Британии и Соединенных Штатов. Эта помощь оказывается во многих формах – военных поставок, тоннажа (судов), блокады противника, серий бомбардировок Германии, военных операций в Северной Африке, и т.д. Мы благодарны союзникам за все то, что они сделали и делают для этого. И все же нельзя отрицать, что на протяжении последних тринадцати месяцев главную ношу войны несет на себе Советский Союз и по своей тяжести она далеко превосходит ношу, которую несут все другие союзники. Должны ли мы удивляться при таких обстоятельствах тому, что сейчас происходит в долине Дона? Должны ли мы удивляться этому, особенно учитывая тот факт, что вероломное нападение Германии с самого начала дало гитлеровским ордам некоторые важные стратегические преимущества, которые позже из-за отсутствия второго фронта в Европе было очень трудно исправить?

Вот в чем причина недавних неудач Красной Армии. Этот анализ объясняет, каково средство, необходимое для преодоления наших трудностей. Советское правительство, советский народ и Красная Армия твердо убеждены в том, что часть ноши, какую до сих пор нес СССР, должна быть быстро снята с плеч союзниками. Жертвы, приносимые разными участниками большой антигитлеровской коалиции, должны быть выравнены по меньшей мере в известной степени. Такая политика диктуется не только интересами СССР, она диктуется не в меньшей степени интересами всех Объединенных Наций, и, может быть, в первую очередь интересами Великобритании. Большим недостатком союзников является отсутствие у них до сих пор единой стратегии войны, и, напротив, практически каждый союзник придерживается своей стратегии, которая часто не совпадает со стратегией его партнеров. В результате никогда нельзя было синхронизировать действия всех союзников против общего врага. С другой стороны, противник имел возможность наносить удар одному союзнику за другим. Это – обстоятельство огромной важности.

У союзников и теперь сильно выражена тенденция основывать свою уверенность в окончательной победе на большом превосходстве антигитлеровской коалиции над «осью» в области населения, территории, природного богатства и промышленных ресурсов. Боюсь, что это является одной из наиболее опасных форм благодушия. Конечно, важно превосходство антигитлеровской коалиции во всех этих областях, но в первую очередь получалось таким образом, что с каждым новым месяцем войны баланс, к несчастью, изменялся все больше и больше в пользу противника и к невыгоде союзников. Во-вторых (и это самое важное), исход борьбы решается не потенциальными ресурсами, а теми, которые мобилизуются каждой стороной. Несколько месяцев назад мне довелось по другому поводу сказать, что секрет победы заключается в том, чтобы иметь решающее превосходство над противником в решающий момент и в решающем месте. Никакие данные, однако, как бы внушительны они ни были, о людских, промышленных и природных ресурсах не спасут союзников, если эти ресурсы не мобилизованы так быстро, как того требуют интересы современного ведения войны, и если союзники не постигнут, каким образом обеспечить превосходство их сил в решающий момент и на решающем месте.

Для этого необходима единая стратегия войны. Для этого требуется также способность рассматривать все проблемы войны под углом единой стратегии. И если под этим углом зрения мы попытаемся оценить значение и важность последних событий в долине Дона, станет совершенно очевидно, каково то средство, которое поможет нам преодолеть теперешние трудности и опасности.

Этим средством является создание второго фронта в Европе в 1942 г.

Вопрос о втором фронте не нов. Впервые он был поднят моим правительством перед правительством Соединенного Королевства еще в июле 1941 г. В последующие двенадцать месяцев этот вопрос ставился неоднократно здесь в Лондоне и также в Вашингтоне. По причинам, которых я здесь не могу касаться, второй фронт в Европе до сих пор не создан. Об этом нужно очень со-

жалеть, ибо, как следует из речи Гитлера от 27 апреля, германская армия была прошлой зимой на грани катастрофы, и если бы в то время существовал второй фронт, более чем вероятным стало бы падение Гитлера.

Однако прошлого не вернешь. Мы не должны сейчас задерживаться на этом, нам нужно думать о будущем. И именно имея в виду будущее, Советское правительство, советский народ и Красная Армия считают, что создание второго фронта в 1942 г. является абсолютной необходимостью.

Насколько мне известно, в политических и правительственных кругах Британии нет разных мнений на этот счет. Все согласны, что второй фронт необходим. Различие, по-видимому, только в другом вопросе – когда?

По этому второму вопросу существуют две точки зрения. Некоторые полагают, что второй фронт должен быть создан в 1942 г. Другие же, напротив, считают, что в связи с неполной готовностью Британии и Соединенных Штатов второй фронт должен быть отложен до весны 1943 г.

Это расхождение во мнениях должно быть, разумеется, урегулировано вами самими. Это вне моей компетенции. Что касается меня, то хотелось бы сделать одно замечание, которое может оказаться полезным при решении вами этого вопроса. Мое замечание можно сформулировать так: существует много причин полагать, что военная мощь СССР в 1942 г. достигла своей вершины, и есть вероятность того, что в 1943 г. военная мощь СССР будет слабее, чем сегодня.

Почему? Причины совершенно очевидны. Нам следует смотреть в лицо фактам, как бы неприятны они ни были, и, к несчастью, первые тринадцать месяцев войны потребовали от нас больших жертв и принесли большие потери. Приведу лишь несколько примеров.

Во-первых, что касается потерь: общее число наших потерь, включая убитых, раненых и пленных, на сегодняшний день составляет что-то около 5 миллионов человек. Соответствующая цифра для всей Британской империи будет где-то между 12–13 миллионами человек. [Далее несколько строк неразборчиво. – *Сосм.*] Это даст вам возможность судить о тяжести наших потерь.

Многие говорят о «неисчерпаемых людских ресурсах СССР». Это большое преувеличение. Наши людские ресурсы далеко не являются неисчерпаемыми, и в последние месяцы мы стали очень ясно осознавать их лимиты. Это легче понять, если учесть, что с начала войны мы потеряли почти 600 тыс. кв. миль территории, а это равно территории Франции, Британии и Германии, вместе взятых, с общим населением не менее 50 миллионов человек, за вычетом тех, кто смог эвакуироваться. Иначе говоря, мы должны сейчас исходить не из цифры в 193 миллиона человек, которых мы имели до войны, а из цифры не более 140 миллионов. А Германия, как я упомянул только что, располагает свыше 300 миллионами человек. Помимо этого у нас имеется много других потерь. Мы потеряли всю Украину, т.е. крупнейшую житницу СССР. А Кубань на Северном Кавказе, другая житница, находится сейчас под угрозой вторжения. Это означает, что в 1943 г. у нас могут быть очень значительные затруднения с продовольствием. Мы успешно провели эвакуацию наших заводов, фабрик и предприятий из оккупированных территорий и смогли за короткий срок в 7–8 месяцев возобновить их работу на полную мощность в новых районах, расположенных за Волгой, на Урале и в Сибири, но мы не могли эвакуировать уголь, железную руду и другие природные богатства. Мы предприняли все возможные меры, чтобы лишить нашего противника возможности использовать эти богатства, которые не могли быть эвакуированы, но в то же время мы сами утратили их для себя. В итоге пропала почти половина нашей выплавки чугуна и стали, и мы можем надеяться теперь иметь примерно [цифра пропущена в оригинале. – *Сосм.*] миллионов тонн в год, тогда как Германия и ее сателлиты имеют сейчас 40 миллионов тонн. Мы потеряли также три четверти нашего производства алюминия. Мы пострадали от сокращения производства также в некоторых других отраслях промышленности. Нам приходится поэтому в гораздо большей степени, чем прежде, полагаться на импорт различных продуктов из-за рубежа. Это сопряжено с большими транспортными затруднениями, которые усилились совсем недавно. Мы, наконец, потеряли, а это чрезвычайно важно, широкую сеть железных дорог. В итоге мобильность Красной Армии значительно снизилась, в то время как мобильность германской армии существенно увеличилась. Те, кто понимает технику современной войны, могут легко оценить важность этого факта. Если же в дополнение ко всему сказанному, что может случиться ввиду недавнего развития событий на фронте, затруднится транспортировка нефти с Кавказа, то общее положение ухудшится еще больше.

К какому выводу можно прийти на основе всех этих мрачных фактов? Вывод таков: остается непоколебимой решимость Советского правительства, советского народа, Красной Армии, возглавляемой Сталиным, вести борьбу с жестоким врагом до конца. Наш выбор сделан раз и навсегда.

да. Советский народ никогда не станет рабом. Несмотря на все трудности и опасности, он твердо уверен в окончательной победе совместно с союзниками над гитлеровской Германией.

Однако все факты, которые я только что вам изложил, заставляют нас верить в то, что реальная возможность СССР вести борьбу в 1943 г. будет менее благоприятной, чем в 1942 г. Практически это будет означать, что в 1943 г. Германия сможет значительно ограничить количество войск, которые ей придется держать в СССР, и окажется в состоянии перевести много сил с Востока на Запад.

Что это будет означать? Это будет означать, что весной 1943 г. англо-американские войска при проведении вторжения на Европейский континент встретят не ограниченное число размещенных там сейчас второ- и третьестепенных германских дивизий, а будут противостоять большому количеству первоклассных закаленных германских войск. Это будет также означать, что исчезнет или во всяком случае значительно снизится серьезное преобладание в воздухе, которое союзники несомненно имеют на западе в настоящее время. Так что будет выиграно в 1943 году? Любое увеличение силы Британии и Соединенных Штатов будет утрачено при ослабленном положении СССР. В итоге баланс сил весной 1943 г. в лучшем случае не изменится в сравнении с нынешним годом.

Однако этот баланс может ухудшиться. Он может ухудшиться по той причине – и здесь я должен затронуть чисто политический аспект, – что одной из наиболее важных предпосылок для достижения победы не только в войне, но и в будущем мире являются взаимная дружба и доверие между народами СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Сейчас в этот очень трудный для нас момент глаза миллионов и миллионов советских мужчин и женщин обращены с надеждой и нетерпением на Запад. Речь идет не о том или ином дипломатическом документе, Договоре, Соглашении, Меморандуме и т.п. Речь идет о простом и естественном убеждении советского рабочего, советского крестьянина, советских военных в том, что Великобритания и Соединенные Штаты, связанные с нами узами совместной борьбы против общего врага, должны были прийти к нам на помощь именно сейчас, когда их помощь особенно требуется. Такое ожидание тем более понятно, так как Англо-Советское коммюнике по поводу визита Молотова в Лондон определенно утверждало, что «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». В англо-американском коммюнике, опубликованном по окончании визита Черчилля в Вашингтон, также заявлялось, что оба правительства «повернут германские силы в сторону от нападения на Россию». И если советский народ и Красная Армия обманутся в своих ожиданиях, тогда неизбежно, что это чувство не преминет надолго остаться в их памяти.

Все изложенные мною соображения ясно ведут к выводу о том, что наиболее разумный курс – не ожидание, а действие сейчас же. Очень возможно, конечно, что Британия и Соединенные Штаты еще не готовы на 100 процентов к вторжению на Европейский континент. Безусловно верно то, что выполнение такой операции сопряжено для них с серьезным риском и большой опасностью. Но что поделаешь? Война есть война. История идет не по гладким, хорошо замощенным улицам, а через дикие и крутые горные перевалы. Нужно быть способным взбираться на горы и перебираться через бездонные ущелья. Положение таково, что величайшей из всех возможных опасностей является откладывание второго фронта до следующего года. Каждая дивизия, которую можно высадить на континент в 1942 г., более ценна, чем каждые две или три дивизии, высаженные в 1943 г. Такова ситуация. Таково мнение Советского правительства, советского народа и Красной Армии.

Наш народ твердо и непоколебимо верит в окончательную победу над Германией. Он верит в возможность победы, т.к. несмотря на все гитлеровские успехи, силы Германии в действительности не столь велики, как многие думают. Они значительно меньше тех сил, которыми уже обладают Объединенные Нации. К несчастью, однако, отсутствие единой стратегии у союзников позволяет Гитлеру реализовать в большом масштабе золотое правило победы, т.е. обеспечить решающее превосходство над противником в решающий момент и в надлежащем месте. В этом секрет его успеха. Самое время для союзников также принять близко к сердцу это золотое правило победы.

Я заканчиваю на этом месте. Повторяю еще раз, что окончательное решение вопроса о том, если и когда должен быть создан второй фронт в Европе, принадлежит вам, вашему Парламенту, вашему Правительству. Я искренне надеюсь, что при принятии этого решения вы учтете все элементы нынешней ситуации. Каково бы ни было это решение, я рад тому, что благодаря приглашению моих друзей получил возможность откровенно и честно высказать представителям британской нации то, о чем думает и что чувствует народ Советского Союза в этот опасный момент.

Как бы ни развивались в дальнейшем события, я в любом случае испытываю удовлетворение при мысли, что смог вовремя донести до внимания членов Британского Парламента представление об опасностях, грозящих нашему общему делу в данный момент, равно как о путях и средствах, позволяющих, по нашему мнению, это преодолеть.

Лондон, 30 июля 1942.

²¹ Отклики на выступление И.М. Майского в здании парламента частично освещены в письме, направленном ему 31 июля 1942 г. секретарем Англо-русского парламентского комитета У. Коатсом. Корреспондент газеты «Star» Карвел, по словам Коатса, утверждал, что советский посол произвел очень сильное впечатление даже на убежденных твердолобых; об этом сообщили Карвелу несколько членов парламента от различных партий. Секретарь Д. Ллойд Джорджа А.Д. Сильвестер, который побеседовал со многими членами парламента, так описал свое впечатление: «Майский ошеломил своих слушателей... Они ушли с осознанием того, что положение гораздо серьезнее, чем когда-либо считали». По словам Сильвестера, проведение парламентской встречи с участием представителей всех партий никем не критиковалось (АРАН. Ф. 1702. Оп. 4. Д. 1384. Л. 49–50).

²² В сообщении о беседе фамилии редакторов и названия газет не указаны. И.М. Майский проводит аналогию между стратегией отступления, которой придерживался в войне с Наполеоном генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, и стратегией СССР в войне с гитлеровской Германией в 1941–1942 гг., хотя и напоминает о важных происшедших с 1812 г. изменениях. «Боле всего, – указывает посол, – мы должны были принять в расчет две главные вещи: во-первых, тот факт, что современная техника наносит поражение пространству. Наполеон продвигался пешком – Гитлер движется на танках и самолетах. Во-вторых, многие части нашей страны, которые 130 лет назад были пустыней, с тех пор наполнились процветающими городами, и там выросли важные промышленные центры, от которых сильно зависит современное ведение войны. Мы не были в состоянии поэтому полагаться в той же степени, как Кутузов, на поддержку пространства, времени и климата... Поэтому Советское правительство и Советское Верховное командование были вынуждены внести в стратегию Кутузова определенные модификации, обусловленные общим изменением обстоятельств и условий. Главное отличие нашей стратегии от стратегии Кутузова состоит в том, что наше отступление это не просто отступление, растянутое как можно дальше, с тем чтобы избежать битв с нападающим врагом, но, напротив, оно с самого начала замышлялось как боевое отступление с постоянными битвами против продвигающегося врага. Это боевое отступление дополнялось кровопролитной тактикой “выжженной земли” и сильным развитием партизанского движения, организованным и поддерживаемым центральным правительством и Красной Армией. Боевое отступление дополнялось также крупномасштабной эвакуацией населения и промышленности. В наши расчеты входило и входит, используя все эти средства, измотать вторгшегося врага и постепенно дожидаться времени для начала большого контрнаступления, когда ситуация даст нам оправданную надежду на успех».

СССР, подчеркивает Майский, оказался в состоянии перейти зимой 1941/42 г. к крупному контрнаступлению, а к лету 1942 г. подготовить большие людские и материальные ресурсы. В данный момент «при первой же возможности мы, конечно, будем рады перейти от боевого отступления к полномасштабному контрнаступлению».

²³ С 12 до 16 августа Черчилль находился в Москве. Поскольку Майский оставался в Лондоне и часть его дневника за 1942 г. отсутствует, публикуем сохранившуюся в Архиве внешней политики России комплиментарную телеграмму Майского, направленную 20 августа Сталину и другим членам правительства о беседе с Иденом в связи с состоявшейся поездкой Черчилля в Москву. Документы о переговорах Черчилля в Москве см.: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 348–375.

«Я видел сегодня Идена, который несколько дней отсутствовал из Лондона. Говорил Иден, конечно, о московском свидании. Иден прочитал кое-какие выдержки из телеграммы премьеря. Из них явствует, что после второго заседания Черчилль был сильно раздражен, что третье свидание внесло значительное успокоение, но что самый сильный эффект имело последнее длительное свидание на квартире у товарища Сталина. Здесь, по телеграммам премьеря, был действительно “душевный разговор”, который расчистил атмосферу, дал возможность обоим собеседникам “понять друг друга”. Черчилль говорит, что в ходе этого разговора он “почувствовал настоящего Сталина”. Вообще последняя встреча оставила в Черчилле самое лучшее воспоминание и окончательно убила его, как полезно было его путешествие в Москву. Между прочим, сообщая о последнем свидании, премьер подчеркивает, что тут был очень хороший переводчик (имени последнего он не называет). Из телеграммы Черчилля видно, что встреча с товарищем Сталиным ещё более по-

высила его прежнее высокое мнение о нем, особенно Черчиллю импонировало прекрасное понимание товарищем Сталиным всех военных вопросов. В частности, он с явным изумлением констатирует, как живо и с каким ясным учетом условий и обстановки товарищ Сталин реагировал на врученный Черчиллем африканский план. Иден передавал также, что на [А.] Уэйвела очень сильное и благоприятное впечатление произвела его встреча и разговор с тт. Ворошиловым и Шапошниковым. Подводя итог, Иден считает, что поездка Черчилля была очень полезна, что, несмотря на разногласия по второму фронту и связанные с этим трудности, московскую встречу надо считать успешной и обещающей дать в дальнейшем хороший урожай.

20/VIII-42 г. МАЙСКИЙ

АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 155–156.

1943 год

¹ 22 ноября 1942 г. заместитель главнокомандующего союзных войск в Северной Африке американский генерал М. Кларк подписал с французским адмиралом Ж.Л. Дарланом соглашение, признал этого коллаборациониста командующим французскими силами в Северной Африке и обязывался сотрудничать с американцами. Дарлан затем отдал приказ о прекращении сопротивления союзным войскам. Соглашение, одобренное Вашингтоном, находилось в соответствии с курсом правительства США на утверждение американских позиций в этом регионе и помогло союзникам без большого труда овладеть Марокко и Алжиром (*Г.Н. Севостьянов, А.И. Уткин. США и Франция в годы войны 1939–1945: Из истории взаимоотношений. М., 1974. С. 193–194.*)

Лондон направил свои представления Вашингтону по поводу критических высказываний Дарлана в адрес Британии. И все же британская дипломатия не могла не поддержать американский выбор этой одиозной фигуры. Убийство Дарлана в конце декабря 1942 г. избавило союзников от вытекавших из сотрудничества с ним трудностей (*W.S.Churchill. The Second World War. Vol. IV. The Hinge of Fate. L., 1951. P. 578; The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945 / Ed. By D. Dilks. L., 1971. P. 487, 493–494; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vols. I–V. L., 1970–1976. Vol. II. P. 360–367, 374 ff.*)

Советское правительство не было сторонником сохранения каких-либо форм вишистской власти, но признало все же, что в интересах недопущения кровопролития возможны сугубо временные соглашения с такими реакционными деятелями, как Дарлан (Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. М., 1983. Т. 1. Примеч. 40. С. 393). В послании Черчиллю от 27 ноября 1942 г. Сталин заметил, что американцы умело использовали Дарлана для облегчения оккупации Северной и Западной Африки. «Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой» (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июнь 1941 г. – ноябрь 1945 г.). 2-е изд. М., 1989. С. 95).

² На промежуточных выборах в Конгресс США (ноябрь 1942 г.) соотношение сил изменилось в пользу республиканской партии, представители которой получили 9 дополнительных мест в сенате и 47 – в палате представителей. Число голосов республиканцев в этих органах составило соответственно 40% и 48%. Т. Дьюи был избран губернатором штата Нью-Йорк. На президентских выборах 4 ноября 1944 г. победил Ф. Рузвельт, собравший 26 млн голосов избирателей. Т. Дьюи, кандидат в президенты от республиканской партии, получил 22 млн голосов, он потерпел поражение даже в штате Нью-Йорк (История США: в 4-х т / Под ред. Г.Н. Севостьянова. Том 3. 1918–1945. М., 1985. С. 369, 418).

³ По вопросу о трениях между Великобританией и США см.: *Г.Н. Севостьянов, А.И. Уткин. США и Франция в годы войны 1939–1945: Из истории взаимоотношений. С. 221–222, 226, 247; Американский ежегодник 1990. М., 1991. С. 60–61, 64.*

⁴ На протяжении 1942–1943 гг. равновесие в англо-американских отношениях действительно нарушалось на многих направлениях, что вызывалось в числе другого ростом военно-экономического потенциала США (см.: *Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 2003. С. 334–336*). Как заметил французский исследователь Ф. Бедарида, «во время войны между Англией и

Соединенными Штатами не раз возникали конфликты, выливавшиеся во взаимную подозрительность, неуступчивость, так что порой их переговоры напоминали грубый торг» (*Бедариде Ф. Черчилль / Пер. с фр. М., 2006. С. 268*). Но в целом сотрудничество США с Великобританией ширилось. Теснейшие связи установились между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, их переписка и встречи приняли постоянный характер. В военной области сотрудничество касалось таких вопросов, как согласование планов вооруженной борьбы с европейскими державами («оси») и её ведение на основе средиземноморских вариантов стратегии (кампании в Сицилии, Италии), совместные морские операции в Атлантике, воздушные бомбардировки Германии. Квебекским соглашением между Рузвельтом и Черчиллем от 19 августа 1943 г. предусматривалась секретная договоренность об условиях совместных работ по созданию ядерного оружия, включая пункт о **непередаче** без взаимного согласия «третьей стороне» (имелся в виду в первую очередь СССР) какой-либо информации об атомной бомбе. Общая заинтересованность США и Британии в нанесении поражения фашистским державам, интеграция военного производства и другие связи по линии военно-экономической структуры обеспечивали весьма тесную координацию действий двух западных союзников. Неодинаковым при этом оставался, конечно, их подход ко многим важным проблемам Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

⁵ Во время беседы со Сталиным на его квартире в ночь с 15 на 16 августа 1942 г. Черчилль заявил, что англичане «начнут бомбить Берлин, как только позволят метеорологические условия и ночи станут достаточно продолжительными». 19 октября 1942 г. в письме Майскому Сталин упомянул, что в Москве Черчилль провозгласил систематическую бомбежку англичанами Берлина в течение сентября, «которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то что он, безусловно, мог это выполнить». Касаясь ряда других вопросов, поставленных Сталиным, Майский в письме ему 23 октября 1942 г. выразил мнение: премьер не хочет, чтобы немцы в ответ на бомбардировку Берлина бомбили Лондон, «ибо тяжёлая бомбежка Лондона нарушила бы концепцию “легкой войны”» (*О.А.Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 368, 376, 377*). В своем ответе советскому послу Сталин 28 октября 1942 г. вновь подчеркнул, что Черчилль «торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября–октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения» (Там же. С. 378). Понятна в этой связи постановка Майским в разговоре с Иденом темы о воздушных налетах на Германию.

17 января 1943 г. Берлин подвергли бомбардировке 380 британских самолётов. О ночных налетах британских бомбардировщиков на Эссен и Киль, а также о дневных налетах американских летающих крепостей на заводы Рено близ Парижа Черчилль уведомил Сталина 6 апреля 1943 г. (Переписка... Т. 1. С. 132).

⁶ Об обещании Черчилля в его послании от 30 декабря 1942 г. см.: Переписка... Т. 1. С. 99.

⁷ Мартовский (1943 г.) конвой в Россию был отложен до сентября в связи с подготовкой высадки англо-американских сил на о. Сицилию (Переписка... Т. 1. С. 138–139; С. 130–132). Отечественный исследователь истории северных конвоев М. Н. Супрун не считает возможным относить недопоставки союзников советской стране только за счет отсутствия тоннажа и потерь в Арктике. Он подчеркивает роль военно-политических причин: «...приоритет глобальной стратегии перед запросами СССР скорее объясняет причины срыва поставок, но не оправдывает нарушения союзниками своих обязательств». Перевозки северным путем по Второму протоколу, подписанному в октябре 1942 г., составили в 1942–1943 гг. лишь 13% всех доставленных в СССР грузов; правда, этот тоннаж, по приводимым автором данным, включил почти половину перевезенного оружия. В полном объеме обязательства союзников по Второму протоколу были выполнены лишь к концу 1943 г. (*Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М., 1997. С. 200–201, 208; см. также: Война. Народ. Победа: Мат-лы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 г. М., 2008. С. 111*).

⁸ Определенную готовность предоставить СССР в 1943 г. 200 транспортных самолётов Рузвельт высказал в послании Сталину от 9 января 1943 г. (Переписка... с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэн-ном. М., 1989. Т. 2. С. 46). Ещё раньше, 30 декабря 1942 г., американский президент в послании Сталину выразил готовность в случае нападения Японии на Россию помочь отправкой на Дальний Восток «приблизительно ста четырехмоторных бомбардировщиков». Рузвельт предложил направить на советский Дальний Восток группу во главе с генералом О. Брэдли в целях изучения условий возможного размещения ВВС США в этом районе (Там же. С. 43–44).

⁹ Поблагодарив Рузвельта 5 января 1943 г. за предложение послать на Дальний Восток 100 бомбардировщиков, Сталин подчеркнул: СССР ведет войну не на Дальнем Востоке, «а на

фронте жесточайшей войны с немцами, то есть на советско-германском фронте»; прибытие американских самолетов без летчиков («своих летчиков у нас достаточно») на Юго-Западный или на Центральный фронт сыграло бы крупную роль на самых важных участках борьбы СССР с Гитлером (Переписка... Т. 2. С. 45). Спустя три дня (8 января) Рузвельт ещё раз известил Сталина, что рекомендованные им немедленные мероприятия «относились к инспектированию и переговорам генерала Брэдли с советскими представителями». Президент высказался также за отправку в Москву генерала Дж. Маршалла для ознакомления Сталина с положением в Африке и с запланированными на 1943 г. операциями на всех театрах войны (Там же. С. 45–46).

¹⁰ См.: Послание Сталина Рузвельту, отправленное 13 января 1943 г. (Там же. С. 47).

¹¹ «Рузвельт был страшно взбешен, – рассказывал 8 февраля 1943 г. Майскому Черчилль, – и хотел, было, очень резко реагировать. Но я его разубедил. Я сказал президенту: кто сейчас действительно воюет? Только Сталин воюет, и как воюет... Не можем мы ему в таком случае ставить каждое лыко в строку. Рузвельт согласился со мной и решил не ругаться со Сталиным» (см.: И.М. Майский – в НКВД СССР. 9 февраля 1943 г. Из публикации А.И. Филева «Новые документы из архива МИД России» // *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 68–69).

¹² Тексты посланий Черчилля Сталину: «Мы сбросили на Берлин прошлой ночью 142 тонн фугасных и 218 тонн зажигательных бомб» (Переписка... Т. 1. С. 101, 17 января 1943 года). «Во время налета прошлой ночью мы сбросили на Берлин 117 тонн фугасных и 211 тонн зажигательных бомб» (Там же. С. 101, 18 января 1943 года).

¹³ Непосредственное руководство проведением операции в бассейне Средиземного моря Объединенный англо-американский штаб, как следовало из его доклада 23 января 1943 г., возложил на главнокомандующего генерала Д. Эйзенхауэра и его заместителя британского генерала Г. Александера. Последнему вменялось в обязанность «руководство разработкой плана и подготовкой операции и организации управления войсками в ходе операции». Командующим ВМС назначался адмирал Э. Каннингхэм, командующим ВВС – главный маршал авиации А. Теддер (*Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943* / Пер. с англ. М., 1980. С. 422).

¹⁴ В докладе Объединенного штаба от 23 января 1943 г. намечалась также операция по овладению Сицилией в июле 1943 г. и предусматривалась «высадка на континент в случае полного краха Германии» (Там же. С. 422, 424). Американский военный историк М. Мэтлофф критически оценил итог переговоров в Касабланке по основному вопросу стратегии. Заключение относительно завершающих наземных операций против Германии носило, по его мнению, неопределенный характер. «Это вторжение могло принять форму либо рейдов небольшого масштаба в плане экстренной операции в 1943 году на случай внезапного истощения сил Германии, либо ограниченной операции в 1943 году для захвата плацдарма на континенте с целью последующего его расширения, либо, наконец, вторжения крупными силами в 1944 году... Решение в пользу операции “Хаски” (захват Сицилии), безусловно, поставило под сомнение вопрос о высадке крупных сил союзников на Европейский континент в 1943 году... Реальные перспективные планы разгрома держав “оси” разработаны не были. Вопрос об операциях в Азии и о форсировании Ла-Манша был просто оставлен открытым до новых переговоров» (*М. Мэтлофф. От Касабланки до «Оверлорда»* / Сокр. пер. с англ. М., 1964. С. 53–54, 70).

Американский историк У.Ф. Кимболл в опубликованной им переписке Черчилля с Рузвельтом отметил в комментариях: по мнению американцев, англичане склоняли их на сторону средиземноморской стратегии и даже начали подозревать в поиске возможностей для того, чтобы избежать вторжения через Ла-Манш. Англичане же подозревали американского союзника в попытке обратить главное внимание на перенос военных действий в Тихий океан (Churchill and Roosevelt: *The Complete Correspondence*. Vol. II. Alliance Forged. November 1942 – February 1944 / Ed. with Commentary by W.F. Kimball. Princeton. 1984. P. 121).

¹⁵ В информации Идена о подготовке встречи в Касабланке Ш. де Голля и А. Жиро не затронуты аспекты различного отношения правительств СССР и Великобритании к этим французским генералам. Американское руководство по соображениям военной целесообразности предпочитало сотрудничество с Жиро (командующим французскими силами в Северной Африке). «Военные власти Соединенных Штатов имеют дело с северо-африканскими французскими властями, подчиняющимися генералу Жиро на основе поддержки и помощи, которую эти французские власти обязались оказывать американским вооруженным силам». См. Меморандум от 13 января 1943 г., переданный В.М. Молотову в тот день послом США в Москве У. Стэндли по поводу переговоров между де Голлем и Жиро (*Советско-американские отношения 1939–1945* / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004. С. 331–332). Важную роль играли на самом деле также и политические расчеты, стремление обеспечить глобальные интересы США в районе Средиземноморья; фигуру де

Голля в Вашингтоне не считали благонадежной; в том числе учитывалось, что генерал отставивал целостность французской колониальной империи.

Британские правящие круги не возражали против переговоров Жиро с де Голлем, не желая обострять отношения с США. Но предпочтение в Лондоне отдавали последнему. «... Ставка на де Голля была продиктована собственными интересами, стремлением подчинить своему влиянию будущую политику Франции в противовес американскому давлению» (Г.Н. Севостьянов, А.И. Уткин. Указ. соч. С. 221). Это не исключало резких стычек между Черчиллем и лидером французского Сопrotивления.

¹⁶ После высказанного генералом де Голлем отказа прибыть на конференцию в Касабланку британский премьер, по его свидетельству, поручил А. Идену оказать энергичное давление на генерала и даже заявить, что в случае неприезда тот будет заменен кем-либо другим в качестве главы французского движения (*Churchill W.S. The Second World War. Vol. IV. 609–610; Голль Шарль де. Военные мемуары: Единство. 1942–1944 годы / Пер. с франц. М., 1960. С. 90–91*).

¹⁷ Посол Великобритании в СССР А.К. Керр считал «ужасным» для престижа своей страны, если русские войдут в Берлин на танках, «а мы будем спокойно двигаться навстречу в поезде». Отсрочка второго фронта, резонно полагал он, усиливает недоверие русских (см.: *The Second World War Diary of Hugh Dalton, 1940–1945 / Ed. by V. Pimlott. Cape, 1986. P. 551*).

¹⁸ По соображениям балканской стратегии британский премьер-министр был заинтересован вовлечь Турцию в войну с Германией, хотя особого нажима пока на нее не оказывал. Один из пунктов его «Утренних размышлений» свидетельствовал, что Черчилль надеялся после операции «Хаски» (высадка в Сицилии) начать наступление на Балканах. (*Churchill and Roosevelt... Vol II. P. 128*). Турецкие руководители согласились получить предложенное Черчиллем вооружение, но обязательства вступить в войну не дали. Все ограничилось созданием Объединенной англо-турецкой комиссии, которая должна была вести вопросы поставок Британией вооружения в Турцию (см. *Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны (1939–1945). М., 1965. С. 437–438*).

¹⁹ Итоговые сведения о Сталинградской наступательной операции 19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г. см. в кн.: *Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. Историко-статистическое исследование / Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2005. С. 329–321*. В ходе боевых действий советские войска окружили и уничтожили главные силы 4-й танковой и 6-й полевой немецких армий, разгромили 3-ю и 4-ю румынские армии; нанесли тяжелый урон 8-й итальянской армии. Потери противника составили свыше 800 тыс. человек. Полностью были уничтожены 32 его дивизии и 3 бригады (Там же. С.331).

Сталинградской битве, ее определяющему для исхода Второй мировой войны значению посвящены многочисленные исследования. Отметим труды британского историка Дж. Робертса «Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю» / Пер. с англ. (М., 2003). См.: *Roberts G. Stalin's War. From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven; L., 2006. P. 143–159; Понов В.Н. Великий перелом. Сталинградская битва: новые подходы к оценке победы, изменившей мир (по материалам новейших исторических исследований). Волгоград, 2006; Загоруйко М.М. (Предс. ред. кол.). Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет: Материалы Международной научно-практической конференции. 1–2 февраля 2008 г. Волгоград, 2008.*

²⁰ 24 февраля 1942 г. нацистская агентура инсценировала «покушение» на германского посла в Турции Ф. фон Папена. В Анкаре 1 апреля – 17 июня 1942 г. турецкие власти провели судебный процесс, необоснованно были осуждены на 20 лет двое советских граждан (*Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948. С. 205, 206*).

²¹ В послании, отправленном Сталиным Черчиллю 2 марта 1943 г., было выражено желание советского правительства к улучшению отношений СССР с Турцией (Переписка... Т. I. С. 114). В этом же послании Сталин сообщил, что 24 февраля он получил переданные британским послом А.К. Керром три документа: «1. Конспект заявлений, которые Премьер-Министр сделал Президенту Исмету и турецкой делегации на конференции в Адане». 2. «Согласованные выводы англо-турецкой конференции, состоявшейся в Адане 30–31 января 1943 г.» 3. «Записка о послевоенной безопасности». Текст документов см: Там же. Примеч. 50. С.444–445. О конференции в Адане см.: Там же. № 105, 108–111, 115.

²² Серьезный характер с 1941 г. приобрели разногласия между двумя западными союзниками, обусловленные нежеланием Великобритании ликвидировать систему имперских преференций без согласия США на снижение тарифов. Вскоре после принятия закона о ленд-лизе правительство США вступило в переговоры с британцами о возможных компенсациях за свои поставки. 28 июля 1941 г. помощник госсекретаря Д. Ачесон вручил прибывшему в Вашингтон Дж.М. Кейнсу амери-

канский проект временного соглашения о ленд-лизе. Статья VII его касалась «улучшения» международных экономических отношений на основе отказа обеих стран – США и Великобритании – от дискриминации в торговле. Отвечая на вопрос Кейнса, Ачесон признал, что эта статья имеет в виду британские имперские преференции (FRUS. 1941. Vol. 3. Wash., 1949. P. 10–15). Американский проект был отвергнут. На Вашингтонской конференции «Аркадия» (декабрь 1941 г. – январь 1942 г.) Черчилль уклонился от дискуссии по поводу статьи VII и проекта о ленд-лизе в целом; в Лондоне против него решительно возражало правое крыло консерваторов. Ф. Рузвельт решил пойти на уступку и в своем послании Черчиллю от 11 февраля 1942 г. подчеркнул, что совершенно не имел в виду использовать ленд-лиз как оружие в борьбе против имперских преференций и что проект статьи VII не содержал никаких обязательств об их отмене (*Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 2. С. 100). В конце концов британский военный кабинет принял решение подписать предложенный проект. Статья VII англо-американского соглашения от 23 февраля 1942 г. предусматривала одной из целей «устранение всех форм дискриминации в международной торговле и снижение тарифов и других торговых барьеров». В палате общин на следующий день К. Эттли, уточняя формулировку «устранение дискриминации», уверял, что ни одна из сторон не взяла на себя до начала дальнейшего обсуждения обязательства о снижении тарифов и преференций. Проблема тем не менее находилась в центре внимания всех последующих англо-американских переговоров (*Sayers R.S. Financial Policy 1939–1945. L., 1956. P. 413*).

²³ В докладе У. Бевериджа «Социальное страхование и смежные службы» (*Beveridge W. Social Insurance and Allied Services. L., 1942*) намечалась широкая программа реформ: поддержание полной занятости, создание национальной системы здравоохранения, страхования и другие государственные социальные меры. Впоследствии этот документ рассматривался как «черновой проект британского государства всеобщего благосостояния» (*Харрис Ж.* Великобритания: Народная война? // Союзники в войне 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995. С. 255, 262; *Harris J. William Beveridge: A Biography. Oxford, 1977. Ch. 16, 17*). Заложенные в основу доклада Бевериджа кейнсианские идеи социальной и финансовой политики получили развитие в правительственных документах (Белой книге 1944 г. и др.) (*Pugh M. A History of Britain, 1789–2000. L., 2001. P. 227–228*).

²⁴ Помимо Идена, другие члены кабинета также выступили на массовых митингах. В Кембридже приветственную речь произнес председатель Совета лорд Дж. Андерсон, в Оксфорде – министр информации Б. Бракен, в Манчестере – министр колоний О. Стэнли. В Бристоле первый лорд адмиралтейства А.В. Александер, сотрудники советского посольства, мэры 28 английских городов в традиционных регалиях прошли по улицам, направляясь на массовый митинг. В лондонском Альберт-холле собрались видные представители партий, деятели искусства (Джон Гилгуд, Лоуренс Оливье и др.).

²⁵ Перевод:

«ПОСЛАНИЕ (митингу в Альберт-холле по случаю 25-летия Красной Армии)

От имени Вооруженных Сил Советского Союза я приветствую и благодарю всех граждан Великобритании, мужчин и женщин, которые оказали почести по случаю 25-летия Красной Армии. Эта демонстрация дружеских чувств британского народа к Армии и советскому народу укрепляет нашу уверенность в приближении того момента, когда Вооруженные Силы наших стран совместными наступательными операциями разобьют нашего общего врага. Иосиф Сталин. 21 февраля 1943 г. (опубл. текст телеграммы И.В. Сталина митингу в Лондоне 23 февраля 1943 г. см.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 487–488).

²⁶ Церемония передачи почетного меча – дара короля Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города состоялась 29 ноября 1943 г. на Тегеранской конференции руководителей СССР, Великобритании и США.

²⁷ Запись беседы В.М. Молотова с А.К. Керром 20 февраля 1943 г. см.: В.М. Молотов – И.М. Майскому. 26 февраля 1943 г. Из публикации Филева А.И. «Новые документы из архива МИД России» (Международная жизнь. 2001. № 8. С. 70–71).

²⁸ В записи беседы Молотова с Керром указано: посол сказал, «что американское правительство составило собственный проект по этому вопросу и ознакомило с ним малые союзные страны. Британское правительство предлагает, чтобы правительства США, Англии и СССР выработали на основании этих двух проектов единый проект» (Там же. С. 70–71).

²⁹ В докладе Сталина от 6 ноября 1942 г. утверждалось: «У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию». Первая задача Советской армии – уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей.

Вторая задача – уничтожить гитлеровскую армию и её руководителей, третья задача – разрушить ненавистный “новый порядок” в Европе и наказать его строителей” (см.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 81–82).

³⁰ Полную советскую запись беседы Сталина с Иденом в Москве 16 декабря 1941 г. см.: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 37–49.

³¹ 26 февраля 1943 г. Молотов сообщил Майскому следующий факт: «Ответ Премьера И.В. Сталина на письмо британского посла г[на] Керра: Получил письмо посла г[на] Керра от 21 февраля с. г., где изложены вопросы, требующие моего ответа с разъяснением некоторых мест в моей речи от 6 ноября 1942 года, касающихся Германии...»

Я думаю, что для выяснения вопросов, касающихся разоружения Германии и способов обуздания последней, и для достижения единства в этой области (как и в других областях) существует единственно правильный метод – встреча официальных представителей обоих государств и достижение соглашения, обязательного для обеих сторон. Именно такой метод был предложен британскому правительству в бытность г[на] Идена в Москве в декабре 1941 года, но британское правительство не пошло тогда на это дело, не желая себя связывать каким-либо соглашением. Если, однако, в настоящее время британское правительство считает нужным устроить такую встречу и добиться соглашения с советским правительством по вопросу о судьбах Германии или других государств, то советское правительство готово пойти навстречу. 24 февраля 1943 года». (Из публикации Филева А.И. «Новые документы из архива МИД России» // *Международная жизнь.* 2001. № 8. С. 72).

Обмен мнениями в Москве 20–25 февраля 1943 г. между Сталиным, Молотовым и Керром по поводу послевоенного обращения с Германией см.: СССР и германский вопрос: 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 2-х т. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М., 1996. Примеч. 192. С. 700.

Керр заявил Молотову 25 февраля 1943 г., что он ещё раз прочитал ответ главы советского правительства и «пришёл к выводу, что мы стоим на общей почве... Единственное несоответствие состоит в том, что британское правительство говорит о консультации между тремя державами, в то время как Сталин имеет в виду две державы». Молотов ответил, что «американцы не ставили этого вопроса перед советским правительством» (Там же. Примеч. 192. С. 700).

³² Газета «Известия» 2 марта 1943 г. опубликовала ответ ТАСС на заявление польского эмигрантского правительства от 25 февраля 1943 г. В сообщении ТАСС излагалась позиция советских руководящих кругов относительно государственной принадлежности территории Западной Украины и Западной Белоруссии (см.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений.* Т. VII. 1939–1943. М., 1973. С. 350–351.)

³³ Либерум вето (лат.) – свободное «запрещаю» – право любого члена сейма Речи Посполитой опротестовать постановление сейма (для принятия требовалось единогласие). Впервые применено в 1652 г., отменено в 1791 г.

³⁴ В Великобритании и США проявляли большой интерес к вопросам послевоенного устройства мира. 28 октября 1942 г. Рузвельт намекнул британскому послу в Вашингтоне лорду Галифаксу на желательность начать переговоры по этим вопросам. В Лондоне было решено направить в США министра иностранных дел для ознакомления с их планами. В собственные цели правительства Черчилля входило выведение из строя держав-агрессоров, реставрация старых политических режимов в оккупированных странах, восстановление выгодного для Британии баланса сил в Европе, позиций ведущей мировой и колониальной державы.

Незадолго до поездки в США, 17 февраля 1943 г. Иден обрисовал Майскому тематику переговоров (см. с. 221). За день до отбытия в Вашингтон министр вновь имел разговор с советским послом. Смысл намеченного визита в США не ограничивался, впрочем, теми задачами, которые Иден обрисовал на этих двух встречах с Майским. Л. Вудворд, например, полагает, что Британия стремилась заранее связать обязательствами союзные страны, особенно Советский Союз, опасаясь, что он мог продвинуть армии за пределы своих границ (*Woodward L. Op. cit. Vol. V. P. 9,13*). Переговоры, как пояснил к тому же американский историк Г. Фейс, были необходимы, ибо без согласования с правительством США исключалось принятие любых решений (*Feis H. Churchill. Roosevelt. Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton University Press, 1967. P. 119–120*). Что касается Майского, то он считал важным (так же как и М.М. Литвинов и Ст. Криппс) возможно быстрее приступить к обсуждению послевоенных проблем и зафиксировать общие позиции в виде четких межсоюзнических отношений (Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1993. С. 119). Любопытно мнение британского историка Дж. Робертса о том, что Майский острее Литвинова воспринимал идеологическую направленность

советской внешней политики и ее возможное влияние на отношения СССР с Великобританией и США (*Roberts G. Stalin's War... L., 2006. P. 232*). Советскую точку зрения в отношении будущего Германии, границ Польши и других важных вопросов Майский изложил Идену на упомянутой встрече 10 марта 1943 г. (см.: *Woodward L. Op. cit. Vol. II. P. 621–622*). В Дневнике Майского эта часть беседы с Иденом не отражена.

³⁵ В беседе с Иденом 10 марта 1943 г., как подтвердил Л. Вудворд, Майский заявил, что советское правительство не приветствует поощряемый британским правительством план создания Балканской федерации (*Woodward L. Op. cit. Vol. II. P. 622*). О взглядах Форин оффис на этот счет см.: *Ibid. Vol. V. P. 18–20*. На Московской конференции министров иностранных дел трех держав вопрос обсуждался 26 октября 1943 г. Заявление по поводу федерации огласил В. М. Молотов, подчеркнув опасность преждевременного и возможно искусственного прикрепления малых стран «к теоретически запланированным группировкам». В тот же день текст заявления был передан английской и американской делегациям, а затем включен в секретный протокол конференции 1 ноября 1943 г. (см.: *Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. № 50. С. 193–195; № 95. Приложение № 7 к секретному протоколу конференции. С. 355–356*). За снятие вопроса о региональных объединениях в Европе высказалась и американская делегация на конференции (см.: *Филитов А. М. Советское руководство и Европейская интеграция (40-е – начало 50-х годов) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 125*).

³⁶ Дата упомянутой в дневнике Майского речи вице-президента США Г. Уоллеса не установлена. В российской историографии Уоллес отнесен к числу ближайших единомышленников Рузвельта, самых активных сторонников скорейшей выработки конструктивных решений по вопросам послевоенного мирного устройства. Произнесенная Уоллесом 8 мая 1942 г. речь под названием «Цена победы свободного мира» («Век простого человека») рассматривается в плане развития рузвельтовского либерализма, идеологии социальных перемен (*Мальков В. Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 415, 430–431*).

³⁷ В начале 1941 г. американский миллионер и владелец крупных журналов «Time» и «Life» Г. Люс опубликовал статью «Американский век», позже под этим же названием вышла его книга (*Luce H. American Century. N.Y., 1941*). Люс призывал распространить влияние США на весь мир для достижения своих целей. «XX век... – писал он, – должен стать в значительной мере американским веком» (цит. по: *История США. В 4-х т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1985. Т. 3. С. 329*). Концепции Люса противопоставлял свои взгляды именно Г. Уоллес (*Мальков В. Л. Указ. соч. С. 430*).

³⁸ «20 или 21 февраля 43 г. (точно).

На официальных торжествах по поводу годовщины Красной Армии, состоявшихся в конце недели, Литтлтон представлял в Тайнсаиде военный кабинет. Лорд Ридли, заместитель главного уполномоченного, дал обед в его честь. В ходе разговора за обедом Литтлтон заявил, что до войны мы страдали от слишком большого умиротворения Гитлера; теперь, кажется, мы идем на слишком большое умиротворение Сталина.

В конце обеда Литтлтон сказал, что было абсурдно и смешно направлять подобных ему людей в Тайнсаид, чтобы отметить деятельность людей, которые убили российскую императорскую семью.

Вышеизложенное подтверждено сочувствующим лицом, которое присутствовало на обеде (имя лица не названо – *Сочт.*).

³⁹ Сталин характеризовал неожиданное решение о приостановке конвоев «как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США...» (Переписка... Т. 1. № 38. С. 131).

⁴⁰ В порядке «компенсации» Черчилль в беседе с Майским поделился разведывательной информацией о подготовке немцами в ближайшем будущем главного удара в районе Курска. Однако в последующих посланиях Сталину британский премьер пытался внушить другую мысль – будто летнего наступления против России Гитлер не предпримет (*Соколов В. В. Сталин и Черчилль – друзья и союзники поневоле // Война и общество. 1941–1945: в 2-х кн. / Гл. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 1. С. 235*).

⁴¹ Александр Верт – британский журналист и писатель, корреспондент агентства Рейтер, Би-Би-Си, газеты «Санди Таймс» в Москве в 1941–1946 гг. С июля 1941 г. автор лондонских радиопередач о России. В 1942 г. опубликовал книгу «Moscow, 41» («Москва, 1941»). Широкую известность приобрело его произведение «Russia at War 1941–1945» (L., 1964) («Россия в войне 1941–1945»). М., 1965).

⁴² Клементина Черчилль являлась председателем медицинского фонда «Помощь России», созданного в октябре 1941 г. при английском Обществе Красного Креста. Как отметил Черчилль в посланиях Сталину от 11 апреля 1943 г. и 14 апреля 1945 г., уже в 1943 г. сумма фонда приближалась к 3 млн фунтов стерлингов и была образована не только пожертвованиями богатых, но главным образом пенсами бедных, «которые были горды тем, что еженедельно делали свои небольшие взносы» (Переписка... Т. 1. № 144, 420. С. 137, 370). В знак признания больших заслуг К. Черчилль была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

⁴³ Агния Александровна Майская в течение двух лет, до середины 1943 г., возглавляла созданный при посольстве СССР в Великобритании общественный фонд помощи Красного Креста СССР. Супруга посла получала активную поддержку со стороны советской колонии в Лондоне, использовала в интересах фонда знакомства со многими дружелюбно настроенными к СССР британцами. Ценную помощь она получала со стороны К. Черчилль. «Оба «фонда» – «посольский» и «премьерский», – подчеркивал И.М. Майский, – работали без взаимной борьбы и конкуренции». (Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 293–299).

⁴⁴ Американское правительство официально сохраняло нейтралитет до нападения Японии на Пёрл-Харбор (8 декабря 1941). Но фактически пересмотр законодательства о нейтралитете, принятого в 1935–1937 гг., начался ещё с сентября 1939 г. Он ускорился после капитуляции Франции, установления контроля нацистской Германии над большей частью Европы и принятия Конгрессом США закона о ленд-лизе 11 марта 1941 г. Это было обусловлено несовместимостью программы держав-агрессоров с интересами американских правящих кругов. Посол США в Москве Л. Штейнгардт заявил 24 мая 1941 г. А. Вышинскому: «США не могут допустить, чтобы Германия контролировала весь мир, чтобы она подчинила своему влиянию все страны и безраздельно распоряжалась всеми мировыми ресурсами» (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2, ч. 2. М., 1998. С. 698). Программа поставок по ленд-лизу Великобритании, Советскому Союзу и ряду других стран, как и курс нейтралитета в целом, призваны были обеспечить глобальные цели США в войне, максимально отсрочить их вступление в войну и ограничить участие в вооруженной борьбе с Германией и Японией. Помощь Великобритании, как отметил руководитель программы ленд-лиза заместитель государственного секретаря США в 1943 г. Э.Р. Стеттиниус, не стала просчетом Америки: «не требуя серьезных затрат, она принесла ей «огромные дивиденды» (см.: *Stettinius E.R. Lend-Lease: Weapon for Victory*. N.Y., 1944. P. 323).

⁴⁵ 27 марта 1943 г. Черчилль сообщил Сталину о назначении генерал-лейтенанта Г. Мартеля главой британской военной миссии в СССР (Переписка... Т. 1. № 133. С. 127–128).

⁴⁶ Во время визита Идена в Вашингтон (12–30 марта 1943 г.) состоялся обмен мнениями по важнейшим политическим вопросам, связанным с ведением войны и устройством послевоенного мира. В переговорах с британским министром приняли участие президент Рузвельт, госсекретарь К. Хэлл, Г. Гопкинс и другие государственные деятели США (текст записок Гопкинса о его участии в переговорах с Иденом и другие относящиеся к этому документы опубликованы в кн.: *Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца* / Пер. с англ. М., 1958. Т. 2. С. 375–394). Повестка дня Вашингтонских переговоров действительно, как это показано и в дневнике Майского, охватывала широкий круг тем – как военно-экономических, так и в основном касавшихся позиции США после войны, их участия в международных делах. По собственным словам Идена, он был рад услышать заявление президента о том, что американские войска останутся в Германии после ее разгрома, что США не вернутся после войны к изоляционизму (FRUS. 1943. Wash., 1963. Vol. 3. P. 26–27, 36). О своих переговорах с американским руководством Иден, еще находясь в Вашингтоне, информировал покидавшего свой пост советского посла в США М.М. Литвинова (СССР и германский вопрос 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 2-х т. Т. 1. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М., 1996. № 45. С. 214). Литвинову об этих переговорах сообщил также К. Хэлл, подчеркнув стремление правительства США сотрудничать с СССР в послевоенный период (*Feis H. Churchill – Roosevelt – Stalin*. P. 125). По возвращении Идена в Лондон Майский кратко информировал 8 апреля 1943 г. Москву о полученных им от британского министра сведениях оперативно-военного порядка (Советско-английские отношения... Т. 1. № 205. С. 363–364). Содержание своих бесед с Иденом и переданной им информации о переговорах в США Майский изложил в телеграмме в НКВД СССР 13 апреля 1943 г. (Там же. № 209. С. 367–373). Посол составил и более подробное донесение (датировано 3 мая 1943 г.). Запись бесед Майского с Иденом 7 и 12 апреля 1943 г. см.: СССР и германский вопрос... Т. 1. № 44. С. 201–213.

Рузвельт, извещая Черчилля о трёх своих встречах с Иденом, утверждал: «Интересен тот факт, что мы, по-видимому, пришли к соглашению по примерно 95 процентам всех вопросов –

неплохое среднее число» (*Churchill W.S. The Second World War. Vol. IV. P. 662*). У.Ф. Кимболл в комментариях к обмену телеграммами между премьер-министром Великобритании и президентом США лаконично оценил переговоры с Иденом как «ценные и содержательные» (*Churchill and Roosevelt... Vol. II. P. 178*). «Среднее число», названное американским президентом, было все же преувеличено. Между политическими планами двух западных союзников, так же как между британским премьер-министром и Форин оффис, имелись существенные различия (Мировые войны XX века. М., 2005. Кн. 3. С. 293–296).

⁴⁷ В газете «Известия» 16 апреля 1943 г. появилось сообщение Совинформбюро о ложных сведениях нацистов относительно обнаружения в Катынском лесу близ Смоленска массовых захоронений польских граждан, в основном военноопленных, якобы расстрелянных советскими властями. После длительного расследования 13 апреля 1990 г. было опубликовано сообщение ТАСС о том, что архивные материалы «позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных» (Катынь 1940–2000: Документы. М., 2001. С. 580–581; Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 3. С. 26).

Польский историк Э. Дурачински, далекий от одобрения политики Сталина, напоминает: «В польско-советских отношениях было много драматичных и трагических событий. Но рядом с ними прочное место заняли также сражения солдат Красной Армии с вермахтом, которые они вели на польских землях в 1944–1945 годах. В них потеряли жизнь около 630 тыс. советских солдат и офицеров. Память об их жертве должна остаться неотъемлемой частью польско-советских отношений и отношений сегодняшней Польши с сегодняшней Россией». См.: *Дурачински Э. Исход войны в Европе и судьба Польши // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 227.*

⁴⁸ После распространения нацистами сообщения о Катыни польское эмигрантское правительство заявило о своем обращении в Международный Красный Крест с просьбой произвести расследование. Воспользовавшись этим, германское правительство в тот же день объявило, что аналогичную просьбу оно адресует Международному Красному Кресту (*Woodward L. Op. cit. Vol. 2. P. 626*).

⁴⁹ В телеграмме НКВД СССР Майскому еще 3 июля 1941 г. подчеркивалось, что советское правительство стоит за восстановление чехословацкого государства (Советско-английские отношения... М., 1983. Т. 1. С. 83). 18 июля 1941 г. между правительством СССР и эмигрантским правительством Чехословакии было заключено соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о взаимной помощи в войне против Германии. Тем самым ЧСР получила признание своего домюнхенского статуса. Дополнительным соглашением от 27 сентября 1941 г. предусматривалось формирование на территории СССР национальных воинских частей. Чехословацкий батальон под командованием подполковника Л. Свободы вступил в первый бой с немецко-фашистскими войсками под Соколово в районе Харькова (*Марьина В.В. Чехи и словаки в годы Второй мировой войны и советско-чехословацкое военное сотрудничество // Чехия и Словакия в XX веке. М., 2005*).

⁵⁰ Л. Вудворд пишет о слухах из турецких источников в апреле 1943 г. о якобы состоявшихся незадолго до того в Бухаресте секретных переговорах между Россией и Германией о мире. Форин оффис известил об этом Молотова, который заявил: советскому правительству не было адресовано никакого запроса; если бы какой-либо германский агент и обратился по этому поводу, то советское правительство «послало бы его ко всем чертям» (*would send him to all the devils*) (*Woodward L. Op. cit. Vol. IV. P. 560, note 1*).

⁵¹ Послание Черчилля Сталину от 24 апреля 1943 г., в котором премьер-министр подчеркнул нежелательность публичного сообщения о принятом Москвой решении прервать отношения с польским эмигрантским правительством, см.: *Переписка... Т. 1. С. 143*. Сталин на следующий день ответил, что без публикации советского документа о перерыве отношений с этим правительством, «к сожалению, никак невозможно обойтись» (Там же. С. 144). Ноту советского правительства о решении прервать отношения с польским эмигрантским правительством, переданную 25 апреля 1943 г. польскому послу Т. Ромеру, см.: *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1946. Т. 1. С. 346–347*.

⁵² «СВН» («Советские военные новости» – «Soviet War News») – бюллетень посольства СССР в Лондоне, издавался с 11 июля 1941 г. под редакцией известного советского журналиста и писателя С.Н. Ростовского (псевдоним – Эрнст Генри).

⁵³ Британское правительство не было заинтересовано в обострении кризиса в связи с катынским делом, ибо это могло неблагоприятно повлиять на советско-английские отношения, состояние которых и так осложнилось с получением Сталиным послания Черчилля от 30 марта 1943 г. об отмене до сентября этого года отправки союзниками конвоев в СССР. Черчилль уверял Ста-

лина, что британский кабинет полон решимости «навести должную дисциплину» в польской прессе в Великобритании (Переписка... Т. 1. № 154. С. 147; *Gilbert M. Road to Victory 1941–1945*. L., 1986. Vol. VII. P. 389). Форин оффис 26 апреля 1943 г. ориентировал британскую прессу на то, чтобы не придавать слишком большого значения перерыву в отношениях СССР с Польшей (*Bell P.M.H. John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941–1945*. L., 1990. P.115–116, 120). Что касается влияния катынского дела на британское общественное мнение, то, считает Ф.Белл, оно было ограниченным: пресса подняла лишь немного вопросов, «члены парламента сохраняли спокойствие», правительственная политика шла в ногу с главной тенденцией общественного мнения, с его сильными настроениями в пользу Советского Союза и не расположена была ставить их под угрозу слишком близким к истине расследованием катынского дела (*Bell P.M.H. Op. cit. P. 126–127*).

⁵⁴ Беатриса и Сидней Веббы были искренними почитателями советской системы и идеологии. Незадолго до своей смерти Б. Вебб записала в дневнике: «Мы прожили жизнь, которая нам нравилась, и выполнили работу, какую намеревались совершить; и мы доказали свою правоту о советском коммунизме: новая цивилизация» (*The Diary of Beatrice Webb. Vols.1–4. Cambridge, (Mass.), 1982–1985. Vol. 4. P. 495 (1943, 22 Jan)*). О Веббах см. также примеч. 56–57.

⁵⁵

«Шоу говорит: Я обычно там не бывал»

ЭТОТ ДЕНЬ МАЯ

Я достаточно стар, чтобы помнить о том времени, когда старый праздник Дня Мая был адаптирован к лейбористскому движению как крупная демонстрация солидарности пролетариев всех стран, которых Карл Маркс призвал к объединению. Тогда я находился на вершине моего ораторского искусства и был известен как вдохновитель единственного социалистического общества, которое было свободно от внутренних раздоров и которое продержалось до настоящего дня (Фабианское общество). Поэтому я не только присутствовал на первых массовых митингах в Гайд-парке, но и как-то развлекал моими речами с трибуны...»

Вслед за этим Шоу вспоминает о знакомстве с Ф. Энгельсом на митинге в Гайд-парке, а также о различии празднования 1 Мая в Британии и в других странах.

«...День Мая рабочих был вначале большим успехом: казалось, что пролетарии всех стран на самом деле наконец соединяются. Но вскоре это стало обычной историей: единство их сплотило, но в момент объединения они начали расходиться.

День Мая был хорош, если он приходился на воскресенье. Но как же быть, если он приходился бы на день недели, как это случалось шесть раз из семи? Должны ли были рабочие из-за этого терять дневную зарплату, когда можно было просто отмечать праздник в первое воскресенье мая? Да, кричали марксисты-твердолобые; нет, – вероятно, ответило бы такое же количество британцев. Значение Дня Мая уменьшалось в процессе перебранки.

Я не беспокоился, так как хорошо знал, что массовые митинги, демонстрации и речи с трибуны являются для капитализма клапаном безопасности; они выпускают пар, когда он достигает угрожающей точки взрыва. Последний раз я столкнулся с этим на Международном социалистическом съезде в Цюрихе в 90-е годы, когда дело дошло до спора между британцами и жителями континента, которым приходилось трудиться по воскресеньям, как и в прочие дни недели.

Съездом руководила, как обычно, Германская демократическая партия, возглавляемая Вильгельмом Либкнехтом, который уже тогда являлся старым парламентарием, и Августом Бебелем, необычайно опытным и красноречивым оратором из всех тех, кого я, подобно другим, слушал. Они стремились добиться единогласного решения съезда в пользу Дня Мая. Соответственно бюро, где они преобладали, выдвинуло резолюцию на трех рабочих языках съезда. Переводы были составлены таким образом, чтобы побудить британскую секцию думать, что это было голосование за первое воскресенье мая, а жителей континента – считать, что они голосуют за День Мая. Хитрость не удалась, т.к. британцы ее не поняли и выступили против резолюции, полные решимости как-нибудь противостоять».

В заключение подчеркивается различие между взглядами Ф. Энгельса и членов Фабианского общества, упоминается о знакомстве Шоу с В.И. Лениным.

⁵⁶ Май 3. 1943

Леди Пассфилд

Дань уважения г[-на] Майского

Г[-н] Майский пишет:

Я встретился с миссис Вебб впервые – духовно – более 40 лет назад, когда в бытность молодым студентом приобрел в одной из московских книжных лавок русский перевод книги Б. Вебб

и ее мужа «История британского тред-юнионизма». Эта работа произвела на меня глубокое впечатление. В последний раз я встретился с миссис Вебб – физически – лишь несколько недель назад, когда вместе с моей женой нанес визит в загородный дом Веббов в Лопхуке. Эта последняя встреча также произвела на меня сильное впечатление, т.к. при нашем отъезде миссис Вебб сказала: «Мое завещание британскому народу таково – сохранять возможно более тесную дружбу с советским народом. Без этого я не вижу будущего».

На период между двумя этими событиями, отделенными более четырьмя декадами, приходится мое знакомство с миссис Вебб. В течение долгого времени оно подпитывалось моим чтением различных книг и публикаций, выпущенных ею одной и совместно с ее мужем. И в последние 10 лет это знакомство, постепенно выросшее в очень тесную дружбу, сильно подкреплялось частым личным общением, которое навсегда останется одним из лучших воспоминаний о пребывании в Англии.

Я всегда испытывал огромное восхищение миссис Вебб и, как это нередко бывает, это восхищение усиливалось по мере того, чем больше я ее узнавал. Я восхищался силой и ясностью ее ума, ее удивительным знанием людей и вещей, ее проникновенным видением крупных проблем, которые сегодня стоят перед человечеством. Наиболее удивительным из присущих ей качеств являлись, вероятно, свежесть и гибкость ее ума, что можно лучше всего показать по изменениям, произошедшим в последний период жизни. Являясь старым (age-long) фабианцем, она со своим мужем (в возрасте 74 лет) проявляла величайший интерес к СССР и в результате пришла к выводу о том, что советский коммунизм – это новая цивилизация, которая должна сменить капиталистическую цивилизацию и в конце концов охватить весь мир. Это чрезвычайно редкое явление среди европейских социалистов.

Проницательность и дальновидность миссис Вебб иногда удивляли своим почти пророчеством. Я вспоминаю, как в середине мая 1940 г., в дни Седана, я спросил ее, что предпримет Британия в случае падения Франции. Без тени колебания она ответила: «Мы продолжим борьбу, что бы ни произошло, у нас нет другого выхода, и в конце концов мы победим, как это случилось с нами в наполеоновский период».

Вскоре после нападения Германии на СССР, когда столь многие лица придерживались мрачных взглядов на наше будущее, я спросил м-с Вебб, что она думает на этот счет. Вновь и без колебаний она ответила: «Советский Союз выйдет из этой борьбы победителем». И позже она невероятно радовалась, когда ход войны доказал ее веру в СССР.

М-с Вебб была самой удивительной женщиной, какую я когда-либо встречал в Британии, и я ощущаю ее уход как большую потерю. Мое единственное утешение в том, что ее завещание дружбы между британским и советским народами останется в дальнейшем живой и длительной реальностью.

⁵⁷ Г. Уэллс сравнивает кончину Б. Вебб с исчезновением крупной планеты с его собственного жизненного небосклона. Вспоминает, что его знакомство с Веббами произошло 40 лет назад, когда супруги прибыли к нему на велосипеде, чтобы завербовать в Фабианское общество. Начался, как пишет Уэллс, длительный конфликт, обусловленный различием темпераментов, который много лет назад перерос в дружбу. Уэллс рассказывает о жизненном пути и творчестве этой удивительно одаренной и работоспособной женщины, ее общении с видными интеллектуалами и прежде всего о долготелнем и плодотворном творческом союзе с Сиднеем Веббом. «Одной-единственной ценной книгой для чтения о сегодняшней России, если вы захотите узнать, что представляет из себя сегодня Россия, – заканчивает статью Уэллс, – является последняя книга этих двух отлично сотрудничавших лиц, которая выдержала третье издание. Ее название – “Советский коммунизм – новая цивилизация?” И я обращаю ваше внимание на то, что знак вопроса составляет суть названия... В историю человеческой мысли Веббы внесли вечное имя».

[От сост.: Г. Уэллс являлся членом Фабианского общества в 1903–1909 гг. О спорах Уэллса с фабианцами см.: *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма / Пер. с англ. М., 1989. С. 454–455. Следует заметить, кроме того, что в последнем изданном при жизни Б. Вебб произведении о советском коммунизме знак вопроса был снят. См.: *Webb S. and B. Soviet Communism – A New Civilization.* L., 1942].

⁵⁸ 17 мая

Разговор на конференции журнала «The Economist» 10 мая о победе в Тунисе и о последующих этапах.

Джеффри Кроузер (редактор) полагает, что война с Германией может закончиться в этом году. В интересах союзнической стратегии было бы лучше, если бы Германия начала решительное наступление на Востоке и была бы полностью разбита.

М-с Мэтьюс (жена Питера Мэтьюса, который работает в Чагам-хаус [Королевский институт международных отношений]) высказала мысль, что это могло бы также привести к разгрому русских.

Дейчер (поляк, эксперт по СССР, автор недавно опубликованных антисоветских статей о польско-советских отношениях) заявил, что продовольственное положение СССР было очень плохим и что они не могли изменить это.

Кроузер заявил, что мы, конечно, со всей симпатией отнеслись бы к русским, но в перспективе, с точки зрения будущего Европы, это может также стать лучшим вариантом событий.

Барбара Уорд (римская католичка, помощник редактора, автор антисоветского памфлета о внешней политике России, друг Джеффри Уилсона) – «Хорошо, что здесь нет Ротштейна».

НВ.: Кроузер – большой друг Литтлтона и Моррисона. Цензура опротестовала статьи Дейчера.

⁵⁹ Информация о роспуске Коммунистического Интернационала была опубликована 15 мая 1943 г., предложение Президиума ИККИ на этот счет – 22 мая 1943 г. Подробнее о подготовке и обстоятельствах роспуска см.: Коминтерн и Вторая мировая война. Часть II: после 22 июня 1941 г. / Отв. ред. К.А. Андерсон, А.О. Чубарьян. Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. М., 1998. С. 57–68, 352–370.

⁶⁰ **Перевод:**

«Я получил от Вас просьбу ответить на вопрос, касающийся роспуска Коммунистического Интернационала. Посылаю Вам свой ответ.

Вопрос: «Британские комментарии по поводу решения о ликвидации Коминтерна были весьма благоприятными. Какова советская точка зрения на этот вопрос и на его влияние на будущее международных отношений?»

Ответ: «Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

А) он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой лжи отныне кладется конец.

Б) он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

В) он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь – для развертывания борьбы против фашизма.

Г) он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия.

Я думаю, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией.

Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета.

С уважением

И. СТАЛИН

28 мая 1943 года»

(См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 104–105.)

⁶¹ Р.О. Батлер на посту министра играл в дальнейшем большую роль в принятии закона, который предусматривал увеличение числа учащихся в «классических средних школах», повышение возраста школьников до 15 лет. См.: Addison P. The Road to 1945. British Politics and the Second World War. L., 1975. P. 238–239.

⁶² Путем объединения Французского национального комитета (руководящий орган движения Сражающаяся Франция), с одной стороны, и военного командования и гражданской администрации Алжира – с другой, был учрежден Французский комитет национального освобождения (ФКНО). В декларации ФКНО, опубликованной 3 июня 1943 г., председателями комитета были названы генералы де Голль и Жиро, членами – генералы [А.Ж.] Жорж и [Ж.А.] Катру, Р. Массиг-

ли, Андре Филип и Жан Монне. Комитет объявлялся центральной французской властью. См.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 206.

⁶³ В конце 1943 г. генерал де Голль сосредоточил в своих руках единоличную власть в ФКНО (Смирнов В.П. История Франции в XX веке. М., 2001. С. 174).

⁶⁴ Перевод:

«Мистер Майский, советский посол, написал серию воспоминаний, и, по моим сведениям, они недавно появились в советском журнале *Novii Mir*, в переводе – “Новый мир”» [1943, № 2/4. С. 84–104]. Они охватывают период школьных дней г-на Майского в возрасте приблизительно от 15 до 18 лет. Он был школьником в небольшом сибирском городе Омске, где его отец служил военным доктором и где он воспитывался и учился до тех пор, пока не уехал поступать в Санкт-Петербургский университет.

Секретные листовки

В воспоминаниях описываются жизнь в небольшом провинциальном городе конца прошлого века, жизнь в средней школе и тайные кружки, которые старшие школьники создавали для чтения передовой литературы. Они повествуют о начале политического мышления и оппозиции царскому режиму. Борьба развернулась между старшими школьниками и реакционными педагогами: прогрессивные учителя были исключением.

Эти воспоминания являются важным историческим документом. Они показывают постепенное распространение и проникновение революционных идей даже в такие отдаленные уголки, как Омск. Так формировались те силы, которые через какие-то 20 лет покончили с автократией царя.

Влияние Вебба

Описав дискуссии и брожение умов в школе, г-н Майский рассказывает, как он с группой молодых окончивших школу ребят отправился в Санкт-Петербург. В Москве мимоходом он впервые ознакомился с книгой Вебба «История тред-юнионизма», которая произвела большое впечатление и во многом определила будущее мышление и действия человека, который теперь является советским послом в Лондоне.

Г-н Майский – знаток и любитель русской литературы. По словам моего московского информатора, он внес в нее значительный вклад.

⁶⁵ [Перевод:]

«Копия записи беседы с Ч[ерчиллем] 9.6.43 (англ[ийская] версия)».

«Г-н Майский спросил премьер-министра, что в 1943 г. надеются осуществить Великобритания и Соединенные Штаты.

Премьер-министр сказал: нашей целью являлось вывести Италию из войны. Мы полагали, что для этого имели достаточно сил. В Африке находились 9 американских дивизий и возможно в 3 раза больше этого числа британских (дивизий) находились во всем Средиземноморье и на Среднем Востоке, кроме Персии. Мы располагали также достаточным количеством самолетов.

Премьер-министр заявил, что, по его мнению, это явится большой помощью России. Считается, что в настоящее время 31 итальянская и 11 германских дивизий находятся на Балканах и на островах Эгейского моря, а 5 итальянских дивизий – во Французской Ривьере. Если Италию принудят выйти из войны, Германия несомненно должна будет направить от 12 до 15 дивизий на Балканы и ей необходимо также защищать фронт на Ривьере и границу в Северной Италии, что явится для нее дополнительной нагрузкой. Необходимые войска потребуются отозвать с Русского фронта или обеспечить за счет предназначенных для этого фронта резервов или снять еще откуда-нибудь значительное количество германских... [пропуск в тексте].

Премьер-министр сказал, что, по его мнению, в течение 1943 г. они должны сильно развить воздушное наступление на Германию. По его подсчетам, это свяжет около 1½ млн германских войск и персонал противовоздушной обороны, рабочих и пр., которые в ином случае находились бы на других фронтах. Он предвидел большое увеличение сил Британской и Американской бомбардировочной авиации в Англии. Наша программа бомбардировок будет непрерывно увеличиваться и к весне 1944 г. станет ужасающей. Это должно оказать ослабляющее воздействие на внутреннее положение Германии и на германскую оборону, например во Франции. Это должно помочь России так же, как и нам самим, в наших десантных операциях будущей весной.

Премьер-министр сказал, что, как он надеется, они смогут предпринять операцию через Ламанш весной 1944 г. Он сожалеет, что пришлось ее отложить, и знает, что русских это разочаровало. Но это лучше, чем они смогут сделать сейчас. По его подсчетам, в (нашем) распоряжении

будут от 32 до 36 полностью укомплектованных дивизий, из них половина британских и половина американских.

Г-н Майский спросил премьер-министра, может ли он предвидеть окончание европейской войны в 1944 г. Премьер-министр дал уклончивый ответ.

Что касается Турции, то, по словам премьер-министра, как только получат развитие военные приготовления против Италии, будет оказан нажим на Турцию. Мы должны попросить ее воздушные и морские базы и в целом необходимо ожидать того, чтобы она расширила свой нейтралитет в нашу пользу.

Премьер-министр дал обнадеживающий отчет об успехах в подводной войне против противника в последние недели. По британским и американским подсчетам, мы могли бы продержаться на уровне ежемесячных потерь в полмиллиона тонн. Потери в последние месяцы были значительно меньше этого, а цифры за текущий месяц еще более благоприятны.

В ответ на вопрос Майского о приоритете восточного и западного театров войны премьер-министр заявил, что общая стратегия союзников осталась неизменной. Противник № 1 – Гитлер. Однако, хотя это была точка зрения правительства Америки, там все же имелась сильная группа, которая придавала большее значение стратегии на востоке, и русским нужно принимать это во внимание [в советской записи беседы сказано: «...и руководящие круги должны считаться с этим» – *сост.*]. Если послушать разговоры непосвященных лиц, можно предположить, что они считают Китай более важным военным фактором, нежели Россию. Эта смехотворная точка зрения, разумеется, не получила поддержки ответственных властей.

Г-н Майский спросил, как американцы рассматривают вопрос о приоритетах при распределении подкреплений на оба театра войны.

Премьер-министр сказал, что он ожидал отправки американцами в Соединенное Королевство 15 или 16 дивизий, четыре из которых прибудут из Северной Африки, но, возможно, меньше будет направлено в Юго-Западную часть Тихого океана, однако он не уточнил цифру.

Г-н Майский спросил, как предполагалось распределить, начиная с теперешнего времени и до декабря, запас возросшей авиационной продукции между двумя театрами. Премьер-министр сказал, что, как он думал, деление будет примерно пополам. Но увеличение станет очень большим.

В заключение премьер-министр сказал, что в Америке его часто спрашивали, почему Россия не принимает участия в войне против Японии. Он всегда отвечал, что у России уже и так хватает дел и что он никогда не просил ее делать больше, хотя, естественно, Россия прекрасно понимает, что Япония играет роль гиены.

9-е июня 1943».

⁶⁶ В сражении у мыса Трафальгар 21 октября 1810 г. британский флот во главе с адмиралом Г. Нельсоном разгромил франко-испанский флот; Нельсон погиб в бою.

Фашодский конфликт между Британией и Францией возник в 1898 г. на почве их борьбы за раздел сфер влияния в Африке (Фашода – селение в Судане).

Вскоре после подписания Францией перемирия с Германией по распоряжению британских властей с целью не допустить перевода французского флота к Германии в Мерс-эль-Кебире близ Орана (Алжир) были затоплены линкор «Дюнкерк», 2 более старых линкора и эсминец (см.: *Батлер Р.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941 / Сокр. пер. с англ. М., 1959. С. 213–220).

⁶⁷ Имеется в виду так называемый Венский арбитраж, оформленный министрами иностранных дел Германии, Италии, Румынии и Венгрии на встрече в Вене 30 августа 1940 г. Под диктовку Германии Румыния обязалась передать Венгрии северную и северо-восточную части Трансильвании, получив взамен «гарантию» своих урезанных границ. Обострение противоречий между Румынией и Венгрией Германия использовала в интересах подчинения своему влиянию обеих этих стран.

⁶⁸ В очередном послании Сталину от 27 июня 1943 г. Черчилль напомнил: до 22 июня 1941 г. «британцы оставались одни» в войне с Германией; с того времени, как Россия подверглась нападению со стороны Гитлера, Британия начала оказывать русским помощь, хотя и в ограниченном объеме. Поэтому премьер-министра «не задевают» упреки в его адрес. Оправдывая решение о проведении «более многообещающей и плодотворной политики на другом театре», Черчилль подчеркивал трудности наступления через Ла-Манш (Переписка... Т. 1. С. 165–166).

⁶⁹ В посланиях Рузвельту и Черчиллю от 11 июня 1943 г. Сталин выразил свое несогласие с объявленным ими решением об отсрочке второго фронта в Европе. Оставив без ответа полученное им послание Черчилля от 27 июня 1943 г., Сталин одновременно отозвал советских послов

в Великобритании и в США. Это был демонстративный политический жест в ответ на решение западных союзников (*Соколов В.В.* Сталин и Черчилль – друзья и союзники поневоле // Война и общество 1941–1945. Кн. 1. С. 436).

⁷⁰ О вызове в Москву Майский 28 июня 1943 г. оповестил Идена, который сразу же связал этот шаг с посланием Сталина по поводу отсрочки второго фронта. В телеграмме из Москвы вызов обосновывался необходимостью участия в обсуждении послевоенных проблем, но Майский сразу же воспринял полученную директиву прежде всего как выражение недовольства британским правительством (*Майский И.М.* Воспоминания советского посла: Война 1939–1943. С. 343–344).

О других причинах Майский ни в воспоминаниях, ни в дневнике не упоминает. Судя по информации А. Кадогана, Черчилль после острого обмена телеграммами со Сталиным о втором фронте не советовал Идену встречаться с советским послом, однако министр выразил такое желание. Позже Иден сообщил Кадогану, что Майский отзывается в Москву для консультаций. «Мне это не нравится», – записал Кадоган (*The Diary of Sir Alexander Cadogan 1938–1945*. P. 539 (1943, 28 June).

⁷¹ Название созданных в НКВД СССР трехсторонних комиссий и фамилии их членов см.: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 18–19; СССР и германский вопрос... 1941–1949. М., 1996. Т. 1. С. 26.

⁷² 11 января 1944 г. Майский направил Молотову обширную записку «О желательных основах будущего мира», заметив, что она может пригодиться как материал при окончательной выработке советской позиции (*Вестник Архива Президента Российской Федерации*. 1995. № 4. С. 124–144). Ожидалось, что после войны Англия «явится фактором стабилизирующего порядка» (*Там же*. С. 139, 142).

⁷³ II Каирская конференция состоялась 2–7 декабря 1943 г. с участием Рузвельта, Черчилля, президента Турции И.Иненю, госсекретаря США и министров иностранных дел Великобритании и Турции. В числе прочего обсуждался вопрос о вступлении Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Правительства СССР и Великобритании еще раньше, 1 ноября 1943 г., подписали протокол о Турции, зафиксировав в ст. 2, что оба правительства в ближайшее время предложат Турции вступить в войну до конца 1943 г. 10 ноября США присоединились к протоколу (Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). С. 27). В беседах с турецким министром иностранных дел Н. Менеменджиоглу Иден 5–8 ноября 1943 г. от имени Великобритании поставил вопрос о предоставлении ей авиабаз, а от имени трех союзных держав – о вступлении Турции в войну в конце 1943 г. Иненю 5 декабря 1943 г. заявил Черчиллю и Рузвельту, что Турция «в принципе» приняла решение вступить в войну (*Eden A. (Lord of Avon). Memoirs. The Reckoning*. L., 1965. P. 418–420). Однако выполнение решения всячески оттягивалось. Переговоры на конференции в Каире ни к чему не привели. Иненю продолжал ссылаться на неподготовленность своей страны (*Woodward L. Op. cit. Vol. IV*. P. 148–149, 157, 164). Турция объявила войну Германии и Японии лишь 23 февраля 1945 г.

⁷⁴ Имеется в виду Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Председателем комиссии являлся Н.М. Шверник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Документальные публикации. Архивные материалы

- АВП РФ** – Архив внешней политики Российской Федерации
- АРАН** – Архив Российской академии наук
- ДВП** – Министерство иностранных дел Российской Федерации: Документы внешней политики. М., 1992. Т. XXII, кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1939 г.; Т. XXIII: в 2-х кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940 г. М., 1995; Кн. 2 (часть 1). 1 ноября 1940 – 1 марта 1941 г.; Кн. 2 (часть 2). 2 марта – 22 июня 1941 г. М., 1998; Т. XXIV. М., 2000. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г.
- Переписка...** – Министерство иностранных дел СССР. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.); Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.).
- DBFP 1919–1939. Third Ser.** – Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Vol. IV: 1939. L., 1951; Vol. V: 1939. L., 1952; Vol. VI: 1939. L., 1953; Vol. VII: 1939. L., 1954.
- FRUS** – U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1939–1943. Wash., 1956–1964.
- PDHC** – Great Britain. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series. 1939–1943.

Государственные и общественные организации. Правительства. Партии. Географические названия и др.

- Ампра, Амерпра** – американское правительство
- Ампосол** – американский посол
- a/a** – англо-американские
- a/c** – англо-советские
- ББС (British Broadcasting Corporation–BBC)** – Британская вещательная корпорация (Би-Би-Си)
- Белпра** – бельгийское правительство
- Бритвласти** – британские власти
- Бритграждане** – британские граждане
- Бритмиссия** – британская миссия
- Бритподданные** – британские подданные
- Бритпосланник** – британский посланник
- Бритпра** – британское правительство
- Б.Э.К.** – Британский экспедиционный корпус
- В. Европа** – Восточная Европа
- Внудел** – Министерство (министр) внутренних дел
- Военмин** – военный министр
- ВС** – Верховный Совет
- ВЦСПС** – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
- Генсек** – генеральный секретарь
- Генштаб** – Генеральный штаб
- Гермпра** – германское правительство
- Гитлерпра** – гитлеровское правительство
- ГКО** – Государственный комитет обороны
- Грепра** – греческое правительство
- ДВ, ДВосток** – Дальний Восток
- Дипагентство** – дипломатическое агентство
- Дипкор** – дипломатический корреспондент
- Дипкорпус** – дипломатический корпус
- Диппочта** – дипломатическая почта
- Ж-д, ж/д** – железная дорога, железнодорожный, железнодорожная
- Желдороги** – железные дороги
- Желруда** – железная руда

Замзав – заместитель заведующего
Замнаркома – заместитель наркома
Замначальника – заместитель начальника
Зампредсовнаркома – заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров
ЗЕвропа – Западная Европа
ИМЭЛ – Институт Маркса, Энгельса, Ленина
Индел – иностранных дел
Ирпра – ирландское правительство
Испанпра – испанское правительство
Италпра – итальянское правительство
Китдоллар – китайский доллар
Китпра – китайское правительство
Комсостав – командный состав
КПФ – Коммунистическая партия Франции
Л-Г – Лиддел-Гарт
Л-Д – Ллойд Джордж
ЛН – Лига Наций
МВД – Министерство внутренних дел, министр внутренних дел
Мехбригада – механизированная бригада
МИД – Министерство (министр) иностранных дел
Минвнудел – Министерство внутренних дел, министр внутренних дел
Мининдел – министр иностранных дел
Мининформ – министр, Министерство информации
Минснаб – Министерство снабжения
Минторг – Министерство торговли
Минтруд – Министерство труда
Минфин – Министерство финансов
М.М. – Литвинов Максим Максимович
Мобзапас – мобилизационный запас
Нарпра – Народное правительство
Нацменьшинства – национальные меньшинства
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКИД – Народный комиссариат по иностранным делам
Норпра – норвежское правительство
НРП – Независимая рабочая партия
О. – остров
ОКС – Общество культурной связи с СССР
ПВО – Противовоздушная оборона
ПВС СССР – Президиум Верховного Совета СССР
Полпредство – полномочное представительство
Польармия – польская армия
Польпра – польское правительство
Польпресса – польская пресса

Пра – правительство
Предсовнаркома – Председатель Совета Народных Комиссаров
Продэкспорт – продовольственный экспорт
Промпредприятия – промышленные предприятия
Профдвижение – профсоюзное движение
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
Р. – река
САфрика – Северная Африка
САШ – Соединенные Американские Штаты
Совпра – советское правительство
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СФИО – Французская социалистическая партия
Л-Ш – Соединенные Штаты Америки
т. – товарищ
т/г – текущий год
тт. – товарищи
ТО – Тихий океан, тихоокеанский
Товмин – товарищ министра
Торгпредство – торговое представительство
Торгслужащие – торговые служащие
Туркпра – турецкое правительство
ФДР – Финляндская демократическая республика
ФО – Форин оффис (Foreign Office) – Министерство иностранных дел Великобритании
Финпра – финское правительство
ФКНО – Французский комитет национального освобождения
ФНК – Французский национальный комитет
Францпра – французское правительство
Ц. Европа – Центральная Европа
Чехпра – чехословацкое правительство
ЧС – Чехословакия, чехословацкий, чехословаки
ЧСпра – чехословацкое правительство
ЧСР – Чехословацкая республика
Шведпра – шведское правительство
Экономвойна – экономическая война
Экономэксперт – экономический эксперт
ЮАфрика – Южная Африка
ЮВ – Юго-Восток
ЮЗ – Юго-Запад
ЮИталия – Южная Италия
ЮС; ЮСлавия – Югославия, югославский, югославы
ЮФранция – Южная Франция
Югпра – югославское правительство
Юспра – югославское правительство
Яппра – японское правительство

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧАСТО УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦАХ*

- АВЕНОЛЬ (Avenol)** Жозеф Луи А. (1879–1952) – французский политик, Генеральный секретарь Лиги Наций в 1933–1940 гг., в 1943 г. эмигрировал из Франции в Швейцарию.
- АКТАЙ** Али Гайдар (Хайдар) – дипломат, посол Турции в Югославии (1933–1939), в СССР с 1939 г.
- АЛЕКСАНДЕР (Alexander)** Альберт Виктор (1885–1963), лорд – британский государственный деятель, первый лорд Адмиралтейства (министр военно-морского флота) в 1921–1931, 1940–1946 гг. с перерывом в апреле–мае 1945 г.
- АЛЕКСАНДЕР (Alexander)** Гарольд Руперт Леофрик Джордж (1891–1969) – генерал, затем – фельд-маршал, командующий британскими экспедиционными силами в Европе в 1939–1940 гг., британскими войсками в Бирме и бирманской армией (1942), главнокомандующий на Среднем Востоке (1942), главнокомандующий сухопутных сил союзников в Тунисе и Сицилии (1943).
- АЛЕКСАНДРОВ** Александр Васильевич (1883–1946) – профессор Московской консерватории с 1922 г., дирижер, народный артист СССР (1937), организатор и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Красной (Советской) армии (ныне – Академический ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова).
- АЛЬБА (Alba)** Цакобо Стюарт Фитс Джеймс, герцог – посол Испании в Великобритании в 1939–1945 гг.
- АЛЬТЕР (Alter)** Виктор (1890–1941) – член ЦК Бунда (1919–1939), Международной федерации труд-юнионов, профсоюзный деятель Польши, член муниципалитета Варшавы. Арестован и приговорен к расстрелу, в сентябре 1941 г. выпущен из тюрьмы, в декабре 1941 г. вновь арестован и расстрелян.
- АНДЕРС (Anders)** Владислав (1892–1970) – командующий польской армией в СССР (1941–1942) и польским корпусом в войсках союзников в Италии (декабрь 1943–1944 г.), в Западной Европе (с февраля 1945 г.).
- АНДЕРСОН (Anderson)** Джон, виконт Уэйверли (1882–1958) – министр внутренних дел и национальной безопасности в сентябре 1939 – октябре 1940 г., лорд-председатель Совета в октябре 1940 – сентябре 1943 гг., министр финансов в сентябре 1943 – июле 1945 г.
- АРАС (Aras)** Тевфик Рюшту (1883–1972) – турецкий дипломат, посол в Великобритании в 1939–1942 гг.
- АРИТА (Arita)** Хати́ро (Хаширо) (1884–1965) – японский государственный деятель и дипломат, посол в США в 1940–1941 гг., дипломатический советник МИД Японии в 1943–1945 гг.
- АСКВИТ (Asquith)** Герберт Генри (1852–1928), граф Оксфорд и Асквит – премьер-министр Великобритании в 1908–1916 гг., лидер Либеральной партии.
- АСТОР (Astor)** Нэнси Уитчер (1879–1964), виконтесса – член палаты общин, консерватор.
- АСТОР (Astor)** Уолдорф (1879–1952), виконт – политический деятель, консерватор, председатель Совета Королевского института международных отношений в 1935–1949 гг.
- АТАТЮРК (Atatürk)** Мустафа Кемаль (1881–1938) – первый президент Турецкой республики в 1923–1938 гг., сторонник дружественных отношений с СССР.
- АТТОЛЬСКАЯ (Atholl)** Кэтрин Марджори (1874–1960), герцогиня – член парламента, консерватор.

* Сведения приведены в основном за 1939–1943 гг. Данные за 1932–1939 гг. см. в 1-й книге Дневника...

- БАДОЛЬО** (Badoglio) Пьетро (1871–1956) – начальник Генерального штаба Италии в 1925–1940 гг. Премьер-министр в 1943–1944 гг.
- БАЛЬФУР** (Balfour) Джон – британский дипломат, поверенный в делах Великобритании в СССР.
- БАРТЛЕТ** (Bartlett) Вернон – британский журналист, член палаты общин в 1938–1950 гг., «независимый прогрессист», пресс-атташе посольства Великобритании в СССР.
- БАСТИАНИНИ** (Bastianini) Джузеппе (1899–1961) – посол Италии в Великобритании в 1939–1940 гг., губернатор Далмации (на территории Югославии) в 1942–1943 гг., заместитель секретаря Министерства иностранных дел Италии (1943).
- БАТЛЕР** (Butler) Ричард Остин (1902–1982) – британский государственный и политический деятель, консерватор, парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938–1941 гг., министр образования в 1941–1945 гг.
- БЕВЕРИДЖ** (Beveridge) Уильям Генри (1879–1963) – член парламента в 1944–1946 гг., глава Университетского колледжа в Оксфорде в 1937–1945 гг. Автор доклада «Социальное страхование и смежные службы» (1942 г.). Либерал.
- БЕВЕРЛЕЙ-БАКСТЕР** – член парламента, консерватор.
- БЕВИН** (Bevin) Эрнест (1881–1951) – один из лидеров лейбористской партии Великобритании, генеральный секретарь Объединенного профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих в 1922–1940 гг., член Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) в 1925–1940 гг., министр труда и национальной повинности в 1940–1945 гг.
- БЕК** (Beck) Юзеф (1894–1944) – министр иностранных дел Польши в 1932–1939 гг., интернирован, находился в заключении в Румынии в 1939–1944 гг.
- БЕЛИША** см. Хор-Белиша Л.
- БЕНЕШ** (Beneš) Эдуард (1884–1948) – чехословацкий государственный деятель, после оккупации страны Германией создал в 1940 г. в Лондоне Национальный совет, который в июне 1941 г. был признан державами антигитлеровской коалиции в качестве правительства Чехословакии, а Бенеш – его президента в 1940–1945 гг.
- БИВЕН** (Bevan) Эньюрин (1897–1960) – левый лейборист, член парламента в 1929–1960 гг.
- БИВЕРБРУК** (Beaverbrook) Уильям Максвелл Эйткен (1879–1964), лорд – консерватор, министр авиационного производства в 1940–1941 гг., министр снабжения в 1941–1942 гг., министр военного производства 4–19 февраля 1942 г., лорд-хранитель печати в 1943–1945 гг.
- БИСМАРК** (Bismark) Отто фон Шенхаузен (1815–1898) – первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг.
- БОГОМОЛОВ** Александр Ефремович (1900–1969) – генеральный секретарь, заведующий 1-м Западным отделом НКВД СССР в 1939–1940 гг. Советник полпреда, полпред СССР во Франции в 1940–1941 гг.; посол СССР при союзных правительствах в Лондоне в 1941–1943 гг. Полномочный представитель СССР при ФКНО в 1943–1944 гг. Посол СССР во Франции в 1944–1950 гг.
- БОЛДУИН** (Baldwin) Стэнли (1867–1947) – премьер-министр Великобритании в 1923–1929, 1935–1937 гг.
- БОННЕ** (Боннэ) (Bonnet) Жорж Этьен (1889–1973) – французский государственный и политический деятель, дипломат, министр иностранных дел в 1938–1939 гг.
- БОРИС III**, Борис Клемент Р. М. П. С. Саксен-Кобург-Готский (1894–1943) – король Болгарии в 1918–1943 гг.
- БРАКЕН** (Брэкен) (Bracken) Брендан Рендал (1901–1958) – владелец и главный редактор газет «Файнэншл ньюс», «Файнэншл таймс», консерватор, парламентский личный секретарь У. Черчилля в 1940–1941 гг., министр информации Великобритании в 1941–1945 гг.
- БРЕЙЛЬСФОРД** (Brailsford) Генри Нозль (1873–1958) – британский публицист, член Независимой рабочей партии, лейборист.
- БРУК** (Brooke) Алан Фрэнсис (1883–1963) – фельдмаршал, главнокомандующий Британского экспедиционного корпуса во Франции в 1940 г., начальник имперского генштаба в декабре 1941 г., председатель Комитета начальников штабов в 1941–1946 гг.
- БРУК-ПОПХЭМ** (Brooke-Popham) Роберт (1878–1953) – главный маршал авиации, главнокомандующий британских сил на Дальнем Востоке в 1940–1941 гг.
- БУЛЛИТ** (Bullitt) Уильям Крисчен (1891–1967) – американский дипломат, журналист, писатель, посол США во Франции в 1936–1940 гг., специальный помощник морского министра США в 1942–1943 гг.
- БУТБИ** (Boothby) Роберт Джон Грэхем (1900–1986) – консерватор, член британского парламента, министр продовольствия в 1940–1941 гг.

- БУХЕМАН** (Boheman) Эрик К. – генеральный секретарь министра иностранных дел Швеции в 1938–1941 гг., посол в США с 1943 г.
- ВАЙНАНТ** (Уинант) (Winant) Джон Гилберт (1889–1947) – посол США в Великобритании в 1941–1946 гг., представитель США в Европейской консультативной комиссии (ЕКК).
- ВАЛЬДЕН** (Waldén) Карл Рудольф (1878–1946) – генерал, член Совета обороны Финляндии в 1939–1944 гг., во время советско-финской войны представитель Главной квартиры финской армии при кабинете министров Финляндии, участник подписания мирного договора с СССР (март 1940 г.), военный министр в 1940–1944 гг.
- ВАН-КЛЕФФЕНС** Е.Н. (1894–1983) – министр иностранных дел Голландии в 1939–1946 гг.
- ВАНСИТАРТ** (Vansittart) Роберт Гилберт (1881–1957), барон Денхем (1941) – главный дипломатический советник МИД Великобритании в 1938–1941 гг., поэт, драматург, публицист.
- ВАН ЦЗИНВЭЙ** (Ванцзинвэй) (наст. фам. – Ван Чжаомин) (1883–1944) – китайский политический и государственный деятель, генерал, председатель Центрального политического совета Гоминьдана в 1937–1938 гг., противник Чан Кайши, проводил прояпонскую политику, глава созданного Японией Нанкинского правительства в 1940–1944 гг.
- ВАРГА** Евгений Самуилович (1879–1964) – академик АН СССР (1939 г.), директор Института мирового хозяйства и мировой политики в 1927–1947 гг. Академик-секретарь отделения экономики и права в 1939–1946 гг.
- ВАСИЛЕВСКИЙ** Александр Михайлович (1895–1977) – заместитель начальника, начальник Генштаба в 1941–1945 гг., заместитель наркома обороны (1942), маршал Советского Союза (1943).
- ВЕББ** (Уэбб) (Webb) (до замужества Поттер) Беатриса (1858–1943) – супруга С. Вебба, английский экономист, историк рабочего движения, идеолог тред-юнионизма и фабианского социализма.
- ВЕББ** (Уэбб) (Webb) Сидней (1859–1947), лорд Пассфилд – английский экономист, один из основателей Фабианского общества в 1884 г., историк рабочего движения, идеолог тред-юнионизма.
- ВЕДЖВУД** (Wedgwood) Джошиа (1872–1943) – полковник, член палаты общин в 1919–1942 гг. от лейбористской партии.
- ВЕЙГАН** (Weygand) Максим Луи (1867–1965) – французский генерал, командующий англо-французскими войсками на Восточно-Средиземноморском театре военных действий в 1939–1940 гг., начальник штаба национальной обороны и главнокомандующий вооруженных сил Франции (с мая 1940 г.), министр национальной обороны правительства Виши, генерал-губернатор и главнокомандующий войск в Алжире в июне – ноябре 1940 г. Арестован органами безопасности Германии, находился в концлагере в 1942–1945 гг.
- ВЕЙЦМАН** Хаим (1874–1952) – президент Всемирной сионистской организации (1920–1931, 1935–1946), президент государства Израиль с 1948 г.
- ВЕЛЛИНГТОН** КУ см. Гу Вэйцзюнь.
- ВЕРТ** (Werth) Александр (1901–1969) – английский журналист, писатель, дипломатический корреспондент газеты «Манчестер гардиан», корреспондент Би-Би-Си и ряда английских газет в СССР во время Великой Отечественной войны.
- ВИКТОР ЭММАНУИЛ III** (Vittorio Emanuele) (1869–1947) – король Италии в 1900–1946 гг.
- ВИКТОРИЯ** (Victoria) (1819–1901) – королева Великобритании и Ирландии с 1837 г., последняя из Ганноверской династии.
- ВИЛКИ** Вендел см. Уилки У.
- ВИЛКИНСОН** см. Уилкинсон Э.
- ВИЛЛИАМС** см. Вильямс Т.
- ВИЛСОН** (Wilson) Гарольд (1916–1995) – государственный и политический лидер Великобритании, член лейбористской партии, премьер-министр в 1964–1970, 1974–1976 гг.
- ВИЛСОН** (Wilson) Хорас Джон (1882–1972) – главный советник правительства Великобритании по вопросам промышленности в 1930–1939 гг., помощник премьер-министров С. Болдуина и Н. Чемберлена в 1935–1940 гг., руководитель гражданской службы в 1939–1942 гг.
- ВИЛЬГЕЛЬМ II** (Wilhelm) Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и прусский король.
- ВИЛЬГЕЛЬМИНА** Елена Паулина Мария Оранская-Нассау (Wilhelmina Helena Pauline Maria Oranje-Nassau) (1880–1948) – королева Нидерландов в 1890–1948 гг.
- ВИЛСОН** (Wilson) Томас Вудро (1856–1924) – 28-й президент США в 1912–1921 гг., член демократической партии.

- ВИЛЬЯМС (Williams) Томас (1888–1967) – член лейбористской партии, Англо-русского парламентского комитета, министр сельского хозяйства Великобритании в 1940 г.
- ВИНОГРАДОВ Сергей Александрович (1907–1970) – советник полпредства СССР в Турции (1940), полпред (с 1941 г. – посол) в 1940–1948 гг.
- ВИНТЕР (Winther) Вильгельм (1881–?) – дипломат, посланник Швеции в СССР в 1938–1940 гг., позднее в Аргентине, Уругвае, Чехословакии.
- ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич (1903–1950) – государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1943), председатель Госплана СССР в 1938–1941, 1942–1949 гг., заместитель председателя СНК/СМ СССР с 1939 г. Арестован в 1949 г., расстрелян в 1950 г. Реабилитирован в 1954 г.
- ВОЙОНМАА Вяйнэ – профессор, уполномоченный президента Финляндской республики при заключении советско-финляндского мирного договора 12 марта 1940 г.
- ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969) – политический, государственный, военный деятель, нарком по военным и морским делам СССР (с 1934 г. – обороны) в 1925–1940 гг., заместитель председателя СНК СССР в 1940–1945 гг., член ГКО в 1941–1945 гг.
- ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич (1878–1928), барон – генерал-лейтенант (1918), командующий войсковыми соединениями Добровольческой армии на юге России в 1918–1919 гг., с 1920 г. в эмиграции.
- ВУД (Wood) Кингсли (1881–1943) – британский государственный деятель, министр авиации в мае 1938 – апреле 1940 г., лорд-хранитель печати (1940), министр финансов в апреле 1940 – октябре 1943 г., консерватор.
- ВУЛТОН (Woolton) Маркис Фредерик Джеймс (1883–1964), лорд – консерватор, политик и бизнесмен. Министр продовольствия в 1940 г., министр реконструкции в 1943–1945 гг. Председатель британского Общества Красного Креста в 1943–1963 гг.
- ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – юрист и дипломат, академик АН СССР (1939), заместитель прокурора и прокурор СССР в 1933–1939 гг., заместитель наркома иностранных дел в 1939–1949 гг.
- ГАВРИЛОВИЧ Милан (Милован) – посланник Югославии в СССР в 1940–1945 гг.
- ГАЛИФАКС (Halifax) Эдуард Фредерик Линдлей Вуд (1881–1959), лорд Ирвин (Irwin) – консерватор, министр иностранных дел Великобритании в 1938–1940 гг., посол в США в 1941–1946 гг.
- ГАЛЛАХЕР (Галахер) (Gallacher) Уильям (1881–1965) – деятель британского рабочего и коммунистического движения, член ЦК КП Великобритании в 1921–1965 гг., председатель Исполкома КПВ в 1943–1956 гг., член палаты общин в 1935–1945 гг., член ИККИ в 1926–1943 гг.
- ГАМЕЛЕН (Гамлен) (Gamelin) Морис Гюстав (1872–1958) – французский военачальник, дивизионный генерал, начальник Генерального штаба в 1931–1935, 1938–1939 гг., главнокомандующий сухопутных сил союзников во Франции в 1939 – мае 1940 г.
- ГАНДИ (Gandhi) Мохандас Карамчанд (1869–1948) – идеолог и один из лидеров национально-освободительного движения Индии.
- ГАРВИН (Garvin) Джеймс Луи (1868–1947) – издатель английской консервативной газеты «Обсервер» в 1908–1942 гг. и других газет.
- ГАРРИМАН (Harriman) Уильям Аверелл (1891–1986) – американский государственный деятель, дипломат, финансист, глава компании «Юнион пасифик» в 1932–1946 гг., председатель Совета экономического совета по бизнесу Министерства торговли США в 1937–1940 гг., глава делегации США на Московской конференции трех держав в сентябре 1941 г., посол США в СССР в 1943–1946 гг.
- ГЕББЕЛЬС (Goebbels) Йозеф Пауль (1897–1945) – идеолог фашизма, глава пропагандистского ведомства Германии с 1933 г.
- ГЕНДЕРСОН (Genderson) Артур (1863–1935) – один из лидеров и секретарь лейбористской партии Великобритании в 1911–1934 гг., министр иностранных дел в 1929–1931 гг.
- ГЕОРГ II (George II) Георгиос Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург из династии Глюксбургов (1890–1947) – король Греции в 1922–1923, 1935–1947 гг., с 1941 г. в эмиграции.
- ГЕОРГ VI (George VI) Альберт Фредерик Артур Джордж Виндзор из династии Виндзоров (1895–1952) – король Великобритании в 1936–1952 гг.
- ГЕРИНГ (Göring) Герман (1893–1946) – председатель рейхстага в 1932–1945 гг., имперский министр авиации в 1933–1945 гг., главнокомандующий Военно-воздушных сил Германии.

- ГЕРЦОГ (ХЕРЦОГ) (Hertzog) Джеймс Барри Мюнник (1866–1942) – премьер-министр британского доминиона Южно-Африканский Союз в 1924–1939 гг., лидер Националистической партии.
- ГЕСС (Hess) Рудольф (1894–1987) – заместитель Гитлера по национал-социалистической партии Германии в 1933–1941 гг., нацистский преступник.
- ГИММЛЕР (Himmler) Генрих (1900–1945) – шеф гестапо (с 1936 г.), министр внутренних дел Германии с 1943 г.
- ГИТЛЕР (Hitler) (Шикльгрюбер) Адольф (1889–1945) – глава германского государства, рейхсканцлер Германии в 1933–1945 гг. Главный немецкий военный преступник.
- ГЛАЗГОУ (Glasgow) Г. – дипломатический корреспондент и директор английской консервативной газеты «Обсервер».
- ГО ТАЙЧИ (Ку, Ку Тайчи) (Quo Tai-chi) (1888–1952) – посланник, затем посол Китая в Великобритании в 1932–1941 гг., министр иностранных дел Китая в 1941–1942 гг., председатель Комитета по иностранным делам при Верховном совете национальной обороны в 1942–1946 гг.
- ГОЛИКОВ Филипп Иванович (1900–1980) – Маршал Советского Союза (1961). С июля 1940 г. заместитель начальника Генштаба, начальник Главного разведывательного управления.
- ГОЛЛАНЦ (Gollancz) Виктор (1893–1967) – британский политик и журналист, писатель, владелец издательской фирмы «Виктор Голланц».
- ГОЛЛЬ (Gaulle) Шарль Андре Жозеф Матье де (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, бригадный генерал, заместитель министра национальной обороны Франции (1940), после поражения Франции в 1940 г. возглавил патриотическое движение «Свободная Франция» (с 1942 г. – «Сражающаяся Франция»), руководитель ФНК (с 1941 г.), ФКНО (с 1943 г.), глава Временного правительства Французской республики в 1944–1946 гг.
- ГОПКИНС (Hopkins) Гарри Ллойд (1890–1946) – министр торговли США в 1938–1940 гг., с 1941 г. – руководитель программы ленд-лиза, специальный помощник президента Ф. Рузвельта в 1942–1945 гг. и его представитель на переговорах в Москве со Сталиным в июле 1941 г., председатель Президентского комитета советских протоколов по поставкам СССР.
- ГОРЕЛКИН Николай Васильевич (1899–?) – заведующий 3-м Западным отделом НКВД СССР (1939), полпред СССР в Италии в 1939–1941 гг.
- ГОРТ (Gort) Джон Стэндиш Сартис Прендергаст Верекер (1886–1946), лорд – генерал-лейтенант, фельдмаршал (1943), начальник имперского генерального штаба Великобритании в 1937–1939 гг., главнокомандующий БЭС во Франции в 1939–1940 гг., губернатор и главнокомандующий Гибралтара в 1941–1942 гг., Мальты в 1942–1944 гг.
- ГРАНДИ, Гранди ди Мордано (Grandi di Mordano) Дино (1895–1988), граф – итальянский политический деятель и дипломат, член фашистского Большого совета, посол в Великобритании в 1932–1939 гг., министр юстиции в 1939–1943 гг.
- ГРАЦИАНИ (Graziani) Родольфо маркиз Негелли (де Неджелли) (1882–1955) – итальянский военный деятель, маршал (1937), начальник Генерального штаба сухопутных войск в 1939–1940 гг., главнокомандующий итальянских войск в Северной Африке в июле 1940 – марте 1941 гг., министр обороны и главнокомандующий вооруженных сил в 1943–1945 гг.
- ГРЕНФЕЛ (Grenfell) Дэвид (1881–1968) – министр по делам горной промышленности Великобритании в 1940–1942 гг., лейборист.
- ГРЖИБОВСКИЙ (Гжибовский) (Grzybowski) Вацлав (1887–1959) – посол Польши в СССР в 1939–1940 гг., в те же годы представитель правительства республики Польша в Комиссии по расследованию германских преступлений (Париж).
- ГРИГГ (Grigg) Перси Джеймс (1890–1964) – постоянный заместитель военного министра с 1939 г., военный министр Великобритании в 1942–1945 гг.
- ГРИГГ (Grigg) Эдуард Уильям М. (1879–1955), 1-й барон Олтрингэм – консерватор, член палаты общин в 1933–1945 гг., парламентский секретарь Министерства информации в 1939–1940 гг.
- ГРИНВУД (Greenwood) Артур (1880–1954) – заместитель лидера лейбористской партии Великобритании в 1935–1954 гг., министр без портфеля в составе Военного кабинета в 1940–1942 гг.
- ГРИППЕНБЕРГ (Gripenberg) Георг Агатец (Ахатес) (1890–1975) – дипломат, посланник Финляндии в Великобритании в 1933–1942 гг., в Ватикане (1942–1943).
- ГРИФИТС (Griffiths) Джордж А. (1880–1945) – член британского парламента, лейборист.
- ГУ ВЭЙЦЗЮНЬ (Ku Wei-chun) (Ку Веллингтон) (Коо Wellington) – китайский политический деятель и дипломат, посол Китая в Великобритании в 1941–1946 гг.

- ГУВЕР (Hoover) Герберт Кларк (1874–1964) – 31-й президент США (1929–1933), член республиканской партии.
- ГУСТАВ Адольф – кронпринц, будущий король Швеции Густав VI.
- ГЮНТЕР (Günter) Кристиан Эрнст (1886–1966) – шведский дипломат и политический деятель, министр иностранных дел Швеции в 1939–1945 гг.
- ДАГДЕЛ – один из парламентских организаторов консервативной партии в палате общин.
- ДАЛАДЬЕ (Daladier) Эдуард (1884–1970) – французский политический государственный деятель, один из лидеров партии радикал-социалистов, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938–1940 гг., министр иностранных дел в сентябре 1939 – марте 1942 г.
- ДАРЛАН (Darlan) Жан Луи Ксавье Франсуа (1881–1942) – адмирал, главнокомандующий ВМС Франции в 1939–1940 гг., военно-морской министр правительства Виши (в июне 1940–1941 г.), вице-премьер Совета министров правительства Виши (с февраля 1940 г.), министр обороны (с августа 1940 г.) и главнокомандующий вооруженных сил Виши в августе 1940 – апреле 1942 г., главнокомандующий и верховный комиссар Северной Африки с ноября 1942 г., убит французским националистом.
- ДЕ ВАЛЕРА (De Valera) Имон (1882–1975) – глава правительства Эйре (Ирландии) в 1932–1948 гг.
- ДЕЖАН (Dejean) Морис Эрнест Наполеон (1899–1982) – сотрудник посольства Франции в Германии в 1929–1939 гг., заместитель начальника, затем начальник кабинета министра иностранных дел в 1939–1940 гг., комиссар по иностранным делам ФНК в Лондоне в 1941–1942 гг.; дипломатический советник ФКНО в 1943 г., полномочный посланник ФКНО при союзных правительствах в Лондоне в 1943–1944 гг.
- ДЕЛЬБОС (Delbos) Ивон (1885–1956) – министр просвещения Франции в 1939–1940 г., один из лидеров партии радикалов.
- ДЖОЙС (Joyce) Уильям (1906–1946) – один из лидеров Британского союза фашистов (1932–1937) и основатель Национал-социалистической лиги. С августа 1939 г. проживал в Германии, ведущий «черной» пропаганды на английском языке, в Великобритании получил прозвище «лорд Хау-Хау» (Хо-Хо).
- ДЖОНСОН (Johnson) Гершл В. – советник посольства США в Великобритании в 1938–1941 гг.
- ДЖОНСОН (Johnson) Луис Артур (1891–1966) – американский финансист и государственный деятель, демократ, зам. военного министра США в 1937–1940 гг., с 1942 г. личный представитель Ф. Рузвельта в Индии.
- ДЖОНСОН (Johnson) Хьюлет (1874–1966) – британский общественный деятель, доктор теологии, настоятель Кентерберийского собора в 1931–1963 гг., глава Национального англо-советского фонда медицинской помощи в 1941–1945 гг.
- ДЖОРДАН (Jordan) Уильям Джозеф (1879–1959) – верховный комиссар доминиона Новая Зеландия в Великобритании в 1936–1951 гг.
- ДЖОУИТ (Jowitt) Уильям Аллен (1885–1957) – лейборист, член парламента в 1939–1945 гг., главный казначей в 1942 г., министр без портфеля в 1943–1945 гг.
- ДИЛЛ (Dill) Джон Грир (1881–1944) – фельдмаршал (1941), заместитель начальника имперского Генштаба в мае 1940 – декабре 1941 г., главный британский представитель в Объединенном (англо-американском) комитете начальников штабов в США в 1942–1944 гг.
- ДОББИ (Dobbie) Уильям (1878–1950) – лейборист, активист Англо-русского парламентского комитета, член палаты общин британского парламента в 1933–1950 гг.
- ДОББИ (Dobbie) Уильям Джордж Шеддон (1879–1964) – британский военный деятель, губернатор и главнокомандующий на о-ве Мальта в июне 1940 – мае 1942 г.
- ДОЛТОН (Dalton) Хью (1887–1962) – член британского парламента в 1935–1959 гг., лейборист, министр экономической войны в 1940–1942 гг., министр торговли в 1942–1945 гг.
- ДОНОВАН (Dopovan) Уильям Джозеф (1883–1959) – один из руководителей американских спецслужб, генерал-майор, командирован в Великобританию в качестве неофициального представителя военно-морского министра (1940), организатор и глава Управления стратегических служб США в 1942–1945 гг.
- ДОРИО (Doriot) Жак (1898–1945) – французский коллаборационист, бывший член ЦК КПФ (1924–1934), основатель и лидер Народной французской партии (с 1934 г.), активно сотрудничал с нацистами.
- ДОЩЕНКО Алексей Александрович (1905–?) – директор инженерного отдела торгпредства СССР в Великобритании (1939), арестован в декабре 1939 г., выслан из страны по обвинению в шпионской деятельности.

- ДРАГУН** Василий Михайлович – генерал-майор, заместитель главы военной миссии СССР в Великобритании.
- ДУНКАН** (Duncan) Эндрю (1898–1965) – председатель Совета по делам торговли в январе–октябре 1940 г., министр снабжения с октября 1940 г., лейборист.
- ДЭВИС** (Davies) Клемент Эдуард (1884–1962) – член правления компании «Юнилевер», независимый либерал, член палаты общин.
- ДЮЛАНТИ** (Dulanty) Джон – верховный комиссар Ирландии в Великобритании.
- ЕЛИЗАВЕТА II** (Elizabeth II) (родилась 21 апреля 1926 г.) – королева Великобритании с 1952 г.
- ЖАННА д'Арк** (Jeanne d'Arc) (около 1412–1431) – национальная героиня Франции, в ходе Столетней войны возглавила борьбу французского народа против английских захватчиков.
- ЖДАНОВ** Андрей Андреевич (1896–1948) – государственный и партийный деятель; секретарь ЦК ВКП (б) и Ленинградского обкома и горкома партии в 1934–1944 гг., член Политбюро ЦК ВКП (б) с 1939 г.
- ЖЕРО** Ш. Ж. Андре (псевдоним – Пертинакс) – французский журналист и писатель, главный редактор издания «Юроп нувель» (1938–1940), в эмиграции в Англии и США в 1940–1945 гг.
- ЖИРО** (Giraud) Анри Оноре (1879–1949) – военный и политический деятель Франции, генерал. В ноябре 1942 г. занял пост командующего французскими силами в Северной Африке. Со-председатель (вместе с генералом де Голлем) ФНК с мая 1943 г. Оставил политический пост из-за разногласий с де Голлем в ноябре 1943 г.
- ЖОРЖ** (Georges) Альфонс Жозеф (1875–1951) – командующий армиями в Северо-Западной Франции в 1939 г. После отказа сотрудничать с Петеном 1 июля 1940 г. уволен с этого поста. В отставке с августа 1940 г. Член ФКНО в 1943–1945 гг.
- ЖУО** (Jouhaux) Леон (1879–1954) – генеральный секретарь французской Всеобщей конфедерации труда в 1909–1940, в 1939–1940 гг. возглавлял Комитет помощи Финляндии.
- ЗАЛЕСКИЙ** (Zaleski) Август (1883–1972), граф – польский дипломат, министр иностранных дел правительства в изгнании (1939–1941), президент Польской республики (1947–1972).
- ЗАРИН** (Заринь) (Zarine) Карлис – дипломат, посланник Латвии в Великобритании в 1937–1940 гг.
- ЗАРИНЬШ** (Zarinš) Рейнхольд Карлис (1879–1963) – посланник Латвии в Великобритании в 1933–1940 гг.
- ЗАСЛАВСКИЙ** Давид Иосифович (1880–1965) – очеркист, публицист, сотрудник газеты «Правда» с 1928 г.
- ЗИНЧЕНКО** Константин Емельянович (1909–?) – с 1940 г. 2-й, затем 1-й секретарь советского полпредства (посольства) в Великобритании. В центральном аппарате МИД СССР в 1942–1944 гг.
- ЗОГУ** (Zogu) Ахмет (Ахмед) (1895–1961) – албанский политический деятель, глава правительства Албании в 1922–1924 гг., в 1928–1939 гг. король Албании.
- ЗОНОВ** Василий Матвеевич (1894–?) – дипломат, заведующий консульским отделом полпредства СССР в Великобритании в 1939–1941 гг., 2-й секретарь посольства в 1941–1944 гг.
- ИВАНОВ** Николай Николаевич (1902–?) – 2-й, затем 1-й секретарь полпредства СССР во Франции (1939), в 1940 г. исполнял обязанности временного поверенного в делах. В 1941 г. уволен из НКВД СССР. Репрессирован.
- ИДЕН** (Eden) Антони (Энтони) Роберт (1897–1977), граф Эйвон (Avon) – британский государственный деятель и дипломат, один из лидеров консервативной партии, член палаты общин, министр по делам доминионов в сентябре 1939 – мае 1940 г., военный министр в мае–декабре 1940 г., министр иностранных дел в декабре 1940 – июле 1945 г. Премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.
- ИНЁНЮ** (Inönü) Исмет (1884–1973) – президент Турецкой республики в 1938–1950 гг.
- ИРЬЁ-КОСКИНЕН** см. Юрьё-Коскинен А.А.
- ИСМЕЙ** (Ismay) Гастингс Лайонел (1887–1965), барон – генерал, начальник личного штаба премьер-министра У. Черчилля, заместитель секретаря кабинета по военным вопросам.
- ИСМЕТ**-паша см. Инёню И.
- ИСТЕРМАН** (Easterman) А.Л. – британский журналист, политический секретарь европейского отдела Мирового еврейского конгресса.

- КАДОГАН** (Кадоген) (Cadogan) Александр Джордж Монтэгю (1884–1968) – британский дипломат, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938–1946 гг.
- КАЛИНИН** Михаил Иванович (1875–1946) – Председатель Президиума Верховного Совета СССР с 1938 г., член Политбюро ЦК ВКП (б) в 1926–1946 гг.
- КАМБОН** (Cambon) Роже (1882–1970) – посланник Франции в Великобритании в 1924–1940 гг.
- КАММИНГС** (Cummings) Артур Джон (1882–1957) – журналист, корреспондент британской либеральной газеты «Ньюс кроникл».
- КАНЛИФ-ЛИСТЕР** (Cunliffe-Lister) Филип (1884–1972), лорд Суинтон (Swinton, с 1935 г.) – консерватор, в 1942–1944 гг. – министр-резидент в Западной Африке, министр гражданской авиации Великобритании в 1944–1945 гг., член парламента.
- КАННИНГХЭМ** (Cunningham) Эндрю Браун (1883–1963) – адмирал флота, командующий британским флотом на Средиземном море в 1939–1941 гг., командующий морскими силами союзников при проведении высадки в Северной Африке (1942) и на Сицилии (1943), первый лорд адмиралтейства в 1943–1946 гг.
- КАРДЕНАС** (Cárdenas y del Río) Ласаро (1895–1970) – президент Мексики в 1934–1940 гг.
- КАРЛ XII** (Carl XII) (1682–1718) – король Швеции из династии Пфальц-Цвайбрюккен.
- КАРТЬЕ** (Cartier) Маршен Эмиль Эрнст де (1871–1946), барон – посол Бельгии в Великобритании в 1927–1946 гг.
- КАТРУ** (Catroux) Жорж Альбер Жюльен (1877–1969) – генерал, командующий войсками Свободной Франции на Среднем Востоке в 1940–1941 гг.; верховный комиссар и главнокомандующий в Сирии и Ливане в 1941–1942 гг.; генерал-губернатор Алжира в 1943–1945 гг.
- КАЯНДЕР** (Cajander) Аймо Каарло (1879–1943) – премьер-министр Финляндии в 1937–1939 гг.
- КВИСЛИНГ** (Quisling) Видкун Абрахам Лауриц Юнссён (1887–1945) – лидер фашистской партии Норвегии «Национальное единство», провозглашен оккупантами в сентябре 1940 г. главой правительства. Министр-президент в 1942–1945 гг.
- КЕЙНС** (Keynes) Джон Мэйнард (1883–1946) – крупный британский экономист и публицист, автор теории регулируемой экономики, профессор Кембриджского университета, советник министра финансов Великобритании, один из директоров Банка Англии.
- КЕЙС** (Keyes) Роджер Джон (1872–1945) – адмирал флота, член британского парламента от консервативной партии в 1934–1943 гг., начальник штаба операций союзников в 1940–1941 гг.
- КЕМРОЗ** (Camrose) Берри Уильям (1879–1954), виконт – владелец «Дейли телеграф» (1928–1954), «Файнэншл таймс» и других консервативных газет.
- КЕМСЛИ** (Kemsley) Берри Джеймс Гомер (1883–1968), виконт – брат Б.У. Кемроза, крупный газетный магнат, владелец «Дейли скетч», «Санди таймс» (до 1959 г.) и свыше 20 провинциальных газет.
- КЕННЕДИ** (Kennedy) Джозеф Патрик (1888–1969) – американский бизнесмен и дипломат, посол США в Великобритании в 1937–1941 гг. Отец президента США Джона Ф. Кеннеди.
- КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ** архиепископ см. Лэнг К.Г.
- КЕРЗОН** (Curzon) Джордж Натаниэл (1859–1925), лорд – министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг.
- КЕРИЛЛИС** (Kerillis) де Анри (1889–1958) – французский журналист, депутат парламента, выступал за решительный отпор нацистской Германии, эмигрировал в США летом 1940 г.
- КЕРР** (Kerr) Арчибальд Джон Кларк (1882–1951), барон Инверчэпел (Inverchapel) – английский дипломат, посол Великобритании в Китае в 1938–1942 гг., в СССР в 1942–1946 гг.
- КИНДЕРСЛИ** (Kindersley) Роберт М.-В. (1871–1954) – банкир, председатель Национального комитета сбережений в 1920–1946 гг.
- КИРК** (Kirk) Уолтер – генерал, директор Британской территориальной армии (1939).
- КИРКВУД** (Kirkwood) Дэвид (1872–1955) – лейборист, член британского парламента в 1922–1950 гг.
- КИТЧЕНЕР** (Kitchener) Гораций Герберт (1850–1916), лорд – военный министр Великобритании в 1914–1916 гг., фельдмаршал (1909).
- КЛЕМАНСО** (Clemenceau) Жорж (1841–1929) – премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг.
- КОАТС** (Coates) Уильям Пейтон (1883–1963) – лейборист, секретарь Англо-русского парламентского комитета в 1924–1963 гг.
- КОЗЫРЕВ** Семен Павлович (1907–?) – советский дипломат, на ответственной работе в центральном аппарате НКВД СССР в 1939–1943 гг., член коллегии НКВД СССР, советник посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне в 1943 г., советник представительства СССР при ФКНО в Алжире в 1943–1945 гг.

- КОЛ (Cole) Джордж Дуглас Хауард (1889–1959) – один из идеологов Фабианского общества.
- КОЛВИЛ (Colville) Джон Руперт («а Jock») (1915–1987) – личный секретарь премьер-министров Великобритании У. Черчилля в 1940–1941, 1943–1945, К. Эттли в 1945 г.
- КОЛВИЛ (Colville) Дэвид Джон (1894–1954) – консерватор, министр по делам Шотландии в 1938–1940 гг., губернатор Бомбея в 1943–1948 гг.
- КОЛЛИОНТАЙ (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952) – дипломат, публицист, полпред СССР в Швеции в 1930–1941 гг., посланник СССР в Швеции в 1941–1945 гг.
- КОЛЪБАН (Colban) Эрик Андреас (1876–1956) – посланник Норвегии в Великобритании в 1934–1946 гг.
- КОЛЬЕР (Collier) Лоренс (1890–1976) – директор Северного департамента МИД Великобритании в 1934–1941 гг., посланник, затем посол при норвежском правительстве в Лондоне в 1942–1945 гг.
- КОМЕР (Comert) П. (1880–1964) – сотрудник отдела печати МИД Франции, редактор лондонской эмигрантской газеты «France» в 1940–1948 гг.
- КОННИНГЕМ см. Каннингхэм Э.
- КОРАП (Corap) Андре Жорж (1878–1953) – французский военный деятель, дивизионный генерал в ранге командующего армией (1940), командующий 9-й французской армией в сентябре 1939 – июне 1940 г., уволен в отставку.
- КОРБЕН (Corbin) Анри Шарль (1881–1970) – посол Франции в Великобритании в 1933–1940 гг.
- КОРЖ Михаил Васильевич (1900–?) – дипломат, первый секретарь полпредства СССР в Великобритании в 1937–1942 гг.
- КОРТО (Courtaud) Сэмюэл (1876–1947) – крупный британский промышленник, глава семейной фирмы искусственного шелка в 1921–1940 гг. Попечитель галереи Тейт и Национальной галереи в Лондоне.
- КОТ (Cot) Пьер (1895–1977) – французский политический деятель, радикал-социалист, министр авиации Франции в 1933, 1934, 1936–1938 гг.
- КРАИНСКИЙ Анатолий (Ариэль) Маркович (1910–?) – атташе полпредства СССР в Великобритании в 1939–1944 гг.
- КРАПИВИНЦЕВ Павел Николаевич (1902–?) – советник полпредства СССР во Франции в 1938–1939 гг. Уволен из НКВД СССР.
- КРЕНБОРН (Cranborne) Роберт Артур Гаскойн Сесил, лорд, затем 5-й маркиз Солсбери (Salisbury) (1893–1972) – министр по делам доминионов в 1940–1942, 1943–1945 гг., по делам колоний в 1942 г., лорд-хранитель печати в 1942–1943 гг.
- КРИППС (Cripps) Ричард Стаффорд (1889–1952) – политик и дипломат, член палаты общин в 1931–1950 гг., посол Великобритании в СССР в 1940–1942 гг., лорд-хранитель печати и лидер палаты общин (1942), министр авиационного производства в 1942–1945 гг.
- КРОМВЕЛЬ (Cromwell) Оливер (1599–1658) – деятель английской буржуазной революции XVII в.
- КРОСС (Cross) Рональд Гилберт – министр военного транспорта Великобритании.
- КРОФТ (Croft) Генри Пейдж (1881–1947), лорд – парламентский заместитель военного министра в 1940–1945 гг., консерватор.
- КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869–1939) – государственный и партийный деятель, с 1920 г. – председатель Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР/СССР.
- КУ см. Го Тайци.
- КУ Веллингтон см. Гу Вэйцзюнь.
- КУПЕР (Cooper) Альфред Дафф (1890–1954), виконт Норвич – член палаты общин, министр информации Великобритании в 1940–1941 гг., канцлер герцогства Ланкастерского в 1941–1943 гг., министр-резидент в Сингапуре в 1941–1942 гг., возглавлял комитет кабинета безопасности в 1942–1944 гг., консерватор.
- КУТ (Koht) Хальвдан (1873–1965) – историк, доктор философии, министр иностранных дел Норвегии в 1935–1940 гг., эмигрировал в Великобританию после оккупации Норвегии в 1940 г.
- КУТАЙЧИ (Ку-Тай-Чи) см. Го Тайци, Го.
- КУУСИНЕН Отто Вильгельмович (1881–1964) – партийный и государственный деятель, член Президиума ИККИ в 1921–1939 гг., председатель Верховного Совета Карельской ССР (Карело-Финской АССР) в 1940–1958 гг.
- КЭМПБЕЛЛ (Campbell) Джон Росс (1894–1969) – один из основателей КПВ, член ЦК, затем Политкомитета Исполкома КПВ, член ИККИ в 1928–1935 гг., представитель КПВ в ИККИ в 1938–1939 гг., член редколлегии, редактор газеты «Дейли уоркер».

- ЛАВАЛЬ (Laval)** Пьер (1883–1945) – французский государственный и политический деятель; премьер-министр коллаборационистского правительства Виши в июне–декабре 1940 г., 1942–1944 гг.
- ЛАСКИ (Laski)** Гарольд Джозеф (1893–1950) – член национального Исполкома лейбористской партии в 1936–1949 гг., ее председатель в 1945–1946 гг.
- ЛЕ РУЖЕТЕЛЬ (Le Rougetel)** Джон Х. – поверенный в делах Великобритании в СССР в 1939–1940 гг.
- ЛЕБРЕН (Lebrun)** Альбер (1871–1950) – президент Французской республики в 1932–1939 гг., премьер-министр в июне–июле 1940 г.
- ЛЕЗЕРС (Leathers)** Фредерик Джеймс (1883–1965), лорд – министр военного транспорта Великобритании в мае 1941–1944 г.
- ЛЕЙТ-РОСС (Leith-Ross)** Фредерик Уильям (1887–1968) – главный экономический советник британского правительства (1932–1946), генеральный директор Министерства экономической войны в 1939–1942 гг.
- ЛЕНИН (Ульянов)** Владимир Ильич (1870–1924) – председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР/СССР в 1917–1924 гг.
- ЛЕННОКС (Lennox)** Виктор Гордон – дипломатический корреспондент газеты «Дейли телеграф».
- ЛЕНСБЕРИ (Lansbury)** Джордж (1859–1940) – один из лидеров лейбористской партии Великобритании, издатель ее главного органа – газеты «Дейли геральд».
- ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ (Leonardo da Vinci)** (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер.
- ЛЕОПОЛЬД III, Леопольд Филипп Карл Альберт Мейнард Губерт** (1901–1983) – король Бельгии из Саксен-Кобургской династии в 1934–1951 гг.
- ЛИДДЕЛ-ГАРТ (Liddell-Hart)** Бэзил Генри (1895–1970) – крупный британский историк, военный корреспондент газеты «Таймс» в 1935–1939 гг.
- ЛИИ-СМИС (Lees-Smith)** Г.Б. (1878–1941) – член палаты общин, в 1922–1923, 1924–1931, 1935–1941 гг., лидер оппозиции в 1940–1941 гг. Лейборист.
- ЛИС-РОСС** см. Лейт-Росс Ф.
- ЛИТВИНОВ (Валлах Макс)** Максим Максимович (1876–1951) – дипломат, нарком по иностранным делам СССР в 1930–1939 гг., заместитель наркома иностранных дел СССР в 1941–1946 гг., одновременно полпред, посол в США в 1941–1943 гг. и посланник на Кубе в 1942–1943 гг.
- ЛИТТЛ (Little)** Джон Каррузерс – председатель профсоюза механиков, сотрудник Министерства труда и национальной повинности Великобритании.
- ЛИТТЛТОН (Lyttleton)** Оливер (1893–1972) – министр торговли Великобритании в 1940–1941 гг., министр-резидент на Ближнем Востоке в 1942 г., в Египте в феврале 1941 – феврале 1942 г., министр военного производства в 1942–1945 гг.
- ЛЛЕВЕЛИН (Llewelyn)** Джон Джестан (1893–1957), барон – парламентский секретарь министра авиационного производства в 1940–1941 гг., министра транспорта в 1941–1942 гг., министр авиационного производства в мае–ноябре 1942 г., министр продовольствия в 1943–1945 гг. Консерватор.
- ЛЛОЙД (Lloyd)** Джордж Эмброуз (1879–1941), лорд – консерватор, видный имперский деятель, председатель Британского совета в 1937–1940 гг.
- ЛЛОЙД ДЖОРДЖ (Lloyd George)** Гвилим (1894–1967) – сын Д. Ллойда Джорджа, парламентский заместитель министра торговли (1939), министр продовольствия в 1941–1942 гг., министр топливно-энергетической промышленности Великобритании в 1942–1945 гг., член палаты общин от либеральной партии (1929–1950).
- ЛЛОЙД ДЖОРДЖ (Lloyd George)** Дэвид (1863–1945), граф – крупный британский государственный и политический деятель, лидер либеральной партии в 1926–1931 гг., член палаты общин в 1890–1945 гг., премьер-министр Великобритании (1916–1922).
- ЛЛОЙД ДЖОРДЖ (Lloyd George)** Меган (1902–1966) – деятель либеральной партии, член палаты общин британского парламента, дочь Д. Ллойда Джорджа.
- ЛОЗОВСКИЙ (Дрицко)** Соломон Абрамович (1878–1952) – деятель российского и международного профсоюзного движения, дипломат, заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР в 1939–1946 гг., одновременно заместитель начальника, начальник Совинформбюро в 1941–1948 гг.
- ЛОНДОНДЕРРИ (Londonderry)** Чарльз Стюарт Генри (1878–1949), лорд – консерватор.

- ЛОТИАН (Lothian) Филипп Генри Керр (1882–1940), лорд – консерватор, посол Великобритании в США в 1939–1940 гг.
- ЛОУ (Law) Артур Бонар (1858–1923) – лидер консервативной партии Великобритании в 1911–1921 гг., премьер-министр и 1-й лорд казначейства в 1922–1923 гг.
- ЛОУ (Law) Дэвид Александер Сесил (1891–1963) – знаменитый английский художник и карикатурист.
- ЛОУ (Law) Ричард – парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1941–1943 гг.
- ЛЭНГ (Lang) Космо Гордон (1864–1945) – архиепископ Кентерберийский в 1928–1942 гг.
- МАЙСКАЯ (урожд. Скрипина) Агния Александровна (1895–1987) – супруга И.М. Майского.
- МАКАРТУР (MacArthur) Дуглас (1880–1964) – генерал армии США, командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке в 1941–1942 гг., Верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана в 1942–1951 гг.
- МАКГОВЕРН (McGovern) Джон (1887–1968) – член Независимой рабочей партии, затем лейборист, член палаты общин в 1930–1959 гг.
- МАКДОНАЛЬД (Macdonald) Джеймс Рамсей (1866–1937) – председатель Независимой рабочей партии Великобритании (1906–1909), один из основателей и лидер лейбористской партии в 1922–1931 гг., премьер-министр Великобритании в 1924, 1929–1931 и 1931–1935 гг.
- МАКДОНАЛЬД (Macdonald) Малколм Джеймс (1901–1981) – сын Дж. Р. Макдональда, национал-лейборист, министр здравоохранения в 1940–1941 гг., Верховный комиссар Великобритании в Канаде в 1941–1946 гг.
- МАКЛИН (MacLean) Нил (1875–1953) – лейборист, член палаты общин, председатель Англо-русского парламентского комитета.
- МАКЛИН (Maclean) Фицрой Ройл Хью (1911–?) – 2-й секретарь посольства Великобритании в СССР в 1939 г., заместитель заведующего Северным департаментом Форин оффис в 1940 г. Глава британской военной миссии к югославским партизанам в 1943–1945 гг.
- МАКМИЛЛАН (Macmillan) (Морис) Гарольд (1894–1986) – член палаты общин, консерватор, парламентский секретарь Министерства снабжения в 1940–1942 гг., министр-резидент при штабе союзных войск на Среднем Востоке в 1942–1945 гг. Премьер-министр Великобритании в 1957–1963 гг.
- МАКФАРЛАН см. Мэсон-Макфарлан.
- МАЛЬБОРО (Marlborough) Джон Черчилль (1650–1722), герцог – английский полководец и государственный деятель.
- МАНДЕЛЬ (Mandel) Луи-Жорж (1885–1944) – французский журналист, член палаты депутатов (1928–1940), министр колоний Франции в апреле 1938 – мае 1940 г., министр внутренних дел (май–июнь 1940 г.), был арестован в Марокко французскими властями, передан в руки германских служб, в 1942 г. возвращен во Францию, был убит солдатами французской милиции правительства Виши.
- МАНДЕР (Mander) Джеффри ле Мезюрье (1882–1962) – либерал, член палаты общин, личный секретарь министра авиации Великобритании в 1942–1945 гг.
- МАННЕРГЕЙМ (Mannerheim) Карл Густав (Кустаа) Эмиль (1867–1951), барон – фельдмаршал, главнокомандующий финской армии в 1939–1944 гг., президент Финляндии в 1944–1946 гг.
- МАРГЕСОН (Margesson) Генри Дэвид Реджинальд (1890–1965), виконт – главный парламентский организатор консервативной партии в 1931–1940 гг., военный министр в 1940–1942 гг.
- МАРКС (Marx) Карл (1818–1883) – немецкий философ, экономист, социолог, публицист, основоположник марксизма.
- МАРКС (Marx) (Эвелинг) Элеонора (1855–1898) – одна из создателей социалистических организаций в Великобритании, дочь К. Маркса.
- МАРТЕЛЬ (Martel) Гиффорд Кейн (Le Quesne) (1889–1958) – генерал-лейтенант, глава британской военной миссии в Москве в 1943–1944 гг.
- МАРШАЛЛ (Marshall) Джордж Кэтлетт (1880–1959) – военный и государственный деятель США, с 1939 г. генерал, начальник штаба армии США. После вступления страны в войну главный военный стратег армий западных союзников и командующий операциями в Европе и на Тихом океане.
- МАСАРИК (Masaryk) Ян (1886–1948) – чехословацкий государственный деятель, дипломат. Министр иностранных дел ЧС, подписал 18 июля 1941 г. соглашение с СССР о взаимопомощи, а затем договор о дружбе.

- МАССИГЛИ** (Massigli) Рене (1888–?) – комиссар по иностранным делам ФКНО в ноябре 1943–1944 гг.
- МАУНТБЕТТЕН** (Mountbatten) Луис Френсис Виктор Альберт Николас (1900–1979), лорд – внук королевы Виктории. Руководитель совместными операциями в 1941–1943 гг., верховный командующий союзными силами в Юго-Восточной Азии в 1943–1945 гг. Вице-король Индии (1947).
- МАЦУОКА** (Matsuoka) Ёсуге (Иосуге) (1880–1946) – японский государственный деятель, дипломат, президент Южно-Маньчжурской железной дороги в 1935–1939 гг., министр иностранных дел Японии в 1940–1941 гг., генерал-губернатор Индокитая (1943–1944).
- МАЧЕК** Владимир (1879–19) – руководитель Хорватской крестьянской партии с 1928 г., заместитель премьер-министра в кабинете Цветковича, сотрудничал с фашистскими оккупантами.
- МЕКСТОН** (Мэкстон) (Maxton) Джеймс (1885–1946) – председатель Независимой рабочей партии Великобритании с 1928 г., член палаты общин.
- МЕТАКСАС** (Metaxas) Иоаннис (1871–1941) – генерал, премьер-министр Греции с 1936 г., во внешней политике ориентировался на Германию.
- МИДДЛТОН** (Middleton) Джеймс (1878–1962) – секретарь лейбористской партии Великобритании в 1934–1944 гг.
- МИКЕЛАНДЖЕЛО** (Michelangelo) Буонарроти (1475–1564) – итальянский скульптор, живописец, архитектор.
- МИКОЛАЙЧИК** Станислав (1901–1966) – заместитель премьер-министра польского правительства в эмиграции в 1940–1943 гг., премьер-министр в 1943–1944 г.
- МИКОЯН** Анастас Иванович (1895–1978) – государственный и партийный деятель; нарком внешней торговли в 1938–1946 гг., заместитель, первый заместитель председателя СНК (СМ) СССР в 1937–1964 гг., член ЦК РКП (б)–ВКП (б) – КПСС в 1923–1976 гг.
- МОГАДАМ** (Могаддам) (Mogaddam) Могамед Али – посланник Ирана в Великобритании в 1940–1942 гг.
- МОЛОТОВ** (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – государственный, партийный деятель, дипломат, председатель (1930–1941), первый заместитель председателя СНК (с 1946 г. – Совета Министров) СССР в 1941–1957 гг., нарком (министр с 1946 г.) иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 гг.
- МОМЧИЛОВ** (Momtchiloff) Николай – посланник Болгарии в Великобритании.
- МОНК** (Monck) Джон Беркли (1883–1964) – дипломат, заместитель руководителя дипломатического корпуса МИД Великобритании в 1939–1945 гг., глава протокольного отдела ФО.
- МОНКТОН** (Monckton of Brenchey) Уолтер Тернер (1891–1965) – консерватор, юрист, банкир, генеральный директор Бюро прессы и цензуры в 1939–1940 гг., заместитель генерального директора Министерства информации Великобритании в 1940–1941 гг., глава британской службы пропаганды и информации в Каире в 1941–1942 гг., официальный советник короля.
- МОННЕ** (Monnet) Жан (1889–1979) – французский государственный деятель, председатель франко-британского координационного комитета в 1939–1940 гг. Крупный экономист. Комиссар по вооружению, снабжению и реконструкции в составе ФКНО.
- МОНТГОМЕРИ** (Montgomery) Бернард Лоу (1887–1976) – генерал, затем фельдмаршал, командующий 8-й армией в кампаниях в Северной Африке, на Сицилии, в Италии в 1942–1944 гг.
- МОНТЕЙРО ФЕРЕЙРА ДЕ КАСТРО** (Monteiro Ferreira de Castro) Луис де Соуса, граф – посол Португалии в Великобритании в 1936–1943 гг.
- МОРРИСОН** (Morrison) Герберт Стэнли (1888–1965) – лидер лейбористской фракции палаты общин в 1931–1940 гг., министр снабжения Великобритании в апреле–октябре 1940 г., министр внутренних дел и национальной безопасности в октябре 1940–1945 г.
- МОСЛИ** (Mosley) Освальд Эрнальд (1896–1980) – основатель и лидер Британского союза фашистов (с 1932 г.), интернирован как пособник Германии в 1940–1943 гг.
- МОХАММЕД** Реза Пехлеви (1919–1980) – шах Ирана с 16 сентября 1941 до 5 февраля 1979 г.
- МУР БРАБАЗОН** (Brabazon) Джон Теодор Кадберт Мур (1884–1964), барон – министр транспорта в 1940 г., министр авиационного производства Великобритании в 1941–1942 гг.
- МУССОЛИНИ** (Mussolini) Бенито (1883–1945) – основатель фашистской партии Италии в 1919 г., премьер-министр, военный министр, министр внутренних дел в 1922–1943 гг.
- МЭСОН-МАКФАРЛАН** (МАКФАРЛЕЙН) (Mason-McFarlane) Фрэнк Ноэл (1889–1953) – генерал-лейтенант, директор военной разведки британских экспедиционных сил во Франции в 1939–1940 гг., глава британской военной миссии в Москве в 1941–1942 гг. Вице-губернатор и гу-

- бернатор Гибралтара в 1940–1944 гг. Главный комиссар союзного командования в Италии в 1941–1944 гг.
- МЮЗЕЛЬЕ (Muselier) Е. (1882–1965) – адмирал, командующий морскими силами движения Свободная Франция в 1940–1942 гг., член ФНК в 1941 – марте 1942 г.
- НАДЖИАР (Наджияр) (Naggiar) Поль-Эмиль (1883–?) – посол Франции в СССР в 1939–1940 гг.
- НАЙ (Nye) Арчибальд Эдвард (1895–1967) – заместитель начальника имперского генерального штаба Великобритании в 1941–1945 гг.
- НАПОЛЕОН I (Napoléon) Бонапарт (1769–1821) – французский император (1804–1814, 1815).
- НАШАТ-ПАША (Nassan Nachât Pacha) – посол Египта в Великобритании.
- НЕГРИН Лопес (Negrin Lopez) Хуан (1894–1956) – премьер-министр Испанской республики в 1937–1939 гг., глава республиканского правительства в эмиграции в 1939–1945 гг., член Испанской социалистической рабочей партии.
- НЕРУ (Nehru) Джавахарлал (1889–1964) – сподвижник М.К. Ганди, один из лидеров партии Индийский национальный конгресс.
- НИКОЛЬСОН (Nicolson) Гарольд Джордж (1886–1968) – британский дипломат, писатель, журналист. Член палаты общин в 1935–1945 гг., национал-лейборист.
- НИНЧИЧ (Ninčić) Момчило (1876–1949) – югославский дипломат, с марта 1941 г. министр иностранных дел Югославии, занимал этот пост в эмигрантском правительстве до января 1943 г.
- НОВИКОВ Кирилл Васильевич (1905–1983) – советник полпредства (посольства) СССР в Великобритании в 1940–1942 гг., заведующий 2-м Европейским отделом НКВД/МИД СССР в 1942–1947 гг.
- НОГЕ (Nogés) Шарль Огюст (1876–1971) – французский военный и колониальный деятель, член Высшего военного совета в 1936–1940 гг., генеральный резидент в Марокко, одновременно командующий французскими войсками в Марокко в 1936–1942 гг.
- НОКС (Кнох) Фрэнк (1874–1944) – государственный деятель США, министр военно-морского флота в 1940–1944 гг. Член республиканской партии.
- НОРМАН (Norman) Монтэгю Коллет (1871–1950) – управляющий Банком Англии в 1920–1944 гг.
- НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Noel-Baker) Филип Джон (1889–1982) – лейборист, член палаты общин, парламентский секретарь Министерства военного транспорта в 1942–1945 гг.
- ОКИНЛЕК (Auchinleck) Клод (1884–1981) – фельдмаршал, главнокомандующий британских сил на Среднем Востоке в 1941–1942 гг., в Индии в 1941, 1943–1947 гг.
- ОРИОЛЬ (Auriol) Венсан (1884–1956) – один из лидеров Французской социалистической партии, противник перемирия 1940 г. с Германией, в 1942 г. переехал в Лондон и присоединился к генералу де Голлю, в 1943 г. направлен в Алжир, в 1944–1945 гг. министр без портфеля, в 1947–1958 гг. президент Французской республики.
- ОСУСКИЙ (Osouský) Штефан (1889–1973) – член Чехословацкого национального комитета в Париже в 1939–1940 гг., министр эмигрантского правительства в Великобритании в 1940–1942 гг.
- ПААСИКИВИ (Paasikivi) Юхо Кусти (1870–1956) – финский государственный и политический деятель, дипломат, посол в СССР в 1940–1941 гг., премьер-министр Финляндии в 1918, 1944–1946, президент страны в 1950–1956 гг.
- ПАВЕЛ Карагеоргиевич (1893–1976), принц – югославский государственный деятель, регент малолетнего короля Югославии Петра II в 1934–1941 гг., в марте 1941 г. подписал декрет о присоединении страны к прогерманскому Тройственному пакту, смещен в результате государственного переворота, бежал в Кению.
- ПАВЕЛИЧ (Pavelić) Анте (1889–1959) – хорватский политический деятель, лидер Усташской хорватской революционной организации в 1929–1945 гг., председатель и министр иностранных дел марионеточного «Независимого государства Хорватия» под эгидой Германии в 1941–1945 гг.
- ПАЙЯР (Payart) Жан-Жозеф (1892–?) – временный поверенный в делах Франции в СССР в 1931–1941 гг.
- ПАЛЕВСКИЙ Гастон – начальник личной канцелярии премьер-министра Франции П. Рейно (1940), начальник личной канцелярии генерала де Голля.
- ПАПА Римский см. Пий XII.

- ПАПЕН (Papen) Франц фон (1879–1969) – посол Германии в Турции в 1939–1944 гг.
- ПАРМУР (Par Moor) (Криппс Чарльз Альфред) (1852–1941), барон – член палаты лордов от лейбористов.
- ПАУНД (Pound) Альфред Дадли Пикмен Роджерс (1877–1943) – адмирал флота, главнокомандующий британских сил на Средиземноморском театре военных действий в 1936–1939 гг.; 1-морской лорд в 1939–1943 гг.
- ПАУНОЛЛ (Pownall) Генри Ройдс (1887–1967) – генерал-лейтенант, заместитель главного начальника имперского Генерального штаба в 1941 г., главнокомандующий на Дальнем Востоке в 1942 г., командующий на Цейлоне в 1942–1943 гг. Военный консультант У. Черчилля при написании им книги «Вторая мировая война».
- ПЕЙРУТОН (Peyrouton) Марсель (1887–1983) – французский генерал, генеральный резидент в Тунисе (1940), министр внутренних дел правительства Виши в 1940–1941 гг., посол Виши в Аргентине в 1941–1942 гг., генерал-губернатор Алжира (1943).
- ПЕРСИВАЛЬ (Percival) Артур Вудворд (1887–1966) – генерал-лейтенант, начальник штаба 1-го корпуса Британских экспедиционных сил во Франции. После эвакуации из Дюнкерка – помощник начальника Генерального штаба. Глава Малайского командования с июля 1941 г. Отдал приказ о капитуляции Сингапура 15 февраля 1942 г.
- ПЕРТИНАКС см. Жеро Ш. Ж. А.
- ПЕТЕРСОН (Peterson) Морис Драммонд (1889–1952) – британский дипломат, посол Великобритании в Испании в 1939–1940 гг., в Турции в 1944–1946 гг.
- ПЕТИК-ЛОУРЕНС (Pethick-Lawrence) Фредерик Уильям (1871–1961) – член палаты общин, лейборист, государственный секретарь по делам Индии и Бирмы в 1945–1947 гг.
- ПЕТР II Карагеоргиевич (1923–1970) – король Югославии с 1934 г.
- ПЕТЕН (Петэн) (Pétain) Анри Филип Бенони Омер Жозеф (1856–1951) – французский военный и государственный деятель, маршал (1918), посол Франции в Испании в 1939–1940 гг., заместитель премьер-министра, затем премьер-министр (1940), подписал соглашение о капитуляции Франции 22 июня 1940 г., глава коллаборационистского правительства Виши, президент Государственного совета в 1940–1944 гг.
- ПИЙ XII (в миру Эуджио Пачелли) (1876–1958) – папа Римский в 1939–1958 гг.
- ПИК (Peak) Чарльз Бринкли Пембертон (1897–1958) – британский дипломат, советник посольства во Франции в 1939 г. Руководитель отдела новостей Форин оффис в 1939–1941 гг. Представитель ФО при ФНК и ФКНО в 1942–1944 гг.
- ПИКА Гелиодор (1879–1949) – член Чехословацкого национального комитета в Париже в октябре 1939 г., член чехословацкого эмигрантского правительства в 1940 г. Начальник чехословацкой военной миссии в СССР в 1941–1945 гг.
- ПИЛСУДСКИЙ (Pilsudski) Юзеф (1867–1935) – премьер-министр Польши в 1926–1928, 1930 гг., военный министр в 1926–1935 гг.
- ПИТТ (Pitt) Уильям Младший (1759–1806) – премьер-министр Великобритании в 1783–1801 гг.
- ПЛОТНИКОВ Виктор Андреевич (1898–?) – полпред СССР в Финляндии (1939), в Норвегии в октябре 1939 – июне 1940 г., в Югославии (1940–1941), с 1941 г. – в отставке.
- ПОЛЛИТ (Pollitt) Гарри (1890–1960) – один из основателей Коммунистической партии Великобритании, член ИККИ и Президиума ИККИ в 1924–1943 гг., генеральный секретарь КПВ в 1929–1956 гг.
- ПОЛЬ-БОНКУР (Paul-Boncour) Жозеф (1873–1972) – французский государственный и политический деятель, сенатор в 1931–1940 гг., премьер-министр Франции в 1932–1933 гг.
- ПОСТАН (Postan) Майкл М. (1898–1981) – профессор истории экономики в Кембридже в 1935–1965 гг., руководитель подразделения Министерства экономической войны в 1939–1942 гг.
- ПОТЕМКИН Владимир Петрович (1874–1946) – заместитель наркома иностранных дел СССР в 1937–1940 гг., нарком просвещения РСФСР в 1940–1946 гг., академик АН СССР (1943), президент АПН СССР в 1943–1946 гг.
- ПРАЙС (Price) Филипп Морган – член палаты общин, лейборист.
- ПРИСТЛИ (Priestley) Джон Бойнтон (1894–1984) – английский писатель.
- ПРИТТ (Pritt) Дэннис Ноуэлл (1887–1972) – британский общественный деятель, юрист, председатель английского Общества культурной связи с СССР в 1933–1969 гг. «Независимый» член палаты общин в 1940–1950 гг.
- ПРОКОПЕ (Procope) Юхан Ялмар Фредерик (Хьялмар Йохан) (1889–1954) – финский политик и дипломат, посланник в США в 1938–1944 гг.
- ПРХАЛА (Prchala) Л. – чешский генерал, во время Второй мировой войны в эмиграции.

- ПРЮТЦ** (Prytz) Бьерн Пер Густав (1887–1972) – шведский промышленник, дипломат, посланник Швеции в Великобритании в 1938–1947 гг.
- ПЬЕРЛО** (Pierlot) Юбер (1883–1963), граф – премьер-министр правительства Бельгии в 1939–1940 гг., глава эмигрантского правительства Бельгии в Великобритании (1940–1944).
- ПЭЙДЖЕТ** (Paget) Бернард (1887–1961) – главнокомандующий территориальной армии Британии в 1941–1945 гг.
- РАЧИНСКИЙ** (Raczyński) Эдвард (1891–1993), граф – посол Польши в Великобритании в 1934–1945 гг., исполнял в 1941–1942 гг. обязанности министра иностранных дел польского правительства в эмиграции.
- РАЧКЕВИЧ** (Rackiewicz) Владислав (1885–1947) – президент Польской республики (1939–1947), в 1939–1945 гг. в эмиграции в Лондоне.
- РЕЙНО** (Reynaud) Поль (1878–1966) – министр финансов Франции в 1938 – марте 1940 г.; премьер-министр Франции, министр иностранных дел и национальной обороны в марте–июне 1940 г. Арестован правительством Виши в сентябре 1940 г., в 1943–1945 гг., находился в заключении в Германии.
- РИБЕНТРОП** (Ribbentrop) Иоахим фон (1893–1946) – государственный деятель и дипломат Германии, министр иностранных дел в 1938–1945 гг. Международным трибуналом приговорен к смертной казни.
- РОБСОН** (Robeson) Поль (1898–1976) – американский певец, актер, общественный деятель.
- РОДЕН** (Rodin) Огюст (1840–1917) – французский скульптор.
- РОКОССОВСКИЙ** Константин Константинович (1896–1968) – Маршал Советского Союза, командующий Центральным фронтом с февраля 1943 г., Белорусским фронтом с октября 1943 г., действиями советских войск во многих танковых сражениях, в том числе в Московской, Сталинградской, Курской битвах, в Берлинской операции. Командовал Парадом Победы в Москве 24 июня 1945 г.
- РОМЕР** (Romer) Марк Лемон (1866–1944), барон – судья, постоянный член апелляционного суда в 1938–1944 гг.
- РОМЕР** (Romer) Тадеуш (1894–1960) – посол польского эмигрантского правительства в СССР в 1942–1943 гг., министр иностранных дел в составе этого правительства в 1943–1944 гг.
- РОСТОВСКИЙ** Семен Николаевич (псевдонимы – Леонидов А., Эрнст Генри) – публицист и писатель, во время войны редактор «Советского военного еженедельника» и газеты «Советские военные новости», издававшихся в Лондоне.
- РОТЕРМИР** (Rothermer) (Rothermere) Гарольд Сидней Хармсуорт (1868–1940), лорд – британский газетный магнат, консерватор.
- РОТШТЕЙН** (Rothstein) Андрей Федорович (Эндрю) (1898–1994) – общественный деятель Англии, историк, журналист, заведующий Лондонским отделением РОСТА, затем ТАСС в 1932–1945 гг.
- РУБИНИН** Евгений Владимирович (1894–1980) – дипломат, полпред СССР в Бельгии и по совместительству в Люксембурге в 1935–1940 гг., преподаватель Высшей дипломатической школы НКВД/МИД СССР в 1941–1954 гг.
- РУЗВЕЛЬТ** (Roosevelt) Франклин Делано (1882–1945) – 32-й президент США в 1933–1945 гг., член демократической партии. Выдающийся государственный деятель XX в. Подробнее см.: Дневник... М., 2006. Кн. 1. С. 515.
- РЫДЗ-СМИГЛЫ** (Rydz-Smigly) Эдвард (1886–1944) – главнокомандующий польской армии (1939), в сентябре 1939 г. бежал в Румынию.
- РЭТБОУН** (Rathbone) Элеонора Флоренс (1872–1946) – независимый член парламента (1929–1946), известная деятельница суфражистского движения.
- РЮТИ** (Ryti) Ристо Хенрик (Хейкки) (1889–1956) – финский государственный деятель, премьер-министр Финляндии в 1939–1940 гг., президент в 1940–1944 гг., осужден как виновник войны, амнистирован в 1949 г.
- САЙМОН** (Simon) Джон Олсбрук (1873–1954), виконт – министр финансов Великобритании в 1937–1940 гг., лорд-канцлер в 1940–1945 гг. Национал-либерал.
- САЛАЗАР** (Salazar) Антониу ди Оливейра (1889–1970) – председатель Совета министров Португалии с 1932 г. Основатель и председатель правящей партии «Национальный союз».
- САНДЛЕР** (Sandler) Рикард Юханнес (1884–1964) – один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции, министр иностранных дел с короткими перерывами в 1932–1939 гг.

- САРАДЖОГЛУ (Saraçoğlu) Шюкрю (1887–1953) – министр иностранных дел Турции в 1938–1942 гг., премьер-министр в 1942–1946 гг.
- САРДЖЕНТ (Sargent) Орм Гастон (1884–1962) – помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании с 1939 г.
- СВИНХУВУД (Svinhufvud) Пер Эвинд (1861–1944) – президент Финляндии в 1931–1937 гг.
- СЕРРАНО Суньер Рамон – зять генерала Франко, президент Политической хунты Испанской традиционной фаланги и ХОНС, министр внутренних дел с августа 1939 г., министр иностранных дел с 17 октября 1939 по сентябрь 1942 г.
- СЕСИЛ (Cecil) Эдгар Элджернон Роберт (1864–1958), лорд – президент «Союза Лиги Наций» в 1923–1945 гг.
- СИГЭМИЦУ (Сигемицу) (Sigemitsu) Мамору (Маморе) (1887–1957) – посол Японии в Великобритании в 1938–1941 гг., в Виши в 1942 г., в Нанкине в 1942–1943 гг., министр иностранных дел, одновременно министр по делам Великой Восточной Азии в 1943–1945 гг.
- СИДС (Seeds) Уильям (1882–1973) – посол Великобритании в СССР в январе 1939 – июне 1940 г., отозванный в конце декабря 1939 г. в отпуск, в СССР не возвращался; до лета 1940 г. его представлял в Москве временный поверенный в делах.
- СИКОРСКИЙ (Sikoriski) Владислав (1881–1943) – генерал, польский военный и государственный деятель, премьер-министр польского правительства в эмиграции в 1939–1943 гг. Погиб в авиационной катастрофе.
- СИЛВЕРМЕН (Silverman) Сэмюел Сидней (1895–1968) – бакалавр искусств и права, лейборист, член палаты общин в 1935–1968 гг., председатель Британской секции Всемирного еврейского конгресса.
- СИЛЬВЕСТЕР (Silvester) Альберт Джеймс – английский дипломат, личный секретарь Д. Ллойд Джорджа.
- СИМОВИЧ (Simovitch) Душан (1882–1962) – генерал, глава югославского эмигрантского правительства в апреле 1941 – январе 1942 г.
- СИМОПУЛОС (Simopoulos) Харламπος (1874–1942) – посланник Греции в Великобритании в 1934–1942 гг.
- СИНКЛЕР (Sinclair) Арчибальд Генри Макдональд (1890–1970) – лидер либеральной партии в 1935–1945 гг., член парламента, министр авиации Великобритании в 1940–1945 гг.
- СИТРИН (Citrine) Уолтер Макленнан (1887–1983) – генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов в 1926–1946 гг., председатель Международной федерации профсоюзов в 1928–1945 гг., директор газеты «Дейли геральд» в 1929–1946 гг.
- СКЛЯРОВ Иван Андреевич (1901–1971) – военный атташе полпредства СССР, резидент ГРУ в Великобритании в 1940–1946 гг.
- СМИС (Smith) Том (1886–1953) – член палаты общин в 1933–1946 гг., член Англо-русского парламентского комитета.
- СМЭТС (Smuts) Ян Христиан (1870–1950) – фельдмаршал, премьер-министр доминиона Южно-Африканский Союз в 1939–1948 гг., министр иностранных дел и министр обороны. Основатель Объединенной партии.
- СОБОЛЕВ Аркадий Александрович (1903–1964) – генеральный секретарь НКВД СССР в 1939–1942 гг., советник посольства СССР в Великобритании в 1942–1945 гг.
- СОЛСБЕРИ (Salisbury) Джеймс Эдвард Гаскойн Сесил (1861–1947), 4-й маркиз Солсбери – президент Национального союза консервативных и юнионистских организаций в 1942–1945 гг.
- СОСНКОВСКИЙ (Сосновский) (Sosnkowski) Казимеж (Казимир) (1885–1969) – командир 1-го польского корпуса, сформированного в Англии, в 1940–1941 гг. оборонял побережье Шотландии, с 1943 г. главнокомандующий польских вооруженных сил.
- СПААК (Spraak) Поль Анри (1899–1972) – дипломат, министр иностранных дел Бельгии в 1936–1957 гг., эмигрировал в Великобританию после вторжения германских войск в страну.
- СПИРС (Spears) Эдуард Льюис (1886–1974) – генерал-майор (с 1940 г.), дипломат, член британского парламента.
- СТАЛИН (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС (1922–1953). Подробнее см.: Дневник... Кн. 1. С. 516.
- СТЕТТИНИУС (Stettinius) Эдвард Р. (1900–1949) – промышленник и государственный деятель США, руководитель программ ленд-лиза в 1941–1943 гг., заместитель госсекретаря в 1943–1944 гг.
- СТРАБОЛГИ (Strabolgi) Джозеф Монтегю Кенворти (1886–1953), лорд – лейборист, лидер оппозиции в палате лордов в 1938–1942 гг.

- СТРЕЙЧИ (Strachey) Джон (1901–1963) – английский экономист и журналист, комментатор Би-Би-Си; лейборист.
- СТРЭНГ (Strang) Уильям (1893–1978) – помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании (1939–1943).
- СТЭНДЛИ (Standley) Уильям Харрисон (1872–1963) – адмирал, посол США в СССР в 1942–1943 гг.
- СТЭНЛИ (Stanley) Оливер Фредерик Джордж (1896–1950) – министр торговли Великобритании в 1937 – январе 1940 г., военный министр в 1940–1942 гг., министр по делам колоний в 1942–1945 гг.
- СУБОТИЧ (Soubotitch) Иван – посланник Югославии в Великобритании в 1939–1941 гг.
- СУИНТОН (Swinton), лорд см. Канлиф-Листер Ф.
- СУНЬ ФО (1891–1973) – председатель Законодательного юэня Китайской республики, глава специальной миссии Китая в европейских странах в 1938–1939 гг.
- СУНЬЕР С. см. Серрано С.
- СУРИЦ Яков Захарович (1882–1952) – дипломат, полпред СССР во Франции в 1937–1940 гг., советник НКВД СССР в 1940–1945 гг.
- СФОРЦА (Sforza) Карло (1872–1952) – итальянский политический деятель, дипломат. После вторжения германских войск переехал в июне 1940 г. в Великобританию, затем в США. Создал республиканское движение «Италия либера». После падения режима Муссолини один из лидеров Партии действия в Италии.
- ТАБУИ (Tabois) Женестьева – известная французская журналистка, находилась в эмиграции в США в период оккупации Франции.
- ТАННЕР (Tanner) (до 1895 – Tomasson) Вяйнё Альфред (1881–1966) – финский государственный и политический деятель, социал-демократ; депутат сейма в 1919–1945 гг., министр финансов в 1937–1939, 1942–1944 гг., министр иностранных дел в 1939–1940 гг., министр торговли и промышленности в 1941–1942 гг.
- ТАННЕР (Tanner) Джек (1889–?) – лидер Объединенного союза механиков, в 1939–1954 гг., председатель Международной федерации профсоюзов.
- ТЕЛЕКИ (Телеки де Шек) (Teleki de Dzéky) Пал (1879–1941), князь – венгерский государственный деятель, министр-президент Венгрии в 1939–1941 гг.
- ТЕМПЛ (Temple) Уильям (1881–1944) – архиепископ Йоркский в 1929–1942 гг., затем – архиепископ Кентерберийский.
- ТЕПЛОВ Леонид Федорович (1909–?) – сотрудник центрального аппарата НКВД СССР в 1941–1943 гг., сотрудник посольства СССР в Великобритании в 1943–1944 гг.
- ТИМОШЕНКО Семен Константинович (1895–1970) – Маршал Советского Союза. Нарком обороны СССР в мае 1940 – июле 1941 г.; заместитель наркома обороны в июле–сентябре 1941 г. Командующий Сталинградским фронтом в июле 1942 г., Северо-Западным фронтом в октябре 1942 – марте 1943 г.
- ТИРПИЦ (Thomas) Альфред фон (1849–1930) – гросс-адмирал, морской статс-секретарь (министр) Германии в 1897–1916 гг., сторонник неограниченной подводной войны в период Первой мировой войны.
- ТИТО (БРОЗ ТИТО) (Broz Tito) Иосип (1892–1980) – маршал, политический и военный деятель Югославии. Создатель и верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии. Председатель Национального комитета освобождения с ноября 1943 г.
- ТОМАС (Thomas) Джеймс Генри (1874–1949) – один из лидеров Лейбористской партии Великобритании и тред-юнионов, генеральный секретарь Национального профсоюза железнодорожников в 1917–1931 гг., член парламента.
- ТРЕНЧАРД (Trenchard) Монтэгю Хью (1873–1956), виконт – маршал авиации. Председатель Объединенной африканской компании.
- УИЛКИ (Виллки) (Willkie) Уэнделл (Вендел) Льюис (1892–1944) – юрист, бизнесмен, политический деятель США, член республиканской партии, специальный представитель президента Ф. Рузвельта при посещении СССР в 1942 г.
- УИЛКИНСОН (Wilkinson) Эллен (1891–1947) – видный профсоюзный деятель, член парламента, лейборист, заместитель министра внутренних дел Великобритании в 1940–1945 гг.
- УИНТЕРТОН (Winterton) Эдуард Тернер (1883–1962), лорд – консерватор, член парламента.

- УЛЬЯНОВА Мария Ильинична (1878–1937) – партийный деятель, член Комиссии партийного контроля с 1934 г., сестра В.И. Ульянова (Ленина).
- УМАНСКИЙ Константин Александрович (1902–1945) – дипломат и журналист, полпред СССР в США в 1939–1941 гг., член Коллегии НКВД СССР в 1941–1943 гг., посол СССР в Мексике в 1943–1945 гг.
- УОЛЛЕС (Wallace) Генри Агард (1888–1965) – политический и государственный деятель США. Министр сельского хозяйства в 1933–1940 гг. Вице-президент США в 1941–1945 гг.
- УОРДЛОУ-МИЛН (Wardlow-Milne) Джон С. (1878–1967) – член палаты общин в 1922–1945 г., консерватор.
- УЭЙВЕЛЛ (Wavell, Вевель) (Wavell) Арчибальд Персивал (1883–1950) – фельдмаршал (с 1943 г.), главнокомандующий британских сил на Среднем Востоке в 1939–1941 гг., в Индии, Бирме в 1941–1942 гг., вице-король Индии в 1943–1947 гг. Верховный главнокомандующий союзных сил в юго-западной части Тихого океана в декабре 1941–1943 гг.
- УЭЛЛЕС (Welles) Самнер (1892–1961) – политический деятель, дипломат, заместитель госсекретаря США в 1937–1943 гг.
- УЭЛЛС (Wells) Герберт Джордж (1866–1946) – английский писатель, общественный деятель. Подробнее см.: *Дневник...* Кн. 1. С. 518.
- УЭЛЬСКИЙ принц см. Эдуард VIII
- ФЕОНОВ Николай Иванович (1905–?) – сотрудник торгпредства СССР в Великобритании в 1938–1945 гг. в
- ФИЛОВ Богдан Димитров (1883–1945) – министр народного просвещения Болгарии в 1938–1940 гг., премьер-министр Болгарии в 1940–1943 гг.
- ФИРЛИНГЕР (Fierlinger) Зденек (1891–1976) – дипломат, полковник чехословацкой армии, советник МИД, посланник, атем послол в СССР в 1937–1945 гг. с перерывом.
- ФИШЕР (Fisher) Луи – американский журналист, автор ряда книг по международной политике.
- ФЛАНДЕН (Flandin) Пьер Этьен (1889–1958) – французский политический деятель, министр иностранных дел в коллаборационистском правительстве Виши в 1940–1941 гг.
- ФЛЕТЧЕР (Fletcher) Реджинальд Томас Герберт (1885–1961), барон Уинстер (Winster) – политик, капитан-лейтенант, член палаты общин в 1935–1942 гг., лейборист, парламентский личный секретарь министра ВМФ Великобритании в 1940–1942 гг.
- ФОР (Faure) Поль (1878–1960) – генеральный секретарь Французской социалистической партии в 1920–1939 гг.
- ФРАНКО БААМОНДЕ (Franco Bahamonde) Франсиско (1892–1975) – генерал, организатор фашистского переворота в Испании в 1936 г., глава испанского государства в 1939–1975 гг.
- ФУТ (Foot) Майкл (1913–?) – известный английский публицист, редактор газеты «Ивнинг стандарт» в 1938–1942 гг., член палаты общин, лейборист.
- ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ I (1892–1975) – император Эфиопии в 1935–1974 гг. Подробнее см.: *Дневник...* Кн. 1. С. 518.
- ХАНССОН (Hansson) Пер Альбин (1885–1946) – государственный и политический деятель Швеции, премьер-министр в 1932–1946 гг., председатель Социал-демократической рабочей партии в 1925–1946 гг.
- ХАРЛАМОВ Николай Михайлович (1905–1983) – адмирал, с июня 1941 г. военно-морской атташе и глава военной миссии СССР в Великобритании. Заместитель начальника Главного штаба ВМФ с 1944 г.
- ХАРРИС (Harris) Артур Треверс (1892–1984) – главный маршал авиации. Начальник бомбардировочной авиации Великобритании в феврале 1942 – сентябре 1945 г.
- ХАРРИС (Harris) Перси – парламентский организатор либеральной партии.
- ХЕЙЛШЕМ (Hailsham) Дуглас (Хогг Д.М.) (1872–1950), лорд – военный министр в правительстве Н. Чемберлена, консерватор.
- ХЕММИНГ (Hemming) А. Фрэнсис (1893–1964) – британский дипломат, генеральный секретарь лондонского Комитета по невмешательству в дела Испании, руководил экономической секцией секретариата военного кабинета в 1939–1940 гг., главный помощник министра внутренних дел и национальной безопасности в 1941–1945 гг.
- ХЁШ (Хёш) (Hösch) Леопольд Густав Александр фон (1881–1936) – дипломат, посол Германии в Великобритании в 1932–1936 гг.

- ХИКС (Hicks) Джордж (1879–1954) – парламентский секретарь министра труда Великобритании в 1940–1945 гг., лейборист, генеральный секретарь Объединенного союза рабочих строительной промышленности в 1921–1940 гг., член Англо-русского парламентского комитета.
- ХОГГ (Hogg) Квинтин (1907–?), 2-й виконт Хейлшем (Hailsham) – консерватор, член британского парламента в 1938–1950 гг.
- ХОКОН (Haakon) VII (1872–1957) – король Норвегии с 1905 г. из династии Глюксбургов, в 1940–1944 гг. главнокомандующий вооруженных сил Норвегии, находился в Великобритании в период оккупации Норвегии.
- ХОЛСТИ (Holsti) Эйно Рудольф Вальдемар (1881–1945) – министр иностранных дел Финляндии в 1919–1922, 1936–1938 гг., представитель Финляндии в Лиге Наций в 1927–1940 гг., посланник в Швейцарии.
- ХОР (Hoare) Сэмюэл (Самуэль) Джон Генри, виконт Темплвуд (1880–1959) – английский политический деятель, консерватор, лорд-хранитель печати в 1939–1940 гг., министр авиации в 1940 г., посол Великобритании в Испании в 1941–1944 гг.
- ХОР-БЕЛИША (Hore-Belisha) Исаак Лесли (1894–1957) – военный министр Великобритании в мае 1937 – январе 1940 г., национал-либерал.
- ХОРДЕР (Horder) Томас Дживс (1871–1955), барон – доктор медицины, общественный деятель, председатель имперского совета по борьбе с ревматизмом в 1936–1953 гг., один из организаторов Фонда для облегчения положения женщин и детей Советской России (октябрь 1941 г.).
- ХОРNER (Hoerner) Артур Льюис (1894–1968) – генеральный секретарь Федерации горняков Великобритании.
- ХЭЛЛ (Hull) Корделл (1871–1955) – американский политический деятель и дипломат, государственный секретарь США в 1933–1944 гг.
- ХЭНКИ (Hankey) Роберт Морис Алерс (1877–1963), лорд – британский дипломат, министр без портфеля в 1939–1940 гг., канцлер герцогства Ланкастерского и главный казначей в 1940–1942 гг.
- ЧАЙКОВСКИЙ** Петр Ильич (1840–1893) – русский композитор.
- ЧАКИ де Коросегг Э. Адорьян Иштван (Стефан) – венгерский дипломат, министр иностранных дел в 1939–1941 гг.
- ЧАН КАЙШИ (Chiang-Kai-shek) (Цзян Цзешу) (Цзян Чжунчжэн) (1887–1975) – генералиссимус, китайский государственный и военный деятель, руководитель партии Гоминьдан с 1925 г., президент Исполнительного юаня Китая с 1928 г., главнокомандующий китайской армии с 1935 г., глава правительства на о-ве Тайвань с 1949 г.
- ЧЕМБЕРЛЕН (Chamberlain) Джозеф (1836–1914) – министр колоний Великобритании в 1895–1903 гг.
- ЧЕМБЕРЛЕН (Chamberlain) (Артур) Невил (1869–1940) – премьер-министр Великобритании в 1937–1940 гг., лорд-председатель Совета в мае–октябре 1940 г., консерватор.
- ЧЕМБЕРЛЕН (Chamberlain) Остин (1863–1937) – брат Н. Чемберлена, консерватор, член парламента, дипломат; министр иностранных дел в 1924–1929 гг., морской министр (1931).
- ЧЕРЧИЛЛЬ (Churchill) Клементина Хоузер (1885–1977) – супруга У. Черчилля.
- ЧЕРЧИЛЛЬ (Churchill) Рандольф (1911–1968) – британский журналист, во время Второй мировой войны служил в 4-м гусарском полку, в десантно-диверсионной службе, отряде парашютистов спецслужбы ВВС, сын У. Черчилля.
- ЧЕРЧИЛЛЬ (Churchill) Сара (1914–1982) – актриса, выступала в бродвейских мюзиклах, в период Второй мировой войны служила в Женской вспомогательной авиации в отделе аэрофотосъемки, адъютант У. Черчилля на Тегеранской и Ялтинской конференциях, дочь У. Черчилля.
- ЧЕРЧИЛЛЬ (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – премьер-министр и министр обороны Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг., один из лидеров консервативной партии. Подробнее см.: Дневник... Кн. I. С. 519.
- ЧЕТФИЛД (Chatfield) Альфред Е.М. (1873–1967), барон – адмирал, министр по координации обороны в январе 1939 – апреле 1940 г.
- ЧИАНО (Чиано ди Кортелазцо) (Ciano di Cortelazzo) Галеазцо, граф (1903–1944) – министр иностранных дел Италии в 1936–1943 гг., зять Муссолини.
- ШВЕРНИК** Николай Михайлович (1888–1970) – первый секретарь ВЦСПС в 1930–1944 гг., председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1931–1946 гг.
- ШИНУЭЛ (Shinwell) Эмануэл (1884–?) – лейборист, член палаты общин.

- ШОТАН** (Chautemps) Камиль (1885–1963) – премьер-министр Франции в 1930, 1933–1934, 1937–1938 гг., заместитель премьер-министра в 1938–1940 гг.
- ШОУ** (Shaw) Джордж Бернард (1856–1950) – всемирно известный английский драматург, романист, публицист, лауреат Нобелевской премии (1925). Подробнее см.: Дневник... Кн. 1. С. 520.
- ШТЕЙНГАРДТ** (Steingardt) Лоуренс Адольф (1892–1950) – юрист, финансист, дипломат, посол США в СССР в 1939–1941 гг., в Турции в 1941–1944 гг.
- ШУЛЕНБУРГ** (Schulenburg) Фридрих Вернер (1875–1944), граф, фон – посол Германии в СССР в 1934–1941 гг. Подробнее см.: Дневник... Кн. 1. С. 520.
- ЭВАНС** (Evans) Эдуард Редклиф Г.Р. (1880–1957) – британский адмирал (1936), руководитель гражданской обороны Лондона в 1939–1945 гг.
- ЭДУАРД VIII** (Edward VIII) (1894–1972) – король Великобритании с 20 января по 11 декабря 1936 г., после отречения от престола в пользу брата Георга VI получил титул герцога Виндзорского.
- ЭЙЗЕНХАУЭР** (Eisenhower) Дуайт Дэвид (1890–1969) – военный и государственный деятель США, генерал армии (1944). Командующий войсками США в Европе в июле 1942 г. Главнокомандующий экспедиционных сил союзников на Средиземноморском театре военных действий в 1942–1943 гг. Верховный главнокомандующий экспедиционных войск союзников в операции «Оверлорд» с января 1944 г.
- ЭКЛЕНД** (Acland) Ричард (1906–?) – член палаты общин в 1933–1945 гг., левый либерал, один из основателей популистской партии «Благосостояние» (1944).
- ЭЛЛИОТ** (Elliot) Уолтер (1888–1958) – консерватор, член палаты общин, министр здравоохранения Великобритании в 1938–1940 гг.
- ЭЛМХЕРСТ** (Elmhirst) Леонард (1893–1974) – специалист по экономике сельского хозяйства, председатель организации политического и экономического планирования.
- ЭМЕРИ** (Amery) Леопольд Чарльз Морис Стеннет (1873–1955) – консерватор, член британского парламента с 1911 г., министр по делам Индии и Бирмы в 1940–1945 гг.
- ЭНГЕЛЬС** (Engels) Фридрих (1820–1895) – один из основоположников марксизма.
- ЭНДЖЕЛЛ** (Angell) (Ральф) Норман (1872–1967) – известный английский журналист-международник, публицист либерального толка, пацифист, лауреат Нобелевской премии мира (1933).
- ЭПСТАЙН** (Epstein) Джейкоб (1880–1959) – скульптор.
- ЭРККО** (Erkkö) Юхо Эльас (1895–1965) – социал-демократ, министр иностранных дел Финляндии в 1938–1939 гг., посол в Швеции в 1939–1940 гг.
- ЭРРИО** (Herriot) Эдуард (1872–1957) – один из лидеров французской партии радикалов и радикал-социалистов, председатель палаты депутатов французского парламента в 1936–1940 гг. Мэр Лиона в 1905–1940 гг. Подробнее см.: Дневник... Кн. 1. С. 520.
- ЭТТЛИ** (Attlee) Клемент Ричард (1883–1967) – член палаты общин и ее лидер в 1940–1942 гг., лидер лейбористской партии в 1935–1955 гг., лорд-хранитель печати в 1940–1942 гг., заместитель премьер-министра и министр по делам доминионов в 1942–1943 гг., лорд-президент Совета в 1943–1945 гг., премьер-министр Великобритании в 1945–1951 гг.
- ЭШТОН-ГУЭТКИН** (Ashton-Gwatkin) Фрэнк Т.А. (1889–1976) – политический советник Министерства экономической войны Великобритании в 1939–1940 гг.
- ЮРЬЕ-КОСКИНЕН** (Yrjö-Koskinen) Аарно Армас Сакари (1885–1951), барон – посланник Финляндии в СССР в 1930–1939 гг., посланник в Турции в 1940–1951 гг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айрис 262, 302
Актай А.Г. 258
Александр А. 55, 61, 69, 100, 156, 168, 170, 189, 293, 308
Александр Г. 112, 196, 221, 231, 317
Альфонсо XIII 301
Андерс В. 22, 268
Андерсон Дж. 52, 95, 98, 223, 293, 294
Арас Т. 76
Аркадьев Г.П. 331
Арним Г. фон 291, 314
Аскарате П. 207
Асквит Г. 295
Астахов Ф.А. 324
Астор Н. 147
Астор У. 147
- Бабарин Е.И. 331
Бадольо П. 199, 326
Базаров С.Т. 332
Баранов П.И. 45
Барлет В. 53, 65
Бастинани Дж. 327
Батлер Р. 13, 21, 302, 303, 305
Беверидж У. 222–224
Бевин Э. 11, 60, 98, 100, 101, 104, 223, 224, 293, 299
Бедарида Ф. 315
Белленджер 119
Бенеш Э. 60
Беннет Р. 82
Бержере Г. 197
Берия Л.П. 323
Бетховен Л. 233
Бивен Э. 61, 69, 70, 76, 144–146, 171
Бивербрук У. 7, 35, 36, 39, 47, 50, 52–54, 59–61, 66, 75, 76, 78, 81–85, 95–100, 103, 104, 111, 114, 116, 118, 119, 122, 129, 130, 136, 161, 162, 164, 167, 178, 211
Блекберн 102
Блюм И. 14, 30
Богомолов А.Е. 56, 57, 197, 225
Болдуин С. 62, 92, 102, 330
- Бомонт 119
Борисенко Д.Г. 293
Бракен Б. 53, 95, 96, 173, 257, 265, 267, 268, 270
Брейльсфорд Г. 31
Брикер О. 187
Брук А. 154
Брук-Попхэм 107
Брэдли Ф. 193
Брюс С. 105
Буденный С.М. 11, 34, 71
Буллард Р.У. 103
Бут Ч. 284, 287
- Вайен Ф. 15
Вайнант Дж. 7, 18–20, 28, 39, 53, 54, 65, 66, 77, 99, 101, 104, 129, 161, 174, 292
Ван-Клеффенс Е.Н. 105, 132, 133, 152
Ванситарт Р. 74, 146
Варга Е.С. 331
Василевская В.Л. 276, 278, 325
Веббы Б. и С. 71, 195, 277, 281, 283–286, 287–289, 304, 305, 310
Вердуйнен Дж. 131–133, 152
Верг А. 254
Вигеланн Г. 29
Вильгельмина, королева Нидерландов 131, 132, 152
Вильсон В. 295
Виноградов С.А. 232
Вознесенский Н.А. 323
Воронов Н.Н. 209
Ворошилов К.Е. 11, 71, 198, 323, 324, 332
Вуд К. 52, 95, 98, 223
Вултон 284, 286
Вышинский А.Я. 49, 74, 293, 323
- Габсбург О. фон 183
Галактионов М.Р. 332
Галифакс Э. 45, 60, 62–64, 69, 98, 104, 115, 129, 221
Галлахер У. 69
Гарвин Дж. Л. 103

- Гарриман А. 39, 40, 49, 50, 52–54, 81, 92–94,
 99, 101, 118, 161, 259, 260, 323, 325
 Гарриман К. 325
 Геббельс Й. 34, 132, 134, 153, 233, 256, 273,
 298
 Геддес О.К. 125
 Гейне Г. 65
 Георг II, король Греции 56
 Георг V, король Великобритании 296
 Георг VI, король Великобритании 128
 Геринг Г. 270, 273
 Гесс Р. 273
 Гёте И. 65
 Гиллиес У. 313, 320
 Гитлер А. 5–7, 10, 16, 17, 19, 20, 23, 32, 33, 35,
 37, 41, 42, 44, 45, 52, 57, 58, 62, 64, 68, 71,
 74, 75, 77, 79, 81, 86, 88, 97, 101, 110, 113,
 121, 126, 127, 134, 152, 159, 173, 179, 185,
 198, 200, 201, 220, 222, 243, 245, 254–256,
 260, 261, 263, 265, 271–274, 291, 295, 313,
 326
 Глазье Б. 327
 Говард М. 196
 Гоголь Н.В. 296
 Годунов Б. 76, 224
 Голиков Ф.И. 209, 323, 324
 Голль Ш. де 55, 120, 184, 187, 192, 197, 198,
 218, 247, 308, 309, 317–319, 321
 Гопкинс Г. 17–20, 23, 28, 29, 36, 93, 94, 247
 Гопкинсон 172
 Гранди Д. 326, 327
 Граур А. 136
 Гренфел Д. 69
 Гренье Ф. 289, 307
 Григг П. Дж. 98, 189, 225, 293
 Григг Э. 69
 Гринвуд А. 69, 98, 122, 125
 Грызлов А.А. 323
 Густав V Адольф, король Швеции 131
 Гют 32

 Данте 65
 Дарлан Ж. 183, 184, 199, 272
 Девисон У. 59
 Дежан М. 312, 313
 Деканозов В.Г. 293, 323, 325
 Джонстон Т. 61, 69
 Джоуитт У.А. 125
 Дилкс Д. 247
 Дилл Дж. Г. 33, 45, 46, 51, 105
 Дин Д. 323
 Дитмар 307
 Добби У. 192
 Доде А. 57
 Драгун В.М. 293
 Дрэк Б. 305
 Дункан Э. 99
 Дьюи Т.Е. 183, 187

 Дэвис Дж. 293
 Дэвис К. 69, 70
 Дэйн С. 323

 Евстигнеев В.Н. 101

 Жиро А. 187, 192, 196, 218, 247, 302, 308, 309,
 312, 316, 318, 319, 321
 Жорж А.Ж. 309
 Жуков Г.К. 209

 Залесский А. 24, 268
 Зинченко К.Е. 20, 293
 Зонов В.М. 20, 136

 Игнатъев А.А. 332
 Иден А. 5–7, 12, 14, 21–30, 33, 34, 36, 37, 40,
 41, 43, 45–47, 50, 53–55, 60, 61–63, 67–69,
 74–76, 78–80, 83, 84, 86–88, 95, 97–103,
 108–112, 115, 116, 118, 120–122, 129, 130,
 141–143, 154, 156, 157, 164, 165, 167, 168,
 170, 171, 173, 174, 178, 182, 186–190, 193–
 197, 199–202, 207, 211, 214, 216, 220–222,
 225, 227–229, 234, 236–242, 247, 252, 261,
 265, 267, 269, 273–276, 278, 288, 292–296,
 302, 308, 309, 313, 317, 321, 323, 333
 Иден Б. 65
 Извекова 78
 Илиф Э. 67
 Инёно И. 35, 202, 203, 213, 214, 333
 Исаков И.С. 332
 Исмей Г.Л. 15, 16, 54, 85, 323
 Истерман А.Л. 230, 231

 Кавам ас Салтана 103
 Кавтарадзе С.И. 323
 Каган С.Б. 296
 Каганович Л.М. 323
 Кадлипп П. 313
 Кадоган А. 21, 26, 40, 171, 247, 249, 253, 278,
 279, 293, 302
 Калинин М.И. 89, 128, 226, 228, 292, 293
 Каменев Л.Б. 131
 Каннингхэм А. 344
 Каннингхэм Дж. 317
 Каннингхэм Э. 317
 Карденас Л. 208
 Карл I 329
 Касарес К.С. 14
 Касаткин А.Г. 117
 Катру Ж. 197, 309
 Квилин П. 156
 Кейнс Дж.М. 229
 Кемроз Б.У. 298
 Кемсли Б.Дж. 298
 Кеннеди Дж.П. 20
 Керзон Дж. 131
 Керр А.К. 117, 121, 205, 222, 229, 232, 236, 272,
 275, 293, 318, 323, 325

- Клейст Э. фон 88
 Клемансо Ж. 171, 295
 Клоппер Г.Б. 150
 Коатс У.П. 319, 320
 Ковард Н. 65
 Козловский И.С. 324, 325
 Кокс С. 119
 Кол М. 305
 Коллонтай А.М. 29, 246
 Кольбан Э. 29, 56
 Кольер Л. 169
 Коноз Ф. 66
 Кончаловский П.П. 324, 325
 Корж М.В. 20
 Корнейчук А.Е. 233, 323, 325
 Кот С. 21, 22
 Красин Л.Б. 130, 131
 Крейги Р.Л. 108
 Кренборн Р. 61, 95, 98, 122
 Кривошеев Г.Ф. 358
 Криппс С. 6, 11, 12, 17, 25–27, 45, 49, 52, 67, 95, 97–101, 112, 114, 121–124, 135–137, 140, 162, 164, 185, 186, 232, 233, 283, 293
 Крутиков А.Н. 324
 Крылов С.Б. 332
 Ку Веллингтон (Гу Вэйцзюнь) 207, 234
 Кузнецов В.В. 331
 Кузнецов Н.Г. 323–325
 Купер А.Д. 13, 106
 Курто С. 303
 Кынин Г.П. 229

 Ласки Г. 305, 313
 Лауфер Й. 229
 Лафайет М.Ж. 316
 Лезерс Ф. 229, 253
 Лейт-Росс Ф.У. 125
 Ленин В.И. 59, 210, 236, 237, 289, 290, 320
 Леопольд, король Бельгии 32
 Лепехин А.Д. 20
 Ли Т.Х. 29, 30
 Лиддел-Гарт Б. 106
 Линдемманн Ф. 34
 Листоуэл Х. 228
 Литвинов М.М. 77, 93, 104–106, 108, 115, 116, 118, 121, 132, 133, 293, 320, 323, 325, 330
 Литтлтон О. 54, 97, 98, 245, 252, 253, 291, 293
 Ллевелин Дж. 98
 Ллойд Джордж Д. 32–34, 47, 70, 92, 96, 130, 131, 134, 135, 171–173, 183, 193, 195, 294–296, 304
 Лозовский А.(Дридзо С.А.) 34, 323
 Лоу Б. 98, 295
 Лоу Д. 231
 Лоу Р. 21
 Лэнг К.Г. 124
 Люс Г. 361

 Майлс Дж. 169
 Майская А.А. 5, 14, 20, 23, 29, 32, 46, 56, 59–61, 66, 67, 114, 136, 146, 294, 325, 332
 Макартур Д. 136
 Макдональд Дж. Р. 299, 327–331
 Макмиллан Г. 187, 308, 309, 317, 318
 Макнотон Э. 160
 Мак-Ювен 24, 27
 Маленков Г.М. 323
 Мандер Дж. 171
 Манштейн Э. фон 232
 Маралл Дж. К. 194, 216
 Маргесон Г. 54, 60, 61, 95, 98
 Мария Виктория 296
 Маркс К. 59, 288
 Мартель Г. 260, 323
 Мартин К. 65, 187, 188
 Мартов Ю.О. 146
 Масарик Я. 231, 273
 Массигли Р. 309
 Маунтбеттен Л. 225
 Меменджюглу Н. 203
 Мерри дель Валь де 300–302
 Микоян А.И. 293, 323–325
 Мильнер 119
 Митин М.Б. 288
 Мойн У. 98
 Мок Ж. 307, 316
 Молотов В.М. 5–6, 13, 18, 25–29, 52, 59, 67, 84, 118, 121, 128–130, 143, 148, 149, 159, 164, 179, 229, 236, 247, 258, 272, 273, 275, 292–294, 318, 320, 323–325, 332, 334
 Монне Ж. 309
 Монтгомери Б. 196
 Монтейро А. 187
 Морозовский Н.Г. 156, 168, 253
 Моррисон Г. 70, 223, 224, 229, 291, 293, 303–305
 Москвин И.М. 324, 325
 Моттистон 119
 Мохаммед Реза Пехлеви 103
 Мур-Брабазон Дж. 49, 60, 61, 76, 98, 102, 115
 Мусоргский М.П. 67
 Муссолини Б. 326, 327
 Мэйкинс Р. 100, 101
 Мэсон-Макфарлан Ф. 49, 101
 Мюзелье Э. 55, 120

 Найтингел Ф. 304
 Наполеон Бонапарт 45, 58, 209
 Натан Г.Д. 7
 Негрин Х. 9, 14, 46, 208, 307
 Ней А.Э. 112
 Никитин В.А. 323
 Нинчич М. 10
 Новиков К.В. 5, 19, 21, 22, 25, 39, 53, 136
 Нозль-Бейкер Ф. 14, 69

- Ойстрах Д. 324
 Окинлек К. 141, 142, 163
 Оливейра Р. 155, 156
 Оуэн Ф. 205
- Павел**, брат короля Греции Георга II 56
 Павлов И.П. 280, 281
 Падеревский И.М. 295
 Папен Ф. фон 213
 Паркер Дж. 305
 Паулус Ф. 204, 209, 232
 Паунд Д. 15, 17, 33, 45, 46, 51, 154, 156–162, 168–171, 174
 Паунолл Г.Р. 107
 Пейрутон М. 308, 309
 Перл Бак 252
 Персиваль А.В. 107
 Першинг Дж. 316
 Петр I Великий 20
 Петр II Карагеоргиевич, король Югославии 85
 Петров П. 319, 320
 Пий XII 183
 Пик Ч. 120
 Пипинелис 74
 Плевен Р. 197
 Португал Ч.Ф. 45, 51
 Потемкин В.П. 332
 Поттер Б. 283, 284, 286
 Пристли Дж.Б. 65
 Прютц Б. П. 44, 131, 132, 207, 234, 246
 Пэйджет Б. 81
- Раковский Х.Г.** 301
 Рамирес П. П. 317
 Рачиньский Э. 57, 237, 273, 292
 Ржешевский О.А. 143
 Ривера Ф. 310
 Ридли Дж. 119
 Ритчи Н. 102
 Робертс 39
 Рокоссовский К.К. 209
 Ромер Т. 272
 Роммель Э. 92, 101, 141, 144, 149, 160, 163, 165, 187
 Ростовский С.Н. (Эрнст Генри) 290
 Ротшильд 125
 Ротштейн А.Ф. 274
 Ротштейн Ф.А. 320
 Рузвельт Ф.Д. 19, 20, 28, 31, 33, 35, 37, 43, 52, 77, 81, 87, 93, 94, 99, 103–106, 108, 115, 116, 121, 129, 130, 137, 143, 145, 149, 151, 154, 159, 161, 163, 179, 181, 183, 187, 188, 193, 194, 197, 198, 201, 202, 214, 216, 217, 247, 253, 259, 263, 268, 288, 311, 333
 Рюти Р. 234, 246
- Саймон Дж. 72, 102, 228
 Саксин Г.Ф. 332
- Салазар А. 183
 Самсонов А.В. 33, 42
 Сандерс А.М. 305
 Сараджоглу Ш. 203
 Сарджент О. 53
 Севостьянов Г.Н. 120
 Секулич М. 85
 Сесил Э. 72–74
 Сикорский В. 21–27, 57, 101, 183, 234, 237, 239, 263, 265, 268, 269, 272–276, 278, 288, 292
 Силвермен С. 12
 Сильвестер А. Дж. 130, 171, 172
 Симович Д. 10, 85
 Симопулос Х. 55
 Синклер А. 61, 76, 122, 189
 Ситрин У. 11, 34, 49, 84, 85, 140, 141
 Склярлов И.А. 293
 Слободская О. 67
 Смирнов А.А. 103
 Смэтс Я.Х. 150
 Снелл Г. 12
 Сноуден Ф. 299, 328
 Соболев А.А. 225, 293
 Сокольников Г.Я. 296
 Солсбери, лорд 92
 Солсбери Ф. 293, 294
 Софроницкий В.В. 324
 Сохейли А. 103
 Спаак П.А. 30, 32, 101
 Сполдинг С. 323
 Сталин И.В. 9–11, 14–20, 23, 25, 27, 28, 31, 37, 39–43, 46, 48–53, 59, 61, 66, 75, 77–85, 87, 88, 93, 94, 99, 100, 103, 104, 108–111, 114–119, 121, 127–129, 133, 143, 147, 162, 165–167, 169, 174, 178, 179, 181, 185, 186, 188–190, 193–195, 201, 202, 204, 205, 207, 208, 211–214, 216–220, 222, 224, 226, 227, 229, 232, 235, 236, 243, 244, 247–254, 256, 257, 259–263, 265, 266, 268–270, 273, 275, 287–290, 297, 311, 320–324
 Стивенсон 33
 Страболги Дж. 12, 228
 Стронский С. 21
 Стрэнг У. 21, 25, 27, 52, 100, 101, 323
 Стукалов К. 171
 Стэндли У. 243, 247, 293
 Суботич И. 56
 Супрун М.Н. 156
 Суриц Я.З. 332
 Сфорца К. 326
- Таги-Заде 106
 Тагор Р. 46
 Тадаюн 103
 Таннер В.А. 234, 235, 246
 Таннер Д. 49, 102
 Тарле Е.В. 332

- Темпл У. 124, 136
 Тимошенко С.К. 57, 71, 77, 86, 88, 97, 136
 Типтафт 136
 Тито Й. 333
 Тодзио Х. 66
 Толстой А. 324
 Толстой Л.Н. 65, 142
 Томас Дж. 299
 Тренчард М. 228
- Уилки У.Л. 106, 183
 Уилкинсон 279
 Уинтертон Э.Т. 194
 Уманский К.А. 50, 53, 54, 77
 Уоллес Г. 241, 247
 Уордлоу-Милн Дж. 143, 144, 146
 Уткин А.И. 120
 Уэйвелл А. 54, 81, 105
 Уэйверли 95
 Уэллес С. 7, 45, 104, 115, 247
 Уэллс Г. 65, 284, 289, 290
- Фагерхольм К.** 234
Файрбрейс Р. 189
Федоренко Я.Н. 323
Феонов Н.И. 132
Филип А. 289, 309
Фистулари А.Г. 67
Фишер Д. 323
Флобер Г. 192
Форуги М.А. 103
Франко Баамонде Ф. 183, 187, 218
Фрезер П. 7
Фут М. 99
- Харви О.Ч.** 302
Харламов Н.М. 45, 156, 168, 170, 189, 253, 293
Харрис А. 166, 167, 171, 315
Харрис П. 81, 171, 172
Хесс М. 232, 233
Хилл Э. 171
Хмелёв Н.П. 324
Ходсон Дж. 65
Хор С. 60
Хор-Белиша Л. 144, 171
Хордана С. 187
Хорн Р. 131
Хьюгессен Х. 35
Хэворт 323
Хэлл К. 247, 323
- Цудерос Э.** 56
- Чакмак Ф.** 203
Чан Кайши 28, 117, 252, 301
Чемберлен Н. 6, 33, 62, 63, 69, 84, 92, 95, 102, 122, 301, 330
Чемоданова Е.М. 233
- Черчилль К.** 14, 15, 61, 67, 114, 146, 147, 161, 230, 292
Черчилль Р. 15
Черчилль У. 6, 7, 13–18, 22, 23, 31–55, 58, 60, 61, 68–71, 75, 76, 78–81, 83, 84, 87, 92, 95–104, 108–118, 120–123, 125, 127–130, 133, 136, 142–151, 154, 156–162, 164–167, 173, 174, 178, 179, 181, 182, 188–190, 195–198, 201–204, 207, 208, 211–220, 222, 224, 225, 227, 228, 230, 232, 235, 243–245, 248–254, 256–279, 288, 291, 293, 294, 298, 302, 308–311, 315, 317, 320–322, 330, 333
- Чичерин Г.В.** 320, 330
Чубрилович Б. 85
- Шапошников Б.М.** 324, 332
Шверник Н.М. 49, 92, 140, 334
Швецов Б.Ф. 60
Шекспир У. 65
Шнефельд Р. 246
Шостакович Д.Д. 324
Шоу Б. 195, 277, 280, 281
Штейн Б.Е. 332
Штейнгардт Л. 28, 362
- Щербаков А.С.** 323, 325
- Эванс Э.** 29
Эйзенхауэр Д. 187, 308
Эклэнд Р. 124
Эллиот У. 171
Элмхерст Л. 190, 191
Эренбург И.Г. 324
Эттли К. 11, 52, 61, 100, 101, 104, 119, 122, 223, 229, 293, 298
- Яковлев Н.Д.** 323
- Beaverbrook W.M.** 139
Bebel A. 282
Bevan A. 61
Brooke-Popham 107
- Churchill W. S.** 137, 177
Courtney L. 286
Coward N. 65
- Deutscher** 291
- Eden A.** 138
Engels F. 282
- Foot M.** 99
- Geddes O.** 125
Glassier B. 327
Goebbels 138
- Hess M.** 232, 233
Hitler A. 137, 139, 152, 177–180
Hopkinson H.L. 172

Hull C. 247

Jowitt 125

Kerr A.K. 325

Knox F. 247

Kutuzov M. 180

Lenin V.I. 282

Lieb knecht W. 282

Maisky A. 137, 138, 161

Maisky I. 61

Marx E. 282

Marx K. 281

Matthews P. 291

Mc Naughton A. 160

Molotov V. 138, 139

Mountbatten L. 292

Napoleon 180

Petroff P. 319

Pomeroy 67

Pownall 107

Quellin P. 156

Rackiewicz 292

Roosevelt F. 93

Salisbury F. 294

Shanton Thomas 107

Shaw B. 281

Stalin J. 49, 93, 137, 138, 180, 282

Verduynen J.M. 133

Victoria 296, 301

Wallace 247

Ward B. 291

Wardlaw-Milne J. 143

Welles S. 247

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК	5
1941 год (22 июня – 30 ноября).....	5
1942 год (январь–июль).....	90
1943 год	181
ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ	337
1941 (22 июня – 30 ноября)	337
1942 год (январь–июль).....	345
1943 год.....	355
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	370
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧАСТО УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦАХ.....	372
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	392

Maisky Ivan Mikhailovich

The Diary of the Diplomat. London, 1934 – 1943 : in 2 books / Ivan Mikhailovich Maisky ; Comp. by Yu.A. Nikiforov, L.V. Pozdeeva, O.A. Rzheshesky ; Resp. ed. A.O. Chubarian. – Moscow : Nauka, 2006 – . – (Scientific Heritage ; Vol. 33 : in 2 books). – ISBN 5-02-034011-1.

Book 2, pt. 2 : 1941, June 22 – 1943. – 2009. – 398 p. : ill. – ISBN 978-5-02-036985-6.

Book 2 (Second part) covers activities of Maisky as the Soviet Ambassador in Great Britain till the end of July 1943; it deals too with the beginning of his work as assistant of Foreign Minister of the USSR. New material is given about military cooperation of two countries, their common actions and dissents especially concerning the second front. Interesting are the parts relating to the domestic life of Great Britain, history of Conservative and Labour Parties, position of different members of society: discussions with prominent persons of British culture.

Written in a best literary form his work will attract the attention of professional historians and of many readers interested in the events of our past.

Научное издание

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ
МАЙСКИЙ

ДНЕВНИК ДИПЛОМАТА

Лондон
1934 – 1943

В двух книгах

Книга 2

В двух частях

Часть 2

22 июня 1941 – 1943 год

(Научное наследство. Т. 33, кн. 2, ч. 2)

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Научное наследство»*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.Ф. Лейн*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеполова

Подписано к печати 17.06.2009. Формат 70 × 100^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,0 + 1,11 вкл. Усл.кр.-отт. 35,9. Уч.-изд.л. 38,8
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 1225

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036985-6

9 785020 369856

